THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HD2356
.R9
T85
1900, t.1

JAN 2 3 1973

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/russkaiafabrikav01tuga

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

1
HD2356
.R9
T85
1900
t.1
BR

М. Туганъ-Барановскій.

РУССКАЯ ФАБРИКА

ВЪ

ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

Историко-экономическое изслѣдованіе.

Томъ I.

Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ.

Второе, значительно дополненное изданіе.

Цѣна 3 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
О. Н. ПОПОВОЙ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НЕВСКІЙ ПРОСП., 54.
1900.

РУССКАЯ ФАБРИКА

въ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Историко-экономическое изслѣдованіе.

Томъ I.

Второе, значительно дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича.
Вас. Остр., 5 лин., № 28.
1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой книги вызвало въ Россіи и заграницей довольно много газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ разбору выдвинутыхъ мною положеній. На нѣкоторыя изъ этихъ статей я отвѣтилъ въ прекратившемся теперь журналѣ „Начало“, на другія совсѣмъ не отвѣчалъ. Не думаю, чтобы на мнѣ лежала нравственная обязанность отвѣчать на нихъ въ настоящее время—не думаю потому, что считаю весьма сомнительнымъ, чтобы полемизировавшіе со мною авторы держались и теперь тѣхъ-же взглядовъ, съ которыми они выступали столь недавно. Не думаю, напр., чтобы гг. Николай—онъ, Каблуковъ, Карышевъ и пр. рѣшились и нынѣ поддерживать излюбленный тезисъ своей школы, будто число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства, не растетъ, а по отношенію ко всему населенію Россіи падаетъ. Не думаю далѣе, чтобы кто-либо сталъ теперь отрицать возможность для Россіи переживать промышленные кризисы, въ зависимости не отъ неурожаевъ, а отъ фазисовъ промышленнаго цикла. И вообще не думаю, чтобы теперь можно было серьезно спорить—„предстоитъ“ или „не предстоитъ“ Россіи пойти по пути капиталистическаго развитія. Можно-ли полемизировать о вещахъ ясныхъ и очевидныхъ для всѣхъ? И если можно, то представляетъ-ли какой-либо интересъ такая полемика? Во всякомъ случаѣ не для меня—и, вѣроятно, не для читателя.

Эти соображенія побуждаютъ меня отступить отъ довольно распространеннаго обычая—отвѣчать въ послѣдующихъ изданіяхъ книги на сдѣланныя противъ нея возраженія.

Отвѣтъ за меня дала сама русская жизнь. Въ 1898 г. я писалъ, что мы идемъ къ промышленному кризису, и указалъ на поворотный пунктъ въ развитіи нашихъ промышленныхъ отношеній—именно, на 1896 г., съ какого года на биржѣ стала чувствоваться реакція противъ повышательнаго движенія предшествовавшихъ лѣтъ. И будущее вполнѣ оправдало мое теоретическое предвидѣнье. Въ настоящій моментъ мы переживаемъ тяжелый промышленный кризисъ, который закончится еще не скоро; кризисъ этотъ начался въ годъ хорошаго урожая (1899 г.). Развитіе кризиса совершалось и совершается въ полномъ согласіи съ теоріей кризисовъ, данной мною въ другой моей работѣ „Промышленные кризисы“. Столь же оправдались и другія мои ожиданія—напр., относительно быстраго роста числа фабричныхъ рабочихъ въ Россіи. Полемизировать теперь по поводу всего этого—значило-бы поистинѣ ломиться въ открытую дверь.

Но недавно еще эта дверь была въ общественномъ сознаніи захлопнута весьма плотно,—и отворить ее было не легко. Хотя со времени выхода перваго изданія „Русской фабрики“ прошло немного болѣе двухъ лѣтъ, но уже теперь странно представить, какую бурю возраженій встрѣтили мои, казалось-бы, самыя скромныя, самыя несомнѣнныя утвержденія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ—и не будутъ вѣрить, чтобы можно было серьезно относиться къ тому, что проповѣдывалось подъ флагомъ науки экономистами и публицистами школы гг. В. В. и Николая—она...

Настоящее изданіе выходитъ въ значительно дополненномъ видѣ. Почти всѣ дополненія относятся ко II части, главамъ I, III, IV и V, и имѣютъ своимъ содержаніемъ общую теорію промышленнаго развитія Россіи, исторію современнаго промышленнаго кризиса, связь фабричныхъ рабочихъ съ землей, положеніе кустарной промышленности, новѣйшія направленія нашей общественной мысли по отношенію къ вопросу о русскомъ капитализмѣ. Всѣ эти дополненія занимаютъ около 6 печатныхъ листовъ. Въ то же время я удалилъ изъ новаго изданія около 2 листовъ прежняго текста—главнымъ образомъ, полемику съ гг. Николаемъ — ономъ и Карышевымъ, не представляющую уже теперь прежняго интереса.

Первое изданіе настоящей работы переведено на нѣмецкій языкъ г. Минцесомъ и вышло, какъ приложеніе къ „Zeit-

schrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“ подъ заглавіемъ „Geschichte der russischen Fabrik“ (Berlin. 1900).

Второй томъ „Русской фабрики“ я постараюсь выпустить въ возможно скорѣйшемъ времени.

М. Туганъ-Барановскій.

22 октября 1900 года,
С.-Петербургъ.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Читатель не найдетъ въ этой книгѣ исторіи различныхъ отраслей нашей фабрично-заводской промышленности—ихъ возникновенія, постепеннаго роста, измѣненія техники производства и пр. Я не только не гнался за фактической полнотой такого рода, но и вообще не хотѣлъ писать фактической исторіи. О многихъ фактахъ, приводимыхъ въ каждой книгѣ, такъ или иначе касающейся нашей промышленности, я совсѣмъ не упоминаю; напротивъ, на другихъ фактахъ, рѣдко или совсѣмъ не приводимыхъ въ подобныхъ книгахъ, я останавливаюсь иногда очень подробно.

Моя задача заключалась въ достаточно отчетливомъ, но безъ излишнихъ деталей, изображеніи постепеннаго измѣненія внутренняго строя русской фабрики подъ вліяніемъ измѣненія общественно-экономической среды. Мнѣ хотѣлось показать, какимъ образомъ первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почвѣ экономическихъ условій петровской Россіи, превратилась въ теченіе XVIII в. въ дворянскую фабрику, основанную на принудительномъ трудѣ; какъ эта послѣдняя постепенно отмирала въ Николаевскую эпоху и замѣщалась новѣйшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей изъ кустарной избы; какъ измѣнялся въ различныя эпохи составъ фабрикантскаго класса и слагался классъ фабричныхъ рабочихъ. Я старался обрисовать взаимныя отношенія крупной и мелкой промышленности въ крѣпостной Россіи, когда русская фабрика еще почти не знала

машины, и въ наше время—время господства машины. Признавая, что „не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія", я разсматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ. Касаясь законодательной дѣятельности государства, я поставилъ себѣ задачей не столько критику тѣхъ или иныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, сколько выясненіе дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Вообще эта книга преслѣдуетъ лишь чисто научную цѣль—объясненія реально существующихъ фактовъ.

Такова была моя цѣль; другой вопросъ, насколько она была достигнута. Оговорюсь, во избѣжаніе недоразумѣній, что настоящая книга отнюдь не претендуетъ на изображеніе развитія всей нашей крупной промышленности въ ея цѣломъ. Горнозаводской промышленности я совсѣмъ почти не касался; исторія горныхъ заводовъ такъ отлична во многихъ отношеніяхъ отъ исторіи фабрики (укажу, хотя-бы, на отсутствіе серьезной конкуренціи кустарной промышленности съ горными заводами), что я считалъ возможнымъ совсѣмъ обойти этотъ вопросъ въ предлагаемой вниманію читателя книгѣ.

Далѣе я ограничилъ свое изслѣдованіе собственно Россіей и, какъ общее правило, совсѣмъ не затрогивалъ исторіи польской промышленности. По очень многимъ вопросамъ мнѣ пришлось еще болѣе сузить область изслѣдованія: такъ какъ моя цѣль заключалась въ выясненіи типическихъ чертъ развитія русской фабрики, то я считалъ себя въ правѣ ограничиться изученіемъ этого развитія въ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что такое ограниченіе нерѣдко требовалось и свойствомъ матеріала, которымъ я располагалъ.

Наконецъ я долженъ обратить вниманіе читателя, что выпускаемая книга только первый томъ задуманнаго мною труда. Въ этомъ первомъ томѣ я хочу обрисовать въ общихъ чертахъ исторію русской фабрики. Современное состояніе фабрики и фабричнаго рабочаго, географическое размѣщеніе нашей фабричной промышленности, условія конкуренціи фабрики съ кустаремъ (значеніе связи кустаря съ землей), продолжительность работы въ разныхъ отрасляхъ труда, работа

женщинъ и дѣтей, экономическое положеніе современнаго фабричнаго рабочаго и многое другое—все это должно войти во второй томъ. Тамъ же я предполагаю теоретически разобрать вопросъ о значеніи фабрики въ строѣ русской жизни вообще и подробно остановиться на вопросѣ о „судьбахъ нашего капитализма“. Первый томъ имѣетъ своимъ предметомъ лишь исторію, правда, доводимую до самаго новѣйшаго времени.

17 марта 1898 г.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

СТРАН.

Фабрика въ XVIII вѣкѣ. Важность торговаго капитала въ экономическомъ и общественномъ строѣ Московской Руси.—Торговый капитализмъ и петровскія фабрики.—Фабриканты изъ купеческаго класса.—Экономическая и соціальная необходимость торгово-промышленной политики Петра.—Невозможность капиталистической фабрики въ петровскую эпоху.—Трудность доставать рабочія руки.—Закрѣпощеніе фабричнаго рабочаго.—Послѣдствія этого.—Сокращеніе привилегій фабрикантовъ по мѣрѣ роста дворянскаго вліянія.—Лишеніе фабрикантовъ права покупки крестьянъ къ фабрикамъ.—Измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса.—Противоположность интересовъ дворянства и купечества въ Екатерининской комиссіи. — Враждебное отношеніе къ купцамъ-фабрикантамъ дворянства и средняго купечества.—Домогательства купечества. — Отношеніе къ фабрикантамъ правительства.—Усиленіе враждебнаго фабрикантамъ теченія при Екатеринѣ.—Защита дворянствомъ свободы крестьянскихъ промысловъ.—Быстрый ростъ фабричной и кустарной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка.—Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустаремъ въ это время. . . . 1

ЧАСТЬ I.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

Глава I.

Развитіе промышленности въ дореформенной Россіи. Возникновеніе у насъ хлопчатобумажнаго производства.—Его необыкновенно быстрый ростъ.—Причины этого.—Капиталистическій характеръ нашего хлопчатобумажнаго производства и его связь съ бумагопрядильнымъ производствомъ Англіи.—Слабость правительственной поддержки. — Промышленный кризисъ конца 30-хъ годовъ.—Кризисъ полотноткацкаго производства 30—40 годовъ.—Размѣры этого кризиса.—Освобожденіе суконной промышленности отъ подчиненія государству.—Ростъ числа

СТРАН.

фабричныхъ рабочихъ и концентрація производства до 40-хъ годовъ; измѣненіе направленія развитія послѣ этого времени.—Желѣзодѣлательная промышленность и ея застой.—Связь съ крѣпостнымъ правомъ. 59

Глава II.

Фабрика съ наемнымъ трудомъ. Разрѣшеніе императоромъ Павломъ покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Ничтожныя послѣдствія этой мѣры.—Значеніе вольнонаемнаго труда въ различныхъ отрасляхъ фабричнаго производства дореформенной Россіи.—Преобладаніе свободнаго труда въ новыхъ фабрикахъ и принудительнаго труда въ старыхъ.—Окончательное запрещеніе покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Развитіе новой, капиталистической фабрики.—Относительное сокращеніе числа дворянскихъ фабрикъ.—Составъ фабричныхъ рабочихъ.—Кабальные рабочіе.—Фабричная работа питомцевъ Воспитательнаго дома.—Измѣненіе состава фабрикантскаго класса.—Новый капиталистъ—крестьянскій выходецъ.—Фабриканты и кустари.—Крѣпостные фабриканты.—Отношеніе правительства къ развитію капитализма въ крестьянской средѣ. 84

Глава III.

Вотчинная и поссессіонная фабрика. Вотчинная фабрика.—Уменьшеніе числа фабрикъ съ принудительнымъ трудомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.—Рабочіе изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.—Отношеніе правительства къ вотчиннымъ фабрикамъ.—Поссессіонная фабрика.—Элементы, изъ которыхъ образовался классъ поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ.—Положеніе рабочихъ на различныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ.—Мѣропріятія правительства по отношенію къ поссессіоннымъ фабрикамъ.—Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1811 г.—„Положенія“ важнѣйшихъ поссессіонныхъ фабрикъ.—Измѣненіе взглядовъ правительства на желательность сохраненія поссессіонныхъ фабрикъ.—Неудобства поссессіоннаго владѣнія.—Упадокъ поссессіонной фабрики.—Законодательныя мѣры.—Ликвидація поссессіоннаго фабричнаго владѣнія.—Положеніе бывшихъ фабричныхъ крестьянъ при переходѣ въ свободное состояніе. 104

Глава IV.

Волненія поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ. Волненія рабочихъ на разныхъ фабрикахъ.—Большая Ярославская мануфактура.—Частичные успѣхи рабочихъ.—Фабрика Осокина.—Упорство рабочихъ.—Жестокія наказанія рабочихъ.—Волненія на Фряновской и Купавинской фабрикахъ.—Красносельская фабрика.—Попытка устройства производительной ассоціаціи.—Другіе примѣры волненій.—Отношеніе къ нимъ центральныхъ и мѣстныхъ властей. 141

СТРАН.

Глава V.

Дореформенное фабричное законодательство. Проектъ 1811 г. учрежденія особаго сословія фабричныхъ мастеровыхъ.—Жалобы фабрикантовъ на оставленіе крѣпостными работъ.—Проектъ 1832 г. кн. Голицына.—Сочувственное отношеніе Голицына къ рабочимъ.—Оппозиція проекту московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ.—Законъ 1835 г.—Мѣры министерства финансовъ къ улучшенію положенія фабричныхъ рабочихъ.—Оппозиція фабрикантовъ.—Полный неуспѣхъ этихъ мѣръ.—Первый законъ, ограничивавшій работу малолѣтнихъ, 1845 г.—Его странная судьба.—Проектъ кн. Щербатова.—Проектъ гр. Закревскаго.—Правила Закревскаго для фабричной работы въ Москвѣ.—Отношенія къ этимъ правиламъ мануфактурнаго совѣта и министерства финансовъ.—Дальнѣйшая судьба этихъ правилъ. 167

Глава VI.

Заработная плата. Заработная плата на поссессіонныхъ текстильныхъ фабрикахъ въ Московской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ въ 1803 г.—Фряновская фабрика.—Купавинская фабрика.—Большая Ярославская Мануфактура.—Плата рабочимъ на владимірскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 50-хъ годахъ.—Повышеніе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ труда, кромѣ хлопчатобумажнаго производства.—Мнѣніе Гакстгаузена о заработной платѣ въ Россіи.—Причины высокаго уровня платы фабричныхъ рабочихъ въ николаевской Россіи 185

Глава VII.

Фабрика и кустарная изба. Связь между фабричной и кустарной промышленностью. — Возникновеніе кустарной промышленности подъ вліяніемъ фабрики.—Кустарная набойка и ткачество въ селѣ Ивановѣ.—Превращеніе фабрики въ фабричную контору.—Ростъ „самостоятельнаго“ кустарнаго производства.—Значеніе въ этомъ отношеніи фабрики.—„Самостоятельные“ ткачи-кустари въ Ивановѣ.—Базарная торговля миткалемъ.—Жалобы фабрикантовъ на „недобросовѣстность“ домашнихъ ткачей.—Попытки фабрикантовъ задержать развитіе домашняго ткачества.—Отношеніе министерства финансовъ къ кустарной промышленности.—Законъ 1846 года относительно раздачи работы на домъ.—Развитіе кустарнаго ткачества въ Николаевскую эпоху.—Распаденіе полотняныхъ фабрикъ.—Жалобы полотняныхъ фабрикъ на конкуренцію кустарей.—Распаденіе суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ.—Кустарная обработка пеньки.—Роль фабрики въ развитіи кустарныхъ промысловъ,по обработкѣ металловъ.—Наблюдаемое во многихъ промыслахъ раздробленіе производства.—Развитіе кустарныхъ промысловъ Московской губерніи.—Роль крѣ-

СТРАН.

постного права въ развитіи кустарныхъ промысловъ.—Эволюція отдѣльныхъ отраслей промышленности—бумаготкацкой и ситцепечатной.—Общая характеристика состоянія кустарнаго производства и его внутренняго строя въ Николаевскую эпоху 210

Глава VIII.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ. Протекціонисты и фритредеры Александровской эпохи.—Книга Мордвинова.—„Духъ журналовъ".—Восхваленіе преимуществъ земледѣлія передъ фабричной промышленностью. — Распространеніе фритредерскихъ взглядовъ въ обществѣ.—Отношенія къ фабрикѣ славянофиловъ.—Ихъ симпатіи къ кустарному производству.—Книга Гакстгаузена.—Идеализація русскаго промышленнаго строя. — Невѣрное представленіе о строѣ кустарныхъ промысловъ. — Сочувствіе крѣпостному праву и поссессіонной фабрикѣ.—Своеобразный сенъ-симонизмъ.—Взгляды на фабрику западниковъ.—Отношеніе къ фабрикѣ гр. Канкрина, и вообще Николаевской бюрократіи.—Фабричная идиллія 40-хъ годовъ.—Различіе между теоретическими взглядами и практическимъ отношеніемъ власти къ фабрикантамъ въ Николаевскую эпоху 265

ЧАСТЬ II.

ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

Глава I.

Развитіе фабричной промышленности въ новѣйшее время. Вліяніе реформы 19 февраля на различныя отрасли фабричной промышленности.—Вызванный этой реформой рабочій кризисъ.—Періодическія колебанія нашей промышленности.—Упадокъ ярмарочной торговли.—Промышленные кризисы.—Мнѣніе г-на—она о связи кризисовъ съ неурожаями.—Ростъ чугуноплавильнаго производства.—Отчего зависитъ промышленный подъемъ новѣйшаго времени.—Современный промышленный кризисъ.—Его причины.—Движеніе курсовъ биржевыхъ бумагъ.—Дисконтный процентъ.—Откуда явилась нужда въ деньгахъ.—Застой въ разныхъ отрасляхъ промышленности зимой 1899—1900 года.—Состояніе желѣзодѣлательной промышленности.—Вопросъ о рынкѣ для русской промышленности.—Рынокъ въ странѣ съ развивающимся денежнымъ хозяйствомъ.—Ростъ числа фабричныхъ рабочихъ въ Россіи.—Концентрація производства.—Что тормозитъ въ Россіи успѣхи капиталистическаго производства. 307

Глава II.

Новѣйшее фабричное законодательство. Проекты комиссій при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ и при министерствѣ

СТРАН.

финансовъ подъ предсѣдательствомъ Штакельберга.—Отношеніе фабрикантовъ петербургскихъ и центральнаго района къ законодательной охранѣ малолѣтнихъ рабочихъ.—Отзывы разныхъ лицъ: Хлудовыхъ, графа Баранова и другихъ.—Проекты 70-хъ годовъ.—Постановленіе съѣзда машиностроителей 1875 года.—Законъ 1882 года.—Послѣдующіе законы.—Связь ихъ съ промышленнымъ кризисомъ 80-хъ годовъ.—Почему московскіе фабриканты противятся законодательному ограниченію времени работы, а петербургскіе настаиваютъ на таковомъ.—Ходатайство лодзинскихъ фабрикантовъ 1894 года.—Отношеніе московскаго общества содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности къ нормировкѣ рабочаго дня.—Законъ 2 іюня 1897 года. 385

Глава III.

Заработная плата. Вліяніе реформы 19 февраля на заработную плату.—Повышеніе платы и послѣдующее паденіе ея.—Рабочіе на ивановскихъ фабрикахъ по отзыву Я. Гарелина.—Сравненіе заработной платы въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 50-хъ и 80-хъ годахъ. — Паденіе реальной заработной платы. Заработная плата на московскихъ фабрикахъ.—Измѣненіе заработной платы въ новѣйшее время.—Современный фабричный рабочій по изслѣдованіямъ г. Дементьева и другихъ московскихъ земскихъ статистиковъ.—Обособленіе фабричныхъ рабочихъ въ особый общественный классъ.—Обслѣдованіе г. Шестаковымъ рабочихъ на фабрикѣ Цинделя.—Связь съ землей.—Въ чемъ эта связь заключается у различныхъ группъ рабочихъ. Значеніе этой связи съ землей. 431

Глава IV.

Борьба фабрики съ кустаремъ. Измѣненіе условій конкуренціи фабричной и домашней промышленности въ новѣйшее время.—Сокращеніе числа домашнихъ рабочихъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ.—Паденіе ручного ткачества въ разныхъ отрасляхъ труда.—Раздробленіе производства—чѣмъ оно вызывается.—Металлическіе кустарные промыслы.—Гвоздарный промыселъ.—Павловскіе замочники.—Почему въ Павловѣ кустарная мастерская становится мельче, а въ Загарьѣ крупнѣе.—Упадокъ лѣсныхъ промысловъ.—Значеніе вздорожанія сырья.—Гончарничество.—Щеточный промыселъ Московской губ. — Развитіе новыхъ промысловъ подъ вліяніемъ фабрики.—Экскурсія въ область англійскихъ экономическихъ отношеній.—Англійскіе кустарные промыслы.—Сходство положенія англійскаго и русскаго кустаря.—Взгляды англичанъ на способы борьбы со зломъ домашней системы.—Бѣгство мужика изъ деревни въ городъ.—Чѣмъ оно вызывается, по отзывамъ мѣстныхъ наблюдателей.—Вліяніе отхода на экономическое положеніе населенія въ Костромской губ.—

СТРАН.

Отходъ и грамотность въ Костромской и Ярославской губерніяхъ 452

Глава V.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ въ новѣйшее время. Фритредеры 60-хъ годовъ.—Отличіе ихъ отъ фритредеровъ крѣпостной эпохи.—Отношеніе къ фабрикѣ.—Симпатіи къ капитализму.—Взгляды „Современника“ на фабрику и кустарное производство.—Книги Корсака и Флеровскаго.—Артельныя увлеченія.—Обсужденіе фабричныхъ вопросовъ на 1-мъ Всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ.—Взгляды „Отечественныхъ Записокъ“ 70-хъ годовъ.—Отношеніе къ фабрикѣ г. Михайловскаго.—Книга г. В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи“.—Народничество.—Г. Николай—онъ и г. В. В.—Почему народничество не имѣетъ у насъ успѣха.—Отношеніе къ капитализму различныхъ направленій русской жизни.—Классовое представительство аграрныхъ интересовъ.—На чемъ основывается промышленная политика новѣйшаго времени 517

ВВЕДЕНІЕ.

Фабрика въ XVIII вѣкѣ.

Важность торговаго капитала въ экономическомъ и общественномъ строѣ Московской Руси.—Торговый капитализмъ и петровскія фабрики.—Фабриканты изъ купеческаго класса.—Экономическая и соціальная необходимость торгово-промышленной политики Петра.—Невозможность капиталистической фабрики въ петровскую эпоху.—Трудность доставать рабочія руки.—Закрѣпощеніе фабричнаго рабочаго.—Послѣдствія этого.—Сокращеніе привилегій фабрикантовъ по мѣрѣ роста дворянскаго вліянія.—Лишеніе фабрикантовъ права покупки крестьянъ къ фабрикамъ.—Измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса.—Противоположность интересовъ дворянства и купечества въ Екатерининской комиссіи.—Враждебное отношеніе къ купцамъ-фабрикантамъ дворянства и средняго купечества.—Домогательства купечества.—Отношеніе къ фабрикантамъ правительства.—Усиленіе враждебнаго фабрикантамъ теченія при Екатеринѣ.—Защита дворянствомъ свободы крестьянскихъ промысловъ.—Быстрый ростъ фабричной и кустарной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка.—Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустаремъ въ это время.

Одинъ тонкій наблюдатель русской жизни конца XVIII и начала XIX вѣка слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ коренную особенность русскаго промышленнаго строя той эпохи и его основное отличіе отъ западно-европейскаго: „Небрежность, съ которой работаютъ (русскіе) ремесленники, — говоритъ онъ, — отчасти зависитъ отъ крайне страннаго устройства, не наблюдающагося, быть можетъ, въ такомъ же родѣ, ни въ какой другой странѣ. Русскіе ремесленники, за исключеніемъ большихъ городовъ, ничего не принимаютъ на заказъ, но все изготовляютъ для продажи — башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другіе предметы одѣянія, шубы, постели, одѣяла, столы, стулья—короче, всевозможные предметы. Всѣ эти вещи ремесленники поставляютъ за опредѣленную плату купцамъ, которые ихъ и продаютъ въ своихъ магазинахъ.

Внутри Россіи очень рѣдко можно что-нибудь сдѣлать на заказъ; въ случаѣ какой-нибудь надобности, нужно идти въ лавки или магазины, помѣщающіеся, обыкновенно, въ одномъ мѣстѣ. Но зато въ этихъ лавкахъ можно купить все, что̀ угодно; и къ тому же на треть дешевле, чѣмъ у ремесленниковъ, берущихъ работу на заказъ“ [1]).

Шторхъ былъ, въ свое время, лучшимъ знатокомъ экономической жизни Россіи и не менѣе знакомъ съ хозяйственнымъ строемъ Западной Европы. Поэтому его наблюденіе весьма характерно. Очевидно, въ организаціи русскаго мелкаго производства была особенность, не встрѣчавшаяся на Западѣ, и потому бросавшаяся въ глаза западно-европейцу. Этой особенностью являлась выдающаяся роль въ нашемъ мелкомъ производствѣ торговца, купца. Я не буду останавливаться на огромномъ значеніи торговаго капитала какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ и общественномъ строѣ допетровской Россіи. Этотъ вопросъ достаточно разъясненъ нашими историками — Соловьевымъ, Костомаровымъ, Ключевскимъ и др. Корсакъ, въ своей превосходной книгѣ „О формахъ промышленности въ Западной Европѣ и Россіи“ отмѣтилъ этотъ фактъ и далъ ему вполнѣ вѣрное объясненіе и оцѣнку. При рѣдкости населенія и ничтожномъ количествѣ городовъ въ Московской Руси, торговецъ являлся необходимымъ посредникомъ между производителемъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ деревенскимъ кустаремъ) и потребителемъ. Торговецъ не могъ не быть крупной фигурой въ общественной и экономической жизни Россіи стараго времени. Уже въ XVII вѣкѣ кустарь былъ въ рукахъ торговца, владѣвшаго рынкомъ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе представленія о Московской Руси, какъ о государствѣ исключительно земледѣльческомъ, почти не имѣвшемъ торговли. Наоборотъ, всѣхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ XVII вѣкѣ въ Москву, поражало развитіе торговли въ этомъ городѣ и вообще склонность русскихъ къ торговлѣ [2]).

Можно было бы привести сколько угодно цитатъ изъ ино-

---

[1]) Heinrich Storch. „Historisch-Statistische Gemälde des Russischen Reichs“. 1799, III, 178—179.

[2]) Объ этомъ подробно говоритъ Костомаровъ: „По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшіе у насъ послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія... занимаются торговлей“. Костомаровъ. „Очерки торговли Московскаго государства“. Спб. 1862 г., стр. 136.

странныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ, выражавшихъ удивленіе передъ энергичной торговой жизнью Москвы. Ограничусь отзывами двухъ путешественниковъ, сочиненія которыхъ являются главнымъ иностраннымъ источникомъ для изученія русской торговли временъ Алексѣя Михайловича—де-Родеса и Кильбургера. Де-Родесъ, посѣтившій Москву въ 1653 г., пишетъ: „Достаточно всѣмъ извѣстно, что всѣ постановленія этой страны направлены на коммерцію и на торгъ, въ чемъ удостовѣряетъ ежедневный опытъ, потому что всѣ здѣсь, отъ высшаго до низшаго, только и думаютъ, только и стараются, какъ бы чѣмъ-либо нажиться... Въ этомъ отношеніи русская нація гораздо дѣятельнѣе всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ“ [1]). То же говоритъ и Кильбургеръ: „Всѣ жители Москвы, начиная отъ знатнѣйшихъ до послѣднихъ, любятъ торговлю; въ Москвѣ болѣе лавокъ, чѣмъ въ Амстердамѣ или даже цѣломъ иномъ государствѣ... Болѣе всего замѣчательно и похвально въ Москвѣ то, что для каждаго рода товаровъ, отъ самыхъ лучшихъ до худшихъ, есть особые улицы и рынки. Торгующіе шелкомъ имѣютъ свои особые ряды, равно какъ и продающіе пряные коренья, лакъ, шапочники, оловянщики, мѣдники, скорняки, сапожники и пр.“ [2]).

Крупные торговцы (Гостиная и Суконная сотни и особенно „гости“) являлись однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ общественныхъ элементовъ Московской Руси. Особенно усилилось политическое значеніе представителей крупнаго торговаго капитала въ эпоху Алексѣя Михайловича. „Новоторговый Уставъ“, изданный, какъ указано въ самомъ Уставѣ, „по челобитью Московскаго государства гостей и гостиныхъ сотенъ и черныхъ слободъ торговыхъ людей“ [3]), былъ яркимъ выраженіемъ вліянія купеческаго капитала на законодательную дѣятельность Московскаго государства.

Гости были весьма крупными капиталистами для своего времени. По словамъ Котошихина, торговые обороты гостей достигали отъ 20—100 тысячъ рублей въ годъ [4]). Если принять въ

---

[1]) Де-Родесъ. „Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г.“. Пер. И. Бабста. „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій“, т. V, 1858 г., стр. 234.

[2]) І. Ф. Кильбургеръ. „Краткое извѣстіе о русской торговлѣ“. Пер. Языкова. Спб. 1820 г., стр. 10, 188.

[3]) П. С. З. I собр., т. I, 408.

[4]) „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, соч. Григорія Котошихина. Изд. 3. Спб. 1884 г., стр. 157.

соображеніе цѣнность денегъ тогда и теперь, то эти обороты слѣдуетъ признать милліонными; отсюда можно заключить о степени концентраціи торговаго капитала въ Москвѣ задолго до Петровской эпохи. Какимъ экономическимъ и политическимъ вліяніемъ пользовались гости, можно судить по слѣдующей характеристикѣ ихъ, данной современникомъ: „Гости неограниченно управляютъ торговлей во всемъ государствѣ. Это корыстолюбивое и вредное сословіе... Во всѣхъ большихъ городахъ опредѣляютъ они по одному, по два и по три человѣка изъ живущихъ тамъ лучшихъ купцовъ, которымъ, подъ видомъ царскихъ факторовъ, даютъ привилегіи гостей. По корыстолюбію своему стѣсняютъ они вездѣ, большей частью, торговлю. Простые купцы замѣчаютъ и знаютъ это очень хорошо, почему и говорятъ дурно о гостяхъ. Въ случаѣ какого возмущенія, опасаться надобно, чтобы народъ не сломилъ шеи всѣмъ гостямъ... Они безпрестанно стараются... чтобы имъ только однимъ быть господами и набивать свои карманы“ [1]).

Итакъ въ торговлѣ крупный капиталъ игралъ очень большую роль уже въ Московской Руси. Напротивъ, въ промышленности неограниченно царило мелкое производство. Если не считать нѣкоторыхъ единичныхъ попытокъ устройства фабрикъ и заводовъ въ XVI и XVII вѣкѣ иностранцами и изрѣдка богатыми боярами при поддержкѣ правительства, то можно сказать, что допетровская Русь совсѣмъ не знала фабричнаго производства. Торговый капитализмъ у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, предшествовалъ промышленному капитализму.

Нашъ старинный капиталистическій классъ—купечество—не обнаруживалъ никакой наклонности захватить въ свои руки производство. Купецъ предпочиталъ скупать, владѣя рынкомъ, продукты труда мелкаго производителя и держать послѣдняго въ полной зависимости отъ себя, не обращая его въ наемнаго рабочаго. И эта характерная особенность допетровскаго капитализма ярко выразилась въ томъ, что московское купечество въ XVI и XVII вѣкѣ упорно добивалось возможно болѣе широкой свободы привоза иностранныхъ товаровъ. „Новоторговый Уставъ“ проникнутъ духомъ свободной торговли. Капиталистъ-торговецъ не стремился сдѣлаться промышленникомъ и предпочиталъ свободно покупать товаръ на самомъ дешевомъ рынкѣ.

При Петрѣ, при непосредственномъ участіи правительства, въ

---

[1]) Кильбургеръ, 156. Также отзывается о гостяхъ и де-Родесъ, 248.

Россіи возникаетъ крупное производство. У насъ любятъ говорить объ „искусственномъ“ происхожденіи нашей фабричной промышленности. По мнѣнію Корсака, самымъ естественнымъ въ положеніи Петра была „организація тѣхъ мѣстныхъ и наиболѣе распространенныхъ промысловъ, издѣлія которыхъ и прежде имѣли довольно обширный сбытъ. Тѣ же ссуды, тѣ же жертвы правительства, которыя оно дѣлало для обогащенія отдѣльныхъ лицъ... оно могло бы обратить на цѣлыя села, деревни и города... Вмѣсто того чтобы простыхъ ремесленниковъ... дѣлать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сдѣлать ихъ самихъ фабричными предпринимателями...—и вмѣсто того, чтобы строить на счетъ казны фабрики и отдавать ихъ потомъ купцамъ и помѣщикамъ, не лучше ли было бы отдавать ихъ цѣлымъ мѣстностямъ, которыя были заняты тѣмъ же промысломъ; слѣдовало бы обратиться къ живымъ народнымъ силамъ и имъ дать возможность къ дальнѣйшему развитію, а не давить ихъ монополіей... Искусственно воздвигнутыя фабрики не находили рабочихъ... Новая форма промышленности была рѣшительно противоположна всѣмъ народнымъ привычкамъ и формамъ жизни“ [1]).

Эта мысль—что Петръ направилъ развитіе нашей промышленности по ложному пути, придалъ ей „искусственный“ характеръ насажденіемъ крупнаго производства — стала общимъ мѣстомъ въ нашей литературѣ. Обыкновенно исторія русской промышленности изображается въ слѣдующемъ видѣ. До Петра у насъ господствовало мелкое производство, и не было элементовъ для капиталическаго хозяйства. Со времени Петра правительство, жертвуя интересами мелкой промышленности, „искусственными“ мѣрами насаждаетъ у насъ капитализмъ, всячески поддерживая и поощряя капиталистическія предпріятія, хотя они и не соотвѣтствуютъ нашимъ экономическимъ условіямъ. Если бы правительство держалось иной торгово-промышленной политики, то и результаты нашего экономическаго развитія были бы совершенно иные, къ выгодѣ огромнаго большинства нашего народа. На Петра падаетъ вина перваго шага по тому гибельному пути, которымъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно шествуетъ русское правительство, поощряя капитализмъ.

Итакъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ нашего капитализма является его „искусственность“. Послѣ Корсака аргументъ этотъ повторялся сотни разъ (объ „искусственности“ на-

---

[1]) Корсакъ. „О формахъ помышленности“. Москва, 1861 г., стр. 128, 129.

шего капитализма говоритъ, между прочимъ, и г. Милюковъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры"), но отъ этого онъ отнюдь не сдѣлался сильнѣе. Однако его неизмѣнно выдвигаютъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: очевидно, на кого-то онъ дѣйствуетъ, кому-то кажется убѣдительнымъ.

Разберемъ же смыслъ этого аргумента. Противоположеніе естественнаго порядка искусственному ведетъ свое начало въ экономическихъ построеніяхъ съ XVIII вѣка, отъ физіократовъ. Физіократы вѣрили, что существуетъ естественный порядокъ вещей, совершенный во всѣхъ отношеніяхъ; этотъ естественный порядокъ будетъ достигнутъ, когда государство откажется отъ руководительства частной жизнью гражданъ и предоставитъ имъ полную свободу въ частной дѣятельности. Отсюда знаменитая формула: „laissez faire, laissez passer". Буржуазная экономическая наука первой половины нашего вѣка, отстаивавшая формулу „laissez faire", часто разсуждала объ „искусственности" и „естественности". Всѣ эти разсужденія прикрывали собою стремленіе освободить капитализмъ отъ средневѣковыхъ узъ, стѣснявшихъ его развитіе. Защитники „естественности" были вмѣстѣ съ тѣмъ горячими сторонниками капитализма, его апологетами и диѳирамбистами. Объ этихъ господахъ Марксъ замѣтилъ очень мѣтко и справедливо: „Экономисты разсуждаютъ весьма своеобразно. У нихъ есть два рода учрежденій — искусственныя и естественныя. Учрежденія феодализма суть искусственныя учрежденія, учрежденія буржуазіи—естественныя... Когда экономисты говорятъ, что существующія отношенія — отношенія буржуазнаго производства — естественны, то этимъ они даютъ понять, что это такія отношенія, при которыхъ производство богатства и развитіе производительныхъ силъ совершается согласно естественнымъ законамъ. Эти отношенія, по ихъ мнѣнію, суть независимые отъ вліянія времени законы природы. Это—вѣчные законы, которые всегда будутъ управлять обществомъ. Иными словами, раньше была исторія, теперь же ея нѣтъ".

У насъ, благодаря иной общественной обстановкѣ, о „естественности" и „искусственности" разговариваютъ не друзья, а именно „враги" капитализма. Для нашихъ самобытныхъ экономистовъ, такъ же, какъ для экономистовъ Запада, есть два рода учрежденій—естественныя и искусственныя. Естественныя учрежденія— это остатки нашего ancien régime — община, артель, кустарные промыслы; искусственныя учрежденія — категоріи буржуазнаго

строя, капитализмъ. Роли перемѣнились. То, что отсталые экономисты Запада называли искусственнымъ, отсталые экономисты Востока называютъ естественнымъ, и обратно.

— И тѣ, и другіе одинаково неправы. Отношенія капиталистическаго производства столь же естественны, какъ и отношенія крѣпостного производства; отношенія капиталистическаго производства столь же искусственны, какъ и крѣпостныя отношенія производства.

Все дѣло въ томъ, что отсталые экономисты не могутъ понять очень простой вещи: раздѣленіе общественныхъ учрежденій на естественныя и искусственныя ровно ничего не выражаетъ, и споръ объ „естественности“ и „искусственности“ есть споръ совершенно праздный. На Западѣ, впрочемъ, это уже давно поняли, и такихъ экономистовъ, о какихъ говоритъ Марксъ, тамъ больше не существуетъ. А вотъ у насъ никакъ понять не могутъ...

Къ сожалѣнію, приходится признать, что наша экономическая наука въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошла назадъ со времени Чернышевскаго. Его ученики умѣли только повторять слова учителя, ничему новому не научились и очень многое изъ стараго успѣли основательнѣйшимъ образомъ забыть. Забыта, между прочимъ, и превосходная статья Чернышевскаго въ „Современникѣ“ за 1860 годъ — „Капиталъ и трудъ“. Въ этой статьѣ современные отсталые экономисты могли бы найти для себя много поучительнаго.

Статья посвящена доказательству нелѣпости раздѣленія общественныхъ явленій на естественныя и искусственныя. „Почитатель Бастіа,—говоритъ Чернышевскій,—который особенно много разыгрывалъ варіацій на слово „искусственность“, г. Горловъ забылъ, что искусственнымъ образомъ не производится въ общественной жизни ровно ничего, а все создается естественнымъ образомъ. Дѣло не въ томъ, чтобы сказать: „это естественно“, а въ томъ, чтобы разобрать, ко вреду или пользѣ общества это служитъ. Вѣдь и протекціонная система—явленіе совершенно естестественное въ извѣстныхъ обстоятельствахъ... Обыкновенно называютъ естественнымъ экономическимъ порядкомъ такой, который входитъ въ общество самъ собою, незамѣтно, безъ помощи законодательной власти, и держится точно такъ же. Опредѣленіе прекрасное—только жаль, что ни одно важное экономическое учрежденіе не подходитъ подъ него. Напримѣръ, введеніе свободной торговли вмѣсто протекціонной системы, конечно, представляетъ, по мнѣ-

нію всѣхъ отсталыхъ экономистовъ, возвращеніе къ естественному порядку отъ искусственнаго. Какимъ же образомъ оно происходитъ?“ И Чернышевскій доказываетъ, что для этого требуется вмѣшательство государственной власти, т.-е., что и это есть явленіе искусственное.

Спрашивается, далеко ли ушли отсталые экономисты нашего времени (ученики Чернышевскаго) отъ отсталыхъ экономистовъ 60-хъ годовъ? И не обнаружили ли ученики самаго постыднаго забвенія словъ учителя?

Когда экономистъ 60-хъ годовъ Горловъ защищалъ естественный порядокъ,—это имѣло смыслъ. Взгляды Горлова опирались на своеобразное теологически-натуралистическое міровоззрѣніе, унаслѣдованное отъ XVIII вѣка. По словамъ Горлова, „естественные законы установлены тою же великою силою, которая управляетъ цѣлымъ міромъ; слѣдовательно, по натурѣ своей они не могутъ быть бѣдственны и разрушительны, и разсмотрѣніе ихъ всегда можетъ сдѣлаться достойнымъ предметомъ весьма важной науки“. Но для тѣхъ, кто не вѣритъ въ провиденціальный смыслъ формулы laissez faire, рѣшительно непонятно, почему „естественныя учрежденія“ предпочтительнѣе „искусственныхъ“.

Въ чемъ же заключается смыслъ глубокомысленныхъ разсужденій объ искусственномъ происхожденіи нашего капитализма? Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что безъ дѣятельной поддержки правительства наша промышленность не могла бы развиваться. Но развѣ это доказываетъ, что въ Россіи капиталистическое производство встрѣчало менѣе благопріятныя условія для своего развитія, чѣмъ въ другихъ странахъ? Повидимому, въ этомъ и заключается сила разсматриваемаго аргумента. На Западѣ капитализмъ развивался „естественно“, самъ собою, у насъ же онъ—чужеземное растеніе, отвергаемое русской почвой и поддерживаемое лишь „искусственными“ мѣрами правительства. Такъ, повидимому, думаютъ наши отсталые экономисты.

Они забываютъ при этомъ самую малость: то, чего не существуетъ ни одной страны въ мірѣ, на Западѣ или на Востокѣ—все равно, гдѣ капитализмъ развился бы безъ дѣятельной поддержки правительства. Съ этой точки зрѣнія капитализмъ развился „искусственно“ повсюду, гдѣ онъ процвѣтаетъ—въ Англіи, Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ и т. д. Остается одно изъ двухъ: или признать, что капитализмъ во всемъ мірѣ есть явленіе „искусственное“, или оставить праздный разговоръ объ искусственности

или естественности. Впрочемъ, иные изъ нашихъ „враговъ капитализма“ не отступятъ передъ первой альтернативой. Утверждалъ же г. Л. Оболенскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что во обще капитализмъ въ міровой исторіи есть нѣчто въ родѣ несчастной случайности. Впрочемъ, съ г. Оболенскаго и требовать нечего...

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что крупное производство возникло въ Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства. До Петра у насъ почти не существовало крупныхъ промышленныхъ предпріятій, а послѣ него насчитывалось уже 233 казенныхъ и частныхъ фабрикъ и заводовъ [1]). Какъ я говорилъ, несмотря на развитіе торговли въ Московскомъ государствѣ, производство въ допетровской Руси оставалось мелкимъ. Мелкій производитель былъ въ полной зависимости отъ торговца, но торговецъ отнюдь не обнаруживалъ наклонности дѣлаться самостоятельнымъ предпринимателемъ и обращать своего поставщика-кустаря въ наемнаго рабочаго, работающаго въ мастерской хозяина. Превращеніе кустарнаго производства въ фабричное было невозможно по той простой причинѣ, что, при примитивности техники производства, грубости и дешевизнѣ изготовляемыхъ издѣлій, мелкое производство оказывалось болѣе выгоднымъ. Кильбургеръ говоритъ, что крупные желѣзные заводы, устроенные въ Московскомъ государствѣ иностранцами, не могли конкурировать съ кустарями въ выдѣлкѣ гвоздей и другихъ желѣзныхъ издѣлій [2]). Что же касается до тѣхъ товаровъ, которые не выдѣлывались кустарями, какъ, напр., тонкія сукна, полотна, шелковыя матеріи и пр., то устройству для изготовленія ихъ особыхъ заведеній препятствовали двѣ причины: отсутствіе подготовленныхъ, искусныхъ рабочихъ и трудность сбыта такихъ товаровъ, такъ какъ иностранные товары ввозились съ небольшой пошлиной и по своимъ достоинствамъ стояли внѣ туземной конкуренціи. Поэтому въ Московской Руси, несмотря на развитіе торговли, промышленность имѣла примитивный характеръ и сохранила бы его еще долгое время, если бы на сцену не выступилъ новый факторъ—государство.

Извѣстны энергичныя усилія Петра завести въ Россіи фабричное производство, извѣстны и средства, которыя употреблялъ

---

[1]) Кирилловъ. „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства“. 1831 г. II, 133.

[2]) Кильбургеръ, 169.

Петръ для этой цѣли. Тѣ заводы и фабрики, которые Петръ признавалъ особенно нужными—горные и оружейные заводы, суконныя, полотняныя и парусныя фабрики—устраивались самой казной и затѣмъ передавались частнымъ лицамъ. Въ другихъ случаяхъ казна ссужала значительные капиталы безъ процентовъ, снабжала инструментами и рабочими частныхъ лицъ, устраивавшихъ фабрики на свой собственный страхъ и рискъ; изъ-за границы выписывались искусные мастера, фабриканты получали значительныя привилегіи: какъ они сами, такъ и ихъ дѣти и мастера освобождались отъ всякой государственной службы, были подсудны особому суду, избавлялись на нѣкоторое время отъ податей и внутреннихъ пошлинъ, получали право безпошлиннаго привоза изъ-за границы нужныхъ имъ инструментовъ и матеріаловъ, дома ихъ освобождались отъ постоя и пр.

Сбытъ изготовленныхъ издѣлій обезпечивался, главнымъ образомъ, пріобрѣтеніемъ ихъ казной. Самые крупные заводы и фабрики—оружейные, пушечные, литейные заводы, суконныя, парусно-полотняныя, писчебумажныя фабрики—поставляли свои издѣлія исключительно или главнымъ образомъ въ казну. Въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ не требовался казной, сбытъ фабричныхъ издѣлій обезпечивался высокой привозной пошлиной, а иногда прямымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ того же рода или даже монополіей производства, предоставленной отдѣльнымъ фабрикантамъ. Такъ, компанія подканцлера Шафирова и Толстого получила въ 1717 г. полную монополію изготовленія шелковыхъ матерій, бархата, парчей, штофовъ и пр. [1]). Въ 1718 г. былъ запрещенъ ввозъ изъ-за границы каразеи (родъ шерстяной матеріи) [1]). Тарифомъ 1724 всѣ товары, производство которыхъ въ Россіи къ этому времени достигло уже значительнаго развитія, были обложены высокой пошлиной, 50—75% своей цѣнности. Этой пошлиной, напр., были обложены скатерти, салфетки, полотна, парусина, шелковыя ткани, иглы, желѣзо не въ дѣлѣ; писчая бумага, кожаный товаръ, чулки, шерстяныя ткани (кромѣ сукна) обложены были болѣе умѣренной покровительственной пошлиной—въ 25%.

Изъ числа фабрикъ и заводовъ, возникшихъ при Петрѣ, были и очень крупные. Казенные горные заводы въ особенности отличались огромными размѣрами. Объ этомъ можно судить по тому, что къ 9 пермскимъ заводамъ было приписано 25 тысячъ кре-

[1]) П. С. З., т. V, 3089, 3162.

стьянъ мужского пола. На Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ работало 683 человѣка. Къ казенному оружейному заводу въ Тулѣ было приписано 508 крестьянскихъ дворовъ. На казенной парусной фабрикѣ въ Москвѣ было 1162 рабочихъ [1]). Но и на частныхъ фабрикахъ производство велось въ крупныхъ размѣрахъ. На московской суконной фабрикѣ компанейщиковъ купеческихъ людей Щеголина „съ товарищи“ въ 1729 г. работало 730 рабочихъ на 130 станахъ; на казанской суконной фабрикѣ Микляева работало 742 человѣка; московская полотняная фабрика Тамеса съ компаніей имѣла 443 стана и 841 раб.; ярославская фабрика Тамеса и Затрапезнаго—172 стана и 180 раб.; на московской ленточной и позументной фабрикѣ Милютина было 280 раб. [2]); на шелковыхъ мануфактурахъ компаніи Евреинова въ 1728 г. работало до 1500 мужчинъ и женщинъ [3]).

Такимъ образомъ, Петру, несомнѣнно, удалось вызвать у насъ крупное производство. Но слѣдуетъ ли отсюда, что случайныя личныя воззрѣнія Петра и его преемниковъ играли рѣшающую роль въ исторіи нашей промышленности? Можно ли согласиться съ Корсакомъ, что Петръ могъ выбрать другой путь — покровительства кустарной промышленности, и тогда наше экономическое развитіе пошло бы совершенно иначе?

Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно вспомнить объ экономическомъ положеніи Россіи до Петра. Въ допетровской Руси не существовало промышленнаго капитализма, но былъ вполнѣ развитъ торговый капитализмъ. Концентрація торговаго капитала, наблюдавшаяся въ допетровской Руси, была вызвана не правительственными мѣропріятіями, а естественной эволюціей торговли, преимуществами крупной торговли передъ мелкой. *Этотъ-то торговый капиталъ и явился базисомъ, на которомъ основалось крупное производство въ эпоху Петра.*

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ именнымъ

---

[1]) Кирилловъ. „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства“. I, стр. 22, 95.

[2]) Всѣ эти данныя взяты изъ „Вѣдомости о фабрикахъ и мануфактурахъ“ 1729 г. Дѣла Комиссіи о коммерціи, № 502. Арх. д-та там. сб.

[3]) Чулковъ. „Историческое описаніе россійской коммерціи“, т. VI, кн. III, стр. 221. Шторхъ говоритъ, что на нѣкоторыхъ петровскихъ фабрикахъ работало до 3 тыс. рабочихъ (Historisch-Statistische Gemälde, III, 32). Это можетъ быть вѣрно только по отношенію къ казеннымъ горнымъ заводамъ; частныя фабрики не достигали такихъ размѣровъ.

спискамъ петровскихъ фабрикантовъ. Нерѣдко думаютъ, что петровскія фабрики устраивались, главнымъ образомъ, иностранцами [1]).

Однако на самомъ дѣлѣ значительно бо́льшая часть фабрикантовъ петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали къ торговому сословію. Первыми суконными фабрикантами были купцы Сѣриковъ и Дубровскій, фабрика которыхъ возникла еще въ 1698 г. Крупнѣйшая суконная фабрика — „Большой Суконный Дворъ“ въ Москвѣ принадлежала русской купеческой компаніи Щеголина съ товарищами—Гостиной сотни Иваномъ Култыгинымъ, Болотинымъ, Пушниковымъ, Твердышовымъ, Сѣриковымъ и др. Другая крупная суконная фабрика въ Казани принадлежала также купеческой компаніи казанца Гостиной сотни, Микляева. Компанія Шафирова, Толстого и Апраксина, монополизировавшая производство шелковыхъ матерій въ Россіи, продержалась только нѣсколько лѣтъ: съ 1721 г. вельможные члены компаніи пригласили въ свою среду 8 человѣкъ изъ купечества, а въ 1724 г. шелковыя мануфактуры окончательно перешли въ руки купеческихъ компанейщиковъ, вернувшихъ Апраксину и Толстому внесенный ими капиталъ. Такимъ образомъ, въ Москвѣ возникло 5 шелковыхъ фабрикъ, изъ которыхъ 4 принадлежали купцамъ Евреинову, Старцову, Павлову, Мыльникову и 1 армянину Францову. Игольный заводъ, единственный во всей Россіи, принадлежалъ также купеческой компаніи Томилина и Рюминыхъ.

Первая частная полотняная фабрика въ Россіи принадлежала компаніи русскихъ торговыхъ людей — Андрею Туркѣ (или Турчанинову) и Цымбальщикову съ товарищами. Этой компаніи правительство передало въ 1711 году полотняные, скатертные и салфеточные заводы въ Новонѣмецкой слободѣ, которые раньше были въ вѣдѣніи Посольскаго приказа.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ петровскихъ фабрикантовъ былъ ярославецъ Гостиной сотни Затрапезный. Ему принадлежали, кромѣ полотняной, также писчебумажная, коломяночная и масляная фабрики. Крупнымъ полотнянымъ и писчебумажнымъ фабрикантомъ былъ также купецъ Аѳанасій Гончаровъ.

Изъ менѣе крупныхъ фабрикантовъ можно упомянуть о купцахъ Волковѣ (коломяночная фабрика), Филатовѣ (полотняная фабрика), Корниловѣ (писчебумажная фабрика), Скобельниковѣ (кожевенный заводъ), Павловѣ и Никифоровѣ (платочная фабрика),

[1]) Это говорилъ, напр., В. Лешковъ. „Русскій народъ и государство“. 1858 г., 373.

Панфиловѣ (платочная фабрика), Бабушкинѣ съ компаніей (суконная фабрика), Собольниковѣ (суконная фабрика), Никитѣ Ворогинѣ (каразейная фабрика), Кузнецовѣ (каразейная фабрика), Кирилловѣ (трубочная фабрика) и проч.

Изъ числа иностранцевъ, кромѣ Тамеса, Тиммермана и Вестова, (послѣдній, впрочемъ, былъ московскимъ купцомъ; онъ стоялъ во главѣ компаніи, имѣвшей сахарный заводъ), мы не встрѣчаемъ въ петровское время крупныхъ фабрикантовъ. Но и Тамесъ былъ только главой обширной компаніи русскихъ торговцевъ (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышева, Попова, Неврева, Затрапезнаго и др.). Самъ Тамесъ внесъ только десятую часть всего компанейскаго капитала.

Суконныя фабрики иноземцевъ Фибиха, Пранга и Литхена были небольшими заведеніями. Первая работала на 15-ти, 2-я на 10-ти станахъ, 3-я была еще меньше. Точно такъ же чулочная фабрика Монбріона не была, повидимому, крупной.

Фабрикантовъ изъ разночинцевъ мы встрѣчаемъ въ петровское время также немного. Крупнымъ шелковымъ фабрикантомъ былъ Милютинъ — бывшій царскій истопникъ. Но этотъ истопникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ капиталистомъ, такъ какъ фабрику онъ „завелъ своимъ коштомъ“, безъ всякаго пособія казны. Одна шелковая фабрика принадлежала ямщику Суханову, небольшая шпалерная и коломяночная фабрика въ Новгородѣ принадлежала бывшему мастеру казенной коломяночной фабрики Шаблыкину. Мастеру Исаеву принадлежалъ въ С.-Петербургѣ кожевенный заводъ, мастеръ Лаховъ стоялъ во главѣ компанейскаго кожевеннаго завода въ Воронежѣ, бывшій царскій служитель Родіонъ Ворогинъ (повидимому, крупный капиталистъ) имѣлъ нѣсколько небольшихъ фабрикъ въ Москвѣ (чулочную, каразейную и ленточную).

Еще рѣже мы встрѣчаемъ среди петровскихъ фабрикантовъ дворянъ. Компанія Шафирова, Апраксина и Толстого просуществовала, какъ сказано, недолго. Воронежская казенная суконная фабрика была передана дворянамъ Веневитиновымъ, но въ компанію съ ними вошли и люди изъ мѣстнаго купечества. Мы знаемъ о парусныхъ и иныхъ заводахъ князя Меншикова, скипидарныхъ заводахъ ландрата Савелова и купеческихъ сыновей Томилиныхъ, суконной фабрикѣ камеръ-мейстера Дубровскаго, суконной фабрикѣ тайнаго совѣтника Макарова и еще о двухъ-трехъ небольшихъ дворянскихъ фабрикахъ — и это почти все. Иностранцамъ и дворянамъ принадлежала ничтожная доля петровскихъ фабрикъ;

фабрикантовъ изъ разночинцевъ было также немного; въ большинствѣ же случаевъ фабрикантами явились старинные московскіе капиталисты — купцы [1]).

Итакъ личный составъ петровскихъ фабрикантовъ доказываетъ, что крупная промышленность развилась въ соотвѣтствующей средѣ, которая была создана всей предшествовавшей исторіей Московскаго государства — именно, въ средѣ крупныхъ торговцевъ. Эта среда не была дѣломъ рукъ Петра, но если бы ея не существовало, то и возникновеніе у насъ крупнаго производства въ мало-мальски широкихъ размѣрахъ было бы невозможнымъ. И это по той простой причинѣ, что возникавшія фабрики, несмотря на пособія правительства, требовали крупныхъ денежныхъ затратъ со стороны частныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этихъ фабрикъ. Мы имѣемъ по этому вопросу кой-какія отрывочныя данныя. Не нужно преувеличивать размѣровъ непосредственной денежной помощи казны вновь устраивавшимся частнымъ фабрикамъ. Въ особой вѣдомости, спеціально составленной въ 1727 г. Мануфактурной Конторой, упоминается только о 8 пособіяхъ фабрикантамъ изъ средствъ государственнаго казначейства, при чемъ сумма этихъ пособій опредѣлена въ 89,672 р. [2]).

Эта вѣдомость не полна, такъ какъ въ ней не упоминается о нѣкоторыхъ денежныхъ пособіяхъ фабрикантамъ, несомнѣнно имѣвшихъ мѣсто. Всего такихъ неупомянутыхъ пособій я могъ насчитать на сумму въ 6,040 р.

Отсюда видно, что бо́льшая часть денежныхъ пособій казны фабрикантамъ указана въ этой вѣдомости. Слѣдовательно, эти пособія играли весьма небольшую роль. Ими воспользовался, быть можетъ, десятокъ-другой частныхъ фабрикъ, а всего ихъ было учреждено въ петровское время, вѣроятно, гораздо болѣе сотни. Иными словами, значительно бо́льшая часть петровскихъ фабрикъ, устраивавшихся частными лицами, обходилась безъ денежной помощи со стороны казны. Между тѣмъ устройство фабрики требовало крупныхъ денежныхъ затратъ. По нѣкоторымъ фабрикамъ мы имѣемъ

[1]) Всѣ приведенныя данныя заимствованы изъ „Вѣдомости о фабрикахъ и мануфактурахъ“ 1729 г. Арх. д-та тамож. сбор.

[2]) „Выписка о мануфактурахъ и заводахъ“ 1727 г. Дѣла Комиссіи о коммерціи, № 501. Арх. д—та там. сб. Въ этой вѣдомости не упоминается о 20 тыс. рублей, выданныхъ правительствомъ Тиммерману при назначеніи его директоромъ московской парусной фабрики. Но, повидимому, фабрика эта не перешла въ частное владѣніе, а осталась казенной, почему и денежная затрата казны не была пособіемъ частному фабриканту.

точныя свѣдѣнія относительно этого пункта. Такъ, напр., на шелковыя мануфактуры компаніи Шафирова, перешедшія затѣмъ къ купеческой компаніи, былъ затраченъ тремя учредителями, Апраксинымъ, Толстымъ и Шафировымъ (кромѣ денегъ, полученныхъ изъ казны), капиталъ въ 57,838 р., да, кромѣ того, лица изъ купечества, приглашенныя въ компанію, внесли 23,500 руб. Такимъ образомъ, на эти мануфактуры всего затрачено частныхъ капиталовъ 81,338 руб., да казна внесла деньгами (кромѣ построекъ, матеріаловъ и пр.) 36,672 руб. [1]). Если перевести эти суммы на современныя деньги, то мы увидимъ (принимая въ соображеніе измѣненіе цѣнности денегъ), что устройство шелковыхъ мануфактуръ компаніи Шафирова потребовало, на наши деньги, болѣе милліона руб.

На устройство полотняной мануфактуры Тамеса затраченъ денежный капиталъ въ 46,700 руб. (кромѣ 5,000 р., полученныхъ въ ссуду отъ казны). Изъ этихъ денегъ только 4,500 руб. были внесены самимъ Тамесомъ, а остальныя—компанейцами изъ купечества, при чемъ самый большой взносъ былъ сдѣланъ Микляевымъ, вложившимъ въ дѣло 12,000 р. [2]). Этотъ самый Микляевъ получилъ впослѣдствіи суконную фабрику въ Казани,—очевидно, это былъ крупный капиталистъ.

На устройство игольнаго завода компанія Томилина и Рюминыхъ затратила денежный капиталъ въ 33 тыс. руб. [3]).

Наконецъ, по словамъ Шторха [4]), на полотняную фабрику Гончарова былъ затраченъ капиталъ въ 142 тыс. руб.

По этимъ немногимъ примѣрамъ можно видѣть, что даже въ томъ случаѣ, когда фабриканты получали денежныя и иныя пособія отъ казны (фабричныя строенія, матеріалы, мастеровыхъ и пр.), приходилось приплачивать крупныя суммы на веденіе фабричнаго дѣла. А такъ какъ большая часть фабрикъ устраивалась безъ всякаго содѣйствія казны („заведена своимъ коштомъ“—обычная отмѣтка въ вѣдомостяхъ о петровскихъ фабрикахъ), то

---

[1]) Эти данныя взяты изъ „Вѣдомости о фабрикахъ и мануфактурахъ“ 1729 г. Арх. д-та там. сбор.

[2]) Выписка о мануфактурахъ и заводахъ. 1727 г. Д. К. о К., № 501. Арх. д-та тамож. сбор.

[3]) Дѣло о заведеніи купецкими людьми Томилинымъ и Рюминымъ игольнаго завода 1726 г. Дѣло Коммерцъ-коллегіи, № 824. Арх. д-та там. сбор.

[4]) Storch. „Historisch-Statistische Gemälde“. III, 232.

фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени—преимущественно купцы. Лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса, Петръ достигъ своей цѣли—насажденія у насъ крупнаго производства. Но капиталистическій классъ былъ созданъ не Петромъ, а всей предшествовавшей экономической эволюціей Московскаго государства.

Итакъ, хотя безъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, крупное производство не имѣло никакихъ шансовъ развиться въ тогдашней Россіи [1]), эти мѣры имѣли успѣхъ лишь вслѣдствіе подготовленности русской экономической почвы къ новымъ формамъ промышленности. Этого мало. Не трудно доказать, что промышленная по-

[1]) Это мѣсто въ первомъ изданіи настоящей работы было признано многими критиками находящимся въ противорѣчіи съ моимъ утвержденіемъ, что развитіе крупнаго производства въ Россіи было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ экономическаго и соціальнаго положенія Россіи. Въ своемъ отвѣтѣ („Начало“ 1899. № 1—2) я предлагалъ своимъ критикамъ указать мнѣ, въ чемъ заключается логическая неправильность такого силлогизма:

1-я посылка. Экономическія и соціальныя условія Россіи естественно и необходимо привели къ мѣрамъ, принятымъ Петромъ.

2-я посылка. Мѣры, принятыя Петромъ, вызвали крупное производство въ Россіи.

Заключеніе. Возникновеніе крупнаго производства при Петрѣ было естестественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій Россіи.

Одинъ изъ критиковъ, уличавшихъ меня въ противорѣчіяхъ, повидимому, призналъ правильность этого силлогизма (я имѣю въ виду г. Мякотина). Зато г. Милюковъ въ предисловіи къ 4-му изданію 1 части своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“, поднимаетъ перчатку и берется доказать несостоятельность моего силлогизма. А именно, по мнѣнію г. Милюкова, я виновенъ въ quaternio terminorum—употребленіи одного изъ терминовъ силлогизма въ различныхъ смыслахъ. Оказывается, что въ первой посылкѣ я утверждаю, что „экономическія и соціальныя условія Россіи, въ силу своей неполной подготовленности (къ крупному производству), привели къ мѣрамъ Петра“, въ выводѣ же я говорю „о подготовленности Россіи къ крупному производству“. Нужно ли прибавлять, что толкованіе г. Милюкова доказываетъ лишь его непониманіе той историко-философской теоріи, изъ которой я исхожу? Въ первой посылкѣ я отнюдь не утверждаю того, что̀ приписываетъ мнѣ г. Милюковъ, а говорю какъ разъ обратное: экономическія и соціальныя условія Россіи привели къ мѣрамъ Петра, въ силу полной *подготовленности* къ послѣднимъ Россіи. Стремленіе г. Милюкова находить противорѣчіе тамъ, гдѣ никакого противорѣчія нѣтъ, основывается однако не на его неспособности къ логическому мышленію, а на недостаточномъ знакомствѣ съ теоріей матеріалистическаго пониманія исторіи. Г. Милюковъ ни-

литика Петра совершенно не была случайна, диктовалась экономическою необходимостью. Промышленное переустройство Россіи по западно-европейскому образцу было такъ же необходимо, какъ и переустройство ея арміи на европейскій ладъ. Для того, чтобы успѣшно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порохъ, оружіе, солдатское сукно, полотно, вообще принадлежности воинскаго обмундированія и многое другое [1]).

Петръ не могъ оставаться въ зависимости отъ иностранцевъ, съ которыми онъ велъ войну, въ такихъ нужныхъ ему предметахъ, какъ принадлежности военнаго снаряженія. Корсакъ говоритъ, что Петру слѣдовало бы обратиться къ „народной промышленности“ вмѣсто устройства крупныхъ монопольныхъ фабрикъ. Но „народная промышленность“ не изготовляла предметовъ, нужныхъ Петру; необходимо было завести новые роды производства, и завести немедленно, для удовлетворенія насущной, безотлагательной потребности. Врядъ ли можно серьезно говорить, что для Петра былъ открытъ и другой путь—организаціи и развитія ку-

---

какъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что по этой теоріи все опредѣляется только экономическими причинами безъ всякаго посредства правовыхъ, политическихъ, этическихъ, интеллектуальныхъ и иныхъ моментовъ. Поэтому онъ и вкладываетъ въ мои посылки такой смыслъ, котораго онѣ не заключаютъ. Но если г. Милюковъ усвоитъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи отнюдь не отрицаетъ важной роли въ общественной эволюціи государственныхъ мѣропріятій и не противопоставляетъ этихъ мѣропріятій экономической эволюціи, а лишь признаетъ эту послѣднюю основой, на которой возникаютъ мѣропріятія государства, безъ которыхъ общественно экономическая эволюція была бы немыслима, то онъ пойметъ, что въ „четвереніи“ терминовъ виноватъ не я, а онъ самъ, и что никакого противорѣчія мой силлогизмъ въ себѣ не заключаетъ.

[1]) Еще Германъ даетъ слѣдующее объясненіе торгово-промышленной политики Петра, которое съ тѣхъ поръ повторялось всѣми, писавшими объ этомъ вопросѣ. „Петру Великому нужна была регулярная армія, артиллерія, флотъ; зависимость отъ ганзеатическихъ городовъ, Голландіи и Англіи въ солдатскихъ сукнахъ, огнестрѣльномъ оружіи, порохѣ, въ постройкѣ и снаряженіи судовъ его стѣсняла, и онъ рѣшился завести въ своемъ государствѣ всѣ фабрики и мануфактуры, необходимыя для арміи, артиллеріи и флота“. C. Herman. „Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie„. „Mémoires de l'Académie des Sciences“ 1822. T. VIII, p. 438. Ранѣе Германа въ 1788 г. такимъ же образомъ объяснялъ политику Петра Шереръ. (Scherer. „L'histoire raisonnée du commerce de la Russie“. Paris, 1788. T. II, p. 41—42).

старнаго производства. Эта задача оказывается не подъ силу и нашему времени,—какимъ же образомъ могла съ нею справиться тогдашняя полудикая, варварская Россія? Единственное средство избавиться отъ необходимости покупать воинскія принадлежности у иностранцевъ заключалось въ производствѣ этихъ принадлежностей у себя дома; а такъ какъ дома нужные товары не выдѣлывались, то оставалось устраивать для ихъ изготовленія казенные мастерскія, фабрики и заводы. Но у казны средствъ было крайне мало; при такомъ положеніи, что̀ оставалось Петру, какъ не поощрять всѣми силами частную предпріимчивость, частныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, которые на свой капиталъ заводили производства, до такой степени необходимыя правительству?

Могутъ замѣтить, что Петръ устраивалъ и поддерживалъ не только тѣ фабрики, на которыхъ выдѣлывались товары, требуемые казной, какъ солдатскія сукна, полотно, писчая бумага и пр., но также и всякія другія фабрики, напр., шелковыя, чулочныя и ленточныя, производившія предметы роскоши, въ которыхъ казна не нуждалась. Но и въ этомъ отношеніи политика Петра была единственно возможной политикой, по условіямъ времени и мѣста. Никто не будетъ спорить, что развитіе промышленности и поднятіе производительности народнаго труда было необходимо для тогдашней Россіи. Но легко понять, что новыя отрасли промышленности могли возникнуть только въ формѣ крупныхъ промышленныхъ заведеній. Мелкій производитель—кустарь—не обладалъ ни капиталомъ, ни знаніемъ, необходимыми для этого дѣла. Правда, купецъ, устраивавшій фабрику, былъ почти такъ же невѣжественъ, какъ и кустарь, но зато, обладая капиталомъ, онъ могъ выписать иноземныхъ мастеровъ, приносившихъ съ собой техническія знанія, которыхъ всего болѣе не хватало Россіи. Вообще можно признать правиломъ, что въ малокультурныхъ странахъ, какой, несомнѣнно, являлась петровская Русь, перенесеніе или насажденіе новыхъ отраслей промышленности возможно только въ формѣ крупнаго производства. Не могъ же Петръ устраивать для кустарей техническія школы, промышленные музеи и пр. Сколько лѣтъ ему пришлось бы ждать возникновенія новыхъ производствъ въ Россіи, если бы онъ захотѣлъ идти путемъ, указываемымъ Корсакомъ?

Только поощреніемъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій Петръ могъ способствовать поднятію производительности народнаго труда, а это не могло не быть цѣлью политики Петра, такъ

какъ созданная имъ имперія еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Московская Русь, страдала хроническимъ недостаткомъ финансовыхъ средствъ, въ которыхъ она испытывала величайшую нужду для военныхъ цѣлей.

Разумѣется, я отнюдь не хочу сказать, что всѣ мѣры Петра для поднятія нашей промышленности были безупречны и достигали цѣли: введенная имъ регламентація промышленности, какъ крупной, такъ и мелкой, была въ высшей степени стѣснительна и нерѣдко прямо разоряла населеніе. Такъ, напр., многочисленные указы Петра о запрещеніи крестьянамъ выдѣлывать узкій холстъ повели только къ разстройству кустарнаго ткачества, безъ всякой пользы кому бы то ни было. „Въ прежнее время у города (Архангельска) холстомъ большой торгъ былъ, много тысячъ крестьянъ кормились и немалая пошлина въ казну собиралась, а когда указъ состоялся, чтобы не ткать узкихъ холстовъ, но ткать холсты на широкія берда, то крестьянству прибыла немалая тягость, а въ казну убытокъ, потому что у иныхъ крестьянъ и въ избахъ столько мѣста нѣтъ, гдѣ такой широкій станъ поставить... Разорились отъ этого всѣ крестьяне сѣверные“ [1]).

Такъ же неблагопріятно повліяли петровскіе указы на кустарное ткачество Псковской губ. „Петръ I нанесъ льняной промышленности значительные удары; при немъ въ 1702 г. ленъ во всей Россіи былъ отданъ въ монополію англійскому консулу Карлу Гутфелю. Потомъ, желая создать С.-Петербургскій портъ, Петръ запретилъ псковичамъ отправлять произведенія своей области въ Ригу, Ревель и Нарву, исключая Псковской и Великолуцкой провинцій. Вообще, до временъ Екатерины льняная промышленность подвергалась большимъ стѣсненіямъ, особенно отъ монополій“ [2]).

Но какъ бы мы ни оцѣнивали цѣлесообразность и практичность тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ мѣропріятій Петра, не можетъ быть сомнѣнія, что возникновеніе у насъ крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій тогдашней Россіи.

Петровскія фабрики въ такомъ же смыслѣ могутъ быть названы „искусственнымъ“ созданіемъ Петра, какъ и всѣ прочія петровскія реформы—преобразованіе внутренняго административнаго устройства государства, новая организація арміи, распространеніе

[1]) Соловьевъ. „Исторія Россіи“. Изд. 3-е, т. XVIII, стр. 291.

[2]) „Памятная книжка Псковской губ. на 1863 г.“ Льняная промышленность Пск. губ., стр. 4.

началъ европейской культуры въ высшихъ классахъ общества и вообще европеизація Россіи. Какъ признаютъ наши историки, всѣ эти реформы были въ связи съ экономическимъ положеніемъ тогдашней Россіи; этимъ же самымъ опредѣлилось и все направленіе промышленной политики Петра [1]).

Эта политика повела къ возникновенію у насъ крупнаго производства. Тѣмъ не менѣе Петръ не можетъ считаться насадителемъ капиталистическаго производства въ Россіи по той простой причинѣ, что вызванная имъ крупная промышленность не была капиталистической. Соціальное и экономическое положеніе тогдашней Россіи было таково, что капиталистическое (т.-е. основанное на наемномъ трудѣ) производство у насъ было невозможно. Для послѣдняго не хватало въ Россіи самаго важнаго условія—класса свободныхъ рабочихъ. Вся масса сельскаго населенія была несвободна: часть была крѣпостными государства, часть—помѣщиковъ. Городское населеніе было немногочисленно и въ значительной степени слагалось изъ тѣхъ же крѣпостныхъ.

Въ допетровской Руси крѣпостными владѣли служилые люди [2]). Между тѣмъ, первые петровскіе фабриканты выходили почти исключительно изъ рядовъ купечества, разночинцевъ или иностранцевъ. Сама жизнь поставила вопросъ: какимъ же образомъ фабрики будутъ получать нужныя имъ рабочія руки? При учрежденіи фабрики владѣльцу давалась обыкновенно привилегія, которой ему разрѣшалось свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ, „платя имъ за труды достойную плату“. Если фабрикантъ получалъ уже устроенную фабрику отъ казны, то ему нерѣдко передавались вмѣстѣ съ фабричными строеніями и фабричные мастеровые. Такъ, напр., компанія Турчанинова и

---

[1]) Естественность и необходимость важнѣйшихъ петровскихъ реформъ вполнѣ доказана г. Милюковымъ, въ его превосходной книгѣ: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка“. Спб. 1892 г. Нельзя не пожалѣть, что его новѣйшая работа („Очерки по исторіи русской культуры“) стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже первой и обнаруживаетъ значительную философскую неподготовленность автора къ обсужденію общихъ вопросовъ историческаго развитія.

[2]) Только при преемникахъ Петра владѣніе крѣпостными становится исключительной привилегіей дворянства (объ этомъ см. В. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. Спб. 1881, глава I). Тѣмъ не менѣе, уже по Уложенію Алексѣя Михайловича право владѣнія населенными имѣніями было ограничено, за немногими исключеніями, служилымъ классомъ.

Цымбальщикова получила въ 1711 г. отъ казны полотняные заводы вмѣстѣ съ мастеровыми. Точно такъ же казенныхъ мастеровыхъ получила и компанія Щеголина, къ которой перешла въ 1720 г. казенная суконная фабрика въ Москвѣ [1]); казенные мастеровые были даны, далѣе, Ивану Тиммерману, назначенному въ 1720 г. директоромъ парусной фабрики [2]). Затрапезный получилъ для своихъ фабрикъ въ Ярославлѣ мастеровыхъ съ упраздненныхъ казенныхъ заводовъ [3]). При учрежденіи коломяночной фабрики Волкова ему было дано 5 становъ и 58 мастеровыхъ съ упраздненной казенной фабрики въ С.-Петербургѣ [4]).

Иногда для снабженія фабрикъ рабочими руками къ фабрикамъ приписывались цѣлыя села; такъ, напр., Тамесъ получилъ къ своимъ полотнянымъ фабрикамъ село Кохму, въ Шуйскомъ уѣздѣ, съ 641 крест. дворомъ [5]). Но, въ большинствѣ случаевъ, фабриканты должны были сами пріискивать себѣ рабочихъ путемъ найма. Это было въ высшей степени трудно. На фабрику приходилось набирать всякій сбродъ. Такъ, напр., въ привилегіи игольнымъ компанейщикамъ Томилину съ товарищами указывается брать для работы и для обученія на фабрики „изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню“. Шелковый фабрикантъ Милютинъ въ своемъ донесеніи изъясняетъ, что онъ набираетъ учениковъ изъ „убогихъ людей“. Изъ Именного Высочайшаго указа 7 янв. 1736 г. видно, что фабриканты, за недостаткомъ рабочихъ, набирали учениковъ изъ солдатскихъ дѣтей [6]). Но главнымъ контингентомъ фабричныхъ рабочихъ были бѣглые крѣпостные и казенные люди. Работа бѣглыхъ имѣла такое значеніе для фабрикантовъ, что правительство Петра, несмотря на то, что именно въ это время состоялось окончательное прикрѣпленіе населенія, должно было допустить очевидное нарушеніе закона. Указомъ 18 іюля 1722 г. Петръ воспретилъ возвращать съ фабрикъ законнымъ владѣльцамъ мастеровъ и учениковъ, „чьи бы они ни были, хотя и бѣглые явятся... понеже инте-

---

[1]) П. С. З. Т. IV, 2324; VI, 3526.

[2]) П. С. З. Т. VI, 3590.

[3]) Чулковъ, VI, книга III, 241.

[4]) „Вѣдомость о фабрикахъ и мануфактурахъ“. 1729 г. Арх. д-та там. сбор.

[5]) Дѣло по Именному Высочайшему указу о собраніи въ Коммерцъ-коллегіи свѣдѣній объ иглахъ и пр. Арх. д-та там. сбор.

[6]) П. С. З. Т. VI, 4006; V, 3176; IX, 6858.

ресенты фабрикъ объявляютъ, что затѣмъ въ фабрикахъ ихъ чинится остановка“ [1]).

Но, несмотря на такую снисходительность правительства къ фабрикантамъ, рабочихъ рукъ на фабрикахъ все-таки не доставало. Изъ какихъ элементовъ восполнялся этотъ недостатокъ, видно изъ того, что указомъ 10 февраля 1719 г. предписано было отослать на полотняныя фабрики Андрея Турчанинова съ товарищами „для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны“ Указомъ 1721 г. эта мѣра сдѣлана общей: женщины, виновныя въ разныхъ проступкахъ, отсылались, по усмотрѣнію Мануфактуръ- и Бергъ-коллегіи, для работы на компанейскихъ фабрикахъ на нѣкоторый срокъ или даже пожизненно. Послѣдующими указами велѣно отдавать на фабрики бродягъ и нищихъ (указы 7 янв. 1736 г., 29 марта 1753 г., 26 марта 1762 г., публичныхъ женщинъ (сенатскій указъ, сент. 1771 г.) [2]). Какъ видно изъ указа 26 марта 1762 г., между с.-петербургскими и окрестными фабриками въ этомъ году были распредѣлены забранныя полиціей праздношатающіяся и способныя къ работѣ солдатскія, матросскія и другихъ служилыхъ людей жены.

Но всѣ эти мѣры не могли снабдить фабрики рабочими руками въ требуемомъ количествѣ. Въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка не прекращаются жалобы фабрикантовъ на недостатокъ рабочихъ. Такъ, напр., въ 1744 г. московскіе суконные фабриканты—Болотинъ, Еремѣевъ, Третьяковъ и Сѣриковъ—представляли Мануфактуръ-коллегіи, что они крайне нуждаются въ рабочихъ и потому не могутъ своевременно поставлять сукна въ казну. Особенный недостатокъ чувствовался въ малолѣтнихъ рабочихъ 10—15 лѣтъ. На то же жаловались Мануфактуръ-коллегіи шелковые и иные фабриканты, указывая, что главнымъ препятствіемъ къ развитію фабрики является невозможность находить рабочихъ [3]).

Такимъ образомъ, контингентъ фабричныхъ рабочихъ слагался

---

[1]) П. С. З. Т. VI, 4055.

[2]) П. С. З. Т. V, 3313; VI, 3808; XV, 11485; XIX, 13664.

[3]) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, 3 изд. Т. XXI, стр. 301. Даже при Елизаветѣ Петровнѣ вольнонаемныхъ рабочихъ было такъ мало, что правительственныя учрежденія должны были иногда силой отбирать для себя рабочихъ у промышленниковъ. Къ такимъ мѣрамъ прибѣгалъ, напр., нижегородскій магистратъ (Соловьевъ, XXIII, 25).

изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ: бѣглые крѣпостные, бродяги, нищіе, даже преступники—изъ этой среды приходилось набирать рабочихъ. Не нужно притомъ забывать, что петровскія фабрики были, по терминологіи Маркса, мануфактурами—работа на нихъ производилась руками. Производительность труда на мануфактурахъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ловкости и искусства рабочаго: составъ рабочаго персонала на мануфактурахъ имѣетъ особенное значеніе. Западно-европейскія мануфактуры возникли на развалинахъ ремесла; онѣ получили прекрасныхъ, обученныхъ рабочихъ изъ бывшихъ ремесленниковъ, въ которыхъ цеховая организація развила почти артистическое отношеніе къ своей работѣ [1]). Наши мануфактуры возникли при совершенно иныхъ условіяхъ. Не только обученныхъ, искусныхъ рабочихъ получить было неоткуда, но даже и необученныхъ рабочихъ доставать было крайне трудно.

При такихъ условіяхъ работа вольнонаемными рабочими оказывалась почти невозможной. Принудительный, крѣпостной трудъ былъ единственнымъ выходомъ изъ такого положенія. Малая производительность труда должна была возмѣщаться, для фабриканта, усиленной эксплуатаціей рабочаго—главнымъ образомъ, уменьшеніемъ расходовъ на содержаніе послѣдняго. Интересы фабрикантовъ требовали прикрѣпленія рабочаго также и по слѣдующей причинѣ: рабочій, проработавшій нѣкоторое время на фабрикѣ, обучался своему дѣлу, становился искуснымъ рабочимъ; на такихъ рабочихъ спросъ былъ очень великъ—фабриканты переманивали ихъ другъ отъ друга, и каждая фабрика подвергалась опасности лишиться своихъ обученныхъ рабочихъ. Чтобы обезпечить себя рабочими, фабриканты обыкновенно выговаривали себѣ право въ теченіе извѣстнаго времени пользоваться трудомъ обученныхъ ими рабочихъ; такъ, напримѣръ, въ привилегіи Тамесу ему указывается, что поступающіе на фабрику ученики обязаны пробыть на ней не менѣе 10 лѣтъ (7 лѣтъ въ качествѣ учениковъ и не менѣе 3 лѣтъ въ качествѣ подмастерьевъ),

1) Очень важно не упускать изъ виду различія между петровскими фабриками (мануфактурами) и новѣйшими фабриками въ строгомъ смыслѣ слова. Рабочіе на англійскихъ бумагопрядильняхъ набирались въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка также изъ всякаго сброда, при чемъ въ обширныхъ размѣрахъ практиковалась прямая закупка дѣтей пауперовъ, но эти рабочіе работали на машинахъ и почти не нуждались въ предварительномъ обученіи и профессіональной ловкости.

и только тогда они могутъ перейти на другія фабрики (Имен. ук. 10 марта 1720 г.); ученики на игольномъ заводѣ Томилина должны были оставаться на заводѣ до совершеннолѣтія; ученики суконной фабрики Щеголина не имѣли права уйти съ фабрики до истеченія 7-лѣтняго срока; 7-лѣтній срокъ ученія былъ, повидимому, общимъ правиломъ. Регламентомъ Мануфактуръ-коллегіи (§ 12) за „подзываніе работныхъ людей съ одной фабрики на другія“ до истеченія урочнаго срока работы былъ назначенъ огромный штрафъ—100 руб. за каждаго рабочаго; этотъ штрафъ уплачивался виновнымъ фабрикантомъ, рабочій же возвращался на фабрику прежняго своего хозяина и подвергался тѣлесному наказанію.

Всѣ эти ограниченія свободы перехода рабочаго съ одной фабрики на другую указываютъ, какъ трудно было фабриканту набрать и сохранить необходимый рабочій персоналъ.

Иными словами, петровскія фабрики не могли держаться вольнонаемнымъ трудомъ. Этимъ и объясняется знаменитый петровскій указъ 18 января 1721 г., которымъ на „купецкихъ людей“ было распространено въ высшей степени важное право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни, „подъ такою кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“ [1]).

Благодаря этому указу, петровскія фабрики быстро перешли отъ свободнаго къ принудительному труду. Отношенія труда къ капиталу въ нашемъ крупномъ производствѣ вылились въ совершенно другія формы, чѣмъ на Западѣ. Вмѣсто капиталистической промышленности, развивающейся въ это время на Западѣ, у насъ возникло крупное производство, основанное на принудительномъ трудѣ. Корсакъ называетъ приведенный петровскій указъ „одною изъ самыхъ несчастныхъ мѣръ Петра“ [2]). Г. Семевскій, повидимому, также считаетъ этотъ указъ ошибкой Петра („правительство при Петрѣ Великомъ,—говоритъ этотъ авторъ,—додумалось до того, чтобы фабричныя работы исполнялись такимъ же крѣпостнымъ трудомъ, какъ и сельскія въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ“ [3]). Само собой разумѣется, эта мѣра отнюдь не свидѣтельствуетъ о „безпредѣльной заботливости объ участи рабочихъ“, которая отличала, по мнѣнію г. Нисселовича, правительство Петра [4]). Тѣмъ не менѣе, переходъ петровскихъ фабрикъ

[1]) П. С. З. Т. V, 3711.

[2]) Корсакъ. „О формахъ промышленности“, 130.

[3]) „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, стр. 393.

[4]) К. Нисселовичъ. „Исторія фабрично-заводскаго законодательства Рос-

отъ вольнонаемнаго къ крѣпостному труду вызывался, какъ я старался показать, экономическою необходимостью [1]).

Въ странѣ съ такимъ первобытнымъ хозяйствомъ, какъ тогдашняя Россія, крупное производство не могло основываться на свободномъ трудѣ. Крѣпостной трудъ былъ гораздо выгоднѣе для фабриканта. А такъ какъ правительство Петра, если и проявляло къ кому-либо „безпредѣльную заботливость", то уже никакъ не къ рабочимъ, а развѣ къ фабрикантамъ,—то вполнѣ естественно, что оно распространило и на фабрикантовъ право, которое раньше было привилегіей дворянства—право пользованія принудительнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, благодаря указу 18 января, вопросъ о снабженіи фабрикъ рабочими руками былъ рѣшенъ въ направленіи, опредѣлявшемся общими соціальными условіями петровской Россіи. Вмѣсто капиталистическаго производства съ вольнонаемными рабочими у насъ водворилось крупное производство съ принудительнымъ трудомъ.

Но разрѣшеніе фабрикантамъ пользоваться принудительнымъ трудомъ еще не измѣняло юридическаго положенія всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые работали на фабрикахъ по вольному найму Фабрики продолжали служить пріютомъ для бѣглыхъ, которые юридически ничѣмъ не были связаны съ фабрикантами. Убѣдившись въ выгодахъ принудительнаго труда, фабриканты стали стремиться къ закрѣпощенію и всѣхъ остальныхъ свободныхъ рабочихъ. Этого имъ удалось достигнуть не ранѣе 1736 г. Въ этомъ году, по прошенію крупнѣйшихъ фабрикантовъ того времени—Затрапезнаго, Щеголина съ товарищами, Микляевой, Гончарова, Подсѣвальщикова, Тамеса съ товарищами, былъ изданъ Высочайшій указъ, по которому всѣ тѣ мастеровые, которые во время изданія указа будутъ находиться на фабрикахъ и будутъ

сійской Имперіи". Спб. 1883 г. I, стр. 45. Эту „безпредѣльную заботливость" г. Нисселовичъ усматриваетъ въ томъ, что въ привилегіяхъ разныхъ фабрикъ говорится о наймѣ мастеровъ „съ платежомъ за труды ихъ достойной платы". Но послѣднее было только формой выраженія; въ дѣйствительности же, правительство Петра для улучшенія положенія рабочихъ на фабрикахъ не сдѣлало ровно ничего, а для ухудшенія его—очень много.

[1]) Эта мысль вполнѣ точно выражена Струве: „разные способы прикрѣпленія рабочихъ къ фабрикамъ и заводамъ, практиковавшіеся русскимъ правительствомъ въ XVIII вѣкѣ, наглядно свидѣтельствуютъ о невозможности создать въ обществѣ, основанномъ на натуральномъ хозяйствѣ, извѣстную организацію производства, иначе какъ опираясь на личную зависимость" („Критическія Замѣтки". Спб. 1894, стр. 83).

обучены мастерству, должны „вѣчно“ со всѣми своими семействами оставаться на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. За этихъ мастеровъ фабриканты должны были заплатить по извѣстной таксѣ прежнимъ владѣльцамъ — помѣщикамъ, дворцовому, синодальному вѣдомству, казнѣ. Мастеровые, владѣльцы которыхъ неизвѣстны, отдавались фабрикантамъ безъ всякой платы, а всѣ бѣглые черноработные, которые окажутся на фабрикахъ, должны были быть возвращены законнымъ владѣльцамъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, фабрикантамъ предоставлено было право наказывать „домашнимъ порядкомъ“ вѣчно-отданныхъ имъ мастеровыхъ, „которые явятся невоздержные и ни къ какому ученію не прилежные“, а также и отправлять ихъ въ Коммерцъ-коллегію „для ссылки въ дальніе города или на Камчатку на работу, чтобъ другимъ былъ страхъ“. Въ случаѣ бѣгства мастеровыхъ съ фабрики, воеводы должны были ихъ ловить и по учиненіи наказанія отсылать обратно на фабрику [2]).

Такимъ образомъ состоялось окончательное прикрѣпленіе мастеровыхъ къ фабрикамъ, и наша фабрика приняла характеръ рабочаго дома, въ которомъ порядокъ поддерживался суровой дисциплиной, а поощреніемъ къ труду служили тяжелыя наказанія [3]).

---

[1]) Благодаря этому указу въ число „вѣчно отданныхъ“ мастеровыхъ попадали даже купцы. См. любопытное „Дѣло по прошенію балахнинскаго посадскаго человѣка Герасима Федотова Половинкина“, 18 іюня 1765 г. Половинкинъ былъ записанъ въ балахнинское купечество, платилъ всегда безнедоимочно подушные и прочіе подати и сборы. Въ 1734 г. онъ по паспорту отлучился въ Москву, гдѣ занимался разной столярной работой. Въ томъ же году онъ поступилъ по договору для той же столярной работы на шелковую фабрику Милютина; этой работой онъ занимался 5 лѣтъ, ежегодно выправляя свой паспортъ. Затѣмъ оставилъ работу у Милютина, но въ 1763 г. его случайно увидѣлъ мастеръ фабрики наслѣдниковъ Милютина, призналъ бѣглымъ, и Мануфактуръ-коллегія опредѣлила—отдать Половинкина на ту фабрику вѣчно. Половинкинъ подалъ жалобу въ Сенатъ. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно. („Дѣла Балахнинскаго городового магистрата“ № 537). Списокъ съ этого дѣла полученъ мною отъ В. Г. Короленко; пользуюсь случаемъ выразить ему за это свою глубокую благодарность.

[2]) П. С. З. Т. IX, 6858.

[3]) Какъ извѣстно, фабричные рабочіе энергично протестовали противъ своего закрѣпощенія, но ничего не могли подѣлать. О волненіяхъ фабричныхъ рабочихъ въ XVIII вѣкѣ см. Семевскій. „Крестьяне при Екатеринѣ II“, Посессіонные крестьяне, глава II, и Соловьевъ. „Исторія Россіи“ 3 изд. Т. XXIII. Соловьевъ разсказываетъ о возмущеніи въ 1752 г. фабричныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ парусной и бумажной фабрикѣ

Переходъ русскихъ фабрикъ отъ вольнонаемнаго къ крѣпостному труду былъ возможенъ лишь вслѣдствіе низкой производительности труда, благодаря чему принудительная работа оказывалась болѣе выгодной для фабриканта. Съ другой стороны, крѣпостныя отношенія дѣлали невозможнымъ поднятіе производительности труда. Пока работа на фабрикахъ имѣла принудительный характеръ, она должна была оставаться малоуспѣшной. Въ этомъ и заключалась основная причина медленности развитія нашей фабричной промышленности въ теченіе всего XVIII вѣка.

Товары, изготовлявшіеся на нашихъ фабрикахъ, отличались крайней дороговизной и низкимъ качествомъ; объ этомъ можно судить, между прочимъ, по любопытнымъ показаніямъ московскихъ торговцевъ въ 1727 г. По Высочайшему указу, отъ нихъ были отобраны отзывы, „которые изъ русскихъ компанейщиковъ и заводчиковъ товаровъ доброй работы противъ вывозныхъ“. Отвѣты оказались весьма неблагопріятны для нашихъ фабрикантовъ. Такъ, напр., староста Суровскаго ряда Калмыковъ заявилъ отъ имени суровскихъ торговцевъ, что шелковые товары и бархаты „противъ заморскихъ работою не придутъ, а цѣною продаются изъ фабрикъ выше заморскихъ“. Если бы правительство разрѣшило свободный привозъ заморскихъ шелковыхъ матерій, то купечество было бы, по заявленію Калмыкова, много довольно. Староста Москательнаго ряда заявилъ, что „русскій купоросъ, краска баканъ, вохра противъ заморскихъ ничто добротою не будетъ и весьма плоше и заморскаго цѣною вдвое дороже“; повторяется просьба о свободномъ привозѣ заморскихъ товаровъ. О ленточныхъ и полотняныхъ товарахъ купечество заявило, что они „работою противъ заморскихъ весьма плохи, а цѣною продаются свыше заморскихъ“. Такія же жалобы на неудовлетворительное качество и высокую цѣну русскихъ фабричныхъ товаровъ мы встрѣчаемъ и въ заявленіяхъ торговцевъ игольнаго ряда. Почти всѣ торговцы высказывались въ пользу облегченія ввоза заграничныхъ товаровъ [1]).

Эти отзывы московскаго купечества интересны также и тѣмъ, что они характеризуютъ отношеніе массы русскихъ торговцевъ

Гончарова въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, при чемъ крестьяне разбили присланную воинскую команду, отняли пушки, и только вновь присланные 3 полка, употребивши въ дѣйствіе артиллерію, привели крестьянъ къ покорности (стр. 118).

[1]) Дѣло объ отобраніи отъ торговцевъ свѣдѣній о здѣшнихъ мануфактурахъ 1727 г. Дѣла Комм.-кол. № 500. Арх. д-та т. сбор.

того времени къ вновь образовавшемуся классу фабрикантовъ. Какъ мы видимъ, московское купечество относилось къ фабрикантамъ недоброжелательно; фабриканты пользовались разными привилегіями, монополизировали внутренній рынокъ и, кромѣ того, стремились захватить въ свои руки и розничную торговлю своими произведеніями. Это послѣднее обстоятельство вызывало особенныя жалобы купечества. Правительство колебалось. 3 февраля 1722 г. Именнымъ указомъ фабрикантамъ запрещалась розничная продажа, „понеже въ рядахъ многія лавки запустѣли“ благодаря тому, что „интересенты фабрикъ, сдѣланныя свои фабрики, съ фабрическихъ дворовъ продаютъ врозь, а иные въ рядахъ и въ собственныхъ своихъ лавкахъ“. Но уже 18 іюля того же года вышелъ новый указъ, которымъ фабрикантамъ опять разрѣшается розничная торговля, такъ какъ „интересенты и компанейщики отъ всѣхъ мануфактуръ“ объявили, что, въ случаѣ запрещенія розничной торговли, „не можно имѣть надежды, чтобы оныя начатыя мануфактуры могли приходить въ лучшее состояніе“.

Въ этой борьбѣ массы купечества съ фабрикантами можно видѣть продолженіе старинной борьбы крупнаго и мелкаго купечества въ Московскомъ государствѣ. Крупное купечество, благодаря мѣрамъ Петра, завело фабрики и продолжало утѣснять свою братію.

— Благодаря господству крѣпостного труда на русскихъ фабрикахъ, промышленная техника въ теченіе всего XVIII вѣка не дѣлала на нихъ никакихъ успѣховъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ той отрасли промышленности, которая пользовалась особеннымъ поощреніемъ правительства, а именно къ суконной (въ суконномъ производствѣ принудительный трудъ господствовалъ вплоть до XIX вѣка). Цѣлымъ рядомъ мѣръ правительство стремилось поднять технику суконнаго производства, но безуспѣшно. Изъ указа 1740 г. мы узнаемъ, что „сукна мундирныя, которыя на россійскихъ фабрикахъ дѣлаются и на полки употребляются, весьма худы и къ носкѣ непрочны... Генералъ-фельдмаршалъ Минихъ прислалъ одинъ мундирный изъ россійскихъ суконъ кафтанъ, который во время одной кампаніи такъ износился, что и надѣть больше невозможно было“[1]). Жалоба на плохія сукна повторяется и въ извѣстныхъ „Работныхъ регулахъ на суконныя и каразейныя фабрики“, изданныхъ при Аннѣ Лео-

[1]) П. С. З. Т. VI, 3892, 4057; XI, 8226.

польдовнѣ и не получившихъ поэтому законной силы въ послѣдующія царствованія. Эти правила были выработаны комиссіей, которой было велѣно „о донынѣ дѣланныхъ на россійскихъ фабрикахъ плохихъ сукнахъ, и отчего оное происходитъ, обстоятельно изслѣдовать и винныхъ фабрикантовъ безъ упущенія штрафовать“. Комиссія нашла, что важнѣйшая причина плохого состоянія суконнаго производства заключалась въ крайне неудовлетворительномъ положеніи рабочихъ на фабрикахъ. Фабричныя строенія не ремонтировались, потолки протекали, „валящійся сквозь щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ — людямъ работу въ рукахъ маретъ и портитъ; а полы иные не досками, ниже кирпичами или камнемъ, не выстланы, а которые выстланы, то гнилы“, Въ фабрикахъ не хватаетъ свѣта, „ткачи насилу денного свѣта имѣютъ, дабы тканье свое точно высмотрѣть, наименьше же сукну самовредительныя субтильныя худобы открывать“. Рабочіе такъ плохо одѣты, „что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубахѵ на плечахъ имѣютъ“. О продолжительности работы на суконныхъ фабрикахъ можно судить по тому, что „Работныя регулы“, имѣвшіе въ виду улучшить положеніе рабочихъ на фабрикахъ, устанавливали рабочій день около 14 часовъ въ сутки.

Эти „регулы“, какъ сказано, не получили законной силы и никакого практическаго значенія не имѣли. Жалобы на неудовлетворительность солдатскаго сукна все продолжались. Такъ, напр., въ 1745 г. Сенатомъ усмотрѣно, что „сукна весьма плохи и иныя недовалены и шишковаты, за что Мануфактуръ-коллегія (за слабое смотрѣніе)... великому штрафу подлежитъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе, сукна оставались плохи, и вплоть до двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія русскія суконныя фабрики производили исключительно низшіе сорта суконъ, и то дурного качества [2]).

Эпоха послѣ Петра, какъ извѣстно, характеризуется чрезвычайнымъ возрастаніемъ политическаго вліянія дворянства. По словамъ проф. Ключевскаго, „въ древней Руси дворянство не правило, а только служило, и служило какъ въ центрѣ, такъ и въ

[1]) П. С. З. Т. XI, 8440; XII, 9168.

[2]) См., напр., Дѣло о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по улучшенію разныхъ отраслей мануфактурной промышленности, 7 мая 1830 г. Арх. д-та т. и м. „Со времени Петра I по истеченіи перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка сукнодѣліе едва сдѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, и размноженіе, но не улучшеніе онаго относилось болѣе къ удовлетворенію умножившейся потребности арміи и флота, нежели къ народному потребленію“.

провинціи; въ первой половинѣ XVIII вѣка оно дѣлало центральныя правительства, продолжило служить въ центрѣ и едва начинало править провинціей; во второй половинѣ вѣка, въ послѣдній разъ сдѣлавъ правительство, дворянство перестало обязательно служить въ центрѣ и окончательно стало править въ провинціи" [1]). Новая дворянская эра не могла не отразиться и на привилегіяхъ фабрикантовъ. Самой существенной изъ этихъ привилегій было право пріобрѣтать къ фабрикамъ населенныя имѣнія. Тѣмъ же указомъ Анны Іоанновны, которымъ мастеровые были прикрѣплены къ фабрикамъ, было ограничено это право, а именно была разрѣшена фабрикантамъ покупка крестьянъ, только безъ земли. Фабриканты, естественно, были недовольны, и въ 1744 г., по просьбѣ фабриканта Аѳанасія Гребенщикова, было вновь разрѣшено покупать къ фабрикамъ населенныя деревни.

Но успѣхъ фабрикантовъ былъ непродолжительнымъ. Дворянство разсматривало владѣніе крѣпостными, какъ свою исключительную привилегію, какъ бы выраженіе своего политическаго главенства. Въ царствованіе Елизаветы Петровны право фабрикантовъ на крѣпостной трудъ подвергается существенному ограниченію. Сенатскимъ указомъ 1752 г. былъ опредѣленъ максимумъ рабочихъ (въ зависимости отъ числа становъ и другихъ орудій производства), которыхъ фабриканты имѣли право прикупать къ фабрикѣ. Фабрикантамъ было разрѣшено прикупать не болѣе 12—42 душъ м. п. (смотря по роду издѣлій) къ каждому стану. Указъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что „многіе заводчики и фабриканты заводы и фабрики свои производятъ не столько покупными, какъ вольными людьми, изъ чего слѣдуетъ и впредь слѣдовать можетъ немалая подлому народу отъ найма оныхъ къ фабрикамъ и заводамъ польза". Наконецъ, Петръ III 29 марта 1762 г. совсѣмъ запретилъ покупку къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ, какъ съ землей, такъ и безъ земли Въ томъ же году 8 августа это запрещеніе было подтверждено и Екатериной [2]).

Результатомъ всѣхъ этихъ законодательныхъ мѣръ явилось значительное измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса. Я говорилъ выше, что среди петровскихъ фабрикантовъ дворяне почти отсутствовали. Но если мы обратимся къ фабрикантамъ екатерининскаго времени, то среди нихъ мы найдемъ уже много

[1]) Ключевскій. „Курсъ лекцій по русской исторіи". 1884—1885 г., ч. II. стр. 249—250.

[2]) П. С. З. Т. XII, 9004; т. XIII, 9954; т. XV, 11490; т. XVI, 11638.

дворянъ. Такъ, въ вѣдомостяхъ Мануфактуръ-коллегіи и конторы за 1773 г. приведено 328 фабрикъ; въ числѣ ихъ дворянамъ принадлежало 66, иностранцамъ 46 фабрикъ. Но одна общая цифра дворянскихъ фабрикъ еще говоритъ очень мало. Дворянскія фабрики были, вообще, очень крупными, и потому въ общей суммѣ фабричныхъ оборотовъ участіе дворянъ выражается болѣе значительной цифрой. По даннымъ Мануфактуръ-коллегіи и конторы на 305 фабрикахъ, о которыхъ имѣются соотвѣтствующія свѣдѣнія, было сработано въ годъ товара на 3548 тыс. руб., а на 57 дворянскихъ—на 1041 тыс. руб., т.-е. обороты дворянскихъ фабрикъ немногимъ не достигали 1/3 оборотовъ всѣхъ фабрикъ. Въ особенности много дворянскихъ фабрикъ было среди суконныхъ фабрикъ: по названной вѣдомости изъ 40 суконныхъ фабрикъ дворянамъ принадлежали 19 [1]). Переходъ фабрикъ отъ купечества къ дворянству еще усилился въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Запрещеніе покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ было въ очевидныхъ интересахъ дворянства, такъ какъ дворянство сохраняло за собой право пользоваться въ фабричныхъ работахъ крѣпостнымъ трудомъ, а купечество, при заведеніи новыхъ фабрикъ, лишалось упомянутаго права. Поэтому въ важнѣйшей отрасли фабричной промышленности того времени—суконной, число дворянскихъ фабрикъ такъ возросло, что къ началу XIX вѣка значительно бо́льшая часть суконныхъ фабрикъ очутилась въ рукахъ дворянства. По крайней мѣрѣ, въ числѣ 98 суконныхъ фабрикантовъ, которые поставляли въ казну сукно въ 1809 г., мы встрѣчаемъ только 12 купцовъ. 19 фабрикъ принадлежали титулованному дворянству (князьямъ Барятинскому, Юсупову, Шаховскому, Хованскому, Урусову, Щербатову, Прозоровскому и др., графамъ Разумовскому, Безбородко, Салтыкову и др.), 55—нетитулованнымъ дворянамъ, остальныя—иностранцамъ и разночинцамъ [2]).

---

[1]) Приведенныя данныя взяты изъ вѣдомости, помѣщенной у Чулкова, VI, книга III, стр. 591—697. Но въ эту вѣдомость не включены мелкія дворянскія фабрики, на которыхъ работа производилась крѣпостными, а такихъ фабрикъ было очень много—особенно суконныхъ и полотняныхъ. Такъ, напр., по „Генеральнымъ соображеніямъ по Тверской губерніи 1783/4 гг.“, во всѣхъ уѣздахъ этой губерніи было множество мелкихъ дворянскихъ полотняныхъ фабрикъ. „Историко-Статистическое описаніе Тверской губерніи“ В. Покровскаго. Тверь, 1879, т. I, 132.

[2]) Дѣло по Высочайше конфирмованному докладу о дозволеніи

Противоположность интересовъ дворянства и купечества очень рѣзко обнаружилась въ Екатерининской комиссіи по составленію Новаго Уложенія. Въ своихъ наказахъ депутаты-дворяне нерѣдко указывали на злоупотребленія фабрикантовъ изъ купечества своими привилегіями. Такъ, напр., въ наказѣ луховского дворянства заявляется, что „фабриканты, кои содержатъ въ разныхъ уѣздахъ фабрики, накупили великія деревни и пользуются, яко сущіе дворяне, непринадлежащими имъ преимуществами“. Въ виду этого Луховское дворянство просило повелѣть продать деревни при фабрикахъ, а фабрикантамъ-купцамъ предоставить пользоваться вольнонаемными рабочими [1]). Еще болѣе рѣшительныхъ мѣръ противъ купцовъ-фабрикантовъ требуетъ крапивенское дворянство. „Содержатели изъ купечества разныхъ фабрикъ и заводовъ многочисленно имѣютъ за собой во владѣніи крестьянъ... живутъ они единственно въ увеселительныхъ своихъ роскошахъ и лѣности, а остальныя свои деньги уповательно давно уже съ крестьянъ работою и доходами получили“; поэтому, если только купцы-фабриканты не будутъ дѣлать товаровъ „добротою противъ вывозныхъ“, то всѣ деревни слѣдуетъ у фабрикантовъ отнять и причислить къ дворцовымъ [2]). О томъ же просило и клинское. Ярославское дворянство указывало, что фабриканты изъ купечества притѣсняютъ крестьянъ, отчего часто и „бунты происходили“; фабриканты должны производить работу вольнонаемными людьми, отчего будетъ выгода и дворянству, такъ какъ ихъ крѣпостные получатъ выгодный заработокъ. Дворянства тульское, кашинское, вяземское, шуйское и др. просили о сохраненіи въ силѣ запрещенія покупки къ фабрикамъ деревень и крестьянъ; фабричныя работы должны исполняться на купеческихъ фабрикахъ вольнонаемными [3]).

вольной продажи солдатскаго сукна, 21 окт. 1809 г. Связка 58, 2 эксп. М. В. Д. Арх. д-та торг. и ман.

[1]) „Сборникъ Истор. Общества“, т. VIII, 483.

[2]) Ibid., 562.

[3]) Сборникъ Истор. О-ва, т. IV, стр. 300, 395, 413, 465; т. XIV, 452. Въ наказѣ шуйскаго дворянства встрѣчается совсѣмъ необычная просьба, чтобы дворянству было запрещено имѣть фабрики. Воронежское дворянство проситъ даже совсѣмъ запретить устраивать въ Воронежской губерніи желѣзные и стеклянные заводы, „кои никакой обществу полезности не дѣлаютъ, и единственно есть вредительны истребленіемъ лѣсовъ“. Керенское дворянство просило объ отобраніи у фабрикантовъ изъ купцовъ вотчинъ, „потому что, кои не имѣютъ вотчинъ, у тѣхъ фабрики и заводы

Въ другихъ дворянскихъ наказахъ встрѣчаются жалобы на разныя привилегіи фабрикантовъ—въ особенности на то, что фабриканты по своимъ фабричнымъ дѣламъ подвѣдомственны не общему суду, а особому суду Мануфактуръ-коллегіи. Именно благодаря этому дворянамъ было трудно получать съ фабрикъ своихъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, на что указывается въ наказахъ серпейскаго дворянства, мещовскаго, малоярославецкаго, пронскаго, воронежскаго, ряжскаго, керенскаго, шатскаго, бѣлевскаго и пр. [1]).

Наказы купечества, естественно, носятъ совершенно иной характеръ. Почти во всѣхъ этихъ наказахъ повторяется просьба о разрѣшеніи покупать крѣпостныхъ—хотя бы въ самомъ ограниченномъ числѣ, для домашнихъ услугъ. Во многихъ наказахъ заявляется о необходимости разрѣшить покупку къ фабрикамъ крестьянъ. Нерѣдко высказывается также мысль, что заводами и фабриками должно владѣть одно купечество [2]).

Но на ряду съ просьбами купечества о предоставленіи фабрикъ и заводовъ въ исключительное владѣніе купцовъ, въ тѣхъ же наказахъ звучитъ и совершенно иная нота—вражда къ крупнымъ фабрикантамъ и недовольство ихъ исключительными привилегіями. Такъ, напримѣръ, жители Москвы жалуются „на немалое отяго-

---

въ цвѣтущемъ состояніи, а кто имѣютъ вотчины, тѣ только единственно содержатъ оныя для славы и о размноженіи фабрикъ и заводовъ совсѣмъ не радѣютъ". Точно такъ же путивльское дворянство просило отобрать у Глушковской суконной фабрики (самой крупной частной фабрики въ концѣ XVIII вѣка) неправильно забранныя вотчины. („Сбор. Ист. О-ва" т. 68, стр. 357, 439, 586).

[1]) „Сборникъ Ист. Общества", т. VIII, стр. 513, 518; т. VI, 324, 387; т. 68; стр. 362, 378, 395, 439, 457, 613.

[2]) Такъ, напр., жители Костромы просятъ запретить дворянамъ имѣть фабрики и вести торговлю; костромскіе фабриканты заявляютъ, что „безъ собственныхъ крестьянъ привесть фабрики въ лучшее состояніе невозможно. Къ тому же,—прибавляютъ они,—за размноженіемъ полотняныхъ фабрикъ, и вольныхъ людей не достаетъ". О томъ же просятъ и жители г. Нерехты и Гжатской пристани—„понеже безъ крѣпостныхъ людей никакимъ образомъ заводовъ и фабрикъ содержать не можно". Углицкіе фабриканты заявляютъ, что „всѣхъ фабрикъ къ распространенію имѣется крайнее препятствіе и нужда оттого, что деревень къ онымъ покупать запрещено... Вольные люди такихъ трудовъ и попеченій понести не могутъ, какъ свои крѣпостные, и они же при наймѣ требуютъ большихъ весьма цѣнъ". Любимское купечество просило запретить дворянамъ имѣть фабрики; эта же просьба повторялась въ наказахъ тульскаго купечества, алексинскаго, жителей городовъ Рузы, Зарайска, Буя и др., „Сборникъ Истор. О-ва", т. 93, стр. 102, 174, 230, 378, 573.

щеніе отъ увольненія отъ всѣхъ службъ и гражданскихъ тягостей фабрикантовъ и заводчиковъ и компанейщиковъ"; просятъ о томъ, чтобы всѣмъ городскимъ жителямъ состоять на одномъ правѣ и нести равныя тягости. Жители г. Костромы, вслѣдъ за просьбой о запрещеніи дворянству заводить фабрики, а имѣть бы ихъ только одному купечеству, прибавляютъ: „точію отъ гражданскихъ службъ и податей тѣхъ заводчиковъ и фабрикантовъ не исключать, а быть имъ во всемъ съ купечествомъ на ряду". Жители г. Ярославля жалуются, что не только фабриканты избавлены отъ всякихъ городскихъ повинностей, но даже и ихъ рабочіе, „которые домами своими живутъ, полицейскихъ тягостей и постоевъ не содержатъ. И затѣмъ ихъ отбывательствомъ всѣ тягости остаются на оставшихся купцовъ и самыхъ среднихъ и маломощныхъ людей, почему купечество приходитъ въ упадокъ. А понеже оные фабрикеры какъ есть первые капиталомъ люди, почему слѣдуетъ имъ безъ дальнѣйшаго отягощенія обще съ купцами быть на ряду во всѣхъ службахъ и платежахъ.., а за прошедшіе годы, что за нихъ плачено, то бъ повелѣно было возвратить".

Объ уничтоженіи привилегій фабрикантовъ просятъ въ своихъ наказахъ купечества городовъ Юрьева-Польскаго, Романова, Зарайска, Нерехты и др. Купечество г. Нерехты заявляетъ, что хотя въ Россіи „мануфактуръ и фабрикъ обстоитъ число немалое, но тѣми мануфактурами пользуются одни купцы-капиталисты, а среднестатейное купечество совсѣмъ онаго права не имѣетъ", вслѣдствіе трудности выхлопотать разрѣшеніе на устройство фабрики.

Такимъ образомъ, крупные фабриканты изъ купечества не пользовались симпатіей ни дворянства, ни своей братіи купцовъ. Въ наказѣ высшаго правительственнаго учрежденія, вѣдавшаго фабрики — Мануфактуръ-коллегіи — прямо заявлялось, что „содержатели великихъ фабрикъ ненавистны сдѣлались обществу" [1]). О враждебности дворянства къ крупнымъ фабрикантамъ говоритъ и Германъ [2]). Вражда мелкаго купечества была не опасна фабрикантамъ, но враждебное отношеніе дворянства, которое скоро поняло выгоды фабричнаго производства и старалось заводить фабрики въ собственныхъ деревняхъ, пользуясь своими крѣпостными,

[1]) „Сборникъ И. Об.", т. 93, стр. 132, 170, 340, 392, 404, 432, 522; т. 43, стр. 207.

[2]) „Mémoires de l'Académie des Sciences", VIII, 1822 г. C. T. Hermann. „Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie", p. 448.

дѣлала невозможнымъ возстановленіе того привилегированнаго положенія, которое занимали фабриканты въ петровское время.

На умноженіе дворянскихъ фабрикъ указывалъ въ засѣданіяхъ комиссіи и депутатъ коммерцъ-коллегіи Меженіновъ. По его словамъ, лѣтъ двадцать тому назадъ дворяне, узнавъ, что парусные заводы приносятъ большую прибыль, стали устраивать ихъ сами и до такой степени увеличили выдѣлку парусныхъ полотенъ, что ихъ и дѣвать стало некуда. То же самое повторилось, по словамъ Меженинова, и съ суконными фабриками, которыхъ дворяне понастроили слишкомъ много, въ прямой убытокъ старинным суконнымъ фабрикамъ. Изъ этого Меженіновъ дѣлалъ выводъ, что „не надлежитъ позволить дворянамъ устраивать фабрики и заводы“. Но, разумѣется, такое мнѣніе не могло встрѣтить сочувствія ни въ тогдашнемъ обществѣ, слагавшемся почти исключительно изъ дворянства, ни въ дворянскихъ депутатахъ комиссіи. Главный боецъ за право дворянства въ этой комиссіи, представитель ярославскаго дворянства князь Щербатовъ, по поводу сходнаго мнѣнія, произнесъ слѣдующую краснорѣчивую тираду: „Сохрани меня Боже и подумать, чтобы въ такое время, когда милость и правосудіе царствуютъ на престолѣ, дворянство, вмѣсто пріобрѣтенія какихъ-либо правъ, могло что-либо изъ оныхъ утратить“ [1]).

Вообще вопросъ о правахъ купечества вызвалъ очень оживленныя и продолжительныя пренія въ комиссіи. Согласно полученнымъ ими наказамъ, купеческіе депутаты просили для купечества право пріобрѣтать крѣпостныхъ и свободно заводить фабрики, при чемъ нѣкоторые домогались даже совершеннаго запрещенія дворянству устраивать фабрики. Такъ, напримѣръ, депутатъ рыбнослободскаго купечества Алексѣй Поповъ заявилъ, что купцамъ не слѣдуетъ запрещать покупать крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. Дворянству же, по его мнѣнію, не слѣдуетъ торговать: входить въ фабричныя заведенія и разные торговые промыслы не свойственно дворянамъ. Къ заявленію Попова присоединилось 69 городскихъ депутатовъ. Депутатъ г. Серпейска Глинковъ просилъ „разрѣшить заводить фабрики однимъ купцамъ“ и позволить покупку къ фабрикамъ крѣпостныхъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось 10 городскихъ депутатовъ. Депутатъ г. Тихвина Солодовни-

[1]) „Сборникъ И. О.“, т. VIII, стр. 51, 59. Депутаты отъ крестьянъ также высказывались въ пользу ограниченія права дворянства заводить фабрики. Вообще фабрики не пользовались сочувствіемъ крестьянъ.

ковъ просилъ, чтобы „производить торговлю, заводить фабрики и заводы было предоставлено одному только купечеству“. Подобныя же заявленія дѣлали и многіе другіе городскіе депутаты [1]).

Дворянскіе депутаты проявляли необыкновенный либерализмъ по отношенію къ вопросамъ фабричнаго труда. Почти всѣ они настаивали на томъ, что фабричныя работы могутъ съ успѣхомъ производиться вольнонаемными людьми. По словамъ Щербатова, лучшія фабрики въ Россіи — тѣ, при которыхъ нѣтъ приписныхъ деревень; но истинныя стремленія Щербатова, какъ и вообще дворянства, лучше всего выразились въ слѣдующемъ требованіи: „купцы должны употреблять вольныхъ людей или приписанныхъ (ранѣе) къ фабрикамъ, а дворяне вольныхъ и *своихъ*, *по усмотрѣнію* [2]). Иными словами, такъ какъ тотъ же Щербатовъ настаивалъ, чтобы впредь крестьяне не приписывались къ фабрикамъ, купечеству предоставлялось пользоваться восхваляемыми преимуществами свободнаго труда, но за собой дворянство сохраняло право отказываться отъ этихъ преимуществъ и попрежнему вести дѣло крѣпостными.

Любопытно, что иные дворяне-депутаты заходили такъ далеко, что требовали совершеннаго запрещенія купечеству устраивать фабрики. Такъ, кашинскій депутатъ Кожинъ заявилъ, что купцамъ неудобно имѣть фабрики, такъ какъ фабрики „служатъ препятствіемъ къ правильному веденію коммерческаго дѣла“. Единственными фабрикантами, по его мнѣнію, должны быть не состоящіе на государственной службѣ дворяне [3]).

Итакъ общественное мнѣніе господствующаго сословія въ половинѣ XVIII вѣка было настроено крайне недоброжелательно къ фабрикантамъ изъ купечества и ихъ исключительнымъ привилегіямъ. Соотвѣтственно этому и торгово-промышленная политика правительства измѣнилась. Извѣстно, что Петръ, желая какъ можно скорѣе развить у насъ новыя отрасли промышленности, не останавливался передъ пожертвованіемъ интересами всего насе-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, т. VIII, стр. 41, 94 и др.

[2]) Что касается до числа крестьянъ, купленныхъ къ фабрикамъ за время 1721—1762 г., когда такія покупки были запрещены, то оно не было велико. По вѣдомости Мануфактуръ-коллегіи, за это время было куплено къ фабрикамъ 21.005 душъ м. п., изъ числа которыхъ 8332 были заняты на фабрикахъ, а прочіе оставались при сельскихъ работахъ. См. „Сбор. Истор. Общ.“, т. X, стр. 368.

[3]) „Сбор. И. О-ва“, IV, 192.

ленія выгодамъ тѣхъ или иныхъ крупныхъ фабрикантовъ. Изданный въ концѣ его царствованія тарифъ имѣлъ строго покровительственный, отчасти даже запретительный характеръ. Но уже вскорѣ послѣ смерти Петра возникла агитація противъ этого тарифа. Иностранные купцы, англійскіе, голландскіе и гамбургскіе, торговавшіе въ Петербургѣ, жаловались на стѣсненіе этимъ тарифомъ иностранной торговли; я приводилъ выше отзывы московскаго купечества, рѣшительно высказавшагося за пониженіе пошлинъ. Запретительный тарифъ былъ убыточенъ также и для казны, такъ какъ при крайне слабомъ таможенномъ надзорѣ нельзя было бороться съ контрабандой; казна лишалась доходовъ, которые поступали частью таможеннымъ чиновникамъ, прославившимся своимъ взяточничествомъ (извѣстна поговорка того времени: „таможня—золотое дно“), частью купцамъ, торговавшимъ контрабаднымъ товаромъ. Неудивительно поэтому, что правительство стало склоняться въ пользу свободной торговли [1]). Тарифомъ 1731 г. пошлины были сильно понижены: на товары, которые работались въ Россіи, была назначена пошлина въ 20% съ цѣны, а съ тѣхъ, „которые хотя и дѣлаются, но не много, или вовсе не дѣлаются, но государству не нужны“, пошлина назначена въ 10%. Большая часть товаровъ отнесена къ послѣдней категоріи [2]). Этотъ тарифъ оставался въ силѣ до послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны. Въ 1753 г. былъ установленъ добавочный сборъ со всѣхъ вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ въ 13% ad valorem, для возмѣщенія внутреннихъ пошлинъ, уничтоженныхъ въ этомъ году. Тарифъ 1757 г. еще болѣе возвысилъ пошлины. Но при повышеніи пошлинъ правительство руководилось не экономическими, а фискальными соображеніями—стремленіемъ увеличить государственные доходы.

—Что касается до внутренней политики преемниковъ Петра по отношенію къ фабрикамъ, то она первое время шла по петровской колеѣ. Правительство поощряло устройство новыхъ фабрикъ — предоставленіемъ фабрикантамъ разныхъ привилегій, денежныхъ ссудъ (нерѣдко безпроцентныхъ), приписной къ фабрикамъ казенныхъ крестьянъ и мастеровыхъ. Попрежнему казен-

---

[1]) См. К. Ладыженскій. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, глава V. У Чулкова приводится любопытное мнѣніе Остермана, поданное въ Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ доказывается необходимость пониженія пошлинъ. Чулковъ, т. VI, кн. III, 231—238.

[2]) Ладыженскій, 77.

ныя фабрики передавались частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ ставить въ казну извѣстное количество выдѣлываемыхъ товаровъ, или же безъ всякаго обязательства. Но уже при Елизаветѣ нѣкоторыя привилегіи фабрикантовъ подвергаются сокращенію. Такъ, весьма важной привилегіей была полная свобода отъ податей за мастеровыхъ, состоящихъ при фабрикѣ. Указами 1742, 1743 и 1747 гг. мастеровые, прикрѣпленные къ фабрикамъ, были обложены подушною податью, наравнѣ съ прочими крестьянами, но отъ платы оброчныхъ денегъ были избавлены [1]). Точно такъ же въ 1754 г. фабричные мастеровые лишились прежней свободы отъ рекрутской повинности.

Одной изъ излюбленныхъ мѣръ поощренія фабрикантовъ при Елизаветѣ было предоставленіе отдѣльнымъ фабрикантамъ монополіи производства на извѣстное число лѣтъ [2]). Къ такимъ мѣрамъ,

---

[1]) Хотя подушную подать платили обыкновенно сами мастеровые за себя, а не ихъ владѣльцы, но, очевидно, она должна была, при ничтожности получавшейся мастеровыми заработной платы, перелагаться на владѣльца.

[2]) Такъ, напр., въ 1753 г. было запрещено на 10 лѣтъ устройство въ имперіи ситцевыхъ фабрикъ по просьбѣ учредителей первой ситцевой фабрики въ С.-Петербургѣ Чемберлена и Козенса (П. С. З., XVI, 11630). Въ этомъ же году получилъ привилегію и купецъ Федотовъ, устроившій въ Москвѣ фабрику сусальнаго золота и серебра; производство издѣлій этого рода было запрещено въ Россіи подъ угрозой отобранія ихъ въ казну (П. С. З., XIII, 10144). Въ 1755 г. шпалерному фабриканту Ботлеру было предоставлено на 10 лѣтъ исключительное право производства извѣстнаго сорта шпалеръ. Въ 1760 г. привилегія Ботлера было продолжена еще на 10 лѣтъ, при чемъ просьба бумажнаго фабриканта Ольхина объ устройствѣ шпалерной фабрики была отклонена (П. С. З., XIV, 10376; XV, 11080). Въ 1752 г. фабриканты пуховыхъ шляпъ Сокольниковъ и Боткинъ получили монополію производства для С.-Петербургской губерніи (П. С. З., XIII, 10045); еще ранѣе, въ 1747 г., фабриканты пуховыхъ шляпъ въ Москвѣ Черниковъ и Сафьяниковъ получили такую же привилегію для Моск. губ. (П. С. З., XII, 9467). Даже въ 1762 г. графъ Ягужинскій, собственникъ фабрики шелковыхъ чулокъ, исхлопоталъ запрещеніе устраивать новыя чулочныя фабрики въ Россіи въ теченіе 5 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крупные и вліятельные фабриканты домогались даже уничтоженія ранѣе устроенныхъ фабрикъ, конкурировавшихъ съ ихъ собственными. Такъ, напр., при Елизаветѣ, баронъ Сиверсъ подалъ прошеніе въ Сенатъ объ уничтоженіи бумажной фабрики Ольхина на томъ основаніи, что его собственная фабрика дѣлаетъ бумагу лучшаго качества и можетъ удовольствовать своими издѣліями всю С.-Петербургскую губернію. Сенатъ въ 1754 г. запретилъ Ольхину распространять его „безполезную“ фабрику (Соловьевъ, XXIII, 3 изд., 288).

вызывавшимъ общее недовольство и задерживавшимъ развитіе новыхъ отраслей промышленности, въ интересахъ первыхъ піонеровъ, правительство прибѣгало потому, что не видѣло другого способа перенести новыя производства въ страну. Привилегіи такого рода получали нерѣдко иностранцы, соглашавшіеся на устройство фабрикъ лишь подъ условіемъ монополіи.

Но, конечно, такія монополіи не могли не вызывать раздраженія среди дворянства и купечества и настраивали общество противъ привилегированныхъ фабрикантовъ. Въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны въ правительственныхъ сферахъ начинаетъ проявляться совершенно противоположное теченіе—стремленіе къ освобожденію промышленности отъ гнета крупныхъ фабрикантовъ. Какъ видно изъ сенатскаго указа 1758 г., запрещеніе производства пестряди и шляпъ повело къ разоренію многихъ мелкихъ ремесленниковъ, которые изготовляли въ собственныхъ небольшихъ мастерскихъ эти товары; въ виду этого Сенатъ разъяснилъ, что запрещается только устройство крупныхъ промышленныхъ заведеній, но не мелкое самостоятельное производство, почему „какъ набойки, такъ и шляпы, добротою противъ солдатскихъ и ниже, всякому, кто пожелаетъ, дѣлать безъ запрещенія, а въ заведеніи для того фабрикъ не дозволять“ [1]).

Этотъ указъ, покровительствовавшій мелкому, по всей вѣроятности, кустарному производству, показываетъ, что правительство склонялось къ новому направленію промышленной политики. Полное развитіе это направленіе получило при Екатеринѣ II. Какъ извѣстно, Екатерина неоднократно указывала устно и письменно на вредъ монополій и на преимущества мелкой промышленности передъ крупной. Въ „Наказѣ“ Екатерина заявляетъ, что „земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять должно“. Машины, по ея словамъ, не всегда бываютъ полезны, такъ какъ могутъ сокращать рукодѣлія и уменьшать число рабочихъ. Мелкая промышленность имѣетъ преимущество передъ крупной, между прочимъ, и потому, что земледѣлецъ, занимаясь у себя дома разными промыслами, не остается празднымъ зимой, безъ всякой пользы для себя и для государства [2]).

---

[1]) П. С. З., XV, 10910.

[2]) Объ этомъ см. „Наказъ“ и рукописныя замѣтки Екатерины о мануфактурахъ, цитир. у Ладыженскаго, 107—108. Любопытно, что уже Екатерина высказала главный аргументъ, который и понынѣ постоянно выдвигается защитниками кустарной промышленности.

Эти же самыя мысли, но въ еще болѣе категорической формѣ, повторяются и въ наказѣ Мануфактуръ-коллегіи своему депутату вице-президенту Сукину: „Великія мануфактурныя заведенія вмѣсто того, что долженствовали служить къ общему рукодѣлій распространенію и обогащенію государства, заключили все рукодѣліе въ стѣнахъ своихъ, а случившіяся злоупотребленія и бывшая монополія лишили многихъ пропитанія... Со времени умноженія фабрикъ города въ упадокъ приходить начали... Содержатели великихъ фабрикъ ненавистны сдѣлались обществу“. Затѣмъ Мануфактуръ-коллегія задается въ своемъ наказѣ вопросомъ—какой же характеръ должна имѣть промышленность, чтобы удовлетворять интересамъ всѣхъ классовъ населенія, и даетъ на это такой отвѣтъ: „Если поселяне должны будутъ земель своихъ не покидать, но всемѣрно оныя обрабатывать, а къ сему прибавятся имъ рукодѣлія, ихъ состоянію приличныя, какъ-то: пряжа шерсти, льна и пеньки, тканіе изъ того суконъ и полотенъ, кузнечная деревенская работа и т. п. .., то, кажется, довольными имъ быть надлежитъ... Если равнымъ образомъ и мѣщане должны будутъ получать пропитаніе одними мѣщанскому званію приличными промыслами..., то они станутъ учиться и работать на фабрикахъ... Многія фабрики исправляются уже теперь одними наемными людьми. А когда исправляются многія, то могутъ и всѣ“ [1]).

Такимъ образомъ, программа Мануфактуръ-коллегіи въ комиссіи заключалась въ поощреніи кустарной промышленности, уничтоженіи фабричныхъ монополій и переводѣ фабрикъ съ принудительнаго къ свободному труду. Эта программа была вмѣстѣ съ тѣмъ и программой дворянства, въ чемъ и заключалась ея сила. Я говорилъ, что купечество столкнулось съ дворянствомъ въ вопросѣ о томъ, кто долженъ владѣть фабриками и кто можетъ пользоваться принудительнымъ трудомъ. Но главнымъ предметомъ жалобъ купечества были не дворяне, а крестьяне. Почти всѣ купеческіе наказы полны жалобъ на торговлю крестьянъ и на развитіе мелкаго крестьянскаго производства. Такъ, напримѣръ, купечество г. Воротынска заявляетъ, что „крестьянство уѣздные, ѣздя по уѣзду, покупаютъ пенку, имѣютъ въ своихъ домахъ трепальные мѣста и терезя, избираютъ пенки и передѣлываютъ въ домахъ своихъ... Не повелѣно ли будетъ тѣмъ торгующимъ пенкою крестьянамъ пенку покупать и обдѣлывать запретить“. То

[1]) „Сборн. Ист. Общества“, т. 43, стр. 209.

же самое повторяется и въ наказѣ жителей г. Перемышля. Жители г. Костромы жалуются на то, что крестьяне скупаютъ по деревнямъ большими партіями холстъ и отправляютъ его для продажи въ портовые города. По словамъ жителей г. Боровска, „иные крестьяне имѣютъ у себя солодовни, также масляные и кожевенные заводы“. Въ наказѣ жителей Норской слободы находимъ слѣдующее любопытное указаніе на столкновеніе купцовъ и кустарей: „Жительствующіе при самой нашей слободѣ, въ селѣ Норскомъ, и протчихъ деревняхъ... многіе крестьяне изъ покупного же желѣза, куютъ при своихъ домахъ гвозди и, по многому числу у своей братіи скупая, отвозятъ въ С.-Петербургъ и Москву... Мы, тому нашему промыслу видѣвъ отъ крестьянскаго тѣмъ же гвоздянымъ товаромъ торгу подрывъ... съ немалымъ числомъ накупленнаго гвоздяного и прочаго товара крестьянъ, везущихъ уже въ Петербургъ, черезъ посланнаго изъ Ярославля подъячаго съ командой арестовали и къ слѣдствію въ тое канцелярію отослали“. Но изъ канцеляріи крестьянамъ возвратили отобранный у нихъ товаръ, что, по словамъ наказа, ободрило ихъ къ „незаконной“ торговлѣ гвоздями. Козельское купечество также жалуется на распространеніе у крестьянъ „трепальныхъ домовъ“. По словамъ наказа шуйскаго купечества, „въ селахъ и деревняхъ заводы немалые заведены, а именно: юфотные, сальные, скорняжные, выбойчатые, свѣчные и платочные, съ которыхъ заводовъ товары свои продаютъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, а другіе подъ неизвѣстными именами отвозятъ къ портамъ въ Малую Россію, въ Сибирь... Крестьяне отваживаются покупать кожу сырую и сало розницею и, собирая перекупкою въ большія стаи, въ продажѣ возвышаютъ цѣну“. Въ виду этого шуйское купечество просило „запрещенные торги пресѣчь, заводы уничтожить“. Купечество г. Романова даже прямо заявляло въ своемъ наказѣ, что крестьяне „совсѣмъ сами дѣлаются купцами, а купцовъ лишеніемъ торговъ доводятъ, чтобы и совсѣмъ ихъ не было“ [1]).

— Въ самой комиссіи купеческіе и городскіе депутаты требовали рѣшительныхъ мѣръ для ограниченія крестьянской торговли и

[1]) Кромѣ перечисленныхъ, жалобы на крестьянскій торгъ и просьбы объ его прекращеніи и уничтоженіи крестьянскихъ промысловъ встрѣчаются въ наказахъ тульскаго купечества, углицкаго, буйскаго, серпуховскаго, любимскаго, жителей городовъ Вереи, Кадуя, Судиславля, Рузы, Можайска, Юрьева-Польскаго и мн. др. Обо всемъ этомъ см. „Сборникъ Историч. Общества“, т. 93, стр. 102, 153, 161, 183, 300, 358, 399 и др.

промысловъ. Нѣкоторые депутаты приводили при этомъ интересныя данныя о развитіи кустарной промышленности [1]).

Энергичными защитниками свободы крестьянскихъ промысловъ и торговли выступили дворяне. Такъ, напр., депутатъ переяславльскаго дворянства Реткинъ въ пространной рѣчи доказывалъ необходимость огражденія крестьянскихъ промысловъ отъ посягательства купцовъ. Къ мнѣнію Реткина присоединились 22 депутата изъ дворянъ. Даже въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ упоминается о желательности большей свободы крестьянскихъ промысловъ и торговли. Такъ, напр., въ наказахъ ярославскаго дворянства мы находимъ просьбу, чтобы крестьянамъ не препятствовали продавать свои издѣлія на сельскихъ базарахъ и покупать нужныя имъ вещи. Точно такъ же шуйское дворянство проситъ разрѣшить крестьянамъ свободно продавать свои издѣлія—холсты, сукна и пр. [2]). Такое сочувственное отношеніе дворянства къ развитію крестьянскихъ промысловъ вполнѣ понятно. Главное богатство дворянства заключалось въ ихъ крѣпостныхъ крестьянахъ; во многихъ губерніяхъ центральной Россіи, гдѣ земля была плоха, а промыслы сильно развиты, бо́льшая часть крестьянъ была на оброкѣ (въ Ярославской губерніи оброчные составляли 78% всѣхъ крѣпостныхъ, въ Нижегородской губ. 82%, въ Костромской губ. 85%) [3]). А такъ какъ размѣръ оброка опредѣлялся зажиточностью крестьянъ, то естественно, что дворяне были непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы крестьянскіе промыслы развивались.

Измѣненіе промышленной политики нашего правительства при Екатеринѣ обыкновенно объясняютъ вліяніемъ ученія физіократовъ, якобы усвоеннаго Екатериной отъ ея французскихъ друзей [4]).

---

[1]) Такъ, напр., по заявленію депутата гор. Оренбурга Кочетова: „въ разныхъ уѣздахъ многіе крестьяне, особенно же татары, завели въ деревняхъ кожевенные, мыльные и салотопленные заводы и нѣкоторые изъ нихъ бумажныя и полотняныя фабрики, издѣлія которыхъ они окрашиваютъ въ китайку. Пріѣзжая съ этими товарами въ разные города Оренбургской губерніи, продаютъ ихъ мѣстнымъ жителямъ и чрезъ то дѣлаютъ купечеству подрывъ“. („Сборникъ Ист. Общ.“, VIII, 291).

[2]) „Сборникъ Ист. О-ва“, IV, 126. Въ томъ же смыслѣ высказались депутаты: суздальскаго дворянства графъ Толстой, ярославскаго князь Щербатовъ, казанскаго, псковскаго, ливенскаго, ростовскаго и др. („Сб. Ист. О-ва“, IV, 100, 122, 125, 309, 392; VIII, 218, 231, 243).

[3]) Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.“, стр. 19—21.

[4]) См., напр., Ивановъ, „Исторія управленія мануфактурной промышленностью въ Россіи“ („Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ“, 1844); „Труды комис-

Г. Нисселовичъ даетъ объясненіе, болѣе пріятное для нашего національнаго самолюбія. По его словамъ, „Екатерина пошла навстрѣчу всеобщимъ желаніямъ русскаго народа, понявшаго, помимо всякаго вліянія извнѣ, по собственному опыту, всѣ неудобства прежней системы“ [1]). Что касается до вліянія физіократовъ на политику Екатерины, то достаточно вспомнить, что именно при Екатеринѣ крѣпостное право достигло высшаго развитія. Между тѣмъ ученіе физіократовъ требовало прежде всего свободы труда. При чемъ же тутъ физіократы? Нельзя также согласиться и съ г. Нисселовичемъ, что Екатерина пошла навстрѣчу „всеобщимъ желаніямъ русскаго народа“. Фабриканты, напр., вовсе не желали уменьшенія своихъ привилегій; купечество и городское населеніе не только не сочувствовало развитію крестьянскихъ промысловъ, но всячески домогалось ихъ уничтоженія; „недозволенные торги пресѣчь, заводы (крестьянскіе) уничтожить“—вотъ о чемъ просило торговое сословіе. Тѣмъ не менѣе, правительство высказалось противъ монополій крупныхъ фабрикантовъ и въ пользу развитія крестьянскихъ промысловъ.

Я приводилъ выше выдержки изъ екатерининскаго „Наказа“ и наказа Мануфактуръ-коллегіи. Правительственныя сферы официально признали, что мелкая крестьянская промышленность заслуживаетъ большаго поощренія, чѣмъ крупная. Чѣмъ же объясняется такая измѣна традиціямъ нашей промышленной политики, направленной со временъ Петра на поддержаніе крупнаго производства? Не чѣмъ инымъ, какъ усиленіемъ вліянія *дворянства*. *Дворянскіе* интересы требовали развитія крестьянскихъ промысловъ; *дворянскіе* наказы просили о запрещеніи фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ; *дворянскіе* депутаты отстаивали свободу крестьянскаго торга. Ученіе физіократовъ пришлось очень кстати и оказало вліяніе постольку, поскольку оно соотвѣтствовало интересамъ господствующаго класса [2]).

сіи по пересмотру уставовъ фабричнаго и ремесленнаго“; ч. II, стр. 12; Корсакъ, 133; Ладыженскій, 100—108; S. Ordega. „Die Gewerbe Politik Russlands“, Tübingen, 1885, стр. 139.

[1]) Нисселовичъ, 87.

[2]) Не нужно упускать изъ вида, что крупныя фабрики XVIII вѣка (многія изъ которыхъ принадлежали дворянству) почти не конкурировали съ кустарнымъ производствомъ, такъ какъ кустари не производили тѣхъ товаровъ, которые выдѣлывались на этихъ фабрикахъ (солдатское сукно, тонкое полотно, парусина, дорогіе шелковые товары, писчая бу-

Практическимъ выраженіемъ новаго теченія явился цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, стремившихся освободить промышленность и внутреннюю торговлю отъ всякихъ стѣсненій; система покровительства крупнымъ фабрикамъ путемъ монополій и исключительныхъ привилегій была оставлена. Въ 1762 г. было отмѣнено запрещеніе дѣланія набоекъ и, по истеченіи срока привилегіи ситцевой фабрики Чемберлена, устройство ситцевыхъ фабрикъ было объявлено свободнымъ. Въ слѣдующемъ году было уничтожено нѣсколько другихъ фабричныхъ монополій. Въ 1769 г. была предоставлена всѣмъ свобода заводить въ своихъ домахъ станы для тканья разныхъ матерій, съ платежомъ опредѣленныхъ сборовъ, при чемъ было изъявлено Высочайшее удовольствіе „о томъ, что многіе городскіе и уѣздные жители начинаютъ въ домахъ своихъ внѣ фабрикъ ткать на станахъ такіе товары, которые всегда изъ другихъ государствъ прежде выписываемы были“. Рублевымъ сборомъ со стана (или, гдѣ работы не производились ткачествомъ, 1% съ капитала) были обложены и фабрики, но всѣ эти сборы были уничтожены манифестомъ 17 марта 1775 г., по которому устройство всякаго рода промышленныхъ заведеній было объявлено совершенно свободнымъ для всѣхъ [1]).

Уничтоженіе Мануфактуръ-коллегіи въ 1779 г. прекратило и исключительное положеніе фабрикантовъ въ отношеніи подсудности. Привилегіи фабрикантовъ были ограничены, но никакихъ положительныхъ мѣръ къ развитію кустарнаго производства правительство не предприняло, несмотря на всѣ свои изъявленія сочувствія мелкой крестьянской промышленности: Дѣло ограничилось тѣмъ, что легальныя стѣсненія развитія крестьянскихъ промысловъ были устранены [2]).

мага и пр.). Кустари были опасны городскимъ ремесленникамъ и купцамъ, имѣвшимъ въ городахъ небольшіе мастерскія и заводы—сальные, мыльные, кожевенные, гвоздарные и др.

[1]) П. С. З., XVIII, 13374; XX, 14275.

[2]) Впрочемъ, если центральная власть и выражала сочувствіе крестьянскимъ промысламъ, то мѣстные городскіе органы держали руку купечества. См. Дѣло о крестьянинѣ Григорьѣ Егоровѣ Харузинѣ съ крашенной пряжей, 7 мая 1768 г. Крестьянинъ села Козина Харузинъ, занимавшійся красильнымъ мастерствомъ, набиралъ въ г. Балахнѣ пряжу и холсты для крашенья. Дѣло возникло по случаю того, что нѣсколько мѣстныхъ посадскихъ напали на него въ городѣ, избили, отобрали крашеную пряжу и представили въ полицію за незаконный промыселъ. Это такъ устрашило козинскихъ крестьянъ, что они „за самонужнѣйшими

Это освобожденіе промышленности отъ чрезмѣрной правительственной опеки было прежде всего выгодно самимъ фабрикантамъ. Наше крупное производство вплоть до Екатерины развивалось крайне медленно, и только съ этого времени развитіе пошло быстрѣе. При вступленіи на престолъ Екатерины (въ 1762 г.) считалось 984 фабрикъ и заводовъ (не считая горныхъ), въ годъ ея смерти—3161 [1]). Въ 1773 г. производилось на русскихъ фабрикахъ, по далеко неполному расчету, товаровъ на 3548 тыс. р.; при этомъ суконныя и каразейныя фабрики выдѣлывали товаровъ на 1178 тыс. руб., полотняныя на 777 тыс. руб., шелковыя на 461 тыс. руб., писчебумажныя на 101 тыс. руб. (Чулковъ, т. VI, кн. III).

Такимъ образомъ, за 34 года царствованія Екатерины прибавилось болѣе 2 тысячъ новыхъ фабрикъ и заводовъ—болѣе, чѣмъ

домовыми потребностями ѣздить весьма опасны", почему казначей духовныхъ вотчинъ Нижегор. губ. (село Козино было духовной вотчиной) обратился съ просьбой въ городовой магистрать о разрѣшеніи крестьянамъ пріѣзжать въ г. Балахну „для взятья и отвозу крашеныхъ холстовъ и пряжи". Магистратъ высказался противъ этого разрѣшенія. Дѣла балахнинскаго городоваго магистрата № 590. (Списокъ съ этого дѣла доставленъ мнѣ В. Г. Короленко).

[1]) Цифру частныхъ фабрикъ въ XVIII вѣкѣ установить очень трудно. Въ извѣстномъ сочиненіи Семенова „Изученіе россійской внѣшней торговли и промышленности" показано для 1761 г. 201 фабрика, для 1776 г.—478 фабрикъ (томъ III, прил. № 4). Эти цифры перепечатаны въ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ" и другихъ статистическихъ изданіяхъ. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что цифры Семенова совершенно ошибочны и въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительныхъ. Въ „Матеріалахъ для исторіи и статистики мануфактурной промышленности Россіи" („Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ", 1865 г., т. II), составленныхъ на основаніи подлинныхъ архивныхъ вѣдомостей прошлаго столѣтія, число фабрикъ въ годъ воцаренія Екатерины опредѣлено въ 984, а въ годъ вступленія Павла—въ 3129. Приводимыя въ текстѣ цифры взяты изъ „Очерка исторіи мануфактуръ въ Россіи" В-ра Б-шева (В. Бурнашева). Спб. 1833, стр. 16 и 26, составленнаго также по архивному матеріалу. Цифры Бурнашева заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ цифры „Матеріаловъ", такъ какъ въ послѣднемъ источникѣ при перечисленіи фабрикъ по отдѣльнымъ производствамъ встрѣчаются грубыя опечатки или ошибки. Такъ, напр., для 1796 г. кожевенныхъ заводовъ показано 84, вмѣсто 848 (по Бурнашеву), парусныхъ и полотняныхъ заводовъ—41, вмѣсто 412, и т. д. Въ общемъ итогѣ для 1762 г. сдѣлана грубая опечатка — показано 94 фабрики, вмѣсто 984.

вдвое того числа, которое Екатерина застала при вступленіи на престолъ. Успѣхи фабричной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка объясняются тѣмъ, что къ этому времени у насъ уже успѣлъ образоваться контингентъ обученныхъ фабричныхъ рабочихъ. Первыя фабрики явились какъ бы техническими школами для русскаго рабочаго; какъ я говорилъ, на нихъ поступалъ всякій сбродъ, не привыкшій ни къ какому, а тѣмъ менѣе къ фабричному дѣлу: иноземныхъ мастеровъ держать было трудно, такъ какъ они требовали большихъ денегъ и рѣдко уживались съ русскими порядками [1]). Къ тому же и изъ иноземцевъ, какъ видно изъ петровскихъ указовъ, нерѣдко пріѣзжали лица, совсѣмъ незнакомыя съ тѣмъ производствомъ, которымъ они должны были руководить. Еще при Аннѣ Іоанновнѣ обученныхъ рабочихъ было такъ мало, что, напр., въ 1736 г., при устройствѣ купцомъ Еремѣевымъ суконной фабрики въ Москвѣ, Высочайше повелѣно было другимъ суконнымъ фабрикантамъ—Щеголину, Полуярославцеву и Микляевой, отдать на 1 годъ на новую фабрику по 2 мастера—„одного лучшей статьи, одного средней статьи“—съ каждой фабрики [2]). Съ теченіемъ времени число обученныхъ рабочихъ, выучившихся своему дѣлу на самой фабрикѣ, возросло, и устройство фабрикъ стало менѣе затруднительно. Цифра вольнонаемныхъ рабочихъ на русскихъ фабрикахъ быстро росла въ теченіе второй половины XVIII вѣка и къ началу XIX, какъ увидимъ ниже, значительно превосходила цифру несвободныхъ.

Уже одно увеличеніе городского населенія съ 328 тыс. (въ 1724 г.) до 1301 т. (въ 1796 г.) [3]) должно было облегчить наемъ рабочихъ на городскія фабрики. Но наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣло распространеніе въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оброчной системы, вмѣсто барщинной, и развитіе, благодаря этому, отхода крестьянъ изъ деревни на дальніе заработки. Оброчный крестьянинъ нанимался по вольному найму на фабричныя работы, какъ и свободный человѣкъ. Эти оброчные крестьяне и явились главнымъ контингентомъ

---

1) Такъ, напр., на суконной фабрикѣ Щеголина иноземные мастера пробыли только нѣсколько лѣтъ. См. „Вѣдомость о фабрикахъ и мануфактурахъ 1729 г.“ Арх. д-та тамож. сбор.

2) П. С. З., IX, 7060.

3) Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Спб. 1896 г., ч. I, стр. 79.

вольнонаемныхъ фабричныхъ рабочихъ. Фабрикантъ получилъ возможность доставать рабочія руки безъ покупки крестьянъ и безъ вербовки на фабрику разнаго сброда.

Распространенность дальняго отхода въ русской деревнѣ центральнаго района уже въ концѣ XVIII вѣка не подлежитъ сомнѣнію. На это указываютъ и иностранные писатели, посѣщавшіе Россію, и русскіе источники. По словамъ Зольтау, „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Россіи) мужчины оставляютъ земледѣліе почти исключительно женщинамъ, а сами уходятъ на разные заработки... Лѣтомъ изъ всевозможныхъ мѣстъ крестьяне стекаются въ города, чтобы заниматься мелкой торговлей, плотничествомъ, каменной работой и пр.“ [1]). Авторъ обширнаго 3-томнаго труда о русской торговлѣ, земледѣліи и промышленности—Фрибе сравниваетъ правильное перемѣщеніе крестьянскаго населенія лѣтомъ въ города, а зимой въ деревню, съ осеннимъ и весеннимъ перелетомъ птицъ [2]).

Впрочемъ, у насъ имѣются точныя статистическія данныя относительно распространенія отхожихъ промысловъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Такъ, напр., въ Ярославской губерніи было взято паспортовъ:

въ 1778 г.	53.656
„ 1788 „	70.144
„ 1798 „	73.663
„ 1802 „	69.539

Мужчинъ въ Ярославской губерніи по 5 ревизіи (1796 г.) было 385.008. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII в. около 20% всего мужского населенія Ярославской губ. уходило на заработки на сторону—иначе говоря, болѣе $^1/_5$ *взрослаго* мужского населенія занималось неземледѣльческими отхожими промыслами [3]).

Въ Московской губерніи отхожіе промыслы были менѣе развиты, но все же значительны.

---

[1]) D. W. Soltau. „Briefe über Russland und dessen Bewohner“. Berlin, 1811, стр. 23.

[2]) Wilhelm Friebe. „Ueber Russlands Handel, Landwirtschaftliche Kultur“ etc. Gotha und S.-Petersburg, 1797, Band II, стр. 277.

[3]) Эти данныя взяты изъ рукописнаго „Топографическаго описанія Ярославской губерніи въ 1802 г.“, таблицы № 1, 2 и 3. Арх. Имп. Вольно-Экономическаго Общества, № 407.

Число паспортовъ, взятыхъ сельскими жителями Моск. губ. [1]).

Годы:

1799 — 48.932
1803 — 52.922

Такъ какъ по 5-ой ревизіи въ селахъ Московской губ. числилось 434.441 муж., то уходило по паспортамъ немного болѣе 10% муж.

Мы не имѣемъ общей цифры отхода по Костромской губерніи, а лишь по нѣкоторымъ уѣздамъ.

Число паспортовъ.

Нерехотскій [2])		Галицкій [3])		Кологривскій [4])		Солигалицкій [5])	
Годы.	уѣздъ.	Годы.	уѣздъ.	Годы.	уѣздъ.	Годы.	уѣздъ.
1790 —	2.273	1786	3.777	1786	2.275	—	—
1800 —	3.392	1796	2.972	1796	2.056	1790	2.428
1804 —	3.077	1805	4.314	1804	2.547	1800	4.006
Мужское населеніе по 5-ой ревизіи.	60.853		37.575		24.948		18.510

Въ Солигалицкомъ у. уходило на сторону болѣе 20% мужского населенія, въ Кологривскомъ и Галицкомъ около 10%, въ Нерехотскомъ около 5%.

О распространеніи оброчной системы въ концѣ XVIII вѣка приведены данныя въ книгѣ г. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. Въ нечерноземной полосѣ оброчныхъ крестьянъ было 55% всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Ярославской, Костромской, Нижегородской) оброчная система значительно преобладала надъ барщинной. Напротивъ, въ черноземныхъ великорусскихъ губерніяхъ барщинная система преобладала—оброчныхъ было только 26%. Это различіе объяснялось,

---

[1]) „Таблицы по Московской губерніи за 1805 г.“ Арх. И. Вольно-Экономическаго Общества, № 468.

[2]) „Описаніе Костромской губ. Нерехотскаго у. 1805 г.“, таблицы. Арх., И. В.-Э. О-ва.

[3]) „Хозяйственное описаніе г. Галича и его уѣзда 1806 г.“, таблицы. Арх. И. В.-Э. О-ва, № 451.

[4]) „Экономическое описаніе Костромской губ. городовъ Кологрива и Ветлуги“. 1805 г., таблицы. Арх. И. В.-Э. О-ва, № 492.

[5]) „Хозяйственное описаніе о Солигалицкомъ у.“ Арх. И. В.-Э. О-ва, № 452.

въ значительной степени, бо́льшимъ развитіемъ неземледѣльческихъ промысловъ въ губерніяхъ перваго рода [1]).

Нельзя сказать, чтобы ростъ русскихъ фабрикъ во вторую половину XVIII вѣка былъ вызванъ таможенной политикой Екатерины. При ней было издано 3 тарифа—въ 1766, 1782 и 1793 г.г. Два первые тарифа имѣли умѣренно-покровительственный характеръ. Большинство ввозныхъ товаровъ (бо́льшая часть тканей' желѣзныхъ издѣлій и др.) были обложены пошлиной въ 20—30%; на очень немногіе товары пошлина имѣла запретительный характеръ, еще меньше товаровъ было совсѣмъ запрещено къ привозу. Тарифомъ 1782 г. пошлины были въ общемъ повышены, но незначительно [2]). Эти два тарифа не находились въ рѣзкомъ проти-

[1]) Семевскій, стр. 44—52. Весьма любопытно, что кн. Щербатовъ, защищавшій крестьянскіе торги въ комиссіи, впослѣдствіи измѣнилъ свое мнѣніе и признавалъ вреднымъ распространеніе крестьянскихъ промысловъ. „Сіе, кажется, есть коренное зло въ Россіи, что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставляя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы! Прежде всѣ крестьяне принадлежали къ хлѣбопашеству, были сыты, но бѣдны". Теперь же „крестьяне для удовлетворенія податьми Государя и помѣщиковъ, оставляя земледѣліе, стали ходить на другія работы, и, дѣйствительно, они стали богатѣе деньгами, но земледѣліе упало" („Статистика въ разсужденіи Россіи", 1776—77 г. „Чтенія И. О-ва Исторіи и Древностей". 1859, кн. 3, стр. 21). „По мѣрѣ размноженія сластолюбія, пріумножились всѣ мастерства, рукодѣлія и промыслы, и самыя хотя нужныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ... отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Если мы возьмемъ въ примѣръ одну Москву и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, жившихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, какъ число ихъ пріумножилось. Двадцать лѣтъ тому не прошло, весь Каретный рядъ помѣщался за Петровскими воротами по Земляной городъ по Большой улицѣ; а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города.., но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ... Строенія были рѣдки, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строеніе не производилось. Всѣ сіи промыслы требуетъ людей" („Чтенія И. Об-ва Исторіи и Древностей". 1860 г., кн. I, стр. 82).

[2]) По словамъ г. Ладыженскаго, „тарифъ 1782 г. былъ чрезвычайно умѣренъ... Тарифъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ идеямъ физіократизма и свободной торговли, которыя... достигли почти полнаго примѣненія въ 1782 г." (Ладыженскій. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа", стр. 140). Это совершенно невѣрно. Тарифомъ 1782 г. пошлины по важнѣйшимъ товарамъ (шерстяныя издѣлія, желѣзныя, полотняныя, писчебумажныя) не только не были понижены, но даже повышены (правда, незначительно) сравнительно съ 1766 г. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить подлинныя пошлины по „Книгѣ Тарифовъ" (Т. 46 Полн. Собр. Зак. Собр. I).

ворѣчіи съ общимъ направленіемъ промышленной политики Екатерины—съ ея симпатіями къ свободной торговлѣ.

Только тарифъ 1793 г. имѣлъ строго покровительственный и даже запретительный характеръ. Но изданіе этого тарифа было вызвано соображеніями совсѣмъ особаго рода. Какъ извѣстно, при Екатеринѣ Россія перешла къ бумажноденежному обращенію, которое съ тѣхъ поръ успѣло такъ прочно водвориться въ нашемъ отечествѣ, что стало какъ бы одной изъ нашихъ національныхъ особенностей. Вексельный курсъ сдѣлался предметомъ особаго вниманія русскаго правительства, такъ какъ высотой курса опредѣлялся размѣръ заграничныхъ платежей нашего государственнаго казначейства. Но однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ вексельнаго курса является состояніе платежнаго баланса страны. По этой причинѣ русское правительство со времени введенія у насъ бумажныхъ денегъ стало усиленно заботиться объ улучшеніи нашего платежнаго баланса. Неблагопріятный платежный балансъ очень невыгодно отзывался (черезъ посредство вексельнаго курса) на государственныхъ финансахъ, и вотъ по этой-то причинѣ правительство Екатерины въ 1793 г. признало нужнымъ принять мѣры для сокращенія привоза въ Россію иностранныхъ товаровъ, такъ какъ сокращеніе привоза товаровъ изъ-за границы гораздо легче достижимо, чѣмъ расширеніе вывоза туземныхъ произведеній за границу [1]).

Такимъ образомъ, фабричная промышленность въ теченіе почти всего царствованія Екатерины не пользовалась покровительствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и, тѣмъ не менѣе, развивалась успѣшнѣе, чѣмъ раньше. Изъ этого ясно, что нельзя видѣть важнѣйшую причину развитія у насъ фабричнаго производства только въ мѣрахъ правительства или, еще уже, въ нашей таможенной политикѣ, а именно этимъ грѣшатъ почти всѣ наши экономисты—какъ протекціонисты, такъ и фритредеры. Въ теченіе XVIII вѣка наше крупное производство сдѣлало болѣе всего успѣховъ въ то время, когда правительство офиціально заявляло о

---

[1]) Вопросъ о причинахъ упадка курса и средствахъ поднятія его занимаетъ видное мѣсто въ офиціальной литературѣ того времени. Въ таможенномъ департаментѣ имѣется цѣлый рядъ записокъ разныхъ лицъ по этому предмету; большая часть этихъ записокъ относится къ 90 годамъ прошлаго столѣтія. См. объ этомъ также у Ладыженскаго, 127—136, 150, 153, и у Семенова, III, 43—50.

своемъ несочувствіи этой формѣ промышленности и менѣе, чѣмъ когда-либо, поддерживало ее „искусственными“ средствами.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что правительство Екатерины не принимало никакихъ мѣръ въ пользу крупной промышленности. Иностранные капиталисты и рабочіе попрежнему усиленно привлекались въ Россію, при чемъ имъ предоставлялись разныя льготы. Особенно важной привилегіей иностранныхъ капиталистовъ, устраивавшихъ въ Россіи фабрики и заводы, было право покупать къ нимъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ, дарованное манифестомъ 1753 [1]) (въ то время, какъ указомъ предшествовавшаго года русскіе капиталисты этого права были лишены). Точно такъ же казна нерѣдко оказывала денежныя ссуды фабрикантамъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство на свой счетъ пробовало устраивать различныя фабрики, но фабрики этого рода, кромѣ тѣхъ, которыя поставляли свои товары въ казну (какъ, напр., огромная Екатеринославская суконная фабрика), существовали обыкновенно недолго, и Екатерина скоро убѣдилась въ невыгодности такихъ предпріятій [2]). Фабрикамъ, изготовлявшимъ такіе товары, которые раньше не выдѣлывались въ Россіи, обезпечивалась на извѣстное число лѣтъ свобода отъ пошлинъ и налоговъ. Но, повторяю, развитіе фабричной промышленности при Екатеринѣ гораздо меньше основывалось на непосредственой поддержкѣ правительства, чѣмъ въ предыдущія царствованія. При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ устройство фабрики разсматривалось почти какъ государственная служба; государство признавало поэтому своимъ долгомъ всѣми возможными средствами поощрять и награждать фабрикантовъ, исполнявшихъ дѣло первенствующей государственной важности. При Екатеринѣ отношеніе правительства къ фабрикантамъ измѣнилось; въ нихъ перестали видѣть служилыхъ людей, хотя правительство продолжало въ нихъ нуждаться, и потому не могло не покровительствовать имъ.

Остановимся теперь на одномъ любопытномъ пунктѣ. Жалобы купечества въ Екатерининской комиссіи на развитіе крестьянской торговли и промысловъ свидѣтельствуютъ о ростѣ кустарнаго производства во второй половинѣ XVIII вѣка. Дѣйствительно, есть полное основаніе думать, что въ екатерининское время не только наша фабричная промышленность сдѣлала нѣкоторые успѣхи,

---

[1]) П. С. З., XVI, 11880.

[2]) Storch. „Statistische Gemälde“. III, 35—42.

но въ еще большей мѣрѣ развилась крестьянская промышленность. Иностранныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ концѣ XVIII или началѣ XIX вѣка, поражала необыкновенная распространенность всевозможнаго рода промысловъ въ русской деревнѣ. Такъ, напр., по словамъ Петри, „нигдѣ не наблюдется такого крайняго смѣшенія городскихъ и сельскихъ промысловъ, какъ въ Россіи. Въ Россіи крестьянинъ занимается не только земледѣліемъ, но по большей части также и другими промыслами: очень часто земледѣліе играетъ даже въ крестьянскомъ хозяйствѣ второстепенную роль, а промыслы главную, такъ что встрѣчаются цѣлыя села, состоящія изъ однихъ ремесленниковъ“ [1]). На то же указываетъ и Фрибе, по словамъ котораго русскій крестьянинъ чрезвычайно склоненъ къ промышленной дѣятельности [2]).

Крестьянская промышленность въ это время была направлена главнымъ образомъ на обработку тѣхъ продуктовъ, которые производились самими крестьянами. Особенное значеніе имѣло прядень̀е и ткачество льна. Но Петру не удалось заставить крестьянъ ткать широкія полотна—попрежнему кустари ткали крайне узкій холстъ, болѣе похожій на ленту [3]). Это полотно нерѣдко красилось и уже въ такомъ видѣ, черезъ посредство скупщиковъ, державшихъ кустарей въ полномъ подчиненіи, поступало на рынокъ. Самая техника пряденья и тканья сдѣлала очень мало успѣховъ со времени Петра I. Самопрялка все еще не была въ употребленіи среди крестьянъ. Это констатируется всѣми „отвѣтами“, полученными Вольно-Экономическимъ Обществомъ, разославшимъ въ 1766 г. черезъ губернаторовъ въ разныя губерніи рядъ вопросовъ, касавшихся экономическаго положенія населенія [4]). Самое лучшее по-

---

[1]) Iohann Petri. „Russlands blühendste Handelstädte“. Leipzig, 1811, стр. 3. То же говоритъ и Schäffer, авторъ книги „Beschreibung des Russischen Reichs“. Berlin, 1812.

[2]) Friebe. „Ueber Russlands Handel“ etc. Продукты кустарной промышленности характеризуются Фрибе тѣми же чертами, которыя составляютъ ихъ отличительную особенность и теперь—дешевизной и плохимъ качествомъ. „Изъ 6 тульскихъ замковъ нерѣдко оказывается годнымъ только одинъ“ (II, 407).

[3]) Abel Burja. „Observations d'un voyageur sur la Russie“. Berlin, 1785, стр. 23.—Storch. „Statist. Gemälde“, III, 69—72.

[4]) См. „Труды И. В.-Э. О-ва“, 1767 г., часть VII. Отвѣты Переяславльской провинціи, Переяславля-Залѣсскаго, Оренбургской провинціи; 1768 г., часть VIII. Отвѣты Слободско-Украинской провинціи; 1774 г., часть XXVI. Отвѣты по Кашинскому уѣзду и др.

лотно, по словамъ Шторха, изготовлялось въ Архангельской губ., въ селѣ Лысковѣ на Волгѣ, въ менонитскихъ колоніяхъ въ Вишенкѣ и другихъ мѣстахъ.

Въ лѣсныхъ губерніяхъ были развиты разнообразные промыслы, связанные съ обработкой дерева или древесныхъ продуктовъ—плетеніе рогожъ, ситъ, рѣшетъ, лаптей, дѣланіе колесъ, дугъ, саней, дровней, деревянной посуды, гонка смолы и дегтя [1]). Скорняжное, кожевенное, сыромятное производства были распространенными крестьянскими промыслами. Обработка желѣза давала занятіе цѣлымъ селамъ въ Нижегородской и другихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ селѣ Работницкомъ на Волгѣ всѣ жители были кузнецами, въ Безводномъ на Волгѣ—тянули проволоку; но особенно выдѣлялось уже въ то время промыслами Павлово, въ которомъ было до „3000 крестьянъ, которые вмѣстѣ составляли какъ бы одну фабрику, хотя каждый работалъ на себя. Они выдѣлываютъ висячіе замки, ножницы, ножи, сабли, ружья, топоры и пр.“ [2]). Павловскія издѣлія были распространены по всей Россіи и вывозились даже за границу, особенно въ Персію.

Бо́льшая часть гвоздей, употреблявшихся въ Россіи, изготовлялась кустарями въ приволжскихъ губерніяхъ. Иногда въ деревняхъ развивалась даже обработка драгоцѣнныхъ металловъ—изготовленіе издѣлій изъ золота и серебра. Такъ, въ селѣ Сидоровскомъ, Нерехотскаго у., было нѣсколько десятковъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, золотильщиковъ, серебрениковъ и чеканщиковъ [3]).

По берегамъ судоходныхъ рѣкъ (Волги, Камы, Оки и др.) было сильно развито судостроеніе и составляло исключительный промыселъ многихъ деревень. Всѣ суда, ходившія по этимъ рѣкамъ, строились крестьянами [4]).

Крестьяне сами выдѣлывали для себя грубое сукно, которое нерѣдко поступало и въ продажу. Нѣкоторыя деревни исключительно занимались изготовленіемъ шляпъ, другія — сапоговъ, третьи—мебели и т. д. Такъ, уже въ это время села Кимры и Медвѣдицкое, Кашинскаго уѣзда, были населены почти исключи-

---

1) См., напр., „Экономическое описаніе Костромской губерніи городовъ Кологрива и Ветлуги“. 1805. Арх. И. В.-Э. О-ва, № 492.

2) Storch, III, 88.

3) „Описаніе Костромской губ. Нерехотскаго у.“, 1805 г., стр. 156. Арх. И. В.-Э. О-ва.

4) „Труды И. В.-Экономическаго О-ва“, 1783 г., часть 33. О побочныхъ крестьянскихъ работахъ, 126.

тельно сапожниками и башмачниками. Сапожный и башмачный промыслы вообще были особенно развиты въ Кашинскомъ уѣздѣ [1]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ кустарной промышленности была Московская губернія, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ которой крестьяне, по словамъ Шторха, были почти исключительно ремесленниками (кустарями) или промышленниками. Въ деревняхъ одного Московскаго уѣзда считалось болѣе 300 ткацкихъ становъ для тканья шелковыхъ и бумажныхъ матерій, нѣсколько сотъ становъ для тканья лентъ и пр. Кустарное шелковое ткачество, возникшее не раньше половины XVIII вѣка, къ концу этого вѣка достигло уже такого развитія, что коломенскіе шелковые фабриканты не могли дѣлать легкой шелковой тафты и платковъ изъ-за конкуренціи кустарей [2]).

Въ Гжельской волости и окрестныхъ селеніяхъ почти всѣ жители занимались изготовленіемъ глиняной и фарфоровой посуды [3]).

О развитіи кустарнаго ткачества холста въ Тверской губерніи можно судить по тому, что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія Тверская губернія вывозила на продажу до 10 мил. арш. крестьянскаго холста, а въ 1879 г., по расчету г. Покровскаго, та же губернія отпускала холста только въ полтора раза болѣе—16 мил. арш.; при этомъ трудъ ткача и пряхи, судя по цѣнамъ холста прежде и теперь, вознаграждался столѣтіе тому назадъ почти вдвое лучше [4]).

Эти успѣхи кустарнаго производства во второй половинѣ XVIII вѣка находились въ извѣстной связи съ увеличеніемъ числа фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ.

Фабрика въ XVIII вѣкѣ была почти единственной школой промышленнаго искусства, новыхъ пріемовъ производства, техническихъ усовершенствованій. Въ прошломъ столѣтіи всѣ важнѣйшія новыя отрасли промышленности возникали первоначально въ видѣ крупныхъ фабрикъ, въ которыхъ иноземные мастера научали русскихъ рабочихъ. Но, какъ было указано выше, фабрики эти были, въ сущности, только мануфактурами, — работа на нихъ производилась

---

[1]) „Труды И. В.-Э. О-ва“, 1774, ч. XXVI. Отвѣты по Кашинскому у.

[2]) Корсакъ, 135.

[3]) С. Черновъ. „Статистическое описаніе Московской губ.“ 1811 г., стр. 72.

[4]) В. Покровскій. „Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи“. Тверь, 1879, I, стр. 131.

почти исключительно руками, при самомъ ничтожномъ употребленіи машинъ. При такихъ условіяхъ нѣкоторыя новыя производства могли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и на фабрикахъ, исполняться самими крестьянами, въ ихъ собственныхъ избахъ. Крестьянамъ не хватало только техническаго знанія, и вотъ фабрики сыграли огромную роль въ развитіи крестьянской промышленности, являясь распространителями этихъ знаній, практической школой для кустарей. По мѣрѣ расширенія на фабрикахъ вольнонаемнаго труда, все большее число рабочихъ знакомилось съ усовершенствованными пріемами производства, а такъ какъ большинство изъ этихъ рабочихъ были крестьянами, на время уходившими изъ деревни для заработковъ, то естественно, что, возвращаясь домой, они разносили по всѣмъ деревенскимъ закоулкамъ новые техническіе навыки и пріемы. Фабричные рабочіе обыкновенно были піонерами въ дѣлѣ заведенія новыхъ отраслей крестьянскаго производства. Они устраивали собственныя небольшія мастерскія, стараясь эксплуатировать въ свою пользу пріобрѣтенное техническое искусство; но сосѣди быстро перенимали несложные пріемы производства, возникалъ новый промыселъ, отъ котораго начинала кормиться вся деревня.

Я не буду останавливаться надъ фактическимъ доказательствомъ возможности такого взаимодѣйствія между фабрикой и кустарной избой, такъ какъ объ этомъ вопросѣ мнѣ еще придется обстоятельно говорить ниже. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что конецъ XVIII вѣка характеризуется развитіемъ промышленности въ обѣихъ формахъ—какъ фабричной, такъ и кустарной. Антагонизмъ этихъ двухъ формъ производства въ эту эпоху обнаруживался еще очень слабо. Только изрѣдка мы узнаемъ о конкуренціи кустаря съ фабрикой, при чемъ кустарь беретъ всегда верхъ. Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустарной избой всецѣло объясняется тѣмъ, что важнѣйшія и крупнѣйшія фабрики (суконныя, полотняныя, парусныя, фабрики тяжелыхъ шелковыхъ матерій, писчебумажныя, стеклянныя и другія) производили товары, почти не выдѣлывавшіеся кустарями; поэтому и случаевъ столкновенія фабрики съ кустаремъ не представлялось. Даже если на фабрикахъ и въ кустарныхъ заведеніяхъ выдѣлывались товары одного рода (напр., на ситцепечатныхъ фабрикахъ и у кустарей-набойщиковъ), качество фабричныхъ и кустарныхъ издѣлій было настолько различно, что исключало конкуренцію между ними. Фабрика XVIII вѣка выдѣлывала, главнымъ образомъ, или товары, поставляемые въ казну (напр., сукно, полотно, писчая бумага),

или предметы потребленія высшихъ классовъ населенія. Кустари же изготовляли грубые товары, расходившіеся преимущественно среди простого народа. По этой причинѣ фабрика и кустарная изба мирно уживались въ XVIII вѣкѣ другъ съ другомъ, почти не конкурируя между собой, при чемъ, какъ я сказалъ, фабрика являлась технической школой для кустаря.

ЧАСТЬ I.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

ГЛАВА I.

Развитіе промышленности въ дореформенной Россіи.

Возникновеніе у насъ хлопчатобумажнаго производства.—Его необыкновенно быстрый ростъ.—Причины этого. — Капиталистическій характеръ нашего хлопчатобумажнаго производства и его связь съ бумагопрядильнымъ производствомъ Англіи.—Слабость правительственной поддержки.—Промышленный кризисъ конца 30-хъ годовъ.—Кризисъ полотноткацкаго производства 30—40 годовъ.—Размѣры этого кризиса.—Освобожденіе суконной промышленности отъ подчиненія государству.—Ростъ числа фабричныхъ рабочихъ и концентрація производства до 40-хъ годовъ; измѣненіе направленія развитія послѣ этого времени.—Желѣзодѣлательная промышленность и ея застой.—Связь съ крѣпостнымъ правомъ.

Изъ предшествовавшаго очерка промышленнаго развитія Россіи въ XVIII вѣкѣ читатель могъ видѣть, что русская промышленность не стояла неподвижно и со времени Петра сдѣлала несомнѣнные успѣхи. Но успѣхи эти были невелики; промышленность развивалась количественно, но техника производства совсѣмъ не прогрессировала, и главнымъ потребителемъ продуктовъ крупнаго производства оставалось государство. Важнѣйшей отраслью фабричной промышленности въ концѣ царствованія Екатерины, какъ и при Петрѣ, было суконное производство, работавшее почти исключительно для казны. Точно такъ же горные заводы, желѣзные, мѣдные и др. преимущественно удовлетворяли спросу государства (многіе изъ этихъ заводовъ и принадлежали казнѣ). Большинство фабрикъ и заводовъ въ XVIII вѣкѣ основалось при прямой или косвенной помощи правительства; рабочія руки отчасти доставлялись также правительствомъ. Хотя въ концѣ XVIII столѣтія правительственная опека надъ частной фабрикой ослабѣ-

ваетъ, тѣмъ не менѣе частная фабрика продолжаетъ пользоваться поддержкой казны въ формѣ денежныхъ ссудъ и разнаго рода льготъ и привилегій. Какъ я старался показать, это ослабленіе правительственной опеки надъ промышленностью не только не задержало количественнаго роста послѣдней, но скорѣе его усилило. Въ царствованіе Екатерины число фабрикъ значительно увеличивается, и вмѣстѣ съ тѣмъ развивается крестьянская промышленность. Петровскія фабрики испытывали крайнія затрудненія въ пріисканіи рабочихъ рукъ. Мануфактурное производство требовало искусныхъ рабочихъ, а таковыхъ въ Россіи, вслѣдствіе ея промышленной отсталости, въ это время не было. Но затрудненія такого рода ослабѣвали по мѣрѣ роста фабрикъ и распространенія вольнонаемнаго труда. Рабочіе обучались новымъ способамъ производства, промышленное искусство распространялось въ народѣ; выгодами такого распространенія пользовалось какъ крупное, такъ и мелкое производство. Вновь возникавшія фабрики получили возможность находить рабочихъ, а крестьяне обучались новымъ промысламъ, которые по своему техническому характеру съ успѣхомъ могли быть усвоены мелкимъ деревенскимъ производителемъ.

Такимъ образомъ, наша промышленность понемногу освобождалась отъ непосредственной зависимости отъ государства. Фабрика, которая вначалѣ была такимъ же чуждымъ (хотя и необходимымъ) элементомъ нашего хозяйственнаго строя, какъ были чужды московскому политическому строю новыя административныя формы, созданныя Петромъ, постепенно органически срастается съ этимъ строемъ. Будучи обязана своимъ возникновеніемъ непосредственному воздѣйствію государственной власти, крупная промышленность сама дѣлается однимъ изъ факторовъ, направляющихъ государственную политику. Но, повторяю, въ XVIII вѣкѣ наша крупная промышленность еще едва вышла изъ пеленокъ; только въ XIX вѣкѣ она стала соціальнымъ факторомъ первой важности.

Если мы сравнимъ развитіе русской промышленности въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ настоящаго столѣтія, мы легко замѣтимъ между этими двумя эпохами слѣдующее основное различіе. Въ XVIII вѣкѣ развивались преимущественно тѣ отрасли промышленности, которыя удовлетворяли спросу государства (суконное, парусно-полотняное, писчебумажное, горнозаводское производства). Напротивъ, въ дореформенной Россіи XIX вѣка доминирующимъ фактомъ является поразительно быстрый ростъ производства, ко-

торое было вполнѣ независимо отъ спроса государства, а именно— хлопчатобумажнаго.

Хлопчатобумажная промышленность появилась у насъ еще въ XVIII вѣкѣ. Мнѣ придется ниже говорить объ исторіи возникновенія ситцепечатнаго и бумаготкацкаго производствъ въ селѣ Ивановѣ. Но до начала XIX вѣка обработка хлопка у насъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, имѣла ничтожное значеніе.

Зато въ XIX вѣкѣ наша хлопчато-бумажная промышленность стала расти чрезвычайно быстро. Вотъ соотвѣтствующія данныя для первой половины этого вѣка.

Средній ежегодный ввозъ въ Россію (въ десяткахъ тысячъ пудовъ) [1]).

Годы.	Хлопка сырца.	Бумажной пряжи.
1812 — 15	5	12
1816 — 20	5	19
1821 — 25	7	23
1826 — 30	10	43
1831 — 35	15	56
1836 — 40	32	59
1841 — 45	53	59
1846 — 50	112	35
1851 — 55	167	12
1856 — 60	262	21

За 50 лѣтъ количество перерабатываемаго въ Россіи хлопка возросло болѣе, чѣмъ въ 50 разъ. Раньше всего у насъ развилась завершительная операція хлопчатобумажнаго производства — ситцепечатаніе (ручная набойка), затѣмъ бумажное ткачество и только значительно позже бумагопряденье. Такая послѣдовательность развитія различныхъ отраслей хлопчатобумажной промышленности не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Набойка по холсту была распространена у насъ задолго до начала ситцепечатанія, и переходъ къ набойкѣ по миткалю, ввозимому изъ-за границы, не представлялъ никакихъ трудностей. Ткачество миткаля было почти совершенно незнакомо Московской Руси; но такъ какъ ручное ткачество бумажной пряжи представляетъ собой операцію очень простую, которую можно свободно изучить въ нѣсколько мѣсяцевъ, то неудивительно, что, по мѣрѣ развитія ситцепечатанія, стало распространяться и бумаготкацкое

[1]) Составлено по „Tableaux Statist. du Comm. Extér. de la Russie“.

производство. Бумагопряденье появилось у насъ всего позже потому, что въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка (когда бумажныя ткани стали входить у насъ въ общее употребленіе) ручное пряденье было совершенно невыгодно вслѣдствіе крайней дешевизны англійской машинной пряжи. Чтобы конкурировать съ англійской пряжей, нужно было изготовлять пряжу машинами, которыя такъ сильно увеличили производительность труда англійскаго прядильщика. Но устройство бумагопрядильной фабрики требовало огромныхъ затратъ капитала; прядильныя машины приходилось вывозить изъ-за границы, а это было тѣмъ затруднительнѣе, что вывозъ машинъ изъ Англіи до 1842 г. былъ запрещенъ. По этой причинѣ, вплоть до 40-хъ годовъ, наше бумаготкацкое производство пользовалось преимущественно заграничной (главнымъ образомъ, англійской) пряжей.

Ввозъ иностранной пряжи въ Россію растетъ до начала 40-хъ годовъ; съ этого времени ввозъ начинаетъ падать. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что быстрое расширеніе бумаготкацкой промышленности во второй половинѣ 20-хъ годовъ основывалось, главнымъ образомъ, на увеличеніи ввоза иностранной пряжи. Напротивъ, послѣ 40-хъ годовъ ростъ нашей бумаготкацкой промышленности сопровождается еще болѣе быстрымъ ростомъ бумагопрядильнаго производства въ самой Россіи, благодаря чему ввозъ иностранной пряжи падаетъ.

Чѣмъ же обусловливались успѣхи нашей хлопчатобумажной промышленности? Я говорилъ во Введеніи, какую крупную роль сыграло государство въ появленіи у насъ крупнаго производства. Хотя обычное объясненіе этого появленія далеко недостаточно, такъ какъ оно игнорируетъ основной фактъ—торговый капитализмъ въ допетровской Руси,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что безъ спеціальныхъ мѣръ, принятыхъ Петромъ по соображеніямъ общегосударственнаго значенія, крупное производство у насъ въ то время не могло бы развиться. Печать „государственности“ лежитъ на всей крупной промышленности прошлаго вѣка. Государство нуждалось въ этой промышленности и усердно ее поддерживало всѣми способами; и тѣмъ не менѣе, наиболѣе поощряемыя отрасли промышленности (напр., суконная) развивались весьма туго.

Хлопчатобумажная промышленность выросла въ Россіи при совершенно иныхъ условіяхъ. Въ половинѣ XVIII вѣка ситцепечатное производство было монополизировано крупными фабрикантами Чемберленомъ и Козенсомъ, англичанами, имѣвшими фабрику въ Петербургѣ. Правительство не только не принимало мѣръ къ распространенію новой отрасли промышленности, но даже задер-

живало монополіей ея развитіе. Тѣмъ не менѣе, эта промышленность быстро росла. Главные успѣхи ея начинаются въ XIX вѣкѣ. Успѣхи эти являются разительнымъ контрастомъ съ застоемъ или даже упадкомъ другихъ отраслей производства (о чемъ я буду говорить ниже). И этотъ ростъ, по крайней мѣрѣ въ области ткачества, былъ достигнутъ безъ всякой непосредственной поддержки правительства. Къ бумаготкацкимъ фабрикамъ не приписывались крестьяне, имъ не давалось казенныхъ строеній и земельныхъ участковъ, онѣ почти не пользовались ссудами отъ правительства [1]). Правительство не признавало нужнымъ заботиться о развитіи хлопчатобумажной промышленности такъ усиленно, какъ оно заботилось о развитіи суконнаго, чугуноплавильнаго, паруснаго и кожевеннаго производствъ по той простой причинѣ, что въ бумажныхъ тканяхъ военное министерство не нуждалось. И тѣмъ не менѣе, ростъ именно этой отрасли промышленности далеко оставилъ за собой ростъ всѣхъ другихъ отраслей, спеціально опекаемыхъ государствомъ.

Основная причина развитія хлопчатобумажной промышленности въ XIX вѣкѣ не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ заключалась въ томъ, что, благодаря примѣненію машинъ къ пряденью и ткачеству хлопка, бумажныя ткани сдѣлались самымъ дешевымъ предметомъ одежды. Чѣмъ бѣднѣе въ странѣ масса населенія, тѣмъ бо́льшимъ распространеніемъ въ ней должны пользоваться бумажныя матеріи. Это достаточно извѣстно. Но вотъ на что въ русской литературѣ до сихъ поръ было обращено слишкомъ мало вниманія. Во всѣхъ книгахъ, такъ или иначе затрогивающихъ вопросъ о поразительномъ развитіи нашего бумажнаго ткачества во второй четверти этого вѣка, развитіе это приводится въ связь только съ одной причиной—изданіемъ въ 1822 г. новаго тарифа, составленнаго въ духѣ крайняго протекціонизма. Между тѣмъ, важнѣйшимъ факторомъ роста нашей бумаготкацкой промышленности въ разсматриваемое время, какъ и раньше, былъ не тарифъ, а нѣчто совсѣмъ иное. Обратимся къ цѣнамъ бумажной пряжи за этотъ періодъ.

---

[1]) Въ офиціальной „Вѣдомости о ссудахъ изъ Мануфактурнаго капитала“ (предназначеннаго для ссудъ фабрикамъ и заводамъ) за 1804—1810 г. значится только 3 ссуды на устройство фабрикъ бумажныхъ матерій, при чемъ весь капиталъ, выданный въ ссуду для этой цѣли, достигалъ только 1300 р. Дѣло о зависимыхъ отъ казны фабрикахъ. 3 ноября 1811 г. Св. № 42. Арх. д-та т. и м.

Продажныя цѣны пуда англійской бумажной пряжи въ г. Шуѣ. № 18—30 [1]).

Годы:		Годы:	
1822	106—112 р. асс.	1834	84—100 р. асс.
1823	110—118 „ „	1835	92—113 „ „
1824	112—125 „ „	1836	87— 97 „ „
1825	102—118 „ „	1837	73— 79 „ „
1826	105—110 „ „	1838	72— 81 „ „
1827	85— 90 „ „	1839	72— 76 „ „
1828	75— 85 „ „	1840	62— 71 „ „
1829	73— 84 „ „	1841	62— 71 „ „
1830	73— 86 „ „	1842	68— 70 „ „
1831	74— 80 „ „	1843	63— 68 „ „
1832	73— 82 „ „	1844	64— 69 „ „
1833	80— 87 „ „	1845	63— 68 „ „

Мы видимъ, что въ 1827 г. цѣна бумажной пряжи въ Шуѣ сразу упала почти на 20% и впослѣдствіи уже не поднималась до прежней высоты. Точно такъ же значительное пониженіе цѣны пряжи мы замѣчаемъ въ 1837 и 1840 гг. Чѣмъ же оно было вызвано? Обратимся къ цѣнамъ хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ на англійскомъ рынкѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой цѣнъ пряжи, но такъ какъ пряжа является главной составной частью цѣнности бумажной ткани, то я и приведу цѣны бумажной ткани въ Манчестерѣ.

Средняя ежегодная цѣна бумажной ткани Reed Printing Cloth [2]).

Годы:		Годы:	
1822	14 ш. 6 п.	1836	10 ш. — п.
1823	14 „ — „	1837	7 „ 9 „
1824	14 „ 6 „	1839	8 „ 7 1/2 „
1825	16 „ 3 „	1840	7 „ 3 „
1826	10 „ 6 „	1842	6 „ 1/2 „
1827	10 „ — „	1843	6 „ 6 1/2 „
1835	10 „ 2 „	1844	6 „ 3 „

Такимъ образомъ, и въ Англіи цѣна бумажныхъ фабрикатовъ сильно понизилась въ 1826, 1837 и 1840—42 гг., т.-е. приблизительно въ тѣ же годы, какъ и въ Россіи. Дѣло въ томъ, что 1825, 1836

[1]) По конторскимъ книгамъ крупнѣйшей фирмы того времени, торговавшей англійской пряжей—бр. Киселевыхъ. „Памятная книжка Влад губ. на 1862 г.“ Очеркъ торговли хлопчатобумажной пряжей въ г. Шуѣ. Лядова.

[2]) „Journal of the Statistical Society of London“. 1861. Neild. An Account of the Prices of Printing Cloth. Стр. 445.

и 1839—1840 гг. были годами промышленныхъ кризисовъ; а кризисы всегда были въ Англіи стимулами техническаго прогресса. Послѣ каждаго кризиса фабриканты вводили усовершенствованныя машины, для удешевленія производства; по этой причинѣ кризисы въ Англіи не только кратковременно понижали цѣны фабрикатовъ, но и вызывали паденіе обычной, нормальной цѣны послѣднихъ.

Вотъ въ этомъ-то удешевленіи пряжи, слѣдовавшемъ за англійскими промышленными кризисами, слѣдуетъ искать основную причину быстраго роста нашего бумаготкацкаго производства въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ. Несмотря на тарифъ 1822 г., цѣна пряжи въ Россіи быстро падала, параллельно этому падали цѣны миткаля и ситца,—спросъ на бумажныя ткани возрасталъ, и производство ихъ расширялось. Основнымъ факторомъ всего этого процесса являлся техническій прогрессъ бумагопрядильнаго производства въ Англіи. Очень интересно, что цѣна англійской пряжи въ Шуѣ сильно понизилась въ 40-хъ годахъ, — интересно потому, что какъ разъ въ 1841 году пошлина на привозную бумажную пряжу у насъ была сильно повышена; но, несмотря на повышеніе пошлины, англійская пряжа въ первую половину 40-хъ годовъ стояла въ Шуѣ на 15—20% ниже, чѣмъ въ предшествовавшее пятилѣтіе. А такъ какъ въ 40-хъ годахъ русская пряжа очень энергично вытѣсняла англійскую, то необходимо заключить, что и русская пряжа понизилась въ цѣнѣ и, безъ сомнѣнія, понизилась по той же причинѣ — вслѣдствіе улучшенія техники производства, выписки изъ Англіи улучшенныхъ прядильныхъ машинъ (вывозъ которыхъ, какъ сказано выше, былъ дозволенъ въ 1842 г.).

Англійскій кризисъ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ очень сильно отразился на русской хлопчатобумажной промышленности. Въ одномъ донесеніи министру финансовъ 10 декабря 1838 г. мы читаемъ, что „непомѣрное пониженіе въ 1837 г. цѣнъ на бумажную пряжу и трудность сбыта оной, по причинѣ большого привоза изъ Англіи и Бухаріи, значительной выпрядки домашнихъ мануфактуръ и уменьшенія, по случаю упадка внутренней торговли, ткачества нашихъ артикуловъ — имѣли послѣдствіемъ не только закрытіе 18 бумагопрядильныхъ заведеній въ Московской, Калужской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, но и несостоятельность многихъ владѣльцевъ сихъ заведеній... прочія бумагопрядильни, дѣйствующія менѣе, нежели 4000 веретенъ, никакъ не

избѣжать той же участи“ [1]). Въ донесеніи 26-го ноября 1840 г. указывается, что „число торговыхъ несостоятельностей увеличивается ежедневно. Отсрочки слѣдуютъ за отсрочками и влекутъ за собою добровольныя сдѣлки... Если не примутъ вскорѣ мѣры къ отвращенію этого зла, то нѣтъ надежды на возстановленіе въ Москвѣ кредита“. Изъ прошенія, поданнаго московскими фабрикантами министру финансовъ 6-го ноября 1840 г., видно, что русское бумагопрядильное производство переживало въ это время несомнѣнный кризисъ, который всей своей тяжестью обрушился на мелкія бумагопрядильни. Крупныя заведенія устояли, и потому послѣдствіемъ кризиса была (какъ и въ Западной Европѣ) концентрація производства. А такъ какъ въ бумагопряденьѣ крупное производство обладаетъ несомнѣнными и огромными техническими преимуществами передъ мелкимъ (по словамъ Самойлова, главнымъ преимуществомъ Англіи передъ Россіей въ области бумагопряденья было то, что въ Англіи бумагопрядильни отличались болѣе крупными размѣрами,—бумагопрядильни въ 25.000 веретенъ не считались тамъ въ 40-хъ годахъ крупными, а въ Россіи бумагопрядильни, работавшія на 10.000, 12.000 и 15.000 веретенъ, принадлежали къ первостепеннымъ заведеніямъ),—то несомнѣнно, что кризисъ конца 30-хъ годовъ долженъ былъ поднять наше бумагопряденье въ техническомъ отношеніи. Въ этомъ и заключалась причина пониженія цѣнъ пряжи и развитія нашего бумагопрядильнаго и ткацкаго производствъ въ 40-хъ годахъ [2]).

Итакъ развитіе нашей хлопчатобумажной промышленности объясняется прежде всего общими міровыми условіями промышленной эволюціи. Россія была захвачена въ кругъ капиталистическаго развитія Англіи и воспользовалась техническими успѣхами послѣдней. Но, разумѣется, это было возможно только благодаря существованію въ Россіи покровительственнаго тарифа: безъ него Англія ввозила бы въ Россію не пряжу, а миткаль или ситецъ, и вмѣсто производства бумажныхъ матерій у насъ въ еще бо́льшихъ

[1]) Дѣло по донесенію чиновника Самойлова о запискѣ нѣкоторыхъ содержателей бумагопрядильныхъ заведеній о нынѣшнемъ положеніи ихъ заведеній въ Россіи 14 дек. 1838. Арх. д-та Т. и М.

[2]) Тѣмъ же кризисомъ было вызвано и повышеніе пошлины на ввозную пряжу въ 1841 г. Московскіе бумагопрядильные фабриканты просили объ этомъ министра финансовъ въ 1840 г., мотивируя свою просьбу пониженіемъ цѣнъ пряжи и „безвыгодностью производства“. Просьба ихъ была удовлетворена, но цѣна пряжи упала еще больше,—мелкія бумагопрядильни погибли, а крупныя расширили производство. (См. то же „Дѣло по донесенію чиновника Самойлова“).

размѣрахъ распространилось бы потребленіе этихъ матерій, которыя доставлялись бы Англіей. Нельзя объяснять ростъ нашего бумаготкацкаго производства однимъ вліяніемъ тарифа 1822 г.; тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что безъ высокихъ пошлинъ эта промышленность не могла бы развиваться. Англійское бумажное ткачество стояло въ техническомъ отношеніи такъ высоко, что съ нимъ не могло выдержать конкуренціи даже индусское ткачество, хотя индусскій ткачъ былъ артистомъ своего дѣла, а бумаготкацкое производство въ Индіи было старинною отраслью промышленности, къ которой населеніе привыкло за многія сотни лѣтъ. Тѣмъ невозможнѣе была конкуренція съ англійскими фабрикатами для русскихъ бумажныхъ издѣлій, производство которыхъ было дѣломъ еще совершенно новымъ для русскаго населенія.

Какъ сказано, бумаготкацкое производство развилось у насъ гораздо раньше бумагопряденья, и притомъ развилось безъ непосредственной помощи государства (кромѣ, разумѣется, поддержки въ видѣ таможенныхъ пошлинъ). Что касается до бумагопрядильнаго производства, то оно появляется въ Россіи въ началѣ этого столѣтія. Въ 1808 г. купцомъ Пантелѣевымъ была устроена первая частная бумагопрядильная фабрика въ Москвѣ. Фабрика эта получила прядильныя машины съ образцовой прядильной и ткацкой правительственной фабрики—Александровской мануфактуры, которая была устроена въ 1709 г., со спеціальной цѣлью распространить въ Россіи употребленіе прядильныхъ и ткацкихъ машинъ [1]). Континентальная система, затруднившая подвозъ англійской пряжи, вызвала устройство еще нѣсколькихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ (въ 1812 г. въ Москвѣ ихъ было 11) [2]). Эти фабрики очень пострадали отъ разоренія 1812 г. и прекратили произ-

---

[1]) Александровская мануфактура играла очень видную роль въ исторіи нашей промышленности. На этой мануфактурѣ впервые было введено въ Россіи машинное пряденіе хлопка и льна. Она выдѣлывала въ огромныхъ размѣрахъ льняныя и пеньковыя полотна на продажу. Въ 1828 г. на мануфактурѣ было 4000 рабочихъ при 3 паровыхъ машинахъ силою въ 170 лошадей. См. „О Санктпетербургскихъ фабрикахъ". „Журналъ Мануфактуръ и Торговли, 1828, № 5.

[2]) См. Дѣло по отношенію московскаго гражд. губернатора и по просьбѣ тамошнихъ фабрикантовъ Пантелѣева и Александрова. 16-го марта 1811 г.; Дѣло по просьбамъ московскихъ и другихъ фабрикантовъ 4-го апр. 1812 г. (Арх. д-та т. и м.). Бумагопрядильные фабриканты немедленно обратились къ правительству съ просьбой о запрещеніи или наложеніи высокой пошлины на иностранную пряжу, но домогательства

водство. Вплоть до 20-хъ годовъ бумажная пряжа изготовлялась у насъ только на Александровской мануфактурѣ. Съ конца 20-хъ годовъ начинаютъ основываться частныя бумагопрядильни, но только съ 40-хъ годовъ бумагопрядильное производство въ Россіи устанавливается вполнѣ прочно, получивши возможность пользоваться прядильными машинами, выписываемыми непосредственно изъ Англіи (раньше на нашихъ бумагопрядильняхъ употреблялись бельгійскія и французскія прядильныя машины, далеко уступавшія по своимъ достоинствамъ англійскимъ).

О развитіи въ Россіи бумагопрядильнаго производства можно судить по тому, что къ началу 50-хъ годовъ Россія занимала по числу бумагопрядильныхъ веретенъ (1.100 тысячъ) 5-е мѣсто и уступала только Англіи (20.977 тысячъ), Франціи (4.200 тысячъ), Соединеннымъ Штатамъ (2.500 тысячъ) и Австріи (1.400 тысячъ) [1]) и стояла впереди Германіи, хотя германское буматкацкое производство значительно превосходило русское. Различіе это всецѣло объяснялось различіемъ тарифной политики: въ Австріи и Россіи бумажная пряжа была обложена высокой пошлиной (послѣ 1842 г. ввозная пошлина на пряжу въ Россіи достигла 50% цѣнности товара), между тѣмъ какъ германскій тарифъ по отношенію къ бумажной пряжѣ былъ крайне умѣреннымъ.

Быстрый ростъ хлопчатобумажной промышленности у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, вызвалъ тяжелый кризисъ въ области обработки льна и пеньки. Этотъ старинный крестьянскій промыселъ достигъ значительнаго развитія еще въ Московской Руси; русскій холстъ въ XVII столѣтіи въ большомъ количествѣ вывозился за границу. Въ XVIII вѣкѣ вывозъ льняныхъ и пеньковыхъ фабричныхъ издѣлій—парусныхъ и фламскихъ полотенъ, равендуковъ—возросталъ. Въ XIX вѣкѣ положеніе измѣнилось—вывозъ началъ падать. Такъ, въ 1758—1762 гг. средній годовой вывозъ за границу фламскихъ, парусныхъ полотенъ и равендуковъ равнялся 77 тысячамъ кусковъ, въ 1793—95 гг.—251 тысячамъ, въ 1814—23 гг.—203 тысячамъ, въ 1834—43 гг.—195 тысячамъ, а въ 1844—46 гг.—121 тысячамъ [2]).

ихъ были отклонены. Въ 1812 г. московскіе фабриканты просили даже „о запрещеніи ввоза всѣхъ иностранныхъ издѣлій".

[1]) Tengoborsky. „Etudes sur les forces productives de la Russie". Paris, 1852, III, 47.

[2]) Неболсинъ. „Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи". Спб., 1850, II, 410.

О значеніи заграничнаго рынка для русскихъ полотняныхъ и парусныхъ фабрикъ начала этого вѣка можно судить по тому, что, по офиціальнымъ расчетамъ (конечно, очень неточнымъ), около 1/3 всего количества фабричныхъ полотенъ предназначалось для экспорта [1]). Поэтому паденіе заграничнаго экспорта не могло не быть тяжелымъ ударомъ для нашихъ полотняныхъ фабрикъ; причины этого паденія коренились, главнымъ образомъ, въ области техники: наше полотняное производство въ техническомъ отношеніи совсѣмъ не прогрессировало, на Западѣ же техника льняного пряденія и ткачества быстро шла впередъ, и въ то же время бумажная ткань своей дешевизной вытѣсняла полотно. Всего болѣе пострадали при этомъ крупныя фабрики, работавшія для экспорта, число которыхъ за время 1804—61 гг. понизилось съ 285 до 100.

Между тѣмъ за 1762—1804 гг. число полотняныхъ фабрикъ возросло съ 135 до 285 [2]). Такимъ образомъ, число полотняныхъ фабрикъ измѣняется такъ же, какъ и экспортъ русскаго полотна за границу: до начала XIX вѣка число фабрикъ растетъ, затѣмъ начинаетъ падать. Объясняется это тѣмъ, что, какъ указано, экспортъ за границу игралъ очень большую роль въ нашемъ крупномъ полотняномъ производствѣ первой половины этого вѣка. Полотняныя фабрики были единственными фабриками въ Россіи, издѣлія которыхъ, вслѣдствіе дешевизны сырого матеріала, завоевали въ концѣ прошлаго вѣка заграничный рынокъ. Еще въ 1818 г. Арсеньевъ называлъ полотняныя фабрики „многочисленнѣйшими и прибыльнѣйшими въ Россіи“ [3]). Особенно развилось у насъ фабричное производство парусныхъ полотенъ. Это производство концентрировалось, главнымъ образомъ, въ Калужской губерніи и Серпуховскомъ уѣздѣ Московск. губ. Парусное полотно экспортировалось преимущественно въ Америку, и одна русская фирма (Брюзгиныхъ) пріобрѣла такую репутацію на заграничномъ

[1]) См. „Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи“. Спб. 1886 г., т. II. Пряжа и тканье изъ льна и пеньки, стр. 12.

[2]) Цифра 1762 г. взята изъ „Матеріаловъ для исторіи и статистики мануфактурной промышленности въ Россіи“ („Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству м-ва фин.“, 1865 г., т. II); цифра 1804 г. изъ „Отчета министра В. Д.“ за соотвѣтствующій годъ (приведена у Семенова); цифра 1861 г.—изъ „Отчетовъ д-та мануфактуръ и внутренней торговли“ (Арх. д-та торг. и ман.).

[3]) К. Арсеньевъ. „Начертаніе статистики Россійскаго государства“. Спб. 1818 г., ч. I, 142.

рынкѣ, что клеймо ея нерѣдко поддѣлывалось англійскими фабрикантами.

Болѣе $^2/_3$ всего парусноткацкаго производства Калужской губерніи предназначалось для экспорта. Ткачество парусныхъ полотенъ было исключительно фабричнымъ производствомъ. Начиная съ 30-хъ годовъ, цѣны на парусныя полотна на заграничныхъ рынкахъ стали быстро падать, еще болѣе онѣ упали въ 40-хъ годахъ. Подъ вліяніемъ этого, число парусныхъ фабрикъ въ Калужской губерніи сократилось съ 17 (1832 г.) до 4 (1849 г.), число станковъ на нихъ — съ 3500 до 696, а размѣръ производства—съ 50 тыс. кусковъ до 2 т. Такъ же пострадало и парусноткацкое производство Серпуховскаго уѣзда. Въ началѣ 30-хъ годовъ на Серпуховскихъ фабрикахъ выдѣлывалось около 25 тыс. кусковъ ежегодно, а въ 1849 г. — только 6 т. кусковъ [1]).

Не въ такой степени, какъ парусныя фабрики, но все-таки сильно пострадали и полотняныя фабрики, изготовлявшія льняныя полотна. Цѣны льняныхъ издѣлій понижались въ теченіе всей второй четверти этого вѣка [2]). Правда, не менѣе сильно понизилась за то же время и цѣна бумажныхъ тканей. Но послѣднее сопровождалось прогрессомъ техники—удешевленіемъ производства. Производство же полотна въ техническомъ отношеніи у насъ не прогрессировало,—какъ пряжа, такъ и полотно продолжали изгото-

---

[1]) О причинахъ упадка парусно-полотнянаго производства см. „Состояніе фабрикъ и заводовъ въ Калужской губерніи". „Журналъ Мануф. и Торговли", 1830 г. № 1; „О пеньковомъ производствѣ въ Калужской, Орловской и смежныхъ губерніяхъ". Журналъ М. и Торговли 1858 г., ч. 3; „О козельской промышленности, обрабатывающей сырые матеріалы". „Калужск. Губернскія Вѣдомости", 1871 г., № 6. Калужскіе фабриканты особенно жаловались на конкуренцію Александровской мануфактуры, экспортировавшей въ значительныхъ размѣрахъ парусное полотно. Вопросъ о мѣрахъ помощи парусно-полотняному производству неоднократно разсматривался министерствомъ финансовъ, при чемъ выяснилось, что основная причина упадка нашего паруснаго экспорта заключалась въ прогрессѣ техники ткацкаго и прядильнаго производствъ на Западѣ, въ то время, какъ наши фабрики „со временъ ихъ основанія при Петрѣ Великомъ все еще употребляютъ прежніе способы". См. Дѣло по просьбѣ полотно-парусныхъ фабрикантовъ Калужской губ. 21 іюля 1837; Дѣло по отчету московскаго гражданскаго губернатора объ упадкѣ парусно-полотняныхъ фабрикъ въ г. Серпуховѣ. 18 марта 1845 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2]) „Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи". Спб. 1847 г. Изд. м-ва госуд. имущ., стр. 91.

вляться руками,—а потому пониженіе цѣны фабриката приводило къ убыточности производства и сокращенію послѣдняго.

Въ началѣ этого столѣтія полотняное ткачество были преобладающей промышленностью во многихъ уѣздахъ Владимірской губ.—напр., въ Шуйскомъ, Суздальскомъ, Муромскомъ. Въ Суздальскомъ уѣздѣ крупныя полотняныя фабрики возникли вскорѣ послѣ окончанія войны 1812 г.; полотно съ этихъ фабрикъ сбывалось преимущественно на внутренніе рынки, главнымъ образомъ, въ Сибирь и Малороссію. Къ концу 30-хъ годовъ сбытъ полотна сталъ затруднителенъ, и въ 1851 г. изъ 6 крупныхъ полотняныхъ фабрикъ въ городѣ Суздалѣ осталось только 2, и тѣ сильно сократили производство. Причина уменьшенія сбыта заключалась въ распространеніи бумажныхъ тканей. Украйна и Сибирь, покупавшія раньше льняную нестрядь и тики, стали покупать ткани изъ хлопчатой бумаги. Въ Суздальскомъ уѣздѣ вмѣсто полотняной фабрикаціи распространились ткачество и набивка миткаля [1]). То же самое констатировалось и въ Муромскомъ и Шуйскомъ уѣздахъ—полотняное ткачество замѣщалось бумажнымъ [2]). Но такъ какъ во Владимірской губерніи бумаготкацкое производство развивалось очень быстро, а по характеру производства полотняныя фабрики легко могли быть приспособлены къ ткачеству бумажныхъ матерій, то фабриканты переходили къ новому роду производства и не несли большихъ потерь [3]).

Напротивъ, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, гдѣ въ большихъ количествахъ выдѣлывалось полотно для заграничнаго сбыта (фламскія полотна и равендукъ), кризисъ имѣлъ болѣе тяжелый характеръ. Бумаготкацкое производство слабо развивалось въ тѣхъ уѣздахъ этихъ губерній, гдѣ раньше процвѣтало полотняное ткачество. Это послѣднее производство было стариннымъ промысломъ крестьянъ, а фабричное ткачество полотна прочно водворилось въ этихъ мѣстахъ еще со времени Петра I. Фабри-

---

[1]) См. Несытовъ. „Обозрѣніе промышленности города Суздаля и его уѣзда“. „Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ 1853 г., часть 8; Комлевъ. „Историческій взглядъ на промышленность города Суздаля“. „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1867, № 15.

[2]) Отчетъ владимірскаго губернскаго механика Несытова. „Журналъ Мануф. и Тор.“, 1853 г., ч. 2.

[3]) „Очеркъ XXV-лѣтняго развитія мануфактурной промышленности Владимірской губерніи“, стр. 13.

канты упорно держались привычнаго производства, но крайнее пониженіе цѣны всѣхъ родовъ полотна, вывозившагося за границу (въ 1823 г. кусокъ фламскаго полотна продавался за 52 р., равендука за 25 р.; въ сороковыхъ годахъ полотно продавалось за 25 р., равендукъ за 17 р.) [1]), принудило бо́льшую часть фабрикъ Костромской и Ярославѣкой губерній прекратить производство. Въ Костромской губерніи въ концѣ 20-хъ годовъ выдѣлывалось до 70 т. кусковъ фламскаго полотна, въ концѣ 40-хъ годовъ—только 20 т. кусковъ [2]).

Кризисъ полотнянаго производства былъ тяжелѣе всего для фабрикантовъ-помѣщиковъ, изготовлявшихъ тонкія полотна трудомъ собственныхъ крѣпостныхъ. Въ виду этого правительство проявило въ данномъ случаѣ особенную заботливость: въ 40-хъ годахъ была образована особая комиссія изъ представителей министерствъ государственныхъ имуществъ и финансовъ для разслѣдованія дѣла и изысканія средствъ помочь падающему производству. Комиссія выяснила, что основная причина кризиса заключалась въ технической отсталости нашего полотнянаго производства и въ развитіи ткачества бумажныхъ матерій, но, само собою разумѣется, никакихъ практическихъ мѣръ помочь горю не придумала [3]).

Экономисты 60-хъ годовъ фритредерскаго направленія любили противопоставлять успѣхамъ хлопчатобумажной промышленности упадокъ нашего полотнянаго производства. Полотняное производство, какъ основанное на обработкѣ туземнаго матеріала, признавалось ими „естественно“ развившимся, а хлопчатобумажная промышленность—„искусственно“ вызваннымъ производствомъ. Но если придерживаться ничего не выражающаго раздѣленія хозяйственныхъ явленій на „естественныя“ и „искусственныя“, то нельзя не признать, что именно развитіе хлопчатобумажной промышленности и упадокъ полотнянаго производства были вполнѣ естественнымъ и необходимымъ результатомъ хозяйственнаго положенія Россіи того времени. Наша промышленность должна была все болѣе и болѣе

---

[1]) „Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи“. Спб., 1847, стр. 92.

[2]) Такъ же пало полотняное ткачество и въ Тверской губ., см. „Состояніе мануфактурнаго производства въ Тверской губерніи въ 1845 г.“ Тверь, 1846 г., стр. 13.

[3]) Результатомъ работъ комиссіи явилось цитированное выше „Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи“ и „Изслѣдованіе о состояніи пеньковой промышленности въ Россіи“.

основываться на внутреннемъ рынкѣ, такъ какъ въ техническомъ отношеніи Россія слишкомъ отставала отъ Западной Европы, чтобы съ нею конкурировать. Въ связи съ этимъ, только тѣ отрасли промышленности могли широко развиваться, которыя изготовляли дешевыя издѣлія, доступныя по цѣнѣ такому бѣдному населенію, какъ масса русскаго крестьянства. Бумажная ткань дешевле полотняной благодаря, главнымъ образомъ, физическимъ свойствамъ хлопковаго волокна, дѣлающимъ его болѣе пригоднымъ для машинной обработки, чѣмъ льняное волокно, почему бумажныя ткани должны были вытѣснять полотняныя изъ народнаго употребленія. Если бы у насъ не существовало покровительственной системы, полотняное производство пострадало бы еще больше, такъ какъ англійскій миткаль и ситцы, по своей большей дешевизнѣ, являлись еще болѣе опасными конкурентами полотна, чѣмъ наши отечественные хлопчатобумажные фабрикаты.

Перейдемъ къ другимъ отраслямъ текстильной промышленности и прежде всего къ суконному производству. Съ самаго своего возникновенія суконное производство было излюбленнымъ дѣтищемъ русскаго правительства; правительство дѣлало все возможное для его поддержанія и развитія, и тѣмъ не менѣе оно развивалось въ теченіе XVIII столѣтія очень туго. Даже въ началѣ этого столѣтія русскія фабрики не могли удовлетворить потребности арміи въ сукнахъ, несмотря на всѣ усилія правительства расширить суконное производство въ Россіи [1]). Сукна выдѣлывались крайне низкаго качества и въ недостаточномъ количествѣ, такъ что приходилось покупать иногда мундирное сукно за границей, чаще всего въ Англіи [2]). Дальнѣйшіе успѣхи нашего суконнаго производства въ техническомъ отношеніи были невелики, но количественно оно развивалось, и въ 1822 г. въ первый разъ предложенія фабрикантовъ превысили заявленную казною потребность въ армейскихъ сукнахъ [3]).

Ростъ суконнаго производства вызвалъ и измѣненіе правительственной политики по отношенію къ суконнымъ фабрикамъ. Въ

---

[1]) Высочайше конфирмованные доклады о снабженіи арміи сукномъ. Спб. 1808 г.

[2]) В. Пелчинскій. „Мануфактурная Россія“. „Журналъ Мануф. и Торговли“. 1827 г., № 10.

[3]) „Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи“. Спб. 1862 г., т. I, 153.

прошломъ вѣкѣ правительство видѣло въ суконныхъ фабрикахъ учрежденія государственной важности, почему, съ одной стороны, всячески старалось поддержать и развить ихъ, съ другой—принимало понудительныя мѣры къ тому, чтобы фабрики удовлетворяли своимъ обязанностямъ по отношенію къ государству—доставляли требуемое количество сукна. Указами 25-го ноября 1790 г. и 20-го ноября 1791 г. былъ установленъ слѣдующій порядокъ снабженія войскъ сукнами. Всѣ суконныя фабрики раздѣлены на 2 разряда: 1) получившія при своемъ учрежденіи какое-либо пособіе отъ казны, а также имѣвшія купленныхъ къ фабрикѣ крестьянъ, и 2) не получившія никакого пособія отъ казны и не имѣвшія покупныхъ крестьянъ на фабрикантскомъ правѣ. Между фабриками перваго рода (обязанныя фабрики) разверстывалось все количество сукна, требуемаго казною, фабрики 2-го рода могли продавать сукно совершенно свободно и въ частныя руки [1]). Но обязанныя суконныя фабрики поставляли сукно крайне неисправно, и за большинствомъ ихъ числились огромныя недоимки, накоплявшіяся изъ года въ годъ. Въ виду этого правительство было принуждено въ 1797 году запретить не только обязаннымъ, но и вольнымъ фабрикантамъ продажу мундирнаго сукна въ частныя руки. Въ 1808 г. правительство подтвердило это запрещеніе и даже усилило строгость взысканія за непозволенную продажу сукна. Не только продавецъ, но и покупатель долженъ былъ платить штрафъ за каждый аршинъ проданнаго сукна (которое конфисковалось въ пользу казны). Предписывалось окрашивать грубыя сукна въ опредѣленные цвѣта, употребляемые въ войскахъ, подъ угрозой секвестраціи фабрики. Обязанныя фабрики не имѣли права дѣлать иныхъ суконъ, кромѣ солдатскихъ.

Нечего и говорить, до какой степени подобныя мѣры были стѣснительны для суконнаго производства, продукты котораго правительство хотѣло монополизировать исключительно въ свою пользу. Пока эта отрасль промышленности не получила свободы, до тѣхъ поръ она и не могла развиваться, несмотря на всѣ поощренія правительства. Поощренія же эти (кромѣ мѣръ тарифной политики) выражались, главнымъ образомъ, въ щедрой раздачѣ казенныхъ денегъ въ ссуду для устройства новыхъ суконныхъ фабрикъ. Въ 1809 г. для такихъ ссудъ былъ назначенъ особый капиталъ въ 2 милл. руб. Всѣмъ, желавшимъ устроить новую суконную фабрику

[1]) П. С. З., XXIII, 16924 и 16998.

или расширить существующую, правительство предлагало опредѣленную денежную ссуду на каждый станъ. Охотниковъ получать ссуды отъ казны находилось не мало, но суконное производство продолжало оставаться въ застоѣ, и казна терпѣла недостатокъ въ сукнахъ.

Въ виду полной безуспѣшности такихъ мѣръ [1]) правительство должно было отъ нихъ отказаться, и уже въ 1809 г. суконнымъ фабрикантамъ была предоставлена, съ нѣкоторыми ограниченіями, свобода продажи сукна въ частныя руки. Но только въ 1816 г. обязанныя суконныя фабрики были избавлены отъ обязательства ставить сукно въ казну и сравнены по своимъ правамъ съ вольными фабриками. Только съ этого времени суконное производство получило возможность развиваться. Государственное происхожденіе этой отрасли промышленности было главнѣйшей причиной медленности ея роста.

Освободившіяся отъ правительственной регламентаціи суконныя фабрики стали быстро увеличиваться въ числѣ. Какъ я говорилъ, въ 1822 г. (т.-е. до введенія въ дѣйствіе запретительнаго тарифа) предложеніе солдатскихъ суконъ превысило спросъ. За время 1814 — 1850 гг. число суконныхъ фабрикъ возросло съ 235 до 492.

Во всеподданнѣйшей запискѣ министра финансовъ въ 1823 г. заявлялось, что наше сукнодѣліе весьма медленно развивалось до 1816 г.; съ этого же года „производство солдатскихъ суконъ столь умножилось во всей Россіи, что, при заключеніи торговъ на снабженіе арміи и флота сукнами на 1823 г., м-во финансовъ имѣло въ виду 2—3 милліона аршинъ сверхъ требованной пропорціи“ [2]).

Какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться, что въ количественномъ отношеніи наше суконное производство, освободившись отъ правительственной опеки, стало быстро прогрессировать.

Развитіе это совершалось притомъ не за счетъ потребностей казны. Спросъ на солдатскія сукна увеличивался медленно и въ 30—40-хъ годахъ колебался около 4 милл. аршинъ. Весь этотъ спросъ удовлетворялся старинными фабриками, поставлявшими и

---

[1]) На это указывается во всеподданнѣйшемъ докладѣ м-ра внутр. дѣлъ. См. Дѣло по Высочайше конфирмованному докладу о дозволеніи вольной продажи солдатскихъ суконъ 21 окт. 1809 г. Св. 58, 2 экс. М. В. Д. Арх. д-та т. и м.

[2]) Дѣло о состояніи мануфактурной промышленности въ началѣ 1823 г. 24 марта 1823 г. Арх. д-та торг. и ман.

ранѣе сукно въ казну. Новыя фабрики работали исключительно для вольной продажи; сумма производства этихъ новыхъ фабрикъ въ 50-хъ годахъ превышала въ 3—4 раза производство фабрикъ солдатскаго сукна. Такимъ образомъ, суконная промышленность, не достигавшая государственнаго спроса въ XVIII вѣкѣ, въ первой половинѣ XIX вѣка значительно переросла этотъ спросъ; суконное производство потеряло государственный характеръ—появились новые потребители, сравнительно съ которыми государство отошло совершенно на задній планъ.

Что касается до техническаго прогресса, то онъ былъ въ суконномъ производствѣ невеликъ. Жалобы на низкое качество сукна слышатся въ теченіе всей дореформенной эпохи. Такъ, въ офиціальномъ „Описаніи первой публичной выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій“ за 1829 г., въ которомъ мы находимъ настоящій гимнъ успѣхамъ хлопчатобумажной промышленности, отзывы о суконномъ производствѣ совершенно иного, даже минорнаго тона: „Невозможно ожидать.., чтобы наши фабриканты столь же хорошо вырабатывали сукна, какъ въ Англіи, Франціи и Голландіи... Недостатокъ механическихъ и химическихъ свѣдѣній и хорошихъ машинъ много препятствуетъ успѣхамъ по сей части“ (стр. 121). Точно такъ же въ „Обозрѣніи выставки различныхъ мануфактурныхъ издѣлій“ въ 1849 г. пространно говорится не объ успѣхахъ, а о причинахъ технической отсталости нашего суконнаго производства и низкаго качества суконъ (см. стр. 98 и слѣд.) [1].

Общее представленіе о развитіи фабричной промышленности въ дореформенной Россіи можно получить изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Фабрики и заводы Россійской имперіи [2] (безъ Царства Польскаго и Финляндіи).

Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ.	Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ.
1815	4189	172.882	41	1819	4531	176.635	39
1816	4484	187.061	42	1820	4578	179.610	39
1817	4385	187.337	43	1825	5261	210.568	40
1818	4457	178.419	40	1826	5128	206.480	40

[1]) На то же указывали и экономисты 40—50 годовъ—Гагемейстеръ, Горловъ, Тенгоборскій и др.

[2]) Отъ 1815—20 гг.—по „Статистическимъ Вѣдомостямъ о состояніи Россійскихъ мануфактуръ“, за соотвѣтствующіе годы, отъ 1825—61 гг.—по офиціальнымъ рукописнымъ „Отчетамъ Департамента Мануфактуръ

Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ	Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ.
1827	5122	209.547	41	1844	7399	469.211	63
1828	5244	225.414	43	1845	8302	507.577	61
1829	5260	231.624	44	1846	8333	508.607	61
1830	5450	253.893	47	1847	9029	532.056	59
1831	5599	264.358	47	1848	8928	483.542	54
1832	5636	272.490	48	1849	9172	495.364	54
1833	5664	273.969	48	1850	9848	501.639	51
1836	6332	324.203	51	1851	10.126	465.016	46
1837	6450	376.838	58	1852	10.388	470.914	45
1838	6855	412.931	60	1853	10.087	481.018	47
1839	6894	454.980	66	1854	9944	459.637	46
1840	6863	435.788	63	1856	11.556	518.661	45
1841	6831	429.638	63	1857	10.856	513.324	47
1842	6939	455.827	66	1858	12.259	548.921	45
1843	6813	466.579	68	1861	14.148	522.500	37

Легко замѣтить, что число фабричныхъ рабочихъ почти до конца 40-хъ годовъ (1847 г.) быстро растетъ, затѣмъ начинаетъ съ колебаніями падать. Размѣръ фабрики (среднее число рабочихъ на 1 фабрику) возрастаетъ до начала 40-хъ годовъ (1843 г.), затѣмъ слѣдуетъ также паденіе. До 40-хъ годовъ фабричное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнѣе; съ конца 40-хъ годовъ ростъ фабричнаго производства пріостановился, и фабрики стали раздробляться.

Объясненіе всего этого слѣдуетъ искать въ ростѣ мелкой, кустарной промышленности, о чемъ я буду подробно говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Сороковые годы были временемъ наиболѣе энергичнаго развитія кустарной промышленности. Кустарь сталъ по всѣмъ пунктамъ бить фабриканта — вотъ почему число рабочихъ на фабрикахъ стало сокращаться и сами фабрики мельчать.

Остановимся теперь на производствѣ, являющемся лучшимъ показателемъ техническаго прогресса страны вообще — добычѣ желѣза, важнѣйшаго матеріала машинъ, орудій и инструментовъ. Въ концѣ XVIII вѣка, по расчетамъ Шторха, въ Россіи выпла-

---

и Внутренней Торговли" (Арх. д-та торг. и ман.). Приведенныя цифры относятся ко всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, кромѣ горныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ. Свеклосахарные заводы и табачныя фабрики сюда включены.

влялось около 8 мил. пуд. чугуна [1]). Въ теченіе всей первой половины XIX вѣка чугуноплавильное производство оставалось въ Россіи почти стаціонарнымъ и вплоть до 40-хъ годовъ не достигало 11 мил. пудовъ. Затѣмъ оно стало слабо возрастать и къ концу 50-хъ годовъ достигло 16 мил. пудовъ [2]).

Если принять въ соображеніе ростъ населенія, то слѣдуетъ заключить, что въ теченіе всей первой половины XIX вѣка Россія не только не шла впередъ въ добычѣ желѣза, но даже регрессировала и черезъ 50 лѣтъ стояла ниже, чѣмъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Поразительный застой нашего чугуноплавильнаго дѣла особенно бросается въ глаза, если сопоставить его съ развитіемъ этой отрасли промышленности въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи, которая въ концѣ прошлаго вѣка выплавляла столько же чугуна, сколько Россія (8 мил. пудовъ), а въ 1859 г. довела свою выплавку до 234 мил. пудовъ [3]).

Еще въ 30-хъ годахъ Россія выплавила около 12% общей міровой добычи чугуна (90 мил. пуд.) и стояла впереди Бельгіи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1859 г. на долю Россіи приходилось лишь около 4% міровой выплавки чугуна (460 мил. пуд.) [4]).

Въ половинѣ прошлаго столѣтія желѣзо было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашего отпуска. Въ 1760 г. было вывезено желѣза изъ Россіи за границу 820 тысячъ пудовъ, въ 1793—95 гг. ежегодный вывозъ достигалъ уже 2.966 тысячъ пудовъ. Съ этого времени вывозъ желѣза начинаетъ быстро падать (особенно со времени 40-хъ годовъ) и спускается къ 1851—60 гг. до 747 тысячъ пудовъ ежегодно.

Отчего же зависѣло такое печальное положеніе нашей желѣзодѣлательной промышленности? Во всякомъ случаѣ, не отъ недостатка правительственной помощи и опеки. Желѣзо было однимъ изъ наиболѣе необходимыхъ продуктовъ для государства. Поэтому правительство не жалѣло средствъ для развитія этой отрасли промышленности. Нечего и говорить, что привозъ чугуна и желѣза былъ запрещенъ. Даже по самому либеральному русскому тарифу 1819 г. пошлина на желѣзо и чугунъ была назна-

---

[1]) Storch. „Historisch-Statistische Gemälde“, II, 507.

[2]) Лодыженскій, 309.

[3]) Чевкинъ и Озерскій. „Обзоръ горной промышленности Россіи“. Спб., 1851 г., стр. 9.—В. Полетика. „О желѣзной промышленности въ Россіи“. Спб., 1864 г., стр. 49.

[4]) Полетика, 49.

чена въ такомъ высокомъ размѣрѣ, что была равносильна запрещенію. По расчету В. Безобразова, частные горные заводы Уральскаго округа получили не менѣе 15 милл. деньгами въ ссуду отъ правительства. Кромѣ того, къ этимъ заводамъ были приписаны огромныя площади казенной земли и лѣсовъ, сотни тысячъ крестьянъ, — все это безъ малѣйшей платы владѣльцевъ заводовъ. Почему же добыча желѣза въ Россіи не только не возрастала, но сравнительно съ населеніемъ даже падала?

А именно вслѣдствіе избытка правительственной опеки и поддержки. Вплоть до реформы 1861 г. горнозаводская промышленность всецѣло основывалась на *принудительномъ трудѣ*. Главнымъ центромъ чугуноплавильнаго производства былъ Уральскій горный округъ — Пермская и смежныя съ ней губерніи. На уральскихъ горныхъ заводахъ выплавлялось около $^4/_5$ всего русскаго желѣза. Главнымъ контингентомъ рабочихъ на этихъ заводахъ были крестьяне и мастеровые, приписанные къ заводамъ. Поссессіонныхъ заводовъ въ Уральскомъ горномъ округѣ было въ 1847 г. 37, и къ нимъ было приписано 178 тысячъ крестьянъ м. п. [1]) На казенныхъ заводахъ работы производились также не по вольному найму, а состоящими при заводахъ мастеровыми и крестьянами, которые набирались, въ случаѣ недостатка рабочихъ, изъ рекрутовъ и лицъ, ссылаемыхъ на каторжныя работы.

Закрѣпощеніе за горными заводами сотенъ тысячъ лицъ было вызвано желаніемъ правительства поддержать эти заводы и обезпечить имъ рабочія руки. И дѣйствительно, благодаря этой мѣрѣ, наша желѣзодѣлательная промышленность быстро развилась, и въ концѣ XVIII вѣка Россія не уступала въ этомъ отношеніи Англіи. Но та же самая причина, которая содѣйствовала росту горнозаводской промышленности въ XVIII вѣкѣ, въ XIX вѣкѣ явилась самымъ большимъ тормозомъ ея развитія. Писатели 50-хъ и 60-хъ годовъ, занимавшіеся вопросомъ о причинахъ застоя нашей желѣзодѣлательной промышленности, приходили къ одному заключенію — что этотъ застой вызывался техническою отсталостью чугуноплавильнаго дѣла, неупотребленіемъ новыхъ улучшенныхъ пріемомъ плавленія чугуна и желѣза, благодаря которымъ желѣзодѣлательная промышленность въ Западной Европѣ сдѣлала такіе быстрые успѣхи [2]).

[1]) Чевкинъ и Озерскій. „Обзоръ горн. промыш.“ Приложеніе.

[2]) Въ этомъ смыслѣ высказывались Чевкинъ и Озерскій, Полетика, Тенгоборскій и др.

Этимъ техническимъ застоемъ вызывалась неподвижность цѣнъ на желѣзо въ Россіи, въ то время какъ, напр., цѣна желѣза въ Англіи быстро падала. Такъ, пудъ желѣза въ С.-Петербургѣ въ 1824—26 гг. стоилъ 1 р. 26 к. сер., а въ 1848—50 гг.—1 руб. 27 коп. [1]). Въ Англіи же за это время цѣна желѣза понизилась на 60% [2]).

За четверть столѣтія русское желѣзо совсѣмъ не понизилось въ цѣнѣ, а англійское упало, какъ сказано, на 60%. Понятно, что при такихъ условіяхъ вывозъ русскаго желѣза за границу долженъ былъ сократиться, а внутри страны сбытъ желѣза не возрасталъ.

Отчего же зависѣла техническая отсталость русской желѣзодѣлательной промышленности? Не можетъ быть сомнѣнія, что основной причиной этой отсталости была *система принудительнаго труда*. Это прекрасно сознавали многіе современники. Заблоцкій-Десятовскій, въ своей извѣстной запискѣ 1841 г. „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, объясняетъ вліяніемъ крѣпостного права „дороговизну нашего желѣза въ сравненіи, напр., съ англійскимъ“ [3]). Пока рабочій на желѣзныхъ заводахъ работалъ изъ-подъ палки, до тѣхъ поръ и производительность его труда не могла прогрессировать. Никакія льготы не могли замѣнить основного условія промышленнаго прогресса — свободы труда [4]).

[1]) Tengoborsky, III, 188.

[2]) S. Jevons. „Investigations in Currency and Finance“. London, 1884. Стр. 146—147. Tables of Prices.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“. Спб. 1882, II, 245.

[4]) Другой причиной технической отсталости нашей желѣзной промышленности было монопольное положеніе уральскихъ заводовъ. Для иностраннаго желѣза русскій рынокъ былъ закрытъ, а внутри страны конкуренція была совершенно ничтожна, по незначительному числу заводовъ. По расчетамъ П. Мельникова, въ половинѣ 40-хъ годовъ уральскіе заводчики, при всей примитивности своихъ пріемовъ производства, выручали весьма крупные барыши. Такъ, средняя стоимость выдѣлки пуда рѣзного желѣза была приблизительно 2 р. 40 к., а продавалось оно на Нижегородской ярмаркѣ за 3 р. 45 к. (44% прибыли), шиннаго желѣза—2 р. 36 к., продавалось за 3 р. 47 к. (46% прибыли), листового—3 р. 97 к., продавалось за 7 р. 51 к. (89% прибыли). Въ этотъ расчетъ не включена стоимость доставки желѣза до Нижняго; но такъ какъ желѣзо сплавлялось водой, то, по словамъ Мельникова, эта стоимость была ничтожна. Для чего же было уральскимъ заводамъ улучшать пріемы производства при такомъ положеніи дѣла? П. Мельниковъ. „Нижегородская ярмарка въ 1843—45 гг.“ Нижній-Новгородъ, 1846, стр. 43.

Трудно повѣрить, до какой степени строго регламентированъ былъ весь производственный механизмъ на уральскихъ поссессіонныхъ заводахъ. Рабочій былъ, по замѣчанію В. Безобразова, въ состояніи почти полнаго рабства [1]). Съ самаго дѣтства рабочій поступалъ на попеченіе заводскаго начальства, бравшаго на себя полное содержаніе рабочей семьи и зато требовавшаго постоянной работы, исполнявшейся, естественно, крайне плохо. Весь процессъ выплавки желѣза, начиная съ рубки лѣса для доменныхъ печей, перевозки матеріаловъ, добычи руды и кончая литьемъ желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій, исполнялся рабочимъ подъ угрозой суровыхъ наказаній, безъ всякой надежды на улучшеніе своего матеріальнаго положенія.

Отнюдь не простая случайность, что въ той отрасли производства, которая такъ быстро развивалась въ дореформенной Россіи— въ хлопчатобумажной, крѣпостной трудъ (какъ мы увидимъ ниже) почти отсутствовалъ. Именно благодаря свободѣ труда бумаготкацкое и ситцепечатное производства сдѣлали въ крѣпостной Россіи, среди общаго застоя, такіе быстрые успѣхи.

Господство крѣпостного труда въ нашей горнозаводской промышленности находилось въ непосредственной связи съ усиленными заботами о ней правительства. Признавая чугуноплавильное производство необходимымъ для государства, правительство щедро надѣляло заводчиковъ даровыми рабочими руками, и въ результатѣ получился полный застой производства. То же самое мы видѣли и въ суконномъ производствѣ. Пока правительство особенно усердно „поощряло“ эту отрасль промышленности, она почти не прогрессировала въ техническомъ отношеніи, и, только освободившись отъ правительственной опеки, начавъ работать не на государство, а на частныхъ потребителей, суконное производство начало дѣлать въ Россіи успѣхи, при чемъ, какъ увидимъ ниже, успѣхи эти были прямо пропорціональны распространенію въ сукнодѣліи свободнаго труда.

Итакъ изученіе развитія промышленности въ дореформенной Россіи приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка важнѣйшимъ потребителемъ продуктовъ фабричнаго производства было государство; этимъ опредѣлялся и весь строй тогдашней крупной промышленности.

---

[1]) В. Безобразовъ. „Отчетъ о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г.“, стр. 211.

Крупное производство возникло при непосредственной поддержкѣ правительства и первое время не могло обойтись безъ такой поддержки. Соціальныя условія того времени дѣлали необходимымъ закрѣпощеніе рабочихъ за фабриками и заводами, такъ какъ свободныхъ рабочихъ, по вольному найму, неоткуда было взять. Принудительный трудъ былъ выгоднѣе свободнаго вслѣдствіе низкаго уровня техники. Поэтому тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ исключительно или преимущественно употреблялся трудъ несвободныхъ рабочихъ, достигли въ XVIII вѣкѣ значительнаго развитія и къ концу вѣка могли не только удовлетворять потребностямъ внутренняго рынка, но даже работать для заграничнаго сбыта. Обработанныя издѣлія въ это время играли значительно бо́льшую роль въ нашемъ отпускѣ, чѣмъ когда-либо впослѣдствіи.

	Общая ежегодная цѣнность русскаго экспорта (по европейской торговлѣ)[1]).	Въ томъ числѣ обработанныхъ и полуобработанныхъ издѣлій.	Въ числѣ ихъ желѣза.	Полотна и холста.
	Въ милліонахъ рублей серебромъ.			
1790—92 гг.	26,0	8,4	3,3	2,4

Такимъ образомъ, около $^1/_3$ отпуска приходилось на продукты русской обрабатывающей промышленности. Отпускъ желѣза по цѣнности равнялся почти 13% всего русскаго экспорта.

Въ XIX вѣкѣ положеніе мѣняется. Промышленность рѣшительно перерастаетъ государственный спросъ. Возникаетъ новая отрасль производства—хлопчатобумажная (безъ всякой поддержки правительства, кромѣ таможеннаго покровительства) и необыкновенно быстро завладѣваетъ внутреннимъ русскимъ рынкомъ, вытѣсняя продукты старинной полотняной промышленности. Въ Западной Европѣ происходитъ глубокое измѣненіе техники производства, и машина замѣняетъ ручной трудъ. Крѣпостной трудъ, несовмѣстимый съ новыми техническими условіями, становится рѣшительнымъ тормозомъ промышленности. Тѣ отрасли производства, въ которыхъ крѣпостной трудъ продолжаетъ господствовать, перестаютъ развиваться. Европа быстро перегоняетъ насъ въ техническомъ отношеніи; вывозъ обработанныхъ издѣлій изъ Россіи абсолютно сокращается, а относительно нисходитъ до совершенно ничтожной величины.

---

[1]) Семеновъ, III, стр. 220 и прилож. № 1.

	Ежегодная цѣнность русскаго вывоза (по европейской торговлѣ) [1].	Въ томъ числѣ обработанныхъ и полуобработанныхъ издѣлій.	Въ числѣ ихъ желѣза.	Полотна и холста.
	Въ милліонахъ рублей серебромъ.			
1848—50 гг.	80,8	7,4	0,8	1,4

Продукты обрабатывающей промышленности составляютъ около 9% общей цѣнности русскаго экспорта въ 1848—50 гг. Крѣпостное право стало дѣйствовать угнетающимъ образомъ на общее экономическое и въ частности промышленное развитіе страны—и было отмѣнено.

[1]) По Семенову, III, стр. 220 и прил. № 1.

ГЛАВА II.

Фабрика съ наемнымъ трудомъ.

Разрѣшеніе императоромъ Павломъ покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Ничтожныя послѣдствія этой мѣры.—Значеніе вольнонаемнаго труда въ различныхъ отрасляхъ фабричнаго производства дореформенной Россіи.—Преобладаніе свободнаго труда въ новыхъ фабрикахъ и принудительнаго труда въ старыхъ.—Окончательное запрещеніе покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Развитіе новой, капиталистической фабрики.—Относительное сокращеніе числа дворянскихъ фабрикъ.—Составъ фабричныхъ рабочихъ.—Кабальные рабочіе.—Фабричная работа питомцевъ Воспитательнаго дома.—Измѣненіе состава фабрикантскаго класса.—Новый капиталистъ—крестьянскій выходецъ.—Фабриканты и кустари.—Крѣпостные фабриканты.—Отношеніе правительства къ развитію капитализма въ крестьянской средѣ.

Я говорилъ во Введеніи, что, благодаря усиленію политическаго вліянія дворянства, самая существенная привилегія фабрикантовъ изъ купечества—право покупать къ фабрикамъ крестьянъ—была уничтожена Петромъ III и Екатериной. При Екатеринѣ II вліяніе дворянства достигло апогея. Обстоятельства, при которыхъ императоръ Павелъ вступилъ на престолъ, были таковы, что новый государь долженъ былъ относиться съ недовѣріемъ къ тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые возвели на престолъ его мать. Реакція противъ дворянскаго преобладанія выразилась въ цѣломъ рядѣ мѣръ новаго царствованія. Такъ, императоръ Павелъ сдѣлалъ шаги къ возстановленію обязательной службы дворянства, официально называлъ тунеядцами неслужившихъ дворянъ, ввелъ для дворянъ тѣлесныя наказанія, отъ которыхъ дворяне были освобождены Екатериной, установилъ закономъ число барщинныхъ дней крѣпостныхъ крестьянъ. Дворянство ожидало полнаго возвращенія къ доекатерининскимъ порядкамъ и, по словамъ г. Ро-

мановича-Славатинскаго, „переносило съ глухимъ, сдержаннымъ ропотомъ нарушенія его свободы и вольностей“ [1]).

Неудивительно, что и въ области привилегій фабрикантовъ царствованіе Павла явилось возвращеніемъ къ старому. Въ 1798 г. было разрѣшено какъ дворянамъ, такъ и купечеству покупать къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ, при чемъ количество прикупаемыхъ крестьянъ не должно было превосходить опредѣленнаго елизаветинскимъ указомъ 1752 г. Купечество вновь получило возможность пользоваться на фабрикахъ принудительнымъ трудомъ. Это право имѣло очень большое значеніе въ началѣ и серединѣ XVIII вѣка, и, какъ мы видѣли, купечество усиленно домогалось его въ Екатерининской комиссіи; благодаря лишенію купечества права покупки крестьянъ, самыя важныя фабрики—суконныя—почти цѣликомъ перешли въ руки землевладѣльческаго класса—дворянства.

Въ XIX вѣкѣ хозяйственное положеніе Россіи было уже иное. То, что̀ составляло необходимое условіе фабричнаго производства въ началѣ XVIII столѣтія, важное преимущество въ половинѣ его, — потеряло свое прежнее значеніе въ началѣ XIX столѣтія. Какъ я говорилъ, капиталистическое производство было невозможно въ Петровской Россіи вслѣдствіе отсутствія перваго условія такового—свободнаго рабочаго. Правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но, силою вещей, создалась крѣпостная фабрика. По мѣрѣ роста городского населенія, распространенія отхожихъ промысловъ, вытѣсненія въ промышленномъ районѣ барщинной системы оброчной, пользованіе свободнымъ трудомъ на фабрикахъ возрастало. Въ началѣ XIX вѣка количество вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ равнялось приблизительно 48% всѣхъ рабочихъ:

Число фабрикъ.	На нихъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ вольнонаемныхъ.
1804 г. [2])—2423	95.202	45.625

По отдѣльнымъ родамъ производства вольнонаемные и обязательные рабочіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [3]):

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи“. Спб. 1870 г., стр. 200.

[2]) Семеновъ, III, 262.

[3]) Е. Зябловскій. „Статистическое описаніе Россійской Имперіи“. 1808 г. Спб. Часть V, стр. 9—73.

	Число фабрикъ.	Всѣхъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ вольнонаемныхъ.	Среднее число рабочихъ на 1 фабрику.
Суконныя и шерстяныя фабрики.	155	28.689	2.788	185
Полотняныя . .	285	23.711	14.327	83
Ситцевыя и миткалевыя . . .	199	6566	5436	33
Шелковыя . . .	328	8953	6625	27
Писчей бумаги .	64	6957	1533	109
Стальныя, игольныя и желѣзныя.	26	4121	1144	159
Кожевенныя . .	850	6304	6115	7
Канатныя . . .	58	1520	1295	26
Стеклянныя и хрустальныя . . .	114	3937	1685	35

Мы видимъ, что въ началѣ XIX вѣка нѣкоторыя отрасли производства основывались почти исключительно на принудительномъ трудѣ, въ другихъ же рѣшительно преобладалъ свободный трудъ. Къ числу первыхъ принадлежали суконныя фабрики, писчей бумаги, желѣзные, игольные и стальные заводы; къ числу послѣднихъ — ситцевыя и миткалевыя фабрики, шелковыя, кожевенные и канатные заводы. Полотняныя фабрики и стеклянные заводы занимали среднее мѣсто — процентъ несвободныхъ рабочихъ на нихъ близокъ къ 50. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что фабрики первой группы принадлежали къ числу крупныхъ; среднее число рабочихъ на 1 фабрику превосходило 100; фабрики 2-й группы—мелкія—число рабочихъ на 1 фабрику колеблется отъ 7 до 33; и, наконецъ, фабрики 3-й группы и въ этомъ отношеніи занимаютъ промежуточное мѣсто.

Итакъ принудительный трудъ въ началѣ XIX вѣка въ нѣкоторыхъ производствахъ господствовалъ, въ другихъ же игралъ совершенно ничтожную роль. Отчего это зависѣло?

Я сказалъ, что фабрики съ преобладаніемъ принудительнаго труда принадлежали къ числу крупныхъ, а съ преобладаніемъ свободнаго труда—къ мелкимъ. Въ этомъ отразилось различіе условій, вызвавшихъ къ жизни фабрики того и другого рода. Наша фабричная промышленность, какъ я говорилъ въ предшествовавшей главѣ, имѣла, такъ сказать, два корня—съ одной стороны,

она была вызвана правительствомъ для удовлетворенія нуждъ государства, а съ другой — она постепенно развилась въ народной средѣ, удовлетворяя потребностямъ широкихъ классовъ населенія. Фабрики, возникшія подъ непосредственнымъ вліяніемъ государства, основались на принудительномъ трудѣ. При ихъ устройствѣ владѣльцы нерѣдко получали значительныя пособія отъ казны— постройки, земли и рабочія руки. Такъ какъ фабрики этого рода не имѣли непосредственной связи съ мелкою крестьянскою промышленностью, а устраивались крупными капиталистами — купцами и дворянами, то естественно, что и размѣры ихъ были крупные. Такой характеръ имѣли старинныя фабрики XVIII вѣка— суконныя, писчебумажныя, желѣзныя, отчасти полотняныя. Принудительный трудъ въ нихъ продолжалъ преобладать и въ началѣ XIX вѣка, хотя условія производства и рабочаго рынка измѣнились.

Напротивъ, ситцевое, бумаготкацкое, канатное и кожевенное производства развивались при совершенно иныхъ условіяхъ. Эти отрасли промышленности работали не на государство, а на народную массу. Онѣ непосредственно сливались съ крестьянскою промышленностью; производство на фабрикахъ этого рода было болѣе мелкимъ, дворянство ихъ почти не устраивало, и по этой причинѣ онѣ не пользовались крѣпостнымъ трудомъ. Шелкоткацкое производство первоначально возникло въ видѣ крупныхъ фабрикъ, но уже въ XVIII вѣкѣ оно начинаетъ распространяться въ крестьянской средѣ и переходитъ въ руки мелкихъ капиталистовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число вольнонаемныхъ рабочихъ на шелковыхъ фабрикахъ.

Но именно фабрики съ вольнонаемными рабочими быстро развивались въ XIX вѣкѣ. Поэтому возстановленіе императоромъ Павломъ права покупки къ фабрикамъ крестьянъ далеко не имѣло такого значенія, какое имѣлъ въ свое время знаменитый петровскій указъ, впервые узаконившій этотъ своеобразный порядокъ снабженія фабрикъ рабочими руками. Общія экономическія и соціальныя условія новаго времени благопріятствовали развитію не крѣпостного, но капиталистическаго производства, основаннаго на свободномъ, а не на принудительномъ трудѣ. Поэтому и указъ Павла не оказалъ никакого вліянія на строй нашей фабрики. Купечество пользовалось предоставленнымъ ему правомъ прикупать крестьянъ къ фабрикамъ не столько для снабженія фабрикъ рабочими, сколько въ обходъ закону, для пріобрѣтенія дворовыхъ и помѣстій.

Непродолжительное царствованіе Павла смѣнилось новой дворянской эпохой: на престолъ вступилъ „Екатерининъ внукъ“. Возстановленіе дворянскихъ правъ было однимъ изъ первыхъ актовъ царствованія Александра I [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ 1802 г. указомъ 3 іюля право покупки крестьянъ къ фабрикамъ было ограничено условіемъ, чтобы при этомъ крестьяне не были переселяемы на другое мѣсто. Въ 1808 г. правительство Александра, нуждаясь въ сукнѣ, котораго не хватало для потребностей войска, сдѣлало попытку расширить область примѣненія принудительнаго труда, выработало особыя правила, на основаніи которыхъ покупка крестьянъ къ суконнымъ фабрикамъ была разрѣшена и на сводъ, съ переселеніемъ ихъ на другое мѣсто; но крестьяне черезъ 20 лѣтъ получали свободу. Этими правилами однако никто не пожелалъ воспользоваться. Въ 1816 г., указомъ 6 ноября, покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ вновь, и на этотъ разъ уже окончательно, была запрещена [2]).

Извѣстно, что со времени Александра I правительство начинаетъ стремиться къ ликвидаціи крѣпостного права, тщательно остерегаясь въ то же время нарушить интересы помѣщиковъ. Въ началѣ XIX вѣка въ наше общество проникла новая идея, что крѣпостное право не только тяжело для крѣпостныхъ, но и невыгодно для помѣщиковъ. Идея эта выразилась и въ задачахъ, поставленныхъ въ 1812 г. Вольно-Экономическимъ Обществомъ. Общество объявило конкурсъ на двѣ задачи: „Что выгоднѣе для хозяина — обрабатывать землю частными людьми, или собственными крестьянами?“ — и другую задачу — какъ отдѣлить въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ?

Мысль о невыгодности крѣпостного права была навѣяна знаменитымъ сочиненіемъ Адама Смита, которое быстро пріобрѣло популярность въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ. По приказанію м-ра финансовъ графа Васильева, сочиненіе Смита было переведено на русскій языкъ; въ офиціальномъ изданіи м-ва внутреннихъ дѣлъ—„Санктпетербургскомъ Журналѣ“ ученіе Смита неоднократно излагалось, при чемъ Смитъ назывался „великимъ человѣкомъ, постигнувшимъ великія истины“ [3]). Но въ области земледѣлія крѣ-

[1]) Романовичъ-Славатинскій, 236.

[2]) П. С. З., XXVII, 20352; XXX, 23132 и 23679; XXXIII, 26504.

[3]) „Санктпетербургскій Журналъ, 1804 г.“, августъ, стр. 133. Адм. Мордвиновъ въ своихъ рѣчахъ въ Государств. Совѣтѣ называлъ Ад. Смита „писателемъ знаменитымъ въ наши времена по изложенію истинныхъ

постной трудъ упорно держался, и всѣ попытки правительства побудить помѣщиковъ добровольно освободить своихъ крестьянъ кончились полной неудачей: на основаніи закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г. въ царствованіе Александра I было освобождено только 33.782 д. м. п., а въ царствованіе Николая I—на основаніи того же закона—66.109 д. м. п. и, кромѣ того, на основаніи закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ—24.708 д. м. п. [1]), т.-е. въ общей сложности менѣе 1% крѣпостного населенія Россіи. Очевидно, въ области земледѣлія помѣщики находили для себя болѣе выгоднымъ крѣпостной трудъ. Крѣпостное право могло быть ликвидировано только непосредственнымъ актомъ государственной власти.

Какъ же обстояло дѣло въ фабричной промышленности? Я говорилъ, что уже въ началѣ XIX вѣка около половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Къ сожалѣнію, цифровыхъ данныхъ о распредѣленіи фабричныхъ рабочихъ на вольнонаемныхъ и несвободныхъ послѣ 1825 г. не имѣется. Въ 1825 г. всѣхъ фабрикъ было 5261, рабочихъ на нихъ—210.568, въ томъ числѣ вольнонаемныхъ—114.515. По отдѣльнымъ производствамъ вольнонаемные рабочіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Родъ производства.	Число фабрикъ.	Число всѣхъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ вольнонаемныхъ.
Суконное	324	63.603	11.705
Бумажныхъ матерій.	484	47.021	44.535
Полотняное . . .	196	26.832	18.720
Шелковое	184	10.204	8.481
Писчебумажное . .	87	8.272	2.019
Стальное, игольное, чугунное . . .	170	22.440	4.970
Канатное	98	2.503	2.303
Кожевенное . . .	1.784	8.001	7.460

Сравнительно съ 1804 г. общее число рабочихъ на фабрикахъ возросло болѣе, чѣмъ вдвое, но распредѣленіе рабочихъ измѣнилось не очень значительно — въ 1804 г. вольнонаемные составляли 48% всѣхъ рабочихъ, а въ 1825 г.—54%. Въ тѣхъ родахъ

началъ государственнаго хозяйства“ и ссылался на его мнѣніе, какъ на высшій научный авторитетъ. „Чтенія О-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ“. 1854. книга 4. Мнѣніе адмирала Мордвинова о новыхъ налогахъ.

[1]) Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ I, 266; II, 569.

промышленности, въ которыхъ раньше преобладалъ крѣпостной трудъ (суконныя, писчебумажныя, стальныя и желѣзныя фабрики), онъ остался преобладающимъ и въ 1825 г.

Я сказалъ, что цифровыхъ данныхъ о числѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ послѣ 1825 г. нѣтъ (по крайней мѣрѣ, съ этого года соотвѣтствующія цифры не помѣщались въ вѣдомостяхъ о числѣ фабрикъ и рабочихъ, прилагавшихся къ ежегоднымъ отчетамъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли). Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого сомнѣнія, что относительное число несвободныхъ рабочихъ на фабрикахъ быстро падало въ теченіе 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что за это время особенно развилась та отрасль промышленности, въ которой вольнонаемный трудъ преобладалъ съ самаго ея возникновенія — хлопчатобумажная. Число рабочихъ на бумаготкацкихъ, бумагопрядильныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ въ 1836 г. было уже 105.878 (при общей цифрѣ фабричныхъ рабочихъ 324.203). Въ 1804 г. на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ было занято 7% всего числа фабричныхъ рабочихъ, въ 1825 г.—21%, въ 1836 г.—32%.

Вмѣстѣ съ ростомъ хлопчатобумажной промышленности должно было возрасти и число вольнонаемныхъ рабочихъ. Затѣмъ, въ суконномъ производствѣ, въ которомъ крѣпостной трудъ имѣлъ наибольшее примѣненіе, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ особенно усилилась выработка тонкихъ и среднихъ суконъ, для которыхъ употреблялся преимущественно свободный трудъ. Въ 40-хъ годахъ для вольной продажи изготовлялось около 9 милл. арш. сукна, а для казны — около 4 милл. арш. Крѣпостной же трудъ употреблялся почти исключительно на фабрикахъ, работавшихъ солдатскія сукна. Фабрики, работавшія сукна для вольной продажи, принадлежали преимущественно купцамъ и уже потому не могли пользоваться принудительнымъ трудомъ.

Сокращеніе числа фабрикъ, работавшихъ крѣпостными, непосредственно доказывается паденіемъ относительной численности дворянскихъ фабрикъ. Такъ, для 1832 г. я насчиталъ 862 дворянскихъ фабрики [1]); всѣхъ фабрикъ значилось по списку 5.599. Дворянскія фабрики, слѣдовательно, составляли не болѣе 15% общаго числа. Въ концѣ 40-хъ годовъ, по словамъ Гакстгаузена, только

[1]) Сосчитано по „Списку фабрикантовъ и заводчиковъ Россійской имперіи въ 1832 г.“, Спб. 1833 г.

500 фабрикъ принадлежало дворянамъ [1]), всего же фабрикъ въ это время было около 10.000—процентъ дворянскихъ фабрикъ понизился до 5. Правда, дворянскія фабрики вообще отличались болѣе крупными размѣрами, но все же изъ сравнительно ничтожнаго числа ихъ въ концѣ 40-хъ годовъ слѣдуетъ заключить, что въ это время крѣпостной трудъ на фабрикахъ рѣшительно отступилъ на задній планъ передъ вольнонаемнымъ. На это опредѣленно указываетъ и Гакстгаузенъ. „Въ настоящее время,— говоритъ этотъ компетентный авторъ, — на большинствѣ фабрикъ употребляются не собственные крѣпостные, но рабочіе, добровольно нанимающіеся за опредѣленную плату“ [2]).

Наконецъ, намъ несомнѣнно извѣстно, что въ 40-хъ годахъ цѣлый рядъ фабрикъ разнаго рода перешелъ отъ принудительнаго къ свободному труду, въ виду того, что работа по вольному найму оказалась выгоднѣе обязательной. Объ этомъ я буду подробнѣе говорить ниже, здѣсь же ограничусь простой ссылкой на этотъ фактъ.

Въ виду сказаннаго, несмотря на отсутствіе цифровыхъ данныхъ, можно положительно утверждать, что работа по вольному найму быстро распространялась на фабрикахъ дореформенной Россіи, хотя пріискивать рабочихъ попрежнему было не легко. Даже въ концѣ 30-хъ годовъ фабриканты (бумагопрядильщики) заявляли правительству, что они не могутъ сокращать производства въ случаѣ кризиса по той причинѣ, что каждый фабрикантъ употребляетъ долгое время на пріученіе своихъ рабочихъ къ фабричной работѣ, и распустить ихъ—„значило бы прекратить производство навсегда“ [3]).

Фабричные рабочіе вербовались въ первой половинѣ этого вѣка, какъ и теперь, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ. Такъ, по одному расчету конца 30-хъ годовъ, на московскихъ фабрикахъ работало не болѣе 4—5 тысячъ постоянныхъ московскихъ жителей—преимущественно мѣщанъ; всѣ же остальные фабричные рабочіе (которыхъ на московскихъ фабрикахъ считалось болѣе 40 тысячъ) приходили изъ деревень [4]). На фабрикахъ работали

---

[1]) Haxthausen. „Studien über die innern Zustände Russlands“. Berlin, 1852, III, 593.

[2]) Haxthausen, I, 190.

[3]) Дѣло по донесенію чиновника Самойлова и пр. 14 дек. 1838 г., Арх. д-та т. и м.

[4]) О состояніи рабочихъ въ Россіи. „Журналъ Мануфактуръ и Торговли,“ 1837 г., № XII.

по вольному найму какъ государственные крестьяне, такъ и помѣщичьи; характерно, что, несмотря на многія неудобства найма помѣщичьихъ крестьянъ, которые могли быть потребованы обратно помѣщиками, фабриканты предпочитали ихъ государственнымъ крестьянамъ. Я. Гарелинъ, авторъ многихъ сочиненій по фабричному вопросу, бывшій однимъ изъ крупнѣйшихъ ивановскихъ фабрикантовъ, довольно наивно замѣчалъ по этому поводу, что „лучшими работниками на фабрикахъ считаются помѣщичьи крестьяне по ихъ трудолюбію и необходимости заработать болѣе для своихъ домашнихъ нуждъ“ [1]).

Иными словами, рабочіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ были болѣе покорными и покладистыми, чѣмъ рабочіе изъ государственныхъ крестьянъ, а это имѣло большое значеніе для фабрикантовъ, такъ какъ тотъ же Гарелинъ признаетъ, хотя и „съ грустью“, что „мало существуетъ симпатіи между фабрикантами и рабочими“.

Предпочтенье рабочихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ вольнымъ иногда основывалось на томъ, что помѣщичьихъ крестьянъ фабриканты держали въ полной зависимости отъ себя, уплачивая оброкъ за нихъ помѣщику. Это были такъ называемые кабальные рабочіе. Помѣщики иногда прямо отдавали на постороннія фабрики своихъ крѣпостныхъ за опредѣленную плату въ свою собственную пользу. Само собою разумѣется, эти рабочіе работали очень плохо,—но кабальный трудъ обходился такъ дешево, что въ томъ случаѣ, когда отъ рабочаго не требовалось особеннаго искусства, фабриканты, за отсутствіемъ свободныхъ рабочихъ, охотно къ нему прибѣгали.

„Самый дурной родъ работниковъ,—читаемъ у экономиста 40-хъ годовъ Бутовскаго,—составляли крестьяне, отдаваемые внаймы помѣщиками на чужіе фабрики и заводы. Сколько ни умѣренна иногда плата, взимаемая за подобную ссуду, одна только крайность можетъ побудить предпринимателя къ употребленію столь нерадивыхъ и часто развращенныхъ работниковъ. Отъ нихъ нельзя ожидать никакого старанія, никакого порядка; фабриканту угрожали ежеминутные побѣги, воровства, плутовскія шашни; мы слышали, что подобные работники, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни угрозы, часто гуртомъ оставляли заведенія и останавливали работы въ самыя дорогія минуты“ [2]).

---

[1]) Я. Гарелинъ. „Вознесенскій посадъ“. „Владимірскія Губернскія Вѣдомости,“ 1861 г., № 15.

[2]) А. Бутовскій. „Опытъ о народномъ богатствѣ“. Спб., 1847 г., стр. 482.

Объ отдачѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ работники говоритъ и Николай Тургеневъ: „Одно изъ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій замѣчается въ бѣлорусскихъ провинціяхъ (Витебской, Могилевской), гдѣ крестьяне такъ несчастны, что вызывали состраданіе даже русскихъ крѣпостныхъ. Въ этихъ провинціяхъ помѣщики отдавали своихъ крѣпостныхъ сотнями и тысячами подрядчикамъ, которые исполняли землекопныя работы во всѣхъ концахъ имперіи. Эти бѣдные люди употребляются главнымъ образомъ на постройку большихъ дорогъ и каналовъ. Помѣщикъ беретъ обязательство поставить такое-то количество людей по условленной платѣ, а подрядчикъ обязуется кормить ихъ во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающіе за работами, не требуютъ отъ подрядчика въ пользу этихъ несчастныхъ ничего сверхъ того, что требуется для поддержанія ихъ жизни. Что же касается до денегъ, которыя получаетъ за нихъ помѣщикъ, то правительство не вмѣшивается въ это. Эти несчастные провели дороги въ окрестностяхъ Царскаго Села“ [1]).

По словамъ г. Погожева, отдача на фабрики такихъ „кабальныхъ“ рабочихъ широко практиковалась въ Можайскомъ уѣздѣ, при чемъ помѣщикъ получалъ за каждаго отдаваемаго имъ рабочаго по 25 р. въ годъ. На суконныхъ фабрикахъ Пушкина-Орфана, кн. Гагарина и другихъ работало много кабальныхъ рабочихъ изъ окрестныхъ помѣщичьихъ деревень. По показанію нѣкоего Щедрина, бывшаго владѣльца бумагопрядильни въ Клинскомъ уѣздѣ, въ дореформенное время первоначально всѣ рабочіе на его фабрикѣ были кабальными крестьянами Можайскаго уѣзда, и только впослѣдствіи они были замѣнены мѣстными клинскими рабочими [2]). Г. Погожевъ дѣлаетъ интересное указаніе, что на Вознесенской мануфактурѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, которая еще въ 40-хъ годахъ имѣла нѣсколько тысячъ рабочихъ и до настоящаго времени остается одной изъ крупнѣйшихъ бумагопрядиленъ Московской губ., до сихъ поръ сохранились семь каменныхъ корпусовъ, которые носятъ названіе „кабальныхъ спаленъ“. Каждый корпусъ называется по фамиліи того помѣщика, которому принадлежали кабальные рабочіе, помѣщавшіеся въ этомъ корпусѣ [3]);

[1]) N. Tourgueneff. „La Russie et les Russes“. Paris, 1847 г. II, стр. 137, 138.

[2]) „Сб. ст. свѣд. по Москов. губ.“ Сан. отд., т. III, вып. VI, Можайскій уѣздъ.

[3]) „Сб. ст. свѣд. по Моск. губ.“ С. о., т. III, вып. VII, Дмитровскій уѣздъ, стр. 94.

указаніе это интересно потому, что оно уясняетъ намъ причину крупныхъ волненій на этой фабрикѣ въ 1844 г., усмиренныхъ лишь съ помощью вооруженной силы.

Объ этихъ волненіяхъ упоминаетъ министръ финансовъ въ своемъ отношеніи 5 апр. 1849 г. гр. Закревскому, но въ очень неясныхъ выраженіяхъ: „учрежденіе порядка на счетъ невыдачи фабричнымъ рабочимъ всей заработанной платы съ оставленіемъ части для врученія семейнымъ начальникамъ или обществамъ едва ли удобоисполнимо. Опытомъ на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ дознано въ недавнемъ еще времени, что фабричные изъ помѣщичьихъ крестьянъ сопротивляются цѣлыми массами подобнымъ распоряженіямъ, и что усмиреніе ихъ, какъ, напр., въ 1844 г., на Вознесенской бумагопрядильнѣ въ Дмитровск. уѣздѣ, требовало вмѣшательства полицейской и военной силы“ [1]). Приводя въ связь съ этими словами указаніе г. Погожева на „кабальныя спальни“ при Вознесенской бумагопрядильнѣ, можно заключить, что въ данномъ случаѣ сопротивлялись именно закабаленные рабочіе,—сопротивлялись тому, чтобы плата поступала не имъ, а помѣщику; если же министръ финансовъ говоритъ о „семейныхъ начальникахъ и обществахъ“, то это объясняется, вѣроятно, слѣдующимъ: какъ сейчасъ увидимъ, закабаленіе рабочихъ было въ это время запрещено закономъ, и помѣщики, желая закабалить рабочаго за фабрикантомъ, должны были прибѣгать къ окольнымъ путямъ, напр., требовать плату не на свое имя, а на имя сельскаго общества или семьи рабочаго.

Ивановскіе фабриканты закабаляли за собой рабочихъ другимъ способомъ—уплачивая помѣщику Шереметеву оброкъ за своихъ недоимщиковъ-односельчанъ. Оброкъ въ селѣ Ивановѣ достигалъ значительной суммы отъ 75 до 87 р. ассигнаціями въ годъ съ тягла (со всѣми добавочными расходами) [2]). При этомъ одному крестьянину приходилось иногда платить по нѣсколькимъ тягламъ.

Во всякомъ случаѣ, употребленіе на русскихъ фабрикахъ 40-хъ годовъ кабальныхъ рабочихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Между тѣмъ, отдача помѣщикомъ своихъ крѣпостныхъ въ наемъ недворянамъ была запрещена закономъ. Такъ какъ сдѣлки такого рода могли прикрывать собой пріобрѣтеніе крѣпостныхъ лицами,

[1]) Дѣло по предлож. московскаго военнаго генералъ-губернатора гр. Закревскаго о недозволеніи учреждать вновь фабрики и заводы въ Москвѣ, 22 окт. 1848 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Я. Гарелинъ. „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. Часть I, стр. 210.

не имѣвшими на то права, то отдача крѣпостныхъ въ наемъ разночинцамъ была запрещена указами 10 апр. 1823 г. и 28 авг. 1824 г. [1]). Повидимому, закабаленіе крестьянъ фабрикантами и заводчиками особенно распространилось въ началѣ 20-хъ годовъ.

Въ виду этого, Комитетъ Министровъ, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 16 іюня 1825 г., призналъ нужнымъ совершенно воспретить помѣщикамъ отдачу крѣпостныхъ на заводскія работы, съ заключеніемъ условія отъ имени помѣщика; въ случаѣ нарушенія этого закона помѣщикомъ, крѣпостной, отданный въ работу, получалъ свободу [2]). Но, какъ видно изъ предыдущаго, помѣщики легко обходили законъ.

По словамъ Гакстгаузена, въ 40-хъ годахъ практиковалась отдача въ кабалу на фабрики преимущественно дѣтей, на 7-лѣтній срокъ въ качествѣ учениковъ [3]). Нерѣдко фабриканты доставали нужныхъ имъ дѣтей и изъ Воспитательнаго дома, подобно тому, какъ ихъ англійскіе собратья получали малолѣтнихъ рабочихъ изъ приходскихъ домовъ для бѣдныхъ. Извѣстны возмутительныя жестокости, которыя при этомъ практиковались въ Англіи. Фабриканты посылали въ дома для бѣдныхъ своихъ агентовъ, которые набирали живой товаръ, не справляясь съ желаніями дѣтей, и доставляли ихъ по назначенію, гдѣ съ ними обращались хуже, чѣмъ съ домашними животными. Въ другихъ случаяхъ агенты приходскихъ домовъ, стремившихся поскорѣе избавиться отъ расходовъ по содержанію своихъ питомцевъ, вывозили дѣтей цѣлыми партіями въ крупные промышленные центры и тамъ распродавали ихъ фабрикантамъ. Въ газетахъ нерѣдко помѣщались объявленія, что тамъ-то можно получить на такихъ-то условіяхъ столько-то маленькихъ „бѣлыхъ рабовъ“ [4]).

Какимъ образомъ практиковалась отдача питомцевъ Воспитательнаго дома въ Россіи, какъ ихъ содержали на фабрикахъ и проч.,—этого мы не знаемъ. Объ ужасахъ англійскихъ фабричныхъ порядковъ первыхъ десятилѣтій этого вѣка намъ извѣстно потому, что ужасы эти вызывали негодованіе значительной части англій-

---

[1]) П. С. З., XXXVIII, 29416, и XXXIX, 30040.

[2]) П. С. З. XL, 30385.

[3]) Haxthausen, III, 579.

[4]) См. крайне интересную книгу: Alfred. „The History of the Factory Movement“. London, 1857. Главнымъ образомъ по этой книгѣ составлена статья Л. Давыдовой: „Ричардъ Остлеръ, король фабричныхъ дѣтей“. „Міръ Божій“. 1895 г. Мартъ.

скаго общества, и литература того времени служила яркимъ выраженіемъ этого негодованія. Русское общество имѣло болѣе грубые нервы, а литература, подъ игомъ цензуры, должна была тщательно обходить всякіе щекотливые вопросы. Поэтому и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, намъ извѣстно очень немного.

Воспитанники Воспитательнаго дома отдавались на фабрики до совершеннолѣтія, съ возраста около 12 лѣтъ, при чемъ фабрикантъ обязывался содержать ихъ на свой счетъ и по истеченіи извѣстнаго срока по ихъ поступленіи давать имъ опредѣленную (впрочемъ, очень ничтожную—1 р. въ мѣсяцъ) плату. По достиженіи совершеннолѣтія воспитанники получали отъ фабриканта пару платья и 100 р. денегъ [1]). Какое значеніе для фабриканта имѣла возможность полученія даровыхъ (или почти даровыхъ) работниковъ изъ Воспитательнаго дома, видно изъ того, что иногда при самомъ учрежденіи фабрики заранѣе выговаривалось условіе, что на фабрику будутъ опредѣляться питомцы Воспитательнаго дома [2]).

До сихъ поръ мы говорили о фабричныхъ рабочихъ. Изъ какихъ же общественныхъ элементовъ слагался въ дореформенной Россіи классъ фабрикантовъ? Мы видѣли, что въ теченіе XVIII вѣка замѣчалось постепенное измѣненіе состава этого класса; первыми фабрикантами были старинные капиталисты Московской Руси—купцы. Затѣмъ, по мѣрѣ роста политическаго вліянія дворянства и ограниченія привилегій фабрикантовъ изъ купеческаго званія (при чемъ наибольшее значеніе имѣло запрещеніе покупки къ фабрикамъ крестьянъ), фабрики стали переходить въ руки дворянства. Въ началѣ XIX вѣка самыя важныя фабрики—суконныя—принадлежали почти исключительно дворянамъ. Такимъ образомъ, къ этому времени классъ фабрикантовъ слагался изъ двухъ общественныхъ элементовъ: торговаго сословія и землевладѣльцевъ—купечества и дворянства. Въ послѣдующее время къ этимъ элементамъ предпринимательнаго класса присоединяется еще третій—выходцы изъ среды крестьянства.

Я неоднократно указывалъ, что самой характерной чертой промышленной исторіи разсматриваемой эпохи было появленіе и необыкновенно быстрое развитіе новой отрасли производства—

---

[1]) Дѣло объ опредѣленіи на фабрику Баннистера питомцевъ Воспитательнаго дома. 27 августа 1817 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Дѣло о предполагаемой къ учрежденію въ г. Ямбургѣ ситцевой фабрики, 2 апр. 1814 (Арх. д-та т. и м.).

хлопчатобумажной промышленности. Эта промышленность развилась безъ непосредственной поддержки правительства и притомъ при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ особо покровительствуемыя производства, какъ, напр., суконное и чугуноплавильное. Благодаря простотѣ техническихъ пріемовъ набойки ситцевъ и ткачества бумажныхъ матерій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и легкости сбыта, по дешевизнѣ товара, хлопчатобумажная промышленность быстро распространилась въ крестьянскомъ населеніи. Важнѣйшимъ центромъ ея былъ Шуйскій уѣздъ и, въ особенности, село Иваново. Это село, какъ и всѣ его жители, принадлежало графу Шереметеву. Въ 1825 г. въ Ивановѣ считалось 125 крупныхъ ситцепечатныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были огромныхъ размѣровъ. Такъ, напр., въ 1817 г. на фабрикѣ Грачевой было 900 становъ и 103 набивныхъ стола, на фабрикѣ Ямановскаго 1000 становъ и 110 набивныхъ столовъ (рабочихъ около 1500 чел.), у Гарелина—1021 станъ и 85 набивныхъ столовъ (рабочихъ 1407 чел.) [1]). Всѣ эти фабрики принадлежали или крѣпостнымъ, или бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева.

Въ концѣ XVIII вѣка главнымъ промысломъ населенія Иванова была набойка бумажныхъ и полотняныхъ матерій. Прибыльность этого промысла особенно возросла послѣ московскаго пожара 1812 г., во время котораго погибли почти всѣ московскія фабрики. Временное устраненіе такого опаснаго конкурента, какъ Москва, необыкновенно способствовало оживленію ивановской промышленности. Въ это время фабрикація бумажныхъ тканей давала такіе барыши, что промышленники наживали, по нѣкоторымъ показаніямъ, „упятеренный рубль на рубль“ [2])—500% прибыли. Особенно выиграли отъ такого положенія вещей набойщики, среди которыхъ многіе работали не на фабрикантовъ, а за свой собственный счетъ, при помощи своей семьи. По словамъ Гарелина, спросъ на набойщиковъ въ селѣ Ивановѣ послѣ московскаго пожара до такой степени усилился, что они безъ труда зарабатывали до 100 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Около этого времени и совершился переходъ многихъ кустарей-набойщиковъ въ крупные фабриканты.

Скопить небольшой капиталъ для открытія собственной фабрики

[1]) „Статистическое обозрѣніе состоянія Владимірской губ. въ 1817 г.“ „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1857, № 13.

[2]) „Мануфактурный очеркъ мѣстечка Ново-Зуева“. „Журналъ Мануфактуръ и Торговли“, 1854, часть 1, стр. 203.

для набойщика-кустаря въ это время было дѣломъ нетруднымъ. Миткаль можно было всегда получить въ кредитъ. Капиталъ оборачивался необыкновенно быстро. За нѣсколько дней набойщикъ успѣвалъ набить миткаль и придать ему окончательную отдѣлку, а въ первый базарный день въ селѣ Ивановѣ онъ могъ безъ труда продать изготовленный ситецъ купцамъ, пріѣзжавшимъ для закупки товара. Такимъ путемъ кустарь, при нѣкоторой изворотливости и предпріимчивости, могъ сдѣлаться сначала мелкимъ, затѣмъ и крупнымъ капиталистомъ [1]).

Такое счастливое время для набойщиковъ продолжалось, правда, недолго, и уже съ 20-хъ годовъ плата за набойку и цѣна готоваго ситца падаютъ подъ вліяніемъ быстраго увеличенія числа набойщиковъ, а затѣмъ и введенія ситцепечатныхъ машинъ. Переходъ изъ кустарей въ фабриканты сдѣлался затруднительнымъ. Но достаточно было непродолжительнаго процвѣтанія набоечнаго промысла, чтобы образовались небольшіе капиталы, которые потомъ безпрепятственно могли расти и расти [2]). Около этого времени было положено основаніе огромному состоянію Морозовыхъ. Основатель этой фирмы, Савва Морозовъ, былъ простымъ ткачомъ и крѣпостнымъ крестьяниномъ помѣщика Рюмина. Въ 1797 г. онъ устроилъ небольшую фабрику шелковыхъ лентъ, затѣмъ болѣе крупную—нанки и шелковыхъ матерій въ мѣстечкѣ Зуево. Въ 1820 г. онъ выкупился на волю со всей своей семьей (за 17.000 р.), записался въ купечество и сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Россіи [3]).

Какъ сказано, всѣ ивановскіе фабриканты (многіе изъ которыхъ были милліонерами) вышли изъ крестьянъ. Большинство ихъ, какъ и шуйскихъ фабрикантовъ, первоначально были мелкими самостоя-

---

[1]) Я. Гарелинъ. „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, стр. 204—205. „Это время для набойщика было золотымъ, и только лѣнивый да разгульный не составили себѣ капитала исключительно набивнымъ мастерствомъ“.

[2]) Англійская бумаготкацкая промышленность переживала совершенно такую же эпоху въ концѣ XVIII вѣка. Въ это время, подъ вліяніемъ удешевленія пряжи, спросъ на ткани чрезвычайно возросъ, заработная плата ткачей увеличилась въ нѣсколько разъ, и многимъ изъ нихъ удалось выбиться въ фабриканты. Но затѣмъ послѣдовалъ упадокъ заработной платы, и ткачамъ пришлось оставить всякія мечты о превращеніи въ капиталистовъ.

[3]) „Мануфактурный очеркъ мѣстечка Ново-Зуева“. „Журн. М. и Т.“, 1854, ч. I; также „Мануфактура и фабрика торговаго дома Савва Морозовъ съ сыновьями“. Москва, 1870 г.

тельными производителями—кустарями или фабричными рабочими [1]). Село Иваново представляло собою въ началѣ этого вѣка оригинальную картину. Самые богатые фабриканты, имѣвшіе болѣе 1000 человѣкъ рабочихъ, юридически были такими же безправными людьми, какъ и послѣдніе голыши изъ ихъ рабочихъ. Всѣ они были крѣпостными Шереметева. Но фактически крупные фабриканты не только свободно владѣли движимымъ и недвижимымъ имуществомъ (хотя послѣднее и записывалось на имя помѣщика), но даже имѣли своихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., Ивану Гарелину, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, принадлежало сельцо Спасское со всѣми жившими въ немъ крестьянами. Точно такъ же имѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ и другой ивановскій капиталистъ—Грачевъ.

У многихъ фабрикантовъ были крѣпостные дворовые люди. Само собою разумѣется, что юридически всѣ эти крѣпостные принадлежали единственному владѣльцу Иванова—Шереметеву, но такъ какъ вотчинная контора Шереметева признавала имущественныя сдѣлки подвѣдомственныхъ ей крѣпостныхъ, при чемъ въ пользу графа поступалъ извѣстный % стоимости пріобрѣтеннаго или проданнаго имущества, то крѣпостные капиталисты могли свободно пріобрѣтать земли и даже крестьянъ въ свое полное пользованіе и владѣніе [2]).

Нечего и говорить, что такіе капиталисты—крѣпостные помѣщика—стремились выкупиться на волю. Но владѣлецъ села Иванова соглашался на это крайне неохотно; до реформы 19 февраля выкупилось на волю въ Ивановѣ всего около 50 крестьянскихъ семействъ, при чемъ средняя выкупная плата за семейство достигала 20,000 р. [3]). Выкупившіеся крестьяне,—какъ видно изъ вы-

[1]) „Бо́льшая часть фабрикантовъ села Иванова и вообще Шуйскаго уѣзда возвысилась въ капиталахъ своихъ отъ счастливаго перехода изъ набойщиковъ въ фабриканты-капиталисты". „Колеристы и набойщики Владимірской губерніи". П. Несытова. „Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 г.", стр. 51.—„Большая часть значительныхъ фабрикъ, принадлежащихъ теперь къ Вознесенскому посаду, основана людьми, начинавшими свои дѣла съ мелочного производства въ Ивановѣ". „Село Иваново". Власьева. „Вѣстникъ Промышленности". 1859 г., т. III.

[2]) Я. Гарелинъ. „Городъ Иваново-Вознесенскъ". Ч. I, 110, 211. По словамъ Гакстгаузена, нѣкоторые крѣпостные Шереметева въ 40-хъ годахъ имѣли по 600, 700 крѣпостныхъ. Haxthausen, II, 72. Объ этомъ же упоминаетъ и Николай Тургеневъ, „La Russie et les Russes", II, 128.

[3]) Гарелинъ, 114.

сокой стоимости выкупа, крупные капиталисты, — записывались въ купечество.

Такимъ же путемъ крупныя фабрики возникали изъ мелкой крестьянской промышленности и въ другихъ мѣстахъ. Московскіе земскіе статистики констатируютъ для Московскаго района, что „большинство нынѣ существующихъ фабрикъ средней величины возникли изъ кустарныхъ избъ; владѣльцы кисейныхъ, гардинныхъ и одѣяльныхъ фабрикъ Волоколамскаго уѣзда (оборотъ нѣкоторыхъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей) и до настоящаго времени крестьяне; предки ихъ работали за станами, дѣды заводили свѣтелку... а отцы основывали небольшую фабрику. Громадныя механическія заведенія Горской волости, Коломенскаго уѣзда, также ведутъ свое начало отъ кустарной избы... Шерстяная фабрика Егорова въ Клинскомъ уѣздѣ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія представляла собой небольшую свѣтелку, въ которой владѣлецъ ея работалъ за станкомъ наравнѣ съ другими ткачами“. Основатель одной изъ крупнѣйшихъ шелковыхъ фабрикъ—Аондрашевъ—былъ крѣпостнымъ Бибикова, работавшимъ на шелковой фабрикѣ Лазарева въ Москвѣ. Онъ скоро сдѣлался крупнымъ фабрикантомъ, но, несмотря на это, оставался крѣпостнымъ вплоть до 1861 г. [1]).

Подобные крѣпостные фабриканты были характерной особенностью разсматриваемой эпохи. Въ селѣ Вачи, Муромскаго уѣзда фабрика стальныхъ издѣлій была устроена въ 1831 г. крѣпостнымъ крестьяниномъ князя Голицына—Кондратовымъ [2]). Шереметеву, владѣльцу села Иванова, принадлежали также и замѣчательныя промышленныя села въ Нижегородской губерніи—Павлово и Ворсма. Уже въ 40-хъ годахъ въ этихъ селахъ появились мелкіе фабриканты изъ крестьянской среды. Энгельгардъ, бывшій въ Павловѣ въ 1830 г., говоритъ, что въ этомъ селѣ многіе богатые мастера имѣютъ особыя мастерскія, въ которыхъ работы производятся наемными людьми. Такіе мастера живутъ въ каменныхъ домахъ [3]). Въ 40-хъ годахъ академикъ Кеппенъ сообщаетъ, что мѣстный

---

[1]) Въ „Сборникѣ стат. свѣд. по Московской губерніи“, т. VII, вып. III, стр. 27—28, подобныхъ примѣровъ приведено очень много.

[2]) „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1853 г., № 42. Фабричное заведеніе стальныхъ издѣлій въ Муромскомъ уѣздѣ.

[3]) Engelhard. „Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg nach dem Ural“. 1830 г., стр. 176—178.

фабрикантъ Завьяловъ употребляетъ на своей фабрикѣ перочинныхъ ножей машины, приводимыя въ движеніе лошадьми [1]).

Въ началѣ 50-хъ годовъ въ Павловѣ насчитывалось уже нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ мастеровъ-фабрикантовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись Завьяловъ, Калякинъ и Горшковъ, державшіе, по словамъ Мельникова, въ своихъ рукахъ всю павловскую промышленность [2]).

Въ началѣ 50-хъ годовъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ насчитывалось уже болѣе 30 болѣе или менѣе крупныхъ стально-слесарныхъ заведеній, на которыхъ изготовлялись столовые и перочинные ножи, кинжалы, бритвы, ножницы и замки [3]). Всѣ эти заведенія возникли изъ крестьянскихъ кустарныхъ мастерскихъ. По характеру отношеній богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ другъ къ другу Павлово совершенно напоминало Иваново. Масса рабочаго люда находилась въ совершенной зависимости отъ богатыхъ фабрикантовъ. „Явленіе то же самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ Шуйскихъ и Ивановскихъ“, замѣчаетъ по этому поводу Мельниковъ [4]).

Въ Костромской губерніи основатели всѣхъ бумаготкацкихъ фабрикъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ 50-хъ годовъ, были, за весьма немногими исключеніями, помѣщичьими крестьянами, начавшими дѣло съ небольшихъ кустарныхъ заведеній [5]).

Въ селѣ Висенемъ, Арзамасскаго уѣзда, принадлежавшемъ кн. Салтыкову, населеніе занималось преимущественно изготовленіемъ сапогъ; въ немъ также замѣчались огромныя различія въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ хозяевъ. Около 15 крестьянъ производили торговые обороты каждый въ 20—50 тыс. р. въ годъ; другіе же были совершенными бѣдняками [6]).

Фактъ возникновенія крестьянскихъ фабрикъ констатируется и Гакстгаузеномъ: „Значительная часть современныхъ русскихъ фаб-

---

[1]) Körper. „Kurzer Bericht über einer Reise von S.-Petersburg nach Kasan“. S.-Petersburg, 1847 г., стр. 6.

[2]) П. Мельниковъ. „Павловская промышленность“. „Москвитянинъ“, 1851 г., ч. IV, стр. 104.

[3]) „Нижегородская губернія въ хозяйственно-статистическомъ отношеніи“. „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“, 1857, часть 28, стр. 44.

[4]) „Москвитянинъ“, 1851, ч. IV, стр. 104.

[5]) „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба“. Крживоблоцкій. Костромская губернія. Спб. 1861 г., стр. 338.

[6]) Haxthausen. „Studien über die innern Zustände Russlands“, I, 328.

рикъ устроена крестьянами, которые не умѣютъ ни читать, ни писать и достигли своего теперешняго положенія только собственными силами. Нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ и богатыхъ фабрикантовъ Россіи относятся къ этой категоріи,—напр., ситцевый фабрикантъ Гучковъ въ Москвѣ и табачный фабрикантъ Жуковъ въ Петербургѣ“ [1]).

Такимъ образомъ, въ XIX вѣкѣ къ дворянскимъ и купеческимъ фабрикамъ стали присоединяться еще крестьянскія. Этотъ фактъ очень важенъ, такъ какъ онъ характеризуетъ новую эпоху въ развитіи нашей крупной промышленности. Крестьянская фабрика была органическимъ продуктомъ народной жизни и никоимъ образомъ не можетъ быть названа „искусственнымъ“ явленіемъ, подобно крупнымъ фабрикамъ прошлаго вѣка. Появленіе на промышленной аренѣ новаго типа фабрики знаменовало собой, что условія русской промышленности созрѣли уже до промышленнаго, а не только торговаго капитализма. Крѣпостная фабрика, по ходу промышленной эволюціи, отживала свое время; ея мѣсто заступала новая, капиталистическая фабрика, основанная на свободномъ договорѣ предпринимателя-капиталиста съ рабочими.

Я говорилъ во Введеніи, что въ XVIII вѣкѣ купечество домогалось ограниченія крестьянской торговли и промышленности. Особенно ярко выразились эти домогательства въ купеческихъ и городскихъ наказахъ и преніяхъ въ Екатерининской комиссіи по составленію Новаго Уложенія. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ развитіе крестьянской промышленности во второй половинѣ прошлаго вѣка. Въ XIX вѣкѣ въ крестьянской средѣ появляются крупные капиталисты-фабриканты. Правительство не имѣло никакого интереса задерживать развитіе капиталистическаго производства среди крестьянства, такъ какъ, съ одной стороны, ростъ промышленности увеличивалъ платежную способность населенія, а съ другой, — дворянскіе интересы, дававшіе тонъ всей нашей внутренней политикѣ, требовали того же. Крестьянскія фабрики почти не конкурировали съ дворянскими: въ дворянскихъ рукахъ оставались фабрики и заводы, работавшіе преимущественно или въ значительной степени на казну, каковы фабрики солдатскихъ суконъ, солдатскаго и паруснаго полотна, писчебумажныя, горные заводы. Крестьянскія фабрики выдѣлывали почти исключительно дешевый товаръ, расходившійся въ массѣ населенія—

[1]) Haxthausen, I, 185.

ситцы, кумачи, платки, дешевыя шелковыя и шерстяныя ткани, мелкія стальныя и желѣзныя издѣлія, кожевенныя издѣлія и пр. Нерѣдко крестьянскія фабрики устраивались въ помѣщичьихъ селахъ (самыя замѣчательныя промышленныя села принадлежали дворянамъ). Какъ и въ прошломъ столѣтіи, дворянство въ александровскую и николаевскую эпоху не только не сочувствовало притязаніямъ купечества монополизировать крупную торговлю и промышленность въ свою пользу, но по собственнымъ интересамъ должно было отстаивать свободу развитія крестьянскаго промышленнаго и торговаго капитала,—свободу, отъ которой оно только выигрывало. Я указывалъ, какой оброкъ платили ивановскіе крестьяне Шереметеву; въ селѣ Павловѣ крестьяне платили также крупный оброкъ: вмѣстѣ съ подушною податью онъ равнялся въ началѣ 30-хъ годовъ 46 р. съ души м. п. [1]); въ промышленномъ селѣ Великомъ, Ярославскаго уѣзда, принадлежавшемъ помѣщикамъ Яковлевымъ, крестьяне платили въ 50-хъ годахъ оброка 10 р. сер. съ души м. п. [2]).

По этимъ причинамъ правительство не обнаруживало никакой склонности задерживать развитіе крупнаго производства въ крестьянской средѣ и заботилось только объ одномъ—о своевременномъ обложеніи налогомъ возникавшихъ крестьянскихъ капиталовъ наравнѣ съ купеческимъ капиталомъ. Въ 1812 г. крестьянамъ была дозволена какъ оптовая, такъ и розничная торговля, а также содержаніе фабрикъ и заводовъ, но не иначе, какъ по взятіи особыхъ свидѣтельствъ, плата за которыя была назначена такая же, какъ и за соотвѣтствующія гильдейскія свидѣтельства купечества.

Такимъ образомъ, первая половина XIX вѣка характеризуется ростомъ у насъ промышленнаго капитализма и преобразованіемъ прежней крѣпостной фабрики въ фабрику капиталистическую.

---

[1]) Engelhard, IV, 178.

[2]) „Das Dorf Welikoye". „Archiv für wissenchaftliche Kunde Russlands", XV, 1856.

ГЛАВА III.

Вотчинная и поссессіонная фабрика.

Вотчинная фабрика.—Уменьшеніе числа фабрикъ съ принудительнымъ трудомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.—Рабочіе изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.—Отношеніе правительства къ вотчиннымъ фабрикамъ.—Поссессіонная фабрика. — Элементы, изъ которыхъ образовался классъ поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ.—Положеніе рабочихъ на различныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ.—Мѣропріятія правительства по отношенію къ поссессіоннымъ фабрикамъ. — Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1811 г.—„Положенія“ важнѣйшихъ поссессіонныхъ фабрикъ.—Измѣненіе взглядовъ правительства на желательность сохраненія поссессіонныхъ фабрикъ.—Неудобства поссессіоннаго владѣнія.—Упадокъ поссессіонной фабрики.—Законодательныя мѣры.—Ликвидація поссессіоннаго фабричнаго владѣнія.—Положеніе бывшихъ фабричныхъ крестьянъ при переходѣ въ свободное состояніе.

Русская фабрика, возникшая подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства, первоначально основалась на принудительномъ трудѣ. Я уже говорилъ, что даже въ началѣ XIX вѣка число несвободныхъ рабочихъ на фабрикахъ превосходило число вольнонаемныхъ. По даннымъ 1804 г., изъ 95.202 всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ вольнонаемныхъ было 45.625, т.-е. меньше половины. Что же такое представляла изъ себя фабрика, пользовавшаяся принудительнымъ трудомъ?

Прежде всего нужно замѣтить, что фабрики этого рода распадались на двѣ совершенно особыя группы—вотчинныя и поссессіонныя. Первыя принадлежали только дворянамъ; такъ какъ крѣпостное право предоставляло помѣщику свободу распоряжаться тру-

домъ своихъ крѣпостныхъ, то, понятно, помѣщикъ могъ употреблять крѣпостныхъ и на фабричныя работы. Поссессіонными фабриками назывались такія, которыя получили отъ правительства пособіе землей, строеніями, рабочими людьми или были устроены на счетъ денежныхъ суммъ, отпущенныхъ казной въ пособіе безъ возврата, или же получили дозволеніе на покупку крестьянъ, если владѣльцы ихъ по званію своему не имѣли на это права [1]). Какъ будетъ выяснено ниже, юридическое положеніе фабричныхъ на поссессіонныхъ фабрикахъ было совершенно инымъ, чѣмъ на вотчинныхъ.

Вотчинныя фабрики появились въ большомъ числѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда дворянство поняло выгоду фабричной промышленности и стало устраивать фабрики въ своихъ помѣстьяхъ. Я приводилъ выше жалобы купечества въ Екатерининской комиссіи на то, что дворяне устраивали фабрики, на которыхъ работы производились крѣпостными. Въ первой четверти XIX вѣка число такихъ фабрикъ было очень велико.

---

[1]) Ст. 7 Устава о Промышленности, изд. 1842 г. Самый терминъ „*поссессіонныя*“ фабрики вошелъ въ употребленіе въ нашемъ офиціальномъ языкѣ только въ началѣ XIX в., хотя фабрики этого рода возникли со времени петровскаго указа 1721 г. По этому указу была разрѣшена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, „какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ“, и наше законодательство вначалѣ строго различало крестьянъ, купленныхъ дворянами на фабрикантскомъ правѣ, отъ купленныхъ на дворянскомъ правѣ. Мотивомъ же для дворянъ покупать крестьянъ на фабрикантскомъ правѣ (а не въ полную крѣпостную собственность) являлась то, что такіе крестьяне вмѣстѣ съ фабрикой могли быть перепродаваемы не только дворянамъ, но и купцамъ. Въ XIX вѣкѣ различіе между крестьянами, купленными дворянами на фабрикантскомъ правѣ, и крѣпостными сглаживается, и поссессіонными фабричными признаются, кромѣ приписныхъ, только тѣ покупные крестьяне, которые были куплены недворянами. Само собою разумѣется, что поссессіонные фабричные, при переходѣ фабрики къ дворянину, оставались поссессіонными и не дѣлались его крѣпостными.

Г. Нисселовичъ въ своей книгѣ „Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской имперіи“ (ч. II, стр. 52), говоря о поссессіонныхъ фабрикахъ, совершенно неправильно отождествляетъ ихъ съ обязанными фабриками. Обязанными фабриками назывались тѣ изъ поссессіонныхъ, которыя обязаны были поставлять въ казну извѣстное количество своихъ издѣлій. Бо́льшая часть поссессіонныхъ фабрикъ никогда не принадлежала къ числу обязанныхъ. Въ началѣ XIX вѣка только суконныя поссессіонныя фабрики были обязаны поставкой своихъ товаровъ въ казну. Это обязательство съ нихъ было снято въ 1816 г.

Главнѣйшіе роды производства:	Число рабочихъ на фабрикахъ въ 1825 г. [1]). Всѣхъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ: Помѣщичьихъ (крѣпостныхъ).	Приписныхъ и покупныхъ (поссессіонныхъ).
Суконное	63.603	38.583	13.315
Бумажныхъ матерій . .	47.021	247	2239
Полотняное	26.832	1483	6629
Шелковое.	10.204	658	1065
Писчей бумаги. . . .	8272	3350	2903
Стальное, игольное, чугунное	22.440	14.820	2650
Канатное	2503	167	33
Кожевенное	8001	539	2
На всѣхъ фабрикахъ. .	210.568	66.725	29.328

Мы видимъ, что весьма значительная часть фабричныхъ рабочихъ были крѣпостными фабрикантовъ. Число крѣпостныхъ рабочихъ было особенно велико на суконныхъ фабрикахъ, гдѣ крѣпостныхъ было значительно болѣе половины всѣхъ рабочихъ. Какъ я говорилъ выше, суконныя фабрики, самыя старинныя въ Россіи, были по преимуществу дворянскими фабриками. Число мелкихъ полотняныхъ фабрикъ въ дворянскихъ имѣніяхъ также было очень велико, но эти фабрики, по большей части, не попадали въ офиціальные отчеты, и по этой причинѣ на полотняныхъ фабрикахъ значится сравнительно немного крѣпостныхъ. На стальныхъ и чугунныхъ заводахъ, какъ и на суконныхъ фабрикахъ, крѣпостные превышаютъ половину всѣхъ рабочихъ. На фабрикахъ пис-

[1]) Отчетъ д-та Мануфактуръ и Внутренней Торговли за 1826 г. (Арх. д-та торг. и ман.). Нечего и говоритъ, что эти цифры очень неточны и имѣютъ лишь приблизительный характеръ. Число поссессіонныхъ рабочихъ было показываемо меньше дѣйствительнаго также и по той причинѣ, что рабочіе этой категоріи нерѣдко причислялись владѣльцами къ крѣпостнымъ; такъ, напр., въ „Вѣдомости“ 1820 г. по Казанск. губ. совсѣмъ не показано поссессіонныхъ крестьянъ при суконныхъ фабрикахъ, а только крѣпостные, между тѣмъ какъ при одной суконной фабрикѣ Осокина въ Казани было болѣе 1000 поссессіонныхъ рабочихъ. Въ „Отчетѣ“ за 1825 г. показаны только фабрики и заводы, подвѣдомственные департаменту, т.-е. горные заводы, а также винокуренные и пивоваренные не показаны.

чей бумаги крѣпостные составляли менѣе половины всѣхъ рабочихъ, а на хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ, канатныхъ, кожевенныхъ фабрикахъ и заводахъ крѣпостныхъ рабочихъ было очень мало: это были купеческія и крестьянскія фабрики.

Что же такое представляли собой вотчинныя фабрики? Къ сожалѣнію, объ этихъ фабрикахъ мы знаемъ очень немного. Въ 1803 г. правительство собирало подробныя свѣдѣнія о поссессіонныхъ фабрикахъ, числѣ рабочихъ на нихъ, заработной платѣ, времени работы и проч. При этомъ случайно были доставлены и свѣдѣнія по нѣкоторымъ вотчиннымъ фабрикамъ съ крѣпостными рабочими. Изъ этихъ случайныхъ данныхъ видно, что на нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ рабочіе работали безъ всякой платы— „братъ на брата“, т.-е. раздѣлялись на 2 смѣны, каждая изъ которыхъ поочередно работала на фабрикѣ, въ то время, какъ другая оставалась дома. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, фабричная работа исполнялась такъ же, какъ и всякая другая барщина. Такимъ образомъ были распредѣлены рабочіе, напр., на суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго въ Рязанской губерніи, Пронской округи; на фабрикѣ работало 292 муж., и 264 женщ., при чемъ рабочіе увольнялись на 2 мѣсяца въ году отъ фабричныхъ работъ для сѣнокоса и уборки хлѣба. Такъ же была организована работа и на суконной фабрикѣ, Скопинскаго уѣзда, оберъ-провіантмейстера Окулова [1]); но въ большинствѣ случаевъ крѣпостные фабричные получали заработную плату — иногда только деньгами, иногда же деньгами и предметами потребленія; нечего и говорить, что заработная плата крѣпостныхъ рабочихъ была значительно ниже, чѣмъ вольнонаемныхъ рабочихъ.

Въ своей извѣстной запискѣ „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“ Заблоцкій-Десятовскій приводитъ примѣръ суконной фабрики, устроенной въ Нижегородской губерніи помѣщикомъ П., на которой работали „мѣсячники“ — крестьяне безъ всякой платы.

---

[1]) См. Дѣло о присылкѣ содержателями фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ приписныхъ и покупныхъ людей, свѣдѣній о числѣ состоящихъ по 5 ревизіи душъ и о платежѣ имъ заработныхъ денегъ. 1803 г. (Арх. д-та т. и м.). Этого крайне интереснаго дѣла я не могъ найти въ означенномъ архивѣ (повидимому, оно затеряно), почему всѣ ссылки на него сдѣланы мною по списку, доставленному мнѣ В. И. Семевскимъ, которому я приношу за это мою искренную благодарность. О вотчинныхъ фабрикахъ см. также А. Погожевъ. „Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные,“ „Вѣстникъ, Европы“, 1889, іюль.

Устроивъ въ своемъ имѣніи фабрику, помѣщикъ уничтожилъ бо́льшую часть крестьянской запашки. „Мужики не привыкли къ работѣ, — замѣчаетъ Заблоцкій: — дѣло отправляется худо, ихъ наказываютъ, не выполнившаго урокъ сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье на работу. По отзывамъ сосѣдей, всѣ эти люди точно вышедшіе изъ тюрьмы. Многіе изъ нихъ находятся въ бѣгахъ“ [1]). На другихъ вотчинныхъ фабрикахъ, которыя перечисляетъ Заблоцкій, рабочіе получали плату.

При изслѣдованіи фабричной промышленности Московской губерніи земскіе статистики обратили вниманіе, между прочимъ, и на бывшія раньше вотчинныя фабрики. По словамъ проф. Эрисмана, существованіе въ крѣпостную эпоху такихъ фабрикъ сказывается и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Россіи — образованіемъ безземельнаго фабричнаго пролетаріата. Типичной вотчинной фабрикой Московскаго уѣзда г. Эрисманъ считаетъ устроенную помѣщикомъ Волковымъ въ 1828 г. при сельцѣ Горенкахъ. Волковъ купилъ для фабрики заброшенный дворецъ Разумовскихъ и перевелъ туда крѣпостныхъ, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, изъ своихъ деревень въ 7 окрестныхъ губерніяхъ; часть этихъ подневольныхъ поселенцевъ была помѣщена въ самомъ фабричномъ зданіи, а остальнымъ былъ отведенъ для поселенія небольшой участокъ земли при фабрикѣ [2]).

Точно такъ же Воскресенская бумагопрядильная и ткацкая фабрика была основана въ 1840 г. помѣщикомъ Скуратовымъ, который вывезъ для работы на этой фабрикѣ крестьянъ изъ другихъ губерній. Таково же происхожденіе деревни близъ Моуринской суконной фабрики и вблизи фабрики Лысенковыхъ въ Рузскомъ уѣздѣ. Эти деревни возникли изъ поселеній крѣпостныхъ рабочихъ, переселенныхъ владѣльцемъ для работы на фабрикѣ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ въ 20-хъ годахъ была устроена кн. Гагаринымъ бумагопрядильня, на которой работало болѣе 1000 чел. крѣпостныхъ изъ 12—15 окрестныхъ деревень. Въ томъ же уѣздѣ была основана въ 40-хъ годахъ гр. Уваровымъ суконная фабрика съ 1000 чел. крѣпостныхъ рабочихъ. Крупная суконная фабрика кн. Хованскаго въ сельцѣ Ваулино работала также крѣпостными.

Въ Рузскомъ уѣздѣ было довольно много вотчинныхъ сукон-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“. Спб. 1882 г., IV, 294.

[2]) „Сборникъ стат. свѣд. по Московской губ.“. Санитарный отдѣлъ, т. III, выпускъ IV, Московскій уѣздъ. 1882 г., стр. 106.

ныхъ фабрикъ (Бѣлавина, кн. Хованскаго, Воейковой и др.) На фабрикѣ Воейковой работало до 300 крѣпостныхъ, „надъ которыми помѣщица тиранствовала съ такимъ изувѣрствомъ и жестокостью“, что старый рабочій, разсказывавшій объ этомъ земскому статистику г. Погожеву, „даже теперь не могъ вспомнить безъ ужаса и содроганія объ этой барынѣ, за малѣйшій проступокъ подвергавшей нещадной поркѣ по 10—15 рабочихъ ежедневно“ [1]).

Въ Богородскомъ, Дмитровскомъ, Серпуховскомъ и др. уѣздахъ Московской губерніи земскіе статистики также констатировали существованіе въ прежнее время вотчинныхъ фабрикъ съ крѣпостными рабочими [2]).

Писатель 30-хъ годовъ, Шелеховъ, разсказываетъ о вотчинной фабрикѣ, работавшей холстинку и кисею близъ г. Клина. Рабочіе на этой фабрикѣ прокармливались хлѣбомъ съ собственныхъ полей помѣщика. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ Шелеховъ называетъ вотчинную фабрику, на которой ткачество производилось барщинными крестьянами „братъ на брата“ [3]).

Понятно, крестьяне съ крайней неохотой соглашались работать на помѣщичьихъ фабрикахъ, особенно въ томъ случаѣ, когда они не получали никакой платы. Развитіе нашей фабричной промышленности въ 30-хъ и 40-хъ годахъ повело къ тому, что и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ число вотчинныхъ фабрикъ стало увеличиваться (мелкихъ, не попадавшихъ въ офиціальные списки), хотя въ это время принудительный трудъ на фабрикѣ быстро вытѣснялся вольнонаемнымъ [4]). По словамъ Гакстгаузена, во второй

---

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ.„ Санит. Отд. т. III, вып. VI, Можайскій и Рузскій уѣзды, стр. 11 (также 6—8, 9 и др.).

[2]) Въ статьѣ г. Погожева „Вотчинныя фабрики“ „(Вѣстникъ Европы“, 1889 г., іюль) содержится сводка всѣхъ данныхъ этого рода, собранныхъ московскими земскими статистиками.

[3]) Д. Шелеховъ. „О пользѣ и средствахъ улучшенія въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ“. „Библіотека для Чтенія“, 1838 г., книга 4-я. Въ этой статьѣ перечисляется и нѣсколько другихъ вотчинныхъ фабрикъ.

[4]) Одной изъ причинъ распространенія фабрикъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ сильный упадокъ цѣнъ на хлѣба и другія сельско-хозяйственныя произведенія, обнаружившійся въ началѣ 20-хъ годовъ. Пониженіе цѣнъ вызвало въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ тяжелый кризисъ нашего крупнаго сельскаго хозяйства, подобный переживаемому нами въ настоящее время. Въ концѣ 20-хъ годовъ Академія Наукъ назначила особую премію для конкурснаго сочиненія на слѣдующую тему: „Извѣстно что ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній въ Россіи, постоянно возвышавшаяся съ половины XVII столѣтія, въ продолженіе по-

четверти этого вѣка дворянство стало усиленно заботиться объ устройствѣ фабрикъ. Рабочими на этихъ фабрикахъ сначала были дворовые, но они работали плохо; затѣмъ помѣщики стали брать на фабрики крестьянъ, которые были излишни для земледѣльческихъ работъ, а подъ конецъ нерѣдко и отрывать крестьянъ отъ земледѣлія, такъ какъ фабричное дѣло оказалось гораздо выгоднѣе земледѣлія.

Но, по словамъ того же Гакстгаузена, помѣщики не замедлили убѣдиться, что русскій крестьянинъ работаетъ на фабрикѣ очень плохо, если трудится изъ-подъ палки, но можетъ быть превосходнымъ работникомъ по вольному найму, почему въ концѣ 40-хъ годовъ работа крѣпостными на фабрикахъ стала практиковаться уже значительно рѣже [1]). Это подтверждаетъ и Бутовскій [2]). „Опыты, сдѣланные нѣкоторыми помѣщиками, — пишетъ онъ, — замѣнить барщину фабричнымъ и заводскимъ трудомъ почти всегда мало удавались: содержаніе, выдаваемое помѣщикомъ-фабрикантомъ барщинному крестьянину, вмѣсто свободныхъ дней,

---

слѣднихъ лѣтъ понизилась. Опредѣлить.., какія причины сего явленія". Премію получило сочиненіе А. Ѳомина „О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія Россіи" (Спб. 1829). Интересенъ отвѣтъ Ѳомина, не потерявшій своего значенія и понынѣ: „Не есть ли настоящее излишество хлѣба слѣдствіе несправедливаго распредѣленія народнаго дохода?.. Основательны ли жалобы на дешевизну нашихъ земледѣльческихъ произведеній, когда они для многочисленнаго класса жителей дороги, т.-е. превышаютъ доходъ потребителей... Пища и домашній бытъ земледѣльца и сельскаго и даже иного городскаго ремесленника не подтверждаетъ ли сего?.. Одни жалуются, что хлѣба дѣвать некуда, а другіе—напротивъ, что они не имѣютъ его въ достаточномъ количествѣ... Отъ лѣности ли или неспособности сихъ людей происходитъ такая бѣдность, или отъ того, что произведенія ихъ работы, часть ихъ дохода отдается другимъ безъ полученія отъ нихъ соотвѣтствующихъ цѣнностей въ другихъ видахъ, и такимъ образомъ происходитъ у однихъ чрезмѣрное накопленіе, у другихъ недостатковъ" (стр. 16). Это паденіе цѣнъ продуктовъ земледѣлія вызвало стремленіе дворянства устраивать у себя фабрики. „Повсемѣстный упадокъ цѣнъ на хлѣба и на всѣ безъ исключенія произведенія сельской промышленности, — говорится въ одномъ официальномъ представленіи въ мануфактурный совѣтъ, 24 авг. 1829 г.,—заставило всѣ почти сословія народа обращаться на промышленность рукодѣльную— искать занятія и способовъ жизни на станахъ мануфактурныхъ и покидать истощенныя поля и неблагодарное орало". (Дѣло объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ ихъ работникамъ. 24 авг. 1829 г. Арх. д-та т. и м.).

[1]) Haxthausen, I, 116.

[2]) Бутовскій. „Опытъ о народномъ богатствѣ". Спб. 1847 г., стр. 481.

обходилось ему дорого, но всего болѣе подобныя заведенія терпѣли ущербъ отъ труда вялаго и неудовлетворительнаго".

На обращеніе дворовыхъ въ фабричныхъ указываетъ и Шелеховъ.

„Въ наше время, — говоритъ онъ, — наступила новая эпоха помѣщичьяго быта, а именно эпоха промышленная". Онъ совѣтуетъ обращать дворовыхъ въ фабричныхъ „съ безобидною платою за трудъ" и приводитъ примѣры дворянскихъ фабрикъ— бумагопрядильной и ткацкой, основанныхъ одной помѣщицей, при чемъ около 400 дворовыхъ были обращены въ фабричные [1]).

О крѣпостныхъ рабочихъ на вотчинныхъ фабрикахъ говоритъ также Николай Тургеневъ въ своей извѣстной книгѣ „La Russie et les Russes". По его словамъ, возвышеніе цѣнъ на армейское сукно вызвало распространеніе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ суконныхъ фабрикъ. „Въ послѣдніе годы появилось новое несчастіе для бѣднаго русскаго мужика — суконныя и другія фабрики... Помѣщики помѣщали сотни крѣпостныхъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ, въ жалкія лачуги и силой заставляли работать... Я вспоминаю, съ какимъ ужасомъ говорили крестьяне объ этихъ заведеніяхъ; они говорили: „въ этой деревнѣ есть фабрика" съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: въ этой деревнѣ чума" [2]).

Вполнѣ естественно, что, какъ общее правило, положеніе крѣпостныхъ рабочихъ на фабрикахъ было гораздо хуже, чѣмъ вольнонаемныхъ; крестьяне очень тяготились фабричной работой и всячески старались отъ нея уклониться.

Интересна попытка улучшить положеніе крѣпостныхъ фабричныхъ рабочихъ, принадлежащая извѣстному московскому генералъ-губернатору 30-хъ годовъ, князю Голицыну. Въ началѣ 30-хъ годовъ крестьяне помѣщика Груздева въ Рузскомъ уѣздѣ отказались работать на бумагопрядильной фабрикѣ своего владѣльца и подали жалобу начальству на притѣсненія Груздева и въ особенности на принужденіе ихъ работать на фабрикѣ, къ чему они, по ихъ словамъ, не привыкли. Кн. Голицынъ призналъ нужнымъ выработать особыя правила, которыми должны были бы руководствоваться помѣщики при учрежденіи въ своихъ имѣніяхъ фабрикъ. Проектъ Голицына поступилъ на разсмотрѣніе м-въ финансовъ и внутрен-

---

[1]) Шелеховъ. „О дворовыхъ людяхъ". „Библіотека для Чтенія", 1842 г., т. 52.

[2]) N. Tourgueneff, II, 143—44.

нихъ дѣлъ. Московскій губернскій предводитель дворянства, мнѣніе котораго было спрошено, заявилъ, что такъ какъ помѣщики имѣютъ право употреблять своихъ крѣпостныхъ на всякія работы, то „явное и непосредственное прикосновеніе къ симъ правамъ и обязанностямъ можетъ обратиться къ тому, что выведетъ многихъ изъ границъ послушанія".

Дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ. Комитетъ призналъ неудобнымъ непосредственное вмѣшательство правительства въ отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ и остановился на слѣдующемъ (Высочайше утвержд. 23 декабря 1834 г.): „поручить губернскимъ предводителямъ дворянства, дабы они сами и чрезъ уѣздныхъ предводителей обращали особое и постоянное вниманіе на состояніе помѣщичьихъ людей и въ особенности крестьянъ, употребляемыхъ на фабрикахъ и заводахъ, наблюдая: 1) чтобы при учрежденіи новыхъ фабрикъ и заводовъ помѣщики, по возможности, избѣгали обращенія пахотныхъ крестьянъ, особенно же цѣлыми селеніями, къ фабричнымъ работамъ...; 2) чтобы на фабрикахъ и заводахъ наблюдать общее правило, не требовать работы болѣе 3 дней въ недѣлю, или же чтобы работали братъ на брата такъ, чтобы половину мѣсяца оставались всегда при своемъ собственномъ хозяйствѣ; тамъ же, гдѣ работающіе не имѣютъ своего земледѣлія, полагаема была, вмѣсто сего, соразмѣрная трудамъ задѣльная плата; 3) чтобы помѣщики пеклись о содержаніи и благосостояніи людей на ихъ фабрикахъ, не принуждая ихъ къ работамъ въ воскресные дни, двунадесятые и храмовые праздники [1]).

Эти правила, имѣвшія необязательный характеръ, такъ какъ предводители дворянства должны были „внушать" ихъ дворянамъ, а не требовать по нимъ исполненія, были единственнымъ законодательнымъ актомъ, направленнымъ къ регулированію отношеній помѣщиковъ къ рабочимъ на крѣпостныхъ фабрикахъ. Правительство не признавало возможнымъ ограничить власть помѣщика надъ его крѣпостными и потому совершенно воздерживалось отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ порядокъ работы на вотчинныхъ фабрикахъ.

Перейдемъ теперь къ другой группѣ фабрикъ, пользовавшихся также принудительнымъ трудомъ, именно къ посессіоннымъ. Извѣстно, какъ образовался особый классъ посессіонныхъ кре-

[1]) Дѣло о составленіи правилъ для фабрикъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, 19 іюля 1833 г. Арх. д-та т. и м.

стьянъ [1]). Указомъ Петра была разрѣшена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы прикупаемые крестьяне уже навсегда состояли при фабрикѣ или заводѣ, къ которымъ они были куплены. Кромѣ того, правительство само прикрѣпляло къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ. Эти поссессіонные крестьяне назывались приписными. Группа приписныхъ крестьянъ сложилась изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Во-первыхъ, къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ нерѣдко прикрѣплялись по особымъ указамъ казенные крестьяне. Во-вторыхъ, правительство приписывало къ казеннымъ заводамъ солдатъ, бродягъ, преступниковъ и др., и когда эти заводы передавались частнымъ лицамъ (что нерѣдко имѣло мѣсто), то вмѣстѣ съ ними переходили къ частнымъ владѣльцамъ и прикрѣпленные рабочіе; въ-третьихъ, по указу 1736 года всѣ (кромѣ чернорабочихъ) работавшіе на фабрикахъ въ моментъ изданія указа были навсегда прикрѣплены къ фабрикамъ („вѣчно отданные мастеровые"); въ-четвертыхъ, бродяги и нищіе иногда приписывались правительствомъ къ частнымъ фабрикамъ; въ-пятыхъ, люди разнаго званія иногда добровольно приписывались къ фабрикамъ (были и такіе) [2]).

Изъ этихъ разнообразныхъ элементовъ (я перечислилъ только важнѣйшія группы) сложился классъ поссессіонныхъ фабричныхъ крестьянъ. Можно думать, что значительная часть этихъ крестьянъ не порывала связи съ земледѣліемъ. Къ сожалѣнію, общихъ данныхъ о числѣ фабричныхъ крестьянъ, безземельныхъ и имѣвшихъ особые надѣлы, не имѣется. При суконныхъ фабрикахъ по 6-й ревизіи числилось поссессіонныхъ крестьянъ съ землею 15.729, а безземельныхъ 2198 [3]). Мы знаемъ, что и на многихъ другихъ фабрикахъ (шелковыхъ, полотняныхъ, стеклянныхъ и пр.) поссессіонные мастеровые нерѣдко земледѣліемъ не занимались, но все-таки, повидимому, въ большинствѣ случаевъ фабричные крестьяне

---

[1]) См. объ этомъ В. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II." Отдѣлъ „Пессессіонные крестьяне".

[2]) См. Дѣло о зависимыхъ отъ казны фабрикахъ, 3 ноября 1810 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[3]) Дѣло о положеніи по предмету взиманія рекрутъ съ состоящихъ при фабрикахъ и заводахъ приписныхъ, апрѣля 30-го 1817 г. (Арх. д-та т. и м.). Въ отчетѣ м-ра внутр. дѣлъ за 1803 г. безземельныхъ поссессіонныхъ крестьянъ при суконныхъ фабрикахъ показано больше—2459, а съ землею меньше—14. 189. (Эти данныя относятся къ 5-й ревизіи). Отчетъ м-ра внутр. дѣлъ за 1803 г. Спб. 1804 г. Табель о обязанныхъ суконныхъ фабрикахъ.

имѣли, хотя и небольшіе, надѣлы—по большей части пріусадебные участки земли, огороды, луга, сѣнокосы, лѣса. Пахотныя земли принадлежали имъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ.

Общее число посессіонныхъ фабричныхъ крестьянъ установить трудно. Въ 1797 г. сенатъ поручилъ мануфактуръ-коллегіи собрать свѣдѣнія о посессіонныхъ фабрикахъ. Эти свѣдѣнія собирались нѣсколько лѣтъ. Собираніе ихъ было закончено только въ 1807 г.; оказалось, что при 127 посессіонныхъ фабрикахъ и заводахъ (кромѣ горныхъ), которые доставили требуемыя свѣдѣнія, числилось по 5-й ревизіи 34.066 покупныхъ и приписныхъ крестьянъ м. п., а отъ 28 фабрикъ отзывовъ не было получено [1]). Но, повидимому, въ дѣйствительности посессіонныхъ фабричныхъ крестьянъ было гораздо больше, такъ какъ въ офиціальныхъ „Вѣдомостяхъ о мануфактурахъ въ Россіи“ за 1813 г. посессіонныхъ рабочихъ показано 35.581 [2]); эта послѣдняя цифра не могла быть выше дѣйствительной, а только ниже, и хотя на многихъ фабрикахъ работали не одни мужчины, но и женщины, все же слѣдуетъ думать, что посессіонныхъ фабричныхъ крестьянъ м. п. было много больше 35.000, такъ какъ далеко не всѣ посессіонные фабричные крестьяне работали на фабрикахъ [3]).

Что же такое были посессіонные фабричные крестьяне? Чѣмъ отличались они отъ крѣпостныхъ?

Существенное отличіе заключалось въ слѣдующемъ. По терминологіи того времени, они были „крѣпки фабрикѣ“, а не владѣльцу. Власть фабриканта надъ ними была ограничена, и правительство оставляло за собой право регулировать взаимныя отношенія владѣльца посессіонной фабрики къ рабочимъ. Посессіонная фабрика признавалась вмѣстѣ со всѣми находящимися при ней рабочими нераздѣльнымъ цѣлымъ; владѣлецъ не имѣлъ права

---

[1]) Дѣло о зависимыхъ отъ казны фабрикахъ (Арх. д-та т. и м.).

[2]) См. „Вѣдомость о мануфактурахъ въ Россіи“ за 1813 и 1814 гг. Спб.

[3]) Согласно елизаветинскому закону 1752 г., на шелковыхъ фабрикахъ только 1/4 купленныхъ крестьянъ должна была работать на самой фабрикѣ, а 3/4 заниматься полевыми работами, а на прочихъ фабрикахъ въ фабричную работу могла употребляться только 1/3 крестьянъ; законъ этотъ не соблюдался, но все же число фабричныхъ крестьянъ, не работавшихъ на фабрикѣ, должно было быть значительнымъ. Сверхъ того, не нужно забывать, что на фабрикахъ не могли работать маленькія дѣти. Поэтому, если число посессіонныхъ *рабочихъ* на фабрикахъ превосходило 35 тыс., то общее число посессіонныхъ фабричныхъ крестьянъ м. п. должно было значительно превышать эту цифру.

раздроблять фабрику, продавать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики, или переводить ихъ на другую, измѣнять характеръ производства или сокращать его. Со времени учрежденія департамента мануфактуръ и внутренней торговли, никакіе имущественные акты на поссессіонныя фабрики не могли совершаться безъ утвержденія этого департамента. Состоящихъ при фабрикѣ рабочихъ владѣлецъ имѣлъ право употреблять только на фабричныя работы, выдавая имъ „достаточную“ заработную плату; размѣръ этой платы, продолжительность рабочаго дня, высота уроковъ (при поштучной работѣ) могли быть устанавливаемы фабрикантомъ, но правительство признавало за рабочими право обжаловать постановленія фабриканта, и въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось правительственной властью, а именно министерствомъ финансовъ (съ 1819 г.,—до этого времени м-вомъ внутр. дѣлъ) по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, въ вѣдѣніи котораго были поссессіонныя фабрики. Правительство могло, по своему усмотрѣнію, устанавливать весь внутренній распорядокъ фабричныхъ работъ, опредѣлять всѣ отношенія рабочихъ къ владѣльцу.

За неисполненіе содержателемъ поссессіонной фабрики его обязанностей (напр., въ случаѣ прекращенія фабричнаго производства) фабрика могла отбираться въ казну. Точно такъ же за притѣсненіе рабочихъ, за неправильное употребленіе ихъ—напр., вмѣсто фабричной работы, въ домашнія услуги—фабриканту грозило освобожденіе рабочихъ [1]).

Съ другой стороны, и фабрикантъ имѣлъ разнообразныя средства заставить рабочихъ повиноваться себѣ. Достаточно сказать, что, помимо такъ назыв. „домашнихъ наказаній“, фабрикантъ могъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отправить непослушнаго рабочаго въ Сибирь, но только съ разрѣшенія высшаго правительственнаго органа, вѣдавшаго поссессіонныя фабрики.

Таково было, въ общихъ чертахъ, юридическое положеніе поссессіонныхъ крестьянъ. Какимъ же образомъ сложились, въ дѣйствительности, взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ на этихъ своеобразныхъ фабрикахъ, остаткѣ XVIII вѣка, упорно держав-

---

[1]) Законъ 30 іюня 1803 г. П. С. З. XXVII, 20826. Если рабочіе были изъ числа казенныхъ мастеровыхъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ по указу 1736 г. съ уплатой денегъ, то при освобожденіи ихъ фабриканту уплачивалась такая же сумма денегъ; въ другихъ же случаяхъ рабочіе освобождались безъ всякаго вознагражденія.

шемся и въ XIX вѣкѣ, несмотря на полное несоотвѣтствіе хозяйственнымъ условіямъ новаго времени?

Болѣе всего поссессіонныхъ фабрикъ было въ Московской губерніи (почти 1/4 всего числа), затѣмъ въ сосѣднихъ промышленныхъ губерніяхъ—Ярославской, Владимірской, Костромской, Калужской. По числу рабочихъ впереди стояли суконныя фабрики. Въ 1813 г. на нихъ числилось 14.679 посс. рабочихъ—немногимъ менѣе половины всѣхъ значащихся по спискамъ поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ. Въ томъ же году на полотняныхъ фабрикахъ было 7522 посс. рабочихъ, на чугунныхъ, стальныхъ и желѣзныхъ заводахъ (кромѣ горныхъ)—6610, на писчебумажныхъ—2107, на шелковыхъ—1908 [1]). Число поссессіонныхъ рабочихъ на стеклянныхъ и фарфоровыхъ заводахъ, ситцепечатныхъ, позументныхъ, минеральныхъ и др. фабрикахъ было не велико.

Нѣкоторыя поссессіонныя фабрики были огромныхъ размѣровъ. При Глушковской суконной фабрикѣ графини Потемкиной (въ Курской губерніи) состояло (по 5-й ревизіи) 9121 душ. м. п. На полотняной и писчебумажной фабрикахъ Яковлева въ Ярославлѣ (Большая Ярославская Мануфактура) работало въ началѣ этого вѣка 1625 мужч. и 2250 женщ., главнымъ образомъ, приписныхъ. На полотняной и писчебумажной фабрикахъ Гончарова (въ Медынскомъ уѣздѣ) работало 962 поссессіонныхъ фабричныхъ [2]). На суконной фабрикѣ Осокина было около 1000 рабочихъ.

Рабочій день на огромномъ большинствѣ поссесс. фабрикъ продолжался 12 часовъ. Менѣе продолжительный рабочій день мы встрѣчаемъ на 1 суконной фабрикѣ, 1 шелковой, 3 полотняныхъ, 5 писчебумажныхъ и 2 стеклянныхъ [3]).

---

[1]) „Вѣдомость о мануфактурахъ въ Россіи“ за 1813 и 1814. Спб. 1816 г.

[2]) „Дѣло о присылкѣ содержателями фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ приписныхъ и покупныхъ людей, свѣдѣній о числѣ состоящихъ по 5-й ревизіи душъ“. 1803 г. (Арх. д-та т. и м.).

[3]) А именно: на суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго близъ Москвы рабочій день зимой продолжался 11 часовъ, а лѣтомъ—отъ восхода до захода солнца; на шелковой фабрикѣ Дудышкина—9 часовъ; на полотняныхъ фабрикахъ: Крапивникова (Владимірской губ.)—8—12 часовъ, Тимирязевой (Калужской губ.)—9 ч., Грязнова (въ г. Кинешмѣ)—10 ч.; на бумажныхъ фабрикахъ: Туронтаевскаго (въ Вологодск. губ.)—лѣтомъ 10—12 ч., зимой—6 ч., Хлѣбникова (въ Красномъ Селѣ)—4—12 ч., Попова (въ г. Угличѣ)—10—12 ч., Панаева (въ Туринск. у.)—8—12 ч., Ртищевой (Калужск. губ.)—11 ч.; на стеклянныхъ заводахъ: Гусевскомъ (Владимірской губ.), Мальцевой—11—12 ч., на заводѣ Ѳомы Мальцева лѣтомъ—12 ч., зимой—10 ч.

Болѣе 12 часовъ рабочій день продолжался на 5 суконныхъ фабрикахъ, 7 полотняныхъ и 1 стеклянной [1]).

Почти на всѣхъ фабрикахъ, доставившихъ требуемыя свѣдѣнія, рабочіе получали денежную плату; только на 3 суконныхъ фабрикахъ, 7 полотняныхъ, 1 бумажной, 1 кожевенномъ и 1 минеральномъ заводѣ рабочіе не получали денежной платы [2]). Фабрики послѣдняго рода были или небольшія, или же на нихъ работа производилась „братъ на брата“, т.-е. крестьяне полгода работали на владѣльца, полгода на себя. На другихъ фабрикахъ плата производилась рабочимъ и въ томъ случаѣ, когда они работали только

---

[1]) Суконныя фабрики: Калинина въ Москвѣ—14 ч., Кознова—15 ч., Кузнецова (Рязанск. губ.)—зимой 17 ч. съ перерывами, лѣтомъ 19 ч. съ перерывами, Окулова (Рязанск. губ.) 14 ч., Толубѣевой (Орловской губ.)—13 ч.; полотняныя: Ашастина (Костр. губ.)—съ утра до 10 часовъ вечера, Стригалева (Костр. губ.)—18 ч. съ перерывами, Лугинина (Тульск. губ.)—14 ч., Щепочкина (Калужск. губ.)—6—15 ч., ткачи 14—15 ч., Таланова (Костр. губ.)—14 ч., Свѣтозарова (Тверск. губ.) 13—14 ч., Большая Ярославская мануфактура—10—14 ч., стеклянный заводъ Баташова (Касимовскаго у.)—15 ч. и болѣе.

[2]) Суконныя фабрики: Перемышлева (17 м. п. поссессіонн.) Рязан. губ.—„поденной имъ денежной платы или жалованья не производится, а содержатся на моемъ пропитаніи, платьѣ и обуви“; Окулова, Рязанск. губ. (88 поссессіонныхъ—или крѣпостныхъ?)—„за работу имъ платы болѣе никакой не производится, какъ дается на каждую мужск. и ж. пола душу довольно положенная земля, мужскимъ по $1^1/_2$ дес., женскимъ по 1 десятинѣ въ одномъ полѣ. Работаютъ они въ недѣлю 3 дня на означенной фабрикѣ, а 3 дня на себя въ своихъ домахъ“; кн. Барятинскаго въ Рязанской губ. (802 м. п. поссессіонныхъ—или крѣпостныхъ?)—„за работу жалованья никому не производится, потому что крестьяне употребляются въ фабричной работѣ братъ на брата, т.-е. одна половина при фабрикѣ, а другая въ домѣ“; полотняныя фабрики: В. и Н. Стригалевыхъ, Костр. губ. (7 м. п. посс.)—рабочіе на полномъ содержаніи владѣльца; Самбурова (17 м. п. посс.)—на содержаніи владѣльца; Б. Стигалева, Костр. губ. (39 м. п. посс.)—на содержаніи владѣльца; Масловыхъ, Тульск. губ. (512 м. п. посс.)—„купленнымъ нами крестьянамъ никакой платы не производится и работаетъ изъ количества годныхъ половина“; Большаковыхъ въ г. Боровскѣ (16 м. п. посс.)—на содержаніи владѣльца; Свѣтозарова, Тверск. губ. (70 м. п. посс.)—„своимъ крѣпостнымъ, какъ мужск., такъ и женск. пола, особеннаго платежа не производится, поелику они, находясь жительствомъ при домѣ моемъ, какъ пропитаніе, такъ и обувь и одежду имѣютъ отъ меня собственно“. Также на полномъ содержаніи владѣльца рабочіе состояли на полотняной фабрикѣ Сѣрикова въ г. Тулѣ (6 м. п. посс.), на бумажной фабрикѣ Большакова, Боровск. у. (10 м. п.), кожевенномъ заводѣ Кожевникова Костр. губ. (10 м. п.), минеральномъ заводѣ Свѣшникова въ г. Ярославлѣ (10 м. п.).

полгода на владѣльца,—такой порядокъ практиковался на 3 суконныхъ фабрикахъ и 5 полотняныхъ. Но обыкновенно работа на фабрикахъ шла круглый годъ, за исключеніемъ праздниковъ и воскресныхъ дней (работали около 260 дней въ году), и только на немногихъ фабрикахъ рабочіе увольнялись на 1 или 2 лѣтнихъ мѣсяца для полевыхъ работъ.

Ночная работа, какъ общее правило, не практиковалась на посессіонныхъ фабрикахъ. Женщины, въ большинствѣ случаевъ, принимали участіе въ фабричной работѣ точно такъ же, какъ и малолѣтніе. Только на писчебумажныхъ и стеклянныхъ фабрикахъ работали преимущественно взрослые мужчины.

Повидимому, рабочіе по большей части имѣли свои собственные дома съ огородами и сѣнокосами (если фабрика была не въ городѣ). Иногда они жили при фабрикахъ въ помѣщеніи владѣльца, или же нанимали квартиры на сторонѣ (на городскихъ фабрикахъ).

Какъ я сказалъ, посессіонные рабочіе были прикрѣплены къ фабрикѣ, но не были крѣпостными фабриканта. Правительство сохраняло за собой право регулировать весь фабричный распорядокъ и всѣ частности отношеній хозяевамъ къ рабочимъ. Высота заработной платы, продолжительность рабочаго дня, размѣръ уроковъ, условія фабричной работы и многое другое подлежало контролю правительственной власти. Правда, фактически этотъ контроль осуществлялся очень не полно, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ правительство совершенно не вмѣшивалось въ отношенія фабрикантовъ къ посессіоннымъ рабочимъ и даже не знало точнаго числа посессіонныхъ фабрикъ; но все же, юридически, посессіонный рабочій не былъ такимъ безправнымъ существомъ, какъ крѣпостной; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе посессіоннаго рабочаго представляло извѣстныя выгоды (правда, болѣе номинальнаго свойства) даже передъ положеніемъ вольнонаемнаго.

Вольнонаемный рабочій предоставленъ только самому себѣ, его положеніе на фабрикѣ опредѣляется экономическими силами, устанавливающими цѣну рабочихъ рукъ, какъ и всякаго другого товара, игрой спроса и предложенія. Расширяется производство—спросъ на рабочія руки растетъ, заработная плата повышается, и рабочему на фабрикѣ живется полегче; наступаетъ затишье въ сбытѣ товаровъ—производство сокращается, и рабочій выбрасывается изъ фабрики на улицу. Посессіонному рабочему ничего подобнаго не грозило. Каково бы ни было состояніе рынка, онъ получалъ одинъ и тотъ же заработокъ на фабрикѣ. Фабрикантъ

могъ, разумѣется, сокращать производство, но онъ обязанъ былъ давать занятіе своимъ рабочимъ и выплачивать имъ заработную плату, хотя бы, по состоянію рынка, ему выгоднѣе было распустить рабочихъ. Высота заработной платы не опредѣлялась условіями рабочаго рынка; правительство признавало за рабочими право требовать отъ фабриканта такой заработной платы, которая обезпечивала бы ихъ существованіе.

Нечего и говорить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ эти „права“ были мертвой буквой; мы видѣли, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ (преимущественно небольшихъ) рабочіе совсѣмъ не получали денежной платы. Но зато на крупныхъ фабрикахъ рабочіе иногда съ успѣхомъ отстаивали свои интересы.

Я старался показать во введеніи, что возникновеніе поссессіонныхъ фабрикъ въ прошломъ вѣкѣ отнюдь не было дѣломъ случая или ошибочной политики правительства Петра и его ближайшихъ преемниковъ. Въ петровской Россіи фабричная промышленность могла основаться только на принудительномъ трудѣ, а такъ какъ господствующій классъ—дворянство—очень ревниво оберегалъ свои прерогативы, то результатомъ компромисса между необходимостью принудительнаго труда и невозможностью распространенія на фабрикантовъ изъ купечества права владѣнія крѣпостными явился новый соціальный институтъ—прикрѣпленіе крестьянъ къ фабрикѣ или заводу. Уже въ концѣ прошлаго вѣка положеніе измѣнилось. Число фабрикантовъ-недворянъ сильно увеличилось. Фабриканты-дворяне не нуждались въ поссессіонныхъ рабочихъ для обезпеченія своихъ фабрикъ принудительнымъ трудомъ. Съ другой стороны, фабриканты изъ купцовъ были мало заинтересованы въ сохраненіи за собой права покупки крестьянъ, ибо, благодаря увеличенію числа вольнонаемныхъ рабочихъ, явилась возможность нанимать рабочихъ, а трудъ вольнонаемнаго рабочаго былъ гораздо производительнѣе работы изъ-подъ палки. Поэтому поссессіонная фабрика, бывшая раньше естественной и необходимой формой крупнаго фабричнаго производства, въ XIX вѣкѣ стала пережиткомъ прошлаго, потерявшимъ raison d'être. Изъ стимула промышленнаго развитія она сдѣлалась тормозомъ его.

Въ первые годы царствованія Александра I отношенія правительства къ поссессіоннымъ фабрикамъ еще не установились. Слѣдуя екатерининскимъ традиціямъ, правительство въ 1802 г. существенно ограничиваетъ право покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, но не рѣшается совершенно его отмѣнить. Въ 1808 г.

издаются новыя правила покупки крестьянъ купцами и разночинцами къ суконнымъ фабрикамъ. Какъ я говорилъ выше, самое существенное въ этихъ правилахъ было то, что покупаемые крестьяне прикрѣплялись къ фабрикѣ не навсегда, а только на опредѣленный срокъ (не болѣе, какъ на 20 лѣтъ), а затѣмъ становились вольными [1]). Въ слѣдующемъ году эти правила были распространены и на другія фабрики. Но такъ какъ на такихъ условіяхъ никто не изъявлялъ желанія покупать крестьянъ, то въ 1811 г. министръ внутреннихъ дѣлъ (въ вѣдѣніи котораго были фабрики и мануфактуры) представилъ въ государственный совѣтъ новый проектъ „Положенія, на основаніи коего лица, дворянскаго достоинства не имѣющія, могутъ къ суконнымъ фабрикамъ пріобрѣтать деревни“.

Въ объяснительной запискѣ къ этому проекту министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ говоритъ, что фабрики, имѣющія вольнонаемныхъ рабочихъ, не могутъ выдержать конкуренціи дворянскихъ вотчинныхъ фабрикъ и „должны упасть непремѣнно“. Въ виду этого, онъ считаетъ необходимымъ дозволить и недворянамъ пріобрѣтать навсегда крестьянъ къ суконнымъ фабрикамъ, какъ особенно важнымъ для государства. Проектъ Козодавлева интересенъ тѣмъ, что въ немъ видна попытка точнѣе опредѣлить закономъ взаимныя отношенія фабрикантовъ и поссессіонныхъ рабочихъ. Работа на фабрикахъ по буднямъ должна продолжаться 12 часовъ въ сутки, кромѣ субботы, когда фабричные работаютъ только 6 часовъ. Въ воскресные и праздничные дни работа прекращается. Жены и дѣти фабричныхъ не могутъ быть принуждаемы къ работамъ. Фабричные должны получать такую же плату, какъ и вольнонаемные рабочіе на окрестныхъ фабрикахъ. Только $^1/_3$ фабричныхъ крестьянъ должна находиться въ фабричной работѣ, а остальные—заниматься земледѣліемъ [2]).

Этотъ проектъ не былъ утвержденъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1816 году) покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ была совершенно запрещена. Такъ какъ приписка казенныхъ крестьянъ къ фабрикамъ частныхъ владѣльцевъ перестала практиковаться

---

[1]) П. С. З. I, XXX, 23132.

[2]) Дѣло по письму министра внутреннихъ дѣлъ государственному секретарю о проектѣ положенія касательно пріобрѣтенія недворянами къ суконнымъ фабрикамъ деревень, 21 янв. 1811 г. (Арх. д-та т. и м.). Извлеченія изъ этого проекта напечатаны въ книгѣ Нисселовича „Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской имперіи“, II, 78.

еще ранѣе, то съ этого времени, слѣдовательно, число поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ могло увеличиваться только путемъ естественнаго размноженія.

Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, отношенія между содержателями поссессіонныхъ фабрикъ и ихъ рабочими были далеко не дружелюбны. Постоянныя жалобы поссессіонныхъ фабричныхъ настоятельно требовали какихъ-либо мѣръ къ улучшенію ихъ положенія. Пока фабрики находились въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ (до 1819 г.), правительственная политика по отношенію къ поссессіоннымъ фабричнымъ характеризовалась стремленіемъ установить ясныя и опредѣленныя правила, регулирующія возможно полнѣе весь строй фабричной жизни и всѣ отношенія фабриканта къ рабочимъ. Съ этой цѣлью на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ были введены особыя „Положенія“, о которыхъ мнѣ еще придется говорить въ слѣдующей главѣ.

Первое изъ такихъ „Положеній“ въ этомъ вѣкѣ — Положеніе Купавинской шелковой фабрики—было Высочайше утверждено 11 декабря 1803 г. при передачѣ фабрики, принадлежавшей раньше казнѣ, князю Юсупову. Положеніе устанавливаетъ размѣръ заработной платы, при чемъ плата должна была быть увеличиваема черезъ каждыя 10 лѣтъ, соотвѣтственно повышенію цѣны хлѣба и другихъ предметовъ продовольствія рабочихъ. Фабричная работа должна была продолжаться 12 часовъ въ сутки. Содержатель фабрики не имѣлъ права сокращать или пріостанавливать производство, и если рабочіе по его винѣ оставались безъ работы, то онъ долженъ былъ платить имъ по опредѣленному расчету за каждый прогульный день. Малолѣтнимъ, а также больнымъ и престарѣлымъ рабочимъ, неспособнымъ къ работѣ, содержатель обязывался производить „пристойное богадѣльное содержаніе“ [1]).

Я только что говорилъ о проектѣ Козодавлева 1811 г., не принятомъ государственнымъ совѣтомъ. Этотъ проектъ долженъ былъ урегулировать отношенія содержателей фабрикъ къ рабочимъ на всѣхъ вновь учреждаемыхъ поссессіонныхъ суконныхъ фабрикахъ, но, какъ сказано, проектъ не получилъ силы закона. Тѣмъ не менѣе, министерство внутреннихъ дѣлъ продолжало держаться взгляда, что государственное регулированіе положенія рабочихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ является лучшимъ средствомъ пред-

[1]) П. С. З. XXVII, 21076.

отвратить неудовольствія и волненія рабочихъ. Въ 1818 г. департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли представилъ обширный докладъ по этому вопросу министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву. Департаментъ докладывалъ, „что неудовольствіе фабричныхъ людей на содержателей фабрикъ существуетъ на многихъ поссессіонныхъ фабрикахъ", указывая при этомъ на жалобы рабочихъ Кознова, Лазарева, Яковлева и Осокина. „Всѣ сіи и многія другія, симъ подобныя дѣла по министерству внутреннихъ дѣлъ,—заключалъ департаментъ,—главнѣйше получили начало свое отъ того, что со стороны правительства понынѣ еще не сдѣлано никакого положительнаго постановленія, какъ въ разсужденіи взаимныхъ соотношеній и обязанностей владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ и мастеровыхъ, такъ и насчетъ производимой задѣльной платы. Понынѣ назначеніе задѣльной платы зависитъ отъ произвола хозяина фабрики, который, не бывъ обязанъ давать по сему предмету отчетъ правительству, естественно дѣйствуетъ болѣе въ свою пользу... Сіе дѣлаетъ мастеровыхъ къ работѣ небрежными, штрафы и наказанія, за то на нихъ возлагаемые, приводятъ ихъ въ необходимость вопіять о таковой несправедливости передъ правительствомъ..., почему и настоитъ крайняя и необходимая нужда въ сочиненіи для всѣхъ поссессіонныхъ фабрикъ общаго Положенія..., и чѣмъ скорѣе намѣреніе таковое будетъ приведено въ исполненіе, тѣмъ скорѣе будутъ пресѣчены существующіе на фабрикахъ раздоры".

Козодавлевъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ департамента и 4 мая того же года представилъ комитету министровъ о необходимости командировать для этой цѣли на различныя поссессіонныя фабрики начальника отдѣленія департамента мануфактуръ и внутренней торговли Бурнашева. Въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ буквально повторяются цитированныя соображенія департамента, и изданіе Положенія для всѣхъ поссессіонныхъ фабрикъ признается единственнымъ средствомъ предупредить неудовольствіе рабочихъ [1]).

Бурнашевъ объѣхалъ фабрики Яковлевыхъ, Осокина и Лазарева и составилъ для нихъ Положенія. Всѣ 3 Положенія, имѣвшія обязательную силу какъ для фабриканта, такъ и для рабочихъ, точно опредѣляли заработную плату за каждый родъ труда;

[1]) Дѣло о порученіи коллежскому совѣтнику Бурнашеву собрать свѣдѣнія на поссессіонныхъ фабрикахъ Лазарева, Кознова, Яковлева, Осокина и другихъ. Апрѣля 30-го 1818 г. (Арх. д-та т. и м.).

плата не подлежала пониженію въ теченіе 5 лѣтъ, по прошествіи же этого времени должна была вновь устанавливаться министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, примѣнительно къ новымъ цѣнамъ предметовъ потребленія рабочаго. Расцѣнка труда была заимствована изъ ранѣе существовавшихъ платъ на каждой фабрикѣ, но въ общемъ была нѣсколько повышена; престарѣлымъ и малолѣтнимъ было опредѣлено содержаніе хлѣбомъ и деньгами. Продолжительность рабочаго дня на 3 фабрикахъ установлена различная: на Ярославской мануфактурѣ—14 часовъ, а у Осокина и Лазарева—12 часовъ. Число праздничныхъ дней на всѣхъ фабрикахъ опредѣлено одинаковое—100 дней въ году; за прогульные дни по винѣ фабриканта рабочіе получали такую же плату, какъ и за рабочіе дни.

Ярославское Положеніе, кромѣ того, требуетъ содержанія при фабрикѣ больницы и доктора. По Положенію Фряновской фабрики Лазарева, изъ среды рабочихъ выбираются особые старосты, для надзора за правильностью расчетовъ съ фабричными (см. ниже, стр. 154). Положеніе фабрики Осокина опредѣляло штрафы за дурное качество работы и за неявку къ работѣ. Всѣ 3 Положенія были утверждены сенатомъ.

Подобныя Положенія министерство внутреннихъ дѣлъ предполагало мало-по-малу ввести и на другихъ фабрикахъ. Но въ 1819 г. департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, завѣдывавшій фабриками, былъ переданъ въ министерство финансовъ, которое держалось совершенно иныхъ взглядовъ на задачи фабричнаго законодательства.

Въ 1823 г. безпорядки на шелковой поссессіонной фабрикѣ Красильникова побудили ярославскаго губернатора составить для этой фабрики Положеніе. Но министерство финансовъ не признало это нужнымъ и не утвердило Положенія [1]). Въ 1826 г., по поводу истеченія срока дѣйствія Положенія фабрики Осокина относительно заработной платы (заработная плата, какъ выше указано, подлежала пересмотру черезъ каждыя 5 лѣтъ), департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли въ докладѣ министру финансовъ Канкрину высказался вообще относительно полезности такихъ Положеній. Со времени 1818 г. взгляды департамента діаметрально измѣнились. По словамъ доклада (декабрь 1826 г.), Положенія введены правительствомъ „на нѣкоторыхъ только многолюдныхъ поссессіонныхъ фаб-

[1]) См. Дѣло по отношенію ярославскаго гражданскаго губернатора о составленіи Положенія для шелковой фабрики купца Красильникова, 5 марта 1823 г. (Арх. д-та т. и м.).

рикахъ потому единственно, что не было другихъ средствъ прекратить взаимныя претензіи содержателей на крестьянъ фабричныхъ и сихъ послѣднихъ на содержателей... Но дробность предметовъ, входящихъ въ составъ Положеній, и непостоянство цѣнъ на съѣстные припасы дѣлаютъ означенныя Положенія непродолжительными; назначаемая по онымъ задѣльная плата либо превышаетъ настоящую цѣну, какую бы содержатель долженъ давать за издѣлія, либо для мастеровыхъ дѣлается недостаточной... Къ симъ невыгодамъ нельзя не присовокупить и того, что таковыя Положенія, предписывая содержателямъ поссессіонныхъ фабрикъ правила управленія мастеровыми, даютъ поводъ симъ послѣднимъ считать себя независимыми, такъ что владѣлецъ въ каждомъ предпріятіи своемъ встрѣчаетъ упорство въ крестьянахъ". Въ частности, о Положеніи фабрики Осокина департаментъ высказался еще рѣзче: „Положеніе сіе не только не полезно, но даже и вредно для мануфактуры, ибо чрезъ оное дается фабричнымъ поводъ думать, что, кромѣ изложеннаго въ Положеніи, никакимъ уже содѣйствіемъ не обязаны они фабриканту, отчего власть фабриканта теряетъ въ ихъ глазахъ всякій вѣсъ... Всѣ выгоды его на сторонѣ фабричныхъ, фабриканту же остаются одни убытки" [1]).

Въ виду этого, департаментъ рѣшительно высказался противъ возобновленія Положенія для фабрики Осокина и полагалъ совершенно его отмѣнить, „какъ распоряженіе, оказавшееся на опытѣ несообразнымъ цѣли и намѣреніямъ правительства, и предоставить Осокину распоряжаться на фабрикѣ своей на томъ основаніи, какое было прежде введенія сего Положенія".

Докладъ департамента былъ внесенъ на разсмотрѣніе совѣта министра финансовъ; совѣтъ хотя и согласился съ мнѣніемъ департамента, что „Положеніе не только не споспѣшествуетъ благосостоянію фабрики Осокина, но даже и препятствуетъ оному", тѣмъ не менѣе не счелъ удобнымъ отмѣнить его, такъ какъ „Положеніе сіе существуетъ 5 лѣтъ, фабричные къ нему привыкли, и измѣненіе его можетъ, по извѣстной буйности фабричныхъ Осокина, послужить къ вящшимъ безпорядкамъ".

Съ мнѣніемъ совѣта согласился и Канкринъ; для фабрики Осокина было выработано и утверждено въ 1834 г. новое Положеніе, съ сокращеніемъ заработной платы; но такъ какъ по новому Поло-

[1]) Дѣло о Положеніи Казанской суконной фабрики прапорщика Осокина, часть 3 (Арх. д-та т. и м.).

женію рабочіе должны были получать плату ассигнаціями безъ вычета лажа, то фактически ихъ заработокъ остался прежнимъ.

Выше указано, что по Положеніямъ фабрикъ Яковлевыхъ и Лазарева заработная плата должна была пересматриваться черезъ каждыя 5 лѣтъ, а по Положенію Купавинской фабрики—черезъ каждыя 10 лѣтъ. Но такъ какъ министерство финансовъ не раздѣляло взглядовъ министерства внутреннихъ дѣлъ на полезность такихъ Положеній, то и правило о періодическомъ пересмотрѣ заработной платы фактически не соблюдалось, и всѣ три названныя фабрики такъ и не получили новыхъ Положеній, хотя вопросъ объ ихъ составленіи возбуждался неоднократно. Волненія рабочихъ на Купавинской и Фряновской фабрикахъ въ 30-хъ годахъ побудили кн. Голицына назначить особыя комиссіи для выработки новыхъ Положеній для этихъ фабрикъ, но Канкринъ не утвердилъ ихъ. Еще раньше, въ 1824 г., былъ составленъ проектъ новаго Положенія и для Ярославской мануфактуры (подъ вліяніемъ всеподданнѣйшей жалобы рабочихъ), но не получилъ утвержденія министра финансовъ.

Въ царствованіе Николая I убѣжденіе въ неприспособленности поссессіонныхъ фабрикъ къ новымъ условіямъ промышленности быстро распространилось въ правительственныхъ сферахъ. Еще въ 1804 г. Шторхъ замѣтилъ, что „при самомъ поверхностномъ взглядѣ бросается въ глаза, какъ мало соотвѣтствуютъ такія фабрики требованіямъ промышленности“ [1]). Но пока промышленность наша развивалась слабо, несостоятельность поссессіонныхъ фабрикъ была не настолько очевидна.

Однимъ изъ условій поссессіоннаго владѣнія фабрикой было, какъ извѣстно, лишеніе владѣльца фабрики права сокращать или измѣнять, по своему усмотрѣнію, родъ производства. Это требованіе не было особенно стѣснительно для фабриканта въ XVIII-мъ вѣкѣ, пока промышленность удовлетворяла изъ года въ годъ одному и тому же постоянному и неизмѣнному спросу. Но, когда съ начала XIX вѣка въ Россіи стали возникать новыя отрасли производства—напр., хлопчатобумажная,—вытѣснявшія старинныя производства; когда стали измѣнять сортъ и качество продуктовъ, изготовляемыхъ на фабрикахъ (напр., выдѣлывать на фабрикахъ тонкія сукна, а не только толстыя солдатскія, какъ прежде); когда техника производства стала прогрессировать (вводились новыя машины) и пр.,—тогда поссессіонное владѣніе фабрикой стало крайне неудобнымъ

[1]) H. Storch. „Russland unter Alexander dem Ersten“. V° Band. 1804. Manufactur und Fabrikindustrie. Стр. 61.

для фабриканта. Фабрикантъ долженъ былъ изготовлять въ одномъ и томъ же количествѣ изъ года въ годъ одни и тѣ же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались рынкомъ, онъ обязанъ былъ давать разъ навсегда опредѣленную работу своимъ рабочимъ и оплачивать ее, каковъ бы ни былъ сбытъ его товаровъ; онъ не могъ ввести новыхъ машинъ, какъ бы онѣ ни были выгодны, такъ какъ не въ его власти было сократить число рабочихъ рукъ на фабрикѣ, а рабочіе, кромѣ того, не обязаны были обучаться новымъ пріемамъ работы. На это жаловался, напр., въ 1833 г. фабрикантъ Осокинъ чиновнику министерства финансовъ, командированному для разбора его споровъ съ рабочими; по словамъ Осокина, введеніе прядильныхъ и трепальныхъ машинъ, употреблявшихся въ то время на московскихъ суконныхъ фабрикахъ, чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣлись 33 машины, готовыхъ къ употребленію, онъ можетъ пускать изъ нихъ въ дѣйствіе не болѣе 7, такъ какъ, если бы употреблялось для работы большее число машинъ, то многіе мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату они продолжали бы получать прежнюю [1]).

Поэтому интересы самихъ фабрикантовъ требовали преобразованія устарѣвшаго соціальнаго института поссессіонныхъ фабрикъ. Не рѣшаясь приступить къ коренной реформѣ поссессіонныхъ отношеній, правительство шагъ за шагомъ измѣняло этотъ институтъ и приспособляло его къ новымъ условіямъ производства. Многимъ фабрикамъ правительство разрѣшило оставить прежнее производство и перейти къ новому [2]). Но для такой перемѣны

[1]) Дѣло о Положеніи Казанской суконной фабрики Осокина. Часть 3-я. Рапортъ чиновника Афросимова м-ру финансовъ въ 1833 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Такъ, напр., въ 1814 г. надворной совѣтницѣ Бѣлавиной было разрѣшено обратить шелковую поссессіонную фабрику въ полотняную, въ 1816 г. купцу Кирьякову позволено обратить ситцевую фабрику въ шелковую, въ 1819 г. графу Потемкину разрѣшено купить Фряновскую шелковую фабрику, съ обращеніемъ на ней половины становъ на суконное производство (эта покупка не состоялась), а кн. Юсупову разрѣшено то же самое для Купавинской фабрики; въ 1826 г. купцу Куманину разрѣшено часть становъ на своей полотняной фабрикѣ обратить на бумажное ткачество и сукнодѣліе. См. Дѣло по письму кн. Юсупова о дозволеніи ему обратить половинное число становъ Купавинской шелковой фабрики его на сукнодѣліе. 25 іюля 1818 г.; Дѣло о дозволеніи коммерціи совѣтнику Куманину учредить отдѣлку разныхъ суконъ и бумажныхъ матерій при полотняной фабрикѣ. 12 іюля 1818 г. (Арх.д-та т. и м.).

производства требовалось каждый разъ особое разрѣшеніе правительства, при чемъ дѣло рѣшалось комитетомъ министровъ и тянулось очень долго. Болѣе важное значеніе имѣлъ законъ 20 дек. 1824 г., который существенно измѣнилъ характеръ прикрѣпленія крестьянъ къ фабрикѣ. Этимъ закономъ было разрѣшено увольненіе фабричныхъ крестьянъ въ другія званія, въ случаѣ просьбы объ этомъ фабриканта, но только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ особаго разрѣшенія комитета министровъ [1]). Законъ этотъ былъ вызванъ просьбами нѣкоторыхъ поссессіонныхъ фабрикантовъ дать свободу ихъ рабочимъ. Очевидно, право на принудительный трудъ перестало имѣть въ глазахъ фабрикантовъ такую цѣнность, какъ прежде.

Значеніе закона 1824 г. заключалось въ томъ, что со времени его изданія фабричные крестьяне перестали быть нераздѣльнымъ цѣлымъ съ фабрикой. Въ 1831 г. м-ру финансовъ предоставлено было входить въ сенатъ съ представленіями объ увольненіи поссессіонныхъ фабричныхъ для записки въ купечество или мѣщанство [2]). Наконецъ, въ 1835 г. владѣльцамъ поссессіонныхъ фабрикъ было дано очень важное право отпускать по паспортамъ своихъ поссессіонныхъ крестьянъ и мастеровыхъ. При этомъ должны были соблюдать слѣдующія условія: 1) чтобы отъ такого увольненія не уменьшались дѣйствія фабрики; 2) чтобы оброкъ съ уходящихъ фабричныхъ поступалъ не въ пользу владѣльца, но въ пользу общественныхъ мірскихъ доходовъ, о которыхъ 3) владѣлецъ долженъ давать отчеты мѣстному начальству въ случаѣ жалобы фабричныхъ [3]).

Законъ 1835 г. былъ изданъ вслѣдствіе прошеній нѣсколькихъ фабрикантовъ о разрѣшеніи имъ распустить по паспортамъ рабочихъ. Это неоднократно разрѣшалось и раньше, но только по особымъ указамъ сената [4]). Такъ какъ отпускаемые рабочіе не

---

[1]) П. С. З. XXXIX, 30166.—[2]) То же, II изд., т. VI, 4687.—[3]) То же, II изд., т. X, 7816.

[4]) Такъ, напр., въ 1823 г. Лазаревъ обратился съ просьбой къ министру финансовъ о разрѣшеніи ему распустить рабочихъ по паспортамъ безъ оброку, въ виду убыточности шелковаго производства. Просьба Лазарева была удовлетворена сенатомъ. См. Дѣло по прошенію коллежскаго совѣтника Ив. Лазарева о дозволеніи распустить по паспортамъ мастеровыхъ Фряновской шелковой фабрики, 27 янв. 1823 г. Арх. д-та т. и м. Въ другихъ случаяхъ рабочіе увольнялись съ платежемъ оброка безъ всякаго разрѣшенія начальства. Такъ, напр., рабочіе полотняной и бумажныхъ фабрикъ Церевитиновыхъ (въ Медынскомъ у., Калужск. губ.), въ концѣ 20-хъ годовъ, отпускались владѣльцемъ съ платежемъ оброка

платили никакого оброка содержателю фабрики, то удаленіе ихъ съ фабрики доказывало полнѣйшую ненужность ихъ для фабричныхъ работъ. Очевидно, право пользоваться принудительнымъ трудомъ уже сдѣлалось къ этому времени для поссессіоннаго владѣльца тяжелой обязанностью давать содержаніе обязаннымъ рабочимъ, и владѣльцы предпочитали отказываться отъ этого права вмѣстѣ съ сопутствующими ему обязательствами.

Хотя законъ 1835 г. и разрѣшалъ владѣльцу поссессіонной фабрики отпускать по паспортамъ ненужныхъ ему рабочихъ, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы производство фабрики не было сокращаемо. Законъ этотъ нисколько не измѣнялъ взаимныхъ отношеній владѣльца къ его поссессіоннымъ рабочимъ, остающимся на фабрикѣ. Между тѣмъ, въ 30-хъ годахъ вольнонаемный трудъ сталъ быстро распространяться на фабрикахъ, и фабриканты не замедлили убѣдиться, что свободныя отношенія не только заманчивы для работника, но выгодны и для хозяина. На большинствѣ поссессіонныхъ фабрикъ работали не только поссессіонные, но и вольнонаемные рабочіе. Заработная плата поссессіонныхъ рабочихъ была, какъ общее правило, значительно ниже, чѣмъ вольнонаемныхъ, но зато и трудъ ихъ былъ менѣе производителенъ [1]). Между тѣмъ, какъ будетъ указано ниже, однимъ изъ важныхъ поводовъ къ волненіямъ поссессіонныхъ рабочихъ было требованіе, чтобы имъ выдавали плату одинаковую съ вольнонаемными. И хотя эти волненія, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли успѣха, тѣмъ не менѣе они причиняли большіе убытки хозяевамъ и крайне затрудняли фабричное производство. Хозяинъ поссессіонной фабрики видѣлъ постоянную враждебность своихъ рабочихъ, которыхъ онъ не могъ уволить,—враждебность, при первомъ удобномъ случаѣ приводящую къ открытому сопротивленію и буйству. Поэтому-то *право* поль-

---

отъ 5 до 50 р. См. Дѣло по жалобѣ мастеровыхъ людей Шанскихъ фабрикъ купцовъ Церевитиновыхъ на своихъ содержателей. 20 апр. 1822 г. Часть 3-я. Арх. д-та т. и м.

[1]) Такъ, напр., на Купавинской фабрикѣ вольные ткачи вырабатывали въ мѣсяцъ около 3 половинокъ „масловыхъ“ суконъ и около 7 половинокъ „мизерицкихъ“ и русскихъ суконъ; поссессіонные же ткачи на той же фабрикѣ вырабатывали „масловыхъ“ только 2 половинки, а „мизерицкихъ“ и русскихъ 4, рѣдко 5 половинокъ въ мѣсяцъ. Естественно, что и заработокъ вольныхъ ткачей былъ гораздо выше, чѣмъ поссессіонныхъ, хотя задѣльную плату они получали одинаковую. См. Дѣло по всеподданнѣйшей просьбѣ кн. Юсупова о взятіи его фабрики въ казну. Часть 2-я. (Арх. д-та т. и м.).

зованія принудительнымъ трудомъ обратилось для хозяевъ въ настоящее *бремя*, отъ котораго они искали средствъ избавиться.

Въ концѣ 30-хъ годовъ въ министерство финансовъ начинаютъ поступать жалобы многихъ владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ (особенно изъ Московской губерніи, гдѣ промышленность была наиболѣе развита) на стѣснительность условій поссессіоннаго владѣнія. Къ этому времени и въ правительственныхъ сферахъ окончательно укрѣпилась мысль о необходимости такъ или иначе ликвидировать поссессіонное фабричное владѣніе. Въ 1839 г. Канкринъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ проектомъ правилъ постепенной ликвидаціи поссессіоннаго владѣнія фабриками. Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, нашелъ, что „установленныя закономъ правила о поссессіонныхъ заведеніяхъ не соотвѣтствуютъ настоящему положенію мануфактурной промышленности и сопряжены съ различными неудобствами, изъ коихъ главнѣйшія: 1) обязанность не уменьшать дѣйствія фабрики и не измѣнять рода издѣлій; 2) воспрещеніе переводить поссессіонныхъ крестьянъ на другую фабрику; 3) ограниченіе занятій однѣми фабричными работами и неопредѣленность отношеній поссессіонныхъ людей къ фабрикантамъ; 4) условіе со стороны новыхъ покупщиковъ содержать заведенія на томъ основаніи и въ томъ же видѣ, какъ находились они у прежнихъ владѣльцевъ; 5) строгость узаконеній насчетъ фабрикантовъ, пришедшихъ въ невозможность или не желающихъ содержать фабрику; 6) краткость опредѣленнаго для продажи фабрики 6-мѣсячнаго срока, препятствующая выгодному переходу заведенія изъ однѣхъ рукъ въ другія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ нашелъ, что „уваженій, по которымъ казна жертвовала своимъ достояніемъ въ пользу частныхъ фабрикантовъ и допустила косвенное изъятіе изъ коренного закона о правѣ владѣнія крѣпостными людьми, теперь уже рѣшительно не существуетъ... и что нынѣ, когда и въ простомъ народѣ распространился духъ фабричной промышленности и число вольныхъ рабочихъ и мастеровъ быстро увеличивается, удобнѣе и едва ли не выгоднѣе для фабриканта имѣть сихъ людей по найму, нежели держать собственныхъ и приписныхъ“ [1]).

По всѣмъ этимъ соображеніямъ государственный совѣтъ призналъ, „что въ мѣрахъ законодательныхъ слѣдуетъ держаться того

[1]) Отчетъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли за 1858 г. (Арх. д-та т. и м.).

правила, чтобы постепенно прійти, наконецъ, къ рѣшительному уничтоженію въ государствѣ заведеній поссессіонныхъ“ [1]), и выработалъ особыя правила увольненія поссессіонныхъ фабричныхъ въ свободное состояніе и перехода поссессіонныхъ фабрикъ въ полную собственность владѣльцевъ; правила эти получили Высочайшее утвержденіе 18 іюня 1840 года.

Законъ 18 іюня 1840 года имѣетъ выдающееся значеніе въ исторіи фабричнаго поссессіоннаго права. Онъ долженъ былъ облегчить постепенную ликвидацію поссессіоннаго владѣнія и, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени достигъ своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, законъ этотъ совсѣмъ не былъ опубликованъ,—его нѣтъ ни въ Сводѣ Законовъ, изданія 1842 года, ни въ Полномъ Собраніи Законовъ,—по всей вѣроятности, въ виду извѣстной „буйности“ поссессіонныхъ фабричныхъ, правительство признавало неудобнымъ его оглашеніе [2]).

---

[1]) Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе поссессіонныхъ людей купцовъ Хлѣбниковыхъ. 12 октября 1844 г. Представленіе министра финансовъ въ государственный совѣтъ. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Въ виду этого приведу текстъ закона 18 іюня:

„Государственный Совѣтъ, въ Высочайше утвержденномъ 18 іюня 1840 г. мнѣніи, постановилъ: 1) относительно поссессіонныхъ фабрикъ, оставляемыхъ въ дѣйствіи:

„Если фабрикантъ, имѣющій при заведеніи своемъ поссессіонныхъ людей, приписанныхъ къ оному отъ казны, либо добровольно въ прежнее время приписавшихся, или купленныхъ имъ на поссессіонномъ правѣ, пожелаетъ по собственнымъ видамъ или расчетамъ удалить таковыхъ людей съ фабрики, частью ли только именно ему ненужныхъ или излишнихъ, либо всѣхъ вообще, съ замѣной оныхъ вольнонаемными или купленными на крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ, когда фабрикантъ по состоянію своему имѣетъ оное, то сіе ему дозволяется съ тѣмъ: а) чтобы увольняемые были обращены въ свободное сословіе, съ предоставленіемъ имъ самимъ по волѣ вступать въ городское званіе или въ государственные крестьяне, независимо отъ того, состоитъ ли фабрика въ городѣ, или находится въ селеніи; б) чтобы при увольненіи по частямъ не были раздробляемы семейства и въ числѣ сихъ послѣднихъ не находилось такихъ, въ которыхъ или вовсе нѣтъ работниковъ, или, хотя и есть, но не могущіе по продолжительной болѣзни, тѣлеснымъ недостаткамъ или преклонности лѣтъ доставить семействамъ пропитаніе. Изъятіе изъ сего правила можетъ быть допускаемо только въ случаѣ собственнаго согласія увольняемыхъ; в) чтобы до новой ревизіи казенныя подати и повинности за увольняемыхъ были вносимы самими же фабрикантами, а остающееся на прежнемъ мѣстѣ водворенія ихъ движимое имущество и дома, если оные построены собственными ихъ средствами, предоставляемы были въ ихъ пользу; г) чтобы за увольняемыхъ поссес-

По этому закону увольненіе фабричныхъ предоставлялось усмотрѣнію фабриканта (въ случаѣ, если фабрика находится въ дѣйствіи); фабрикантъ получаетъ вознагражденіе отъ казны—36 р. с. съ ревизской души мужского пола за увольняемыхъ рабочихъ, если они были пріобрѣтены имъ покупкой или приписаны съ уплатой денегъ въ казну; если же рабочіе были приписаны безъ всякой платы, то и при освобожденіи ихъ владѣлецъ не получалъ никакого денежнаго вознагражденія. Увольняемымъ рабочимъ предоставлено на выборъ—приписаться въ городскія сословія или въ государственные крестьяне.

сіонныхъ людей, отъ казны приписанныхъ къ фабрикамъ съ платежомъ, а равно за купленныхъ фабрикантомъ на поссессіонномъ правѣ, производимо было изъ казны, въ вознагражденіе фабриканта, по 36 руб. сер. за ревизскую мужскаго пола душу, если только сами увольняемые не заплатили ему за себя извѣстной суммы вслѣдствіе обоюднаго согласія; д) чтобы о таковомъ увольненіи фабрикантъ каждый разъ доводилъ предварительно до свѣдѣнія начальника губерніи для надлежащаго съ его стороны наблюденія и увѣдомленія министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, по принадлежности, отъ которыхъ зависѣть будетъ распорядиться какъ по предмету исключенія увольняемыхъ изъ поссессій и приписки ихъ къ городамъ или причисленія въ сословіе государственныхъ крестьянъ, такъ и насчетъ самаго переселенія въ казенныя имѣнія.

„2) Относительно фабрикъ, прекращающихъ свои дѣйствія и уничтожаемыхъ:

„Если фабрикантъ, къ какому бы онъ званію ни принадлежалъ, по обстоятельствамъ придетъ въ невозможность или не пожелаетъ далѣе продолжать фабричное производство, то въ семъ случаѣ поступать на слѣдующемъ основаніи: а) фабричныя строенія, земли, лѣса, мельницы и другія угодія, данныя фабриканту отъ казны, отбираются отъ него безвозмездно; но тѣ изъ сихъ поссессій, равно машины, инструменты и проч., кои пріобрѣтены собственнымъ иждивеніемъ фабриканта, оставляются въ свободномъ его распоряженіи, съ правомъ казны всѣ тѣ собственныя земли, на которыхъ водворены поссессіонные люди, пріобрѣсть покупкой по добровольной цѣнѣ, а въ случаѣ несоразмѣрнаго требованія владѣльца — по узаконенной оцѣнкѣ. Но когда и сія послѣдняя признается для казны невыгодной, въ такомъ случаѣ люди переселяются на казенныя земли, или дается желающимъ дозволеніе записаться въ мѣщане, и затѣмъ земля и заведенія предоставляются фабриканту, который и располагаетъ ими на правѣ полной собственности; б) поссессіонные люди всѣ безъ изъятія, водворены ли они при самой фабрикѣ, или отдѣльно отъ оной на особыхъ земляхъ, если они только къ ней причислены, обращаются въ свободныя сословія на тѣхъ же основаніяхъ, какъ выше постановлено о фабрикахъ, остающихся въ дѣйствіи; в) какъ въ числѣ поссессіонныхъ людей находятся и такіе, кои вовсе не зани-

Въ случаѣ желанія поступить въ государственные крестьяне, фабричные должны были согласиться на переселеніе. Переселяемымъ фабричнымъ крестьянамъ владѣлецъ долженъ былъ предоставить на обзаведеніе по 50 р. ассигн. на душу мужского пола и по 20 р. ассигн. на душу женскаго пола, безъ различія возрастовъ и, кромѣ того, на перевозку по 20 р. ассигн. на душу обоего пола [1]).

Такимъ образомъ, увольненіе рабочихъ, приписанныхъ къ фабрикѣ безъ всякой платы, могло потребовать отъ владѣльца значительныхъ денежныхъ затратъ на пособіе переселяемымъ фабричнымъ и, во всякомъ случаѣ, не давало ему никакой денежной выгоды.

Если же за увольняемыхъ рабочихъ владѣлецъ и получалъ плату, то очень небольшую, которая могла и не покрыть суммы, выдаваемой владѣльцемъ при переселеніи фабричныхъ. Поэтому единственнымъ побудительнымъ мотивомъ къ увольненію рабочихъ могла быть невыгодность поссессіоннаго владѣнія—неприспособленность поссессіонной фабрики, основанной на принудительномъ трудѣ, къ новымъ условіямъ хозяйства [2]).

маются фабричными работами, а упражняются въ хлѣбопашествѣ и другихъ промыслахъ, то съ таковыми людьми, равно какъ и съ тѣми, у владѣльцевъ коихъ фабрики болѣе не существуютъ, нынѣ же поступать на основаніи предыдущаго пункта". (Текстъ этого закона приводился въ представленіяхъ министра финансовъ въ государственный совѣтъ объ увольненіи поссессіонныхъ крестьянъ разныхъ фабрикъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. См., напримѣръ, дѣло объ увольненіи поссессіонныхъ людей купцовъ Хлѣбниковыхъ. 12 октября 1844 года. (Арх. д-та т. и м.).

[1]) Законъ 16 дек. 1840 г., П. С. З., II изд., т. XVI, 14058б.

[2]) Непосредственнымъ поводомъ къ изданію закона 18 іюня 1840 года явились просьбы фабрикантовъ объ освобожденіи ихъ рабочихъ. Приведемъ одну изъ такихъ просьбъ купца Колокольцева, владѣльца шелковой фабрики въ Москвѣ. Въ этой просьбѣ очень ясно указаны неудобства поссессіоннаго владѣнія, вызвавшія переходъ многихъ поссессіонныхъ фабрикъ отъ принудительнаго къ свободному труду. При фабрикѣ было 63 души мужского пола. „Пріобрѣтеніе сихъ людей,—пишетъ Колокольцевъ въ прошеніи министру финансовъ въ 1839 году,—сдѣлано родителемъ моимъ, подобно тому, какъ и многими другими, по затруднительности въ то время имѣть опытныхъ и постоянныхъ мастеровыхъ, и потому, что самое ткачество и другія фабричныя работы, по несовершенству ткацкой машины и другихъ производствъ, требовало большого числа рукъ. Впослѣдствіи же, въ теченіе 35 лѣтъ, при общемъ распространеніи у насъ фабричной промышленности, образовалось достаточное количество вольнонаемныхъ мастеровыхъ для всѣхъ родовъ фабрикаціи, а ткацкое производство... поставлено въ зависимость болѣе отъ машинъ,

Законъ 18 іюня 1840 года не обязывалъ фабрикантовъ переходить отъ принудительнаго къ вольнонаемному труду, но давалъ имъ на это право. Какъ же воспользовались фабриканты этимъ правомъ? Мы видѣли, что въ XVIII вѣкѣ купцы упорно домогались права покупать къ фабрикамъ крестьянъ. Еще въ 1811 году правительство признавало расширеніе этого права важнымъ стимуломъ развитія фабричной промышленности. Но въ 30-хъ и 40-хъ годахъ экономическія условія Россіи глубоко измѣнились. Промышленность сдѣлала быстрые успѣхи, и принудительный трудъ, безъ котораго она не могла существовать въ прошломъ вѣкѣ, сдѣлался для нея излишнимъ. И лучшимъ доказательствомъ наступленія въ 40-хъ годахъ новой промышленной эпохи для Россіи является успѣхъ закона 1840 года.

Мнѣ извѣстны 42 поссессіонныхъ фабрики, рабочіе которыхъ получили свободу на основаніи этого закона. Всего получило свободу, такимъ образомъ, болѣе 15.000 душъ мужского пола [1]).

На 16 фабрикахъ [2]) рабочіе были уволены потому, что фабричное

нежели отъ мастеровыхъ. Отсего произошло, что владѣніе поссессіонными фабричными... обратилось, вмѣсто бывшаго прежде пособія, въ большое неудобство сравнительно съ вольными фабриками, не стѣсняемыми ни числомъ рабочихъ, ни поведеніемъ ихъ, ни искусствомъ, ибо отъ воли хозяина зависитъ, занимать ли работой то или иное число рукъ, содержать изъ нихъ, по вольной цѣнѣ, однихъ лучшихъ и, при несообразности ихъ поведенія, удалять ихъ изъ заведенія"... Въ виду этого, Колокольцевъ проситъ уволить въ свободное состояніе его поссессіонныхъ рабочихъ безъ всякаго для себя вознагражденія, хотя отецъ его пріобрѣлъ этихъ рабочихъ за 15 т. р. Крестьяне были уволены 27 марта 1840 года согласно просьбѣ владѣльца. (Дѣло по просьбѣ купца 2-й гильдіи Колокольцева о дозволеніи крестьянамъ, состоящимъ при поссессіонной его фабрикѣ, приписаться въ податное состояніе. Іюня 6, 1839 г. Арх. д-та т. и м.).

[1]) Точная цифра освобожденныхъ рабочихъ не можетъ быть установлена, такъ какъ по фабрикѣ Осокина въ Казани и Баташева мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о числѣ уволенныхъ рабочихъ.

[2]) Это были фабрики, по большей части, небольшія: 2 суконныхъ — князя Салтыкова въ г. Москвѣ (бывшій Большой Суконный дворъ) и Толубѣева въ г. Орлѣ; 7 полотняныхъ—Богданова, Зюзиныхъ и Губина въ Калужской губерніи, Грязнова и Угличанинова въ Костромской губерніи, Большакова въ г. Боровскѣ, Кожевникова въ Ярославской губерніи; 3 стеклянныхъ—Кетцлера въ С.-Петербургской губерніи, Чешихина въ Смоленской губерніи и Баташева, шелковая фабрика князя Гагарина въ Московской губерніи, пороховой заводъ Беренсовыхъ въ Богородскомъ уѣздѣ, бумажная фабрика Мартьяновой въ Вологодской губерніи, фабрика Титова въ Владимірской губерніи.

производство совсѣмъ прекратилось, а на остальныхъ 26—вслѣдствіе прошеній владѣльцевъ, находившихъ болѣе выгоднымъ для себя работу вольнонаемными [1]).

Но закономъ 1840 года воспользовалось, навѣрное, значительно болѣе 42 фабрикъ, такъ какъ дѣла по многимъ фабрикамъ утрачены [2]). По словамъ г. Вешнякова, за время 1840—50 годовъ было освобождено, на основаніи закона 1840 года, около 20 тыс. душъ м. п. поссессіонныхъ фабричныхъ крестьянъ [3]). Но, кромѣ того, фабричные многихъ владѣльцевъ, подавшихъ въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ просьбы объ увольненіи крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикѣ въ свободное состояніе, не получили свободы на основаніи закона 1840 года только потому, что дѣла объ освобожденіи ихъ затянулись до общей крестьянской реформы, 19-го февраля 1861 года [4]).

[1]) А именно, на 4 суконныхъ: Осокина въ г. Казани, Купавинской Бабкиныхъ, Рыбникова въ Богородскомъ уѣздѣ, графини Толстой въ Воронежскомъ уѣздѣ; 7 писчебумажныхъ: Торубаева въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Иванова въ Вологодскомъ уѣздѣ, Куманина въ Переяславскомъ уѣздѣ, Церевитиновыхъ въ Медынскомъ уѣздѣ, 3 фабрикахъ Поповыхъ въ Углицкомъ уѣздѣ; 7 полотняныхъ: Хлѣбниковыхъ въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Куманина въ г. Переяславлѣ, Брюзгиныхъ въ Козельскомъ уѣздѣ, Гончаровыхъ въ Медынскомъ уѣздѣ, Темерина въ Переяславскомъ уѣздѣ, Ярославской Большой мануфактурѣ въ г. Ярославлѣ, Масловыхъ въ г. Алексинѣ; 4 миткалевыхъ и плисовыхъ: Гусятникова въ Зарайскомъ уѣздѣ, Темерина въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Носовыхъ въ г. Шуѣ, Пантелѣева въ Московскомъ уѣздѣ; 1 шелковой Фряновской фабрикѣ Ефимовыхъ въ Богородскомъ уѣздѣ; 1 стеклянной Орловыхъ въ Мосальскомъ уѣздѣ; 1 игольной Полторацкаго въ Пронскомъ уѣздѣ и фабрикѣ Зеленцовыхъ въ Пермской губерніи.

[2]) Такъ, напримѣръ, я не могъ найти дѣла объ увольненіи рабочихъ такой крупной фабрики, какъ фабрика Осокина въ г. Казани, хотя изъ другихъ дѣлъ видно, что осокинскіе суконщики получили въ 1849 г. свободу, которой они страстно добивались въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ.

[3]) Вешняковъ. „Русская промышленность и ея нужды“. „Вѣстникъ Европы“ 1870 г. Октябрь. Эта статья является единственнымъ извѣстнымъ мнѣ печатнымъ источникомъ, гдѣ вскользь упоминается о законѣ 1840 года. По словамъ г. Вешнякова, этимъ закономъ воспользовались 103 фабрики.

[4]) По этой причинѣ не получили свободы до 19-го февраля фабричные крестьяне Лугининыхъ (суконная фабрика въ Александровскомъ уѣздѣ), Бистромъ (парусная фабрика въ Медынскомъ уѣздѣ), Гарденина (суконная фабрика въ Тамбовскомъ уѣздѣ), Вигеля (въ Воронежскомъ уѣздѣ), Кознова (въ Егорьевскомъ уѣздѣ), князя Салтыкова (въ Спасскомъ уѣздѣ) и др. Всѣ названные фабриканты подавали прошенія объ увольненіи ихъ крестьянъ.

Если мы припомнимъ, что посессіонные рабочіе увольнялись и до 1840 г., то не будетъ преувеличеніемъ сказать, что болѣе половины всѣхъ посессіонныхъ фабрикъ по желанію самихъ владѣльцевъ перешли отъ принудительнаго къ вольнонаемному труду—потому, что экономическая эволюція, вызвавшая къ жизни въ XVIII вѣкѣ институтъ посессіонныхъ фабричныхъ, сдѣлала его въ XIX вѣкѣ излишнимъ. Мотивы, побуждавшіе фабрикантовъ просить объ освобожденіи ихъ рабочихъ, лучше всего выражаются въ прошеніяхъ, подававшихся ими по этому поводу м-ру финансовъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ прошеній.

„По совершенной невыгодности производить работы посредствомъ посессіонныхъ фабричныхъ“, пишутъ, напр., м-ру финансовъ 31 іюля 1846 г. купцы Ефимовы, владѣльцы Фряновской шелковой фабрики, „коихъ содержаніе сравнительно съ вольнонаемными обходится слишкомъ дорого и падаетъ на цѣну издѣлій, желаемъ мы ихъ уволить отъ фабрики“ [1]). Купцы Хлѣбниковы, имѣвшіе парусополотняную фабрику въ Перемышльскомъ у., заявляютъ въ своемъ прошеніи, отъ 12 окт. 1844 г., что „какъ духомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ на оныхъ механизмъ, замѣняющій ручныя работы..., то и производство на фабрикахъ работъ посессіонными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ посессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца. А потому,—добавляютъ Хлѣбниковы, — мы, предполагая парусополотняную нашу фабрику устроить болѣе на коммерческихъ правахъ и выдѣлывать издѣлія машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанныхъ къ фабрикѣ крестьянъ предоставить въ казну“ [2]).

---

[1]) Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе людей Фряновской фабрики купцовъ Ефимовыхъ. 1 іюля 1845 г. Прошеніе Ефимовыхъ министру финансовъ (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Дѣло объ увольненіи посессіонныхъ людей купцовъ Хлѣбниковыхъ. 12 окт. 1844 г. Почти также мотивируетъ свое рѣшеніе уволить посессіонныхъ рабочихъ и Торубаевъ (владѣлецъ писчебумажной фабрики въ Трубчевск. у.). „Писчебумажныя ручныя фабрики, по умножающемуся числу машинныхъ, приходятъ въ упадокъ; устройство же машинъ на фабрикахъ, гдѣ есть приписные фабричные люди, сопряжено съ невыгодами, ибо фабричные тогда не будутъ имѣть достаточно занятій... Обстоятельство это вынуждаетъ меня всѣхъ фабричныхъ людей представить въ распоряженіе правительства“. Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе посессіонныхъ людей Торубаева и Поныркo. 5 янв.

Фабрикантъ Куманинъ (2 фабрики—полотняная и писчебумажная во Влад. губ.) заявляетъ въ прошеніи 29 ноября 1843 г.: „По причинамъ измѣнившагося хода мануфактурной промышленности, нахожу важныя неудобства и постоянные убытки продолжать производство работъ на фабрикахъ поссессіонными людьми“ и проситъ ихъ уволить въ свободное состояніе [1]).

Купцы Поповы (писчебумажныя фабрики въ Ярославской губ.) также находятъ, что „при настоящемъ положеніи фабричныхъ и торговыхъ дѣлъ встрѣчаются разныя неудобства въ содержаніи поссессіонныхъ крестьянъ и въ производствѣ посредствомъ ихъ фабричныхъ работъ“ [2]). То же самое заявляетъ дворянинъ Темеринъ (миткалевая и полотняная фабрики во Влад. и Костр. губ.) [3]), Пантелѣевъ [4]) (плисовая фабрика Моск. у.) и др.

Итакъ введеніе новыхъ машинъ, измѣненіе общаго хода промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, невыгодность работать поссессіонными людьми—вотъ на что указываютъ фабриканты въ просьбахъ объ освобожденіи рабочихъ. Нерѣдко при этомъ приводится и другой мотивъ—неповиновеніе поссессіонныхъ фабричныхъ и ихъ постоянныя жалобы на владѣльцевъ. Такъ, купеческая дочь Гусятникова (миткалевая фабрика въ Зарайскомъ у.) проситъ министра финансовъ 29 янв. 1847 г. освободить рабочихъ, ибо это „единственное средство привести въ тихое положеніе фабричныхъ людей и избавить владѣльца отъ тяжкой обязанности утруждать

1844 г. Арх. д-та т. и м. На введеніе машинъ, какъ на побудительный мотивъ къ освобожденію рабочихъ, указываетъ и Полторацкій, владѣлецъ игольной фабрики въ Пронскомъ у. Дѣло по просьбѣ отставного поручика Полторацкаго объ увольненіи въ свободное состояніе фабричныхъ людей при его фабрикѣ. 13 іюня 1849 г. (Арх. д-та т. и м.).

[1]) Дѣло по просьбѣ дворянина Куманина объ обращеніи поссессіонныхъ его людей въ свободное состояніе. 2 дек. 1843 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Дѣло по просьбѣ почетныхъ гражданъ Поповыхъ о принятіи въ казну состоящихъ при ихъ писчебумажныхъ фабрикахъ поссессіонныхъ людей, 4 марта 1847 г. (Арх. д-та т. и м.).

[3]) „Съ измѣненіемъ въ настоящее время хода фабричной промышленности, стѣсняюсь въ дальнѣйшемъ содержаніи фабрики на правѣ поссессіонномъ, обременительномъ для владѣльца“. Дѣло по просьбѣ дворянина Темерина объ увольненіи въ свободное состояніе поссессіонныхъ его людей. 23 фев. 1849 г. Прошеніе владѣльца на имя министра финансовъ (Арх. д-та т. и м.).

[4]) „По измѣнившемуся ходу мануфактурной промышленности, находя постоянные убытки продолжать дѣйствіе находящимися при фабрикѣ поссессіонными людьми, желаю продолжать дѣйствіе фабрики посред-

мѣстное начальство жалобами о приведеніи ихъ въ повиновеніе“ [1]). По заявленію купца Губина (миткалевая фабрика Малояросл. у.), „вслѣдствіе поступковъ самовольно отлучившагося крестьянина Кулакова, клонящихся къ возмущенію всѣхъ фабричныхъ, онъ не надѣется водворить между крестьянами совершенное спокойствіе и даже страшится быть въ имѣніи, а потому, будучи не въ силахъ управлять фабрикой, вошелъ къ министру финансовъ съ прошеніемъ о принятіи крестьянъ его въ казенное вѣдомство“ [2]). На жалобы рабочихъ и ихъ неповиновеніе указываетъ въ своемъ прошеніи министру финансовъ и купчиха Маслова (паруснопол. фабрика въ г. Алексинѣ) [3]), Козновъ (суконная фабрика въ Егорьевск. у.) [4]) и др. Невыгодность поссессіоннаго владѣнія лучше всего иллюстрируется тѣмъ, что въ 40-хъ годахъ фабрика съ прикрѣпленными рабочими имѣла значительно меньшую цѣнность, чѣмъ фабрика безъ всякихъ обязательныхъ рабочихъ. Такъ, освобожденіе поссессіонныхъ фабричныхъ Купавинской фабрики Бабкиныхъ состоялось по той причинѣ, что по смерти владѣльцевъ наслѣдники хотѣли продать фабрику, но это оказалось невозможнымъ, „по неохотности капиталистовъ брать на себя тягость поссессіонныхъ обязанностей“, и наслѣдники освободили всѣхъ рабочихъ, хотя имъ и не слѣдовало никакого вознагражденія отъ казны (купавинскіе фабричные были приписные) [5]).

ствомъ машинъ и содержать ее на коммерческомъ правѣ“. Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе поссессіонныхъ людей Пантелѣева. 7 фев. 1850 г. (Арх. д-та т. и м.).

[1]) Дѣло по просьбѣ куп. дочери Гусятниковой объ обращеніи въ свободное состояніе поссессіонныхъ ея людей. 29 янв. 1847 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Дѣло по отношенію калужскаго гражд. губернатора о притѣсненіяхъ фабричныхъ крестьянъ Губина управляющимъ его фабрики. 20 февр. 1843 г. (Арх. д-та т. и м.).

[3]) Дѣло по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи въ свободное состояніе поссессіонныхъ людей купчихи Масловой. 20 марта 1848 г. (Арх. д-та т. и м.).

[4]) Козновъ заявляетъ въ прошеніи министру финансовъ въ 1858 г.: „Не благоугодно ли будетъ Вашему Высокопревосходительству, для прекращенія дальнѣйшаго со стороны фабричныхъ неповиновенія, взять моихъ фабричныхъ въ казну“. Дѣло о неповиновеніи фабричныхъ поссессіонной суконной фабрики Кознова. 20 февр. 1858 г. (Арх. д-та т. и м.).

[5]) Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе крестьянъ, состоящихъ при Купавинской фабрикѣ Бабкиныхъ. 14 января 1847 г. (Арх. д-та т. и м.).

Итакъ поссессіонныя фабрики переходили отъ принудительнаго къ свободному труду исключительно вслѣдствіе выгодности такого перехода для фабрикантовъ. Что же дѣлалось съ освобождаемыми фабричными? Закономъ 1840 г. имъ было предоставлено на выборъ—поступать въ городскія сословія или государственные крестьяне. Мы имѣемъ по 39 фабрикамъ данныя о дальнѣйшей участи рабочихъ послѣ освобожденія; при этихъ фабрикахъ состояло 14.441 поссессіонныхъ людей м. п. Изъ числа послѣднихъ только 6329 чел. пожелали поступить въ государственные крестьяне, прочіе же поступили въ городскія сословія (мѣщане и очень немногіе въ купцы). Изъ фабричныхъ,поступившихъ въ государственные крестьяне,1447 д. м. п. были переселены въ Западную Сибирь или губерніи Европейской Россіи, а 4882—были надѣлены землей (отъ 3—4 дес. на душу), выкупленной отъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Несмотря на то, что отъ поссессіонныхъ фабричныхъ, изъявлявшихъ желаніе поступить въ государственные крестьяне, требовалось согласіе на переселеніе, фабричные въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорно противились переселенію. Такъ, напр., поссессіонные фабричные купчихи Масловой изъявили желаніе поступить въ государственные крестьяне и получили свободу 2 іюля 1848 г. Но когда ихъ захотѣли переселить въ Томскую губернію, они рѣшительно отказались отъ этого и болѣе 7 лѣтъ оставались въ имѣніи Масловой, подавая просьбы объ оставленіи ихъ на мѣстѣ министру финансовъ, губернатору и наконецъ государю. Дѣло кончилось тѣмъ, что ихъ переселили при помощи военной силы по этапу [1]). Поступающіе въ мѣщане, по закону, должны были продать свои дома и выселиться съ земли владѣльца. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда земля была отведена фабрикѣ казной безъ платежа денегъ, фабричные, перешедшіе въ мѣщане, сохраняли за собой свои усадебные участки, а иногда и другія земли. Такъ, напр., купавинскіе фабричные (944 д. м. п.) получили въ свою пользу не только дома и усадебныя земли, но и огороды и сѣнокосы. Фабричные Беренсовыхъ (556 д. м. п.) также получили безъ всякаго платежа всю землю, которой они раньше владѣли.

Фабричные Яковлевыхъ (1432 д. м. п.) [2]) и Осокина получили

---

[1]) Дѣло по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи въ свободное состояніе поссессіонныхъ людей купчихи Масловой 20 марта 1848 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Освобожденіе рабочихъ Большой Ярославской мануфактуры въ 1843 г. не улучшило ихъ положенія. По донесенію чиновника министер-

безъ всякаго платежа въ свою собственность дома, пріусадебные участки и огороды. Если земля была пріобрѣтена владѣльцемъ за плату, то фабричные, увольняемые въ мѣщане, иногда оставались въ своихъ домахъ и получали подъ усадебную землю путемъ выкупа у владѣльца. Такимъ образомъ были надѣлены землей фабричные Церевитиновыхъ (274 д. м. п.) и, повидимому, Угличанинова (335 д. м. п.). Въ другихъ случаяхъ, фабричные, получившіе свободу, переселялись на близлежащія пригородныя земли, при чемъ имъ отводилась даромъ земля для построекъ, выдавалось денежное пособіе и ссуда. Такимъ образомъ были переселены фабричные Рыбниковыхъ (73 д. м. п.) въ Купавинскую слободу (у г. Богородска), Гончарова (682 д. м. п.) въ г. Медынь, кн. Гагарина (133 д. м. п.) въ г. Богородскъ [1]).

Переселеніе это совершалось иногда съ большими затрудненіями. Такъ, поссессіонные люди кн. Гагарина, на запросъ начальства, въ 1842 г. заявили, что они не желаютъ ни поступать въ государственные крестьяне, такъ какъ отвыкли отъ хлѣбопашества и издавна занимаются фабричными работами, ни записываться въ мѣ-

---

ства финансовъ Сѣрова отъ 1 мая 1843 г., свобода произвела потрясающее дѣйствіе на рабочихъ. „Они совершенно обезумѣли при словѣ „свобода“ и, не имѣя куска хлѣба, сдѣлали заговоръ, чтобы не работать на мануфактурѣ и тѣмъ заставить управляющаго платить имъ, что они потребуютъ; самые благонамѣренные люди боятся работать, чтобы не заслужить упрековъ безумной толпы; многіе начали уже искать работы по уѣздамъ, да почти всѣ нищенствуютъ по городу и окрестнымъ деревнямъ“. Но „заговоръ“ рабочихъ не привелъ ни къ чему, такъ какъ фабрика сократила производство, и въ 1845 г. рабочіе въ своей жалобѣ заявляли ярославскому губернатору, что „со времени увольненія ихъ отъ мануфактуры Яковлевыхъ, по уменьшенію производства на оной противъ прежняго, почти всѣ они лишились, кромѣ самаго малаго числа, съ малолѣтства привычныхъ, прежнихъ работъ... и доведены до крайности по неимѣнію работъ на мануфактурѣ и неотысканію таковыхъ на сторонѣ около Ярославля“. Такъ-то воля обманула ожиданія яковлевскихъ рабочихъ, и имъ пришлось жалѣть о прежней неволѣ! См. дѣло о бывшихъ поссессіонныхъ людяхъ Ярославской мануфактуры Яковлевыхъ. 4 іюля 1842 г., въ 4-хъ частяхъ (Арх. д-та т. и м.).

[1]) Фряновскіе фабричные (728 д. м. п.) неоднократно просили министра финансовъ о выдачѣ имъ ссуды для выкупа участка земли, на которомъ были построены ихъ дома въ селѣ Фряновѣ, но министерство финансовъ предполагало переселить ихъ въ г. Богородскъ, выдавши имъ пособіе и ссуду для постройки домовъ; состоялось ли ихъ переселеніе—изъ дѣла не видно. См. Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе людей Фряновской фабрики (Арх. д-та т. и м.).

щане, чтобы не переселяться съ своего мѣстожительства. Всѣ увѣщанія мѣстнаго начальства не привели ни къ чему. Рабочіе твердо стояли на томъ, что ни въ мѣщане, ни въ государственные крестьяне они не желаютъ поступать. Въ виду этого, фабричные рабочіе, по положенію комитета министровъ, въ 1844 г. были причислены, безъ ихъ согласія, въ мѣщане г. Богородска, при чемъ былъ назначенъ 8-мѣсячный срокъ для выселенія ихъ изъ имѣнія кн. Гагарина. Но рабочіе продолжали упорствовать [1]).

Тогда въ село была поставлена экзекуція—команда казаковъ, въ домахъ упорствующихъ фабричныхъ были сломаны трубы, выставлены рамы и сняты двери, а сами фабричные „подвергнуты полицейскому наказанію". „Послѣ сего", по донесенію московскаго губернатора 19 іюля 1845 г., „и самые упорные изъ крестьянъ убѣдились, что дальнѣйшее сопротивленіе распоряженіямъ правительства невозможно", и согласились переселиться. Но, какъ видно изъ дальнѣйшихъ отношеній московскаго губернатора министру финансовъ, крестьяне имѣли основаніе держаться своего насиженнаго мѣста. Несмотря на денежныя пособія и отводъ земельныхъ участковъ для постройки домовъ въ г. Богородскѣ, только 10 семействъ выстроили себѣ дома, „а остальные разошлись по сосѣднимъ фабрикамъ, не устроивши себя къ осѣдлой жизни, по бѣдному своему положенію".

Въ указанныхъ случаяхъ поссессіонные фабричные, перешедшіе въ мѣщане, получали подъусадебныя земли или на мѣстѣ своего прежняго жительства, или въ другихъ мѣстахъ; но въ другихъ случаяхъ фабричные, поступая въ городскія сословія, продавали съ публичнаго торга свои дома и не получали подъусадебной земли. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ свобода для многихъ фабричныхъ была равносильна разоренію, и отъ прекращенія поссессіонныхъ отношеній гораздо больше выигрывали фабриканты, чѣмъ рабочіе [2]).

---

[1]) Въ прошеніи на имя министра финансовъ 3 марта 1844 г. они пишутъ: „Нынѣ по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ пріѣхавшіе въ село наше какіе-то чиновники, какого вѣдомства—не знаемъ, объявили намъ, что будто мы поступили въ мѣщане г. Богородска и посему должны оставить свое мѣстожительство, и понуждали къ оному подпиской", но рабочіе подписки не дали. Дѣло по просьбѣ гофмейстера князя Гагарина. 10 дек. 1839 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Тѣмъ не менѣе, намъ извѣстенъ только одинъ случай, когда фабричные не соглашались на освобожденіе, изъ опасенія лишиться земли и домовъ. Это относится къ фряновскимъ рабочимъ, которые въ началѣ сто-

ГЛАВА IV.

Волненія поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ.

Волненія рабочихъ на разныхъ фабрикахъ.—Большая Ярославская мануфактура.—Частичные успѣхи рабочихъ.—Фабрика Осокина.—Упорство рабочихъ.—Жестокія наказанія рабочихъ.—Волненія на Фряновской и Купавинской фабрикахъ.—Красносельская фабрика.—Попытка устройства производительной ассоціаціи.—Другіе примѣры волненій.—Отношеніе къ нимъ центральныхъ и мѣстныхъ властей.

Волненія среди поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ представляютъ собой одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ соціальной исторіи Россіи первой половины этого вѣка. Волненія крѣпостныхъ крестьянъ описывались неоднократно. Что касается до волненій фабричныхъ рабочихъ (имѣвшихъ, какъ мы убѣдимся ниже, несравненно болѣе упорный характеръ, чѣмъ крестьянскія волненія), то о нихъ имѣлись до сихъ поръ только скудныя отрывочныя данныя—главнымъ образомъ въ работахъ г.г. Семевскаго и Нисселовича. Въ настоящей главѣ я сгруппировалъ всѣ извѣстные мнѣ случаи волненій поссессіонныхъ фабричныхъ въ XIX вѣкѣ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ дѣлахъ архива бывшаго департамента торговли и мануфактуръ.

Однимъ изъ самыхъ частыхъ поводовъ къ волненіямъ поссессіонныхъ рабочихъ были неудовольствія на фабрикантовъ по случаю низкой заработной платы. Изъ 27 фабрикъ, на которыхъ

лѣтія неоднократно домогались и просили свободы. Когда въ 1846 г. владѣлецъ купецъ Ефимовъ собралъ мастеровыхъ и объявилъ имъ, что онъ намѣренъ ихъ освободить, а землю оставить за собой, то рабочіе отказались дать подписку въ своемъ согласіи на увольненіе, „боясь быть доведенными до совершеннаго разоренія“. См. дѣло объ увольненіи людей Фряновской фабрики. Ч. I (Арх. д-та т. и м.).

мнѣ извѣстны случаи волненій, низкая заработная плата была главнымъ или однимъ изъ главныхъ поводовъ къ волненіямъ на 16 фабрикахъ [1]). Во многихъ случаяхъ неудовольствіе поссессіонныхъ рабочихъ вызывалось тѣмъ, что вольнонаемные рабочіе, работавшіе на тѣхъ же фабрикахъ, получали бо́льшую плату (обыкновенно, вдвое бо́льшую, иногда на $^1/_3$).

Почти во всѣхъ случаяхъ жалобы на малую заработную плату сопровождаются жалобами и на разнаго рода штрафы и вычеты, къ которымъ фабриканты прибѣгали по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Иногда фабриканты принуждали при этомъ рабочихъ брать предметы потребленія изъ фабричныхъ лавокъ (напр., на Михневской суконной фабрикѣ Соколова, на Фряновской шелковой фабрикѣ Рогожиныхъ).

На 8 фабрикахъ рабочіе жалуются на чрезмѣрную продолжительность или трудность работы. На суконной фабрикѣ Я. Гарденина однимъ изъ поводовъ къ волненію было принужденіе къ работѣ престарѣлыхъ фабричныхъ; рабочіе суконныхъ фабрикъ Осокина, Кознова и Титова жаловались на работу въ праздничные

---

[1]) На 6 суконныхъ фабрикахъ: Я. Гарденина въ Тамбовск. губерніи въ 1811 г.—рабочіе жалуются на неплатежъ платы; Осокина въ Казани—въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, начиная съ 1796 г., рабочіе волнуются по случаю низкой заработной платы; на Большомъ Суконномъ дворѣ въ Москвѣ кн. Долгорукова—въ 1797 г. и слѣдующихъ годахъ рабочіе жалуются на низкую плату; Титова въ Воронежск. губ. въ 1821 г.—тоже; Михневской суконной фабрикѣ Соколова вблизи Москвы въ 1835 г.—тоже; Вигеля въ г. Воронежѣ въ 1857 г.—тоже. На 5 парусныхъ и полотняныхъ фабрикахъ: Большой Ярославской мануфактурѣ Яковлевыхъ, въ г. Ярославлѣ (полотняная и писчебумажная фабрика); волненія и жалобы на низкую заработную плату продолжаются, начиная съ 1798 вплоть до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; Угличанинова въ г. Ярославлѣ (Малая Ярославская мануфактура) въ 1817 г.—волненія по случаю низкой платы; Церевитиновыхъ (бумажная и полотняная фабрика) въ Калужской губ.—тоже въ 1821 и слѣд.; Носова въ Шуйск. уѣздѣ—тоже въ 1823; Бровкиныхъ въ Тульск. губ.—тоже въ 1837. На 3 шелковыхъ фабрикахъ: Фряновской Лазарева, затѣмъ Рогожиныхъ, въ Моск. губ.—съ 1771 и до 40-хъ годовъ этого столѣтія рабочіе жалуются и волнуются вслѣдствіе низкой заработной платы; Купавинской кн. Юсупова, затѣмъ Бабкиныхъ—волненія по той же причинѣ продолжаются съ 1834 по 1843 г.; Красильникова въ г. Ярославлѣ—тоже въ 1815 г. На 2 писчебумажныхъ фабрикахъ: Красносельской, помѣщицы Полторацкой въ С.-Петерб. губ.—жалобы на вычеты изъ заработной платы въ 1816 и слѣд. годахъ; Гончарова въ Медынск. уѣздѣ, Калужской губ.— волненія по случаю низкой платы въ 1814 г.

дни и слишкомъ большіе уроки; на суконной фабрикѣ Вигеля главнымъ предметомъ жалобъ рабочихъ была слишкомъ продолжительная работа малолѣтнихъ, которые поступали на фабрику съ 10 лѣтъ, получали крайне ничтожную плату и работали, по показанію самого приказчика фабрики, „по понедѣльникамъ съ 1 ч. пополуночи, а въ прочіе дни въ 2 и 3 часа, а кончали въ 9 часовъ пополудни“. На завтракъ, обѣдъ и „полудникъ“ имъ полагалось зимой 3 часа, лѣтомъ 4 часа. Такимъ образомъ, десятилѣтнія дѣти на этой фабрикѣ работали зимой 15—17 часовъ, лѣтомъ 14—16 час.! Трудно привести примѣры такой продолжительной дѣтской работы даже изъ англійской фабричной жизни.

Точно такъ же на чрезмѣрные уроки жаловались рабочіе полотняной фабрики Угличанинова; рабочіе фабрики Яковлева (Большая Ярославская мануфактура) указывали въ своихъ жалобахъ на крайнюю продолжительность рабочаго дня (до 16 часовъ въ сутки); праздничная работа была предметомъ жалобъ рабочихъ на Фряновской шелковой фабрикѣ.

На 4 фабрикахъ (Вигеля, Красильникова, Купавинской и Фряновской) одинъ изъ поводовъ къ волненіямъ была невыдача содержанія престарѣлымъ рабочимъ.

Жестокое обращеніе фабрикантовъ, побои, истязанія вызывали жалобы рабочихъ на 6 фабрикахъ (Осокина, Кознова, Фряновской Лазарева, Углечанинова, Носова и парусинной фабрикѣ Докучаевой въ г. Рязани).

На 3 фабрикахъ рабочіе жалуются на неправильную отдачу фабричныхъ въ рекруты вмѣсто крѣпостныхъ владѣльца (фабрики Осокина, Лазарева, Гончарова). Рабочіе Гончарова жаловались также и на то, что ихъ владѣлецъ продалъ нѣсколько семей фабричныхъ, обучивъ ихъ музыкѣ, сосѣднимъ помѣщикамъ.

На фабрикахъ Я. Гарденина и Бровкиныхъ неудовольствія рабочихъ вызывались тѣмъ, что владѣлецъ отнялъ у нихъ пахотную землю при фабрикѣ и обрабатывалъ ее въ свою пользу; на Купавинской фабрикѣ Бабкиныхъ, гдѣ рабочіе не занимались хлѣбопашествомъ, однимъ изъ поводовъ къ жалобамъ фабричныхъ было лишеніе ихъ выпаса.

Частымъ поводомъ къ жалобамъ было принужденіе фабричныхъ заниматься не фабричной, а какой-либо иной работой (въ полѣ, во дворѣ хозяина и пр.). На это жалуются рабочіе 8 фабрикъ— Осокина, суконной фабрики Кривошеиной въ Воронежск. губ. (1806 г.), Титова (миткалевая фабрика Калужск. губ.), Губина

(1843 г.), полотняной—Толмачевой, въ Тамбовск. губ. (1808 г.), полотняной—Масловыхъ въ Тульск. губ., Докучаевой, суконной—Онуфрія Гарденина, въ Тамбовск. губ. (1816 г.).

Изъ болѣе рѣдкихъ поводовъ къ волненіямъ и жалобамъ можно указать на принужденіе рабочихъ жить въ фабричныхъ казармахъ, а не на вольныхъ квартирахъ (суконная фабрика Долгорукова въ Москвѣ), запрещеніе выдавать въ замужество вдовъ и дочерей фабричныхъ за постороннихъ (фабр. Осокина), неудовлетворительное помѣщеніе (фабр. Красильникова), невыдачу паспортовъ для отлучекъ за предѣлы губерніи (фабр. Церевитиновыхъ), растленіе фабричныхъ дѣвушекъ (фабр. Носова), самовольное измѣненіе производства (фабр. Бровкиныхъ—парусное производство было замѣнено миткалевымъ).

Почти всегда столкновенія поссессіонныхъ фабричныхъ съ хозяевами осложнялись и тѣмъ, что рабочіе признавали себя свободными людьми и не соглашались подчиняться хозяину. Главнымъ образомъ на этой почвѣ велась упорная борьба въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ между рабочими казанской суконной фабрики Осокина и ихъ владѣльцемъ.

Такимъ образомъ, поводы къ волненіямъ были весьма разнообразны. Какой же характеръ имѣли эти волненія? Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе важныхъ по своимъ результатамъ или по числу рабочихъ, принимавшихъ въ нихъ участіе.

Фабрика Яковлевыхъ въ г. Ярославлѣ—Большая Ярославская мануфактура—была основана еще при Петрѣ I Затрапезнымъ и въ началѣ XIX вѣка была самой крупной полотняной фабрикой Россіи. На ней выдѣлывалось тонкое полотно, поступавшее даже къ императорскому двору; кромѣ полотна, на фабрикѣ выдѣлывалась также и писчая бумага. Въ 1810 г. цѣнность всѣхъ товаровъ, изготовляемыхъ на фабрикахъ, превысила 1 милліонъ руб.[1]). При фабрикѣ состояло 1319 мужчинъ и 1599 женщинъ. Фабричными работами въ 1817 г. было занято поссессіонныхъ 1048 мужчинъ и 1323 женщины (кромѣ вольнонаемныхъ). Главнымъ поводомъ къ жалобамъ рабочихъ была низкая заработная плата. Въ 1803 г. рабочіе подавали нѣсколько жалобъ въ этомъ смыслѣ въ Ярославское губернское правленіе.

Губернское правленіе отвѣтило повѣреннымъ рабочихъ, чтобы они „съ должнымъ повиновеніемъ пребывали спокойными, ожидая

[1]) Дѣло о Ярославской Большой мануфактурѣ Яковлевыхъ 21 февраля 1811 г. Арх. д-та т. и м.

отъ содержателей немедленнаго разсмотрѣнія показуемаго ими", и потребовало, чтобы повѣренные рабочихъ, Алексѣевъ и Езоповъ, дали подписку въ этомъ. Повѣренные отказались дать подписку и были наказаны плетьми. Въ слѣдующемъ году рабочіе посылали двухъ своихъ повѣренныхъ, Москвина и Маркелова, въ С.-Петербургъ для подачи самому Александру I просьбы о прибавкѣ заработной платы. И эти повѣренные арестовываются и наказываются плетьми, при чемъ „для внушенія повиновенія прочимъ рабочимъ людямъ" имъ производится наказаніе на фабрикѣ публично, въ присутствіи отряда солдатъ.

Несмотря на это, рабочіе отправляютъ новыхъ повѣренныхъ для подачи жалобы государю. Дѣло доходитъ до сената, который ставитъ резолюцію—объявить мастеровымъ-просителямъ, „чтобы впредь неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались, пребывали въ положеніи своемъ спокойными и въ должномъ у содержателей мануфактуры повиновеніи, въ противномъ же случаѣ подвергнутъ себя неослабному по законамъ наказанію".

Это не мѣшаетъ рабочимъ въ 1806 г. опять подать просьбу Александру I съ жалобой на жестокія наказанія ихъ повѣренныхъ и низкую заработную плату. Но и эта просьба имѣла успѣхъ не болѣе предыдущихъ. Повѣренные рабочіе были наказаны розгами и отправлены обратно въ Ярославль.

Послѣ этого въ теченіе 11 лѣтъ рабочіе остаются спокойными; въ 1817 г. они возобновляютъ прежнія жалобы. Въ этомъ году ихъ повѣренный подалъ просьбы министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву и министру юстиціи Трощинскому о понужденіи содержателя фабрики повысить заработную плату. Для разсмотрѣнія дѣла назначается комиссія изъ частнаго пристава г. Ярославля, городского головы и одного мѣстнаго фабриканта. Комиссія находитъ, что недовольство фабричныхъ происходитъ „не столько отъ нужды, сколько отъ подстрекательства къ неповиновенію и своевольству просителей фабричныхъ". По показанію комиссіи, рабочіе устраиваютъ „въ работное время сходбища и возмущенія"; тѣмъ не менѣе, комиссія признаетъ, что слѣдуетъ повысить плату поденнымъ рабочимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удалить съ фабрики вредныхъ людей, возмущающихъ остальныхъ.

Ярославскій губернаторъ потребовалъ отъ рабочихъ подписку въ повиновеніи владѣльцу. Рабочіе отказались ее дать, несмотря на всѣ мѣры понужденія губернатора.

Въ слѣдующемъ году рабочіе подаютъ просьбу министру юстиціи, кн. Лобанову-Ростовскому, о томъ, чтобы ихъ признали свободными, такъ какъ владѣлецъ продолжалъ ихъ притѣснять.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ командируетъ для разслѣдованія положенія рабочихъ на фабрикѣ Яковлева чиновника министерства Бурнашева. Бурнашевъ признаетъ, что претензіи мастеровыхъ Ярославской Большой мануфактуры и жалобы ихъ на недостаточность заработной платы совершенно ложны и неосновательны. Главная причина волненія—„пьянство и распутство мастеровыхъ, усилившееся среди мастеровыхъ въ высокой степени.... Праздность, въ которой люди сіи пребываютъ [1]), ведетъ ихъ къ своевольнымъ мыслямъ,—отъ сего бываютъ у нихъ безпрестанныя сходки, совѣщанія, на которыхъ сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хожденія по дѣламъ“.

Для успокоенія рабочихъ, министерство рѣшило выработать и ввести на фабрикахъ особое „Положеніе“, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ; въ этомъ Положеніи была точно установлена плата, которую слѣдуетъ получать рабочимъ, число рабочихъ часовъ и пр. Поштучная плата оставлена прежней, но поденная плата была немного повышена. Для престарѣлыхъ и увѣчныхъ назначена небольшая денежная пенсія. Рабочій день установленъ въ 14 час.

Но введеніе на фабрикѣ Положенія не успокоило рабочихъ. Они продолжаютъ подавать жалобы министру внутреннихъ дѣлъ, особенно на то, что владѣлецъ не выдаетъ содержанія престарѣлымъ и малолѣтнимъ.

Наконецъ, въ 1823 г. двое повѣренныхъ мастеровыхъ, Русиновъ и Журавлевъ, подаютъ лично просьбу Александру I во время его путешествія по Россіи на „притѣсненія фабриканта и недостаточность рабочей платы“. Графъ Аракчеевъ препровождаетъ эту просьбу министру финансовъ Канкрину съ приказаніемъ государя, чтобы для разсмотрѣнія дѣла были вытребованы въ С.-Петербургъ депутаты рабочихъ.

Канкринъ входитъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указываетъ, что имъ получены дополнительныя свѣдѣнія отъ ярославскаго губернатора, рѣшительно заявляющаго, что „мастеровые г.г. Яковлевыхъ состоятъ на положеніи весьма выгодномъ и что жалобы ихъ на скудную плату совершенно не спра-

[1]) Работа на мануфактурѣ продолжалась до 16 часовъ въ сутки.

ведливы и показываютъ склонность ихъ къ буйству и неповиновенію. По случаю сего,—прибавляетъ Канкринъ,—долгомъ считаю испросить В. И. Величества разрѣшенія, должно ли и теперь требовать депутатовъ отъ мастеровыхъ Ярославской мануфактуры, или не повелите ли, Ваше Величество, безъ нихъ привести къ окончанію разсмотрѣніе Положенія".

Государь не соглашается съ этимъ,—депутаты должны быть вызваны, чтобы узнать точныя требованія мастеровыхъ.

Канкринъ долженъ былъ уступить. Депутаты рабочихъ были вытребованы. Въ то же время ярославскій губернаторъ послалъ докладъ Канкрину, въ которомъ сообщаетъ о „вредномъ" дѣйствіи на рабочихъ извѣстія о вызовѣ депутатовъ; это побудило губернатора немедленно принять строжайшія полицейскія мѣры (какія именно—объ этомъ губернаторъ умалчиваетъ) для „возстановленія порядка". Рабочіе выбрали своими депутатами тѣхъ самыхъ рабочихъ, которые подавали просьбу государю — Русинова и Журавлева.

Въ слѣдующемъ году депутаты рабочихъ прибыли въ С.-Петербургъ и были опрошены въ особомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Предсѣдатель сдѣлалъ все возможное, чтобы побудить рабочихъ отказаться отъ ихъ показаній, но они стояли крѣпко на своемъ и доказывали, что заработная плата слишкомъ низка и должна быть повышена.

Отвѣты ихъ были сообщены государю, и Канкринъ увѣдомилъ владѣльца фабрики, что необходимо возвысить плату на 10%. Владѣлецъ согласился на повышеніе въ 7%. Было составлено новое Положеніе, по которому рабочій день былъ сокращенъ съ 14 до 13 часовъ (лѣтомъ) и 12 (зимой), но вмѣстѣ съ тѣмъ фабричной конторѣ было предоставлено право „самыхъ неисправныхъ и буйныхъ, а также главныхъ зачинщиковъ внутреннихъ безпорядковъ и учредителей скопищъ представлять во всякое время въ рекруты".

Такимъ образомъ, упорная борьба рабочихъ въ концѣ концовъ привела къ нѣкоторому результату—рабочая плата была повышена, а рабочій день сокращенъ [1]).

---

[1]) Всѣ эти данныя взяты изъ 3 дѣлъ: Дѣло по отношенію ярославскаго гражданскаго губернатора съ изложеніемъ отъ рабочихъ людей жалобы на содержателей ихъ Яковлевыхъ, 18 января 1804 г.; Дѣло по указу правительствующаго сената, чтобы мастеровые Ярославской Большой мануфактуры производимой за работу платой были довольны, 3 марта

На другой крупной поссессіонной фабрикѣ—Осокина въ г. Казани—столкновенія рабочихъ съ хозяиномъ были хроническимъ явленіемъ еще въ прошломъ вѣкѣ [1]). При этой фабрикѣ по 5-й ревизіи значилось 1414 д. м. п., изъ которыхъ работало на фабрикѣ 984 (женщины не работали).

Въ 1796 г. рабочіе подавали ревизовавшему Казанскую губернію сенатору Маврину жалобу на низкую заработную плату, и Мавринъ призналъ справедливость заявленій рабочихъ, вслѣдствіе чего плата была увеличена. Въ 1798 г. рабочіе подавали жалобу императору Павлу на жестокости владѣльца и малую плату. Жалоба была признана неосновательной. Въ 1800 г. рабочіе подали жалобу о томъ же министру юстиціи. Жалоба поступила на разсмотрѣніе мануфактуръ-коллегіи, которая предписала сообщить мастеровымъ, что за дальнѣйшія столь же неосновательныя жалобы съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ и виновные будутъ сосланы въ Сибирь на работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ рабочихъ была потребована подписка въ томъ, что они будутъ повиноваться хозяину. Почти всѣ рабочіе отказались дать такую подписку.

Столкновенія рабочихъ съ фабричной администраціей не прекращались. Въ 1806 г., по просьбѣ владѣльца, его власть надъ рабочими была значительно расширена—указомъ сената разрѣшено какъ владѣльцу фабрики, такъ и управляющему, назначенному владѣльцемъ, наказывать фабричныхъ за уклоненіе отъ работы и другія вины. Осокинъ старался заставить работать на фабрикѣ и женщинъ, но рабочіе упорно противились этому, и съ полнымъ успѣхомъ—женщины не принимали никакого участія въ фабричной работѣ.

Въ 1817 г. рабочіе подали просьбу великому князю Михаилу Павловичу. Повторяя свои прежнія жалобы на владѣльца, они въ то же время просили даровать имъ свободу, ссылаясь на то, что они происходятъ отъ свободныхъ людей и не были куплены содержателемъ фабрики. Просьба была признана неосновательной, наряжено слѣдствіе, и отъ рабочихъ вновь потребовали подписку

1806 г.; Дѣло по жалобѣ мастеровыхъ людей Большой Ярославской мануфактуры на владѣльцевъ оной Яковлевыхъ въ произвожденіи имъ малой заработной платы 16 марта 1817 г., 4 части. (Арх. д-та т. и м.).

[1]) О жалобахъ рабочихъ Осокина въ XVIII столѣтіи, какъ и вообще о волненіяхъ прошлаго вѣка, смотри г. Семевскаго „Крестьяне при Екатеринѣ II“.

въ повиновеніи фабриканту. Но рабочіе подписки не дали и тайно отправили повѣренныхъ Соколова и Ефремова въ Петербургъ для подачи жалобы самому государю. Оба повѣренные были арестованы и отправлены обратно въ Казань въ кандалахъ. По дорогѣ Ефремовъ, „претерпѣвши въ пути неограниченное мученіе, не могши снести сего, умеръ“, а Соколовъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ въ Казань для разслѣдованія дѣла того же Бурнашева, который составилъ Положеніе для фабрики Яковлева. Бурнашевъ донесъ, что нельзя разсчитывать на успокоеніе рабочихъ, „доколѣ фабричные не будутъ обращены къ повиновенію своему владѣльцу, доколѣ они не оставятъ ложнаго мнѣнія, въ умѣ ихъ поселившагося, о свободѣ и доколѣ не истребленъ будетъ въ нихъ духъ своевольства“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бурнашевъ составилъ Положеніе и для фабрики Осокина. Этимъ Положеніемъ заработная плата была повышена, но были повышены и уроки. Рабочій день былъ уменьшенъ съ 14 до 12 часовъ. Рабочіе остались однако недовольны и въ 1818 г. вновь подали жалобу министру внутреннихъ дѣлъ на „безчеловѣчное надъ нами Осокина обращеніе, употребленіе насъ въ другую работу, малое за работу довольствіе“. Приведемъ нѣсколько мѣстъ этой краснорѣчивой жалобы: „Осокинъ усугубилъ надъ нами свои жестокости и чрезъ побойства многимъ причинилъ насильственную смерть... Горестныя восклицанія о безчеловѣчномъ мученіи всѣ отринуты отъ разныхъ лицъ подъ разными видами—то неужели послѣ сего никто не хочетъ обратить вниманія на неистовства и жестокости и неужели никого нѣтъ, кто бы въ точности исполнить могъ права, закономъ установленныя!.. Мы терпимъ неограниченную во всемъ нужду и жестокое обращеніе слишкомъ 23 года, съ коего времени жалобы наши простираются въ разныя мѣста, и въ столь долгое время по установленнымъ правиламъ не можемъ получить той цѣли, каковая предположена въ указахъ 1801 г. августа 18, а за онымъ 1803 г. іюня 30 и 1817 г. апрѣля 4... Въ зимнее время мы производимъ работу въ промерзшихъ мѣстахъ, и въ жестокіе морозы, по неимѣнію у многихъ теплаго одѣянія, не только нельзя производить работу, но и рукъ обогрѣть негдѣ“. Положеніе, составленное Бурнашевымъ, рабочіе называли „безсмысленнымъ, превратнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ“, такъ какъ „при самомъ бдительномъ

прилежанін... нѣтъ способностей и средствъ урокъ выполнить". „Прибытіе Бурнашева,—заканчиваютъ рабочіе,—состояло въ томъ единственно, чтобы насъ обезсилѣть, а Осокину дать способъ къ произведенію надъ нами безчеловѣчнаго мученія".

Въ виду всего этого, рабочіе просили министра даровать имъ свободу, а до освобожденія учредить надъ фабрикой Осокина опеку.

Въ 1819 г. Казанскую губернію ревизовали сенаторы Кушниковъ и гр. Санти. Сенаторы пытались увѣрить рабочихъ въ неосновательности ихъ мнѣнія, что они люди свободные, но рабочіе говорили, что „государь людей не продаетъ". Когда же сенаторы начали доказывать, „что воля государя была отдать предковъ ихъ даромъ или за деньги..., то рабочіе отзывались тѣмъ, что уже съ того времени деньги, заплаченныя за нихъ, давно заработаны" [1]).

Болѣе 100 фабричныхъ съ женами и дѣтьми явились въ домъ, гдѣ остановились сенаторы, съ жалобами на Осокина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе отказывались работать на фабрикѣ, и значительная часть ихъ (около 200) совсѣмъ не являлась на фабрику.

Въ 1820 г. рабочіе явились большой толпой къ губернатору съ жалобами на Осокина. Подписку, требуемую губернаторомъ въ томъ, что они будутъ повиноваться содержателю фабрики, рабочіе наотрѣзъ отказались дать, „ибо они Осокину никогда не принадлежали и не принадлежатъ".

Все это побудило начальство прибѣгнуть къ „мѣрамъ строгости". На фабрику была поставлена воинская команда. 4 окт. 1820 сенатъ утвердилъ Положеніе, составленное Бурнашевымъ, и предписалъ губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочихъ, внушающихъ имъ „ложныя мечтанія о свободѣ", и отправить ихъ навсегда на Иркутскую суконную фабрику. Губернаторъ лично прибылъ на фабрику и прочелъ имъ сенатскій указъ, но рабочіе „съ грубостью объявили, что хотя они все то, о чемъ имъ было внушаемо, а равно и относящіеся къ сему документы и поняли совершенно, но все оное почитаютъ за обманъ, повторяя прежніе свои отзывы о непринадлежности Осокину, и добавляя, что одному только Именному указу, самимъ Государемъ Императоромъ подписанному, могутъ они дать вѣроятіе".

---

[1]) По словамъ сенаторовъ, главное домогательство рабочихъ заключалось въ томъ, чтобы ихъ плата была сравнена съ платой вольнонаемныхъ, впритомъ плата производилась бы не съ издѣлья, а поденная.

Губернаторъ приказалъ 10 человѣкъ фабричныхъ взять подъ стражу и 8 изъ нихъ немедленно отправилъ на Иркутскую фабрику. Вслѣдъ затѣмъ были сосланы еще 3 фабричныхъ, а прочіе подвергнуты „полицейскимъ наказаніямъ“.

Несмотря на это, рабочіе не только отказались дать подписку въ повиновеніи, но даже заключили между собой тайнымъ образомъ письменное соглашеніе, которымъ обязывались ни въ какомъ случаѣ не уступать требованіямъ начальства. Это вызвало особое судебное разслѣдованіе, и 14 дек. 1823 г. 10 рабочихъ были приговорены казанской палатой уголовнаго суда къ наказанію плетьми, а 11-го рабочаго, нѣкоего Михайлу Мясникова, судъ приговорилъ къ двухнедѣльному аресту, въ виду того, что означенный рабочій не принималъ участія въ соглашеніи, а только передалъ своему отцу бумагу, на которой было написано это соглашеніе. Приговоръ казанскаго суда поступилъ на разсмотрѣніе сената, а затѣмъ комитета министровъ, которому было сообщено Высочайшее повелѣніе отъ 25 ноября 1824 г., измѣнившее приговоръ въ слѣдующемъ смыслѣ: приговоръ относительно 10 первыхъ рабочихъ былъ утвержденъ, но что касается Михайлы Мясникова, то онъ долженъ былъ присутствовать при наказаніи плетьми его товарищей, при чемъ ему должно было быть объявлено, что если онъ выдастъ лицо, составившее соглашеніе, то будетъ избавленъ отъ наказанія, если же нѣтъ, то будетъ наказанъ тяжелѣе другихъ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; Михайло Мясниковъ присутствовалъ при наказаніи плетьми его товарищей при чемъ его отецъ былъ засѣченъ до смерти, но товарищей своихъ онъ не выдалъ...

18 іюля 1829 г. повѣренный рабочихъ Бабинъ подалъ императору Николаю I жалобу на Осокина. Въ февралѣ 1832 г. трое повѣренныхъ рабочихъ, Поповъ, Чудинъ и Сметановъ, отъ имени всѣхъ остальныхъ прислали новую жалобу государю на угнетенія и жестокости Осокина, а также и на неудовлетвореніе ихъ просьбъ казанскимъ губернаторомъ. Въ Казань былъ командированъ чиновникъ министерства финансовъ Афросимовъ, который нашелъ, что жалобы фабричныхъ, „имѣющія главнымъ основаніемъ мнимую свою вольность, суть безъ всякаго основанія и происходятъ не отъ чего иного, какъ отъ буйной ихъ нравственности“.

Въ 1834 г. рядовой изъ фабричныхъ Осокина, Сапожниковъ, во время Высочайшаго смотра войскамъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, лично подалъ жалобу императору Николаю на притѣсненія ма-

стеровыхъ Осокинымъ и неправильную отдачу его самого въ рекруты. Для разслѣдованія дѣла была назначена особая комиссія изъ представителей министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и корпуса жандармовъ. Комиссія прежде всего постаралась убѣдить рабочихъ, что они по закону прикрѣплены къ фабрикѣ Осокина. „Но таковое истолкованіе и вразумленіе фабричныхъ мастеровыхъ не только не имѣло желаемаго успѣха..., но по укоренившемуся въ нихъ духу своевольства они рѣшительно объявили членамъ комиссіи, что не перестанутъ отыскивать избавленія отъ рабства г-на Осокина до тѣхъ юръ, пока не получатъ удовлетворенія“. Подписку въ повиновеніи владѣльцу дали 32 фабричныхъ, а прочіе отказались.

Рабочіе показывали комиссіи, что Осокинъ засѣкъ до смерти 3 фабричныхъ, одного въ 1814 г., двухъ въ 1826 г.; 55 рабочихъ, со времени 7-й ревизіи, было сослано въ Сибирь на поселеніе, 14 на Иркутскую суконную фабрику и 76 отдано въ рекруты.

Наконецъ, въ 1836 г., во время пребыванія императора Николая I въ Казани, рабочіе всей толпой отправились къ мѣсту, гдѣ проѣзжалъ государь, и подали ему новую просьбу, повторявшую прежнія жалобы на Осокина. Для усмиренія рабочихъ были приняты крайне строгія мѣры—большинство изъ нихъ было жестоко наказаны розгами, а 51 человѣкъ удалены съ фабрики, изъ числа которыхъ годные были отданы на военную службу, а прочіе сосланы въ Сибирь [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ разрѣшилъ Осокину употреблять на фабричныя работы женщинъ и дѣтей мастеровыхъ. Но, несмотря на строгость наказанія, несмотря на то, что значительная часть рабочихъ была удалена съ фабрики, прочіе отказались дать подписку въ повиновеніи фабриканту. Когда полиціймейстеръ прибылъ на фабрику для объявленія приказа министра финансовъ—обязать работать на фабрикѣ женщинъ и дѣтей, то, „при объявленіи сего мастеровымъ, только 64 человѣка дали подписку, а прочіе, при всѣхъ его убѣжденіяхъ, отказались“. Губернаторъ лично явился убѣждать мастеровыхъ, „но люди сіи, закоснѣвши въ упорствѣ..., оказали себя и противъ его убѣжденій непреклонными, не оказывая, впрочемъ, сопротивленія въ исполненіи изъясненныхъ распоряженій“ [1]).

[1]) О волненіяхъ на фабрикѣ Осокина см. Дѣло по жалобѣ мастеровыхъ суконной фабрики Осокина въ чинимыхъ имъ притѣсненіяхъ, 16 дек.

Въ концѣ концовъ непоколебимое „упорство“ казанскихъ суконщиковъ не осталось безъ результата: въ 1849 г. они получили свободу, за которую такъ отчаянно боролись.

Такой же хроническій характеръ имѣли безпорядки рабочихъ и на Фряновской поссессіонной шелковой фабрикѣ (въ селѣ Фряновѣ, Богородскаго у.).

При этой фабрикѣ по 5-й ревизіи числилось 533 д. м. п.; въ работѣ участвовали женщины и дѣти. Начиная съ 1771 г., рабочіе подавали жалобы въ разныя присутственныя мѣста на содержателя фабрики Лазарева на недостаточность заработной платы, а также и на то, что ихъ неправильно прикрѣпили къ фабрикѣ, такъ какъ они—люди казенные.

Попытка подать жалобу императрицѣ Екатеринѣ II повела къ строгому наказанію рабочихъ, наиболѣе виновные изъ которыхъ были биты плетьми и сосланы въ Сибирь.

Несмотря на это, въ 1800 г. рабочіе опять подали просьбу императору Павлу во время пребыванія его въ Москвѣ. Въ ожиданіи отвѣта, рабочіе отказались работать на фабрикѣ, „сами собою отлучились отъ фабрики и отъ домовъ своихъ и, скитаясь толпами въ развращенномъ видѣ по разнымъ мѣстамъ, позволяли себѣ многія неустройства“. За непокорство и буйный духъ многихъ неоднократно подвергали наказанію плетьми, но рабочіе обнаруживали такое упорство, что богородскій земскій судъ офиціально высказалъ о нихъ 2 сент. 1802 г. слѣдующее мнѣніе: „Фряновскіе мастеровые, закоснѣвъ въ буйствахъ, къ повиновенію впредь владѣльцу признаются безнадежными“.

Тѣмъ не менѣе, требованія рабочихъ увеличенія имъ платы, не были, повидимому, неосновательны, такъ какъ въ томъ же 1802 г. мануфактуръ-коллегія, „усмотрѣвъ, что у Лазарева производится фабричнымъ его мастеровымъ людямъ плата недостаточная въ сравненіи съ таковою же на фабрикахъ Купавинской, Кирьякова, Секериной и Колосовой, положила предписать Лазареву, чтобы онъ сдѣлалъ соразмѣрную его мастеровымъ прибавку“.

Это обстоятельство, въ связи съ безпрерывными волненіями рабочихъ, побудило Лазарева въ 1809 г. обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о пріобрѣтеніи фабрики въ казну.

1803 г.; Дѣло по представленію казанскаго гражданскаго губернатора о разстроенномъ положеніи Осокиныхъ фабрики, 9 ф. 1808 г.; и Дѣло о Положеніи Казанской суконной фабрики Осокина, 4 части, 22 марта 1818 г. (Арх. д-та т. и м.).

„Вмѣсто того, чтобы быть обезпеченному въ правахъ моихъ,—писалъ онъ,—и въ оборотахъ къ выгодѣ моей и поддержанію въ блистательномъ существованіи столь отличной въ государствѣ мануфактуры, вовлеченъ я въ апелляціонныя тяжбы съ крѣпостными людьми, къ фабрикѣ принадлежащими, которые, не прерывая буйствъ своихъ, простерли дерзость свою до того, что осмѣлились утруждать правительствующій сенатъ нелѣпою просьбою, чтобы поступлено было со мной по силѣ указа 1803 г.“

Комитетъ министровъ отказалъ Лазареву въ его просьбѣ. Въ 1815 г. рабочіе опять подали жалобы министру юстиціи на притѣсненія владѣльца. Въ этой жалобѣ указывалось, что Лазаревъ не выполнилъ постановленій мануфактуръ-коллегіи объ увеличеніи заработной платы; рабочіе разсчитали, что Лазаревъ не доплатилъ имъ, сравнительно съ платой на Купавинской фабрикѣ, 538 тыс. рублей, которые они и просили взыскать въ ихъ пользу съ Лазарева. Кромѣ того, они просили, чтобы за порядками на фабрикѣ и за платежомъ имъ денегъ смотрѣли 6 человѣкъ, выбранныхъ ими самими изъ своей среды, а фабрика была отобрана отъ Лазарева и передана въ казну.

Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ во Фряново для составленія Положеніи все того же Бурнашева, который не замедлилъ усмотрѣть, что фабрика очень терпитъ „отъ господствующаго между фабричными духа своеволія и безначалія“. Пока составлялось Положеніе, рабочіе вновь подали просьбу на Высочайшее имя.

Это подѣйствовало. По приказанію Александра I просьба фряновскихъ рабочихъ была разсмотрѣна комитетомъ министровъ. Указомъ 2 марта 1820 г. сенатъ призналъ просьбу рабочихъ о возмѣщеніи имъ недоплаченныхъ Лазаревымъ денегъ справедливой, но такъ какъ фабричныхъ книгъ за цѣлый рядъ лѣтъ совсѣмъ не имѣлось, то Лазаревъ былъ присужденъ къ уплатѣ рабочимъ не 538 т. руб., какъ они просили, а только 33.769 р. Составленное Бурнашевымъ Положеніе было утверждено сенатомъ; § 15 Положенія вполнѣ удовлетворялъ просьбѣ фабричныхъ о выборныхъ [1]).

[1]) Фабричные выбираютъ изъ своей среды 6 старостъ для подписыванія и свидѣтельствованія книгъ по задѣльной платѣ. „Должность старосты заключается въ слѣдующемъ: 1) онъ обязанъ наблюдать, чтобы контора при выдачѣ мастеровымъ задѣльныхъ денегъ не производила несправедливыхъ вычетовъ; 2) каждый день долженъ быть при фабрикѣ дневальный староста, который и обязанъ—3) своеручно свидѣтельствовать

Вслѣдъ за введеніемъ новаго Положенія 43 фабричныхъ, наиболѣе замѣченныхъ въ буйствѣ, были, по просьбѣ Лазарева, удалены съ фабрики и переведены на Екатеринославскую казенную суконную фабрику.

Потерявши своихъ вожаковъ, фряновскіе рабочіе нѣкоторое время оставались спокойными. Но уже въ 1823 г. вновь начинаются жалобы рабочихъ на владѣльца, отославшаго всѣхъ выборныхъ старостъ, какъ возмутителей, на казенную Екатеринославскую суконную фабрику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочіе подали жалобу государю на министра финансовъ, жалуясь на то, что министръ финансовъ не удовлетворяетъ ихъ просьбъ и всегда стоитъ на сторонѣ Лазарева. На эту жалобу не послѣдовало отвѣта. Затѣмъ фабрика перешла къ купцамъ Рогожинымъ. Въ 1837 г. рабочіе подаютъ жалобу московскому генералу-губернатору князю Голицыну, министру финансовъ и въ земскій судъ на то, что Рогожины не позволяютъ имъ выбирать старостъ и даютъ слишкомъ низкую плату (на фабрикѣ работало до 800 человѣкъ вольнонаемныхъ, получавшихъ вдвое бо́льшую плату). Такъ какъ кн. Голицынъ относился вообще очень внимательно къ жалобамъ рабочихъ, то на этотъ разъ просьбы рабочихъ оказали быстрое дѣйствіе. Кн. Голицынъ предписалъ Рогожинымъ не препятствовать мастеровымъ выбрать старостъ и въ то же время назначилъ комиссію для составленія новаго Положенія для фабрики. Комиссія признала необходимость повысить плату рабочимъ на 20, 30 и болѣе % (смотря по роду труда), но такъ какъ въ это время министерство финансовъ уже измѣнило свой взглядъ на полезность такихъ Положеній, то составленное комиссіей Положеніе не было утверждено. Тѣмъ не менѣе, заработная плата рабочимъ, повидимому, была нѣсколько повышена [1]).

на ярлыкѣ, что вписанныя въ нихъ количества матеріаловъ суть тѣ самыя, кои мастеровымъ, дѣйствительно, выданы, и что выдача мастеровому задѣльной платы произведена исправно и несправедливыхъ вычетовъ за хлѣбъ, дрова и пр. не сдѣлано; 4) въ выборѣ старосты должно участвовать все общество". (§ 15 Положенія Фряновской фабрики, утвержденнаго въ 1820 г. сенатомъ).

[1]) См. Дѣло по прошенію содержателя Фряновской шелковой фабрики Лазарева о покупкѣ у него оной въ казну, 15 сентября 1809 г.; Дѣло о притѣсненіяхъ содержателя шелковой фабрики, дворянина Лазарева, мастеровымъ чинамъ, 9 февр. 1815 г.; Дѣло по прошенію коллежскаго совѣтника Ив. Лазарева о дозволеніи распустить по паспортамъ мастеровыхъ Фряновской шелковой фабрики, 27 янв. 1823 г.; Дѣло по просьбѣ

На другой крупной шелковой фабрикѣ Богородскаго уѣзда, въ селѣ Купавнѣ, которая до 1803 г. была казенной, въ этомъ году передана кн. Юсупову, а затѣмъ перешла купцамъ Бабкинымъ, были крупныя волненія рабочихъ въ 30-хъ годахъ. При этой фабрикѣ по 7-й ревизіи числилось 680 д. м. п. Въ 1834 г. былъ, какъ извѣстно, сильный неурожай, и цѣна хлѣба чрезвычайно поднялась. Въ августѣ этого года рабочіе подали жалобу министру финансовъ. Предметомъ жалобы была, главнымъ образомъ, недостаточность заработной платы. Рабочіе просили, чтобы ихъ плата была сравнена съ платою вольныхъ рабочихъ.

Вскорѣ послѣ подачи жалобы на фабрикѣ произошли крупные безпорядки. Многіе рабочіе бросили работу, и толпа мастеровыхъ явилась къ фабричной конторѣ, требуя немедленной выдачи хлѣба, который обыкновенно выдавался позже, и вмѣстѣ съ тѣмъ „съ дерзостью спрашивая, почему Бабкины ихъ имѣютъ и чтобы показали имъ указъ на право владѣнія“. Одинъ рабочій былъ арестованъ и отправленъ въ г. Богородскъ, но товарищи по дорогѣ его освободили.

Прибыла полиція и хотѣла арестовать трехъ рабочихъ, но безуспѣшно, „такъ какъ прочіе фабричные, собравшись большой толпой, рѣшительно и съ азартомъ кричали, что людей сихъ не дадутъ“, и въ заключеніе самовольно смѣнили голову и выбрали новаго.

Въ виду этого, по распоряженіи кн. Голицына, въ Купавну были отправлены 2 роты солдатъ и 30 казаковъ. 5 рабочихъ были наказаны плетьми, а съ прочихъ была потребована губернаторомъ, лично прибывшимъ въ Купавну, подписка въ повиновеніи Бабкинымъ.

Рабочіе, хотя и не сопротивлялись солдатамъ, подписки не дали [1]).

фабричныхъ мастеровыхъ купцовъ Рогожиныхъ Фряновской шелковой фабрики о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ имъ фабрикантомъ, 10 апр. 1837 г. (Арх. д-та т. и. м).

[1]) Вотъ какъ описываютъ сами рабочіе въ прошеніи министру финансовъ 28 ноября 1834 г. жестокое наказаніе своихъ товарищей. „Когда троихъ наказали, а потомъ хотѣли наказывать еще двоихъ, то заплечный мастеръ, видя, что всѣ понятые и собравшійся народъ единогласно кричали, что напрасно кровь проливаютъ, и къ тому же указъ не читали, бросилъ плети и не сталъ наказывать и прямо сказалъ капитанъ-исправнику: самъ наказывай, а солдаты также преклонили ружья, а капитанъ-исправникъ приказалъ наказывать сотскому сторонней деревни“.

Министерство финансовъ и кн. Голицынъ отнеслись къ этимъ безпорядкамъ очень различно. Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли увидѣлъ въ волненіяхъ рабочихъ только „склонность къ безначалію, которая была искони отличительной чертой поссессіонныхъ фабричныхъ, но у купавинскихъ мастеровыхъ вышла уже изъ предѣловъ терпимости, со времени ихъ поступленія во владѣніе купцовъ Бабкиныхъ, коихъ они всемѣрно хотятъ принудить къ повышенію заработной платы". Между тѣмъ, слѣдственная комиссія, назначенная кн. Голицинымъ, выяснила, что плата поссессіоннымъ рабочимъ на фабрикѣ Бабкиныхъ гораздо ниже, чѣмъ на сосѣднихъ фабрикахъ, почему и „сумма, вырабатываемая фабричными, дѣйствительно слишкомъ недостаточна". Точно такъ же, по мнѣнію комиссіи, пенсія престарѣлымъ и малолѣтнимъ сиротамъ „недостаточна для одного пропитанія".

Въ виду этого, кн. Голицынъ призналъ нужнымъ уменьшить наказаніе мастеровымъ, виновнымъ въ неповиновеніи властямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился съ просьбой къ министру финансовъ „постановить правила, въ которыхъ бы права и обязанности какъ мастеровыхъ, такъ и владѣльцевъ, опредѣлены были со всею точностью и съ соблюденіемъ взаимныхъ выгодъ, ибо симъ единственнымъ средствомъ можетъ быть устраненъ всякій поводъ къ угнетеніямъ какъ владѣльцами мастеровыхъ, такъ и сихъ послѣднихъ къ безпорядкамъ".

Для выработки Положенія была назначена комиссія, въ которую вошли чиновники министерства финансовъ и лица по назначенію кн. Голицына. Рабочіе продолжали волноваться, подали цѣлый рядъ жалобъ Канкрину, кн. Голицыну и одно прошеніе на Высочайшее имя. Главный поводъ къ жалобамъ рабочихъ, выражаясь ихъ словами, заключался „болѣе въ томъ единственно, что вольнымъ людямъ Бабкины полагаютъ платы вдвое, нежели своимъ фабричнымъ". Члены въ комиссіи отъ кн. Голицына такъ энергично выступили въ защиту рабочихъ, что Бабкины обратились къ Канкрину съ жалобой на московскаго генералъ-губернатора, говоря, что его чиновники часто посѣщаютъ фабрику, разспрашивая рабочихъ о разныхъ вещахъ, и вызываютъ этимъ волненія среди фабричныхъ. „Рабочіе дѣлаютъ противъ насъ ослушанія, портятъ нарочно наши товары и машины, выходятъ совершенно изъ повиновенія законной власти, уклоняются отъ работъ... ходятъ толпами, сбираютъ деньги и, бѣгая отъ фабрики, нанимаютъ по-

вѣренныхъ, пишутъ безпрестанно на насъ ложныя просьбы, твердя одно, что скоро они всѣ сдѣлаются вольными".

Но, несмотря на такого сильнаго заступника, какъ московскій генералъ-губернаторъ (настаивавшаго на утвержденіи Положенія, выработаннаго его чиновниками, по которому плата поссессіоннымъ рабочимъ Купавинской фабрики была сравнена съ платой вольнонаемныхъ), рабочіе не достигли своей цѣли. Канкринъ не призналъ возможнымъ утвердить новое Положеніе для Купавинской фабрики, и все осталось по старому. Въ началѣ 40-хъ годовъ рабочіе лично подавали нѣсколько просьбъ министру финансовъ, повторяя свои прежнія жалобы, но безъ всякаго для себя результата [1]).

Я говорилъ о жалобахъ рабочихъ Большой Ярославской мануфактуры на низкую плату. Рабочіе Малой Ярославской мануфактуры, принадлежавшей купцу Угличанинову, имѣли еще болѣе поводовъ къ жалобамъ, такъ какъ у нихъ плата была еще ниже, чѣмъ на фабрикѣ Яковлевыхъ. Въ 1817 г. они подали ярославскому губернатору просьбу объ увеличеніи платы, при чемъ жаловались также и на жестокости владѣльца. Губернаторъ приказалъ Угличанинову увеличить плату, и, дѣйствительно, плата была увеличена, но не надолго. При помощи вычетовъ и штрафовъ фабрикантъ вернулъ плату къ прежнему уровню, и рабочіе снова начали подавать жалобы. Весьма любопытно, что мѣстная и центральная власть относилась къ этимъ жалобамъ очень различно. Ярославское губернское правленіе въ 1824 г. признало просьбы фабричныхъ основательными и предписало, „чтобы фабричная задѣльная плата производилась не въ меньшемъ отнюдь количествѣ противъ платимой на Яковлевской фабрикѣ... и какъ всѣхъ вообще дровами и свѣчами, такъ и малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, къ работѣ уже неспособныхъ, хлѣбомъ и денежными пособіями довольствовать по примѣру той фабрики". Между тѣмъ, департаментъ мануфактуръ и торговли нашелъ, что распоряженіе ярославскаго губернскаго правленія, настаивавшаго, чтобы рабочіе Угличанинова получали такую же плату, какъ и на фабрикѣ Яковлева, „ни съ чѣмъ не сообразно", и потому полагалъ „по-

[1]) См. Дѣло объ отдачѣ кн. Юсупову въ потомственное содержаніе Купавинской шелковой фабрики, 9 сент. 1803 г.; Дѣло по всеподданнѣйшей просьбѣ кн. Юсупова о взятіи въ казну Купавинской фабрики и передачѣ кол. сов. Ліону, а напослѣдокъ купцамъ Бабкинымъ, 11 ноября 1831 г. (Арх. д-та т. и м.)

лезнѣйшимъ предписать гражданскому губернатору, не приводя въ исполненіе постановленія губернскаго правленія, употребить неослабное наблюденіе, чтобы Угличаниновъ старался о благосостояніи мастеровыхъ"; съ этимъ мнѣніемъ согласился и Канкринъ, и дальнѣйшія жалобы рабочихъ Угличанинова не имѣли никакого результата [1]).

Довольно крупные безпорядки произошли въ 1811 г. на суконной фабрикѣ Якова Гарденина въ селѣ Бондаряхъ, Тамбовскаго уѣзда. Рабочіе принесли жалобу тамбовскому губернатору, что содержатель фабрики совсѣмъ пересталъ имъ выдавать плату за работу и отобралъ въ свою пользу пашенную землю. Губернаторъ командировалъ на фабрику земскаго исправника и другихъ чиновниковъ, которые донесли ему, что рабочіе совсѣмъ „отреклись отъ работы" и послѣ увѣщанія „съ грубостью объявили, что работать на фабрикѣ не будутъ". Исправникъ попробовалъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости—арестовать главныхъ буяновъ, но фабричные ударили въ набатъ и, „стекшись во множествѣ, окружили квартиру чиновниковъ и домъ Гарденина, угрожая первыхъ убить и отбить ворота у послѣдняго". Чиновники губернатора съ большимъ трудомъ спаслись отъ раздраженной толпы и поспѣшно выѣхали изъ села. Губернаторъ отправилъ въ село воинскую команду и назначилъ слѣдственную комиссію, по мнѣнію которой, главнѣйшей причиной безпорядковъ было то, что рабочіе Якова Гарденина, видя, что на сосѣдней фабрикѣ Онуфрія Гарденина фабричное производство прекратилось, „возомнили, что и они могутъ удалиться отъ работы".

Конецъ этого волненія, по донесенію губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, былъ таковъ: „четверо изъ главныхъ зачинщиковъ наказаны кнутомъ, трое плетьми. Всѣ прочіе затѣмъ рас-

---

[1]) См. Дѣло о притѣсненіяхъ, чинимыхъ фабрикантомъ Угличаниновымъ мастеровымъ людямъ. 2 части. 1817 г. (Арх. д-та т. и. м.). Неодинаковое отношеніе центральной и мѣстной власти къ жалобамъ рабочихъ было явленіемъ весьма частымъ; я говорилъ выше, что кн. Голицынъ обнаруживалъ большое вниманіе къ этимъ жалобамъ. Точно такъже о предшественникѣ его, гр. Тормасовѣ, Бурнашевъ, командированный въ 1818 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ для осмотра фабрики, пишетъ въ своемъ донесеніи министру отъ 3 іюня 1818 г.: „Гр. Тормасовъ, къ сожалѣнію, всегда благосклонно принимаетъ вздорныя просьбы фабричныхъ и, обѣщая имъ всякое покровительство, неумышленно поощряетъ ихъ къ своевольству". Дѣло о притѣсненіяхъ Лазарева мастеровымъ чинамъ, 9 февраля 1815 г.

каялись въ своемъ заблужденіи, вступили въ фабричныя работы и дали подписку впредь повиноваться неуклонно, почему и оставлены безъ наказанія, дабы чрезъ дальнѣйшую строгость не ожесточить ихъ снова. Симъ дѣйствіемъ удержаны отъ подобныхъ безпорядковъ крестьяне и прочихъ фабрикантовъ, коихъ до 3 тысячъ душъ обоего пола выжидали только, чѣмъ кончится мятежъ первыхъ“ [1]).

Приведемъ еще одинъ изъ многихъ случаевъ фабричныхъ волненій, которыя были усмирены только съ помощью военной силы. Въ 1837 г. фабричные крестьяне при полотняной и миткалевой фабрикѣ Бровкиныхъ, Алексинск. уѣзда, Тульск. губ., отъ имени всего общества въ 337 д. м. п. подали жалобу Канкрину на разныя притѣсненія хозяина и, главнымъ образомъ, на неплатежъ денегъ за работу. По произведенному разслѣдованію выяснилось, что на фабрикѣ Бровкиныхъ работаетъ 111 муж., изъ которыхъ только 44 получаютъ плату; прочіе же, вмѣсто платы, пользуются землей, которую обрабатываютъ на себя. Несмотря на всѣ мѣры владѣльца и мѣстныхъ властей, крестьяне рѣшительно отказались работать на фабрикѣ безъ платы. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ было арестовано, другіе наказаны розгами. Тѣмъ не менѣе, рабочіе стояли на своемъ.

Тогда въ село была послана воинская команда, и 8 человѣкъ возмутителей, „въ страхъ другимъ“, было наказано плетьми въ самомъ селеніи, а затѣмъ сослано въ Сибирь. Прочіе наказаны „полицейскимъ исправленіемъ розгами“. Въ село была поставлена экзекуція—команда солдатъ, которая въ одинъ мѣсяцъ совершенно разорила село. Крестьяне были усмирены и принялись за работу, при чемъ уѣздный судъ обязалъ Бровкиныхъ подпиской, чтобы они „употребляли на фабричныя работы изъ крестьянъ только половинное число“ [2]).

Приведемъ довольно исключительный примѣръ поссессіонной фабрики, которой управляли сами рабочіе, почти безъ всякаго контроля содержателя. Красносельская бумажная фабрика близъ Петербурга была прежде казенной, но затѣмъ была передана гр. Сиверсу, отъ котораго переходила къ другимъ владѣльцамъ и въ началѣ этого вѣка принадлежала Хлѣбникову. У рабочихъ на

---

[1]) Дѣло о возникшемъ непослушаніи между фабричными городового секретаря Якова Гарденина. 26 іюня 1811 г. (Арх. д-та т. и м.).

[2]) Дѣло по жалобѣ крестьянъ поссессіонной фабрики Бровкиныхъ на притѣсненія отъ владѣльцевъ, 3 дек. 1837 г. (Арх. д-та т. и м.).

этой фабрикѣ возникали безпрестанныя столкновенія съ фабрикантами еще въ прошломъ вѣкѣ [1]). Въ 1803 г. имъ удалось заключить съ Хлѣбниковымъ крайне любопытный договоръ, утвержденный въ софійскомъ уѣздномъ судѣ. По этому договору между фабрикантомъ и мастеровыми установились слѣдующія отношенія. Рабочіе получаютъ въ свою пользу $^1/_5$ часть цѣны всей продаваемой бумаги. Сверхъ того, они получаютъ отъ хозяина даромъ дрова. Мастеровые обязываются сами за свой счетъ производить необходимый ремонтъ фабричныхъ зданій и машинъ, кромѣ „знатныхъ въ машинахъ перемѣнъ“. Цѣна продаваемой бумаги должна опредѣляться разъ въ годъ представителями хозяина и мастеровыхъ. Хозяинъ обязуется исправно поставлять тряпье (причемъ, если тряпье не будетъ доставлено, то мастеровые получаютъ отъ владѣльца опредѣленную плату за каждый прогульный день), а рабочіе обязуются выдѣлывать изъ доставляемаго тряпья не менѣе опредѣленнаго количества бумаги и притомъ хорошаго качества (въ противномъ случаѣ, бумага не принимается фабричной конторой).

Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всѣмъ ходомъ работъ на фабрикѣ завѣдывалъ мастеръ, выбранный самими рабочими (на фабрикѣ числились по 5-ой (?) ревизіи 181 д. м. п.). Распредѣленіе суммы, слѣдуемой рабочимъ, производилось ихъ собственными выборными. Продолжительность рабочаго дня на фабрикѣ устанавливалась всѣмъ обществомъ.

Отъ Хлѣбникова фабрика перешла къ помѣщицѣ Полторацкой, при которой начинаются непрерывныя жалобы содержательницы фабрики на рабочихъ, и обратно, причемъ главнымъ поводомъ къ раздорамъ былъ названный договоръ.

Полторацкая жаловалась министру внутреннихъ дѣлъ, что „мастеровые отпали отъ всякаго повиновенія, составили между собой общество, которое ими управляетъ, отклоняя всякое надъ собою начальство и никому не отдавая отчета какъ въ прогулахъ, такъ и въ хорошей отдѣлкѣ бумаги. Въ сутки болѣе они не работаютъ 4-хъ часовъ, имѣютъ, кромѣ табельныхъ, множество праздниковъ и предаются пьянству“. Въ виду этого Полторацкая просила о совершенномъ уничтоженіи договора 1803 г. или же объ утвержденіи новаго Положенія для фабрики.

Съ другой стороны, рабочіе жаловались на то, что Полто-

[1]) Объ этомъ см. Семевскій. „Крестьяне при Екатеринѣ II“. Стр. 423—429.

рацкая не исполняетъ договора, не допускаетъ къ исправленію своихъ обязанностей выбранныхъ рабочими мастеровъ и проч.

Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ для осмотра фабрики особаго чиновника, который не замедлилъ обнаружить многія „неправильности“ рабочихъ. Такъ, по донесенію этого чиновника, нѣкоего Прилуцкаго, имъ „примѣчено, что въ сей фабрикѣ иные мальчики и до 15 лѣтъ не ходятъ на работу“. Женщины совсѣмъ на ней не работали. Рабочій день, по показаніямъ самихъ рабочихъ, не превышалъ 10 ч. въ сутки.

Въ виду этихъ „неправильностей“, сенатъ въ 1813 г. утвердилъ новое Положеніе Красносельской фабрики, которое сохраняло въ силѣ договоръ 1803 г. съ тѣмъ измѣненіемъ, что: 1) мастеръ и подмастерье должны не выбираться рабочими, а назначаться содержательницей; 2) работа должна продолжаться не менѣе 12 ч. въ сутки, и 3) дѣти должны работать на фабрикѣ съ 12-лѣтняго возраста. Прочіе пункты измѣненія были несущественны.

Новое Положеніе вызвало цѣлый рядъ жалобъ рабочихъ. Въ 1814 и 1816 гг. рабочіе подали жалобы Александру I, указывая на несправедливые вычеты изъ ихъ заработной платы и прося о принятіи фабрики въ казну и выдачѣ имъ въ ссуду 100 т. р., съ тѣмъ, чтобы они сами завѣдывали фабрикой и платили бы въ казну по 15 к. съ каждой выработанной стопы бумаги.

Иными словами, рабочіе мечтали не болѣе, не менѣе, какъ объ устройствѣ собственной кооперативной фабрики — и это въ крѣпостной Россіи!

Само собою разумѣется, что просьба рабочихъ объ отдачѣ имъ фабрики въ полное пользованіе не была уважена; но жалобы на несправедливые вычеты оказали дѣйствіе. По приказанію императора, вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ, который въ засѣданіи 23 янв. 1817 г. призналъ, что Полторацкая, дѣйствительно, дѣлала значительные вычеты изъ платы рабочихъ, и постановилъ, чтобы содержательница фабрики вернула рабочимъ всю недоплаченную имъ сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ не согласился съ предложеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ—обязать мастеровыхъ подпиской о неподачѣ жалобъ, „считая сіе излишнимъ, ибо несправедливо было бы заграждать мастеровымъ путь къ жалобамъ, въ случаѣ какого-либо имъ притѣсненія“.

Рѣшеніе комитета министровъ было утверждено Александромъ I,

который приказалъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ ему лично о выполненіи постановленія комитета министровъ — о возвратѣ рабочимъ неуплаченной Полторацкой суммы 5715 р. 17 к.; эти деньги были получены рабочими въ маѣ того же года.

Естественно, что рѣшеніе комитета министровъ не понравилось Полторацкой, которая вслѣдъ затѣмъ подала нѣсколько просьбъ министру внутреннихъ дѣлъ о покупкѣ ея фабрики въ казну, отказываясь вести дѣло при томъ духѣ „независимости", который укоренился среди рабочихъ. Въ концѣ концовъ, столкновенія владѣлицы фабрики и рабочихъ привели къ разстройству фабрики и пріостановкѣ производства. Въ 1825 г. Красносельская фабрика была пріобрѣтена удѣльнымъ вѣдомствомъ; фабричное производство было прекращено, а мастеровые были признаны удѣльными [1]).

Изъ изложеннаго видно, что неповиновеніе рабочихъ владѣльцамъ было обычнымъ явленіемъ на поссесіонныхъ фабрикахъ. Это повліяло и на наше уголовное законодательство. Жалоба владѣльца полотняной и суконной фабрики Кознова на рабочаго Кулемина повела въ 1833 г. къ распространенію на владѣльцевъ фабричныхъ имѣній права ссылать въ Сибирь тѣхъ фабричныхъ крестьянъ, которые окажутся „порочными и развращеннаго поведенія" [2]). Въ Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. была включена статья, приравнивающая возстанію противъ правительственной власти неповиновеніе фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему фабрикой или заводомъ, оказанное цѣлою артелью или толпою [3]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что ликвидація фабричнаго поссессіоннаго права совершилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ рабочихъ волненій; эти волненія были такимъ же симптомомъ

---

[1]) См. Дѣло по жалобѣ приписныхъ къ бывшей генералъ-аудиторалейтенанта Хлѣбникова мастеровыхъ на чинимыя имъ нынѣшней помѣщицей Полторацкой притѣсненія, 1 дек. 1805 г.; Дѣло по жалобѣ Красносельской бумажной Хлѣбникова фабрики мастерового Ладыгина, 22 мая 1805 г.; Дѣло о неповиновеніи мастеровыхъ Красносельской бумажной фабрики Полторацкой, 19 іюня 1811 г.; Дѣло о желаніи статской совѣтницы Полторацкой продать въ казенное вѣдомство принадлежащую ей Красносельскую бумажную фабрику, 29 марта 1817 г. (Арх. д-та Т. и М.).

[2]) Высочайше утв. мнѣніе госуд. совѣта 7 окт. 1833 г. П. С. З., II изд., т. VIII, 6475.

[3]) Ст. 1791 Уложенія о наказаніяхъ, изд. 1845 г. Виновные по этой статьѣ наказывались отъ тюремнаго заключенія до наказанія плетьми и ссылки въ Сибирь на каторжныя работы.

новыхъ общественныхъ запросовъ и новыхъ общественныхъ отношеній, какъ и распространеніе новыхъ способовъ производства, сдѣлавшее работу свободными рабочими болѣе выгодной, съ чисто капиталистической точки зрѣнія, чѣмъ работа принудительнымъ трудомъ. И рабочія волненія на поссессіонныхъ фабрикахъ, и переходъ къ новымъ формамъ производства были только различными формами выраженія одного и того же эволюціоннаго процесса.

Весьма поучительно отношеніе къ этимъ волненіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства финансовъ. Весьма нерѣдко мѣстная губернская власть, бывшая въ дореформенное время подъ доминирующимъ вліяніемъ дворянства, относилась съ извѣстнымъ вниманіемъ къ жалобамъ рабочихъ. Дворянство всегда смотрѣло съ извѣстнымъ недоброжелательствомъ на успѣхи торгово-промышленнаго сословія. Напротивъ, министерство финансовъ всегда горячо отстаивало интересы фабрикантовъ. Выше уже было приведено нѣсколько случаевъ столкновеній органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ финансовъ по поводу волненій рабочихъ. Такъ, московскій генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ, нерѣдко горячо вступался за интересы рабочихъ и долженъ былъ вести изъ-за нихъ упорную борьбу съ министерствомъ финансовъ. Такое же положеніе занималъ по отношенію къ департаменту мануфактуръ и внутренней торговли и предшественникъ Голицына—Тормасовъ. Въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ Бурнашева министру внутреннихъ дѣлъ отъ 3 іюля 1818 года Тормасовъ характеризуется, какъ постоянный защитникъ рабочихъ противъ хозяевъ, всегда готовый обнадеживать первыхъ въ ихъ жалобахъ на послѣднихъ. Въ столкновеніяхъ фряновскихъ рабочихъ съ Лазаревымъ Тормасовъ, дѣйствительно, стоялъ на сторонѣ рабочихъ и даже превысилъ свою власть, приказавши Лазареву въ 1815 г. платить своимъ рабочимъ такую же плату, которую получали купавинскіе рабочіе. Въ тоже время Тормасовъ собственной властью смѣнилъ управляющаго фабрикой Лазарева, Казакевича, на жестокости котораго жаловались рабочіе. Лазаревъ подавалъ въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли жалобы на незаконныя дѣйствія генералъ-губернатора. Голицынъ также неоднократно выступалъ защитникомъ фряновскихъ рабочихъ. Такъ, въ отношеніи министру финансовъ отъ 24 іюня 1820 года Голицынъ указывалъ на необходимость увеличенія заработковъ фряновскихъ рабочихъ и признавалъ полезнымъ пред-

оставить выборнымъ рабочимъ право назначать штрафы за дурную работу. Тѣ же выборные, по мысли Голицына, должны были наблюдать и за отдачей рабочихъ въ рекруты.

Если бы предложенія Голицына были исполнены, то рабочіе, въ лицѣ своихъ выборныхъ, получили бы власть до извѣстной степени независимую отъ фабриканта. Министръ финансовъ Гурьевъ энергично воспротивился этимъ предложеніямъ, которыя поступили на разсмотрѣніе комитета министровъ, согласившагося съ министромъ финансовъ. Предложенія Голицына были отклонены.

Столкновенія Голицына съ министерствомъ финансовъ по поводу рабочихъ были вообще нерѣдки. Такъ, напримѣръ, въ половинѣ 30-хъ годовъ произошли волненія поссессіонныхъ рабочихъ на суконной фабрикѣ Соколова (въ Московской губерніи). Соколовъ пожаловался въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, который распорядился отправить въ Сибирь зачинщика волненій Ушаткина, а жалобы рабочихъ оставить безъ послѣдствій. Министръ финансовъ Канкринъ одобрилъ это рѣшеніе. Напротивъ, Голицынъ вступился за рабочихъ. Въ докладѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22 дек. 1836 г. онъ выражаетъ мнѣніе, что Ушаткинъ ни въ чемъ не виновенъ, такъ какъ жалобу на своего владѣльца онъ подалъ по просьбѣ всѣхъ своихъ товарищей. Въ виду этого Голицынъ полагалъ, что Ушаткинъ не долженъ быть ссылаемъ въ Сибирь, тѣмъ болѣе, что его ссылка раздражила бы рабочихъ. Дѣйствія департамента мануфактуръ и внутренней торговли признавались Голицынымъ поспѣшными и необдуманными. Дѣло дошло до сената, одобрившаго дѣйствія департамента.

Весьма характерно, что даже такой крайній реакціонеръ, какъ московскій генералъ-губернаторъ конца 40-хъ годовъ гр. Закревскій весьма сурово относился къ фабрикантамъ и выступалъ иногда въ роли защитника рабочихъ. Такъ, Закревскій пишетъ въ отношеніи министру финансовъ Вронченко отъ 27 апрѣля 1849 г. „Владѣльцы поссессіонныхъ фабрикъ купцы ни по образованію, ни по нравственнымъ качествамъ своимъ не представляютъ ручательства въ неупотребленіи во зло поссессіоннаго владѣнія; отсюда безпрерывныя жалобы фабричныхъ на притѣсненія хозяевъ фабрикъ“ [1]).

1) Дѣло по предположенію гр. Закревскаго о недозволеніи учреждать вновь фабрики въ Москвѣ. 22 окт. 1848. (Арх. деп. Т. и М.).

Это различіе отношенія къ рабочимъ волненіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства финансовъ объясняется слѣдующимъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, во-первыхъ, ближе стояло къ интересамъ дворянства, по преимуществу, аграрнаго класса, для котораго интересы фабрикантовъ были чужими интересами; во-вторыхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ руководствовалось полицейскими и общеполитическими соображеніями—стремленіемъ устранить поводы къ нарушеніямъ государственнаго порядка, а рабочія волненія являлись такимъ нарушеніемъ порядка. Какъ мы увидимъ ниже, вплоть до новѣйшаго времени полицейскія и политическія соображенія играютъ первенствующую роль въ созданіи нашего фабричнаго законодательства, почему министерству внутреннихъ дѣлъ принадлежала иниціатива многихъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ защитѣ интересовъ рабочихъ. Напротивъ, министерство финансовъ, какъ органъ, представляющій интересы промышленности, отождествляло эти интересы съ интересами крупныхъ предпринимателей и выступало защитникомъ фабрикантовъ въ ихъ столкновеніяхъ съ рабочими.

ГЛАВА V.

Дореформенное фабричное законодательство.

Проектъ 1811 г. учрежденія особаго сословія фабричныхъ мастеровыхъ.—Жалобы фабрикантовъ на оставленіе крѣпостными работъ. — Проектъ 1832 г. кн. Голицына.—Сочувственное отношеніе Голицына къ рабочимъ.—Оппозиція проекту московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ.—Законъ 1835 г.—Мѣры министерства финансовъ къ улучшенію положенія фабричныхъ рабочихъ.—Оппозиція фабрикантовъ.—Полный неуспѣхъ этихъ мѣръ.—Первый законъ, ограничивавшій работу малолѣтнихъ, 1845 г.—Его странная судьба.—Проектъ кн. Щербатова.—Проектъ гр. Закревскаго.—Правила Закревскаго для фабричной работы въ Москвѣ.—Отношенія къ этимъ правиламъ мануфактурнаго совѣта и министерства финансовъ.—Дальнѣйшая судьба этихъ правилъ.

Вольнонаемные рабочіе уже въ началѣ XIX вѣка составляли около половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ, а во второй четверти нашего вѣка число ихъ должно было сильно увеличиться. Несмотря на это, юридическое положеніе этихъ рабочихъ, вплоть до 30-хъ годовъ, оставалось крайне неопредѣленнымъ. Какъ мы видѣли, въ прошломъ столѣтіи фабрика была мѣстомъ пристанища по преимуществу бѣглыхъ крестьянъ и разнаго сброда, не находившаго себѣ другого заработка. Въ XIX вѣка крестьяне попрежнему составляли главный контингентъ фабричныхъ рабочихъ,—лѣтомъ они возвращались въ деревню, а зимой работали на фабрикѣ. Хотя въ это время пріисканіе рабочихъ для фабрикъ и не представляло такихъ непреодолимыхъ трудностей, какъ въ прошломъ столѣтіи, тѣмъ не менѣе однимъ изъ существенныхъ тормазовъ развитія нашей фабрики было отсутствіе подготовленнаго рабочаго персонала.

Извѣстно, что уже съ начала этого столѣтія наше правительство начинаетъ стремиться къ уничтоженію крѣпостного права. Учитель великихъ князей Константина и Николая Павловичей

извѣстный экономистъ Шторхъ прямо заявлялъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи, что „если, несмотря на всѣ поощренія промышленности въ теченіе полутора столѣтій, она до сихъ поръ сдѣлала такъ мало успѣховъ, то виной является преимущественно рабство. Вотъ основная причина, задерживающая ростъ русской промышленности... Въ промышленности превосходство свободнаго рабочаго надъ рабомъ еще болѣе очевидно, чѣмъ въ земледѣліи“ [1]).

Признавая необходимость распространенія вольнонаемной работы на фабрикахъ, правительство попыталось въ 1811 г. помочь затрудненіямъ фабрикантовъ въ пріисканіи свободныхъ рабочихъ путемъ созданія особаго класса фабричныхъ рабочихъ. Съ этой цѣлью министерство внутреннихъ дѣлъ выработало интересный проектъ „Положенія объ учрежденіи особаго состоянія свободныхъ мастеровъ“, который разсматривался въ государственномъ совѣтѣ, но не получилъ силы закона.

Проектъ этотъ интересенъ тѣмъ, что онъ характеризуетъ отношеніе правительства къ вопросу о вольнонаемныхъ фабричныхъ рабочихъ. Сословіе свободныхъ мастеровъ должно составиться, согласно проекту, изъ свободныхъ людей, обучившихся какому-либо мастерству (§ 1 проекта), причемъ чернорабочіе не могутъ входить въ составъ этого сословія. Свободные мастеровые пользуются нѣкоторыми привилегіями (дома ихъ освобождаются отъ налоговъ, городскихъ повинностей и пр., §§ 10—12), но вмѣстѣ съ тѣмъ они находятся въ полной зависимости отъ фабрикантовъ; имъ выдаются паспорта лишь по предъявленіи отъ тѣхъ фабрикантовъ, у которыхъ они работали раньше, особыхъ аттестатовъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ искусствѣ и поведеніи на фабрикѣ (§§ 15—17) [2]).

Этотъ пунктъ достаточно характеренъ. Проектъ, какъ сказано, не имѣлъ успѣха, и вопросъ объ отношеніяхъ рабочихъ къ фабрикантамъ оставался, говоря канцелярскимъ языкомъ, „неупорядоченнымъ“. Эта „неупорядоченность“ была крайне неудобна для фабрикантовъ. Главнымъ предметомъ жалобъ фабрикантовъ было

---

[1]) H. Storch, „Cours d'Economie Politique. St.-Pétersbourg, 1815. Томъ IV. стр. 307, 319.

[2]) Дѣло по письму министра внутреннихъ дѣлъ государственному секретарю о проектѣ положенія касательно пріобрѣтенія не-дворянами къ суконнымъ фабрикамъ деревень, 21 января 1811 г. Арх. д-та Торг. и Мануф. Этотъ проектъ приведенъ у Нисселовича. „Исторія фабрично-заводскаго законодательства“, II, 80—81.

то, что крѣпостные крестьяне, нанимавшіеся на извѣстный срокъ на фабрики, сплошь и рядомъ покидали работу до срока подъ предлогомъ приказанія своего помѣщика вернуться въ деревню. С.-Петербургская мануфактурная выставка 1829 г., на которую собралось много фабрикантовъ, дала поводъ московскимъ и владимірскимъ фабрикантамъ обратиться съ жалобой по этому поводу къ министру финансовъ. Министръ запросилъ мануфактурный совѣтъ, который призналъ, что, пока помѣщикамъ не будетъ запрещено требовать до истеченія срока паспорта своихъ крестьянъ обратно въ деревню, „до тѣхъ поръ всѣ мѣры, предпринимаемыя къ отвращенію сего неудобства, будутъ недѣйствительны".

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ ограниченіе власти помѣщика затрогивало интересы дворянскаго сословія, правительство дѣйствовало съ крайней осторожностью и не принимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для удовлетворенія желанія фабрикантовъ. Фабриканты продолжали жаловаться на самовольныя отлучки рабочихъ [1]). Изъ сообщенія московскаго генералъ-губернатора князя Голицына отъ 1832 г. видно, что на московскихъ фабрикахъ какъ хозяева, такъ и рабочіе „подавали безпрестанные жалобы другъ на друга мѣстному начальству". Такъ какъ рабочіе работали на фабрикахъ безъ письменныхъ условій, то мѣстныя власти были поставлены въ крайнее затрудненіе при разборѣ этихъ жалобъ. Въ виду этого кн. Голицынъ предложилъ московскому отдѣленію мануфактурнаго совѣта обсудить выработанный имъ проектъ мѣръ для прекращеній взаимныхъ жалобъ хозяевъ и рабочихъ.

Этотъ проектъ представляетъ большой интересъ. Въ немъ ярко отразилось то отношеніе къ рабочему вопросу министерства внутреннихъ дѣлъ, о которомъ Я только что говорилъ. Въ проектѣ кн. Голицына хотя и удовлетворяется желаніе фабрикантовъ, чтобы помѣщикъ не имѣлъ права требовать къ себѣ крѣпостного, работающаго на фабрикѣ, до истеченія срока паспорта (§ 1), но вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляется цѣлый рядъ требованій къ фабрикантамъ, которыя должны были очень не понравиться послѣднимъ. Такъ, владѣльцамъ фабрикъ поставляется въ непремѣнную обязанность завести особыя книги для записыванія какъ условій найма рабочихъ, такъ и всѣхъ разсчетовъ съ послѣдними; рабочіе должны получать особые „рядные листы" — выписки изъ книги (§ 2).

[1]) См., напр. прошеніе шуйскаго градскаго головы Балашова въ мануфактурный совѣтъ. Дѣло объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ ихъ работникамъ, 24 августа 1829 г. Часть I. Арх. д-та Т. и М.

Смыслъ этого требованія расъясняется слѣдующимъ параграфомъ. „Мѣры, постановленныя въ предыдущихъ статьяхъ, тѣмъ болѣе нужны, что частыя жалобы рабочихъ на хозяевъ и обратно большей частью происходятъ отъ безпорядка въ веденіи счетовъ на заведеніяхъ и *несправедливостей самихъ хозяевъ*. А у аккуратныхъ и честныхъ хозяевъ и нынѣ рабочіе весьма рѣдко входятъ къ начальству съ жалобами“ (§ 4). Въ случаѣ несоблюденія фабрикантомъ § 2-го, полиція разсчитываетъ рабочаго и удовлетворяетъ его *по его собственнымъ показаніямъ* (§ 3). Въ каждомъ заведеніи должно быть вывѣшено на стѣнѣ печатное или письменное объявленіе, „какимъ обязанностямъ подвергается рабочій при вступленіи на фабрику“ (§ 5). „Прекращеніе перехода рабочихъ отъ одного хозяина къ другому, безъ разсчета, предоставляется предусмотрительности самихъ хозяевъ, которые имѣютъ для того всѣ средства“ (§ 6). Весь проектъ состоялъ изъ 7 параграфовъ (§ 7 имѣетъ чисто формальный характеръ и не представляетъ интереса) [1]).

---

[1]) Дѣло объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ ихъ работникамъ. Часть I. Пожалуй, иной читатель увидитъ въ проектѣ Голицына подтвержденіе теоріи нѣкоторыхъ русскихъ экономистовъ о вліяніи „дружелюбія“ на фабричное законодательство. Такому читателю я позволю себѣ напомнить слѣдующее: кн. Голицынъ, вельможа и представитель богатаго барства, насколько мнѣ извѣстно, не былъ фабрикантомъ, и потому съ его стороны не требовалось большого самоотреченія для составленія подобныхъ проектовъ; если бы такой проектъ исходилъ отъ фабрикантовъ, тогда, дѣйствительно, можно было бы заговорить о „дружелюбіи“. Но фабриканты (у насъ, какъ и въ Западной Европѣ) не только не занимались сочинительствомъ подобнаго рода, но, въ большинствѣ случаевъ, очень упорно боролись противъ всякой законодательной регламентаціи фабричной работы. Проектъ Голицына интересенъ въ особенности тѣмъ, что указываетъ на извѣстную аналогичность развитія фабричнаго законодательства у насъ и на Западѣ. И въ Англіи однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ вождей партіи 10-часового рабочаго дня былъ крупный землевладѣлецъ, аристократъ лордъ Эшли (впослѣдствіи графъ Шефтсбюри)... Всѣ фабричные законы въ Англіи прошли въ парламентѣ только благодаря поддержкѣ консерваторовъ—землевладѣльческаго класса, при рѣзкой оппозиціи либераловъ—буржуазіи. Само собою разумѣется, что у насъ не наблюдалось ничего подобнаго борьбѣ англійскихъ политическихъ партій, но классовые интересы дѣйствовали и у насъ, и потому вполнѣ понятно, что наша земельная аристократія, поскольку она не принимала участія въ промышленныхъ предпріятіяхъ, обнаруживала склонность вступиться за интересы рабочихъ въ той сферѣ, которая стояла внѣ ея собственныхъ интересовъ. Къ крѣпостному праву отношеніе нашего дворянства было иное.

Таковъ былъ проектъ кн. Голицына—проектъ, нужно признаться довольно необыкновенный. Голицынъ препроводилъ его въ Московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта для обсужденія.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство членовъ отдѣленія изъ представителей купечества энергично высказались противъ всѣхъ параграфовъ проекта, кромѣ перваго. Особенно возражали противъ §§ 3, 4 и 5. Такъ, относительно § 4 четверо представителей купечества, Куманинъ, Урусовъ, Веретенниковъ и Бессъ, „объяснили, что по извѣстности имъ лицъ, имѣющихъ мануфактурныя заведенія, не было имъ даже случая узнать, чтобы мастеровые приносили жалобы на невѣрный разсчетъ". По поводу § 5 тѣ же члены находили, что „государство и промышленность болѣе пріобрѣтаютъ пользы, когда фабриканты будутъ болѣе трудиться для самого дѣла. Достигнувшій желаемыхъ успѣховъ по дѣламъ своимъ самъ, произвольно, введетъ лучшій порядокъ, не по нуждѣ". Вообще же, все отдѣленіе въ совокупности пришло къ заключенію, что „исполненіе предположенныхъ мѣръ... не принесетъ фабрикантамъ той пользы, которую имѣло въ виду начальство, и затруднитъ мелкія фабрики, которыя составляютъ значительную промышленность".

Болѣе рѣзкому осужденію подвергся проектъ Голицына со стороны членовъ с.-петербургскаго мануфактурнаго совѣта. Такъ, членъ совѣта Метлевъ призналъ § 4 „прямо оскорбительнымъ для почтеннаго сословія хозяевъ мануфактуръ".

Такимъ образомъ, купечество и фабриканты, въ лицѣ своихъ представителей (мануфактурнаго совѣта и московскаго отдѣленія совѣта), выступили противъ проекта князя Голицина. Судьба этого проекта очень поучительна. Мануфактурный совѣтъ, по предложенію министра финансовъ, пересмотрѣлъ этотъ проектъ, исправилъ его въ желательномъ для фабрикантовъ смыслѣ и въ этомъ видѣ проектъ былъ представленъ въ государственный совѣтъ и Высочайше утвержденъ 24 мая 1835 г.

Такимъ образомъ возникло „Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми, поступающими на оныя по найму". Положеніе это было первымъ нашимъ фабричнымъ закономъ, регулировавшимъ отношенія хозяевъ фабрикъ къ ихъ вольнонаемнымъ рабочимъ. Оно состоитъ изъ 10 статей. Всѣмъ лицамъ податного состоянія предоставлено право наниматься на фабрику по полученіи узаконеннаго паспорта, на срокъ не свыше срока паспорта (ст. 1). До истеченія договорнаго срока ра-

бочій не имѣетъ права оставлять работу или требовать прибавки задѣльной платы; точно также начальство, выдавшее паспортъ, или владѣлецъ не имѣютъ права требовать обратно рабочаго до истеченія срока договора (ст. 2). Хозяину же предоставляется право отпустить рабочаго и до срока договора „по причинѣ невыполненія имъ обязанностей или дурного поведенія“, причемъ хозяинъ долженъ объявить рабочему объ увольненіи за 2 недѣли (ст. 3). Хозяевамъ предоставлено на ихъ усмотрѣніе заключать при наймѣ рабочаго письменныя условія или выдавать имъ особые разсчетные листы. Во всякомъ случаѣ, они обязаны имѣть особую книгу для записыванія разсчетовъ съ рабочими (ст. 5). Правила о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ на фабрикѣ, должны быть вывѣшены въ ней (ст. 6). При разборѣ споровъ между хозяевами фабрикъ и рабочими принимаются въ основаніе означенныя правила для фабрикъ, разсчетные листы и книги (ст. 7) [1]).

Это положеніе первоначально было введено въ дѣйствіе только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, но затѣмъ его дѣйствіе было распространено на большинство промышленныхъ губерній Россіи. Если сравнить его съ первоначальнымъ проектомъ Голицына, то легко замѣтить, что интересы фабрикантовъ получили рѣшительный перевѣсъ. По закону 1835 г., рабочій лишается права оставлять хозяина до срока договора, даже если хозяинъ и не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ рабочему, а хозяину предоставляется во всякое время удалить рабочаго, не только за неисполненіе обязанностей, но даже и за „дурное поведеніе“. Отъ хозяина требуется, чтобы онъ имѣлъ разсчетную книгу, но выдача разсчетныхъ листовъ или заключеніе письменныхъ условій съ рабочими для него не обязательны. Требованіе разсчетной книги, такъ же какъ и требованіе вывѣшиванія правилъ о порядкѣ работъ на фабрикѣ, очевидно, должны были остаться мертвой буквой, такъ какъ за несоблюденіе этихъ статей закона хозяину не грозило никакое наказаніе и въ законѣ не указывалось, чѣмъ должны руководствоваться власти при разборѣ жалобъ рабочихъ на хозяевъ, если у послѣднихъ не имѣется разсчетныхъ книгъ и правилъ. Зато законъ 1835 г. совершенно обезпечилъ фабриканта отъ преждевременнаго ухода рабочаго по вызову его владѣльца или власти, выдавшей паспортъ,—и такимъ образомъ главное требованіе фабрикантовъ было вполнѣ удовлетворено.

---

[1]) П. С. З. II изд., т. X, 8157.

Таковъ былъ первый шагъ нашего правительства въ области фабричнаго законодательства. Мы видимъ, что этотъ шагъ былъ вызванъ взаимными жалобами фабрикантовъ и рабочихъ другъ на друга. Жалобы и недовольство рабочихъ не прекращались и послѣ изданія закона 1835 г.—что и понятно, ибо законъ этотъ отнюдь не устранилъ поводовъ къ жалобамъ. Въ виду этого, министръ финансовъ Канкринъ, въ концѣ 1835 г., представилъ всеподданнѣйшую записку Николаю Павловичу по вопросу о мѣрахъ къ улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ. Эта записка начиналась слѣдующими словами: „Ваше Императорское Величество неоднократно изволили отзываться, сколько желательно дать лучшее направленіе нравственному образованію рабочаго класса людей на фабрикахъ и оградить ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своевольнаго иногда обращенія хозяевъ, не ослабляя, впрочемъ, власти ихъ, необходимой для порядка и благоустройства заведеній". Съ этой цѣлью Канкринъ предлагаетъ въ своей запискѣ предложить московскому отдѣленію мануфактурнаго совѣта внушить московскимъ фабрикантамъ, чтобы они приняли мѣры къ улучшенію условій работы на фабрикахъ [1]). Никакихъ опредѣленныхъ требованій къ фабрикантамъ не предъявлялось, но Канкринъ до такой степени опасался вызвать неудовольствіе фабрикантовъ, что въ своей за-

1) Вотъ что должно было „внушить" московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта:

1) „Чтобы содержатели фабрикъ въ Москвѣ пеклись о чистотѣ воздуха въ мастерскихъ и рабочихъ палатахъ, не дозволяли въ оныхъ оставаться рабочимъ по ночамъ и имѣли бы для сего отдѣльные покои.

2) „Чтобы мужчины и женщины имѣли для ночлега отдѣльныя и не слишкомъ тѣсныя помѣщенія.

3) „Чтобы на заведеніяхъ, гдѣ рабочихъ до 50 человѣкъ, былъ особый покой съ двумя кроватями и нужнымъ приборомъ, до 100 человѣкъ—съ 4-ми и т. д.

4) „Чтобы малолѣтнія дѣти не подвергаемы были изнуренію слишкомъ продолжительной дневной работой, чтобы ихъ хозяева, по мѣрѣ удобности, пеклись объ ученіи, состоянію ихъ свойственномъ.

5) „Чтобы фабриканты имѣли попеченіе, дабы артели работниковъ получали свѣжую и добротную пищу.

6) „Чтобы хозяева старались удерживать рабочихъ отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, изыскивая притомъ способы, чтобы заработанныя ими деньги доходили до семействъ сихъ рабочихъ, наблюдая равномѣрно за нравственностью между рабочими на самыхъ фабрикахъ, и особенно тамъ, гдѣ занимаются многія жены нижнихъ воинскихъ чиновъ". (Дѣло о мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ, 5 сент. 1835. Арх. д-та Т. и М.).

пискѣ онъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о томъ, что „внушенія сіи члены московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта обязаны производить съ кротостью и нужной осторожностью, дабы не возбудить въ работникахъ преждевременныхъ притязаній и духа неповиновенія и ропота“. Записка заканчивается слѣдующими, довольно-таки наивными словами: „Министръ финансовъ остается въ пріятной увѣренности, что всѣ фабриканты, зная волю своего государя и чувствуя сами благодѣтельную цѣль сихъ распоряженій, употребятъ всѣ усилія соотвѣтствовать симъ Высочайшимъ предположеніямъ“ [1]).

На этой запискѣ императоръ Николай сдѣлалъ собственноручную надпись: „Прекрасная мысль; стоитъ повсемѣстнаго введенія“. Какъ же исполнили фабриканты „волю своего государя? Оправдалась ли увѣренность министра финансовъ?

Записка Канкрина поступила прежде всего на обсужденіе московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Отдѣленіе рѣшительно высказалось противъ того пункта записки, по которому фабрикантамъ предлагается не оставлять рабочихъ ночевать на фабрикахъ. По словамъ отдѣленія, на всѣхъ московскихъ фабрикахъ, кромѣ очень немногихъ, рабочіе ночуютъ въ самыхъ рабочихъ помѣщеніяхъ, и, по мнѣнію отдѣленія, это только полезно для рабочихъ, такъ какъ „наблюденіе за чистотою воздуха въ мастерскихъ комнатахъ, гдѣ каждый рабочій отдѣленъ отъ другого станомъ, столомъ или другимъ какимъ-либо снарядомъ, гораздо легче, чѣмъ въ особыхъ казармахъ, гдѣ воздухъ отъ массы людей неминуемо долженъ портиться“ [2]).

Тѣмъ не менѣе, московское отдѣленіе, во исполненіе Высочайшей воли, выбрало 3 своихъ членовъ для обозрѣнія фабрикъ... и этимъ ограничило свою дѣятельность. Черезъ 4 года предсѣдатель отдѣленія запрашиваетъ министра финансовъ, „слѣдуетъ ли отдѣленію привести въ исполненіе предпринятыя имъ прежде мѣры, или все сіе оставить въ настоящемъ положеніи“. Все осталось по старому. Наконецъ, уже въ 1844 г., новый предсѣдатель

[1]) Дѣло о мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ, 5 сентября 1835 г. Арх. д-та Т. и М.

[2]) Въ 30-хъ годахъ въ англійской литературѣ часто цитировалось, какъ доказательство ужаснаго положенія рабочихъ на фабрикахъ, показаніе одного рабочаго, что ихъ постели на фабрикѣ никогда не остывали—работа шла круглыя сутки, и пока работала одна смѣна, другая спала въ тѣхъ же постеляхъ. Насколько хуже положеніе русскаго рабочаго, который совсѣмъ не имѣлъ, да и теперь часто не имѣетъ постели!

отдѣленія, баронъ Мейендорфъ сообщаетъ министру финансовъ (уже не Канкрину, а его преемнику, Вронченко), что „въ результатѣ двухлѣтнихъ его усилій не болѣе 20 самыхъ благонамѣренныхъ въ Москвѣ фабрикантовъ послѣдовало внушеніямъ отдѣленія, принявъ, по возможности, къ исполненію Высочайшую волю. Дѣйствія мои въ семъ дѣлѣ всегда были самыя осторожныя. При личномъ обозрѣніи фабрикъ первою обязанностью вмѣняю себѣ внушать фабричнымъ повиновеніе хозяевамъ". Мѣры, принятыя Мейендорфомъ, удостоились полнаго одобренія Вронченко, еще разъ рекомендовавшаго „дѣйствовать съ крайней осторожностью, въ предупрежденіе какъ неудовольствія фабрикантовъ, такъ и притязаній рабочихъ, которые по необразованности и неразумѣнію могутъ придать положительному вмѣшательству ложный толкъ".

Въ нашей экономической литературѣ обыкновенно начинаютъ исторію фабричнаго законодательства, регулирующаго работу на фабрикахъ и продолжительность рабочаго дня, съ закона 1882 г. Однако, первый законъ о малолѣтнихъ рабочихъ вышелъ гораздо ранѣе—еще въ николаевскую эпоху,—въ 1845 г. Правда, когда въ 1840 г. англійскій посолъ обратился къ русскому правительству съ оффиціальнымъ запросомъ — какія существуютъ въ Россіи постановленія относительно занятій на фабрикѣ дѣтей, наше правительство отвѣчало на этотъ запросъ слѣдующей уклончивой фразой: „Какъ въ Россіи производство фабричное еще не приняло весьма большого развитія, то на нашихъ заведеніяхъ еще не очень много работающихъ дѣтей, и въ положительныхъ законахъ о мѣрѣ работы и другихъ обстоятельствахъ еще не было настоятельной надобности" [1]).

Однако, необходимость въ такихъ законахъ почувствовалась очень скоро. Въ 1844 г. на огромной Вознесенской бумагопрядильнѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Москвы, произошли очень крупныя волненія рабочихъ, потребовавшія вмѣшательства вооруженной силы. Волненія эти вызвали особое правительственное разслѣдованіе, обнаружившее, что всѣ московскія фабрики широко пользовались дѣтскимъ трудомъ. На 23-хъ московскихъ бумагопрядильняхъ работало 2100 дѣтей; работа на всѣхъ этихъ фабрикахъ шла круглыя сутки—днемъ и ночью, причемъ ночью работали какъ взрослые, такъ и дѣти. Обнаруженные факты крайняго злоупотребленія дѣтской работой повели къ изданію 7 августа 1845 г. Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, за-

1) Дѣло о мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ, 5 сент. 1835 г. (Арх. д-та Т. и М.).

противша́го ночную работу на фабрикахъ малолѣтнимъ до 12-лѣтняго возраста [1]).

Судьба этого закона была какая-то странная. Никакихъ карательныхъ мѣръ за нарушеніе его опредѣлено не было, правила надзора за исполненіемъ его также не были указаны. Не удивительно, поэтому, что законъ никакого практическаго значенія не имѣлъ; но странно, что онъ совсѣмъ не попалъ въ „Сводъ законовъ“ и былъ необыкновенно скоро совершенно забытъ; правительственныя комиссіи 60-хъ годовъ и послѣдующія, разрабатывавшія вопросъ о запрещеніи ночной работы малолѣтнихъ, и не вспоминаютъ объ этомъ законѣ, какъ будто бы его совсѣмъ не было. Также не нашелъ я указанія на этотъ законъ въ книгахъ и статьяхъ, посвященныхъ исторіи нашего фабричнаго законодательства. Его нѣтъ въ „Систематическомъ Указателѣ русскихъ фабричныхъ законовъ“, изданномъ въ 1886 г. комиссіей, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ. Повидимому, хотя законъ этотъ не былъ отмѣненъ послѣдующими законоположеніями, онъ никогда не соблюдался на практикѣ и былъ совершенно неизвѣстенъ правительственной власти въ періодъ выработки новѣйшаго фабричнаго законодательства. Законъ этотъ остался погребеннымъ въ „Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи“, пока я не извлекъ его изъ мрака забвенія въ первомъ изданіи настоящей работы.

Въ томъ же 1845 году были изданы другія постановленія, близко касавшіяся фабричныхъ рабочихъ и имѣвшія вполнѣ реальное практическое значеніе. Я имѣю въ виду нѣкоторыя статьи „Уложенія о Наказаніяхъ“ 1845 г. (мнѣ уже случалось о нихъ упоминать), значительно усилившихъ наказаніе за рабочія волненія. По ст. 1791-ой новаго Уложенія „въ случаѣ явнаго неповиновенія фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему заводомъ, оказаннаго цѣлой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ“ (т. е. отъ ареста до каторжной работы). Ст. 1792-я того же Уложенія впервые установила у насъ наказанія за стачки рабочихъ (зачинщики—аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, прочіе—отъ 7 дней до 3 недѣль).

Комиссія, составившая проектъ новаго Уложенія о наказаніяхъ, дѣлаетъ относительно статьи 1792-ой (по проекту ст. 1731) слѣдующее лаконическое, но весьма выразительное замѣчаніе: „Постановленіе сей статьи заимствовано изъ законодательства

[1]) П. С. З. XX, 19262.

иностраннаго. Необходимость или, по крайней мѣрѣ, пользу онаго, кажется, не нужно доказывать. Взысканіе здѣсь полагается довольно умѣренное, потому что умышленное или приводимое въ дѣйствіе принужденіе хозяевъ не соединено съ буйствомъ“ [1]). Когда же слѣдуетъ буйство, то рабочіе подвергаются наказанію по предыдущей статьѣ, т.-е. вплоть до каторжныхъ работъ.

Введеніе этихъ двухъ статей въ Уложеніе о наказаніяхъ весьма характерно: уже изъ одного факта крайней строгости наказанія по ст. 1791 можно было бы съ увѣренностью заключить, что рабочія волненія были нерѣдкимъ явленіемъ въ Николаевской Россіи и внушали большія опасенія правящимъ сферамъ. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, 30-ые и 40-е годы отличаются частыми волненіями фабричныхъ рабочихъ, возникавшими, главнымъ образомъ, на почвѣ принудительныхъ отношеній рабочихъ къ хозяевамъ поссессіонныхъ и вотчинныхъ фабрикъ. Правительство Николая I привыкло видѣть въ фабричныхъ рабочихъ крайне неблагонадежную въ политическомъ смыслѣ общественную группу, которую можно держать въ порядкѣ лишь мѣрами строгости.

Я говорилъ выше о жалобахъ рабочихъ, подавшихъ поводъ Голицыну составить свой проектъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ жалобы стали особенно часты. Поводы къ нимъ, по словамъ мануфактурнаго совѣта, были слѣдующіе: 1) платежъ со стороны нѣкоторыхъ фабрикантовъ рабочимъ не деньгами, но фабричными издѣліями; 2) негодность харчей; 3) штрафы и разные произвольные вычеты изъ заработной платы (за станы, снаряды, свѣчи, ретирадныя мѣста, чистку мостовой и пр.) [2]). Подъ вліяніемъ этихъ жалобъ, московскій генералъ-губернаторъ князь Щербатовъ составилъ въ 1847 году проектъ разсчетной тетради по найму рабочихъ и письменнаго условія, которое рабочіе обязательно должны были заключать съ хозяиномъ. Хотя по этому проекту почти за всякое дѣйствіе рабочаго, непріятное хозяину, грозило „наказаніе въ полиціи“, тѣмъ не менѣе мануфактурный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго поступилъ проектъ, высказался противъ него: требованіе письменныхъ условій опредѣленной формы совѣтъ признавалъ крайне стѣснительнымъ для фабрикантовъ.

---

[1]) Проектъ новаго Уложенія о наказаніяхъ, стр. 1127.

[2]) Дѣло по отношенію московскаго военнаго генералъ-губернатора объ опредѣленіи правилъ объ отношеніяхъ между фабричными рабочими и подрядчиками, 23 декабря 1847 г. Арх. д-та Т. и М.

Между тѣмъ наступилъ знаменательный 1848 годъ. Хотя Россія осталась совершенно незатронутой революціоннымъ движеніемъ, тѣмъ не менѣе правительственныя сферы стали относиться съ крайней подозрительностью ко всему, что такъ или иначе казалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи.

Уже съ 30-хъ годовъ въ нашихъ правительственныхъ сферахъ появляется мысль, что фабричные рабочіе являются элементомъ, внушающимъ опасенія съ политической точки зрѣнія; отсюда естественно получался выводъ, что увеличеніе числа фабрикъ, особенно въ столицахъ, отнюдь не желательно. Министерство финансовъ, было, однако, другого мнѣнія. „Въ Западной Европѣ,—читаемъ во всеподданнѣйшей запискѣ Канкрина императору Николаю, отъ 1 ноября 1834 года,—въ рабочихъ вкоренился и усиливается духъ неудовольствія, отчасти и наклонность къ внезапнымъ порывамъ... Такъ мы видимъ, что Ліонъ, принеся толикія пожертвованія для монархіи, въ послѣднее время совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался городомъ совсѣмъ безпокойнымъ... Мы видѣли въ Англіи извѣстныя возмущенія въ Бирмингамѣ и другихъ фабричныхъ городахъ, особливо при томъ сосредоточіи въ немногихъ рукахъ сельской собственности, существующемъ въ семъ государствѣ. Наконецъ, отъ сего же происходитъ примѣчаемый во многихъ мѣстахъ духъ коалиціи рабочихъ... У насъ, однако, положеніе дѣла въ семъ отношеніи совсѣмъ другое, ибо работники на городскихъ фабрикахъ почти исключительно состоятъ изъ приходящихъ крестьянъ, или имѣютъ у себя дома хлѣбопашество... и при остановкѣ работъ возвращаются домой... Обстоятельство сіе доказываетъ, что умноженіе у насъ фабрикъ гораздо выгоднѣе и безопаснѣе, нежели въ другихъ государствахъ, что хозяева фабрики, съ одной стороны, не могутъ имѣть столько вліянія на своихъ рабочихъ, а съ другой стороны—сіи послѣдніе не составляютъ опаснаго цѣлаго; первые же по собственному интересу привязаны вездѣ къ существующему порядку... Посему нѣтъ причины противодѣйствовать у насъ сосредоточію фабрикъ“ [1]).

Но взгляды министерства финансовъ раздѣлялись далеко не всѣми. Въ 1848 году, когда правительство Николая I было встревожено революціоннымъ движеніемъ за границей, вопросъ о политической опасности скопленія фабричныхъ рабочихъ въ Москвѣ выдвинулся

---

[1]) Дѣло по Высочайшему повелѣнію о мѣрахъ къ усиленію мануфактурной промышленности въ городахъ, 1 янв. 1835 г. Арх. д-та Т. и М.

на первый планъ. Московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій представилъ по этому вопросу обширную записку государю. „Бо́льшая часть московскихъ фабрикъ,— говоритъ Закревскій въ этой запискѣ—устроена самовольно, безъ надлежащаго дозволенія со стороны начальства... Кромѣ 36 тысячъ фабричныхъ, въ Москвѣ считается временныхъ цеховыхъ, вольноопущенниковъ и дворовыхъ 37 тысячъ человѣкъ. Всѣ эти люди состоятъ въ знакомствѣ, пріязни и даже родствѣ съ фабричными людьми. Для охраненія тишины и благоденствія, коими въ настоящее время наслаждается одна Россія, правительство не должно допускать скопленія бездомныхъ и безнравственныхъ людей, которые легко пристаютъ къ каждому движенію, нарушающему общественное или частное спокойствіе“. Въ виду этого Закревскій, ссылаясь на одну старинную статью закона [1]), полагалъ нужнымъ совершенно запретить устройство въ Москвѣ новыхъ фабрикъ и заводовъ, а уже существующимъ заведеніямъ не дозволять расширенія производства—увеличенія числа становъ, печей и рабочихъ.

Записка Закревскаго удостоилась Высочайшаго одобренія, и Николай сдѣлалъ на ней собственноручную надпись: „Весьма важно, сообразить въ комитетѣ министровъ“. Такимъ образомъ, по совершенно особымъ мотивамъ, наше правительство было готово отступить отъ своей традиціонной политики—поддержанія крупнаго производства и перейти къ мѣрамъ не „умноженія“, а „сокращенія“ числа фабрикъ. Проектъ Закревскаго, естественно, вызвалъ крайнее смятеніе среди московскихъ фабрикантовъ. Министерство финансовъ энергично выступило на защиту фабрикантовъ, приводя прежній аргументъ, что наши фабричные рабочіе, благодаря своей связи съ деревней, не составляютъ особаго рабочаго класса, и потому увеличеніе числа ихъ въ Москвѣ не угрожаетъ опасностью государственному строю [2]). Проектъ Закревскаго послужилъ поводомъ къ изданію 28 іюня 1849 года закона, долженствовав-

[1]) Эта статья, кстати сказать, и до сихъ поръ сохранилась въ нашемъ „Уставѣ о промышленности“ и имѣетъ силу закона, хотя фактически совершенно игнорируется. Согласно этой статьѣ, „устраивать вновь въ столицахъ и губерніяхъ столичныхъ заведенія, предполагающія въ дѣйствіи своемъ великое число рукъ или употребленіе въ знатномъ количествѣ дровъ, запрещается“. Уставъ о промышленности (1893 г.) I, ст. 73.

[2]) См. Дѣло по предложенію московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго о недозволеніи учреждать вновь фабрики и заводы въ Москвѣ, 22 октября 1848 г. Арх. д-та Т. и М.

шаго затруднить устройство въ Москвѣ новыхъ фабрикъ, но оставшагося, подобно предшествовавшимъ, мертвой буквой [1]).

Не менѣе радикально Закревскій дѣйствовалъ и въ рабочемъ вопросѣ. Въ 1849 году онъ выработалъ новый проектъ правилъ для фабричныхъ рабочихъ.

Наиболѣе существенны въ проектѣ Закревскаго слѣдующіе пункты. Хозяевамъ фабрикъ разрѣшается принимать рабочихъ не иначе, какъ по особымъ билетамъ, выдаваемымъ мѣстнымъ начальствомъ или вотчинными правленіями (ст. 1). Въ билетахъ должно быть указано, кто будетъ получать плату,—самъ рабочій, или же глава семейства, волостное или вотчинное начальство (ст. 2). Плата рабочимъ должна производиться деньгами, а не товаромъ (ст. 5). Въ случаѣ какихъ-либо непослушаній, рабочіе должны быть отсылаемы для наказанія при полиціи (ст. 7). Входъ фабричнымъ рабочимъ въ трактиры, рестораны и харчевни запрещается (ст. 9). Полиція должна смотрѣть за немедленнымъ удаленіемъ изъ города всѣхъ рабочихъ, отпускаемыхъ въ деревню (ст. 10).

Самымъ важнымъ въ этомъ проектѣ было то, что рабочій могъ поступать на фабрику только съ особаго разрѣшенія начальства или помѣщика, а платежъ заработанныхъ имъ денегъ могъ производиться не самому рабочему, а главѣ семейства или лицамъ, выдавшимъ такое разрѣшеніе.

Мануфактурный совѣтъ высказался противъ проекта Закревскаго еще рѣзче, чѣмъ противъ проектовъ его предшественниковъ. Всѣ предположенія Закревскаго совѣтъ призналъ излишними „и даже вредными“. Ст. 1 проекта, по мнѣнію совѣта поведетъ къ тому, что „теперь работникъ ищетъ хозяина, а тогда хозяинъ будетъ искать работника“. Противъ ст. 5 совѣтъ возражаетъ: „возникаетъ вопросъ, добровольно или съ принужденіемъ принимаютъ рабочіе товаръ вмѣсто денегъ? Если добровольно, то нѣтъ причины препятствовать частной сдѣлкѣ, если же недобровольно, то никто не запрещаетъ рабочимъ приносить жалобу куда слѣдуетъ“. Очень скептически отнесся совѣтъ и къ стремленію Закревскаго поднять нравственность рабочихъ полицейскими мѣрами. „Въ вопросѣ объ улучшеніи нравственности народной нельзя ожидать успѣха отъ нѣсколькихъ параграфовъ полицейскаго постановленія. Этимъ пред-

---

[1]) П. С. З. Из. II, т. XXIV, 23358.

метомъ уже занимались правительства другихъ государствъ, но, къ сожалѣнію, бо̀льшая часть усилій оставались не только безплодными, но... болѣе служили къ стѣсненію рабочаго класса людей, нежели къ улучшенію ихъ нравственности". Въ концѣ же совѣтъ высказывается совершенно въ духѣ западно-европейской буржуазіи, что „огражденіе обоюдныхъ правъ фабриканта и его работниковъ зависитъ не столько отъ постановленій, сколько отъ личныхъ интересовъ каждой стороны, полицейское же посредничество едва ли можетъ имѣть желаемый успѣхъ" [1]).

Министерство финансовъ приняло сторону совѣта и признало проектъ Закревскаго неудовлетворительнымъ, въ особенности по 2 первымъ пунктамъ, ссылаясь на то, что рабочіе сопротивляются уплатѣ заработанныхъ ими денегъ третьимъ лицамъ. Дѣло затянулось, и проектъ Закревскаго не получилъ законодательнаго утвержденія.

Оппозиція мануфактурнаго совѣта — органа, представлявшаго интересы фабрикантовъ, и на этотъ разъ оказалась достаточно сильна, чтобы затормазить исполненіе проектовъ московскаго генералъ-губернатора. Изложенная нами исторія проектовъ Голицына, Щербатова и Закревскаго очень характерна. Наше фабричное законодательство создавалось не совсѣмъ такъ, какъ въ Западной Европѣ (при развитіи его у насъ особенно видную роль играли политическія и полицейскія соображенія), но въ одномъ отношеніи замѣчается полное сходство—въ упорной оппозиціи большинства фабрикантовъ всякому вмѣшательству правительства въ фабричные порядки. Эта оппозиція въ Россіи была даже успѣшнѣе, чѣмъ, напр., въ Англіи—классической странѣ господства буржуазіи, такъ какъ въ англійскомъ парламентѣ уже въ 1847 г. прошелъ законъ о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, а въ дореформенной Россіи законодательства, регулирующаго трудъ на фабрикахъ, можно сказать, не существовало (законъ 1845 г. остался, по отсутствію надзора, мертвой буквой).

Я сказалъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ, подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ (опасность скопленія въ столицахъ фабричныхъ рабочихъ), въ высшихъ правительственныхъ сферахъ появилось теченіе, крайне неблагопріятное для нашихъ фабрикъ вообще. Самымъ вліятельнымъ представителемъ этого теченія былъ

---

[1]) Дѣло по предложенію московскаго военнаго генералъ-губернатора и пр. 22 окт. 1848 г. Арх. д-та Т. и М.

вышеназванный московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ законодательныхъ проектахъ, направленныхъ къ регулированію условій фабричнаго труда, Закревскій собственной властью установилъ правила для рабочихъ въ Москвѣ и образецъ разсчетной тетради. На этихъ правилахъ нельзя не остановиться—до такой степени они типичны по своему бюрократически-полицейскому характеру, совершенно игнорирующему человѣческую личность рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мало считающемуся съ интересами хозяевъ.

Прежде всего, правила эти строжайшимъ образомъ регулируютъ всю жизнь рабочаго. Рабочіе въ праздничные дни не имѣютъ права отлучаться изъ своихъ квартиръ (если онѣ помѣщаются въ фабричномъ зданіи) позже извѣстнаго часа (пунктъ г). Имъ запрещается принимать у себя на квартирѣ знакомыхъ и родныхъ „ни для ночлега, ни въ какое время, которое превосходитъ краткость обыкновеннаго свиданія“ (пк. е). Точно также рабочимъ запрещено „храненіе чужого имущества, денегъ и пр.“ (пк. ж). Далѣе, рабочимъ не дозволяется „курить сигары и папиросы ни во время работъ, ни въ застольныхъ помѣщеніяхъ и на дворѣ фабрики“; не дозволяется „заводить кулачные бои и всякаго рода вредныя для другихъ игры и шутки, игру въ орлянку и въ карты на деньги“ и даже не дозволяется „употребленіе бранныхъ и неприличныхъ словъ, подъ опасеніемъ взысканія, въ пользу доказчика, пятидесяти копѣекъ серебромъ и наказанія исправительнаго со стороны полиціи“ (пк. з). По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ рабочіе должны ходить въ церковь, подъ опасеніемъ штрафа, въ пользу доказчика, 5 коп. серебромъ. (пк. и).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, правила Закревскаго стѣсняли и фабрикантовъ. Хозяину запрещалось нанимать рабочихъ, даже поденныхъ, иначе, какъ по паспортамъ. Хозяевамъ запрещалось выдавать впередъ денегъ рабочимъ болѣе 10 р. сер. (пк. а) (очевидно, изъ опасенія, чтобы рабочій не былъ въ неоплатномъ долгу у фабриканта). Хозяинъ обязывался отпускать свѣжія харчи, хорошаго качества—„въ противномъ случаѣ фабричные и мастеровые имѣютъ право принести жалобу мѣстному начальству, которое подвергаетъ хозяина отвѣтственности, по своему усмотрѣнію“ (пк. о). Хозяевамъ запрещалось дѣлать вычеты изъ рабочей платы на нѣкоторые расходы и работы по содержанію фабрики (пк. р.). Запрещалась также выдача платы не деньгами, а товаромъ. Хозяева обязаны были выдавать нанимаемымъ рабочимъ разсчетныя тетради, установлен-

наго Закревскимъ образца, въ которыхъ были пропечатаны утвержденныя имъ правила [1]).

Какъ ни чужды нашему времени правила Закревскаго, они отнюдь не представляли собой курьеза, имѣющаго лишь исторический интересъ. Еще въ 80-хъ годахъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ признавались имѣющими силу на иныхъ московскихъ фабрикахъ. Проф. Янжулъ, въ своемъ отчетѣ фабричнаго инспектора за 1882—83 гг., отмѣчаетъ, напр., что правило объ обязательномъ посѣщеніи рабочими воскресной и праздничной церковной службы, подъ угрозой штрафа въ пользу доносчика, вывѣшено на стѣнахъ многихъ фабрикъ [2]).

Для повсемѣстнаго распространенія этихъ правилъ Закревскій представилъ ихъ въ министерство финансовъ; отсюда они поступили на разсмотрѣніе мануфактурнаго совѣта, органа петербургскихъ фабрикантовъ. Совѣтъ энергичнаго высказался противъ многихъ пунктовъ этихъ правилъ; требованіе найма поденныхъ рабочихъ по паспортамъ совѣтъ находилъ стѣснительнымъ и неисполнимымъ.

Далѣе, по мнѣнію совѣта, „по необразованности рабочаго класса, невозможно удержать рабочихъ отъ произнесенія бранныхъ словъ, безъ всякаго, впрочемъ, намѣренія браниться, и если бы за каждое такое слово съ нихъ взыскивался штрафъ, то у иныхъ вышла бы на это вся задѣльная плата; слѣдственно, статью эту невозможно было бы приводить въ исполненіе... Во-вторыхъ, совѣтъ не можетъ согласиться на установленіе взысканій въ пользу доказчика, находя, что это можетъ поселить духъ ябеды между рабочими“.

Точно также совѣтъ представилъ возраженія и противъ взысканій съ рабочихъ за нехожденіе въ церковь, а также противъ другой курьезной статьи Закревскаго—„Совѣтъ не усматриваетъ основанія воспрещать рабочимъ принимать на сбереженіе вещи своихъ родныхъ или знакомыхъ.., почему совѣтъ полагаетъ статью сію исключить“.

Представляя интересы фабрикантовъ, совѣтъ высказался и противъ запрещенія платы рабочимъ товаромъ, а не деньгами, равно какъ и противъ ограниченія 10 руб. сер. денегъ, впередъ выда-

[1]) Обо всемъ этомъ—Труды комиссіи, учрежденной для пересмотра Уставовъ фабричнаго и ремесленнаго Спб. 1863, часть II, Приложеніе VIII.

[2]) „Фабричный бытъ Московской губерніи“. 1884 г. Стр. 89.

ваемыхъ фабрикантомъ рабочему. Точно также совѣтъ призналъ нужнымъ измѣнить статью закона, по которой хозяину предоставляется право уволить рабочаго до срока договора, съ предупрежденіемъ рабочаго за двѣ недѣли до увольненія. Вмѣсто этого, совѣтъ предлагалъ предоставить хозяевамъ право увольнять рабочихъ, „по причинѣ невыполненія ими своихъ обязанностей или за дурное поведеніе“, до срока договора безъ всякаго предупрежденія [1]).

Переработанныя въ такомъ смыслѣ правила Закревскаго нѣсколько теряли свой чрезмѣрно полицейскій характеръ и въ то же время не затрогивали интересовъ фабрикантовъ, представителемъ которыхъ являлся мануфактурный совѣтъ. Совѣтъ министра финансовъ одобрилъ исправленія мануфактурнаго совѣта. Самъ Закревскій, когда ему были сообщены замѣчанія мануфактурнаго совѣта, соглашался съ тѣми измѣненіями, которыя имѣли въ виду огражденіе интересовъ хозяевъ—съ предоставленіемъ хозяевамъ права немедленнаго увольненія рабочихъ до срока договора безъ всякаго предупрежденія, съ измѣненіемъ редакціи статей относительно неплатежа рабочимъ товаромъ и невыдачи имъ впередъ заработной платы въ размѣрѣ болѣе 10 р. с. Зато онъ категорически отказался отъ измѣненія въ своемъ проектѣ статей чисто полицейскаго характера—особенно относительно найма рабочихъ лишь по предъявленіи паспорта.

Переработанныя министерствомъ финансовъ правила Закревскаго поступили въ 1854 г. на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но, въ виду военнаго времени, утверждены не были. Этой неудачной попыткой законодательнаго регулированія отношеній фабрикантовъ къ рабочимъ и заканчивается николаевская эпоха.

---

[1]) Труды комиссіи по пересмотру Уст. Фабр. II, прил. IX.

ГЛАВА V.

Заработная плата.

Заработная плата на поссессіонныхъ текстильныхъ фабрикахъ въ Московской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ въ 1803 г.—Фряновская фабрика.—Купавинская фабрика.—Большая Ярославская Мануфактура.—Плата рабочимъ на владимірскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 50-хъ годахъ.—Повышеніе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ труда, кромѣ хлопчатобумажнаго производства—Мнѣніе Гакстгаузена о заработной платѣ въ Россіи.—Причины высокаго уровня платы фабричныхъ рабочихъ въ николаевской Россіи.

Я уже касался въ III главѣ положенія рабочаго класса на поссессіонныхъ фабрикахъ. Теперь намъ нужно остановиться болѣе подробно на заработной платѣ фабричнаго рабочаго въ дореформенной Россіи.

Дать сколько-нибудь полное статистическое выраженіе измѣненія заработной платы въ какой-либо странѣ за длинный періодъ времени—очень не легко. Главная трудность статистики такого рода (помимо скудости статистическаго матеріала) заключается въ крайнемъ разнообразіи рабочей платы за разные роды труда и за одинъ и тотъ же родъ труда въ разныхъ мѣстностяхъ. Даже на близлежащихъ фабрикахъ плата рабочимъ, исполняющимъ, казалось бы, одну и ту же работу, бываетъ весьма различна. При сравненіи платы за разные періоды легко принять за повышеніе или пониженіе средней платы то различіе, которое всецѣло объясняется различіемъ фабрикъ, взятыхъ для сравненія.

Къ этому присоединяется скудость и ненадежность матеріала для статистической обработки. Цифры заработной платы, сообщаемыя фабрикантами, естественно внушаютъ недовѣріе. Еще меньше можно довѣрять среднимъ цифрамъ заработной платы въ разныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, въ виду крайняго произвола при выводѣ такихъ среднихъ. Поэтому, несмотря на то, что я собралъ огромный матеріалъ по исторіи заработной платы въ Рос-

сіи въ XIX вѣкѣ, (который я быть можетъ, выпущу отдѣльнымъ изданіемъ) я могъ воспользоваться для цѣлей сравнительнаго изученія только ничтожной долей этого матеріала, приводимой въ нижеслѣдующемъ изложеніи; мнѣ пришлось совершенно отказаться отъ мысли изслѣдовать измѣненіе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда и на болѣе или менѣе широкой площади русской территоріи. Я рѣшилъ ограничиться изученіемъ заработной платы только въ текстильной промышленности и притомъ только по тремъ губерніямъ центральнаго промышленнаго района—Московской, Владимірской и Ярославской. Эти губерніи являются главнымъ сосредоточіемъ нашей фабричной промышленности; относительно ихъ имѣется въ моемъ распоряженіи, по данному вопросу, матеріалъ хотя и не обширный, но, по крайней мѣрѣ надежный и сравнимый.

Я упоминалъ о томъ, что въ 1803 г. мануфактуръ-коллегія рѣшила предпринять обслѣдованіе поссессіонныхъ фабрикъ, причемъ въ циркулярѣ, разосланномъ фабрикантамъ по этому поводу, въ числѣ многихъ другихъ пунктовъ, былъ и пунктъ относительно заработной платы. Отвѣты были получены отъ 107 владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ. Сообщаемыя въ этихъ отвѣтахъ цифры заработной платы исходятъ отъ фабрикантовъ, поэтому онѣ, безъ сомнѣнія, преувеличены—въ нихъ слѣдуетъ видѣть не столько дѣйствительную плату рабочимъ, сколько максимальную норму, выше которой заработная плата не подымалась. Но именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ эти данныя и интересны. Въ приводимой таблицѣ сгруппированы цифры заработной платы поссессіонныхъ рабочихъ на всѣхъ текстильныхъ фабрикахъ Московсковской, Ярославской и Владимірской губерній, относительно которыхъ я могъ найти требуемыя свѣдѣнія въ упомянутыхъ отвѣтахъ фабрикантовъ.

При бѣгломъ взглядѣ на прилагаемую таблицу бросается въ глаза различіе платы. На однѣхъ фабрикахъ плата за всѣ роды труда значительно выше, чѣмъ на другихъ. Такъ, очень низкой платой отличается суконная фабрика князя Барятинскаго, напротивъ, фабрика Москвина (шелковая) и особенно Ефима и Дмитрія Грачевыхъ выдѣляются высокой платой. Это различіе платы отчасти объясняется тѣмъ, что въ таблицѣ показана только денежная плата, а на большинствѣ фабрикъ къ денежной платѣ присоединялась еще натуральная. Такъ, напр., на фабрикѣ князя Барятинскаго, какъ и на многихъ другихъ, рабочіе имѣли свои дома, неспособные къ работѣ получали содержаніе отъ владѣльца, всѣ по-

Средняя мѣсячная заработная плата

(Въ рубляхъ и ко

РОДЫ ТРУДА.	Суконное производство. Московская г. Кн. Барятинскаго.		Калинина.		Кн. Долгорукова.		РОДЫ ТРУДА.	Шелковое пр Московская губ. Дудышкина.		Колосовыхъ.		Москвина.		Лазарева.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р	
Суконный мастеръ	—	—	7	—	—	—	Главный мастеръ	—	—	—	—	—	—	25	—
							Ученикъ	—	—	—	—	—	—	4	5
Ткачи	3	—	4	—	6	60	Рисовальный маст.	—	—	10	—	6	50	—	—
							Подмастерье	—	—	—	—	4	50	4	5
Ткачихи	—	—	2	60	—	—	Красильн. мастеръ	4	—	—	—	6	50	—	—
							Красильщикъ	3	—	—	—	—	—	—	—
Сновальщики	—	—	3	50	—	—	Подмастерье	—	—	—	—	4	50	—	—
							Ученикъ	—	—	—	—	—	—	—	—
Пряхи	—	—	2	67	—	—	Наборный мастеръ	—	—	—	—	—	—	—	—
							Ученикъ	—	—	—	—	—	—	—	—
Красильщики	2	50	—	—	—	—	Маст. при машин.	—	—	—	—	—	—	3	7
							Мельничный маст.	—	—	5	—	5	—	—	—
Скребальщики	2	60	4	—	—	—	Подмастерье	—	—	—	—	4	50	—	—
							Надсмотрщикъ	3	—	—	—	4	50	—	—
Прессовщики	2	50	—	—	—	—	Прядильный маст.	3	50	—	—	—	—	6	—
							Ткачи	3	75	—	—	7	80	5	—
Кардошники	2	60	4	—	—	—	Переборщики	—	—	—	—	3	90	3	3
							Сновальщики	—	—	—	—	—	—	3	5
Караульщики	—	—	3	50	—	—	Кардошники	—	—	—	—	—	—	3	2
							Мотальщицы	1	38	2	—	3	33	1	3
							Тростильщицы	3	50	1	38	1	83	1	3
							Шпульники	2	90	—	—	1	38	—	—
							Узольщики	—	—	4	—	1	38	2	2
							Бердовщики	—	—	—	—	—	—	3	—
							Столяры	3	25	—	—	—	—	—	—
							Вертящіе машину	2	—	—	—	—	—	—	—
							Вязальщики	2	—	—	—	—	—	3	7
							Разборщики шелка	3	—	—	—	—	—	—	—
							Разборщики основъ	—	—	—	—	—	—	3	2
							Караульщики	3	50	3	50	4	50	—	—

Эта таблица составлена на основаніи данныхъ о заработной платѣ, соде
рикъ и заводовъ, имѣющихъ приписныхъ и покупныхъ людей“ и пр. 1803 г. (
плату на 23, такъ какъ такимъ образомъ выводили мѣсячную плату изъ по

йкахъ ассигнаціями).

водство. Ярославская г. нова.		Колосо-выхъ.		Красиль-никова.		РОДЫ ТРУДА.	Полотняное производ. Яросл. г. Б. Ярослав. Мануфакт.		Углича-нова.		РОДЫ ТРУДА.	Ситцевое производ. Дм. Грачева, Московской г.		Еф. Грачева, Владимірск. г.	
К.		Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.		Р.	К	Р.	К.
—	—	—	—	—	—	Скат. и салф. маст. .	8	90	—	—	Набойщики . . .	10	—	10	—
—	—	5	—	—	—	Подмастерье . . .	3	50	—	—	Подмастерье . .	8	—	8	—
—	—	—	—	—	—	Полотняный маст. .	7	50	—	—	Ученики	6	—	6	—
—	—	6	—	—	—	Подмастерье . . .	4	—	—	—	Штрифовальщ, ,	3	—	4	—
—	—	6	—	—	—	Рисовальный маст. .	6	50	—	—	Ткачи	10	—	10	—
—	—	5	—	—	—	Подмастерье . . .	4	—	—	—	Разматывальщ . .	3	—	—	—
—	—	—	—	—	—	Ученики	1	63	—	—	Мотальщицы . .	3	—	3	—
—	—	—	—	—	—	Малолѣтніе	1	44	—	—	Подм. ткачи . .	—	—	8	—
83	5	70	—	—		Гравировальн. маст.	6	50	—	—	Ученики	—	—	6	—
—	2	50	—	—		Ткачи	4	15	—	—	Столяры	—	—	4	—
—	6	—	—	—		Ткачихи	2	52	—	—	Бѣлильщики . ,	—	—	4	—
61	1	75	1	38		Сновальщики . . .	—	—	3	80	Красильщики . .	—	—	4	—
45	—	—	3	50		Катальщики . ,	—	—	2	88					
—	—	—	5	—		Столяры	—	—	4	—					
—	3	25	—	—		Кузнецы	—	—	4	—					
—	—	—	—	—		Мотальщицы . . .	—	—	1	90					
						Шпульники	1	62	1	30					
						Бѣлильщицы , . .	—	—	4	90					
						Переборщики . . .	2	84	—	—					

ащихся въ неоднократно цитированномъ „Дѣлѣ о присылкѣ содержателями фаб-х. д-та Т. и М.). При переводѣ поденной платы въ мѣсячную я умножалъ дневную ной сами фабриканты, доставлявшіе свѣдѣнія.

дати платились владѣльцемъ. На Большой Ярославской Мануфактурѣ отпускалась ржаная и пшеничная мука по цѣнамъ значительно низшимъ противъ рыночныхъ. Выдавалось содержаніе старикамъ и дѣтямъ, отпускались въ разсрочку дрова по покупной цѣнѣ и проч.

На фабрикахъ съ высшей платой натуральныя прибавки къ денежной платѣ были меньше. Но, главнымъ образомъ, высокая заработная плата на фабрикахъ Грачевыхъ зависѣла отъ того, что вообще плата на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ была гораздо выше, чѣмъ на всѣхъ другихъ; объ этомъ мнѣ еще придется говорить ниже. Высокая плата на фабрикѣ Москвина вызывалась тѣмъ, что на этой фабрикѣ поссессіоннымъ рабочимъ давалась такая же плата, какъ и вольнонаемнымъ, получавшимъ обыкновенно значительно бо́льшую плату.

Но въ общемъ, какъ видитъ читатель, плата была очень низка. Въ Московской губерніи ткачи на суконныхъ фабрикахъ вырабатывали въ мѣсяцъ отъ трехъ руб. до 6 руб. 60 коп. — въ среднемъ около 4 р. 50 к. На шелковыхъ фабрикахъ заработокъ ткачей былъ значительнѣе — отъ 3 р. 75 к. до 7 р. 80 к. Въ Ярославской губ. шелковые ткачи вырабатывали около 6 р. въ мѣсяцъ. Заработокъ полотняныхъ ткачей на Ярославской Большой мануфактурѣ составлялъ въ среднемъ 4 руб. 15 коп. въ мѣсяцъ. На ситцевыхъ фабрикахъ Дмитрія и Ефима Грачевыхъ бумажные ткачи получали гораздо больше — до 10 руб. въ мѣсяцъ. Такую же плату получали на этихъ фабрикахъ и набойщики. Другіе рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, оплачивались гораздо хуже ткачей. Такъ, сновальщики на суконной фабрикѣ Калинина и шелковой Лазарева получали только 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ; на фабрикѣ Угличанинова полотняные сновальщики вырабатывали 3 р. 80 к. въ мѣсяцъ. Гораздо бо́льшую плату получали сновальщики на шелковой фабрикѣ Колосовыхъ—до 6 р. въ мѣсяцъ.

Кардошники, скребальщики, катальщики получали приблизительно столько же, сколько и сновальщики. Заработокъ столяровъ, кузнецовъ, слесарей, состоявшихъ при фабрикахъ, колебался между 3—4 р. въ мѣсяцъ.

Плата женщинамъ была гораздо ниже мужской. Трудъ ткачихъ и пряхъ оплачивался еще не такъ низко — ткачихи получали на суконной фабрикѣ Калинина 2 р. 60 к., пряхи — 2 р. 67 к.; но за болѣе простой трудъ—мотаніе, витье основъ, трощенье шелка—

плата женщинамъ была совершенно ничтожна и обыкновенно не достигала и 2 р. въ мѣсяцъ.

Еще ниже оплачивался трудъ малолѣтнихъ, исполнявшихъ тѣ же работы (взрослыя женщины получали за мотанье, трощенье и тому подобную работу обыкновенно 7 к. въ день, дѣти 5—6 к.).

Чтобы оцѣнить значеніе приведенныхъ цифръ, надо превратить денежную плату въ реальную. Приведенная плата выражена въ ассигнаціяхъ; о реальной цѣнности ассигнаціоннаго рубля въ началѣ этого столѣтія можно составить нѣкоторое представленіе по цѣнѣ хлѣба. Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ за 5 лѣтъ отъ 1799 до 1803 г. была 66 к. [1]). За 5 лѣтъ 1890—1894 г. пудъ обыкновенной ржаной муки въ Москвѣ продавался за 93 к. [2]). Такимъ образомъ цѣна хлѣба въ Москвѣ поднялась за 90 л. на 41%. Средній заработокъ поссессіоннаго фабричнаго рабочаго въ началѣ этого вѣка можно опредѣлить примѣрно въ 4 рубля въ мѣсяцъ; принимая въ соображеніе повышеніе цѣны хлѣба, это составитъ на современныя деньги 5 р. 64 к. въ мѣсяцъ — заработная плата крайне ничтожная. Правда, доходъ поссессіоннаго рабочаго не ограничивался его денежной платой; рабочій получалъ отъ владѣльца, кромѣ того, разныя натуральныя пособія — даровое помѣщеніе, дрова, иногда рабочіе пользовались сѣнокосами, неспособные къ труду и малолѣтніе содержались владѣльцемъ и пр.

Но на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ слѣдуетъ думать, что всѣ такія натуральныя пособія по своей цѣнности далеко не достигали размѣра денежной платы, получавшейся рабочимъ; денежная плата оставалась главной составной частью дохода рабочаго.

А такъ какъ всѣ приведенныя данныя исходятъ отъ фабрикантовъ, которые прямо были заинтересованы въ томъ, чтобы представить положеніе рабочихъ въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ оно дѣйствительно было, то можно принять, съ значительной вѣроятностью, дѣйствительный заработокъ рабочихъ не превышающимъ приведенныхъ цифръ денежной платы.

Какъ я сказалъ, этотъ заработокъ оказывается въ большинствѣ случаевъ очень низкимъ. Только на ситцевыхъ и бумаготкацкихъ фабрикахъ заработокъ былъ значительно выше и то лишь для

---

[1]) „Хлѣбопекарный промыселъ въ Москвѣ". Изд. Моск. городск. управы. Москва, 1894. Прилож. 4.

[2]) „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства". 1897 г. Спб. Томъ II, стр. 151.

набойщиковъ и ткачей. Кузнецы, бѣлильщики, красильщики получаютъ на этихъ фабрикахъ обычную плату—4 руб. въ мѣсяцъ. Ткачи и набойщики вырабатывали гораздо больше. Это объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что въ началѣ XIX вѣка во Владимірской и Московской губерніяхъ быстро развивается ситцепечатное и бумаготкацкое производства,—спросъ на набойщиковъ и миткалевыхъ ткачей былъ очень великъ, почему и плата имъ должна была значительно подняться надъ среднимъ уровнемъ.

О платѣ вольнымъ рабочимъ въ началѣ этого вѣка данныя скуднѣе. Въ своихъ отвѣтахъ мануфактуръ-коллегіи нѣкоторые фабриканты приводятъ плату вольнонаемныхъ: такъ, на фабрикѣ Дудышкина поссессіонные ткачи вырабатывали 3 р. 75 к., а вольные 7 р. 33 к. въ мѣсяцъ. На фабрикѣ Москвина вольные ткачи получали такую же плату, что и поссессіонные — 7 р. 80 к. въ мѣсяцъ. На фабрикѣ Красильникова плата вольнонаемнымъ и поссессіоннымъ была одинакова. На полотняной фабрикѣ Водовозова (въ Вязник. уѣздѣ, Влад. губ.) работали только вольнонаемные, получавшіе: ткачи—6 р. въ мѣсяцъ, бѣлильщики—4 руб. 58 коп. На полотняной фабрикѣ Грибанова (Ярославск. у.) рабочіе (кромѣ ткачей) получали, по его заявленію, отъ 5 р. 83 к. до 10 р. въ мѣсяцъ.

Заработокъ вольнаго ткача былъ не ниже 6 р. и, вѣроятно, нерѣдко достигалъ 10 р. При переводѣ на современныя деньги это составляло отъ 8 р. 46 к. до 14 р. 10 к.

Какъ же измѣнялась плата фабричныхъ рабочихъ во времени—повышалась она или понижалась? Отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ я говорилъ выше, не легко. Къ счастью, мы имѣемъ по этому предмету хотя и необширный, но весьма цѣнный статистическій матеріалъ; а именно мы можемъ прослѣдить измѣненіе заработной платы на нѣкоторыхъ крупныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ съ начала вѣка до 40-хъ годовъ по *выпискамъ изъ подлинныхъ конторскихъ книгъ фабрикъ и показаніямъ самихъ рабочихъ*. Кромѣ того, мы располагаемъ кое-какими отрывочными данными о заработной платѣ и вольныхъ рабочихъ.

Фряновская и Купавинская шелковыя фабрики (при селахъ Фряновѣ и Купавнѣ, Богородск. уѣзда) принадлежали къ весьма крупнымъ. На Фряновской фабрикѣ по 5-й ревизіи числилось 533 д. м. п., а на Купавинской—по 7-й ревизіи 680 д. м. п. По обѣимъ фабрикамъ мы имѣемъ весьма детальныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ за цѣлый рядъ лѣтъ.

Фряновская фабрика въ началѣ этого столѣтія принадлежала дворянину Лазареву. Рабочіе жили въ своихъ избахъ; при каждомъ дворѣ были небольшіе огороды (на каждый огородъ приходилось въ среднемъ 144 кв. саж.). Кромѣ того, рабочіе имѣли выгонъ; пахотной земли у нихъ не было, такъ же, какъ и сѣнокосовъ — земледѣліемъ изъ нихъ никто не занимался. Дрова и лѣсъ на постройку избъ они получали отъ владѣльца. Единственнымъ источникомъ дохода для нихъ являлась фабричная работа.

Въ вышеприведенной таблицѣ указаны платы фряновскимъ рабочимъ. Кромѣ этихъ платъ, владѣлецъ оказывалъ слѣдующія пособія своимъ рабочимъ: 1) престарѣлые и неспособные къ работѣ получали денежное содержаніе отъ 75 к. до 3 р. на человѣка; 2) въ началѣ этого столѣтія для покупки дровъ на каждую избу выдавалось 3 р. въ годъ, впослѣдствіе дрова и лѣсъ отпускались натурой; 3) хлѣбъ отпускался фабричной конторой рабочимъ по покупной цѣнѣ владѣльца; 4) всѣ подати платились содержателемъ фабрики безъ вычетовъ изъ заработной платы.

Какъ я говорилъ въ главѣ IV, рабочіе Фряновской фабрики безпрерывно жаловались на Лазарева высшей власти. Главнымъ поводомъ къ жалобамъ была низкая заработная плата. Эти жалобы оказывали извѣстное дѣйствіе, и нѣкоторыя требованія рабочихъ были удовлетворены хозяиномъ. Что касается до заработной платы, то она подверглась въ теченіе перваго двадцатилѣтія этого вѣка значительнымъ перемѣнамъ, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ.

Средняя мѣсячная заработная плата на Фряновской фабрикѣ:

	1802 г.		1818 г.		1820 г.		Увеличеніе сравнительно съ 1802 г.
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
Ткачи	5	6	14	—	15	50	206%
Переборщики.	3	38	8	42	9	92	193 „
Шпульники	—	—	3	25	3	33	— „
Мотальщицы и тростильщицы (до 15-ти лѣтъ). .	1	8	3	9	3	53	227 „
(старше 15-ти лѣтъ) . .	1	50	3	53	4	42	195 „
Узольщики	2	25	4	50	5	—	122 „
Разборщики основъ . . .	3	25	5	—	6	25	92 „

По всѣмъ отраслямъ труда по обработкѣ шелка наблюдается огромное повышеніе денежной платы. Приведенныя цифры за 1818

и 1820 гг. основаны на выпискахъ изъ конторскихъ книгъ фабрики, и имъ можно вполнѣ довѣрять, такъ какъ сами рабочіе, въ прошеніи, поданномъ въ 1818 г. Александру I, заявили, что противъ правильности цифръ заработной платы въ конторскихъ книгахъ у нихъ „спора нѣтъ“. Плата ткачамъ и переборщикамъ была очень различна, смотря по роду матерій. Приведенныя цифры заработка ткачей и переборщиковъ получены мною путемъ суммированія заработка каждаго ткача и переборщика въ отдѣльности и дѣленія полученной суммы на число ткачей и переборщиковъ. Такимъ образомъ, эти цифры выражаютъ собой *дѣйствительный* средній заработокъ этихъ рабочихъ, а не фиктивный, который могъ бы быть полученъ путемъ вывода ариѳметической средней изъ платъ ткачей и переборщиковъ, не принимая въ соображеніе числа рабочихъ, получающихъ ту или иную плату.

Итакъ, на Фряновской фабрикѣ 2 первыхъ десятилѣтія этого вѣка принесли съ собой огромное увеличеніе денежной заработной платы. Какъ же измѣнилась реальная плата? Обратимся къ цѣнамъ хлѣба.

	Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ.	Увеличеніе.
1799—1803 г.	— р. 66 к.	139%.
1816—1820 г.	1 р. 58 к.	

Денежная плата большинства рабочихъ возросла гораздо больше, чѣмъ цѣна хлѣба. (На Фряновской фабрикѣ въ 1818 г. работало 801 мужч. и женщ., причемъ ткачей было 187, переборщиковъ 90, мотальщицъ и тростильщицъ 388; разборщиковъ основъ и узольщиковъ, плата которыхъ повысилась менѣе цѣны хлѣба, было: первыхъ 4, а вторыхъ 15).

Итакъ, слѣдуетъ признать важный фактъ повышенія втеченіе двухъ первыхъ десятилѣтій этого вѣка *реальной* заработной платы на Фряновской фабрикѣ, по крайней мѣрѣ, на 25%.

Во второй половинѣ 30-хъ годовъ положеніе рабочихъ на Фряновской фабрикѣ было обслѣдовано особой правительственной комиссіей, въ виду жалобъ рабочихъ на разныя притѣсненія новыми ихъ владѣльцами, купцами Рогожиными, купившими фабрику у Лазарева. Комиссія эта составила по подлиннымъ конторскимъ книгамъ слѣдующую любопытную таблицу, относящуюся къ 1836 г.

Дворы, получающіе	Число дворовъ.	На нихъ рабочихъ: мужч.	женщ.	Получено ими въ 1836 г.
до 300 р. въ годъ. . . .	104	124	185	22.337 р.
„ 400 „ „ „ . . .	49	82	117	16.876 „
„ 500 „ „ „ . . .	33	89	75	14.978 „
„ 600 „ „ „ . . .	23	61	64	12.458 „
„ 700 „ „ „ . . .	24	69	58	15.333 „
„ 800 „ „ „ . . .	14	44	36	10.511 „
„ 900 „ „ „ . . .	8	30	23	6835 „
„1000 „ „ „ . . .	6	25	20	5670 „
выше 1000 р. въ годъ . .	9	27	26	13734 „
Итого . . .	270	551	604	118.732 „

На эту таблицу можно безусловно полагаться, такъ какъ она была провѣрена въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, настаивавшаго на необходимости повысить плату фряновскимъ рабочимъ. Высокая сумма доходовъ нѣкоторыхъ дворовъ, по объясненію генералъ-губернатора, зависѣла отъ того, что въ число рабочихъ включены всѣ поссессіонные служащіе на фабрикѣ, въ томъ числѣ и приказчики, конторщики, надсмотрщики и др., получавшіе крупныя жалованья.

Но если даже откинуть такіе дворы, все-таки слѣдуетъ признать, что въ среднемъ фряновскіе рабочіе вырабатывали около 400 р. на дворъ, имѣя избы, огороды, лѣсъ на постройку домовъ и отопленіе и получая хлѣбъ отъ владѣльца по покупной цѣнѣ. Пудъ ржаной муки въ Москвѣ въ 1836 г. стоилъ 1 р. 12 к., въ 1837—39 гг. — 1 р. 35 к. Такимъ образомъ цѣна хлѣба сравнительно съ 1816—20 гг. понизилась, а такъ какъ денежная плата фряновскихъ рабочихъ во всякомъ случаѣ не сократилась (номинально все это время оставалось въ силѣ прежнее „Положеніе“ 1820 г., но рабочіе домогались прибавки къ платѣ), то, слѣдовательно, реальная плата возросла.

Правительственная комиссія выработала проектъ новаго Положенія, по которому плата рабочимъ была возвышена на 20—30%. Московскій генералъ-губернаторъ не согласился съ этимъ проектомъ, признавая эту прибавку слишкомъ незначительной. По этой причинѣ новаго Положенія для Фряновской фабрики составлено не было, и размѣръ платы не былъ установленъ правительствомъ.

Въ одномъ отношеніи московскаго генералъ-губернатора мини-

стру финансовъ содержатся любопытныя данныя относительно платы вольнымъ рабочимъ на Фряновской фабрикѣ. По словамъ кн. Голицына, „касательно держанія большаго числа вольнаго народа слѣдуетъ замѣтить, что понынѣ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ приписныхъ мастеровыхъ было то обстоятельство, что симъ приписнымъ платилось гораздо менѣе, нежели работающимъ съ ними вмѣстѣ вольнымъ людямъ. Такъ, напр., приписные ткачи кругомъ заработали въ годъ около 185 р. каждый, а сидящіе съ ними вмѣстѣ и работающіе тѣ же самыя издѣлія вольные ткачи заработали кругомъ около 350 р. каждый. Приписнымъ набойщикамъ было положено отъ 8 до 22 р. въ мѣсяцъ жалованья, а вольнымъ идетъ, большею частью, 420—600 р. въ годъ... не меньше какъ 58 человѣкъ получили по 480 р. годового жалованья“.

Такимъ образомъ, заработная плата вольнымъ рабочимъ на шелковыхъ фабрикахъ въ концѣ 30-хъ годовъ была очень высока [1]).

Перейдемъ теперь къ другой крупной поссессіонной фабрикѣ Богородскаго уѣзда—Купавинской. Основанная купцомъ Земскимъ, она перешла затѣмъ къ казнѣ, передавшей ее въ 1803 г. князю Юсупову.

На этой фабрикѣ рабочіе имѣли свои избы съ огородами. Хлѣбопашествомъ они не занимались. Дрова и лѣсъ на постройку избъ и отопленіе получали отъ владѣльца даромъ. Хлѣбъ получали по покупной цѣнѣ владѣльца. Рабочіе имѣли право пользоваться сѣнокосомъ на лугахъ при фабрикѣ, а также выгонами для своего скота. Въ отличіе отъ Фряновской фабрики, подушная подать платилась самими фабричными и вычиталась изъ ихъ заработной платы. Престарѣлые получали содержаніе отъ владѣльца.

По Положенію 1802 г., мужчины получали на фабрикѣ плату отъ 4 р. 17 к. до 6 р. 70 к. въ мѣсяцъ (причемъ ткачи получали среднимъ числомъ 6 р. 70 к.), а женщины—отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 85 к. въ мѣсяцъ. Къ 1817 г. заработная плата на Купавинской фабрикѣ сильно увеличилась:

---

[1]) Всѣ данныя о заработной платѣ фряновскихъ рабочихъ послѣ 1803 г. взяты изъ двухъ дѣлъ: Дѣло о притѣсненіяхъ содержателемъ шелковой фабрики дворяниномъ Лазаревымъ мастеровымъ чинамъ, 9 февр. 1815 г., и Дѣло по просьбѣ фабричныхъ мастеровыхъ Фряновской шелковой фабрики купцовъ Рогожиныхъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ имъ фабрикантами, 10 апрѣля 1837 г. (Арх. д-та Т. и М.).

	Мѣсячная плата.
Ткачи	15 р. 42 к.
Переборщики . . .	11 „ 66 „
Размотчицы . . .	5 „ — „
Строгальщицы. . .	5 „ — „
Чистильщицы . . .	5 „ — „

Плата ткачей такая же, какъ и установленная Положеніемъ 1820 г. для Фряновской фабрики. Плата переборщиковъ и женщинъ на Купавинской фабрикѣ была выше. Въ общемъ же въ первыя два десятилѣтія этого вѣка заработная плата на Купавинской фабрикѣ измѣнялась приблизительно такъ же, какъ и на Фряновской, т. е. денежная плата возвысилась, примѣрно, въ 3 раза, а реальная—на 25%.

Въ 1833 г. Юсуповъ продалъ Купавинскую фабрику купцамъ Бабкинымъ. Бабкины перемѣнили производство на фабрикѣ и обратили ее изъ шелковой въ суконную. Благодаря этому, непосредственное сравненіе платъ на Купавинской фабрикѣ до и послѣ 1833 г. невозможно.

И на Купавинской, какъ и на Фряновской фабрикѣ, вольные рабочіе получали гораздо бо́льшую плату, чѣмъ поссессіонные. По показанію самихъ Бабкиныхъ, вольнымъ рабочимъ платили вдвое противъ поссессіонныхъ. Это и вызвало неудовольствіе поссессіонныхъ рабочихъ. Въ прошеніи министру финансовъ 5 августа 1834 г. рабочіе особенно настаиваютъ на несправедливости такого различія. „Мѣсячный народъ“, пишутъ рабочіе, „какъ-то: кузнецы, слесаря, токари, столяры и проч., получаютъ отъ 10 р. до 15 р., а по вольной цѣнѣ по 40 р., равенщики при машинахъ въ мѣсяцъ по 8 р., а по вольной цѣнѣ 25 р., на чесальныхъ машинахъ мальчики 15 и 16 лѣтъ по 7 р., а по вольной цѣнѣ по 17 р., при сновальнѣ дѣвки получаютъ по 3 р. 50 к., а по вольной цѣнѣ по 8 р.“.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ началѣ 40-хъ годовъ фабричною конторою, купавинскіе поссессіонные рабочіе получали слѣдующую плату:

	Мѣсячная плата рабочимъ Купавинской фабрики.	
	1834 г.	1843 г.
Ткачи (суконъ).	23 р. — к.	26 р. — к.
Сновальщики	13 „ 50 „	24 „ 25 „
Равенщики	11 „ — „	— „ — „

	Средняя мѣсячная плата рабочимъ Купавинской фабрики. 1834 г.	1843 г.
Присучальщики	4 „ — „	— р. — к.
Щипальщики	8 „ — „	9 „ — „
При сукновальныхъ машинахъ чернор.	11 „ 50 „	18 „ — „
При паровой машинѣ	— „ — „	17 „ 50 „
Рабочіе при трепальныхъ машинахъ	10 „ — „	15 „ — „
При нихъ мальчики	7 „ — „	8 „ 50 „
При чесальныхъ машинахъ мальчики	7 „ — „	8 „ 50 „
Присучальщики (дѣти)	3 „ 50 „	5 „ 50 „
Сортировщики шерсти	7 „ 50 „	15 „ — „
Слесаря	11 „ 50 „	16 „ — „
Кузнецы	11 „ — „	20 „ 50 „
Бердочники	12 „ — „	15 „ — „
Столяры	12 „ 50 „	20 „ — „
Истопники	11 „ — „	17 „ — „
Сторожа	9 „ 50 „	10 „ — „
При чисткѣ аппаратовъ (мальчики).	7 „ — „	10 „ — „
Вдовамъ, сиротамъ и увѣчнымъ—отъ 75 к. до 3 р.		отъ 75 к. до 4 р.

Если сравнить эти данныя съ цитированнымъ показаніемъ рабочихъ, то оказывается, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе показываютъ ту же плату, которая значится и по конторскимъ книгамъ фабрики. Такъ, кузнецы, столяры, слесаря получаютъ отъ 10 до 15 р. и по показанію рабочихъ, и по конторскимъ книгамъ [1]). То же слѣдуетъ сказать и о заработной платѣ чесальщиковъ. Плата равенщиковъ показывается рабочими болѣе низкой, но это объясняется тѣмъ, что равенщики получали неодинаковую плату, и рабочіе, естественно, привели самую низкую.

Въ виду такого совпаденія показаній рабочихъ съ цифрами заработной платы по конторскимъ книгамъ фабрики слѣдуетъ признать послѣднія выражающими дѣйствительное положеніе дѣла. Мы видимъ, что въ половинѣ 30-хъ годовъ заработная плата Купавинской фабрики была, въ среднемъ, значительно выше, чѣмъ на Фряновской фабрикѣ. Плата ткачамъ, столярамъ была выше на Купавинской фабрикѣ процентовъ на 50. Въ 1842 г. плата еще повысилась почти по всѣмъ родамъ труда. Заработокъ ткачей

[1]) Въ таблицѣ я привожу среднюю плату и потому цифры заработной платы оказываются иными, чѣмъ по показанію рабочихъ. Но въ подлинникѣ онѣ тожественны.

достигъ 26 р. въ мѣсяцъ; средній заработокъ обученнаго рабочаго (skilled labour) колеблется, примѣрно, отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ. Низшіе роды труда (напр., трудъ сторожа) оплачивались 10-ю рублями въ мѣсяцъ. Правда, одновременно съ этимъ поднялась и цѣна хлѣба:

	Цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ,
1831—35	1 р. 93 к.
1838—42	2 „ 31 „

Хлѣбъ вздорожалъ въ цѣнѣ почти на 20%. Плата ткачей выросла слабѣе (на 13%), но плата сновальщиковъ, рабочихъ при машинахъ, сортировщиковъ, слесарей, кузнецовъ, столяровъ увеличилась въ гораздо большей пропорціи—въ среднемъ значительно болѣе, чѣмъ на 50%. Въ общемъ же слѣдуетъ признать, что на Купавинской фабрикѣ реальная заработная плата повышалась въ теченіе всѣхъ первыхъ четырехъ десятилѣтій этого вѣка.

Однако, вернемся назадъ—къ положенію Купавинскихъ рабочихъ въ половинѣ 30-хъ годовъ, когда на этой фабрикѣ произошли извѣстныя волненія, вызванныя, главнымъ образомъ, вздорожаніемъ хлѣба въ 1834 г. Для обслѣдованія положенія рабочихъ была назначена и для Купавинской фабрики особая правительственная комиссія. Чиновникъ отъ московскаго генералъ-губернатора въ этой комиссіи Соловьевъ составилъ табель заработныхъ платъ для Купавинской фабрики, которая не была утверждена вслѣдствіе отрицательнаго отношенія министерства финансовъ ко всякому регулированію платы поссессіонныхъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе табель Соловьева весьма любопытна тѣмъ, что она можетъ дать представленіе о платѣ вольнымъ рабочимъ на суконныхъ фабрикахъ въ половинѣ 30-хъ годовъ, такъ какъ Соловьевъ признавалъ необходимымъ (какъ самъ объяснялъ въ донесеніи генералъ-губернатору) уравнять плату поссессіоннымъ и вольнымъ рабочимъ.

Табель мѣсячныхъ заработныхъ платъ для Купавинской фабрики, составленная Соловьевымъ [1]).

Валка суконъ.

Мастеръ	60—70 р.
Рабочіе	21—35 „
Сушильщики и развѣшивальщики	20 „

[1]) За тканье и пряденіе шерсти въ табели Соловьева приведена только задѣльная плата, причемъ мѣсячная выработка рабочаго не указана,

Крашеніе суконъ.

Мастеръ	60—70 р.
Рабочіе	24 „
Мытельщики	20 „
Нагонный мастеръ	34 „
Ворсовщики	24 „

Стрижка суконъ.

Мастеръ	50 „
Рабочіе	20—22 „
Стригачи	24—29 „
Вязальщики	21 „
Бердовщики	35 „

Прессовка суконъ.

Мастеръ	40 „
Рабочіе	25—30 „

Декатировка суконъ.

Мастеръ	34 р.
Рабочіе	20 „

Кузница.

Кузнецы	25—45 „

Слесарня.

Мастеръ	35—40 „
Рабочіе	18—25 „

Токарня.

Мастеръ	45 „
Рабочіе	20—25 „
Сторожа при кладовыхъ . . .	25 „
Сторожа при фабрикѣ	20 „

почему я и не могъ опредѣлись платы ткачей, сновальщиковъ и вообще всѣхъ издѣльныхъ рабочихъ.

Соловьевъ былъ членомъ комитета снабженія войскъ сукнами, слѣдовательно, близко зналъ суконное дѣло и для составленія этой табели объѣздилъ всѣ сосѣднія суконныя фабрики. Такъ какъ табель эта составлялась для опредѣленной практической цѣли и должна была установить дѣйствительную заработную плату на Бабкинской фабрикѣ, то она представляетъ очень большой интересъ, какъ показатель дѣйствительной платы вольнонаемнымъ рабочимъ на московскихъ суконныхъ фабрикахъ въ разсматриваемую эпоху. Высокая плата рабочимъ по этой табели насъ не должна удивлять, такъ какъ она сходится съ показаніями рабочихъ. Мы видѣли, что, по показаніямъ рабочихъ, вольнонаемные кузнецы, столяры, слесаря и др. получали въ мѣсяцъ по 40 рублей. Соловьевъ назначаетъ имъ плату отъ 20 до 45 р. Даже мальчики при чесальныхъ машинахъ, по словамъ рабочихъ, получали, по вольной цѣнѣ, 17 р. въ мѣсяцъ—неудивительно, что у Соловьева плата за самый простой чернорабочій трудъ опредѣляется не меньше 20 р. въ мѣсяцъ.

Показанія рабочихъ подтверждались и хозяевами фабрики. По словамъ Бабкиныхъ, вольные ткачи заработывали у нихъ около 36 р. въ мѣсяцъ, прядильщики—30—35 р. въ мѣсяцъ, равенщики 15—24 р.

У меня есть данныя о заработной платѣ на крупной поссессіонной суконной фабрикѣ Рыбникова (въ селѣ Чудино).

Мѣсячная плата рабочимъ на фабрикѣ Рыбникова.

Съ 1837 по 1842 гг.

Ткачи.	30—50 р.
Прядильщики	35—40 „
Щипальщики	12—15 „
Трепальщики	12—18 „
Настилальщики	9 „
Присучальщики	8 „
Мюльщики	35—40 „
Прядильщики кромки	40 „
Сновальщики	18—25 „
Катушечницы	9 „
Сторожа.	18 „

Данныя эти доставлены фабричною конторою по требованію богородскаго земскаго суда и, быть можетъ, нѣсколько преувели-

чены. Но вообще на фабрикѣ Рыбникова плата поссессіоннымъ рабочимъ была очень высока. Поссессіонные рабочіе, по показанію владѣльца, получали на ней такую же плату, какъ и вольнонаемные. Правительственная комиссія, составлявшая Положеніе Купавинской фабрики, приводитъ слѣдующую табель заработной платы въ 1834 г. на Чудинской фабрикѣ (которая въ то время принадлежала купцу Тулубову):

Ткачи.	22—30 р.
Равенщики.	24 „
Присучальщики	8 „
Щипальщики	11 „
Мотальщики	10—12 „
Сновальщики	21 „
При нихъ мальчики	9 „
Чистильщики суконъ	11—13 „
Поденщики . . . отъ 75 к. до 1 р. въ день	
Красильщики	24 „
Чистильщики карбъ.	9 „
Стригачи	26 „
Трепальщики	15—25 „
Сукновалы	20—25 „
Сторожа.	21 „

Мы видимъ, что купавинскіе рабочіе были совершенно правы, утверждая, что заработная плата взрослаго вольнаго рабочаго на фабрикахъ превышала 20 рублей въ мѣсяцъ. Вольнонаемный ткачъ на суконной фабрикѣ зарабатывалъ не менѣе 30 рублей въ мѣсяцъ. Даже поссессіонные ткачи на Купавинской фабрикѣ вырабатывали въ 1834 году 23 рубля, а 1843 г.—26 р.

Если мы сравнимъ эту плату съ заработкомъ ткачей на суконныхъ фабрикахъ Московской губерніи въ началѣ вѣка, мы должны будемъ признать огромное повышеніе платы. И въ суконномъ, какъ и въ шелковомъ, и даже еще болѣе, чѣмъ въ шелковомъ, производствѣ, первая половина этого вѣка была временемъ почти непрерывнаго роста заработной платы, какъ денежной, такъ и реальной [1]).

---

[1]) Все, касающееся Купавинской фабрики, а также Чудинской Рыбникова, взято мною изъ двухъ дѣлъ: Дѣло по всеподданнѣйшей просьбѣ князя Юсупова о взятіи въ казну Купавинской фабрики, о передачѣ оной

Перейдемъ теперь къ полотняному производству. Крупнѣйшей полотняной фабрикой въ Россіи въ началѣ этого вѣка была Ярославская Большая Мануфактура Яковлева. На ней работало въ 1817 г. 2371 поссессіонныхъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ. На этой фабрикѣ къ денежной платѣ присоединялись разнообразныя натуральныя пособія рабочимъ со стороны владѣльца. Такъ, каждый рабочій получалъ въ мѣсяцъ 1 п. 20 ф. ржаной муки и по 5-ти фунтовъ пшеничной муки, съ вычетомъ изъ денежной платы по 30-ти коп. за пудъ ржаной муки и по 50-ти коп. за пудъ пшеничной муки, въ то время какъ сами владѣльцы покупали муку по цѣнѣ въ нѣсколько разъ высшей. Точно также рабочіе получали по опредѣленной цѣнѣ и дрова, причемъ въ 1817 году цѣна эта далеко не достигала покупной. Престарѣлые получали пенсіи и содержаніе отъ владѣльца, малолѣтнимъ хлѣбъ отпускался даромъ. Рабочіе имѣли свои дома и огороды, всѣ повинности уплачивали за нихъ владѣльцы.

О денежной цѣнности натуральныхъ прибавокъ къ денежной платѣ можно судить по тому, что въ 1819 году владѣлецъ фабрики Яковлевъ подалъ просьбу въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли объ избавленіи его отъ обязанности отпускать по вышеназванной цѣнѣ муку, а также и дрова фабричнымъ, съ одновременнымъ повышеніемъ денежной платы рабочимъ на 50%. При этомъ онъ представилъ разсчетъ, по которому рабочимъ за 1813—1818 гг. выдавалось въ среднемъ ежегодно деньгами 108.589 руб., а уступка на цѣнѣ муки и дровъ ежегодно достигала 53.607 руб. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе признать, что дѣйствительная плата рабочимъ Ярославской Большой Мануфактуры, по крайней мѣрѣ, на 50% превышала денежную, ибо не могъ же фабрикантъ просить о вещи, для него убыточной.

Ежемѣсячная плата рабочимъ на Большой Ярославской Мануфактурѣ.

Ткачи вырабатывали сред. числомъ . .	8	р.	20	к.	—	13	р.	40 к.
Переборщики „ „ „ . .	5	„	70	„	—	8	„	95 „
Ткачихи „ „ „ . .	5	„	30	„	—	7	„	50 „

коммерціи-совѣтнику Ліону, а напослѣдокъ купцамъ Бабкинымъ, 11 ноября 1831 года; Дѣло объ отдачѣ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову въ потомственное содержаніе Купавинской шелковой фабрики, 9 сентября 1803 г. (Арх. д-та Т. и М.).

Красильщики пряжи:

Мастера	12 р. 50 к.
Помощникъ вырабат. сред. числ. . .	10 „ 25 „
Работникъ „ „ „ . . .	7 „ 31 „
Женщины (витье пряжи)	3 р. 23 к. — 7 „ 70 „

Такъ какъ число ткачей, получавшихъ высшую плату, повидимому, было не велико, то средній заработокъ полотнянаго ткача Яковлевской фабрики въ 1817 г. можно принять въ 15 руб. въ мѣсяцъ (10 руб. денежная плата и 50% уступка въ цѣнѣ хлѣба и дровъ). Средній заработокъ ткачихи былъ не менѣе 10 руб. (полагая денежную плату въ 6—7 рублей и 50% прибавки). Если мы сравнимъ эту плату съ платой на той же фабрикѣ въ 1803 г., мы замѣтимъ огромное возрастаніе какъ денежной, такъ и реальной платы. Въ 1803 г. ткачъ зарабатывалъ на Ярославской Большой Мануфактурѣ среднимъ числомъ 4 р. 15 к. въ мѣсяцъ, а ткачиха 2 р. 52 к. въ мѣсяцъ; правда, сюда слѣдуетъ прибавить уступку въ цѣнѣ муки, но въ 1803 г., благодаря болѣе низкимъ цѣнамъ хлѣба (ржаная мука покупалась владѣльцами по 50 к, а пшеничная по 87 к.), уступка эта выражалась ничтожной прибавкою къ денежной платѣ, а дрова въ 1803 году уступались рабочимъ по покупной цѣнѣ.

При опросѣ рабочихъ Яковлевской мануфактуры чиновникомъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли Бурнашевымъ (объ этомъ я говорилъ выше, въ главѣ IV), почти всѣ рабочіе показали, что свой заработокъ они признаютъ недостаточнымъ и требуютъ не меньше 150 рублей въ годъ (т.-е. 12 р. 50 коп. въ мѣсяцъ). Я уже упоминалъ, что волненія рабочихъ, въ концѣ концовъ, привели къ повышенію заработной платы на 7%.

На другихъ полотняныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ рабочая плата мало отличалась отъ платы на Большой Ярославской Мануфактурѣ. На Малой Ярославской Мануфактурѣ, полотняной фабрикѣ въ городѣ Ярославлѣ, принадлежавшей купцу Угличанинову, рабочіе имѣли дома, подати за нихъ платились владѣльцами, мука отпускалась рабочимъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и на фабрикѣ Яковлева, но денежная плата была ниже.

Мѣсячная плата на Малой Ярославской Мануфактурѣ.

Въ 1817 г.

Ткачи	7 р. 50 к.—12 р. 50 к.
Ткачихи	4 „ 17 „ — 5 „ 83 „
Сновальщики	5 „ 83 „ —10 „ 83 „
Женщины (витье пряжи)	2 „ 50 „ — 3 „ 33 „
Столяры, Бердники, Кузнецы	6 „ — „ — 8 „ — „

На полотняной фабрикѣ Куманина въ Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, рабочіе имѣли не только избы, огороды, но также и свои покосы. Дрова отпускались хозяиномъ даромъ. Всѣ подати платилъ хозяинъ. Денежная плата была не выше, чѣмъ на Яковлевской фабрикѣ.

Мѣсячная плата на полотняной фабрикѣ Куманина.

Въ 1820 г.

Мастеръ	15 р. — к.
Подмастерье	12 „ 20 „
Котельщикъ	7 „ — „
Ткачи	7 „ 16 „
Женщины (размотка пряжи)	5 „ — „
Сновальщики	10 „ — „
Нитовщики (малолѣтн.)	4 „ — „
Браковщики	14 „ — „
Бердовщики	12 „ — „

На полотняной фабрикѣ Щербатова, въ Ярославскомъ уѣздѣ, поссессіонные ткачи вырабатывали въ мѣсяцъ около 12 р. 50 к.; вольные ткачи получали на фабрикѣ Горбунова въ городѣ Романовѣ, Ярославской губерніи, болѣе 20 рублей въ мѣсяцъ. Въ Москвѣ, около 1820 г., плата вольнонаемнымъ рабочимъ, по показанію московскаго комитета снабженія войскъ сукнами, была не менѣе 300—400 руб. въ годъ для взрослыхъ мужчинъ, а для

Средняя мѣсячная заработная плата въ рубляхъ и копѣйкахъ серебромъ на 12 фабрикахъ Иваново-Вознесенска въ 1856 г.

Къ стр. 203.

(Вычислено по даннымъ, сообщеннымъ мѣстнымъ изслѣдователемъ Бабуринымъ. „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1865 г., №№ 42—47).

РОДЫ ТРУДА.	Ф А Б Р И К И.																							
	Ситценабивная Н. Гарелина. 578 рабочихъ.		Бумагопрядильная Н. Гарелина. 560 рабочихъ.		Ситценабивная и бумаготкацкая Я. Гарелина. 1530 рабочихъ.		Ситцевая П. Зубкова. 554 рабочихъ.		Ситцевая и бумаготкацкая Кокушкина. 289 рабочихъ.		Ситцевая Удина. 177 рабочихъ.		Ситцевая Буркова. 131 рабочій.		Ситцевая Меншикова. 101 рабочій.		Ситцевая Борисова. 77 рабочихъ.		Ситцевая и бумаготкацкая Шодчина. 272 рабочихъ.		Ситцевая Дурденевскаго. 90 рабочихъ.		Ситцевая Кувакова. 91 рабочій.		Средняя плата.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Приказчики	54	17	—	—	62	50	54	17	25	—	29	17	20	83	—	—	22	92	62	50	43	75	29	17	40	42
Пристава	14	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	50	16	67	16	67	—	—	15	8
Машинисты	83	33	—	—	—	—	125	—	29	17	20	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	64	58
Колеристы	208	33	—	—	145	83	416	66	83	33	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	66	170	17
Граверы	30	—	—	—	21	67	34	17	15	42	37	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	75
Конторщики	33	33	—	—	—	—	31	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32	25	32	28
Рисовальщики	29	17	—	—	33	33	41	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	67	36	42
Слесаря	13	33	12	50	—	—	14	58	10	42	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	17
Кубовщики	14	58	—	—	—	—	16	66	—	—	13	33	13	33	—	—	12	50	15	—	—	—	—	—	14	17
Рѣзчики	11	25	—	—	10	42	11	67	10	42	10	42	10	42	—	—	11	25	11	25	—	—	10	42	10	83
Кузнецы	10	42	—	—	—	—	10	42	6	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	17
Набойщики	10	83	—	—	10	42	10	42	8	33	9	58	9	17	—	—	8	33	8	75	10	42	10	—	9	67
Штрифовальщики	—	88	—	—	1	4	1	4	—	88	1	4	—	96	—	—	—	92	1	4	1	4	1	4	—	98
Заварщики	14	58	—	—	—	—	—	—	—	—	12	50	10	—	12	50	10	83	14	17	—	—	11	67	12	33
Раклисты	16	67	—	—	—	—	—	—	12	92	—	—	—	—	13	33	13	33	—	—	—	—	—	—	14	—
Столяры	11	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
Чернорабочіе	5	42	—	—	4	58	5	—	4	58	5	—	4	17	4	79	4	58	4	58	7	92	5	83	5	17
Прядильщики	—	—	14	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	58
Ткачи (на мех. ст.)	—	—	—	—	10	83	—	—	11	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
Ткачи (на ручн. ст.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	67	—	—	—	—	6	67
Сновальщики	—	—	—	—	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	83	—	—	—	—	6	4
Клеельщики	—	—	5	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	33	—	—	—	—	7	8
Шпульн. и цѣвошники	—	—	1	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25	—	—	—	—	1	16
Мытильщики	—	—	—	—	8	33	—	—	7	29	6	25	6	67	—	—	—	—	—	—	—	—	7	8	7	8
Накатчики	—	—	—	—	—	—	18	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	75
Красовары	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	75	—	—	—	—	18	75	—	—	25	—	—	—	19	17
Перротинщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	67
Надсмотрщики	—	—	—	—	—	—	18	75	—	—	—	—	14	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	46

Средняя мѣсячная заработная плата на бумагопрядильняхъ въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 1858 году.

(По сообщенію Я. Гарелина, „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1858 г., № 39).

РОДЫ ТРУДА.	Серебр.	
	Р.	К.
Прядильщики (взр. мужч.)	20	—
Помощники ихъ (18 лѣтъ)	7	50
Присучальщики (16 лѣтъ)	5	50
Ставильщики (14 лѣтъ)	3	50
Забурашники (15 лѣтъ)	5	—
Точильщики (взр. мужч.)	7	—
Трепальщики (взр. мужч.)	7	—
Чесальщики (взр. мужч.)	14	—
Ленточницы (женщины)	5	50
Банкоброшницы (женщ.)	6	—
Мотальщицы (женщины)	9	—

Средняя мѣсячная заработная плата въ 1854 г. на бумагопрядильнѣ Борисовскаго въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ

(По сообщенію владимірскаго губернскаго механика Н. Несытова, „Журн. М. и Т.“, 1858, т. II).

РОДЫ ТРУДА.	Серебр.	
	Р.	К.
Трепальщики	6	—
Чесальщики	7	—
Банкоброшницы	3	50
Ленточницы	3	50
Ставильщики (дѣти)	2	50
Присучальщики	5	—
„ дѣти	3	—
Прядильщики	12	50
Щипальщики	6	—
„ дѣти	2	50
Мотальщицы	4	50
Валешники	12	50
„ женщины	4	—
Машинисты	13	—
Кочегары	6	50
Тазовщики	7	—
Пачешники	12	—
Обертывальщики (дѣти)	4	—
Паковщики	6	—
Слесаря	12	50
Токари	12	50
Паяльщики	13	—
Кузнецы	14	—
Молотобойцы	7	—
Столяры	11	—
Маляры	15	—
Кровельщики	15	—
Печники	12	50
Чернорабочіе	7	—
Сторожа	5	—

женщинъ и несовершеннолѣтнихъ—150—200 руб. въ годъ. Слѣдовательно, въ 20-хъ годахъ мѣсячная плата вольнонаемнаго фабричнаго рабочаго въ Москвѣ примѣрно достигала 25—30 руб. и болѣе, а женщинъ—12—15 р. и болѣе [1]).

Относительно заработной платы въ хлопчатобумажномъ производствѣ у меня нѣтъ такихъ же надежныхъ данныхъ, какъ вышеприведенныя, допускающія повѣрку показаніями рабочихъ. Приходится довольствоваться отрывочными цифрами заработной платы, приводимыми въ литературѣ. Прилагаемая таблица можетъ познакомить съ рабочей платой на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Владимірской губерніи въ 50-хъ годахъ.

Изъ этой таблицы видно, что мѣсячный заработокъ ткача на механическихъ станахъ въ 1856 г. былъ около 11 р. серебромъ, а на ручныхъ станахъ около 7 р. сер. Плата набойщику почти достигала 10 р., прядильщикамъ—15 р. и болѣе. Столяры, кузнецы, слесаря вырабатывали 10—12 р. и болѣе, чернорабочіе—около 5 р. Заработная плата дѣтей-шпульниковъ, штрифовальщиковъ была ничтожна—едва превышала 1 р. Женщины вырабатывали, по даннымъ Я. Гарелина, отъ 5 р. 50 к. до 9 р.; на бумагопрядильнѣ Борисовскаго почти всѣ платы значительно ниже—это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ 1854 году (годъ Крымской войны), къ которому относятся приводимыя данныя, былъ сильный застой въ хлопчатобумажной промышленности; во второй половинѣ 50-хъ годовъ заработная плата фабричныхъ рабочихъ сравнительно съ 1854 г. значительно поднялась.

Сопоставимъ эти платы съ цѣнами хлѣба.

Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ [2]).

1852—56 гг. . . . . 47 к.

Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ (1890—94 г.) ржаная мука (обыкновенная) продавалась въ Москвѣ за 93 к. [3]). Такимъ обра-

---

[1]) Данныя о заработной платѣ рабочимъ на полотняныхъ фабрикахъ взяты изъ двухъ дѣлъ: Дѣло по жалобамъ мастеровыхъ людей Большой Ярославской Мануфактуры на владѣльцевъ оной Яковлевыхъ въ произвожденіи ими малой заработной платы, 16 марта 1817 г.; Дѣло о притѣсненіяхъ, чинимыхъ фабрикантомъ Угличаниновымъ мастеровымъ людямъ, 22 іюня 1817 г. (Арх. д-та Т. и М.).

[2]) „Хлѣбопекарный промыселъ въ Москвѣ“.

[3]) „Вліяніе низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на разныя стороны народнаго хозяйства.“ С.-Петербургъ, 1897 г., т. II, стр. 151.

зомъ, цѣна хлѣба со времени 50-хъ гг. поднялась почти вдвое. Можно признать, что на современныя деньги механическій ткачъ въ Ивановѣ въ 1856 году получалъ около 22 р., ручной—14 р., набойщикъ—20 р., прядильщикъ—30 р. и т. д. Какъ увидимъ ниже, въ наше время рабочая плата значительно ниже.

Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что вторая четверть этого вѣка въ Россіи характеризовалась сравнительно высокой заработной платой фабричныхъ рабочихъ. Въ обширной статьѣ въ „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ за 1837 г. (№ XII) „О состояніи рабочихъ въ Россіи“ приводятся очень высокія цифры заработной платы; такъ, по словамъ автора статьи, „хорошій ткачъ шелковыхъ матерій можетъ пріобрѣсть въ Москвѣ по 3, 4 и болѣе рублей въ день (ассигнаціями). Порядочный прядильщикъ получаетъ по 40 и 45 р. въ мѣсяцъ; печатникъ и набойщикъ отъ 400 до 500 р. въ годъ; наконецъ, красильщикъ и бѣлильщикъ получаютъ, среднимъ числомъ, отъ 20 до 25 р. въ мѣсяцъ. Дѣтямъ и женщинамъ платятъ то въ положенные сроки, то за работу. Многія пріобрѣтаютъ по 150, 200 и 250 р. въ годъ“. Эти данныя, вѣроятно, значительно преувеличены. Но если даже, въ дѣйствительности, средній шелковый ткачъ получалъ вдвое меньше, чѣмъ утверждается въ цитируемой статьѣ, все же заработокъ его былъ весьма значителенъ.

Много данныхъ о заработной платѣ фабричныхъ рабочихъ въ Россіи въ 40-хъ годахъ сгруппировано въ извѣстномъ трудѣ Гакстгаузена, наблюдателя, въ большинствѣ случаевъ, очень точнаго и потому заслуживающаго довѣрія. По его словамъ, рабочіе на Большой Ярославской Мануфактурѣ въ 40-хъ годахъ (послѣ своего освобожденія) зарабатывали: ткачи—отъ 1 р. 30 к. до 2 р. (ассигн.) въ день, ткачихи отъ 60 до 80 к. въ день. На шелковой фабрикѣ Оловянишникова въ Ярославлѣ ткачъ легкихъ матерій вырабатывалъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 40 к. въ день, ткачъ тяжелыхъ матерій вырабатывалъ еще больше. Въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, ткачиха вырабатывала около одного рубля въ день. Въ Нижегородской губерніи, Арзамасскомъ уѣздѣ, на кожевенномъ заводѣ Щетинина взрослый рабочій получалъ въ годъ 160—170 р. серебромъ, т.-е. болѣе 500 р. ассигнаціями. Гакстгаузенъ принимаетъ, что заработокъ средняго фабричнаго рабочаго въ Россіи можно считать 1 р. ассигнаціями въ день; заработокъ прядильщика достигалъ 1 р. 50 к. въ день, ткача и набойщика—2 р.

Сравненіе заработной платы фабричныхъ рабочихъ въ Россіи

и Германіи оказывается, по словамъ Гакстгаузена, крайне неблагопріятнымъ для Германіи. Такъ, ткачиха въ селѣ Великомъ зарабатывала вдвое противъ обычнаго заработка ткачихъ въ Билефельдѣ. Гакстгаузенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги даже утверждаетъ, что „ни въ одной странѣ заработная плата (фабричныхъ рабочихъ) не достигаетъ такой высоты, какъ въ Россіи". „Даже денежная заработная плата въ Россіи, въ общемъ, выше, чѣмъ въ Германіи. Что же касается до реальной платы, то преимущество русскаго рабочаго передъ заграничнымъ въ этомъ отношеніи еще значительнѣе" [1]).

Въ „Изслѣдованіи о состояніи льняной промышленности въ Россіи", изданномъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1847 г., также приводятся, въ нѣсколькихъ случаяхъ, платы рабочимъ на полотняныхъ фабрикахъ. Плата эта оказывается очень высокой. Такъ, на фабрикѣ Кузьмина въ Москвѣ, по словамъ изслѣдованія, ткачи тонкихъ скатертей получали въ день по 3 р. ассигн., ткачи полотенецъ—по 2 р. Пряха въ селѣ Великомъ вырабатывала 42—50 коп. въ день. Хорошіе ткачи тонкихъ полотенъ въ селѣ Никольскомъ, Ярославской губ., среднимъ числомъ получали около 1 р. 50 к. въ день (лѣтомъ, зимою нѣсколько меньше) [2]).

Я считаю показанія Гакстгаузена относительно платы русскаго рабочаго преувеличенными. По моимъ даннымъ, заработная плата была значительно ниже; но если даже и не согласиться съ мнѣніемъ Гакстгаузена, что русскій рабочій получалъ въ 40-хъ годахъ значительно больше германскаго, все же слѣдуетъ признать фактъ сравнительной высоты заработной платы въ николаевской Россіи.

Правда, изъ этой платы слѣдуетъ вычесть оброкъ, уплачивавшійся помѣщичьими крестьянами помѣщику. Но, во-первыхъ, это относится только къ помѣщичьимъ крестьянамъ, а не къ государственнымъ, а во-вторыхъ, хотя оброки помѣщичьихъ крестьянъ въ николаевскую эпоху и были очень высоки (оброкъ въ центрѣ ситценабивной промышленности—селѣ Ивановѣ—былъ около 80 р. ассигн. съ тягла—но такой высокій оброкъ, безъ сомнѣнія, былъ исключеніемъ, какъ и само село Иваново) и на уплату оброка

[1]) Haxthausen. „Studien über die innern Zustände Russlands", I — стр. XIII 170, 171, 326, III—стр. 584, 586 и др.

[2]) „Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи." Стр. 64, 80, 90.

шла довольно значительная доля заработной платы (но врядъ ли болѣе 1/10), зато въ пореформенную эпоху оброки были замѣнены гнетомъ податей, быть можетъ, еще болѣе тяжелымъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ нельзя не признать, что заработная плата фабричнаго рабочаго въ Россіи въ 40-хъ годахъ была высока, сравнительно какъ съ предыдущимъ, такъ (объ этомъ я буду говорить ниже) съ послѣдующимъ временемъ.

Правда, въ хлопчатобумажной промышленности рабочая плата съ начала вѣка скорѣе понизилась, а не повысилась. Бумажный ткачъ (поссессіонный) зарабатывалъ на фабрикѣ Грачева въ 1803 г. 10 р. въ мѣсяцъ (ассигн.), при цѣнѣ муки 66 к. пудъ, а въ 1856 г. вольнонаемный ручной ткачъ получалъ меньше 7 р., при цѣнѣ муки 47 к. Слѣдовательно, реальная плата *вольнаго* ручного ткача въ 1856 была ниже, чѣмъ въ 1803 г. плата поссессіонаго. Но это зависѣло отъ исключительно высокаго уровня заработной платы въ хлопчатобумажномъ производствѣ въ первые годы этого вѣка. Движеніе заработной платы набойщиковъ и бумажныхъ ткачей представляетъ почти непрерывное паденіе.

Лучшій знатокъ промышленной исторіи Владимірской губерніи, Я. Гарелинъ, доставилъ въ 1873 г. въ Валуевскую комиссію слѣдующія данныя объ измѣненіи заработной платы на бумажныхъ фабрикахъ въ селѣ Ивановѣ, приводимыя въ таблицѣ на стр. 207. [1]).

Заработная плата набойщиковъ и ткачей, какъ денежная, такъ и еще болѣе реальная, быстро падаетъ. Денежная плата всѣхъ ругихъ рабочихъ повышается, но слабѣе, чѣмъ повышается цѣна хлѣба—иначе говоря, реальная заработная плата ихъ также падаетъ. Дѣло въ томъ, что въ началѣ вѣка заработная плата въ Ивановѣ, какъ центрѣ ситцепечатнаго производства, развившемся съ поразительной быстротой, была гораздо выше средняго уровня (не нужно забывать, что всѣ цѣны въ таблицѣ Гарелина выражены въ рубляхъ *серебромъ*, а не въ ассигнаціяхъ); этимъ и объясняется паденіе реальной платы въ Ивановѣ по мѣрѣ притока рабочихъ изъ другихъ мѣстностяхъ.

Противоположность измѣненія заработной платы въ хлопчатобумажной промышленности и другихъ отрасляхъ труда объясняется очень просто. Хлопчатобумажное ткачество и набойка ситцевъ были сравнительно новымъ дѣломъ въ Россіи начала вѣка. Огром-

[1]) „Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи.“ Спб. 1873. Прил. I. Отдѣлъ II. Стр. 227.

Мѣсячная заработная плата въ селѣ Ивановъ и окрестностяхъ.

(Въ рубляхъ и копѣйкахъ серебромъ).

	Около 1810 года.	Около 1830 года.	Около 1850 года.	Около 1860 года.
Набойщики.	12—20 р.	8—15 р.	6—12 р.	5—8 р.
Ткачи ручные	6 р.	4 р. 50 к.	3 р. 50 к.—4 р. — к.	3 р. — к.—3 р. 50 к.
Ткачи механическіе . .	—	—	12—16 р.	10—13 р.
Мытильщики	3—4 р.	5 р.	7 р. — к.—7 р. 30 к.	7 р. 50 к.—9 р. — к.
Закотельщики	2—3 „	3 р. 25 к.	3 „ 50 „—4 „ — „	4 „ 50 „—4 „ 75 „
Рабочіе на цилиндр. машинахъ	—	3 „ 75 „	4 р. 60 к.	5 „ — „—6 „ 50 „
Рабочіе на голандрахъ .	2 р. — к. — 2 р. 50 к.	3 „ 15 „	3 „ 50 „	3 „ 75 „—4 „ 15 „
Чернорабочіе	1 „ 50 „ — 2 „ — „	3 р. 15 к.—3 р. 50 к.	3 р. 50 к.—4 р. 20 к.	3 „ 75 „—4 „ 50 „
Мальчики	1 „ — „ — 1 „ 25 „	1 „ 25 „—2 „ — „	1 р. 80 к.	2 „ — „—2 „ 50 „
Женщины (сшивалки, переборщицы и проч.) .	1 „ 50 „ — 1 „ 75 „	1 „ 75 „—2 „ 50 „	2 р. 25 к.—2 р. 75 к.	2 „ 50 „—3 „ — „
Цѣна пуда ржаной муки.	14—19 к.	28—33 к.	50—60 к.	60—65 к.

ное паденіе цѣны англійской пряжи, вызванное введеніемъ прядильной машины, не сопровождалось первое время пропорціональнымъ пониженіемъ цѣны готовой ткани въ Россіи. Поэтому бумажное ткачество и набойка миткалей сдѣлались чрезвычайно выгодной операціей, доступной къ тому же не только крупнымъ предпринимателямъ — фабрикантамъ, но, благодаря несложности производства, не требовавшаго дорогихъ инструментовъ и машинъ, и мелкимъ предпринимателямъ, даже одиночнымъ производителямъ—кустарямъ. Пока новое производство было мало распространено и составляло почти монополію первыхъ піонеровъ (напримѣръ, села Иванова во Владимірской губерніи), заработокъ набойщиковъ и бумажныхъ ткачей былъ чрезвычайно великъ, такъ какъ каждый ткачъ или набойщикъ имѣлъ полную возможность заняться этимъ дѣломъ за свой собственный счетъ и, понятно, не сталъ бы работать на фабриканта за низкую плату; съ другой стороны, фабриканты, получая „упятеренный рубль на рубль“ (500% барыша въ годъ), могли давать высокую плату своимъ рабочимъ.

По этой причинѣ заработная плата хлопчатобумажныхъ ткачей и набойщиковъ въ началѣ этого столѣтія въ нѣсколько разъ превышала плату другихъ рабочихъ. Но такое различіе платы не могло удержаться долгое время. Чѣмъ энергичнѣе развивалась хлопчатобумажная промышленность, чѣмъ бо́льшія толпы рабочихъ она привлекала, тѣмъ болѣе теряла она монопольный характеръ. Прибыль хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ понижалась, и вмѣстѣ понижалась заработная плата набойщиковъ и ткачей. Разница между заработной платой въ хлопчатобумажной и другихъ отрасляхъ промышленности должна была сглаживаться. По мѣрѣ паденія заработка набойщиковъ и бумажныхъ ткачей, росъ заработокъ рабочихъ на суконныхъ, шелковыхъ, полотняныхъ и другихъ фабрикахъ, такъ какъ возможность заняться болѣе выгоднымъ бумажнымъ ткачествомъ, приливъ рабочихъ на хлопчатобумажныя фабрики, развитіе кустарнаго ткачества не могли не уменьшать предложенія рабочихъ рукъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ труда. Такимъ образомъ, одновременно заработокъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ падалъ, а всѣхъ другихъ—возрасталъ.

Въ 40-ые и 50-ые годы разница между заработной платой на хлопчатобумажныхъ и другихъ фабрикахъ совершенно сгладилась. Рабочіе на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ стали получать не больше, чѣмъ всѣ другіе.

Такимъ образомъ паденіе платы набойщиковъ и бумажныхъ ткачей отнюдь не колеблетъ нашего общаго вывода о повышеніи заработной платы во вторую четверть этого вѣка. Николаевская эпоха была временемъ сравнительно высокой рабочей платы—и это вполнѣ понятно. Съ одной стороны, быстрый ростъ фабричной промышленности создавалъ огромный спросъ на рабочія руки, съ другой — предложеніе рабочихъ рукъ уменьшалось, во-первыхъ, закрѣпощенностью населенія, а во-вторыхъ, развитіемъ кустарной промышленности, дававшей занятіе крестьянину у себя дома и избавлявшей его отъ фабрики. Этимъ и объясняется поражавшій Гакстгаузена фактъ высокой заработной платы фабричнаго рабочаго въ крѣпостной Россіи.

ГЛАВА VI.

Фабрика и кустарная изба.

Связь между фабричной и кустарной промышленностью.—Возникновеніе кустарной промышленности подъ вліяніемъ фабрики.—Кустарная набойка и ткачество въ селѣ Ивановѣ.—Превращеніе фабрики въ фабричную контору.—Ростъ „самостоятельнаго“ кустарнаго производства.—Значеніе въ этомъ отношеніи фабрики.—„Самостоятельные“ ткачи-кустари въ Ивановѣ.—Базарная торговля миткалемъ.—Жалобы фабрикантовъ на „недобросовѣстность“ домашнихъ ткачей.—Попытки фабрикантовъ задержать развитіе домашняго ткачества.—Отношеніе министерства финансовъ къ кустарной промышленности.—Законъ 1846 года относительно раздачи работы на домъ.—Развитіе кустарнаго ткачества въ Николаевскую эпоху.—Распаденіе полотняныхъ фабрикъ.—Жалобы полотняныхъ фабрикъ на конкуренцію кустарей.—Распаденіе суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ.—Кустарная обработка пеньки.—Роль фабрики въ развитіи кустарныхъ промысловъ по обработкѣ металловъ.—Наблюдаемое во многихъ промыслахъ раздробленіе производства.—Развитіе кустарныхъ промысловъ Московской губерніи.—Роль крѣпостного права въ развитіи кустарныхъ промысловъ.—Эволюція отдѣльныхъ отраслей промышленности—бумаготкацкой и ситцепечатной.—Общая характеристика состоянія кустарнаго производства и его внутренняго строя въ Николаевскую эпоху.

Отношенія фабрики и кустарной промышленности въ XVIII вѣкѣ, какъ я уже упоминалъ, никоимъ образомъ не укладываются въ обычную схему борьбы крупнаго и мелкаго производства. Крупное производство, промышленный капиталъ не только не дѣйствовали угнетающимъ образомъ на мелкую промышленность, но, наоборотъ, энергично помогали ея развитію. Въ настоящее время я долженъ болѣе обстоятельно остановиться на этомъ пунктѣ. Какимъ образомъ возникло кустарное производство — изготовленіе крестьянами разнаго рода издѣлій для рынка? Обыкновенно думаютъ, что кустарная промышленность произошла изъ

семейнаго или домашняго производства — изъ изготовленія предметовъ для нуждъ самой семьи. Спеціализація занятій и раздѣленіе труда приводятъ къ выдѣленію изъ среды сельской общины нѣкоторыхъ крестьянъ, спеціально занимающихся тѣмъ или инымъ промысломъ, сначала по заказамъ односельчанъ, а затѣмъ и для рынка. Такимъ образомъ возникаетъ крестьянское производство для рынка—кустарная промышленность.

„Кустарная промышленность въ Россіи, — говоритъ, напр., г. В. В.,— выросла изъ домашняго производства сельскаго населенія; на всѣхъ ступеняхъ превращенія домашняго производства въ кустарное главнѣйшими промышленными дѣятелями были крестьяне же“ [1]).

Въ западно-европейской литературѣ мы встрѣчаемся съ такимъ же мнѣніемъ. Бюхеръ въ своей замѣчательной книгѣ „Die Entstehung der Volkswirthschaft“ принимаетъ, что Hausindustrie восточно-европейскихъ странъ возникла изъ домашняго производства (Hausfleiss); то же повторяетъ за Бюхеромъ и Зомбартъ въ статьѣ „Hausindustrie“ словаря Конрада.

И дѣйствительно, ближайшее изученіе исторіи нашихъ кустарныхъ промысловъ показываетъ, что многіе изъ нихъ, несомнѣнно, возникли изъ домашняго производства. Старинные промыслы Московскаго государства, о которыхъ я говорилъ раньше, возникли именно такъ. Ихъ происхожденіе теряется въ дали временъ. Правда, крестьянская промышленность Московскаго государства далеко не была тѣмъ, о чемъ мечтаютъ наши поклонники патріархальной старины. Какъ я указывалъ, кустарные промыслы, ведущіе свое начало, дѣйствительно, отъ домашняго производства, уже въ XVII и XVIII вѣкѣ оказываются въ большей или меньшей степени подчиненными торговому капиталу. Потребитель былъ, какъ стѣной, отгороженъ скупщикомъ отъ производителя-кустаря. Во всякомъ случаѣ, старинные крестьянскіе промыслы, которые существовали въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, несомнѣнно, не были продуктомъ капитализма. Поэтому противопоставленіе такихъ промысловъ капиталистическимъ формамъ промышленности имѣетъ свой raison d'être, хотя подчиненіе ихъ торговому капиталу началось гораздо раньше, чѣмъ у насъ обыкновенно думаютъ. Вообще, всякая крестьянская промышленность только до тѣхъ поръ можетъ сохранять характеръ самостоятельнаго производства, пока она ра-

[1]) Очерки кустарной промышленности, СПБ. 1816 г. стр. 49.

ботаетъ на близкій рынокъ или по заказамъ потребителя; но, какъ только мелкій производитель начинаетъ работать на отдаленный рынокъ, онъ неизбѣжно подчиняется посреднику-капиталисту, какъ болѣе сильному экономическому элементу; власть надъ рынкомъ всегда сопровождается и властью надъ производителемъ. Западноевропейская наука не проводитъ принципіальнаго различія между двумя формами Hausindustrie—покупной системой (Kaufsystem) и наемной системой (Lohnsystem). Продаетъ ли мелкій производитель свой товаръ купцу за опредѣленную плату, или дѣлаетъ этотъ товаръ по заказу купца изъ матеріала заказчика — суть дѣла не мѣняется. И въ томъ и другомъ случаѣ истиннымъ руководителемъ предпріятія является не производитель, а купецъ или предприниматель, въ руки котораго попадаетъ продуктъ. Поэтому наша кустарная промышленность имѣла въ большей или меньшей степени капиталистическій характеръ уже въ допетровской Руси, была домашней системой капиталистическаго производства. Къ сожалѣнію, детальное выясненіе взаимныхъ отношеній кустарей и скупщиковъ въ XVII и XVIII вѣкѣ невозможно по скудости историческаго мотеріала.

Итакъ, ко многимъ крестьянскимъ промысламъ вполнѣ примѣнима обычная схема ихъ развитія. Это тѣ промыслы, время возникновенія которыхъ крестьяне опредѣляютъ словомъ: „искобинѣ“ (искаженное „искони бѣ“). Къ числу такихъ промысловъ относится, напр., плетенье лаптей, валянье войлоковъ, ткачество грубого холста и сукна, бондарный промыселъ, изготовленіе деревянныхъ издѣлій, скорняжничество, шубничество и пр. и пр. Всѣ эти промыслы возникли изъ домашняго производства. Они были завоеваны капитализмомъ, но созданы не имъ.

Но всѣ ли крестьянскіе промыслы развились такимъ же образомъ? Московскіе статистики, изслѣдовавшіе кустарную промышленность Московской губерніи, обратили вниманіе на тотъ фактъ, что большая часть крестьянскихъ промысловъ сравнительно недавняго происхожденія; большинство ихъ возникло или въ концѣ прошлаго, или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. То же самое подтверждается и для другихъ промышленныхъ губерній—Владимірской, Ярославской, Костромской и пр. Цѣлый рядъ промысловъ въ губерніяхъ московской группы ведетъ свое начало съ „французскаго“—1812 года. Каково же происхожденіе этихъ болѣе новыхъ промысловъ? Находятся ли они въ генетической связи съ домашнимъ производствомъ?

Самымъ распространеннымъ ткацкимъ промысломъ въ центральномъ районѣ Россіи является бумажное ткачество. Хлопчатая бумага—иноземный продуктъ, въ Россіи никогда не добывавшійся; ситцы начали выдѣлываться въ Россіи въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ въ концѣ XVIII вѣка; вначалѣ они были дороги (бумажная пряжа по цѣнѣ почти равнялась шелковой) и употреблялись только высшими классами общества. То же слѣдуетъ сказать и о шелкоткацкомъ промыслѣ. И этотъ промыселъ возникаетъ въ центральной Россіи (преимущественно въ Московской губерніи) только въ XVIII вѣкѣ, и шелковыя ткани отнюдь не были предметомъ крестьянскаго потребленія. Если мы возьмемъ списокъ различныхъ промысловъ, зарегистрированныхъ земскими статистиками, то во многихъ случаяхъ уже по самому характеру промысла вполнѣ очевидно, что промыселъ этотъ не возникъ изъ домашняго производства. Возьмемъ, напр., патронный промыселъ (клееніе гильзъ для папиросъ), дающій занятіе въ Московской губерніи 8 тыс. работницъ. Вѣдь нельзя же думать, что крестьяне первоначально выдѣлывали папиросныя гильзы для собственнаго употребленія, а затѣмъ стали пускать ихъ въ продажу. То же можно сказать и о шитьѣ лайковыхъ перчатокъ (этимъ промысломъ занято въ Московской губерніи болѣе 3 тыс. работницъ). Когда же крестьяне носили лайковыя перчатки? Или, напр., позументное ткачество—выдѣлка офицерскихъ и солдатскихъ погоновъ, серебряныхъ галуновъ и пр. Развѣ это предметы крестьянскаго потребленія? И не очевидно ли, что всѣ эти промыслы никоимъ образомъ не могли возникнуть изъ домашняго производства, и развитіе ихъ никакъ не можетъ быть уложено въ обычную схему?

Всѣ эти промыслы (и многіе другіе), какъ я постараюсь показать, представляютъ собой законное дѣтище фабрики и крупной мастерской. У насъ обыкновенно представляютъ исторію кустарной промышленности въ слѣдующемъ видѣ: первоначально—домашнее производство для нуждъ семьи; затѣмъ (послѣ переходной стадіи ремесла) самостоятельная кустарная промышленность; еще далѣе—подчиненіе кустаря скупщику и превращеніе кустарной промышленности въ капиталистическую систему домашней промышленности и, наконецъ, въ отдаленіи, фабрика, какъ конечный пунктъ развитія. Эта схема болѣе или менѣе общепринята, и споръ идетъ только о послѣднемъ пунктѣ, т. е. о времени и самой возможности превращенія мелкаго крестьянскаго производства въ фабричное. Но я надѣюсь показать, что развитіе очень многихъ и важ-

ныхъ кустарныхъ промысловъ гораздо сложнѣе; что исторія этихъ промысловъ начинается не съ самостоятельнаго производства; что, такъ называемое, самостоятельное крестьянское производство являлось во многихъ случаяхъ результатомъ длинной эволюціи, въ основаніи которой лежало крупное производство.

Возьмемъ, напр., ту отрасль промышленности, которая энергичнѣе всего развивалась въ дореформенной Россіи и которая и въ настоящее время является однимъ изъ главныхъ источниковъ кустарныхъ заработковъ въ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи—хлопчатобумажную промышленность. Возникаетъ она въ формѣ крупныхъ фабрикъ, устроенныхъ иностранными капиталистами въ концѣ XVIII вѣка. Крупныя фабрики преобладаютъ; затѣмъ наблюдается, съ точки зрѣнія обычной теоріи, странное явленіе. Фабрика порождаетъ кустаря: быстро развивается кустарная набойка (особенно въ Шуйскомъ уѣздѣ), и фабрика не только не поглощаетъ кустарной промышленности, но, напротивъ, поглощается ею. Вокругъ каждой крупной фабрики, какъ грибы послѣ дождя, выскакиваютъ мелкія кустарныя заведенія, съ такимъ успѣхомъ конкурирующія съ фабрикой, что послѣдней приходится плохо. На бумаготкацкихъ фабрикахъ XVIII вѣка ткачество производилось въ самомъ фабричномъ зданіи. Но такъ какъ процессъ ручного ткачества очень простъ, то фабриканты не замедлили убѣдиться въ выгодности отдавать пряжу для тканья крестьянамъ на домъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ бумажныхъ фабрикантовъ, раздающихъ пряжу по домамъ [1]).

Въ XIX вѣкѣ этотъ обычай быстро распространяется, и домашнее ткачество вытѣсняетъ фабричное [2]). Во Владимірской гу-

---

[1]) „Около 56 семействъ (въ г. Ямбургѣ) находитъ себѣ занятіе въ обработкѣ хлопчатой бумаги (пряжи)... Владѣлецъ фабрики отпускаетъ имъ бумагу (пряжу) по вѣсу на домъ, гдѣ они имѣютъ небольшіе ткацкіе станы, изготовляемые въ самомъ же городѣ, и платитъ имъ за работу съ аршина. Въ самой фабрикѣ производится только тканье покрывалъ, требующихъ большихъ ткацкихъ станковъ". Freiherr von Campenhausen. Nachricht von der Stadt Jamburg. St. Petersburg. 1796 г., стр. 20.

[2]) Это было указано еще Корсакомъ въ его много разъ цитированной, замѣчательной книгѣ. Но Корсакъ неправильно относитъ начало этого процесса къ 1825 г. Въ дѣйствительности, процессъ этотъ начался гораздо раньше. Я не знаю, чѣмъ руководствовался въ своемъ утвержденіи Корсакъ, но что раздача пряжи по домамъ практиковалась до 1825 г., доказывается уже тѣмъ, что около этого года система домашней промышленности во Владимірской губерніи была въ полномъ расцвѣтѣ и рѣ-

берніи раздача бумажной пряжи по домамъ распространилась, по словамъ одного полуоффиціальнаго источника, во второмъ десятилѣтіи этого вѣка. Возникновеніе этой формы промышленности описывается въ этомъ источникѣ слѣдующимъ образомъ: „Купечество размножило фабрики, а крестьяне обогатились выгодными работами до того, что начали сами заводить небольшія фабрики собственно для бумажныхъ издѣлій. Они-то первые, не имѣя зданій для помѣщенія станковъ, начали отпускать основу по селеніямъ, и отсюда возникъ до сихъ поръ существующій обычай раздавать основу по деревнямъ“ [1]).

Такимъ образомъ фабрика разлагалась и возникала домашняя наемная работа. Не домашняя промышленность порождала фабрику, а, наоборотъ, фабрика порождала домашнюю промышленность. Но этимъ дѣло не кончалось. Крестьянинъ, получавшій отъ фабриканта работу на домъ, освоивался съ производствомъ; пока промыселъ находился въ періодѣ усиленнаго роста, спросъ на рабочія руки и издѣлія былъ великъ, а число лицъ, знакомыхъ съ производствомъ, было ограничено. И вотъ нашъ домашній работникъ превращается въ, такъ называемаго, самостоятельнаго кустаря, за свой счетъ пріобрѣтающаго матеріалъ и отъ себя продающаго товаръ на мѣстномъ базарѣ. Домашняя промышленность переходитъ

шительно преобладала надъ фабричной. Такъ, напр., около 1825 г. на фабрикѣ Посылиныхъ въ Шуѣ было 200 становъ, а по деревнямъ пряжи раздавалось на 2.000 становъ; у Баранова въ селѣ Ивановѣ на фабрикѣ совсѣмъ не было ткацкихъ становъ, а по деревнямъ раздавалось пряжи на 400 становъ; у Кубасова въ томъ же селѣ вся пряжа раздавалась по деревнямъ на 500 становъ, а на фабрикѣ только набивался миткаль; такихъ фабрикъ, совсѣмъ не имѣвшихъ ткацкихъ становъ, а раздавшихъ пряжу, въ селѣ Ивановѣ было очень много. См. „О бумажныхъ фабрикахъ во Владимірской губерніи“. Журналъ Мануфактуръ и Торговли 1828, № 2. „Многіе фабриканты имѣютъ при своихъ фабрикахъ малое только число становъ, раздавая пряжу для тканья по деревнямъ крестьянамъ, работающимъ на собственныхъ своихъ станахъ, и получая отъ нихъ сотканныя издѣлія, даютъ окончательную отдѣлку при фабрикѣ“. (Состояніе фабрикъ и заводовъ во Владимірской губ. въ 1828 г. Журналъ Ман. и Торг. 1830 г. № 6). Вообще книга Корсака, которая до сихъ поръ была единственной научной обработкой нашей новѣйшей промышленной исторіи, основана на очень скудномъ историческомъ матеріалѣ, и потому въ ней нерѣдко встрѣчаются ошибки и неточности.

[1]) Записка Московскаго отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта. Дѣло по проекту Зимина объ огражденіи фабрикантовъ отъ потерь при отдачѣ на домъ крестьянамъ пряжи, 12 сентября 1845 г. (Арх. Д. Т. и М.).

въ „самостоятельное“ кустарное производство — точнѣе говоря, наемная система домашней промышленности переходитъ въ покупную систему. Циклъ развитія, повидимому, завершается, при чемъ, страннымъ образомъ, развитіе идетъ въ совершенно обратномъ направленіи, сравнительно съ предполагаемымъ обычно: развитіе идетъ не отъ „самостоятельнаго“ кустаря, черезъ наемную домашнюю промышленность, къ фабрикѣ, а, наоборотъ, отъ фабрики, чрезъ наемную домашнюю промышленность, къ самостоятельному кустарю.

Иллюстраціей этого процесса можетъ служить исторія хлопчатобумажной промышленности села Иванова. Объ этомъ селѣ существуетъ огромная литература и его исторія намъ извѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Иваново и въ XVII вѣкѣ было промышленнымъ селомъ, но полотняное ткачество развивается въ немъ послѣ устройства въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка иностранцемъ Тамесомъ въ близлежащемъ селѣ Кохмѣ полотняной фабрики [1]).

На фабрикѣ Тамеса ивановцы научились ткать тонкія полотна, и въ Ивановѣ образовалось нѣсколько крупныхъ полотняныхъ фабрикъ, устроенныхъ богатыми мѣстными крестьянами, занимавшимися торговлей. Въ половинѣ XVIII вѣка на этихъ фабрикахъ начинаютъ набивать холстъ разными красками. Такъ какъ набоечное искусство очень несложно, то со второй половины прошлаго вѣка въ Ивановѣ появляются, на ряду съ крупными набоечными фабриками, и мелкія кустарныя набоечныя избы. „Съ 1776 г.“,— говоритъ Гарелинъ,—„по Иванову распространились набоечныя заведенія у, такъ называемыхъ, горшечниковъ или кустарей. Это развитіе обязано было началомъ своимъ большимъ фабрикамъ, которыя, не довольствуясь выдѣлкой полотна, ввели у себя существовавшую уже тогда набойку по холсту масляными красками“ (Городъ Иваново-Вознесенскъ. I, 143).

Переходъ отъ набойки по холсту къ набойкѣ по бумажнымъ

---

[1]) „Въ 1720 г. въ Кохмѣ (въ 9-ти верстахъ отъ Иванова) появляется иностранецъ Тамесъ. Въ 1720 г. устроена была Тамесомъ фабрика, которая послужила основаніемъ и образцомъ для мѣстной льноткацкой промышленности. Примѣръ Тамеса подѣйствовалъ благопріятнымъ образомъ на окрестныхъ обывателей, и вскорѣ начали заводить здѣсь такія же фабрики“. Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ, стр. 139. „Тканье холстовъ и прочихъ льняныхъ произведеній было заимствовано ивановцами отъ фабриканта Тамеса“. (Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Вып. I, стр. 62).

тканямъ совершился въ концѣ XVIII вѣка. Нѣкій Соковъ, ивановскій крестьянинъ, работавшій на шлиссельбургской ситцепечатной фабрикѣ, вывѣдалъ у лаборанта фабрики секретъ составленія красокъ, вернулся въ родное село и устроилъ набивную фабрику для набойки миткалей. Около того же времени въ Ивановѣ распространяется ткачество миткалей—сначала на крупныхъ фабрикахъ, затѣмъ на дому [1]).

1812-й годъ, уничтожившій московскія фабрики, далъ могущественный толчокъ ивановской промышленности. Съ этого времени въ Ивановѣ быстро распространяется кустарная набойка, а вокругъ Иванова—кустарное ткачество бумажныхъ матерій. Я говорилъ выше, какимъ выгоднымъ промысломъ во второе десятилѣтіе этого вѣка была кустарная набойка ситца [2]). По словамъ одного изслѣдователя 50-хъ годовъ, „промышленность въ селѣ Ивановѣ развивалась совершенно своеобразно и выработала множество условій,

---

[1]) Такъ передаетъ исторію возникновенія ситцепечатнаго производства въ селѣ Ивановѣ Гарелинъ. Полушинъ, тоже мѣстный старожилъ, излагаетъ ее иначе; по его словамъ, начало ситцепечатанья въ селѣ Ивановѣ относится къ 1751 году. Въ этомъ году крестьянинъ Григорій Бутримовъ, узнавъ у шлиссельбургскихъ фабрикантовъ секретъ крашенія миткалей, устроилъ миткалевую и ситцепечатную фабрику на 100 набивныхъ и ткацкихъ становъ. Вторымъ ситцевымъ фабрикантомъ былъ Иванъ Грачевъ, устроившій фабрику въ 300 становъ, какъ ткацкихъ, такъ и набивныхъ (Полушинъ. О ситцевой промышленности въ селѣ Ивановѣ и посадѣ Вознесенскомъ. Вѣстникъ Промышленности. 1870 г., т. 7). Но Борисовъ, знатокъ Шуйской старины, оспариваетъ правильность разсказа Полушина (В. Борисовъ. Историческія свѣдѣнія о началѣ заводовъ и фабрикъ въ г. Шуѣ и его уѣздѣ. Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Вып. IV, 1865 г.).

[2]) „Знаменитую эпоху отъ 1812—1822 г. можно считать для ситценабивной фабрикаціи Владимірской губерніи самой счастливой и благодѣтельной, особенно для набойщиковъ. Въ то время набойщикъ нанимался чуть ли не на вѣсъ золота, такъ тогда цѣнно было его искусство. Прилежный и ловкій набойщикъ, при помощи своего небольшого семейства могъ приготовить въ день до 20 штукъ ситцевъ, прогаландировалъ ихъ у постороннихъ на машинѣ, гдѣ ему складывали ситецъ въ штуки, прессовали, и въ такомъ опрятномъ видѣ товаръ поступалъ въ полное распоряженіе набойщика, который получалъ уже названіе мелочника, кустарника или горшечника. Въ первый базарный день этотъ горшечникъ продавалъ свои товары въ селѣ Ивановѣ купцамъ, пріѣзжавшимъ изъ разныхъ мѣстъ для покупки ситцевъ". Колеристы и набойщики Владимірской губерніи, И. Несытова. Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 г., стр. 51. Такъ же: Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ, стр. 204.

позволяющихъ принять участіе въ ней и воспользоваться выгодами ея почти всякому трудолюбивому и смѣтливому человѣку, имѣетъ ли онъ небольшой капиталъ, или даже вовсе не имѣетъ. Всего болѣе способствуетъ этому чрезвычайное развитіе кредита и, такъ сказать, раздробленность ситцевыхъ фабрикацій. Для каждой почти операціи этого производства существуетъ отдѣльное заведеніе, для нея именно предназначенное. Капиталъ, необходимый для устройства подобнаго заведенія, такъ, напр., для постройки избы для заварки и постановки въ ней котловъ, незначителенъ“ [1]).

Самостоятельная набойка, несомнѣнно, широко практиковалась въ Ивановѣ въ первую четверть этого вѣка; также несомнѣнно, что фабрика была технической школой для набойщика. Отношенія фабрики къ кустарю въ набойномъ производствѣ въ эту эпоху характеризовались отсутствіетъ соперничества: и фабричная и самостоятельная набойка быстро росли вслѣдствіе чрезвычайнаго спроса на ситцы. Вспомнимъ, что мы говорили раньше о значеніи этой эпохи въ исторіи нашего фабрикантскаго класса. Какъ я указывалъ, именно въ этотъ „золотой вѣкъ“ изъ среды кустарей вышло много крупныхъ фабрикантовъ. Дѣло обстояло такъ: изъ наемныхъ набойщиковъ, работавшихъ на фабрикахъ, болѣе предпріимчивые пріобрѣтали самостоятельность, наживались и затѣмъ сами начинали нанимать рабочихъ.

Въ области бумажнаго ткачества условія были иныя. Самостоятельная набойка могла процвѣтать въ ивановскомъ районѣ въ два первыхъ десятилѣтія нашего вѣка лишь потому, что набойка требуетъ значительнаго искусства—набойщики были аристократіей рабочаго класса; число ивановскихъ набойщиковъ не могло возрастать такъ же быстро, какъ возросъ спросъ на ивановскіе ситцы [2]). Напротивъ, ткачество бумажныхъ матерій является очень простой и несложной операціей, которой очень легко мо-

[1]) Власьевъ. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. III, стр. 16.

[2]) „Набойщики—народъ этотъ проворенъ, изворотливъ, смышленъ, и рѣдкій изъ нихъ не знаетъ грамоты и не пишетъ“. О фабричномъ и мастеровомъ классѣ Шуйскаго уѣзда. Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1847 г., № 25. „Между рабочими классами на фабрикахъ первое мѣсто занимаютъ набойщики, какъ наиболѣе образованные. Они живутъ достаточно и съ избыткомъ, но, къ несчастью, слишкомъ тратятся на щегольство и разгульную жизнь. Самые же неопрятные и необразованные—ткачи и шпульники“. В. Борисовъ. О мелочной промышленности въ Шуйскомъ уѣздѣ. Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1743 г., № 4.

жетъ научиться всякій крестьянинъ, издавна привыкшій, къ тому же, къ ткачеству для домашнихъ нуждъ. По этой причинѣ набойка миткаля сконцентрировалась преимущественно въ селѣ Ивановѣ, а бумажное ткачество распространилось по всѣмъ окрестнымъ селамъ и деревнямъ Владимірской губерніи. Въ бумаготкацкомъ производствѣ, поэтому-же, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго процвѣтанію ситценабивной промышленности послѣ „французскаго года".

Въ ткацкомъ производствѣ особенно ярко обнаружился процессъ разложенія фабрики, распаденіе ея на болѣе мелкія производительныя единицы. Ситцевыя же фабрики не распадались, а выдѣляли изъ себя самостоятельныя промышленныя единицы, быстро разраставшіяся и нерѣдко опять принимавшія фабричную форму. Напротивъ, миткалевыя фабрики несомнѣнно распадались—производство дѣлалось болѣе мелкимъ и имѣло тенденцію утрачивать фабричную форму.

Какъ я сказалъ, отдача бумажной пряжи на домъ (наемное домашнее ткачество) появилась у насъ только въ концѣ XVIII вѣка; раньше тканье производилось исключительно въ самомъ фабричномъ зданіи. Первая половина этого вѣка характеризуется борьбой домашняго ткачества съ фабричнымъ, закончившейся рѣшительной побѣдой мелкаго ткачества. Въ это время сильно размножились фабричныя конторы—заведенія, совсѣмъ не занимавшіяся фабричной работой, а лишь раздачей матеріала по деревнямъ. Такъ, напр., въ Шуйскомъ уѣздѣ въ концѣ 40-хъ годовъ было только 1.200 ткачей на фабрикахъ, а въ деревняхъ работало на фабрикантовъ до 20.000 ткачей [1]). По разсчету владимірскаго статистика Тихонравова, во Владимірской губерніи въ началѣ 50-хъ годовъ на бумажныхъ фабрикахъ было 18.000 становъ, а по деревнямъ до 80.000 становъ, на которыхъ производились бумажныя матеріи по заказамъ тѣхъ же фабрикантовъ [2]).

Что касается до „самостоятельнаго" кустарнаго ткачества бумажныхъ матерій, т. е. ткачества изъ собственнаго матеріала, то оно никогда не играло господствующей роли, но тѣмъ не менѣе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ повсюду шло рядомъ съ домашнимъ ткачествомъ по заказамъ фабрикантовъ. Такъ, напр., въ интересномъ статистическомъ описаніи Богородскаго уѣзда, помѣщенномъ въ

[1]) О фабричномъ и мастеровомъ рабочемъ классѣ въ г. Шуѣ и его уѣздѣ. Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1847 г. № 20.

[2]) К. Тихонравовъ. Владимірскій Сборникъ. Москва, 1857 г., стр. 18.

„Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ за 1834 г., говорится, что кустарныя фабрики бываютъ двухъ родовъ: однѣ получаютъ матеріалъ отъ купцовъ или другихъ хозяевъ, другія же „получаютъ матеріалъ въ цѣну и платятъ за оный выработанными товарами“, сохраняя за собой право продавать товаръ и на сторону [1]). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что у насъ называютъ „самостоятельнымъ“ кустарнымъ производствомъ.

Точно такъ же и во Владимірской губерніи въ дореформенное время, на ряду съ наемными ткачами бумажныхъ матерій, существовали самостоятельные ткачи-мастерки, сами покупавшіе матеріалъ и за свой счетъ продававшіе свои издѣлья. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ ихъ одинъ современникъ: „Къ особому разряду фабрикантовъ принадлежали фабриканты-ткачи или мастерки, которые вырабатываютъ миткаль иногда однимъ своимъ семействомъ, а иногда и съ помощью другихъ... Въ послѣднемъ случаѣ заведенія ихъ принимаютъ видъ фабричекъ. Эти мастерки почти всегда крестьяне, торгующіе безъ всякихъ свидѣтельствъ и платящіе только за пріѣздъ становому... Миткаль, вырабатываемый этими фабриками, самаго худшаго качества. Честность ихъ неудовлетворительна. Они не посовѣстятся купить у ткача или комиссіонера принадлежащій фабриканту товаръ за полцѣны и продать его тому же самому фабриканту, которому онъ принадлежитъ по праву. Точно также не посовѣстятся они взять у фабриканта бумажную пряжу на комиссію для обработки миткаля и не вернуть ее... Миткаль свой эти мастерки продаютъ въ селѣ Ивановѣ на базарѣ за деньги, а который получше—промѣниваютъ на бумагу миткалевымъ фабрикантамъ. Бумажную пряжу пріобрѣтаютъ за деньги, потому что никто имъ не вѣритъ. Фабричныя строенія у нихъ или бѣдны, или ихъ и совсѣмъ не существуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ они работаютъ только въ своихъ избахъ... Эти мастерки-фабриканты вмѣстѣ съ тѣмъ суть и рабочіе. Они клеютъ, снуютъ и разматываютъ пряжу по большей части сами съ женами и дѣтьми“ [2]).

---

[1]) Статистическія свѣдѣнія по Богородскому уѣзду въ промышленномъ отношеніи. Журналъ М. и Т. 1834 г., № 1, стр. 21.

[2]) Ѳ. Журовъ. Миткалевые фабриканты, ихъ ткачи и комиссіонеры во Владимірской губ. Вѣстникъ Промышленности, 1858 г., т. I. О самостоятельныхъ ткачахъ см. также: И. Лядовъ. Рукодѣльныя ремесла, промыслы и торговля жителей Шуи въ 1856 году, Владиміръ на Клязьмѣ 1876 г. Журовъ. О цѣнѣ за точу миткаля. Владимірск. Губернск. Вѣдомости, 1857 г., № 15.

Существованіе самостоятельнаго ткачества въ Ивановѣ облегчалось развитіемъ въ этомъ селѣ базарной торговли миткалемъ. „Ивановскіе базары“,—говоритъ другой современный изслѣдователь,—„можно сказать, замѣняютъ для этого края биржу; много торговцевъ, фабрикантовъ и промышленниковъ съѣзжается сюда только для того, чтобъ увидѣться между собой и окончить сдѣлки. Здѣсь, судя по ходу торговли, устанавливается, большей частью, цѣна на самыя важныя для мѣстной промышленности статьи—на миткаль, бумагу и проч. Здѣсь же запасаются ходебщики ситцами. Главный предметъ базарной торговли—миткаль... Часть базарнаго миткаля доставляется крестьянами, успѣвающими въ досужное время выткать, своей семьей, изъ купленной за свой счетъ пряжи, нѣсколько кусковъ миткаля... Кромѣ того, на базарахъ по мелочамъ продается пряденая бумага и красящее вещество для ситцевъ низшихъ сортовъ“ [1]).

Въ приведенномъ ранѣе отзывѣ о мастеркахъ характерна, между прочимъ, недоброжелательная нота, которая ясно звучитъ въ характеристикѣ, даваемой самостоятельнымъ ткачамъ. „Недобросовѣстность“ домашнихъ ткачей была обычнымъ предметомъ жалобъ фабрикантовъ, при чемъ особенную ненависть фабрикантовъ вызывали „самостоятельные“ ткачи—мелкіе мастерки, работавшіе изъ покупного матеріала. Объясняется это тѣмъ, что мелкіе производители были опасными конкурентами крупныхъ фабрикантовъ. Лучшимъ доказательствомъ разложенія крупной фабрики въ разсматриваемую эпоху являются жалобы фабрикантовъ на конкуренцію кустарей.

Но раньше, чѣмъ перейти къ этимъ жалобамъ, остановимся еще на самостоятельныхъ ткачахъ. Болѣе богатые изъ этихъ ткачей иногда достигали дѣйствительной самостоятельности. Такъ, напр., по словамъ Аксакова, на украинскихъ ярмаркахъ на ряду съ крупными фабрикантами продавали красный товаръ также и такіе, „которыхъ настоящіе фабриканты съ презрѣніемъ называли мастерами, или кустарниками, или самовозами... Крестьяне Московской и Владимірской губерніи, работая для фабрикантовъ на своихъ домашнихъ станкахъ, наконецъ сами покупаютъ пряжу на собственный счетъ и ткутъ у себя дома разныя низшія бумажныя ткани—сарпинку, нанку, холстинку, миткаль, которыя отда-

[1]) Власьевъ. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. III, стр. 161.

ютъ потомъ въ краску одного цвѣта и сбываютъ это все или сами, или чрезъ посредство своихъ же крестьянъ на разныхъ ярмаркахъ, въ томъ числѣ на украинскихъ и преимущественно на Крещенской и Коренной". Эти самостоятельные ткачи „сами возятъ продавать за 1000 верстъ и болѣе собственныя свои домашнія издѣлія, большею частью на собственныхъ лошадяхъ. Нѣкоторые мастера привозятъ на ярмарку не болѣе трехъ возовъ. Иногда какой-нибудь смышленный крестьянинъ, самъ фабрикующій, скупаетъ у своихъ односельчанъ, занимающихся съ нимъ однимъ дѣломъ, изготовленные ими товары и, вмѣстѣ со своими, везетъ ихъ на Украйну... Эти кустари возбуждаютъ негодованіе настоящихъ фабрикантовъ, потому что, имѣя у себя товаръ низкаго достоинства, но только на манеръ хорошаго, они продаютъ его низшей цѣной, слѣдовательно сбиваютъ цѣны" [1]).

Такимъ образомъ мелкіе производители иногда занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и торговлей — и только въ этомъ случаѣ они могли быть дѣйствительно, а не только номинально, самостоятельными предпринимателями. Такой кустарь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мелкимъ скупщикомъ, торговцемъ; изъ такихъ кустарей выходили впослѣдствіи крупные фабриканты.

Я сказалъ, что жалобы фабрикантовъ на кустарей составляли характерную черту николаевской эпохи. Кто бы могъ подумать, что борьба крупнаго и мелкаго производствъ въ дореформенной Россіи имѣла столь отличный характеръ отъ той же борьбы въ наше время? Фабриканты, вопіющіе къ правительству о защитѣ ихъ отъ натиска кустарей—не правда ли, это зрѣлище для насъ довольно непривычное?

Въ 1823 г. министръ финансовъ Гурьевъ предложилъ московскому купеческому обществу высказаться о нуждахъ купечества и о причинахъ разстройства промышленности. Общество представило обширную записку, въ которой много мѣста отведено жалобамъ на конкуренцію крестьянской промышленности и торговли. „Дозволеніе заводить каждому крестьянину,—читаемъ въ этой запискѣ,—фабрики и мануфактуры безъ платежа за промыселъ... служитъ ко вреду устроенныхъ большихъ фабрикъ и мануфактуръ и препятствуетъ улучшенію русскихъ издѣлій, поскольку первыя,

---

[1]) И. Аксаковъ. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ СПБ. 1851 г. Стр. 20, 163.

производя работы свои безъ правилъ и соблюденія постановленій, уменьшаютъ вѣсъ или мѣру и доброту своихъ издѣлій“ [1]).

Намъ извѣстно нѣсколько проектовъ фабрикантовъ, направленныхъ противъ кустарей; на этихъ проектахъ стоитъ остановиться.

Цитированный выше авторъ (Журовъ) указываетъ, что мастерки нерѣдко производятъ значительные торговые обороты безъ платежа гильдейскихъ пошлинъ; это не могло не вызывать у органовъ министерства финансовъ опасеній фискальнаго свойства. Въ 1825 г. владимірская казенная палата обратилась съ донесеніемъ въ департаментъ внутренней торговли, сообщая, что „нѣкоторые крестьяне, не имѣя фабрикъ и свидѣтельствъ на право торговли, имѣютъ галандренныя машины, дѣйствующія съ помощью двухъ лошадей, для отдѣлки только ситцевъ и миткалей другимъ (очевидно—мелкимъ самостоятельнымъ набойщикамъ. М. Т.-Б.) и за таковую получаютъ плату довольно немаловажную“.

Палата спрашиваетъ департаментъ, можетъ ли это быть разрѣшено, а также „можно ли дозволить крестьянамъ... вырабатывать матеріи изъ бумажной пряжи и набивать ситцы и гдѣ должны они означенныя матеріи производить въ продажу, въ однихъ ли только своихъ селеніяхъ или по всему уѣзду“ [2]).

Департаментъ высказался вообще противъ стѣсненія крестьянской промышленности, но предложилъ палатѣ взимать съ крестьянъ

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній по вѣдомству министерства финансовъ, 1865 г., т. III. Предположенія московскаго купечества о причинахъ упадка торговли, стр. 294. Въ этой запискѣ содержится много другихъ указаній на конкуренцію крестьянъ. § 39. „Торгующіе крестьяне, по великому количеству своему, овладѣли совершенно многими частями городскихъ промысловъ и торговли, коими прежде занимались купечество и посадскіе“. § 42... „Отъ распространенія разъѣздной торговли крестьянъ по уѣздамъ во многихъ городахъ торговля купцовъ вдвое упала или вовсе ослабла, и большая часть оныхъ принуждена выйти изъ гильдіи въ мѣщане“. § 45. „Торговля крестьянъ уничтожаетъ купеческое въ Россіи состояніе, лишаетъ оное силы... Торгующіе же крестьяне уничтожаемое ими купеческое состояніе замѣнить не могутъ, поелику большая часть ихъ принадлежитъ помѣщикамъ, а потому, будучи подвержены по капиталамъ своимъ и личности власти господъ, не могутъ составить настоящихъ городскихъ жителей и прочныхъ капиталистовъ... § 46. Отъ сего число жителей городскихъ не умножается и оные бѣднѣютъ“. (Стр. 296, 297, 298).

[2]) Дѣло по отношенію департамента податей и сборовъ о доставленіи оному мнѣнія о числѣ крестьянскихъ становъ, 1 августа 1825 г. (Арх. Д-та Т. и М.).

имѣющихъ машины, приводимыя въ движеніе лошадьми, пошлины по второй гильдіи. Вообще, какъ я говорилъ выше, министерство финансовъ не обнаруживало наклонности мѣшать развитію крестьянской промышленности.

Въ 1845 году одинъ гжатскій купецъ, нѣкій Жуковъ, подалъ записку императору Николаю Павловичу о „неправильномъ ходѣ торговли и промышленности въ г. Гжатскѣ и другихъ мѣстахъ имперіи". Записка эта была передана, по приказанію государя, для разсмотрѣнія министру финансовъ.

„Неправильность хода торговли", по объясненію Жукова, заключалась въ томъ, что „въ уѣздѣ образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производятъ, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю, принадлежащую, по всѣмъ правамъ, однимъ только городамъ... Сверхъ того въ уѣздѣ существуютъ крестьяне-подрядчики, которые берутъ въ Москвѣ основы и утокъ для выдѣлки миткаля и плисовъ... при дворахъ имѣютъ они рабочія свѣтлицы, а за недостаткомъ таковыхъ раздаютъ основу по деревнямъ... а потому фабриканты, старавшіеся объ улучшеніи издѣлій, производствомъ своимъ почти вовсе теперь не занимаются, ибо дѣло ихъ перешло въ руки крестьянъ, которые заботясь о томъ только, чтобы сработать выгоднѣе другого, наперерывъ низводятъ товары на самую низкую степень. Подобными же промыслами занимаются и въ разныхъ уѣздахъ кругомъ Москвы и во Владимірской губерніи, особенно въ Шуйскомъ уѣздѣ—тамъ почти всѣ крестьяне или фабриканты, или разносчики... Въ одномъ с. Ивановѣ крестьяне привозятъ на рынокъ до 50,000 штукъ миткалей... Теперь прибылыхъ торговцевъ, вышедшихъ изъ крестьянъ и мальчиковъ, гораздо больше $^2/_3$ противъ пригородныхъ московскихъ жителей и всѣ они по прежней привычкѣ, продолжаютъ руководствоваться обманомъ".

Чтобы оградить фабрикантовъ отъ конкуренціи кустарей, Жуковъ предлагалъ установить строгій надзоръ за мелкимъ производствомъ, чтобы оно не избѣгало платежа казенныхъ сборовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить закономъ обязательную ширину и длину ткани, вѣсъ ея, качество окраски и проч. Такъ какъ крестьяне производили товары низшаго сорта, то такія мѣры должны были совершенно убить кустарную промышленность. Понятно, что министерство финансовъ энергично возстало противъ предложеній Жукова, направленныхъ одинаково какъ противъ самостоятельныхъ

мелкихъ мастерковъ, такъ и противъ фабрикантовъ, раздававшихъ пряжу по домамъ [1]).

Въ слѣдующемъ году въ министерствѣ финансовъ возникаетъ новое дѣло того же рода—на этотъ разъ по запискѣ одного изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Владимірской губерніи, Я. Гарелина (автора многочисленныхъ сочиненій по промышленности села Иванова). Приведемъ выдержки изъ этой записки:

„Незаконное производство мануфактурныхъ издѣлій крестьянами въ селѣ и около села Иванова служитъ къ большимъ злоупотребленіямъ... Фабриканты раздаютъ пряжу крестьянамъ, но крестьяне весьма часто злоупотребляютъ довѣренностью фабрикантовъ, и присваиваютъ себѣ пряжу, которую продаютъ на рынкахъ, или вырабатываютъ миткали для собственной продажи въ ущербъ фабрикантамъ".

Предложенія Гарелина сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующему: запрещенію крестьянамъ, не имѣющимъ права торговли, продавать бумажную пряжу и бумажныя издѣлія; запрещенію крестьянамъ имѣть болѣе 4-хъ становъ въ каждомъ семействѣ, установленію обязательности клейменія товаровъ и „запрещенію крестьянамъ и мѣщанамъ, безъ права на фабричное и торговое производство, имѣть цилиндровыя машины и набивать на оныхъ другимъ лицамъ, не имѣющимъ право на торговлю".

Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, согласно мнѣнію мануфактурнаго совѣта, не одобрилъ этихъ предположеній, и они дальнѣйшаго хода не имѣли [2]).

Въ 1845 году владимірскій купецъ Зиминъ подалъ министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой жаловался на то, что „крестьяне, получившіе матеріалъ для разматыванья или для тканья, не доставляютъ работы въ условленный срокъ... весьма часто дѣлаютъ значительные провѣски и порчи... нерѣдко бываетъ, что запираются въ полученіи данныхъ въ задатокъ имъ денегъ... ткачи увѣрены, что когда у нихъ въ рукахъ матеріалъ, фабрикантъ по необходимости долженъ сдѣлать имъ удовлетвореніе... предосудительнѣй же всего—проматываютъ матеріалъ и послѣ

1) Дѣло по отношенію канцеляріи министра финансовъ съ препровожденіемъ выписки изъ замѣчаній купца Жукова о злоупотребленіяхъ по фабричной и торговой промышленности. 10 февраля 1845 г. Арх. Д-та Т. и М.

2) Дѣло по представленію барона Мейендорфа о предположеніи почетнаго гражданина Гарелина. 4 ноября 1846 г. Арх. Д-та Т. и М.

по пріѣздѣ къ нимъ скрываютъ, не то объявляютъ, что они заложены... но необходимость заставляетъ фабриканта матеріалъ выкупать. Все вышеизложенное, кромѣ упадка коммерческихъ дѣлъ фабрикантовъ, ввергаетъ самихъ крестьянъ въ совершенную безнравственность".

Зиминъ выработалъ очень курьезный проектъ закона, долженствовавшаго регулировать отдачу работы на домъ. По этому проекту, чтобы имѣть право брать работу на домъ, крестьянинъ долженъ представить свидѣтельство отъ начальства въ хорошемъ поведеніи; въ этомъ свидѣтельствѣ должно быть показано число становъ у крестьянина. „Свидѣтельство хранится у фабриканта, и онъ на немъ отмѣчаетъ всякую неисправность крестьянина, въ каковомъ случаѣ производится, на основаніи этихъ записей, взысканіе съ неисправнаго. За провѣсъ и порчу матеріаловъ крестьянинъ долженъ платить вдвое. Крестьянину поставляется въ непремѣнную обязанность брать матеріалъ не болѣе какъ на столько становъ, сколько у него имѣется въ своемъ домѣ или свѣтелкѣ, не передавая оный ни подъ какимъ видомъ другимъ... Воспретить крестьянамъ, имѣющимъ свои свѣтелки, допускать въ оныя постороннія работы... Продажа или залогъ взятаго матеріала должны разсматриваться, какъ уголовное преступленіе—воровство или мошенничество... Въ соблюденіе казеннаго интереса и въ отвращеніе фабрикантамъ подрыва, воспретить крестьянамъ, безъ выдачи на право торговли свидѣтельствъ, производить вырабатываніе миткаля и прочаго въ домахъ и свѣтелкахъ для торговли оными".

Владимірскій губернаторъ, которому этотъ проектъ былъ посланъ для отзыва, призналъ его стѣснительнымъ для крестьянъ и для самихъ фабрикантовъ, раздающихъ работу на дома.

Проектъ Зимина, очевидно, имѣлъ въ виду не огражденіе интересовъ этихъ послѣднихъ фабрикантовъ, а совершенное прекращеніе домашней работы. Самъ Зиминъ, вѣроятно, былъ фабрикантомъ, не практиковавшимъ этого способа работы, подрывавшаго въ 40-хъ годахъ старинныя фабрики. Какъ и слѣдовало думать, органъ московскихъ фабрикантовъ—московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта—высказался противъ всякихъ мѣръ, стѣсняющихъ развитіе домашней работы. „Со второго десятилѣтія этого вѣка,—заявляетъ отдѣленіе въ своемъ отзывѣ на названный проектъ,—купечество размножило фабрики, а крестьяне обогатились выгодными работами до того, что начали сами заводить небольшія фабрики собственно для бумажныхъ издѣлій". Отдѣленіе

признало проектъ Зимина стѣснительнымъ и выработало свой, который тоже не былъ утвержденъ министерствомъ финансовъ. Дѣло окончилось изданіемъ 4 ноября 1846 г. закона, давшаго возможность фабрикантамъ, раздающимъ работу на домъ, защищать судомъ свои интересы—а именно, фабрикантамъ было разрѣшено заключать условія съ крестьянами на простой бумагѣ (а не на гербовой), и эти условія могли быть представляемы въ судъ [1]). Законъ этотъ практическаго значенія не имѣлъ.

Всѣ эти проекты характерны въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствуютъ о сильномъ развитіи наемной и покупной домашней промышленности, вытѣснявшей фабричное производство. Проекты не получали хода, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что всякое ограниченіе домашней работы было бы невыгодно самимъ фабрикантамъ, раздававшимъ основы на домъ, и авторы проектовъ, желая поразить кустарей, попадали въ свою же братью—фабрикантовъ.

Вопросу о мѣрахъ противъ усиливающейся конкуренціи кустарей посвящены многія статьи „Журнала Мануфактуръ и Торговли“ (оффиціальнаго органа департамента мануфактуръ и внутренней торговли). Такъ, напримѣръ, въ 1830 г. (№ 10) въ статьѣ „О крестьянскихъ фабрикахъ“ читаемъ: „Вопросъ о крестьянскихъ фабрикахъ, размножившихся въ Россіи, есть одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ къ разрѣшенію. Тѣ изъ фабрикантовъ, которые не стараются объ усовершенствованіи своихъ фабричныхъ издѣлій, или же не довольствуются умѣреннымъ барышемъ, вопіютъ противъ свободы, даруемой крестьянамъ заниматься фабричнымъ рукодѣліемъ, которые всѣ работаютъ дешевле, хотъ и не столь добротно. Желая заключить деревенскую фабричную промышленность въ нѣкоторые предѣлы, несовмѣстимые съ быстрымъ ходомъ нашей промышленности, они хотѣли бы подчинить ее правительственному надзору, учредить цехи, бракъ, свидѣтельствованіе и проч.; словомъ связать ее по рукамъ и ногамъ“.

Авторъ статьи высказывается противъ такихъ мѣръ, ибо „кому же мы обязаны первоначальнымъ образованіемъ и столь быстрыми удивительными успѣхами нашей мануфактурной промышленности, если не крестьянамъ-фабрикантамъ?“ [2]).

---

[1]) Дѣло по проекту купца Зимина объ огражденіи фабрикантовъ отъ потерь. 12 сентября 1845 г. Арх. Д-та Т. и М.

[2]) Происхожденіе слова „кустарь“ „кустарникъ“ до сихъ поръ остается спорнымъ. Авторъ цитированной статьи, между прочимъ, гово-

Въ отчетѣ министру финансовъ за 1832 годъ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли точно такъ же обращаетъ вниманіе на то, что „искусство въ обработкѣ издѣлій пріобрѣтаемое въ городахъ, на большихъ заведеніяхъ, переносится въ селеніе простыми работниками, которые начинаютъ работать въ домахъ своихъ, или за свой счетъ, или по заказамъ изъ чужихъ матеріаловъ“ [1]).

Въ донесеніяхъ губернскихъ механиковъ этотъ вопросъ также неоднократно затрогивался. Такъ, владимірскій губернскій механикъ Несытовъ въ донесеніи департаменту мануфактуръ и внутренней торговли въ 1850 году сообщаетъ, что миткалевыя фабрики Гавриловскаго посада находятся въ упадкѣ, и причиною этого является „размноженіе тождественныхъ заведеній крестьянами Суздальскаго уѣзда, которые, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды сельскихъ обывателей, могутъ съ меньшимъ вознагражденіемъ за трудъ производить миткали, которыхъ цѣна черезъ это обстоятельство уменьшается по крайней мѣрѣ на 10%“ [2]).

Точно такъ же, по словамъ Несытова, „въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ бумажное ткачество переходитъ въ руки крестьянъ и тѣмъ въ нѣкоторой степени даетъ этой мануфактурной промышленности менѣе правильный видъ“. На то же самое—разорительность для крупныхъ фабрикъ конкуренціи крестьянскихъ фабричекъ, указываетъ Несытовъ и въ донесеніи 1851 года [3]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Несытовъ признаетъ очень вреднымъ разрѣшеніе крестьянамъ покупать по мелочамъ бумажную пряжу на сельскихъ базарахъ [4]).

ритъ, что „въ Москвѣ неизвѣстно, съ чего называютъ крестьянъ-фабрикантовъ кустарниками. Мы старались,—прибавляетъ онъ,—избѣгать сего унизительнаго, чтобы не сказать ругательнаго названія, которое, къ сожалѣнію, сдѣлалось почти всеобщимъ“. Такимъ образомъ первоначально съ этимъ названіемъ соединялся уничижительный смыслъ.

[1]) Отчетъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли за 1832 г. Арх. Д-та Т. и М.

[2]) Журналъ Мануфактуръ и Торговли 1851 г., ч. III. О дѣйствіяхъ губернскихъ механиковъ. Стр. 32, 58.

[3]) Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1852 г., ч. III, стр. 73.

[4]) Вѣстникъ И. Р. Географическаго Общества. 1858 г., ч. I. Мануфактурная и торговая промышленность города Шуи, И. Несытова. Можно привести и другія свидѣтельства современниковъ объ успѣшности борьбы кустарей съ фабрикантами въ Николаевскую эпоху. Вотъ что говоритъ по этому поводу извѣстный экономистъ и статистикъ того времени, Не-

Вообще развитіе нашей бумаготкацкой промышленности въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ выражалось, главнымъ образомъ, въ ростѣ мелкаго ткачества. Районъ бумаготкацкаго производства быстро распространялся изъ двухъ главныхъ центровъ—Москвы и Шуйскаго уѣзда. Въ концѣ 40-хъ годовъ бумажное ткачество становится преобладающимъ крестьянскимъ промысломъ въ большинствѣ центральныхъ губерній: Ярославской, Костромской, Рязанской, Калужской и друг. Распространеніе промысла совершалось двумя способами: промыселъ или заносился въ новую мѣстность крестьянами, возвращавшимися съ ткацкихъ фабрикъ другихъ губерній, или же онъ возникалъ подъ вліяніемъ устройства въ данной мѣстности ткацкой или прядильной фабрики.

Такъ, напримѣръ, въ Малоярославецкомъ уѣздѣ Калужской губерніи бумаготкацкій промыселъ возникъ въ 30-хъ годахъ послѣ того, какъ въ 1830 году въ этомъ уѣздѣ была устроена первая бумаготкацкая фабрика Губина. Кустарное ткачество развилось въ этой мѣстности такъ энергично, что фабрика Губина, на которой было около тысячи рабочихъ, не могла устоять: въ 50-хъ годахъ она прекратила производство и закрылась [1]). Точно такъ же тесемочное и ленточное кустарное ткачество возникло въ Малоярославецкомъ уѣздѣ подъ вліяніемъ устройства въ 1840 году тесемочной фабрики Малютина. И эта фабрика не выдержала конкуренціи кустарей и закрылась въ 60-хъ годахъ [2]).

Въ Калужской губерніи мѣстные изслѣдователи на ряду съ ткачами упоминаютъ и о самостоятельныхъ мастеркахъ. „Ткачествомъ миткалей занимаются въ зимнее время всѣ свободные отъ другихъ работъ крестьяне. Болѣе зажиточные изъ нихъ отправляются въ Москву за пряжею къ хозяевамъ, а весьма много есть

болсинъ: „Извѣстно, что кустарничество у насъ въ постоянной враждѣ съ фабриками, и фабрикантъ съ большимъ неудовольствіемъ слѣдитъ и смотритъ за оборотами фабриканта. Оно такъ и должно быть по ходу вещей... Фабрикантъ встрѣчаетъ сильное соперничество въ кустарникѣ, который, пріютившись въ свѣтлицѣ, безданно-безпошлинно, безъ машины и рабочихъ, при свѣтѣ одной лучины, трудится съ семьей своей надъ отдѣлкой одного какого-нибудь товара... Прямой выводъ изъ этого тотъ, что если за товаръ фабрикантъ не можетъ взять меньше рубля, кустарникъ будетъ вполнѣ удовольствованъ шестью гривнами“ Вѣстникъ Географическаго Общества. 1852 г., т. IV, отд. V. Отчетъ о путешествіи въ Оренбургскій край.

1) Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г., стр. 194.

2) Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. 1873 г. Приложеніе I, стр. 158.

и такихъ, которые покупаютъ ее за деньги. Пряжу эту отдаютъ курчить (проквашивать въ мучныхъ отварахъ) потомъ разматываютъ, снуютъ въ основы, которыя и отдаютъ по крестьянскимъ избамъ; готовые миткали отвозятъ въ Москву“ [1]).

Въ Егорьевскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи бумажное ткачество возникло въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; промыселъ былъ занесенъ мѣстными крестьянами, работавшими на московскихъ фабрикахъ, которые, вернувшись на родину въ деревню, устроили ткацкія свѣтелки; пряжа, повидимому, получалась отъ московскихъ фабрикантовъ. Но особенное развитіе ткацкій промыселъ въ Рязанской губерніи получилъ со времени учрежденія въ городѣ Егорьевскѣ Хлудовской бумагопрядильни, вызвавшей устройство множества большихъ и мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, а также и кустарныхъ заведеній, обрабатывавшихъ пряжу Хлудовской фабрики и сдѣлавшихся какъ-бы спутниками послѣдней [2]).

Такимъ же образомъ возникъ бумаготкацкій промыселъ въ Тверской губерніи; такъ, напримѣръ, въ Калязинскій уѣздъ промыселъ этотъ занесенъ крестьянами, уходившими ткать на московскія фабрики: „научившись ткать на фабрикахъ, нѣкоторые стали устраивать свои заведенія“ [3]).

Въ Костромской губерніи „промыселъ бумажнаго ткачества возникъ въ 20 годахъ этого вѣка, съ устройствомъ въ краѣ бумажныхъ мануфактуръ“ [4]). Еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ Костромской губерніи имѣлось не мало „самостоятельныхъ“ ткачей-кустарей, покупавшихъ пряжу за собственный счетъ у фабрикантовъ и сбывавшихъ миткаль на базарахъ ситцевымъ фабрикантамъ.

Разложеніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ крупнаго бумаготкацкаго производства (превращавшагося преимущественно въ наемную систему домашней промышленности, отчасти же въ покупную систему—

---

[1]) Мануфактурная и заводская промышленность Калужской губерніи. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1858 г., т. 4.

[2]) Промышленность государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1847 г., ч. 25. Хлопчатобумажная промышленность въ Рязанской губерніи. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1868 г., ч. 48.

[3]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губерніи, V, 155.

[4]) Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи. СПб. 1872 г., стр. 125. Примѣры занесенія бумажнаго ткачества въ различныя волости Костромской губ. изъ сосѣднихъ фабрикъ, въ „Трудахъ Кустарной Комиссіи“, вып. IX, XVII, XIV и XV.

иными словами, въ, такъ-называемое, самостоятельное кустарное производство), можно доказать и статистическими данными. Вотъ, напримѣръ, цифры рабочихъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ и цифры привоза хлопка и бумажной пряжи въ Россію.

	Рабочихъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ [1]).	Ввозъ въ Россію хлопка и бумажной пряжи (въ тысячахъ пудовъ).
1836	94.751	865
1852	81.454	1.960
1857	75.517	2.765

Въ то время, какъ размѣръ бумаготкацкаго производства въ Россіи возросъ болѣе, чѣмъ въ 3 раза, число рабочихъ на ткацкихъ фабрикахъ сократилось больше, чѣмъ на 20%. Такъ какъ техника ткачества въ это время не прогрессировала значительно (переходъ отъ ручного къ машинному ткачеству совершился позже), то сокращеніе числа рабочихъ на фабрикахъ, несомнѣнно, доказываетъ раздробленіе производства, терявшаго фабричный характеръ и переходившаго въ кустарную избу и свѣтелку. Крупное капиталистическое производство рѣшительно теряло свои позиціи, а „самостоятельное“ кустарное и домашнее ткачество, всецѣло созданное фабрикой, торжествовало побѣду.

Такимъ образомъ эволюція бумаготкацкой промышленности въ дореформенной Россіи имѣла обратный характеръ, сравнительно съ новѣйшей эволюціей. Крупное производство породило мелкое, фабрика превратилась въ домашнюю промышленность, кустарное производство. Такъ называемый самостоятельный кустарь явился послѣдней ступенью эволюціи фабричнаго рабочаго, освободившагося отъ подчиненія фабриканту. Но, можетъ быть, развитіе бумаготкацкой промышленности имѣло особый специфическій характеръ и не можетъ считаться типичнымъ для другихъ отраслей производства? Обратимся къ фактамъ.

Тканье грубаго холста было исконнымъ занятіемъ русскаго крестьянина. Казалось бы, ужъ въ области кустарнаго льняного ткачества фабрика не должна была играть роли. Но это только кажется. Въ дѣйствительности же исторія тонкаго льняного ткачества представляется во всѣхъ отношеніяхъ аналогичной только-что

[1]) По „Отчетамъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли за соотвѣтствующіе годы (Арх. Д-та Торг. и Ман,).

разсказанной исторіи бумажнаго ткачества. Кустарное ткачество тонкихъ полотенъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ упомянуто, ведетъ свое начало отъ устройства Тамесомъ при Петрѣ I полотняной фабрики въ селѣ Кохмѣ [1]). Въ важнѣйшемъ центрѣ кустарнаго льняного ткачества—селѣ Великомъ Ярославскаго уѣзда, возникновеніе кустарнаго ткачества тонкихъ новинъ также находится въ непосредственной связи съ устройствомъ, тоже при Петрѣ, фабрики Затрапезнаго [2]). На дальнѣйшее развитіе ткачества въ этомъ селѣ оказала крупное вліяніе фабрика помѣщиковъ села Великаго, Яковлевыхъ, закрывшаяся въ 1842 г. [3]). Въ другомъ центрѣ полотнянаго ткачества Ярославской губерніи—селѣ Никольскомъ, развитіе ткачества тонкихъ полотенъ также вызвано вотчинной фабрикой Салтыковыхъ. Эта фабрика закрылась въ началѣ этого вѣка, и съ этого времени въ крестьянскихъ избахъ всего окружающаго района быстро распространилось „самостоятельное кустарное ткачество [4]).

---

[1]) Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1856 г. № 12. Село Кохма. В. Борисова. „По уничтоженіи въ Кохмѣ полотняной фабрики иностранца Тамеса, тамъ возникла у нѣкоторыхъ торговыхъ богатыхъ крестьянъ таковая фабрикація собственная".

[2]) Матеріалы для исторіи полотнянаго производства въ Россіи. Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ 1867 г., т. III, стр. 285.

[3]) Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности. Выпускъ VI.

[4]) Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи. СПб. 1847 г. стр. 73. Точно такъ же описываетъ возникновеніе кустарнаго ткачества широкаго полотна въ Ярославской губерніи и Карновичъ, извѣстный знатокъ льняной промышленности и практическій дѣятель 30—40-хъ годовъ. „Около 1800 года начали въ помѣщичьихъ усадьбахъ появляться небольшія ткацкія заведенія для пятичетвертнаго полотна; образцомъ для нихъ служили того же рода заведенія Ярославскаго уѣзда въ селѣ Никольскомъ, нынѣ господъ Мятлевыхъ, тогда графа Салтыкова. Почти въ то же время стали входить въ употребленіе для пряденія самопрялки съ колесами... Около 1822 г., когда по новому русскому тарифу иностранныя полотна были обложены высокой пошлиной по 1 р. 10 к. за фунтъ, замѣтнымъ образомъ изъ помѣщичьихъ усадебъ начали перенимать крестьяне пряденіе на самопрялкахъ, а также тканіе на широкихъ ткацкихъ станахъ, поставленныхъ въ особыхъ свѣтелкахъ, пятичетверныхъ полотенъ. Съ каждымъ годомъ мастерство совершенствовалось. Число занимавшихся пряденіемъ и тканьемъ полотенъ умножалось, а плата наемная за тканье и цѣна полотенъ понижалась. Теперь около Великаго Села на радіусѣ около 15 верстъ, а къ Ярославлю и Нерехтѣ гораздо болѣе, вся страна, имѣющая густое населеніе крестьянъ, содержитъ десятки тысячъ самопрялокъ и многія тысячи ткацкихъ становъ

То же самое наблюдалось и въ Костромской губерніи: полотняныя фабрики вызвали или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовали развитію кустарнаго ткачества [1]).

Я сказалъ, что исторія полотноткацкаго производства вполнѣ аналогична исторіи бумажнаго ткачества. Дѣйствительно, на нашихъ первыхъ огромныхъ полотняныхъ фабрикахъ вся работа производилась въ самомъ фабричномъ зданіи. Въ концѣ XVIII вѣка старинная фабрика начинаетъ распадаться: фабриканты переходятъ отъ фабричнаго ткачества къ раздачѣ пряжи по домамъ—домашней системѣ крупной промышленности. При нѣкоторыхъ медынскихъ парусно-полотняныхъ фабрикахъ еще въ 1785 г. число рабочихъ, работавшихъ у себя на дому по заказамъ фабрикантовъ, превосхо-

---

въ дѣятельной работѣ, которые снабжаютъ тонкимъ крестьянскимъ полотномъ обѣ столицы и многія внутреннія губерніи на сумму около 1 м. руб.“ Ярославск. Губернск. Вѣдомости 1851 г. № 20. Е. Карновичъ. Историческій обзоръ льняной и полотняной промышленности въ Ярославской губерніи. Перепечатано въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ“ 1858 г. Ч. 40.

[1]) Матеріалы для изученія кустарной промышленности. СПб. 1872 г. стр. 125, 126. „Надо полагать, что устройство въ Костромѣ полотняныхъ фабрикъ Угличаниновымъ, Стригалевыми и другими положило основаніе ткачеству и въ Шунгенской волости (Костромского уѣзда)“. Труды кустарной комиссіи. Выпускъ IX, стр. 2081. „Ткацкій промыселъ въ Новинской волости (Нерехотскаго уѣзда) существуетъ съ давнихъ временъ, перешелъ отъ сосѣднихъ фабрикъ“. Вып. XIII, 327. Ткачество полотна Обѣлевской волости (Нерехотскаго уѣзда) „развивалось, благодаря сосѣдству фабрикъ“. Дюпинская волость (Кинешемскаго уѣзда). „Ткутъ полотна и салфетки. Тканье... занесено рабочими С.-Петербургскихъ фабрикъ“. Вып. XV, 205. Вичужская волость. „Ткутъ полотна и салфетки. Этотъ промыселъ... развитъ мѣстными фабрикантами“. Вып. XV, 196. Семеновская волость (Юрьевецкаго уѣзда), „ткутъ полотна... промыселъ получилъ начало лѣтъ 44 тому назадъ со времени устройства прядильныхъ фабрикъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ“. Вып. XIV, 119 и т. д. и т. д. Вообще почти относительно всѣхъ волостей различныхъ уѣздовъ Костромской губерніи, гдѣ существуетъ кустарное полотняное ткачество, констатируется, что оно возникло подъ непосредственнымъ вліяніемъ фабрикъ. Большую роль сыграли вотчинныя фабрики. Такъ, напр., „Ткачество въ сельцѣ Апалихахъ (Костромскаго уѣзда) началось еще въ XVIII; въ то время сельцо это, принадлежавшее одному крупному вотчиннику, было мѣстомъ ссылки, куда свозились изъ разныхъ имѣній крестьяне, не платившіе оброка, для работъ на полотняной фабрикѣ. Крѣпостная работа этихъ поселенцевъ, жившихъ на пайкѣ, продолжалась 40 лѣтъ, начиная съ 1752 г., въ концѣ же прошлаго столѣтія фабричныя постройки стали сдаваться въ аренду“. IX, 2150.

дило число рабочихъ въ самомъ фабричномъ зданіи [1]). Мы встрѣчаемъ указанія на раздачу пряжи по деревнямъ костромскими полотняными фабрикантами въ интересномъ рукописномъ описаніи Костромской губерніи начала этого вѣка. По словамъ этого описанія „во многихъ мѣстахъ Нерехотскаго уѣзда находятся въ селеніяхъ, построенныя обывателями оныхъ, ткацкія свѣтлицы, коихъ поселяне берутъ съ заводовъ пряжу и ткутъ оную". Въ городѣ Плессѣ мѣстный полотняный фабрикантъ Зубаревъ „отдаетъ дѣлать фламскія полотна и равендукъ сельскимъ жителямъ, которые въ домахъ своихъ имѣютъ собственные свои станы и тамъ оное ткутъ и тканье доставляютъ къ нему на фабрику". То же самое сообщается и о другомъ фабрикантѣ г. Плессы, Ермолинѣ [2]).

Въ Ярославской губерніи точно такъ же крупная фабрика начала разлагаться съ начала этого вѣка [3]).

---

[1]) Journal von Russland. 1794. Band I, Die Stadthalterschaft Kaluga Стр. 337.

[2]) Описаніе Костромской губерніи, Нерехотскаго уѣзда 1805. (Арх. Имп. Вольн. Эк. Об-ва).

[3]) „Многія мануфактуры нѣкоторую часть своихъ становъ имѣютъ по деревнямъ, какъ-то Ростовская, на которой изъ числа 113 становъ 70 состоитъ по деревнямъ". Статистическое описаніе Ярославской губерніи, Карла Германа. С.-Петербургъ. 1808 г., стр. 119. „Нѣкоторые крестьяне (въ Ярославскомъ уѣздѣ) берутъ съ полотняныхъ фабрикъ ткацкіе станы съ принадлежностями и пряжей въ свои дома и ткутъ фламскія и равендучныя полотна (Топографическое описаніе Ярославской губерніи 1802. Арх. И. В. Э. Общ.). Проф. Исаевъ излагаетъ исторію возникновенія наемнаго домашняго ткачества полотенъ въ Ярославской губерніи иначе: по его словамъ рѣшающую роль въ данномъ случаѣ сыграло введеніе машинной пряжи вмѣсто прежней ручной. Пока полотно ткали изъ ручной пряжи, процвѣтало „самостоятельное ткачество"; введеніе покупной машинной пряжи (около 50-хъ годовъ этого столѣтія) повело къ подчиненію ткачей торговцамъ пряжей. „Техническія особенности промысла дѣлали излишнимъ устройство обширныхъ ткацкихъ заведеній. Тканье, какъ и прежде, производилось въ крестьянскихъ избахъ и свѣтелкахъ, но ткачи уже не сами покупали пряжу, а получали ее изъ конторъ торговцевъ". (Труды кустарной комиссіи VI, 672). Но не подлежитъ сомнѣнію, что работа на дому въ Ярославской губерніи началась гораздо раньше 50-хъ годовъ. Въ „Матеріалахъ для изученія кустарной промышленности" мы точно такъ же находимъ утвержденіе, что въ селѣ Великомъ ткачество полотна на дому по найму начинается лишь съ 50-хъ годовъ. Это не вѣрно. Наемное домашнее ткачество распространяется въ Ярославской губерніи уже съ начала этого вѣка; по словамъ „Изслѣдованія о состояніи льняной промышленности въ Россіи", въ началѣ 40-хъ годовъ въ селѣ Великомъ, на ряду съ ткачами, работавшими изъ собственнаго покупного

По словамъ „Памятной книжки Ярославской губ.“ на 1862 г., „льняная промышленность прежде была сосредоточена въ рукахъ большихъ фабрикантовъ, впослѣдствіи же она мало-по-малу перешла въ руки крестьянъ„ [1]).

Въ 30-хъ годахъ этого вѣка обычай раздавать льняную пряжу по домамъ сильно распространился и во Владимірской губерніи [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось и кустарное ткачество тонкаго полотна изъ собственнаго матеріала. И въ данномъ случаѣ крупное производство породило мелкое, кустарная изба явилась завершеніемъ эволюціи фабрики [3]).

Такимъ образомъ возникло домашнее полотняное ткачество. Болѣе зажиточные ткачи покупали пряжу за свой счетъ и сами сбывали приготовленныя издѣлія, а болѣе бѣдные получали пряжу отъ фабрикантовъ. Такъ называемое, „самостоятельное“ ткачество было сильно распространено въ Ярославской губерніи, особенно вокругъ села Великаго. И для полотноткацкаго, какъ и для миткалеваго производства, вторая четверть этого вѣка была эпохой энергичнаго развитія кустарной промышленности. О степени разложенія прежней фабрики можно судить по тому, что въ 1852 г. на всѣхъ полотняныхъ и полотно-пестрядинныхъ фабрикахъ Владимірской губ. работало 2977 рабочихъ, а по деревнямъ на тѣ же фабрики работало 8579 рабочихъ [4]).

Не удивительно, что и полотняные фабриканты, подобно миткалевымъ, жаловались на конкуренцію кустарей. Въ 1835 г. мини-

---

матеріала, были и ткачи, бравшіе пряжу отъ заказчика въ моткахъ и работавшіе по найму, (стр. 80—82). Поэтому введеніе машинной пряжи могло только упрочить и распространить наемную форму домашней промышленности, но никоимъ образомъ не создать ея.

1) Цитировано по сводной работѣ кн. Мещерскаго и Модзалевскаго. Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи. СПб., 1874. Стр. 358.

2) Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1855 г. № 33. Несытовъ. „Полотняная фабрикація во Владимірской губерніи“. Также его же „Очеркъ XXV-лѣтія развитія мануфакурной промышленности Владимірск. губ.“ б. г.

3) По словамъ г. Харизоменова „раньше всего полотняное производство (въ Переяславскомъ у.) возникло въ видѣ ткачества пестряди... Матеріалъ для пестряди въ видѣ основы и утка ткачи получали отъ суздальскихъ, юрьевскихъ и ростовскихъ фабрикантовъ. По всей вѣроятности, пестрядь работали еще въ концѣ прошлаго столѣтія“. Промыслы Владимірской губерніи. Выпускъ V. стр. 104.

4) Очеркъ XXV-лѣтняго развитія мануфактурной промышленности Владимірской губерніи (Несытова). Стр. 46.

стерство финансовъ разослало циркуляръ всѣмъ губернаторамъ съ просьбой указать мѣры для развитія промышленности въ городахъ [1]). Костромской губернаторъ предложилъ высказаться по этому вопросу мѣстному купечеству и фабрикантамъ. Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ упадокъ полотняныхъ фабрикъ, фабриканты указывали на „распространеніе фабричныхъ заведеній въ маломъ видѣ между крестьянами, безъ всякаго платежа и браковки выработанныхъ тамъ издѣлій, почему издѣлія тѣхъ заведеній, хотя и далеко отстали въ качествѣ отъ таковыхъ же, вырабатываемыхъ на обширныхъ фабрикахъ, но имѣютъ на своей сторонѣ преимущества дешевизны, которая увлекаетъ большую часть покупщиковъ... Издѣлія мелочныхъ заводчиковъ... по причинѣ дешевизны сходятъ съ рукъ безъ затрудненія“

Точно такъ же калужское купечество признало „первою причиною упадка городской промышленности и торговли чрезмѣрное увеличеніе числа ходебщиковъ и разносчиковъ, отчего купеческое сословіе въ городахъ разстраивается, капиталы истощаются, скудѣютъ средства къ устройству какихъ-либо фабричныхъ заведеній“ [2]).

Такимъ образомъ и въ области полотнянаго ткачества, какъ и миткалеваго, въ дореформенной Россіи кустарь билъ фабриканта. Я не буду останавливаться надъ исторіей другихъ отраслей ткацкой промышленности. Суконное ткачество (солдатскихъ и тонкихъ суконъ) прошло такой же кругъ развитія, какъ и миткалевое и полотняное. Солдатское сукно выдѣлывавалось въ XVIII вѣкѣ только на крупныхъ фабрикахъ, но уже въ началѣ XIX вѣка вокругъ

[1]) Поводомъ къ этому циркуляру было выраженное императоромъ Николаемъ неудовольствіе по случаю слабаго развитія городской промышленности, замѣченнаго имъ во время его путешествія по Россіи. Въ числѣ губернаторскихъ отвѣтовъ нѣкоторые были очень курьезные—совершенно въ духѣ Щедрина. Вотъ, напримѣръ, отвѣтъ Олонецкаго губернатора отъ 16-го марта 1835 года: „Согласно Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я склонялъ и убѣждалъ купечество къ учрежденію фабрикъ и ремеселъ, хотя бы на первый разъ для опыта въ ограниченномъ видѣ; но они рѣшительно отозвались, что, занимаясь коммерціей, свойственной для каждаго по оборотамъ самаго ограниченнаго своего капитала, не находятъ никакихъ средствъ для отдѣленія онаго на заведеніе предполагаемыхъ фабрикъ“. (Дѣло по Высочайшему повелѣнію о мѣрахъ къ усиленію мануфактурной промышленности въ городахъ. 1-го января 1835 г. Арх. Д-та Т. и М.).

[2]) Дѣло по Высочайшему повелѣнію о мѣрахъ къ усиленію мануфактурной промышленности въ городахъ. Арх. Д-та Т. и М.

Москвы распространилось домашнее ткачество солдатскаго сукна, частью по заказамъ фабрикантовъ, частью за собственный счетъ крестьянъ. Въ 1809 г. въ числѣ поставщиковъ сукна для казны фигурируютъ на ряду съ крупными фабрикантами и московскіе и владимірскіе кустари [1]).

По словамъ сенатора Аршеневскаго, большинство московскихъ суконныхъ фабрикъ занималось только крашеньемъ и отдѣлкой сукна, а суровье заготовлялось по окрестнымъ деревнямъ [2]). На суконныхъ фабрикахъ XVIII вѣка вся работа по обработкѣ шерсти въ сукно — кардованіе, пряденье шерсти, тканье, крашенье, валянье, ворсованіе и пр.— производилась на одной и той же фабрикѣ. Съ начала этого вѣка стали возникать особыя фабрики для пряденья шерсти, а также и для окончательной отдѣлки сукна. Это благопріятствовало развитію кустарнаго ткачества изъ фабричной шерстяной пряжи. Въ „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ за 1830 г. мы читаемъ, что „ткачество дрядедамовъ, дрядедамовыхъ платковъ и нѣкоторыхъ родовъ средственныхъ суконъ производится уже въ большомъ количествѣ крестьянами деревень Черкизова, Преображенскаго, Семеновскаго и другихъ мѣстъ Московскаго и Коломенскаго уѣздовъ. Сему щастливому (sic) обороту сукнодѣлія“,—прибавляетъ авторъ статьи, — „обязаны мы неимовѣрной дешевизной нашихъ дрядедамовъ“.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ объясненій автора, въ данномъ случаѣ мы имѣетъ дѣло съ наемной домашней системой, достигшей такой степени развитія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предприниматель-торговецъ совсѣмъ не имѣлъ фабричныхъ построекъ; такіе торговцы раздавали всю пряжу крестьянамъ для обработки, а заготовленное сукно отдавали красить и отдѣлывать въ спеціальныя красильни и апретурныя заведенія.

Любопытны комментаріи автора: „Нѣкоторые московскіе фабри-

---

[1]) Дѣло по Высочайше конфирмованному докладу о дозволеніи вольной продажи солдатскаго сукна. 21 окт. 1809 г. Арх. Д-та Т. и М. По словамъ одного оффиціальнаго доклада того же времени, „выдѣлка суконъ лучшей противъ армейской доброты большею частью производится московскими фабрикантами... равно какъ и подмосковными крестьянами, число становъ у которыхъ правительству не извѣстно“. Докладъ Его Императорскому Величеству министровъ внутреннихъ дѣлъ и военныхъ сухопутныхъ силъ, „С.-Петербургскій журналъ“. 1808 г. Іюль, стр. 55.

[2]) О нынѣшнемъ состояніи мануфактуръ въ Россіи по свѣдѣніямъ сенатора Аршеневскаго. Сѣверная Почта. 1812 г., № 22.

канты вопіютъ противъ сего усиливающагося состязанія дѣятельности и происходящаго отъ онаго пониженія цѣнъ; но сочинитель радуется преуспѣянію самаго хода сей мануфактурности и постепенному раздробленію прежнихъ нажитковъ малаго числа лицъ на умѣренныя выгоды многихъ трудолюбивыхъ промышленниковъ“ [1]).

Московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта въ томъ же году обратилось съ оффиціальнымъ „Объявленіемъ“ къ московскимъ фабрикантамъ, вызваннымъ, очевидно, все тѣмъ же — неудовольствіемъ фабрикантовъ на развитіе кустарнаго ткачества. По словамъ этого „Объявленія“, „хотя нѣкоторые капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но зато навыкъ и искусство, пріобрѣтенныя на нихъ, не только не погибли въ народѣ, а, напротивъ, болѣе распространились; смышленные мастеровые, оставивъ упадшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними... Такъ единожды водворившаяся промышленность никогда не погибаетъ въ народѣ, несмотря на упадокъ нѣкоторыхъ фабрикъ“ [2]).

Возникновеніе кустарнаго ткачества и вязанья шерсти иногда непосредственно можно пріурочить къ фабрикамъ. Такъ, въ главномъ центрѣ кустарнаго шерстяного чулочнаго производства Владимірской губерніи, селѣ Пестякахъ, мѣстный изслѣдователь объясняетъ происхожденіе этого промысла „устройствомъ въ Пестякахъ въ концѣ прошлаго столѣтія суконной фабрики. По закрытіи ея осталось много шерсти, которая и была куплена по сходнымъ цѣнамъ мѣстными крестьянами“ [3]) (вѣроятно, торговцами, судя по тому, что въ этомъ промыслѣ рѣшительно преобладала наемная домашняя система). Въ Симбирской губерніи „развитіе сукнодѣлія (кустарнаго) вообще замѣтно въ селеніяхъ, находящихся близъ суконныхъ фабрикъ, потому что тамъ можно доставать съ фабрикъ шерсть и пользоваться на фабрикахъ же валкой сукна“ [4]). Но во-

---

[1]) О необходимости раздѣленія работъ по производству средственныхъ и легкихъ суконъ. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1830 г. № 6.

[2]) Объявленіе отъ Московскаго отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта гг. фабрикантамъ. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1830 г. № 5.

[3]) Н. Дубенскій. О промыслахъ Владимірской губерніи. Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ. 1858 г. Часть 32.

[4]) Матеріалы для изученія кустарной промышленности. Стр. 62.

обще суконныя фабрики въ гораздо меньшей степени подверглись тому процессу раздробленія въ домашнюю промышленность, который былъ констатированъ нами относительно миткалевыхъ и полотняныхъ фабрикъ; соотвѣтственно этому, и кустарные промыслы по обработкѣ шерсти въ значительно меньшей степени могутъ быть пріурочены къ фабрикамъ.

Шелковое кустарное ткачество было всецѣло созданіемъ фабрики. Какъ извѣстно, этотъ промыселъ сконцентрированъ въ очень небольшомъ районѣ, преимущественно, въ нѣсколькихъ уѣздахъ Московской губерніи и прилегающихъ уѣздахъ Владимірской. Чѣмъ же объясняется такая ограниченность распространенія промысла? А тѣмъ, что въ Московской губерніи были устроены еще при Петрѣ крупныя шелковыя фабрики, изъ которыхъ крупнѣйшія, Фряновская и Купавинская, были въ Богородскомъ уѣздѣ, и понынѣ остающемся центромъ кустарнаго шелковаго ткачества. При простотѣ техники ткачества шелковыхъ матерій, промыселъ этотъ, очень выгодный, не замедлилъ переселиться въ деревню, вмѣстѣ съ возвращавшимися въ деревню рабочими шелковыхъ фабрикъ. Я уже говорилъ, что шелковые кустарные ткачи съ успѣхомъ конкурировали съ фабриками уже въ концѣ XVIII вѣка. Въ началѣ XIX вѣка кустарное ткачество было сильно распространено въ Московской губерніи. Я упоминалъ выше, что, по словамъ одного описанія Московской губерніи этого времени, въ одномъ Московскомъ уѣздѣ у государственныхъ крестьянъ было около 300 становъ для тканья тяжелыхъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій, да нѣсколько сотъ становъ для тканья флера и лентъ [1]). Аршеневскій также говоритъ о мелкихъ шелковыхъ фабрикахъ, имѣвшихъ по 1—10 становъ и наполнявшихъ въ Москвѣ Покровскую слободу и подъ Москвой Преображенское и Измайловское села. Работа въ этихъ кустарныхъ заведеніяхъ производилась частью силами только семьи хозяина, частью при помощи наемныхъ рабочихъ, и притомъ какъ по заказамъ крупныхъ шелковыхъ фабрикантовъ, такъ и „для собственнаго торга“—за свой счетъ [2]). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло какъ съ наемной домашней системой, такъ и съ „самостоятельнымъ“ кустарнымъ производствомъ.

---

[1]) С. Черновъ. Статистическое описаніе Московской губерніи 1811 г. Москва. 1812 г. Стр. 72.

[2]) О нынѣшнемъ состояніи мануфактуръ въ Россіи. Сѣверная Почта. 1812 г. № 22.

Въ 1813 году, въ 30-ти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Гребенковѣ, около тысячи крестьянъ занималось выдѣлкой шелковыхъ и бумажныхъ матерій. Вахонская волость въ 80-ти верстахъ отъ Москвы, заключавшая до 5-ти тысячъ душъ населенія, имѣла болѣе двухъ тысячъ становъ: во многихъ деревняхъ крестьяне занимались выработкой разныхъ тканей для московскихъ фабрикантовъ [1]). Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда наша промышленность начала развиваться особенно энергично, возникло множество мелкихъ шелкоткацкихъ фабричекъ и кустарныхъ избъ, нѣкоторыя изъ которыхъ впослѣдствіи превратились въ огромныя фабрики" [2]).

Въ 30-хъ годахъ въ Московскомъ и Богородскомъ уѣздахъ очень распространилась ручная размотка и сученье шелка въ крестьянскихъ избахъ [3]). Въ Московскомъ и Богородскомъ уѣздахъ въ 30-хъ годахъ „не было избы, гдѣ бы у окна не вертѣлся карась или гдѣ бы подчасъ не выдѣлывали какую-нибудь тафтичку" [4]).

Во Владимірскую губернію кустарное шелковое ткачество также было занесено фабричными рабочими. На фабрикѣ Залогиныхъ (бывшей Лазаревыхъ) въ числѣ рабочихъ былъ нѣкій Канинъ, крестьянинъ Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи. Въ 30-хъ годахъ онъ завелъ ткачество шелковыхъ тканей у себя въ деревнѣ: „благодаря Канину и другимъ рабочимъ на шелковыхъ фабрикахъ получило развитіе кустарное производство шелковыхъ тканей" [5]).

Въ области пеньковаго производства домашняя промышленность развилась, главнымъ образомъ, въ первой стадіи обработки волокна—пряденія. Въ Калужской губерніи, старинномъ центрѣ фабричнаго парусно-полотнянаго ткачества, ткачество парусныхъ полотенъ производилось на самыхъ фабрикахъ, но пряжа заготов-

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ 1865 г. Т. III, стр. 78.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. VII, вып. III, стр. 27—28.

[3]) О жалобахъ фабрикантовъ на карасниковъ (сучильщиковъ-кустарей), которые утаивали шелкъ, спрыскивали его, чтобы онъ былъ тяжелѣе, медомъ и проч., см. „Вторая Московская выставка россійск. мануфактурныхъ произведеній въ 1855 г.". Спб. 1856 г., стр. 196—198.

[4]) Вторая Московская выставка. 209.

[5]) Историко-статистическій обзоръ промышленности въ Россіи. Т. II, стр. 189.

лялась преимущественно по деревнямъ отчасти по заказамъ фабрикантовъ изъ ихъ матеріала, отчасти-же за собственный счетъ крестьянъ [1]). Пряденіе канатной пряжи тоже производилось крестьянами на дому по заказамъ купцовъ [2]).

Въ городѣ Ржевѣ Тверской губерніи важнѣйшимъ зимнимъ промысломъ мѣстныхъ жителей было пряденіе канатной пряжи, главнымъ образомъ, по заказамъ мѣстныхъ канатныхъ торговцевъ [3]). Наемное домашнее пряденіе канатной пряжи въ 40-хъ годахъ сильно развилось въ Орловской губерніи. По словамъ современнаго изслѣдователя, „когда и какъ установилась здѣсь эта вѣтвь значительной городской и сельской промышленности — неизвѣстно. Полагать надобно, что въ Орловскомъ краѣ канатные заводы, точно такъ же, какъ въ Московскомъ и Рязанскомъ краѣ нанковыя фабрики для ткачей, были основаніемъ тѣхъ прядиленъ, которыя первоначально возникли въ городахъ средней и западной полосъ Орловской губерніи, откуда потомъ перешли и въ селенія государственныхъ крестьянъ. Какъ тамъ вокругъ Москвы нанковыя фабрики, раздавая бумагу сельскимъ ткачамъ на домъ, мало-по-малу ввели ткачество между крестьянскимъ населеніемъ даже въ Рязанской губерніи, такъ и здѣсь канатныя фабрики и значительныя городскія прядильни начали уже раздавать крестьянамъ прядильщикамъ за условленную плату извѣстное количество пеньки и пакли для приготовленія изъ нихъ пряжи“ [4]).

Точно такъ же въ Арзамасскій уѣздъ пенькопрядильный промыселъ былъ занесенъ мѣстными крестьянами, работавшими на канатныхъ заводахъ сосѣдняго уѣзда [5]).

Я говорилъ выше (въ главѣ I) о паденіи парусно-полотняныхъ фабрикъ Калужской губерніи; но онѣ оставили послѣ себя слѣдъ. На мѣстѣ прежнихъ фабрикъ возникъ, хотя и не особенно цвѣтущій, новый кустарный промыселъ—пряденье и тканье пеньковыхъ тка-

---

[1]) О пеньковомъ производствѣ въ Калужской, Орловской и смежныхъ губерніяхъ. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1851 г., ч. III, стр. 183.

[2]) Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г., стр. 195.

[3]) Состояніе мануфактурной промышленности Тверской губерніи въ 1845 году. Тверь, 1846 г. Стр. 9—11. Перепечатано въ „Журналѣ М-ва Внутрен. Дѣлъ“ 1847 г., ч. 18, подъ заглавіемъ: „Мануфактурная промышленность Тверской губерніи въ 1845 г.“.

[4]) Промышленность Орловской губерніи. Журналъ М-ва Госуд. Имущ. 1848 г., ч. 29, стр. 206. Также Волковъ. „Промышленность Орловской губерніи“. Тотъ же журналъ, ч. 30.

[5]) Труды кустарной комиссіи, VI, стр. 548. Вып. II, стр. 49—60.

ней для парусовъ, мѣшковъ, брезентовъ и проч. Центромъ этого промысла въ Медынскомъ уѣздѣ явилось село Полотняный заводъ. Промыселъ этотъ развился въ 50-хъ годахъ нашего вѣка, при чемъ главнымъ дѣятелемъ былъ нѣкій Ерохинъ—лучшій ткачъ одной изъ закрывшихся парусныхъ фабрикъ. Ерохинъ основалъ небольшую фабрику и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ раздавать пеньку для пряденья и тканья по домамъ. Промыселъ принялъ характеръ наемнаго домашняго производства.

До сихъ поръ я говорилъ только о текстильной промышленности: въ этой области своеобразная эволюція—отъ фабрики черезъ домашнюю промышленность къ „самостоятельному“ кустарю—или, точнѣе, отъ фабрики черезъ наемную систему домашней промышленности къ покупной системѣ—наиболѣе очевидна. Въ другихъ производствахъ вліяніе фабрики не такъ велико. Кустарная обработка металловъ, изготовленіе желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, въ гораздо меньшей степени могутъ быть пріурочены къ фабрикѣ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь во многихъ случаяхъ можно констатировать вліяніе фабрики. Возьмемъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстную павловскую промышленность. О павловцахъ, какъ объ искусныхъ замочникахъ и слесаряхъ, упоминается еще въ началѣ XVII вѣка. Но всѣ изслѣдователи признаютъ, что на развитіе павловской промышленности оказалъ огромное вліяніе желѣзный заводъ, устроенный графомъ Шереметевымъ въ половинѣ прошлаго столѣтія и прекратившій производство въ 1770 г. [1]). Помѣщики села Павлова и послѣ уничтоженія завода содѣйствовали развитію павловской промышленности выпиской англійскихъ мастеровъ, обученіемъ рабочихъ и проч. Большую роль въ возникновеніи промысловъ всего павловскаго района играли и сосѣдніе старинные Балашевскіе заводы. Въ позднѣйшее время новые промыслы въ этомъ районѣ нерѣдко возникали подъ непосредственнымъ вліяніемъ фабрикан-

[1]) Первое упоминаніе объ этомъ я нашелъ въ статьѣ о Павловской промышленности въ „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ 1846 г. ч. 4. Это же извѣстіе повторяется и въ большинствѣ послѣдующихъ статей и книгъ, посвященныхъ селу Павлову, о которомъ существуетъ, какъ извѣстно, цѣлая литература. См., напримѣръ, „Описаніе промысловъ государственныхъ крестьянъ Нижегородской губерніи“ (Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собираемые комиссіями и отрядами уравненій денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ). Вып. I, 1857, стр. 64; А. Смирновъ. Павлово и Ворсма. Спб., 1864 г., стр. 26; Н. Лабзинъ. Изслѣдованіе промышленности ножевой, замочной и пр. Спб., 1870 г., стр. 5, и многія другія сочиненія о Павловской кустарной промышленности.

товъ. Такъ отцомъ ножничнаго производства въ Павловѣ, по словамъ г. Лабзина, былъ петербургскій ножевой фабрикантъ Канапль, „который ѣздилъ въ Павлово и обучалъ ножничному дѣлу тамошнихъ болѣе смышленыхъ мастеровъ, чтобы, за дороговизной петербургской работы, имѣть возможность получать болѣе дешевыя издѣлія мѣстной выработки". Этотъ же фабрикантъ значительно содѣйствовалъ также и улучшенію техники производства перочинныхъ ножей. Г. Лабзинъ прибавляетъ, что о Канаплѣ павловцы „вспоминаютъ не иначе, какъ съ почетомъ, а многіе чтутъ его рѣшительно своимъ благодѣтелемъ" [1]). Развитію муромскаго ножевого производства, центромъ котораго является село Вачи, также сильно содѣйствовала фабрика Кондратова, устроенная въ 1831 г. [2]). Кустарное производство проволочныхъ полотенъ въ селѣ Безводномъ Нижегородской губерніи было занесено фабричными рабочими [3]). Въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи всѣ металлическіе промыслы имѣютъ отношеніе къ крупной горнозаводской промышленности и къ существованію въ уѣздѣ чугуноплавильныхъ заводовъ [4]).

Важнѣйшимъ центромъ кустарнаго кузнечнаго и слесарнаго производства въ Ярославскомъ уѣздѣ является село Бурмакино. По словамъ проф. Исаева, до 30-хъ годовъ этого столѣтія издѣлія бурмакинскихъ кузнецовъ были очень грубы и незатѣйливы, „но съ этого времени началось ихъ усовершенствованіе. Вызвано оно было тѣмъ, что помѣщикъ Бурмакина, Варенцовъ, устроилъ ножевое заведеніе. Оно существовало недолго и не привило среди крестьянъ ножевого производства. Косвенно же оно оказало большое вліяніе: мастерами въ заведеніи были нѣмцы, искусные кузнецы и слесаря. Помѣщикъ набиралъ въ работу наиболѣе способныхъ мальчиковъ, которые и получали тамъ правильное ремесленное образованіе. Когда заведеніе было упразднено, то рабочіе разо-

---

[1]) Лабзинъ. Изслѣдованіе промышленности ножевой и пр. Стр. 48.

[2]) Фабричное заведеніе стальныхъ издѣлій въ Муромскомъ уѣздѣ К. Тихонравова. Владимірскія Губернскія Вѣдомости 1853, № 42... „занимая значительное число крестьянъ сосѣднихъ селеній производствомъ стальныхъ издѣлій на своей фабрикѣ, Кондратовъ несомнѣнно имѣлъ немаловажное вліяніе на распространеніе и успѣхъ этого производства между крестьянами не только въ вотчинѣ князя Голицына, но и другихъ имѣніяхъ Муромскаго уѣзда".

[3]) Труды кустарной комиссіи, IX, 2403.

[4]) Всероссійская выставка 1896 года. Нижегородская губернія. II. стр. 28.

шлись по домамъ и принесли съ собой техническую ловкость. Одни изъ нихъ, сыновья и племянники кузнецовъ, усовершенствовали производство въ прародительскихъ кузницахъ, другіе сами построили кузницы“ [1]). Съ этого времени въ Бурмакинѣ начинается производство многихъ стальныхъ издѣлій, которыя раньше не выдѣлывались вслѣдствіе недостатка знанія и искусства.

„Нѣтъ сомнѣнія, что желѣзодѣлательные заводы способствовали развитію кузнечнаго промысла“ Слободскаго уѣзда Вятской губерніи [2]). То же самое мы узнаемъ и относительно пермскихъ кустарныхъ металлическихъ промысловъ.

„Исторія возникновенія промысла въ томъ или другомъ заводѣ имѣетъ обыкновенно общій характеръ. Родоначальниками промысла являются лица, вывезенныя владѣльцами изъ среднихъ губерній Россіи съ цѣлью обученія ремеслу крѣпостныхъ людей. Въ Кыштымѣ, напримѣръ, была даже устроена заводоуправленіемъ небольшая гвоздарная фабрика, въ которой обучились многіе гвоздари“ [3]).

Тульское желѣзодѣлательное производство, принадлежащее къ числу очень старинныхъ, точно такъ же развилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ желѣзныхъ заводовъ, устроенныхъ еще въ XVII вѣкѣ и просуществовавшихъ болѣе 100 лѣтъ. „Заводы исчезли,—говоритъ изслѣдователь тульской кустарной промышленности Борисовъ,—а знаніе ремесла осталось“ [4]).

Многіе металлическіе промыслы этого района и въ настоящее время сохраняютъ непосредственную связь съ заводами и фабриками. Такъ, напримѣръ, наводильщики въ Сергіевской волости Тульскаго уѣзда занимаются своимъ промысломъ только по заказамъ тульскихъ самоварныхъ фабрикантовъ, дающихъ имъ не только матеріалъ для обработки, но и самые инструменты. Точно такъ же кустари, занятые наклепнымъ промысломъ, работаютъ только по заказамъ гармонныхъ фабрикантовъ [5]).

Уральскіе горные заводы создали вокругъ себя очень разнообразную и цвѣтущую кустарную промышленность, обрабатывающую заводскій матеріалъ. „Нижнетагильское кустарное дѣло, — читаемъ въ трудахъ кустарной комиссіи,—обязано своимъ разви-

[1]) Труды кустарной комиссіи. VI, 709.
[2]) Труды кустарной комиссіи. XI, стр. 340.
[3]) Промыслы Екатеринбургскаго уѣзда. Екатеринбургъ. 1889 г.; стр. 61.
[4]) Труды кустарной комиссіи. IX, 2242.
[5]) Труды кустарной комиссіи. VII, 892—947.

тіемъ вниманію администраціи (заводовъ) въ старые годы... Заводская администрація старалась направить избытокъ рабочей силы на это дѣло... и кустарный промыселъ буквально процвѣталъ". То же самое сообщается и о кустарномъ производствѣ разныхъ металлическихъ издѣлій вокругъ заводовъ Воткинскаго, Редвинскаго и др. [1]).

Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ мѣдный кустарный промыселъ возникъ, благодаря существовавшему въ прошломъ вѣкѣ, но затѣмъ закрывшемуся Суксунскому металлическому заводу. Этимъ же объясняется происхожденіе въ этомъ округѣ и кузнечно-слесарнаго промысла. „Прививка промысла принадлежитъ также заводу и развитіе его обусловливается тѣмъ, что Суксунъ, будучи главнымъ заводомъ въ округѣ, занималъ въ былыя времена большое число ремесленниковъ всякаго рода, въ томъ числѣ кузнецовъ и слесарей. ...По закрытіи механическаго производства въ Суксунѣ (фабрика сгорѣла и больше не возобновлялась), большинство работавшихъ на фабрикѣ было уволено за оброки на отхожія работы... Затѣмъ, по обнародованіи свободы и въ виду бездѣйствія завода... почти всѣ оставшіеся дома кузнецы открыли свои мастерскія" [2]).

Гвоздорубный промыселъ вокругъ Бисертскаго завода возникъ, благодаря устроенной заводомъ гвоздорубной фабрикѣ, закрытой въ 60-хъ годахъ [3]).

Я могъ бы привести еще много примѣровъ эволюціи мелкаго производства изъ крупнаго, кустарной промышленности изъ фабричной, но и приведенныхъ достаточно. Этой эволюціей вполнѣ объясняется фактъ, поражавшій многихъ изслѣдователей кустарнаго производства, а именно вытѣсненіе крупнаго производства мелкимъ, раздробленіе промышленности. Нерѣдко оказывается, что въ данномъ промыслѣ лѣтъ 40—50 тому назадъ господствовали болѣе или менѣе крупныя мастерскія, а теперь крупныхъ мастерскихъ совершенно не существуетъ, а мѣсто ихъ заняли кустарныя избы. Такъ, напримѣръ, „въ первое время послѣ возникновенія (въ Арзамасскомъ уѣздѣ) кузнечный промыселъ принималъ характеръ маленькихъ кузнечныхъ фабрикъ, хозяева которыхъ держали работ-

[1]) Труды кустарной комиссіи. XVI. Кустарная промышленность въ связи съ Уральскимъ горнозаводскимъ дѣломъ. Стр. 13—17.

[2]) Труды кустарной комиссіи. X, 2924, 2979.

[3]) Сборникъ Пермскаго земства. 1890 г. № 4. Гвоздорубный промыселъ въ Бисертскомъ заводѣ.

никовъ и до извѣстной степени эксплуатировали ихъ трудъ. На кузницѣ каждаго хозяина работало 12—18 работниковъ... Но потомъ, когда промыселъ значительно распространился и когда кузнецы хорошо ознакомились съ частностями промысла, они стали понемногу выходить изъ подъ хозяйской опеки... и промыселъ сталъ вести каждый за свой страхъ“ [1]).

Исторія скорняжнаго промысла въ Арзамасскомъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. „Въ началѣ скорняжества въ селеніяхъ, только немногіе умѣли работать скорняжный товаръ, другіе, чтобы научиться этому дѣлу, должны были жить у нихъ въ работникахъ, за небольшую плату; такимъ образомъ скорняжный промыселъ въ деревняхъ имѣлъ нѣсколько фабричный характеръ. Хозяева маленькихъ фабрикъ были завалены работой, которую они выгодно исполняли при помощи дешевыхъ работниковъ. Затѣмъ, когда скорняжному дѣлу научились многіе, число маленькихъ фабрикъ стало уменьшаться, рабочіе стали дѣлаться самостоятельными хозяевами. Скорняжный промыселъ, имѣвшій первоначально фабричный видъ, сталъ принимать постепенно кустарный характеръ, какой онъ сохранилъ и до сихъ поръ“ [2]).

То же самое наблюдается въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ промысловъ Московской губерніи—щеточномъ, цвѣтильномъ, шляпномъ, мебельномъ и др. По словамъ профессора Исаева, изслѣдовавшаго мебельную промышленность Московской губерніи, „исторія этого промысла блистательно доказываетъ, что одиночка-столяръ не только съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу съ крупной мастерской, но что сама одиночная изба вышла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ объятій крупной мастерской“ [3]).

Совершенно вѣрно. Кустарная изба вышла изъ крупной мастерской, и не только въ мебельномъ промыслѣ, но, какъ я старался показать, и во многихъ и очень важныхъ другихъ промыслахъ. Тѣмъ не менѣе изъ этой „блистательной побѣды“ кустаря мы не сдѣлаемъ того вывода, который дѣлаетъ профессоръ Исаевъ, и не заключимъ о преимуществахъ кустарной промышленности въ *наше время*, и возможности для нея *при современныхъ условіяхъ техники* успѣшно конкурировать съ фабрикой.

Итакъ, промышленный капиталъ сыгралъ огромную роль въ развитіи нашей кустарной промышленности. Происхожденіе на-

[1]) Труды кустарной комиссіи. IV, стр. 171—172.
[2]) Труды кустарной комиссіи. III, 82.
[3]) Промыслы Московской губерніи, т. I, стр. 30.

шихъ кустарныхъ промысловъ, какъ я указывалъ, двоякое: старинные промыслы возникли изъ домашняго производства, промыслы болѣе новые—главнымъ образомъ изъ фабрики и крупной мастерской.

Установить болѣе или менѣе точно, какую роль въ нашей кустарной промышленности играютъ промыслы того и другого происхожденія, совершенно невозможно, по отсутствію статистическихъ данныхъ. Только для очень немногихъ губерній такое сравненіе возможно. Наилучше изслѣдована въ промысловомъ отношеніи Московская губернія; ею мы и займемся.

Значительно большая часть кустарныхъ промысловъ Московской губерніи (эти промыслы въ главной своей массѣ являются не „самостоятельнымъ“ производствомъ, а работой по найму) происхожденія очень недавняго, нѣкоторые возникли въ концѣ прошлаго вѣка, другіе еще позже—въ 20, 30, 40-хъ годахъ нашего вѣка. Московскіе земскіе статистики обыкновенно весьма тщательно отмѣчали исторію каждаго промысла; посмотримъ же, о чемъ говорятъ ихъ наблюденія.

Изъ 141 т. крестьянъ, занятыхъ въ мелкомъ товарномъ неземледѣльческомъ производствѣ Московской губерніи, не менѣе 82 т. (т. е. около 59% работающихъ) заняты въ промыслахъ, непосредственно созданныхъ фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промыселъ, игрушечный, шитье перчатокъ, щеточный промыселъ, производство пуховыхъ шляпъ, канительный, золото-кружевной и другіе, болѣе мелкіе, промыслы).

О возникновеніи бумажнаго, шелковаго и шерстяного домашняго ткачества я уже говорилъ [1]); что касается до другихъ промысловъ, то исторія ихъ въ общемъ одна и та же.

Возьмемъ, напр., игрушечный промыселъ (1400 кустарей, работаютъ изъ покупного матеріала; „самостоятельное“ производство).

„Исторія игрушечниковъ Московской губерніи, какъ первоначальныхъ производителей, была такова, что сначала они работали у хозяевъ въ Москвѣ, въ качествѣ наемныхъ работниковъ, потомъ... отходили отъ своихъ хозяевъ и заводили дѣло у себя на домахъ, въ деревнѣ. Почти всегда бывало такъ, что отошедшій отъ хозяина работникъ первое время сохра-

[1]) Замѣчу кстати, что исторія ткацкаго промысла изложена въ земскомъ сборникѣ не на основаніи новаго матеріала, а по Корсаку, и потому самостоятельнго значенія не имѣетъ и не лишена ошибокъ.

нялъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ дѣловую связь, т. е. продолжалъ работать на него товаръ, такъ что положеніе новаго предпринимателя на первыхъ порахъ мало разнилось отъ положенія простого рабочаго... Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ игрушечникъ знакомился съ коммерческой стороной своего дѣла... его отношенія къ бывшему хозяину мѣнялись къ большой для него, производителя, выгодѣ". Сборникъ ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. II, стр. 5—6.

Схема развитія—крупная мастерская, наемная домашняя промышленность и, такъ называемое, самостоятельное производство—выступаетъ съ полной ясностью.

Щеточный промыселъ (880 работающихъ, большею частью сами покупаютъ матеріалы). Промыселъ былъ занесенъ въ концѣ XVIII вѣка крестьяниномъ, работавшимъ на одной щеточной мастерской въ Москвѣ. Первые основатели промысла имѣли довольно значительныя мастерскія. Въ настоящее время преобладаютъ мелкія заведенія [1]).

Производство касторовыхъ шляпъ (480 работающихъ; преобладающій типъ—мелкія мастерскія съ наемными рабочими; работа изъ покупного матеріала). Промыселъ возникъ изъ шляпной фабрики Александрова въ 30-хъ годахъ этого вѣка. „Съ теченіемъ времени нѣкоторые мастера, обучившись шляпному производству, стали работать шляпы на дому, но вначалѣ работали исключительно на Иванова (Александрова), получая отъ него матеріалъ. Затѣмъ бывшіе мастера Иванова (Александрова) стали обращаться въ самостоятельныхъ производителей... Шляпное производство, сначала сконцентрированное въ обширной мастерской Иванова (Александрова), постепенно децентрализировалось по селеніямъ Кленовской волости" [2]). Итакъ, опять то же развитіе — фабрика, домашняя промышленность, мелкое „самостоятельное" производство.

Шитье лайковыхъ перчатокъ (3 тысячи работающихъ; работа по заказамъ торговцевъ изъ ихъ матеріала). „Лѣтъ сто назадъ помѣщикъ Шалашниковъ выстроилъ заводъ для выдѣлки тонкихъ кожъ для перчатокъ въ деревнѣ Языковѣ... Обученныя дѣвушки шили отчасти въ особомъ устроенномъ для этого помѣщеніи, или же, какъ впослѣдствіи, получали работу на домъ. Мало-по-малу такимъ образомъ умѣнье шить перчатки распространилось по окрестностямъ" [2]). Фабрика породила домашнюю промышленность.

Патронный промыселъ. Работающихъ около 9 тыс. (работа от-

[1]) Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. I, стр. 1—6.

[2]) Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. I, стр. 172 — 173, т. VII, вып. II, стр. 170.

части на торговца, по заказамъ, отчасти „самостоятельное производство).

„Разспрашивая крестьянъ о происхожденіи промысла,—читаемъ въ земскомъ Сборникѣ, — мы получали однообразные отвѣты: пріѣхалъ въ такую-то деревню приказчикъ отъ такого-то купца, снялъ или купилъ избу и открылъ фабричку. Дѣвушекъ и женщинъ обучалъ даромъ, потомъ раздавалъ на домъ всѣ нужные матеріалы и орудія производства... Бывали и такіе случаи. Крестьянинъ, занимавшійся нѣсколько лѣтъ на какой-нибудь патронной фабрикѣ въ Москвѣ, рѣшалъ ѣхать домой и жить въ деревнѣ. Онъ уговаривался со своимъ хозяиномъ, что будетъ на него работать патроны за извѣстную цѣну... Самостоятельные производители появились въ деревнѣ только въ болѣе позднее время... Почти фабричная форма, появившаяся въ деревняхъ Московской губерніи, породила и самостоятельное мелкое патронное производство“ [1]).

Опять, слѣдовательно, то же—фабрика, домашняя промышленность, „самостоятельное“ кустарное производство. Кустарная изба оказывается результатомъ эволюціи фабрики.

Точно такимъ же образомъ были занесены въ селенія Московской губерніи пуговичный, золотокружевной, бахромный, золотошвейный, позументный, сусальный и многіе другіе промыслы. Какъ я сказалъ, промыслами капиталистическаго происхожденія занято около 59% всѣхъ московскихъ кустарей. Какимъ же образомъ возникли другіе промыслы Московской губерніи, дающіе занятіе остальнымъ 41% кустарей?

Значительная часть этихъ послѣднихъ промысловъ, если не прямо возникла изъ крупной мастерской, то во всякомъ случаѣ развилась подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ. Сюда относится, напр., мебельный промыселъ, изслѣдованный проф. Исаевымъ. Производство дорогой мебели до 50-хъ годовъ было сосредоточено въ Лигачевскомъ районѣ въ крупной мастерской Зениныхъ, имѣвшихъ до 70 рабочихъ. Въ этой мастерской научились работать дорогую мебель мастера, впослѣдствіи начавшіе самостоятельное мебельное производство. Какъ я говорилъ выше, проф. Исаевъ отмѣчаетъ, что въ мебельномъ промыслѣ крупная мастерская породила мелкія промышленныя единицы. То же слѣдуетъ сказать и о металлическихъ промыслахъ Московской губерніи—изготовленіи жестяныхъ и мѣдныхъ издѣлій, подносовъ, булавокъ, проволочныхъ сѣтокъ и пр. Всѣ эти промыслы въ большей или меньшей степени обязаны своимъ развитіемъ крупнымъ мастерскимъ. То же слѣдуетъ ска-

[1]) Сб. ст. св. т. VII, вып. II, стр. 204, 223, 230.

зать и о портняжномъ, гребенномъ, зеркальномъ, грохотоплетномъ и пр. промыслахъ.

Замѣтимъ, кстати, что развитію кустарныхъ промысловъ оказали огромное содѣйствіе и помѣщики, обучавшіе разнымъ ремесламъ своихъ крѣпостныхъ. Это отмѣчается относительно мебельнаго промысла [1]), кружевного, перчаточнаго, плетенья изъ прутьевъ и другихъ промысловъ Московской губерніи.

По словамъ г. Плотникова, „одной изъ причинъ развитія кустарныхъ промысловъ (въ Нижегор. губ.) было воздѣйствіе помѣщиковъ, старавшихся насаждать въ своихъ вотчинахъ, особенно многолюдныхъ и малоземельныхъ, какіе-либо промыслы. Такіе крупные владѣльцы, какъ Шереметевы, Салтыковы, Толстые, владѣя въ разныхъ концахъ Россіи селами, уже отличившимися въ той или иной отрасли промышленности, нерѣдко переносили вмѣстѣ съ мастерами этихъ селеній и ихъ искусство въ свои болѣе бѣдныя и непромысловыя селенія. Такъ, Салтыкову, владѣвшему одновременно въ концѣ XVII вѣка селомъ Кимрами и селомъ Выѣздной Слободой, Арзамасскаго уѣзда, приписываютъ начало сапожнаго промысла въ этой послѣдней. Владѣлецъ села Богородскаго Шереметевъ не только содѣйствовалъ развитію въ своемъ имѣніи кожевеннаго производства, но и перенесъ его въ село Юрино, Васильскаго уѣзда, въ видѣ рукавичнаго промысла“ [2]).

То же сообщается и относительно промысловъ Ярославской губерніи. „Развитію кустарной промышленности немало способствовало крѣпостное право... Помѣщики отправляли мальчиковъ, для обученія разнымъ мастерствамъ, на фабрики и заводы въ Петербургъ, Москву и другіе промышленные города Россіи. Опытность этихъ мастеровъ вліяла на кустарную промышленность“.

Такъ, напримѣръ, на Ухтомѣ, „если и существуютъ кустарные промыслы, то потому лишь, что на Ухтомѣ много помѣщичьихъ усадебъ и усадебъ богатыхъ, а слѣдовательно въ средѣ населенія найдется немало народу, обученнаго извѣстнымъ мастерствамъ бывшими ихъ помѣщиками“ [3]).

Вернемся, однако, къ Московской губерніи.

Какую же роль играютъ въ московской промышленности ста-

---

[1]) „Крѣпостное право не мало способствовало его (мебельнаго промысла) развитію“. А. Исаевъ, Промыслы Московской губерніи. I, 11.

[2]) Всероссійская выставка 1896 г., Нижегородская губернія. II, стр. 31.

[3]) Вѣстникъ Ярославскаго Земства. 1875 г., іюнь. Кустарная промышленность въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

ринные кустарные промыслы, промыслы чисто „народнаго“ происхожденія, не носящіе на себѣ печати ни капитализма, ни крѣпостного права?—Довольно незначительную. Къ этой категоріи относятся такіе вполнѣ національные промыслы, какъ, напр., плетеніе лаптей, пряденіе льна и шерсти, отчасти вязанье и плетенье чулокъ, сѣтей и проч., сапожный и башмачный промыселъ, скорняжничество, валянье шерсти, бондарный промыселъ, кожевенный, метельный и пр. Число лицъ, занятыхъ въ этихъ промыслахъ, врядъ ли превзойдетъ 30 тыс. чел., т. е. не достигнетъ и 25% всего числа московскихъ кустарей.

Итакъ, въ Московской губерніи (какъ и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ) промыслы болѣе новые, капиталистическаго происхожденія, рѣшительно преобладаютъ надъ „народными“ промыслами, начало которыхъ теряется въ дали временъ. Разумѣется, если бы мы взяли для сравненія не промышленную, а какую-никудь земледѣльческую, или сѣверную лѣсную губернію, то результатъ получился бы иной. Напр., въ Вятской губерніи промыслы „народнаго происхожденія“, несомнѣнно преобладаютъ надъ капиталистическими [1]). Но для насъ важно было не опредѣлить въ цифрахъ, какіе промыслы въ Россіи занимаютъ больше рабочихъ (такое опредѣленіе совершенно невозможно по отсутствію данныхъ), а доказать, что господствующее мнѣніе о происхожденіи кустарной промышленности изъ домашняго производства въ своей категорической формѣ совершенно невѣрно, такъ какъ оно игнорируетъ многіе весьма важные промыслы чисто-капиталистическаго происхожденія, преобладающіе не только въ Московской губерніи, но и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи. Московская же губернія должна была только иллюстрировать этотъ фактъ, и для такой иллюстраціи она вполнѣ годится.

Я отнюдь не утверждаю, что фактъ происхожденія отдѣльныхъ промысловъ изъ фабрики не былъ отмѣченъ въ нашей литературѣ. Напротивъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, очень многіе изслѣдователи неоднократно его отмѣчали. В. Безобразовъ въ „Общемъ Обозрѣніи Выставки 1882 г.“ (С.-Пб. 1884 г., стр. 457) прямо заявляетъ: „весьма примѣчательно, что у насъ фабрики, въ извѣстной степени, содѣйствовали насажденію и развитію кустарныхъ промысловъ“. Но все же вышеприведенное мнѣніе г. В. В. о „народ-

---

[1]) См. Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губерніи. Вятка 1889—93 гг. 5 выпусковъ.

номъ“ происхожденіи нашей кустарной промышленности можетъ считаться господствующимъ.

Корсакъ видѣлъ въ раздробленіи фабричной промышленности въ разсматриваемую эпоху доказательство неприложимости фабричной формы промышленности къ хозяйственнымъ условіямъ дореформенной Россіи. Фабрика XVIII вѣка, по его мнѣнію, была явленіемъ „искусственнымъ“, и потому она раздробилась.

Противъ этого мнѣнія, до сихъ поръ не потерявшаго кредита въ нашей литературѣ, я уже возражалъ во введеніи. Я доказывалъ, что Петровская фабрика была естественнымъ продуктомъ экономическихъ и соціальныхъ условій тогдашней Россіи.

Послѣдующая эволюція фабрики вполнѣ объяснима тѣмъ, что на русскихъ фабрикахъ прошлаго вѣка работа производилась не машинами, а руками, техника производства была очень несложна и не требовала обязательно крупной мастерской. Необходимость послѣдней въ тогдашней Россіи основывалась не на техническихъ а на соціальныхъ условіяхъ, и прежде всего на незнакомствѣ русскаго населенія съ новыми пріемами производства и на невозможности перенести въ страну новыя производства иначе, какъ въ формѣ фабрикъ.

Отсюда ясно, что, какъ только населеніе освоилось съ новыми техническими пріемами, мелкое производство стало вытѣснять крупное. Такъ какъ, по чисто техническимъ условіямъ, крупное производство не имѣло значительныхъ преимуществъ передъ мелкимъ (и на фабрикѣ, и въ кустарной избѣ работа производилась руками, безъ помощи дорогихъ приспособленій и инструментовъ; ручной ткацкій станокъ—даже станокъ-самолетъ,—стоилъ такъ мало, что былъ вполнѣ доступенъ всякому крестьянину), то вполнѣ понятно, что фабриканты скоро убѣдились въ невыгодности устройства огромныхъ и дорогихъ фабричныхъ зданій, когда та же работа могла быть исполнена съ такимъ же успѣхомъ обученнымъ рабочимъ у себя на дому. Такимъ образомъ фабрика раздробилась въ домашнюю промышленность. Мелкое производство оказалось сильнѣе крупнаго по той причинѣ, что состояніе техники не требовало крупнаго производства.

Что касается до перехода домашней промышленности въ „самостоятельное“ кустарное производство, то и этотъ переходъ вполнѣ понятенъ: когда промыселъ находится въ первомъ періодѣ своего развитія и имъ занимается немного рукъ, цѣна за работу бываетъ высока, и сбытъ издѣлій совершается безъ затрудненія.

Въ этомъ періодѣ домашній рабочій, при удачѣ, легко можетъ начать работу изъ покупного матеріала, продавать издѣлія на рынкѣ, и такимъ образомъ наемный рабочій превращается въ „самостоятельнаго“ производителя.

Итакъ, Николаевская эпоха можетъ быть по справедливости названа эпохой расцвѣта нашей кустарной промышленности. Это еще вовсе не значитъ, чтобы въ то время кустарь пользовался большей самостоятельностью, чѣмъ раньше или потомъ. Масса кустарей оставалась въ полномъ подчиненіи капиталисту. Именно въ это время выработались тѣ сложныя формы посредничества между потребителемъ и производителемъ—кустаремъ, которыя сохранились и понынѣ. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ было организовано кустарное производство въ бумаготкацкой промышленности, въ которой наемная домашняя система достигла наибольшаго развитія.

Тканье производилось обыкновенно въ свѣтелкахъ на 5, 10, 20 и болѣе ткацкихъ становъ. Крестьяне обыкновенно не ткали бумажныхъ тканей въ самой избѣ вслѣдствіе тѣсноты и закопченности избъ, такъ какъ у большинства избы были курныя. Въ избахъ съ трубами иногда помѣщались ткацкіе станки. Раньше чѣмъ дойти до ткача, матеріалъ—бумажная пряжа—проходилъ черезъ нѣсколько рукъ. Хозяинъ матеріала—ситцевый фабрикантъ или владѣлецъ раздаточной конторы отдавалъ пряжу особому комиссіонеру „производчику“ или подрядчику. Этотъ производчикъ, или подрядчикъ, какъ общее правило, самъ ткачествомъ не занимался и не имѣлъ ткацкихъ заведеній; но нерѣдко онъ имѣлъ свое собственное сновальное заведеніе. Въ такомъ случаѣ онъ получалъ отъ хозяина неоснованную бумажную пряжу и сновалъ ее самъ. Если же у него не было сновальнаго заведенія, то онъ получалъ отъ фабриканта уже готовую основу. Основу и утокъ подрядчикъ отдавалъ „мастерку“, занимавшемуся раздачей пряжи по свѣтелкамъ или по избамъ отдѣльныхъ ткачей. Владѣлецъ свѣтелки—„хозяинъ“ иногда самъ отъ себя нанималъ нѣсколько ткачей и вмѣстѣ съ ними приготовлялъ миткаль, иногда же мѣста въ свѣтелкѣ отдавались ткачамъ за плату, и тогда „мастерокъ“ непосредственно сносился съ ткачами. Изготовляемый миткаль доставлялся „мастерку“, онъ же передавалъ его подрядчику, а подрядчикъ — фабриканту. Плата производилась съ вѣса; фабрикантъ выдавалъ бумажную пряжу по вѣсу подрядчику и отъ подрядчика же получалъ обратно соотвѣтствующее количество миткалю, при чемъ, разумѣется, произво-

дился вычетъ на „угаръ“—потерю пряжи при тканьѣ и пр. Фабрикантъ зналъ только подрядчика, подрядчикъ—только „мастерка“, „мастерокъ“ – только „хозяина“ (свѣтелочника) или ткачей, съ которыми онъ сносился лично.

Плата, выданная фабрикантомъ, распредѣлялась между всѣми участниками производства, при чемъ подрядчикъ и „мастерокъ“ вычитали въ свою пользу опредѣленную комиссіонную плату, а остальное передавали „хозяину“ свѣтелки, если онъ отъ себя нанималъ ткачей, или самимъ ткачамъ, если они сами сносились съ „мастерками“.

Такимъ образомъ было организовано въ своей наиболѣе развитой формѣ посредничество между собственниками матеріала и домашними производителями. Иногда тотъ или другой посредствующій членъ этой цѣпи выпадалъ. Такъ, напримѣръ, нерѣдко подрядчикъ непосредственно сносился съ свѣтелочниками или ткачами; въ другихъ случаяхъ, хотя и рѣдко, подрядчикъ имѣлъ свои собственныя ткацкія свѣтелки и самъ ткалъ миткаль изъ хозяйскаго матеріала. Наконецъ, иногда фабрикантъ непосредственно сносился съ ткачами, а именно, съ тѣми изъ нихъ, которые жили по сосѣдству съ фабрикой. Ткачъ являлся на фабрику, бралъ у хозяина основу и утокъ и ему же обратно приносилъ миткаль [1]).

Въ такой формѣ сложилась организація наемнаго домашняго ткачества бумажныхъ и отчасти шелковыхъ и полотняныхъ матерій еще въ 30-хъ—40-хъ годахъ этого вѣка. Организація эта, при всей своей сложности, настолько удачно служила своимъ цѣлямъ, что удержалась почти въ неизмѣненномъ видѣ до настоящаго времени. Это сложное посредничество указываетъ на слабость и безпомощность непосредственнаго производителя, который не имѣетъ доступа не только къ рынку, но даже и къ руководителю предпріятія, собственнику матеріала.

Въ началѣ этого вѣка заработная плата бумажныхъ ткачей,

[1]) Организація домашняго наемнаго ткачества въ Николаевскую эпоху описывается, напримѣръ, въ слѣдующихъ статьяхъ: Статистическія свѣдѣнія о Богородскомъ уѣздѣ. Журналъ М-ръ и Т. 1834 г., № 1; А. Заблоцкій. Обозрѣніе Владимірской губерніи. Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ. 1840. Часть XXXVI; Промышленность государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи. Журналъ М-ва Госуд. Имущ. 1847. Часть XXV; Я. Соловьевъ. Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губерніи. Влад. Губ. Вѣд., 1854, № 28—30; Ѳ. Журовъ. Миткалевые фабриканты, ихъ ткачи и комиссіонеры. Вѣстникъ Промышленности. 1858 г., т. I, и во многихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ этого времени.

вслѣдствіе ограниченности ихъ числа, была высока, но съ двадцатыхъ годовъ, подъ вліяніемъ быстраго распространенія бумажнаго ткачества въ странѣ и усиленія конкуренціи ткачей, она начала падать.

Годовая выработка бумажнаго ткача во Владимірской губерніи [1]).

(Въ ассигнаціяхъ).

	Миткаль низшаго сорта.	Миткаль средняго сорта.
1808 г.	432 р.	504 р.
1813 „	359 „	449 „
1829—58 г.	125 „	166 „

Золотой вѣкъ набойщиковъ—первыя десятилѣтія нашего столѣтія—былъ золотымъ вѣкомъ и ткачей, хотя заработокъ ткачей никогда не поднимался такъ высоко, какъ заработокъ набойщиковъ. Въ 30, 40 и 50-хъ годахъ заработная плата бумажныхъ ткачей сильно колеблется, но не обнаруживаетъ наклонности къ паденію.

Средняя цѣна, платимая ткачамъ въ Шуѣ и Суздалѣ за основу въ 850 зубьевъ [2]).

(Съ аршина основы въ копейкахъ ассигнаціями).

1829 г. . . 4,46	1839 г. . . 3,38	1849 г. . . 2,95
1830 „ . . 4,43	1840 „ . . 3,64	1850 „ . . 2,90
1831 „ . . 3,96	1841 „ . . 2,78	1851 „ . . 2,10
1832 „ . . 3,09	1842 „ . . 2,71	1852 „ . . 3,27
1833 „ . . 2,42	1843 „ . . 2,92	1853 „ . . 2,71
1834 „ . . 2,01	1844 „ . . 3,63	1854 „ . . 2,25
1835 „ . . 2,37	1845 „ . . 3,63	1855 „ . . 1,83
1836 „ . . 3,34	1846 „ . . 2,85	1856 „ . . 3,11
1837 „ . . 3,78	1847 „ . . 2,43	1857 „ . . 4,23
1838 „ . . 3,62	1848 „ . . 2,91	1858 „ . . 4,36

[1]) Ѳ. Журовъ. Ходъ выработки ручного миткаля во Владимірской губерніи. Вѣстникъ Промышленности. 1861 г., т. XIV.

[2]) Ѳ. Журовъ. Замѣтки на статью „Село Иваново“ Власьева. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. IV, стр. 26. Цѣны относятся къ главному сорту миткаля, вырабатывавшемуся въ наибольшемъ количествѣ.

Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ 20-ми годами, плата за бумажное ткачество сильно упала. Въ 40-хъ годахъ этотъ промыселъ считался мало выгоднымъ занятіемъ. „Крестьянинъ все еще производитъ миткаль изъ пряжи, данной фабричнымъ хозяиномъ, на тѣхъ же станахъ, какъ и прежде, а между тѣмъ получаетъ нынѣ только отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ рублей ассигнаціями съ 50-аршиннаго куска или отъ $2^1/_2$ до 3 к. за аршинъ, тогда какъ прежде платили отъ 6 до 8 р. за кусокъ или отъ 12 до 16 к. за аршинъ. При самомъ неутомимомъ прилежаніи ткачъ не сработаетъ въ день болѣе 15 аршинъ, и то только лѣтомъ въ долгіе дни, зимой же скудная эта прибыль уменьшается еще издержками на освѣщеніе, потребное для работы... За всѣми вычетами, онъ едва-ли пріобрѣтетъ для себя 20 к. въ день. Затѣмъ легко понять, отчего въ фабричныхъ округахъ возлѣ зажиточнаго состоянія и даже значительнаго богатства господствуетъ нерѣдко крайняя нищета со всѣми жалкими послѣдствіями оной“ [1]).

Другой современный авторъ выражается еще рѣшительнѣе. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что промыселъ тканья бумажныхъ издѣлій принадлежитъ къ самымъ невыгоднымъ... Ткачество можетъ существовать, безъ обѣдненія крестьянъ, только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе доставляетъ достаточныя средства къ содержанію. Суздальскій и Юрьевскій уѣзды имѣютъ эти средства. Нельзя этого сказать о Шуйскомъ“ [2]).

Слабая сторона вышеописанной организаціи наемнаго домашняго ткачества заключалась въ разобщенности хозяина матеріала и производителя, постоянно дававшей поводъ къ жалобамъ фабрикантовъ на ткачей, и обратно. Эти жалобы весьма характерны для разсматриваемой эпохи.

Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуютъ домашнихъ ткачей, мѣстный авторъ, державшій сторону фабрикантовъ: „Такіе ткачи, пришедъ въ фабричную контору, просятъ обыкновенно — „не пожалуете ли основы?“ „не дадите ли основки?“, а иногда и такимъ тономъ, глядя въ потолокъ: „раздаете ли основы-то?“... Миткаль, приносимый ими въ контору, всегда бываетъ тяжелѣе и сырѣе фабричнаго. Для того, чтобы сдѣлать его тяжелымъ, они прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ; иногда просто напрыскиваютъ его

[1]) А. Заблоцкій. Обозрѣніе Владимірской губерніи. Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ. 1840 г. Часть XXXVI, стр. 297.

[2]) Я. Соловьевъ. Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губерніи. Владимір. Губернск. Вѣд. 1854 г. № 30.

водой и приносятъ въ контору безъ всякаго стыда совершенно мокрымъ... Улика налицо, а сдѣлать ничего нельзя, потому что деньги всегда за ткачемъ, а не за хозяиномъ... Не давать же деньги впередъ невозможно... Нынѣшніе ткачи не довольствуются этими злоупотребленіями, они уже прямо продаютъ весь товаръ, основу и утокъ, безъ остатка, а деньги пропиваютъ. Взять съ нихъ нечего. Такихъ негодяевъ всегда довольно, и отъ нихъ не убережется ни одинъ фабрикантъ. Грустно увѣрять въ упадкѣ нравственности, но, къ несчастью, это правда".

Не лучше оказываются и комиссіонеры... „Комиссіонеры часто проматываютъ фабрикантскаго товара на тысячи рублей. Никакое условіе не помогаетъ. Грустно видѣть, когда окружной начальникъ отказываетъ въ искѣ фабриканту за 25 р., взятые съ мужика. Грустно видѣть всѣ эти злоупотребленія, но помочь имъ нечѣмъ... Замѣчательно, что въ послѣднее время народъ, занимающійся миткалево-ткацкой промышленностью, становится все хуже и хуже" [1]).

По словамъ владимірскаго губернскаго механика Несытова, „раздача бумажной пряжи ткачамъ и мотальщикамъ въ дома и свѣтелки усилила противосовѣстные поступки первыхъ—ткачи и мотальщики... утаиваютъ на значительныя суммы матеріалъ... и употребляютъ разныя средства, увеличивающія вѣсъ издѣлія" [2]).

Такъ говорили фабриканты и ихъ друзья. Съ другой стороны указывалось на тяжелое экономическое положеніе ткачей. Комиссіонеры „понижаютъ цѣну на работу... Съ осени, когда начинается ткачество, они объявляютъ цѣны весьма высокія. Даютъ впередъ деньги крестьянамъ на уплату податей или оброка, отпускаютъ имъ въ домъ разную провизію, разумѣется, съ надбавкой противъ базарныхъ цѣнъ. Послѣ того, какъ крестьяне такимъ образомъ войдутъ въ долгъ, они понижаютъ задѣльную плату" [3]).

Что касается до фабрикантовъ, то о нихъ одинъ современный авторъ говоритъ слѣдующее: „Намъ не разъ приходилось слышать отъ ткачей, что и со стороны фабрикантовъ дѣло нечисто: на-

---

[1]) Ѳ. Журовъ. Миткалевые фабриканты. Вѣстникъ Промышленности. 1858 г., т. I.

[2]) Обозрѣніе фабрикъ и заводовъ Владимірской губерніи. Влад. Губ. Вѣд. 1848 г. № 2.

[3]) Я. Соловьевъ. Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губ. Влад. Губ. Вѣд. 1854 г., № 30.

примѣръ, бумажная пряжа при фабрикахъ хранится всегда въ сырыхъ мѣстахъ, изъ которыхъ и раздается сыроватая, вытканный же миткаль, принимаемый, какъ и пряжа, по вѣсу, во всѣхъ хорошо устроенныхъ фабричныхъ конторахъ тщательно просушивается. Обманы, на которые жалуются фабриканты, не могутъ играть важной роли въ промышленномъ отношеніи и дѣлать фабрикантамъ значительный убытокъ... Бывали и такіе случаи, что фабриканты не уплачивали ткачамъ заработанныхъ денегъ или выдавали, вмѣсто денегъ, кульки гнилого ситца. И говорятъ это по преимуществу про болѣе богатыхъ фабрикантовъ, разсчитывающихъ на свои капиталы и вліяніе“ [1]).

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что къ концу 50-хъ годовъ, когда спросъ на ткачей быстро увеличился благодаря оживленію промышленности и рабочихъ рукъ не стало хватать, система домашняго производства вызывала частыя жалобы фабрикантовъ... „Негодяи“-ткачи, по энергическому выраженію расходившагося защитника фабрикантовъ, осмѣливались пользоваться выгоднымъ положеніемъ рабочаго рынка для увеличенія своей платы. „При развивающейся ситцевой фабрикаціи въ селѣ Ивановѣ,—читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1859 г., № 203),— ...„цѣны на рабочія руки поднялись до невѣроятной степени, и въ послѣднее время рѣшительно нѣтъ никакой возможности найти рабочихъ людей за очень хорошую плату, какъ въ селѣ Ивановѣ, такъ и въ Вознесенскомъ Посадѣ“.

Но фабриканты знали средство смирить ткачей и возстановить среди нихъ упавшую нравственность. Средство это—вѣрное и безошибочное, которымъ прекрасно умѣли пользоваться фабриканты на Западѣ, заключалось—въ введеніи механическаго ткацкаго станка. Цитированный авторъ, грустившій объ испорченности ткачей, въ концѣ статьи дѣлаетъ успокоительное замѣчаніе. „Одно средство избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей—механическія ткацкія заведенія. Дай Богъ, чтобы все было къ лучшему“. Въ другой статьѣ тотъ же авторъ выражаетъ надежду на паденіе ручного ткачества, благодаря введенію ткацкой машины, и торжествующе восклицаетъ: „Тогда этотъ классъ промышленниковъ—ткачей и комиссіонеровъ—естественно будетъ сожалѣть, что своими нечестными и жестоко (sic) вѣроломными поступками накликалъ бѣду, потому что только чрезмѣрная нечестность тка-

[1]) Власьевъ. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности 1859 г., т. II.

чей побудила фабрикантовъ обратиться къ механическимъ станкамъ“ [1]).

И дѣйствительно, механическій ткацкій станокъ уже появлялся на горизонтѣ и грозилъ полнымъ преобразованіемъ ткацкой промышленности. Первая механическая ткацкая фабрика въ Шуѣ была устроена въ 1846 г. [2]). Но вначалѣ ткацкая машина прививалась у насъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ крайне туго. Въ „Обозрѣніи выставки мануфактурныхъ издѣлій въ 1849 г.“ читаемъ, что „машинное ткачество у насъ еще можно считать предметомъ рѣдкости“ (стр. 26). До конца 50-хъ годовъ ручной трудъ господствовалъ въ бумажномъ ткачествѣ, но машина уже надвигалась и въ скоромъ времени должна была вытѣснить домашняго ткача.

Въ суконномъ производствѣ паровые ткацкіе станки были заведены на многихъ московскихъ фабрикахъ уже въ началѣ 50-хъ годовъ, [3]) но такъ какъ суконное производство въ гораздо большей степени, чѣмъ бумажное, сохраняло все время фабричный характеръ, то введеніе машиннаго производства въ этой области почти не отразилось на положеніи кустарей.

Иной характеръ имѣла эволюція другой отрасли хлопчатобумажной промышленности — ситцепечатанья. Какъ я сказалъ, ситцепечатанье появилось въ Россіи раньше ткачества бумажныхъ матерій, и машина получила господство въ ситцепечатаньѣ раньше, чѣмъ въ ткацкомъ производствѣ.

По словамъ Несытова, исторію ситцепечатнаго производства въ селѣ Ивановѣ можно раздѣлить на 4 періода. Первый періодъ— до 1812 г., когда набойное мастерство только начало развиваться въ Ивановѣ. Второй періодъ—1812—22 гг.—золотой вѣкъ набойщиковъ, о которомъ я уже говорилъ, когда набойщики безъ труда наживали цѣлыя состоянія и когда производилась самостоятельная набойка. Третій періодъ—1822—36 гг.,—характеризуется огромнымъ увеличеніемъ числа набойщиковъ; въ одномъ Ивановѣ ихъ считалось около 7 тысячъ. Подъ вліяніемъ этого задѣльная плата

---

[1]) Ѳ. Журовъ. Замѣчаніе на статью „Село Иваново“, Власьева. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. IV.

[2]) Первая прядильно-механическая ткацкая мануфактура въ г. Шуѣ. Владимірскія Губ. Вѣд. 1847 г., № 44.

[3]) Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи обработки волокнистыхъ веществъ въ Россіи. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1853 г. Часть 4, стр. 15.

ихъ сильно понизилась, но заработокъ набойщиковъ все еще оставался высокимъ, благодаря увеличенію производительности труда набойщика. Производство продолжало оставаться ручнымъ. Въ 1835 г. въ Ивановѣ появились первыя цилиндро-печатныя машины. „Онѣ какъ громомъ поразили набойщиковъ и дали имъ сильно почувствовать, что ихъ самоволіе должно быть ограничено этими бичами ручной набивки“,—замѣчаетъ вѣрный другъ фабрикантовъ, Несытовъ. Машины эти „дали другой тактъ ивановской ситцевой промышленности“.

„Своеволіе“ набойщиковъ прекратилось. Машина ихъ быстро усмирила, скрутила по рукамъ и ногамъ. Четвертый періодъ — 1836—55 гг.—характеризуется постепеннымъ вытѣсненіемъ ручного набойщика машиной. Въ первое десятилѣтіе этого періода число набойщиковъ не уменьшалось, благодаря огромному росту производства, но „прежде они составляли необходимость на фабрикѣ, а теперь являются подчиненными работѣ своей и машинамъ“. Задѣльная плата ихъ и заработокъ сильно понизились, и вмѣсто прежней сотни рублей ассигнаціями (во второмъ десятилѣтіи этого вѣка) набойщикъ сталъ вырабатывать въ мѣсяцъ 10—15 р. сер. при постоянной работѣ. Во второе десятилѣтіе быстро распространились въ Ивановѣ паровыя машины и новыя усовершенствованныя ситцепечатныя машины—пирротины.

„Съ введеніемъ въ употребленіе пирротинъ положеніе набойщиковъ сдѣлалось незавидно“. Каждая пирротина съ помощью 2-хъ человѣкъ могла набить столько же, сколько набивали 30—50 набойщиковъ. На фабрикѣ Зубкова въ 1840 г. работало круглый годъ до 250 набойщиковъ; въ 1854 г. ихъ только было 50, несмотря на то, что производство значительно расширилось. Во всей Владимірской губерніи въ половинѣ 50-хъ годовъ осталось не болѣе 2000 набойщиковъ. Мѣсячный заработокъ набойщика спустился до 5—12 р. сер. Ручные набойщики удержались только въ такихъ операціяхъ, которыя требовали особаго искусства или почему-либо не могли исполняться машинами, а также на маленькихъ фабрикахъ, для которыхъ машины недоступны. Дѣти набойщиковъ стали изучать другія мастерства, и ручной набивной промыселъ, такъ блестяще развившійся въ началѣ этого вѣка, сталъ приближаться къ исчезновенію [1]).

[1]) И. Несытовъ. Колеристы и набойщики Владимірской губерніи. Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 годъ. Также (главнымъ образомъ по Несытову) Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Стр.

Такимъ образомъ нѣкоторые промыслы несомнѣнно падали уже въ Николаевскую эпоху подъ вліяніемъ измѣненія условій техники. Но, въ общемъ, эта эпоха можетъ считаться у насъ временемъ развитія кустарной промышленности. На смѣну падающимъ промысламъ появлялись и быстро росли новые. Такъ, напримѣръ, со времени 30-хъ годовъ этого столѣтія въ Шуйскомъ и другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи распространяется очень выгодный промыселъ—овчинно-шубный. „Производство это видимо усиливается и преуспѣваетъ“,—говоритъ мѣстный изслѣдователь Лядовъ,—„въ теченіе 5 лѣтъ овчинно-шубное производство почти удвоилось по суммѣ своего оборота“ [1]). Въ короткое время этотъ промыселъ сдѣлался послѣ бумаготкацкаго самымъ распространеннымъ въ Шуйскомъ уѣздѣ [2]). Между овчинниками почти не встрѣчалось бѣдняковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣчалось и крупныхъ капиталистовъ. Въ другихъ промыслахъ, несмотря на сильное развитіе домашней системы и полную зависимость отъ скупщиковъ или торговцевъ-заказчиковъ, положеніе кустарей было, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, блестящимъ. Такъ, напримѣръ, въ Тверской губерніи въ 40—50-хъ годахъ самымъ важнымъ кустарнымъ промысломъ была ковка гвоздей. Промыселъ этотъ былъ организованъ совершенно капиталистически. Гвоздари сбывали свои продукты почти исключительно крупнымъ торговцамъ, отъ которыхъ они получали и желѣзо. Номинально гвоздари работали изъ своего желѣза, но фактически матеріалъ принадлежалъ купцамъ, такъ какъ гвоздари не пользовались свободой продажи. Дѣло устраивалось такимъ образомъ: каждый гвоздарь зналъ своего хозяина, которому онъ сбывалъ гвозди; хозяинъ платилъ ему частью деньгами, частью желѣзомъ. Такимъ

204—207. Власьевъ приводитъ слѣдующія цифры примѣрной выработки набойщика:

1812—22 г.	1100—800	р.	ассиг.	въ годъ.
1822—32 „	800—650	„	„	„
1832—42 „	600—450	„	„	„
1842—52 „	550—300	„	„	„
1852—58 „	500—250	„	„	„

Но эти цифры подвержены сомнѣнію. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. II.

[1]) Лядовъ. Овчинно-шубное производство въ г. Шуѣ и его уѣздѣ. Влад. Губ. Вѣд. 1860 г., № 12. Также Влад. Губ. Вѣд. 1855 г., № 30.

[2]) Доброхотовъ, Красносельская волость, Вязниковскаго уѣзда. Влад. Губ. Вѣд. 1866 г., № 10.

же образомъ были организованы и другіе металлическіе промыслы Тверской губерніи [1]).

Гвоздари находились въ полной зависимости отъ желѣзныхъ торговцевъ. „Весь барышъ отъ гвоздей“,—говоритъ современный изслѣдователь,—„достается купцамъ. Интересно познакомиться съ этими своего рода факторами; они покупаютъ желѣзо въ Нижнемъ, дома раздаютъ его кузнецамъ и у кузнецовъ берутъ гвозди. Вотъ и вся ихъ дѣятельность, которая весьма легка и производится лежа на боку. Кузнецамъ отпускается желѣзо большей частью на домъ съ тѣмъ, чтобы они доставляли гвозди хозяевамъ желѣза, которые сами за нихъ назначаютъ цѣну. Купецъ получаетъ барыша при покупкѣ гвоздей у кузнецовъ процентовъ 12, да при продажѣ имъ желѣза процентовъ 20“ [2]).

Точно такъ же о ярославскихъ гвоздаряхъ мы читаемъ слѣдующее сообщеніе въ оффиціальномъ источникѣ: „Промыселъ этотъ находится въ полной зависимости отъ крупныхъ капиталистовъ-купцовъ, которые стѣсняютъ до послѣдней степени выручку кустарей тѣмъ, что назначаютъ произвольно слишкомъ высокія цѣны на желѣзо. Въ особенности въ этомъ отношеніи стѣснены промышленники Ярославскаго уѣзда, принужденные работать на ярославскихъ купцовъ-монополистовъ Пастухова и Чапурина. Такъ, напримѣръ, пудъ лазаревскаго желѣза стоитъ по вольнымъ цѣнамъ 1 р. 70 к., а купцы кладутъ за него при разсчетѣ съ кузнецами 2 р. 35 к.“ [3]).

Уломскіе гвоздари, которыхъ, по словамъ мѣстнаго изслѣдователя Носырина, насчитывалось въ Череповецкомъ районѣ въ 50-хъ годахъ до 20,000, не имѣли и тѣни самостоятельности и были въ полномъ смыслѣ слова наемными рабочими гвоздарныхъ торговцевъ[4]).

Судя по всему этому, читатель можетъ подумать, что гвоздарный промыселъ въ этотъ періодъ ужъ никакъ не можетъ быть названъ цвѣтущимъ и что положеніе гвоздаря было очень плохо. Однако, по сравненію съ послѣдующимъ (да и съ предыдущимъ) временемъ, положеніе гвоздаря въ Николаевскую эпоху предста-

---

[1]) Обозрѣніе мануфактурной промышленности Тверской губерніи въ 1850 г. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1851 г., часть 2-я.

[2]) Алексѣй Забѣлинъ. Промышленное движеніе въ Твери. Вѣстникъ Промышленности. 1860 г., т. X.

[3]) Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству М-ва Гос. Им. Выпускъ II, 1859 г., стр. 130.

[4]) Объ этомъ любопытномъ образчикѣ наемной домашней промышленности см. интересную книгу Носырина: „Улома и ея металлическое производство“. Спб. 1858 г.

вляется блестящимъ. „Золотымъ вѣкомъ ручного гвоздарнаго производства считаютъ второе, третье, четвертое и пятое десятилѣтія нынѣшняго вѣка“,—сообщаетъ намъ г. Покровскій [1]).

Все дѣло въ томъ, что въ Николаевскую эпоху гвоздарный промыселъ быстро возрасталъ [по словамъ Носырина, въ 1820 г. въ Уломѣ выковывалось 100 тыс. пуд. гвоздей, а въ 1857 г. уже 500 тыс. [2]], спросъ на кузнецовъ былъ, слѣдовательно, большой, а производство оставалось ручнымъ. Поэтому, какъ ни тяжела была зависимость отъ скупщиковъ и торговцевъ, но все же гвоздарю жилось сравнительно недурно. Онъ еще не зналъ своего самаго опаснаго конкурента—машины.

Положеніе слесарей Павловскаго района рисуется совершенно въ томъ же видѣ. „Большинство павловскихъ мастеровъ не имѣетъ собственнаго капитала... Главные покупатели суть павловскіе торговцы, единицы противъ массы мастеровъ; они же торгуютъ матеріаломъ, нужнымъ для изготовленія ножиковъ... Часто, или обыкновенно, мастеръ беретъ матеріалъ въ домъ у торговца, которому обязывается за это доставлять издѣлія за самую низкую цѣну... Крестьянинъ покупаетъ матеріалъ дорого, а продаетъ дешево“. Работающіе по заказамъ жалуются, „что плата ихъ вообще низка, даже непостоянна; за малѣйшую погрѣшность въ выдѣлкѣ ножиковъ дѣлаютъ большіе вычеты изъ цѣны“.

Опять-таки, судя по этому описанію, кажется, что павловскимъ слесарямъ приходится совсѣмъ плохо. Но изъ того же источника мы узнаемъ, что „крестьяне, занимающіеся слесарствомъ, живутъ не бѣдно, отправляютъ натуральныя повинности исправно и уплачиваютъ подати безнедоимочно. Но положеніе ихъ было бы цвѣтущимъ, если бы они не находились въ совершенной зависимости отъ павловскихъ торговцевъ“ [3]).

И павловскіе слесаря жили „не бѣдно“ потому, что производство оставалось ручнымъ.

Послѣ всего сказаннаго, насъ не должно удивлять, что мѣстности съ развитой кустарной промышленностью поражали въ Николаевскую эпоху видомъ довольства (разумѣется относительнаго), рѣзко выдѣлявшагося на фонѣ общей бѣдности. Цитированный нами выше авторъ, Соловьевъ, указывавшій на зависимость тка-

[1]) Труды кустарной комиссіи. Выпускъ V, стр. 377.
[2]) Носыринъ, стр. 23.
[3]) Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собираемые комиссіями и отрядами уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, 1857 г. Выпускъ I, стр. 64—67.

чей отъ комиссіонеровъ и торговцевъ, замѣчаетъ, что Владимірская губернія, если не самая богатая, то одна изъ самыхъ богатыхъ великорусскихъ губерній. „Назадъ тому года три, послѣ объѣзда Смоленской губерніи,—говоритъ онъ,—я писалъ: „надо употребить много времени, чтобы въ этой, съ перваго взгляда представляющейся общей бѣдности привыкнуть отличать относительную степень богатства". То же самое я могу сказать о Владимірской губерніи въ противоположномъ смыслѣ. Здѣсь надо привыкнуть, чтобы при общемъ довольствѣ крестьянъ отличить относительную степень бѣдности". Это „довольство" Соловьевъ ставитъ въ связь съ тѣмъ, „что фабричное производство вытѣсняетъ, или, лучше сказать, вытѣснило, только два рода прежнихъ промысловъ—тканье полотна и пряденье льна. Тамъ же, гдѣ были водворены другіе промыслы, они остаются нетронутыми и въ настоящее время. Въ самомъ Шуйскомъ уѣздѣ существуютъ другія занятія, недавно тамъ водворившіяся", напримѣръ плотничество и овчино-шубничество [1]).

Дѣйствительно, именно этимъ и объясняется развитіе кустарныхъ промысловъ въ Николаевской Россіи—тѣмъ, что съ ними не конкурировала фабрика. Въ этомъ заключается характеристическая черта эпохи. Въ это время кустарные промыслы пріобрѣли такое значеніе, что, напримѣръ, въ Рязанской губерніи „бытъ государственныхъ крестьянъ и домашнее благосостояніе ихъ въ малоземельныхъ округахъ видимо лучше, нежели въ многоземельныхъ. Избы у первыхъ въ большомъ порядкѣ; народъ населяющій бойчѣе, дѣятельнѣе, щеголеватѣе, что объясняется тѣмъ, что въ первыхъ округахъ сильнѣе развита промышленность" [2]).

Развитіемъ крестьянскихъ промысловъ, несомнѣнно, объяснялся и замѣчавшійся въ Тверской губ. ростъ народнаго благосостоянія въ Николаевскую эпоху. „Въ періодъ времени между 1820—50 гг. матеріальное благосостояніе Тверской губерніи не упало, а скорѣй возвысилось, что сказывалось въ увеличеніи населенія, особенно городского, въ расширеніи торговыхъ оборотовъ, въ улучшеніи внѣшней обстановки быта населенія, особенно жителей городовъ и ближайшихъ къ нимъ селеній" [3]).

---

[1]) Соловьевъ. Обзоръ хозяйства Владимірской губ. Влад. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 30 и 31.

[2]) Промышленность государственныхъ крестьянъ Рязанской губ. Журналъ М-ва Госуд. Имущ. 1847 г. Часть 25.

[3]) В. Покровскій. Историко статистическое описаніе Тверской губ Стр. 160.

ГЛАВА VIII.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ.

Протекціонисты и фритредеры Александровской эпохи. — Книга Мордвинова.—„Духъ журналовъ“.—Восхваленіе преимуществъ земледѣлія передъ фабричной промышленностью. — Распространеніе фритредерскихъ взглядовъ въ обществѣ.—Отношенія къ фабрикѣ славянофиловъ.—Ихъ симпатіи къ кустарному производству.—Книга Гакстаузена.—Идеализація русскаго промышленнаго строя. — Невѣрное представленіе о строѣ кустарныхъ промысловъ. — Сочувствіе крѣпостному праву и поссессіонной фабрикѣ. — Своеобразный сенъ-симонизмъ. — Взгляды на фабрику западниковъ. — Отношеніе къ фабрикѣ гр. Канкрина, и вообще Николаевской бюрократіи.—Фабричная идиллія 40-хъ годовъ.—Различіе между теоретическими взглядами и практическимъ отношеніемъ власти къ фабрикантамъ въ Николаевскую эпоху.

Первые годы царствованія Александра I были временемъ усиленія вліянія дворянскаго класса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оживленія либеральнаго движенія въ нашемъ обществѣ. Общественное мнѣніе въ это время представлялось почти исключительно болѣе образованной частью дворянства, и вполнѣ естественно, что, при аграрномъ характерѣ большей части нашего дворянства, общественное мнѣніе было мало расположено къ такимъ мѣропріятіямъ въ пользу фабрикантовъ, которыя существенно затрогивали интересы землевладѣльческаго класса. Тарифная политика послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины и ея преемника привела къ сильному вздорожанію мануфактурныхъ издѣлій, привозившихся изъ за-границы. Неудивительно, что новая либеральная эпоха, сопровождавшаяся усиленіемъ политическаго вліянія дворянства, немедленно выразилась въ оппозиціи покровительственной политикѣ предыдущаго царствованія.

Если мы будемъ просматривать оффиціальный органъ мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ начала этого вѣка, „С.-Петербургскій Журналъ“, то насъ поразитъ, какъ много мѣста отводится въ этомъ журналѣ проповѣди ученія Смита. Оффиціальные авторы, какъ мнѣ уже случалось упоминать, называютъ Смита „великимъ человѣкомъ“, признаютъ, что Смитомъ „постигнута великая истина“. „Обязанность правительства“,—читаемъ въ томъ же органѣ,— „весьма легка. Оно не должно дѣйствовать, ему надлежитъ только не вредить, ему должно только покровительствовать естественной свободѣ промышленности... Пусть оставитъ правительство всѣ системы запрещенія и одобренія; пусть не связываетъ оно промышленности постановленіями своими и не думаетъ усилить ее награжденіемъ“ [1]).

Въ своемъ „Отчетѣ“ за 1803 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, слѣдующимъ образомъ формулировалъ задачи правительства въ области промышленной политики: „Оставлять въ свободѣ частную промышленность; имѣть, сколь можно, достовѣрныя о успѣхахъ ея свѣдѣнія; доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія; особливо удалять отъ нея всякое стѣсненіе: въ семъ состоятъ общія правила управленія сей частью... Россію природа и всѣ обстоятельства призываютъ предпочтительно къ земледѣлію... Пространство земли, несоразмѣрное числу жителей... запрещаетъ намъ думать о предпочтительномъ благопріятствѣ фабрикамъ надъ другими отраслями труда народнаго“ [2]).

Первымъ шагомъ Александра I была отмѣна указовъ Павла, запрещавшихъ привозъ въ Россію большей части заграничныхъ издѣлій. Я не буду останавливаться на тарифной политикѣ Александра: какъ извѣстно, несмотря на свои фритредерскія симпатіи, Александръ, примкнувъ къ континентальной системѣ, былъ вынужденъ въ 1811 г. издать строго запретительный тарифъ. Тарифъ этотъ былъ изданъ на одинъ годъ, но дѣйствіе его ежегодно возобновлялось въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ вплоть до 1816 г. Дѣло въ томъ, что фабриканты энергично отстаивали сохраненіе этого тарифа и домогались даже запрещенія привоза тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые были обложены высокой пошлиной. Цѣлый рядъ петицій, поданныхъ въ это время и исходившихъ не только отъ купечества, но и отъ титулованныхъ дворянъ-фабри-

---

[1]) Санктпетербургскій Журналъ 1804 г. — августъ. Изложеніе ученія Адама Смита, стр. 133—136.

[2]) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1803 г. Спб. 1804 г., стр. 61.

кантовъ, доказываетъ, что фабриканты отнюдь не относились пассивно къ начинаніямъ правительства и умѣли постоять за свои интересы [1]). Въ самомъ правительствѣ Александра были двѣ партіи. Министръ финансовъ Гурьевъ былъ противникомъ тарифа 1811 г. Въ 1813 г. онъ выработалъ проектъ новаго тарифа, умѣренно-покровительственнаго. Въ представленіи государственному совѣту по этому поводу онъ высчитывалъ, какіе огромные убытки несутъ русскіе потребители и казна благодаря существующему тарифу, непомѣрно повышающему цѣны всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій. „Запретительная система“,—заявлялъ Гурьевъ,—„оказываетъ вредъ и внутреннему производству, отнимая у промышленниковъ всякое побужденіе къ соревнованію и къ усовершенствованію издѣлій и возбуждая промышленную спекуляцію“ [2]).

Напротивъ, государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, который, повидимому, самъ былъ крупнымъ фабрикантомъ [3]), а также и министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ были сторонниками запретительной системы. Румянцевъ представилъ императору записку нѣкоторыхъ фабрикантовъ, въ которой заявлялось: „Буде справедливо, что оные запрещенные товары къ привозу позволятся, то въ нынѣшнее несчастливое время разоренія отъ непріятеля грабежомъ и огнемъ, отъ разрѣшенія товаровъ послѣдуетъ заводчикамъ вторительное разореніе... Послѣдніе остатки нашихъ сокровищъ—серебро и золото изъ государства вытащатъ и останемся съ однѣми бумагами—за какія же вещи?—не за жизненныя, а единственно за тряпки ничего незначащія“! Румянцевъ вполнѣ присоединился къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ этой запискѣ.

Козодавлевъ еще энергичнѣе высказался противъ всякаго облегченія привоза въ Россію иностранныхъ фабрикатовъ. По поводу проекта Гурьева онъ подалъ крайне рѣзкую записку императору. „По неперемѣняющемуся моему образу мыслей“,—писалъ онъ, „и по откровенности моей не могу я не признаться, что я

---

[1]) Объ этихъ петиціяхъ см. „Сборникъ свѣд. и матер. по вѣдомству министерства финансовъ“ 1865 г. Т. III. Ходатайства московскихъ и другихъ русскихъ фабрикантовъ между 1811 и 1816 г.

[2]) Лодыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа, стр. 172—174

[3]) Говорю „*повидимому*“ потому, что хотя фамиліи Румянцевыхъ несомнѣнно принадлежали обширныя и разнообразныя фабрики въ Черниговской губерніи, я не могъ удостовѣриться, былъ ли собственникомъ ихъ государственный канцлеръ.

иного проекта новому тарифу и не ожидалъ, какъ клонящагося къ пользѣ иностранныхъ и къ потрясенію нашихъ фабрикъ, словомъ, основаннаго на внушеніяхъ чужеземныхъ торговцевъ... Метафизическія разсужденія нѣкоторыхъ экономистовъ и новыхъ писателей, ополчившихся противъ системы, принятой Англіей въ запрещеніи привозить иностранныя издѣлія, встрѣтилъ я и въ проектѣ новаго тарифа... Проектъ... полагаетъ обратить Россію къ хлѣбопашеству, забывая, что и хлѣбопашество безъ фабрикъ процвѣтать не можетъ, и что народъ, занимающійся единственно земледѣліемъ, навсегда остается въ нищетѣ и невѣжествѣ... Если бы этотъ тарифъ могъ состояться, то Россія въ отношеніи къ фабрикамъ и промышленности возвратится назадъ къ тому состоянію, изъ коего извлекла ее рука Петра Великаго... Фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданныхъ нашихъ разорятся и придутъ въ нищету; употребленные на разныя заведенія капиталы, выданныя изъ казны ссуды и всѣ благотворныя мѣры наши обратятся въ ничто... Фабриканты солдатскаго сукна (Da liegt der Hund begraben! Эти фабриканты были почти исключительно дворяне, и многіе изъ нихъ принадлежали къ высшей аристократіи. Въ числѣ крупныхъ суконныхъ фабрикантовъ мы встрѣчаемъ имена князей Барятинскаго, Юсупова, Шаховского, Хованскаго, Урусова, Вяземскаго, Лобанова-Ростовскаго, графовъ Разумовскаго, Безбородко, Салтыкова и многихъ другихъ титулованныхъ особъ. М. Т.-Б.) обратятъ тогда капиталы свои на другіе промыслы, особливо же на винные откупы и заводы, которые одни теперь у насъ токмо и покровительствуются всячески средними властьми; когда же иностранцы увидятъ, что наши фабрики рушены, тогда обложатъ свои издѣлія цѣною по своему произволу, и мы будемъ совершенно въ ихъ рукахъ“ [1]).

Такимъ образомъ среди самого правительства не было согласія по вопросу о тарифной политикѣ. Второе десятилѣтіе этого вѣка было любопытной эпохой въ исторіи нашего общественнаго развитія по спорамъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ, которые чрезвычайно занимали общественное мнѣніе. Такъ какъ огромное большинство образованнаго общества въ это время такъ или иначе примыкало къ земледѣльческому классу, то вполнѣ понятно, что протекціонисты, или, точнѣе, сторонники запретитель-

[1]) К. Лодыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Прил., стр. 46—48.

ной системы, не могли пользоваться общественнымъ сочувствіемъ, Число брошюръ, написанныхъ въ защиту дѣйствующаго тарифа· очень невелико сравнительно съ брошюрами и статьями въ пользу свободной торговли. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ протекціонистовъ былъ знаменитый либералъ и государственный дѣятель Александровской эпохи, Мордвиновъ.

Въ 1815 г. онъ выпустилъ книгу „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи". Книга эта выдержала 3 изданія и является, безъ сомнѣнія, выдающимся произведеніемъ для своего времени.

Въ началѣ книги Мордвиновъ указываетъ на жалобы публики на дороговизну многихъ товаровъ. „Угнетаясь дороговизною цѣнъ на сукна и другія къ одѣянію и прочимъ удобствамъ нужныя издѣлія, многіе ропщутъ на сдѣланное правительствомъ воспрещеніе привоза товаровъ сихъ въ Россію. Россія, по мнѣнію этихъ лицъ, должна быть земледѣльческою державой".

Противъ этого мнѣнія Мордвиновъ выставляетъ совершенно вѣрное положеніе, что земледѣльческая страна можетъ прокормить лишь ограниченное число жителей. Для того, чтобы населеніе могло размножаться, необходимо, чтобы трудъ находилъ себѣ приложеніе въ новыхъ занятіяхъ и промыслахъ. „Введеніе разнообразныхъ ремеслъ и искусствъ есть одинъ изъ благонадежнѣйшихъ способовъ къ умноженію общественнаго продовольствія и неоскудному доставленію работъ и упражненій для каждаго пола и возраста". Кромѣ того, прибавляетъ Мордвиновъ, для развитія самаго земледѣлія необходимо распространеніе фабричнаго производства.

„Недостатокъ фабрикъ въ Россіи есть, можетъ быть, главная причина, что земледѣліе въ оной получило самое малѣйшее усовершенствованіе; да и можетъ ли оно быть совершенно, когда нѣтъ еще у поселянина порядочныхъ ни орудій, ни сбруи, ни прочихъ принадлежностей хозяйства?".

Развитіе неземледѣльческихъ промысловъ, указываетъ далѣе нашъ авторъ, особенно важно для Россіи потому, что, благодаря климатическимъ условіямъ, нашъ крестьянинъ полгода долженъ оставаться безъ работы.

„Относительно приспособленія производства рукодѣлій къ жилью крестьянскому навѣрное предположить можно, что, чѣмъ дальше статья сія могла бы получить усовершенствованіе, тѣмъ многозна-

чительнѣе открылась бы выработка внутри имперіи разныхъ фабричныхъ издѣлій".

„Земледѣлецъ безъ ремесленника есть производитель грубый и неуспѣшный, обремененный игомъ трудовъ, по несовершенству орудій своихъ... Въ Англіи земледѣліе оттого въ цвѣтущемъ состояніи, что тамъ фабрики и ремесла въ совершенствѣ... Безъ ремеслъ и рукодѣлій коснѣетъ и само просвѣщеніе, и слабы всѣ связи общежитія".

Распространеніе фабрикъ, замѣчаетъ Мордвиновъ, создастъ рынокъ для произведеній сельскаго хозяйства, которыя теперь не находятъ сбыта: поэтому и землевладѣльцы заинтересованы въ ростѣ промышленности. Кромѣ того, земледѣліе выиграло бы и оттого, что капиталы, наживаемые промышленниками, употреблялись бы частью и на сельское хозяйство.

„Въ цвѣтущемъ состояніи города нуженъ и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и фабрикантъ, и заводчикъ, и купецъ, но сравнивая пользу, приносимую земледѣльцу каждымъ изъ послѣднихъ состояній, должно признать, что фабрикантъ и заводчикъ полезнѣе гораздо купца".

„Народъ, имѣющій токмо земледѣльцевъ и купцовъ... коснѣетъ въ бѣдности и всякихъ недостаткахъ, и, что важнѣе всего, не можетъ быть народомъ свободнымъ, ибо зависитъ отъ другихъ державъ, по удовлетворенію первѣйшимъ его нуждамъ; не пользуется политической свободой, нужною всякому народу, желающему быть властелиномъ и независимымъ на своей землѣ... Словомъ, таковой народъ не можетъ быть ни просвѣщенъ, ни богатъ [1])".

Тѣмъ не менѣе, Мордвиновъ вовсе не безусловный противникъ свободной торговли. Онъ соглашается съ желательностью такой свободы, но лишь съ однимъ условіемъ—чтобы „всѣ народы, участвующіе во внѣшней торговлѣ, единогласно между собою условились, уничтожить всѣ вообще воспретительныя по торговлѣ узаконенія".

Въ томъ же году, какъ и книга Мордвинова, вышла брошюра

---

[1]) Мордвиновъ. Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи. Спб. 1815. Стр. 8, 22, 24, 36 и др. Кромѣ этихъ аргументовъ, Мордвиновъ выставляетъ въ защиту запретительной системы и соображенія иного рода, а именно вліяніе благопріятнаго платежнаго баланса на курсъ ассигнацій. Какъ извѣстно, однимъ изъ важныхъ поводовъ къ переходу русскаго правительства къ запретительной системѣ была забота о повышеніи курса бумажныхъ денегъ.

„Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно ли заводить въ Россіи и распространять мануфактуры“ (Москва, 1815 г). Въ предисловіи авторъ указываетъ на „повсемѣстное нынѣ преніе о пользѣ мануфактуръ“, при чемъ изъ послѣдующаго видно, что „преніе“ это было, преимущественно, словеснаго характера и не доходило до печати.

„Большая часть публики“, — говоритъ авторъ,—„полагаетъ... что происшедшая съ недавняго времени на всѣ иноземныя произведенія дороговизна даетъ ей право гласно жаловаться“.

„Всѣ почти того мнѣнія, что должно бы непремѣнно паки дозволить привозъ всѣхъ иностранныхъ издѣлій, потому что они сдѣлались слишкомъ дороги (стр. 8); что государство, имѣющее много земли и по соразмѣрности съ нею мало жителей, можетъ съ лучшимъ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ, нежели мануфактурами и ремеслами; что привозъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій надобно бы позволить и потому еще, дабы сохранить соревнованіе во внутренней промышленности“ (стр. 8).

„Главное основаніе, на коемъ всѣ прочія мнѣнія утверждаются... есть то, что страна, которая не довольно населена въ отношеніи къ занимаемому ею пространству, должна единственно благопріятствовать земледѣлію, а не фабрикамъ и заводамъ, и еще менѣе тѣмъ изъ нихъ, коихъ первый матеріалъ не домашняго произведенія“ (стр. 11).

Авторъ замѣчаетъ далѣе, что всего болѣе неудовольствія вызываетъ непомѣрное вздорожаніе сукна, благодаря чему суконные фабриканты стали очень непопулярны въ публикѣ. Недовольство публики на тарифъ 1811 г. напоминаетъ то „всеобщее негодованіе, съ какимъ былъ встрѣченъ указъ 1793 г.,“ запрещавшій привозъ въ Россію стеклянныхъ вещей, кожи, шляпъ, каретъ, мебели и пр. Противъ этихъ нападокъ на запретительную систему авторъ возражаетъ, что причина дороговизны заключается не въ тарифѣ, но въ „злосчастномъ періодѣ 1812 г., въ которомъ разрушены великія и прекрасныя произведенія“; разрѣшеніе ввоза иностранныхъ издѣлій, по мнѣнію автора, только увеличило бы дороговизну, благодаря паденію курса ассигнацій подъ вліяніемъ неблагопріятнаго платежнаго баланса.

„Государство никогда не можетъ быть счастливо, какъ въ то время, когда оно само собою придетъ въ состояніе почти совершенно удовлетворять своимъ потребностямъ“ (стр. 80).

Нападки на тарифъ 1811 г. приписываются авторомъ „моднымъ

возраженіямъ молодыхъ людей, начитавшихся Монтескье, Ад. Шмидта (sic) и пр., утверждающихъ: „въ Россіи не должны и не могутъ быть заводимы фабрики уже потому, что у насъ нѣтъ особеннаго для нихъ класса гражданъ, т. е. фабрикантовъ". Противъ этого соображенія авторъ справедливо замѣчаетъ, что классъ фабрикантовъ образуется тогда, когда будетъ имѣться достаточно фабрикъ.

Эти двѣ книжки являются важнѣйшими произведеніями русскихъ протекціонистовъ той эпохи [1]). Оба автора признаютъ, что общество относится крайне враждебно къ запретительной системѣ, и указываютъ причину этой враждебности—вздорожаніе иностранныхъ товаровъ, особенно сукна (надо сказать, что русскіе дворяне той эпохи любили щеголять въ костюмахъ англійскаго сукна). Оба они отмѣчаютъ и повсемѣстный интересъ къ тарифному вопросу. Безъ сомнѣнія, энергичное общественное движеніе въ пользу тарифной реформы, начавшееся послѣ отечественной войны, свидѣтельствовало объ оживленіи нашей общественной жизни вообще. Почему же это движеніе направилось противъ запретительной системы? Сторонники идеалистическаго пониманія исторіи объяснили бы это вліяніемъ западно-европейскихъ идей: идеи Ад. Смита, съ которыми познакомилось въ это время русское общество, заразили передовые умы нашего общества, и они, увлекшись модной доктриной, стали требовать приложенія ея и къ Россіи. Какъ мы видѣли, именно этимъ объясняетъ фритредерскія увлеченія тогдашняго общества авторъ „Отвѣта русскаго гражданина"; но нетрудно понять классовую подкладку этихъ увлеченій. Дворянство, остававшееся въ массѣ аграрнымъ классомъ

[1]) „Краткое разсужденіе о торговлѣ" Василевскаго, Спб. 1808 г., гораздо слабѣе двухъ вышеназванныхъ книгъ. Оно написано въ совершенно меркантилистическомъ духѣ. Въ немъ доказывается польза выгоднаго денежнаго баланса (приливъ денегъ въ страну), для чего и предлагается запрещеніе ввоза иностранныхъ предметовъ роскоши и обложеніе высокой пошлиной предметовъ необходимости. Для улучшенія рукодѣлій авторъ предлагаетъ организовать надзоръ цеховъ за работой мастеровъ, наказывать дурныхъ мастеровъ, ввести бракъ и для фабричныхъ товаровъ и т. д. Запретительная система защищается и въ „Разсужденіи о тарифѣ" (Спб. 1816 г.). Авторъ особенно настаиваетъ на вліяніи благопріятнаго торговаго баланса на курсъ ассигнацій. Противъ распространеннаго въ то время взгляда, что фабрики отнимаютъ рабочія руки отъ земледѣлія, онъ указываетъ на тотъ фактъ, что огромное большинство фабричныхъ рабочихъ въ Россіи отнюдь не порываетъ связи съ земледѣліемъ и лѣтомъ возвращается въ деревню.

и привыкшее пользоваться многими иностранными издѣліями, не могло сочуствовать запретительной системѣ, выгода отъ которой доставалась не ему, а невыгода ложилась всей своей тяжестью на потребителя—дворянина. Въ качествѣ аграрной партіи, дворянство, въ лицѣ своихъ болѣе образованныхъ представителей, съ увлеченіемъ восприняло фритредерскія идеи западноевропейскихъ экономистовъ.

Литература фритредерскаго направленія того времени была несравненно богаче и разнообразнѣе протекціонистской. Самымъ выдающимся писателемъ фритредерскаго направленія былъ Шторхъ, извѣстный экономистъ и преподаватель политической экономіи великимъ князьямъ — Константину и Николаю Павловичамъ. Шторхъ подробно доказывалъ въ своемъ курсѣ политической экономіи, вышедшемъ на французскомъ языкѣ, преимущества земледѣлія передъ фабричной промышленностью. Онъ предупреждалъ противъ всякаго ускоренія промышленнаго развитія страны путемъ тарифной политики. Промышленный строй вообще не пользовался его симпатіями, и по этому вопросу, несмотря на весь свой консерватизмъ, Шторхъ высказывалъ даже радикальныя мысли. „Въ исторіи наблюдается“—говоритъ Шторхъ,—„замѣчательное явленіе: прогрессъ общества по отношенію къ росту населенія, промышленности и просвѣщенію достигается всегда на счетъ здоровья, ловкости и понятливости массы народа“ [1]).

Несочувствіе къ фабричной промышленности отразилось и на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ на тему, заданную Вольно-Экономическимъ Обществомъ въ 1812 г.—о средствахъ отдѣленія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ. По поводу этой темы одинъ авторъ, фонъ-Бекъ, въ брошюрѣ, изданной въ 1814 г., рѣзко высказался противъ мысли о преимуществахъ обрабатывающей промышленности передъ земледѣліемъ. „Пусть въ другихъ странахъ“,—заявляетъ авторъ,—„которыя дѣйствительно или мнимо страдаютъ отъ избытка народонаселенія, запираютъ хилыя поколѣнія на фабрикахъ или отсылаютъ ихъ въ колоніи... пусть тамъ прядутъ изъ ваты, хлопка, шелка и даже льна такія тонкія нити, что онѣ получаютъ извѣстную цѣнность лишь пройдя черезъ сотни рабочихъ рукъ; въ Россіи ея здоровый народъ еще можетъ безпрепятственно бороздить мать сырую землю,

[1]) Henri Storch. Cours d'Economie Politique. Paris. 1823, III, 241.

чтобы добывать изъ нея нужные для свѣта продукты, оставаясь здоровымъ душевно и тѣлесно“ [1]).

Такимъ же несочувствіемъ къ фабрикѣ проникнута и самая выдающаяся работа, написанная на тему Вольно - Экономическаго Общества, принадлежащая, по предположенію г. Семевскаго, перу профессора Якоба. По мнѣнію Якоба, Россія — страна непромышленная, и нечего стремиться ускорять развитіе въ ней фабричной промышленности. Ничто не можетъ быть печальнѣе положенія фабричнаго рабочаго, пріученнаго къ какой-либо простѣйшей операціи, и вдругъ лишающагося заработка, вслѣдствіе закрытія фабрики. Только такіе заводы, которые непосредственно связаны съ земледѣліемъ или вообще съ обладаніемъ землей, необходимы для Россіи [2]).

Органомъ фритредеровъ былъ интересный еженедѣльный журналъ „Духъ Журналовъ“, издававшійся съ 1815 г. до 1820 г. Журналъ этотъ велъ въ теченіе всего времени своего существованія энергичную кампанію противъ запретительной системы, имѣвшую огромный успѣхъ въ публикѣ. Въ журналѣ помѣщались переводы изъ сочиненій Сея, Бентама, Сисмонди и др. современныхъ западно-европейскихъ писателей. Но главный интересъ его заключался въ оригинальныхъ статьяхъ по экономическимъ вопросамъ, написанныхъ очень живо и горячо.

Особенно много статей въ защиту свободной торговли мы находимъ въ „Духѣ Журналовъ“ за 1816 г.; въ началѣ этого года въ публикѣ распространился слухъ о намѣреніяхъ правительства приступить къ реформѣ тарифа. Вышедшая въ предыдущемъ году книга Мордвинова дала благодарный матеріалъ для полемики, и въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала мы находимъ интересную статью: „Разсмотрѣніе книги „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи“. Книга Мордвинова подверглась рѣзкой критикѣ. Причина, почему у насъ мало фабрикъ, говорится въ этой статьѣ, заключается не въ недостаткѣ покровительства, а въ недостаткѣ капиталовъ. „Капиталы, капиталы, капиталы — вотъ тѣ волшебныя силы, которыя и самую дикую пустыню превращаютъ въ рай... Одинъ судоходный каналъ, соединяющій хлѣбородную губернію съ безхлѣбной, обогатитъ первую гораздо на-

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, I, стр. 335.
[2]) Тамъ же, стр. 338.

дежнѣе, нежели двадцать промышленныхъ мануфактуръ“ („Духъ Журналовъ“, 1816 г., часть I, стр. 28).

Отсталость нашего земледѣлія зависитъ не отъ недостатка фабрикъ, а отъ недостатка капиталовъ.

„Если мы будемъ обрабатывать заграничные сырые продукты то, платя дорого за худой товаръ, народъ будетъ бѣднѣть годъ отъ году; милліоны обнищаютъ для обогащенія нѣсколькихъ фабрикантовъ“ (стр. 41). Контрабанда усилится, и курсъ упадетъ.

„Что крестьяне не оставляютъ домовъ и не идутъ работать на фабрики, за это должно благодарить Бога: отъ этого нравы сохраняются въ чистотѣ, разврата меньше, дѣтей больше, а ремесла тѣ же у нихъ въ избахъ, только не такъ видны, какъ въ огромныхъ фабрикахъ“ (стр. 26) [1]).

Въ слѣдующей книжкѣ журнала помѣщенъ отвѣтъ и на другую брошюру лагеря протекціонистовъ, „Отвѣтъ русскаго гражданина и т. д.“. Эта статья „Сравненіе поселянина о пользѣ фабрикъ и заводовъ съ пользою земледѣлія въ Россіи“ особенно ярко проводитъ ту мысль, что Россія—страна земледѣльческая и въ фабрикахъ не нуждается.

„Хлѣбопашество, скотоводство и овцеводство—вотъ наши промыслы! Они единственно могутъ доставить намъ изобиліе“ (стр. 5).

„Изобиліе процвѣтаетъ всегда въ такомъ государствѣ, гдѣ земледѣліе въ чести“ (стр. 7).

„Домашнія мелкія фабрики всегда существовать будутъ, какъ для одежды дому, такъ и для продажи излишества; но на нарядныхъ фабрикахъ, скопляющихъ людей въ одно мѣсто, работникъ уже не пашетъ земли, не коситъ сѣна, не насаждаетъ, не очищаетъ рощи“ (стр. 16).

„Пусть двѣсти фабрикантовъ ошибутся въ своихъ монополистическихъ расчетахъ; отъ этого не омрачится солнце, освѣщающее Россію, а милліоны будутъ благословлять царя“ (стр. 17).

Въ одной изъ позднѣйшихъ книжекъ журнала помѣщена об-

---

[1]) Противъ соображеній Мордвинова о средствахъ повысить курсъ, авторъ статьи выставляетъ цѣлую программу улучшенія денежнаго обращенія (прекращеніе новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, увеличеніе государственныхъ доходовъ, погашеніе государственнаго долга и т. д.). Авторъ отрицаетъ, что открытіе доступа иностраннымъ издѣліямъ поведетъ къ увеличенію закупокъ этихъ товаровъ, такъ какъ будетъ куплено только то, на что имѣется спросъ и размѣръ закупокъ не можетъ не быть ограниченъ имѣющимися покупательными средствами.

ширная статья „Выгоды свободной торговли“, въ которой авторъ говоритъ о всеобщемъ сочувствіи публики къ полемическимъ статьямъ въ защиту свободной торговли, и массѣ благодарственныхъ писемъ, получаемыхъ издателями журнала за эти статьи. По мнѣнію редакціи, журналу удалось на-голову разбить сторонниковъ запретительной системы, въ томъ числѣ и крупнѣйшаго изъ нихъ, Мордвинова. Редакція прибавляетъ, что журналъ за эти статьи удостоился даже „благоволенія высочайшей особы, которая соизволила объявить намъ, что желаетъ числиться между читателями сего журнала“.

Авторъ статьи „Выгоды свободной торговли“ дѣлаетъ расчетъ, сколько теряетъ Россія благодаря запретительной системѣ, и приходитъ въ выводу, что потери на одномъ тонкомъ сукнѣ достигаютъ въ годъ 35 мил. руб. (ассигн.). „Какая страшная потеря (замѣчаетъ авторъ), и для чего? — Единственно для обогащенія суконныхъ нашихъ фабрикантовъ“ (стр. 108).

Въ другой статьѣ, посвященной той же темѣ, „О мануфактурахъ въ Россіи“, мы читаемъ слѣдующую любопытную характеристику мужика и фабричнаго.

„Зайди въ избу мужика: тепло, обуто, одѣто, хотя и въ лаптяхъ. Посмотрите же на фабричнаго: блѣдно, бѣдно, босо, наго, холодно и голодно... Можетъ ли такой человѣкъ быть счастливъ и сохранитъ ли нравственность? И поневолѣ предается разврату и злодѣянію... Кто изъ стариковъ московскихъ не помнитъ, что у Каменнаго Моста (тамъ была крупная суконная фабрика, основанная еще при Петрѣ) ни днемъ, ни ночью прохода не было; но Екатерина, истребя гнѣздо сіе, истребила и злодѣяніе“ (стр. 215).

Эта агитація противъ запретительной системы, которая, повторяю, велась необыкновенно энергично, съ большимъ полемическимъ жаромъ и успѣла заинтересовать даже высшія правительственныя сферы, достигла цѣли. Вторая мартовская книжка „Духа Журналовъ“ оканчивается слѣдующимъ заявленіемъ редакціи: „Теперь можно прекратить всѣ споры о мануфактурахъ и тарифѣ. Правое дѣло восторжествовало! Монополисты побѣждены! „Духъ Журналовъ„ не вотще подвизался. Да здравствуетъ мудрое, благодѣтельное правительство!“

31 марта 1816 г. былъ изданъ новый тарифъ, въ которомъ хотя также сохранились запретительныя статьи, но цѣлый рядъ важныхъ товаровъ (бумажныя, шерстяныя ткани средней доброты, сукна, большая часть шелковыхъ тканей и пр.), которые раньше

были запрещены къ привозу, теперь были допущены со сравнительно очень умѣренной пошлиной отъ 15—35% цѣнности.

Обыкновенно либеральную тарифную политику Александра приписываютъ международнымъ отношеніямъ Россіи и обязательствамъ, принятымъ ею на себя на вѣнскомъ конгрессѣ [1]). Но публицистика этой эпохи доказываетъ, что въ русскомъ образованномъ обществѣ въ это время возникло весьма энергичное фритредерское движеніе, основу котораго составляло недовольство землевладѣльческаго класса—дворянства—дороговизной туземныхъ фабрикатовъ. Безъ сомнѣнія, это движеніе, имѣвшее корни всецѣло въ условіяхъ русской экономической жизни, сыграло видную роль въ перемѣнѣ тарифной политики правительства Александра.

Изданіе новаго тарифа могло, конечно, только поощрить „Духъ Журналовъ“ въ его агитаціи въ пользу свободной торговли. Въ одной изъ апрѣльскихъ книжекъ журнала за 1816 г. дѣлается оцѣнка ожидаемаго вліянія новаго тарифа. По мнѣнію журнала, „тѣ фабрики, которыя возникли во время запретительной системы, рушатся непремѣнно“. „Многіе спекулянты, или, сказать прямымъ русскимъ словомъ, грабители, на равнинахъ общественнаго благосостоянія создавшіе огромныя свои надежды и богатства на счетъ бѣдности народной, падутъ въ прахъ, изъ коего имъ и выходить никогда бы не должно было... Народъ отдохнетъ отъ тягостей и лишеній, которыя принужденъ былъ терпѣть столь долгое время“.

Изъ всей этой фритредерской агитаціи явственно вырисовывались черты нѣкоторой весьма любопытной теоріи хозяйственнаго строя Россіи. Протекціонисты признавали необходимость въ Россіи фабрикъ; противники ихъ утверждали, что Россія страна земледѣльческая и что фабрики намъ не нужны. Но значитъ ли это, что русскій крестьянинъ ничѣмъ не долженъ заниматься въ зимнее время, свободное отъ полевыхъ занятій? Отнюдь нѣтъ, отвѣчали наши фритредеры.

„Не заведенія фабричныхъ громадъ въ Россіи желать должно, а стараться, сколько возможно, самихъ земледѣльцевъ въ свободное время упражнять полезными рукодѣліями“ („Духъ Журналовъ“, книга 19-я 1816 г., стр. 81).

Иными словами, не фабричный рабочій, а крестьянинъ-земле-

[1]) См., напр., Лодыженскій, стр. 178 и слѣд.

дѣлецъ и кустарь—вотъ чѣмъ долженъ быть въ Россіи промышленный производитель, по представленію фритредеровъ той эпохи.

Мнѣніе о нежелательности фабричной организаціи промышленности и предпочтительности мелкаго производства, соединяющаго земледѣліе съ обрабатывающею промышленностью, нашло себѣ полное выраженіе въ любопытной статьѣ „Сравненіе состоянія мастеровыхъ на фабрикахъ съ состояніемъ земледѣльца“ („Духъ Журналовъ“, 1818 г., часть 3-я). Приведу обширныя выписки изъ этой статьи.

Авторъ сравниваетъ фабричнаго и земледѣльца и отдаетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему.

„Мастеровой принужденъ довольствоваться платою, которую ему даетъ фабрикантъ и которая бываетъ обыкновенно самая малая, особливо тамъ, гдѣ мастеровыхъ слишкомъ много. Въ Англіи плата сія столь мала, что если бы мастеровой не получалъ сверхъ оной отъ своего прихода вспоможенія, въ видѣ милостыни, то ему пришлось бы умереть съ голоду“.

„Главнѣйшее преимущество земледѣльца передъ ремесленникомъ есть то, что первый несравненно вѣрнѣе обезпеченъ въ пропитаніи своемъ, нежели послѣдній... Даже сукно, колеса и обувь у него свое собственное и своего издѣлія; а ремесленникъ все сіе долженъ купить... Земледѣлецъ работаетъ не взаперти, какъ мастеровой на фабрикѣ, но всегда на чистомъ воздухѣ... Житье нашихъ мужиковъ есть самое беззаботное и счастливое... Самый здоровый и веселый народъ есть земледѣльческій. Фабричные по большей части бываютъ хворы, чахоточны, калѣки, скоро пухнутъ и преждевременно укорачиваютъ вѣкъ... Работы земледѣльца бываютъ весьма многоразличны и требуютъ большой внимательности, осторожности и много ума... Никакой народъ не бываетъ смышленнѣе земледѣльческаго. (Сіе объясняетъ то, чему всѣ иностранцы не могутъ довольно надивиться въ русскомъ народѣ, а именно, что русскій мужикъ имѣетъ такой природный умъ... Пусть русскій крестьянинъ сдѣлается батракомъ, какъ иностранный; куда дѣнется тогда его умъ!) Напротивъ, мастеровой на фабрикѣ цѣлый вѣкъ занимается одною какой-нибудь частицею фабричнаго производства... Раздѣленіе работъ много способствуетъ усовершенствованію издѣлій... но оно дѣлаетъ мастерового машиною; тутъ ему не о чемъ разсуждать, нечего соображать... Умъ его тупѣетъ, человѣческая природа въ немъ унижается“.

Не менѣе любопытна психологическая характеристика крестьянина и фабричнаго, которую мы встрѣчаемъ въ той же статьѣ.

„Земледѣлецъ зарылъ въ землю зерно, но прозябанія его и оплодотворенія ожидаетъ свыше... Земледѣльческій народъ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крѣпкій и благонравный. Онъ вмѣстѣ и самый покорный царю... Онъ привязанъ къ родимой землѣ своей, которая его возростила... Мастеровой ничего не ожидаетъ отъ Бога, а всего отъ машины; и ежели бы Господь не насылалъ на него болѣзней, то онъ едва ли бы когда вспомнилъ о Богѣ. Сообщество нѣсколькихъ сотъ или тысячъ мастеровыхъ, живущихъ и работающихъ всегда вмѣстѣ, не имѣющихъ никакой собственности, питаетъ въ нихъ духъ буйства и мятежа. Частые мятежи въ англійскихъ мануфактурныхъ городахъ служатъ тому доказательствомъ".

Характеристика любопытнаго направленія Александровской эпохи, выразителемъ котораго являлся „Духъ Журналовъ", была бы неполна, если бы мы не коснулись отношенія этого органа къ крѣпостному праву. Несмотря на свои симпатіи не только къ свободѣ торговли, но даже и къ политической свободѣ [1]), „Духъ Журналовъ" горячо защищалъ крѣпостное право. Въ цѣломъ рядѣ статей журналъ доказывалъ, что положеніе русскаго крѣпостного мужика несравненно лучше, чѣмъ нѣмецкаго и вообще западноевропейскаго. Сохраненіе крѣпостного права, устанавливающаго „семейную связь" мужика съ помѣщикомъ, признавалось журна-

[1]) Въ 1-й книжкѣ журнала за 1819 г. помѣщена статья „Духъ времени", въ которой очень краснорѣчиво доказывается, что духъ времени требуетъ владычества законовъ, „коренныхъ, неизмѣнныхъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, равно обязательныхъ и для властей, и для подвластныхъ, при которыхъ самовластіе имѣть мѣста не можетъ"; но „уложеніе на бумагѣ есть только мертвая буква... Чтобы оно было всегда въ силѣ, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытіе и учредить при немъ блюстителей. Многочисленными опытами дознано, что всякое сословіе, подъ вліяніемъ правительства состоящее, не можетъ быть надежнымъ охранителемъ государственнаго уложенія. Природные блюстители онаго суть—народные представители. Они суть вѣрные охранители его неприкосновенности... безъ нихъ никакой новый законъ не можетъ быть изданъ, никакой налогъ наложенъ, никакое важное предпріятіе предпринято... черезъ нихъ народъ имѣетъ свой голосъ, который есть тогда по истинѣ гласъ Божій; при нихъ личность и собственность каждаго останутся неприкосновенными; при нихъ никакое злоупотребленіе власти не укроется... все дѣлается гласно и предъ очами всѣхъ... Вотъ чего требуетъ духъ времени! Чего желаютъ народы!"

ломъ желательнымъ прежде всего въ интересахъ самого крестьянина, какъ гарантія отъ обезземеливанія. Русскій крѣпостной мужикъ имѣетъ свой клочекъ земли и пользуется заботами помѣщика; по мнѣнію журнала, онъ долженъ ежечасно благодарить Создателя за сохраненіе крѣпостного права. „Англичанинъ едва можетъ пропитать свою душу, ѣвши въ полсыта печеный картофель, а русскій въ сытость и ѣстъ, и пьетъ, и веселится иногда... (какъ мило это „иногда"!..) У насъ нѣтъ изящныхъ, чудныхъ рукодѣлій, но почти нѣтъ нищихъ; народъ живетъ въ довольствѣ вообще, а не частно" [1]).

Совпаденіе защиты свободной торговли и крѣпостного права отнюдь не было случайнымъ явленіемъ. И то, и другое вызывалось одной причиной: реальными классовыми интересами. Земельное дворянство, не имѣвшее фабрикъ, должно было относиться враждебно къ запретительной системѣ; отсюда вытекала и неблагопріятная оцѣнка фабричной системы вообще, и прославленіе выгодъ земледѣлія, противопоставленіе благополучія нашего мужика-крѣпостного безземельному пролетарію Западной Европы. Съ другой стороны, тотъ же интересъ дворянина-помѣщика побуждалъ послѣдняго отстаивать крѣпостное право, на которомъ основывалось его хозяйство—то самое земледѣліе, которое признавалось въ теоріи удѣломъ Россіи.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ вполнѣ понятныхъ экономическихъ интересовъ складывалась своеобразная общественная теорія, въ которой симпатіи къ западно-европейскимъ идеямъ (Смитъ и его школа, а затѣмъ Сисмонди были главными авторитетами „Духа Журналовъ") соединялись съ неменьшей преданностью такимъ національнымъ устоямъ, какъ крѣпостное право и натуральное хозяйство. Единственный родъ фабрикъ, который пользовался неизмѣннымъ сочувствіемъ „Духа Журналовъ"—это небольшія помѣщичьи фабрики, обрабатывавшія руками крѣпостныхъ продукты

[1]) „Духъ Журналовъ" 1820 г. Книжка 6. Рецензія на книгу: „Опытъ теоріи налоговъ". Прославленіе крѣпостного права выражено особенно ярко въ статьяхъ „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными („Д. Ж." 1817 г., книжка 49) и „О рабствѣ въ иностранныхъ европейскихъ государствахъ" („Д. Ж." 1818 г., книжка 12). Въ первой статьѣ доказывается, что всего лучше живется въ Россіи крѣпостнымъ барщиннымъ крестьянамъ, затѣмъ оброчнымъ, а казеннымъ и удѣльнымъ хуже, чѣмъ помѣщичьимъ, и указывается на опасность обезземеливанія крестьянъ. Во второй статьѣ благополучіе русскихъ крестьянъ противопоставляется бѣдствіямъ нѣмецкихъ.

собственнаго хозяйства помѣщика [1]). Что касается до крупныхъ капиталистическихъ фабрикъ, то крѣпостники „Духа Журналовъ“ громили ихъ съ большой энергіей при помощи аргументовъ, заимствованныхъ у западно-европейскихъ критиковъ капиталистическаго строя. Въ „Духѣ Журналовъ“ нерѣдко помѣщались статьи, въ которыхъ описывалось тяжелое состояніе западно-европейскаго рабочаго, особенно англійскаго. Англія была постояннымъ предметомъ нападеній „Духа Журналовъ“. И экономическое, и культурное положеніе этой страны рисовалось самыми мрачными красками. По поводу волненій англійскихъ рабочихъ въ 1819 г. въ журналѣ была помѣщена обширная статья, въ которой доказывалось, что единственная причина этихъ волненій—бѣдность рабочихъ, вызываемая фабриками и конкуренціей машины съ ручнымъ трудомъ. Сисмонди пользовался особеннымъ сочувствіемъ редакціи, помѣстившей переводъ нѣкоторыхъ главъ его „Nouveaux Principes“ [2]).

Такимъ образомъ, по условіямъ русской жизни, фритредеры, которые на Западѣ были идеологами капитализма и буржуазіи, у насъ, напротивъ, явились идеологами земельнаго дворянства и защитниками крѣпостного права [3]). Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. И въ Америкѣ, въ эпоху междуусобной войны,

---

[1]) „Духъ Журналовъ“ 1817 г., книжка 18. „Главныя правила для управленія большой вотчиной“. Въ этой статьѣ совѣтуется „мужиковъ своихъ, даже и самыхъ богатыхъ, не пускать въ оброкъ“, а занимать ихъ всѣхъ въ собственномъ хозяйствѣ, для чего устраивать небольшія фабрики.

[2]) Свободная торговля защищалась и многими другими авторами этой эпохи, напр., К. Арнольдомъ: „Мнѣнія о системѣ тарифа въ Россіи“. (Спб. 1816 г.); Никол. Тургеневымъ: „Опыть теоріи налоговъ“. (Спб. 1819 г.). Сниткинъ, авторъ магистерской диссертаціи „Разсужденіе, долженъ ли быть позволенъ привозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ?“ (Москва, 1818 г.), высказывается за средній путь; какъ истый мужъ науки, онъ беретъ себѣ девизомъ—aurea mediocritas и заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы избѣжать крайностей. Магистерскія диссертаціи того времени напоминаютъ въ этомъ отношеніи современныя.

[3]) Разумѣется, не всѣ фритредеры были крѣпостниками. Шторхъ, и тѣмъ болѣе Николай Тургеневъ, были энергичными противниками крѣпостного права, хотя и защищали свободную торговлю. Но они и не выражали собой крупнаго теченія русской общественной жизни, каковое, несомнѣнно, выражалъ „Духъ Журналовъ“, предпринявшій такую энергичную и успѣшную агитацію въ пользу отмѣны запретительной системы.

рабовладѣльческій югъ былъ твердыней свободы торговли. Но и сторонники запретительной системы, защитники фабрикъ, какъ, напр., Мордвиновъ, точно такъ же относились къ крѣпостному праву довольно примирительно. Дѣло въ томъ, что въ это время какъ земельное, такъ и промышленное дворянство одинаково было заинтересовано въ сохраненіи этого соціальнаго института. Очень многія дворянскія фабрики основывались на крѣпостномъ трудѣ; но если даже работа производилась въ нихъ и по вольному найму, то оброчная система всегда давала помѣщику возможность выгодно утилизировать своихъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., какъ извѣстно, главнымъ основаніемъ богатства графовъ Шереметевыхъ были оброчные крестьяне такихъ промышленныхъ селъ, какъ Иваново, Павлово, Ворсма и др. Понятно, что такіе помѣщики отнюдь не были расположены отказываться отъ своихъ правъ на „крещеную собственность“, быстро возраставшую въ своей цѣнности (Шереметевы крайне неохотно отпускали своихъ крѣпостныхъ на волю, хотя среди этихъ крѣпостныхъ были милліонеры, какъ, напр., многіе фабриканты села Иванова; Шереметевы поступали такъ же, какъ поступаютъ англійскіе и американскіе капиталисты, удерживающіе въ своихъ рукахъ городскія земли, сколько бы за нихъ ни предлагали—цѣнность крѣпостного фабриканта, подобно цѣнности городского земельнаго участка, обладала поразительной способностью самовозрастанія).

По этой причинѣ, какъ противники, такъ и защитники фабрики изъ дворянской среды одинаково дружелюбно относились къ крѣпостному праву, основѣ своего хозяйственнаго благополучія.

Фритредерская агитація, какъ извѣстно, увѣнчалась кратковременнымъ успѣхомъ: во исполненіе конвенціи Россіи съ Пруссіей и Австріей по регулированію торговли царства Польскаго, въ 1819 г. былъ изданъ знаменитый либеральный тарифъ, устранившій совершенно запретительныя статьи и сильно понизившій пошлины на привозные товары. Не буду останавливаться надъ дѣйствіемъ этого тарифа на нашу промышленность; онъ продержался очень недолго, такъ какъ фабриканты, особенно суконные, которыхъ этотъ тарифъ очень чувствительно ударилъ по карману, сумѣли быстро добиться его отмѣны, и уже въ 1822 г. Россія вернулась къ прежней запретительной системѣ (по тарифу 1822 г. были запрещены къ привозу приблизительно тѣ же статьи, что и по тарифу 1816 г.). Этотъ результатъ насъ отнюдь не долженъ

удивлять, такъ какъ фабриканты, хотя и составляли ничтожное меньшинство, тѣмъ не менѣе были крупной общественной силой. Какъ я говорилъ, среди нихъ было немало, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи; самые богатые помѣщики (напомнимъ хотя бы графа Шереметева), имѣвшіе обширныя владѣнія въ великорусскихъ губерніяхъ, были непосредственно заинтересованы въ развитіи фабричной промышленности, такъ какъ ихъ собственные оброчные крестьяне получали свой доходъ отъ фабрикъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что русскія фабрики, выросшія подъ покровомъ запретительной системы, не могли выдержать конкуренціи англійскихъ фабрикатовъ, ввозъ которыхъ послѣ введенія въ дѣйствіе тарифа 1819 г. увеличился въ нѣсколько разъ; а такъ какъ съ поддержаніемъ этихъ фабрикъ были связаны могущественные интересы, то не удивительно, что общественное мнѣніе, представлявшее интересы земельнаго и служащаго дворянства, оказалось совершенно не въ силахъ отстоять тарифъ 1819 г., который промелькнулъ въ исторіи нашей торговопромышленной политики безъ всякаго слѣда. Фабриканты были несравненно сильнѣе заинтересованы въ сохраненіи своихъ фабрикъ, чѣмъ землевладѣльцы въ пониженіи цѣнъ фабрикатовъ, и потому фабриканты должны были побѣдить.

Вторая четверть этого вѣка, какъ извѣстно, была отмѣчена быстрымъ ростомъ нашей промышленности, въ особенности хлопчатобумажной. Центральный Московскій районъ въ эту эпоху сдѣлался огромнымъ промышленнымъ округомъ, поставлявшимъ мануфактурныя издѣлія для остальной части Россіи, сохранившей земледѣльческій характеръ. Не буду останавливаться на этомъ пунктѣ и ограничусь слѣдующей цитатой изъ извѣстной книги Аксакова. „Никакая правительственная мѣра въ Россіи не произвела такого переворота въ быту промышленномъ, какъ знаменитый тарифъ 1822 г. Московская, Владимірская, Костромская губерніи образовали цѣлый мануфактурный округъ; цѣлое народонаселеніе получило иное, фабричное направленіе; сотни тысячъ рукъ пришли въ движеніе, сотни фабрикъ выбрасывали ежедневно массы произведеній, требовавшихъ сбыта. Украйна и Новороссійскій край представлялись готовымъ, обширнымъ рынкомъ“ [1]).

[1]) И. Аксаковъ. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. Спб. 1858 г., стр. 13.

По словамъ Гакстгаузена, въ 40-хъ годахъ „Москва стала центромъ фабричной дѣятельности и изъ дворянскаго города превратилась въ фабричный городъ. Значительная часть дворянства превратилась въ фабричныхъ предпринимателей... Если спрашиваете теперь,—кому принадлежитъ этотъ дворецъ?, то получите въ отвѣтъ: „фабриканту такому-то“, или „купцу такому-то“, а раньше „князю А. или Б.“ (Studien über die inneren Zustände Russlands, I, XIII, 60).

Неудивительно, что господствующее въ Александровскую эпоху мнѣніе, что Россія—страна земледѣльческая, должно было смѣниться инымъ представленіемъ о Россіи. Промышленные интересы пріобрѣли болѣе важное значеніе, чѣмъ прежде. Въ эту эпоху у насъ появились крупные капиталисты-промышленники, вышедшіе, по большей части, изъ среды кустарей. Въ дворянскихъ имѣніяхъ (особенно въ 30—40-хъ годахъ) также усиленно заводились фабрики. Измѣненіе экономическаго строя не замедлило отразиться и на идеологіи эпохи.

Я говорилъ выше, что для Николаевской эпохи особенно характерно разложеніе старинной фабрики и превращеніе ея въ фабричную контору (что не мѣшало абсолютному возрастанію числа фабрикъ). Подъ вліяніемъ этого, идеологія эпохи, признавая пользу развитія промышленности, преимущественно имѣла въ виду мелкую, сельскую промышленность. Въ это время окончательно сложилась въ руководящихъ классахъ нашего общества своеобразная теорія, которая заключаетъ въ зародышевомъ состояніи многія черты народничества нашего времени, осложненныя, правда, другими крѣпостническими элементами. Теорія эта, имѣвшая вполнѣ націоналистическій характеръ, одинаково раздѣлялась какъ оффиціальными сферами, такъ и руководящими органами общественнаго мнѣнія. Въ особенности яркое выраженіе она получила у славянофиловъ.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ „Москвитянина“ за 1845 г., когда журналъ этотъ перешелъ въ руки славянофильской группы и редакторомъ былъ И. Кирѣевскій, помѣщена статья „О мануфактурной промышленности Россіи“. Въ этой статьѣ вполнѣ опредѣленно выраженъ взглядъ слафянофиловъ на промышленное развитіе Россіи.

Слафянофилы отнюдь не отрицаютъ пользы развитія промышленности.

„Мануфактурная промышленность,—говорится въ этой статьѣ,—

имѣетъ то важное значеніе, что она всегда есть или можетъ служить орудіемъ улучшенія быта низшихъ классовъ народа“ (стр 60).

Но не всякая форма промышленности, по мнѣнію славянофиловъ, одинаково удовлетворяетъ народнымъ интересамъ. Наиболѣе желательна мелкая сельская (теперь бы мы сказали *кустарная*) промышленность, которая является особенностью Россіи.

„Промышленная дѣятельность у насъ преимущественно развилась не въ городахъ, какъ въ чужихъ краяхъ, но въ селеніяхъ, не истребивъ тутъ между производителями чистоты нравовъ и благодати семейныхъ связей“ (стр. 61).

„Сравнивая сіе положеніе нашей промышленности съ иностраннымъ, гдѣ повсюду интересъ производителя падаетъ жертвой интереса производства, нельзя не пожелать сохранить наши сельскія промышленныя дѣйствія, въ техническомъ отношеніи столь отстающія, но въ нравственномъ столь предпочтительныя предъ иностранными“... (стр. 62).

Вполнѣ естественно, что городъ, городская промышленность и городская жизнь отнюдь не пользуются симпатіей такихъ поклонниковъ патріархальной старины, какъ славянофилы.

„Для промысловъ вовсе не нужна городская жизнь, которая вообще ни въ историческомъ развитіи, ни въ характерѣ края и народа, не свойственна народному русскому быту. Городская жизнь едва-ли есть необходимость для развитія народа... Народъ долженъ остаться въ сельскомъ быту, но въ улучшенномъ, возрастающемъ состояніи, и продолжать заниматься, какъ теперь, въ семейномъ кругу ремеслами, промыслами, торговлей и мануфактурной дѣятельностью, отнюдь не сосредоточивая сихъ дѣйствій, какъ въ чужихъ краяхъ, въ столь часто развратномъ быту городскомъ“ (стр. 63—64).

Итакъ, повидимому, славянофилы относятся враждебно къ фабрикѣ? Не совсѣмъ. Признавая преимущества кустарной промышленности, по тому вліянію, какое сельская жизнь оказываетъ на нравственный складъ народа, славянофилы въ то же время признаютъ необходимость и фабрикъ — *въ городахъ*. Они отнюдь не враждебны капиталистическому способу производства, но лишь съ тѣмъ условіемъ, правда, совершенно невыполнимымъ, чтобы оно сохраняло патріархальный характеръ. Въ городахъ, по мнѣнію автора цитируемой статьи, должны быть сосредоточены крупныя фабрики, выдѣлывающія предметы роскоши; въ селахъ же

должна остаться мелкая крестьянская промышленность, изготовляющая предметы необходимости.

„Предназначеніе городской промышленности даже высокое; городскія заведенія не только должны дать примѣръ общимъ техническимъ улучшеніямъ, но и примѣръ благоустройства и нравственнаго улучшенія рабочаго класса“. „Хозяинъ фабрики есть отецъ семейства, работники фабрики — дѣти его. Изъ сихъ взаимныхъ отношеній истекаютъ взаимныя права и обязанности“ (стр. 69). „Уже теперь въ Москвѣ и окрестностяхъ считается болѣе 20 первостатейныхъ заведеній, которыя въ отношеніяхъ техническомъ и нравственномъ должны бы служить примѣромъ всей промышленной Россіи. Въ нихъ болѣе двухъ тысячъ малолѣтнихъ получаютъ религіозное воспитаніе, и на семъ примѣрѣ мы можемъ убѣдиться, что промышленность Россіи можетъ и должна быть не только способомъ народнаго обогащенія, но и способомъ распространенія порядка, благоустройства, хорошихъ обычаевъ и нравственнаго воспитанія“ (стр. 70).

Въ виду всего этого авторъ энергично высказывается въ пользу тарифа 1822 г.

Такимъ образомъ по славянофильской теоріи и кустарная промышленность, и фабрика могутъ существовать рядомъ; но фабрика должна оказывать морализующее вліяніе на рабочаго — и лишь въ этомъ случаѣ заслуживаетъ одобренія. Кустарное производство является наиболѣе желательной формой промышленности. Отношеніе фабриканта къ рабочимъ опредѣляется очень простой формулой: фабрикантъ—отецъ, рабочіе—его дѣти. Просто и ясно.

Въ цитированной статьѣ мало говорится собственно о фабрикахъ и фабричномъ рабочемъ. Дополненіемъ къ ней можетъ служить ранѣе помѣщенная въ томъ же „Москвитянинѣ“ статья П. Веретенникова „О фабричныхъ мастеровыхъ“ („Москвитянинъ“ 1841 г., часть V).

Авторъ начинаетъ съ противопоставленія русскаго фабричнаго рабочаго западно-европейскому. На Западѣ, особенно въ Англіи, „рабочій народъ находится въ крайней бѣдности“. Что же касается до нашихъ рабочихъ, то „нѣтъ причины предполагать, чтобы они когда-либо доведены были до той степени бѣдности, которая существуетъ между ними въ Англіи и иногда во Франціи. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, стоитъ только обратить вниманіе на то, что собственно фабричныхъ людей, т. е. не имѣющихъ другихъ способовъ пропитанія, въ Рос-

сіи почти нѣтъ. У насъ фабричными работами занимаются крестьяне, имѣющіе землю для пашни и сѣнокосовъ... Фабрики у насъ способствуютъ только благосостоянію народному, доставляя средства трудомъ пріобрѣтать деньги для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ. Работники изъ большихъ семействъ идутъ въ свободное время на фабрики, гдѣ получаютъ за трудъ хорошую плату. Одинокіе, устроивъ хозяйство, берутъ отъ фабрикантовъ основы по домамъ и зимніе мѣсяцы не остаются праздными... Наши фабричные мастеровые ведутъ себя не только удовлетворительно, но даже хорошо“ (стр. 213—214). „Кому не случалось слышать, проѣзжая мимо фабрикъ, какими веселыми пѣснями сопровождается работа нашихъ фабричныхъ. Можно ли гдѣ-нибудь, кромѣ святой Руси, имѣть рабочему средства, кромѣ лучшаго хлѣба и каши гречневой, употребить въ день два фунта говядины? (!!!)“

Въ концѣ статьи авторъ еще съ удареніемъ повторяетъ свой тезисъ: „положеніе фабричныхъ у насъ въ Россіи несравненно лучше, нежели въ Англіи и Франціи“ лучше потому, что у насъ фабричный рабочій не прерываетъ связь съ земледѣліемъ и лѣтомъ опять превращается въ мужика.

Таково было отношеніе славянофиловъ къ фабрикѣ. Несмотря на предпочтеніе сельской промышленности, они не рѣшались отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ такому продукту „гнилого Запада“, какъ наша фабрика. Покровительственная система и тарифъ 1822 г. всегда защищался „Москвитяниномъ“. Отношеніе этого журнала къ нашему купечеству вообще было благосклонное. Торговый капиталъ, дѣйствительно, былъ такимъ стариннымъ явленіемъ русской жизни, купецъ былъ такой характерной фигурой Московской Руси, что защитники старины не могли не чувствовать къ нему нѣкоторой симпатіи. Въ этомъ смыслѣ характерна статейка Кокорева „Кулакъ и барышникъ“ („Москвитянинъ“, 1848 г., часть 5). Даже кулакъ представлялся Кокореву очень симпатичной фигурой, съ истинно русскими чертами ума и характера.

„Русскій человѣкъ несправедливо заклеймилъ кулака его не очень лестнымъ прозвищемъ, несправедливо потому, что не отдалъ должной чести труду и деньгамъ... Кулакъ—комиссіонеръ, сводчикъ и довольно горемычный... Истый кулакъ согласится скорѣе претерпѣть, чѣмъ пуститься на плутни (стр. 3, 5, 9)“.

„Все есть у кулака“,—по мнѣнію Кокорева,—„и умъ, и знаніе дѣла и добросовѣстность, и предпріимчивость: одного ему не хватаетъ—капитала: на счетъ кармана маленько того“...

Такимъ образомъ, славянофилы, признавая предпочтительность кустарной промышленности передъ крупными фабриками, въ то же время крайне идеализировали эту самую фабрику и нашъ старинный капиталистическій классъ купечества и мелкихъ торговцевъ.

И это вполнѣ понятно. Въ Москвѣ, которая въ это время уже превратилась въ центръ фабричной промышленности Россіи, нельзя было придерживаться архаическаго представленія Александровской эпохи о Россіи, какъ странѣ исключительно земледѣльческой. Промышленные и купеческіе интересы были слишкомъ сильны въ этомъ городѣ, и потому коренные москвичи, идеализировавшіе нашъ національный хозяйственный строй, не могли относиться совершенно отрицательно къ фабрикѣ. Мужичекъ, работающій нехитрыя издѣлія у себя въ избѣ, былъ гораздо ближе ихъ сердцу, чѣмъ буйный фабричный рабочій; но вѣдь кромѣ фабричнаго рабочаго есть еще и фабрикантъ, сохранившій въ николаевскую эпоху всѣ черты „истинно-русскаго“ человѣка. Къ этимъ фабрикантамъ славянофилы чувствовали инстинктивную симпатію, и потому къ фабрикѣ они относились безъ того категорическаго осужденія, которое отличало защитниковъ интересовъ земельнаго дворянства въ александровскую эпоху.

Весьма любопытно, что Пушкинъ въ 30-хъ годахъ все еще придерживался взглядовъ „Духа журналовъ“. Вотъ напр. что онъ пишетъ въ своихъ извѣстныхъ „Мысляхъ на дорогѣ“ (1833 г.):

„Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волосы станутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, сколько мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г. Смита или объ иголкахъ г. Джаксона. Кажется, нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника: но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію. У насъ нѣтъ ничего подобнаго... Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣтливости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны... Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго жилища. Нищій, уходя ски-

таться по міру оставляетъ *свою избу*. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ... Судьба крестьянина улучшается со дня на день“ [1]).

„Библіотека для Чтенія“, едва ли не самый распространенный журналъ николаевской эпохи, такъ же, какъ и славянофилы, энергично защищала покровительственную систему и признавала необходимость развитія фабричной промышленности въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно „Москвитянину“, отдавала предпочтеніе кустарному производству передъ фабрикой. Въ этомъ журналѣ былъ помѣщенъ переводъ извѣстнаго сочиненія гр. Канкрина „Экономія человѣческихъ обществъ“, о которомъ я буду говорить ниже. Русскій мужикъ и его хозяйственное положеніе идеализировались „Библіотекой для Чтенія“ не менѣе, чѣмъ „Москвитяниномъ“. Объ этомъ читатель можетъ судить по слѣдующему образцу:

„Ничто не препятствуетъ русскому мужику наслаждаться счастливымъ бытомъ и довольствомъ въ жизни. Онъ имѣетъ участокъ земли, который воздѣлывали его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ и который онъ почитаетъ своей родиной... Нашему мужику не достаетъ только нѣкоторой воздержанности отъ горячихъ напитковъ, строгой нравственности въ семейномъ быту, ясныхъ понятій о своемъ долгѣ и искусствѣ; иначе онъ былъ бы Крезомъ передъ иностранными крестьянами и блаженнѣйшимъ созданьемъ въ земледѣльческомъ мірѣ (!!!). Народный обычай равнаго раздѣла земель между всѣми поселянами, жителями одного вѣдомства, есть признакъ народнаго доброжелательства и братскаго союза, которымъ можно гордиться, и который носитъ на себѣ превосходный отпечатокъ глубокаго христіанскаго чувства“ [2]).

Остановимся теперь на одной замѣчательной книгѣ, которая сыграла очень крупную роль въ исторіи нашей общественной мысли. Я говорю объ извѣстномъ сочиненіи прусскаго сановника Гакстгаузена „Studien über die innern Zustände Russlands“ (Hannover, 1847). Гакстгаузенъ, человѣкъ очень образованный и умный, изъѣздилъ въ теченіе года всю Россію, при чемъ пользовался во время своего путешествія особой предупредительностью властей, давшей ему возможность увидѣть много такого, что было недоступно обыкновенному путешественнику. Неудивительно, что книга его была явленіемъ, совершенно выдающимся въ скудной

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. 1882 г. Т. V. Стр. 222—23.

[2]) „Библіотека для Чтенія“ 1837 г. Книга 6. Д. Шелеховъ. О вольнонаемномъ трудѣ. Стр. 33, 34.

экономической литературѣ николаевской эпохи. Книга Гакстгаузена удостоилась одобренія императора Николая, была напечатана на счетъ суммъ, отпущенныхъ русскимъ правительствомъ... и въ то же время оказала огромное вліяніе на выработку того радикально-романтическаго направленія нашей общественной мысли, которому суждено было играть столь широкую роль въ нашей исторіи. Извѣстно, какъ сильно содѣйствовалъ Гакстгаузенъ идеализаціи русской земельной общины. Герценъ познакомился съ нѣмецкимъ путешественникомъ еще въ Москвѣ, и его поразили „многіе взгляды Гакстгаузена на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще“ [1]). Книга Гакстгаузена разочаровала Герцена, но тѣмъ не менѣе взгляды прусскаго барона на общину, артель и многія другія особенности хозяйственнаго строя Россіи были восприняты Герценомъ и вообще той школой общественныхъ дѣятелей и публицистовъ, въ которой Герценъ и Чернышевскій являются самыми яркими именами.

Подобно славянофиламъ, Гакстгаузенъ видитъ главное преимущество Россіи передъ западной Европой въ томъ, что въ Россіи нѣтъ пролетаріата. „Во всѣхъ другихъ странахъ Европы глашатаи соціальной революціи ополчаются противъ богатства и собственности: уничтоженіе права наслѣдства и равномѣрное распредѣленіе земли—вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ утопія европейскихъ революціонеровъ въ этой странѣ получила въ народной жизни свое полное осуществленіе“ (Studien, I, XII).

Эта фраза рисуетъ намъ всего Гакстгаузена. Западно-европейскій консерваторъ нашелъ въ Россіи панацею отъ соціальныхъ бѣдъ, угрожавшихъ западной Европѣ. Крѣпостная Россія Николая I оказалась воплощеніемъ мечтаній французскихъ революціонеровъ—и какимъ удивительнымъ воплощеніемъ! Не только не угрожающимъ гибелью порядку, собственности и монархическимъ принципамъ, но, наоборотъ, являющимся самымъ крѣпкимъ оплотомъ реакціонной Европы, страной самой сильной власти и самаго образцоваго порядка.

Такой удивительный строй заслуживаетъ того, чтобы позаботиться объ его сохраненіи. Между тѣмъ введеніе европейскихъ формъ промышленности неминуемо должно повести къ его разрушенію. И Гакстгаузенъ высказывается противъ заимствованія за-

[1]) В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. II. 442.

падно-европейской промышленности, являясь такимъ образомъ plus royaliste que le roi—большимъ націоналистомъ, чѣмъ славянофилы. Кустарные промыслы Россіи приводятъ его въ восторгъ, тѣмъ болѣе, что онъ ошибочно приписывалъ имъ артельное устройство. „Промыслы въ Россіи, — говоритъ онъ,—по большей части принимаютъ общинный характеръ; жители одной общины дѣлаются, напримѣръ, сапожниками, другой—кузнецами, третьей—кожевниками и т. д. Въ этомъ есть большія преимущества. Такъ какъ русскіе живутъ большими семьями, то естественно возникаетъ семейное раздѣленіе труда, столь необходимое для промышленности. Члены общины постоянно помогаютъ другъ другу капиталомъ и трудомъ, сообща покупаютъ нужные матеріалы и сообща же продаютъ изготовленныя издѣлія. Общины ремесленниковъ посылаютъ свои товары въ городъ и на рынокъ, и повсюду имѣютъ свои собственныя лавки. Онѣ не образуютъ замкнутыхъ цеховъ, какъ нѣмецкіе ремесленники, но остаются совершенно свободными въ предѣлахъ своей общины... Въ такихъ общинахъ не существуетъ никакого цехового или иного принужденія. Это—свободныя промышленныя ассоціаціи, напоминающія объ ассоціаціяхъ сенъ-симонистовъ. Такая промышленная организація доставляетъ этимъ общинамъ большія выгоды“ (I, стр. 182).

Въ такихъ радужныхъ краскахъ рисовалась Гакстгаузену наша кустарная промышленность. (Нечего и говорить, что Гакстгаузенъ въ данномъ случаѣ, противъ обыкновенія, сдѣлалъ грубую фактическую ошибку: наши кустари въ николаевскую эпоху, какъ и теперь, не составляли никакихъ ассоціацій и работали совершенно независимо другъ отъ друга). Неудивительно, что къ фабрикѣ онъ относится весьма неблагосклонно.

„Въ Россію ввели западно-европейскія предпринимательскія фабрики въ противоположность національнымъ фабричнымъ ассоціаціямъ; правительство побуждало дворянство къ введенію фабрикъ по заграничному образцу и превращало дворянъ въ фабрикантовъ, вмѣсто того, чтобы поощрять и направлять крестьянъ къ усовершенствованію, внутреннему улучшенію и большему распространенію національныхъ фабричныхъ ассоціацій... Почему было невозможно, при большомъ повиновеніи и естественной уступчивости русскаго простого народа, организовать среди государственныхъ, напримѣръ, крестьянъ хлопчатобумажную фабрикацію? Техниковъ и управляющихъ фабриками все равно приходилось выписывать изъ Англіи или Германіи... Правительство могло бы устроить зданія,

выписать машины... дать работникамъ ткацкіе станы, научить ихъ работѣ при посредствѣ свѣдующихъ руководителей и затѣмъ предоставить все дѣло стариннымъ русскимъ фабричнымъ ассоціаціямъ-общинамъ. Безъ сомнѣнія, первое время требовалось бы постоянное руководительство, попеченіе, строгій надзоръ и вынужденное послушаніе, но, при большой податливости русскихъ и ихъ техническихъ способностяхъ, дѣло наладилось бы очень скоро, и эти новыя фабрики скоро слились бы съ уже существующими старинными русскими промыслами... Введеніе фабричной системы въ современной европейской формѣ отнюдь не было необходимо для Россіи (понятно, съ извѣстными исключеніями), и эта система оказала неблагопріятное дѣйствіе на нравственность среднихъ и достаточныхъ классовъ. Если бы вмѣсто этого подняли и правильно поставили естественную, уже существующую и національную промышленность русскихъ фабричныхъ ассоціацій, снабдили ее машинами новѣйшаго изобрѣтенія, то въ важнѣйшихъ отрасляхъ фабричнаго дѣла, тканьѣ льна, шерсти, хлопка и шелка, правда не достигли бы производства модныхъ продуктовъ, но съ успѣхомъ добились бы изготовленія предметовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ большей части народа“ (I, 184, 189).

Читатель видитъ, что консервативный прусскій баронъ былъ большимъ утопистомъ. Русскій народъ покоренъ и привыкъ къ повиновенію: вмѣсто того, чтобы ожидать распространенія фабрикъ отъ частныхъ лицъ, не лучше ли устроить изъ государственныхъ крестьянъ артели, въ которыхъ работа будетъ производиться по командѣ и подъ надзоромъ чиновниковъ? Таковъ своеобразный сенъ-симонизмъ Гакстгаузена! Какого рода „фабричныя ассоціаціи“ мерещатся Гактсгаузену, объ этомъ читатель можетъ судить изъ нижеслѣдующаго:

„Современная фабричная система въ Россіи, во всякомъ случаѣ, un fait accompli... Можно было имѣть многое противъ ея введенія, но теперь приходится позаботиться лишь о томъ, чтобы организовать ее на болѣе національныхъ основахъ и хотя бы отчасти превратить ее въ вышеуказанныя національныя фабричныя ассоціаціи. Въ устройствѣ фабрикъ, основанныхъ Петромъ I, какъ напримѣръ, фабрика Яковлевыхъ, сказывается правильная національная мысль. *Петръ основалъ свои фабрики на крѣпостныхъ отношеніяхъ*. Фабрикантъ имѣлъ право пользоваться рабочей силой приписанныхъ къ фабрикѣ людей, но въ то же время онъ обязанъ былъ заботиться о своихъ людяхъ, ихъ пищѣ, одеждѣ и

содержаніи. Онъ не имѣлъ права прогонять рабочихъ, когда они были не нужны, но долженъ былъ содержать ихъ до смерти. *Этого направленія слѣдуетъ держаться до тѣхъ поръ, пока сохранится крѣпостное право.* Въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ употребляются не крѣпостные, но вольнонаемные рабочіе. *Если бы фабрикантовъ обязали организовать рабочихъ по образцу общины, принять надъ ними полное и строгое помѣщичье попеченіе и всѣ соединенныя съ ними обязанности,* ...если бы фабриканты не имѣли права разсчитывать рабочихъ помимо извѣстныхъ, закономъ установленныхъ причинъ (напримѣръ, не имѣли бы права разсчитывать рабочихъ по случаю старости и болѣзни), то можно было бы частью избѣжать многихъ дурныхъ послѣдствій фабричной системы и въ особенности избѣжать развращенія фабричнаго рабочаго" (I, 190).

Эта цитата вполнѣ разъясняетъ сенъ-симонизмъ Гакстгаузена. Національно-русская форма фабрики, которой онъ такъ сочувствуетъ, не что иное, какъ поссессіонная фабрика, основанная на принудительномъ трудѣ! Неудивительно, что крѣпостная Россія вызывала такое восторженное отношеніе къ себѣ нашего своеобразнаго сенъ-симониста. Поклонникъ общины и артели оказывается прежде всего поклонникомъ крѣпостного права. Врагъ западно-европейскаго капитализма, онъ предпочитаетъ бездушной денежной связи предпринимателя съ рабочими (cash nexus, по извѣстному выраженію Карлейля) восточно-европейскую власть помѣщика надъ крѣпостными!

Фабрика не пользовалась сочувствіемъ Гакстгаузена и по другой причинѣ. Благодаря фабрикамъ, крѣпостное право, по мнѣнію Гакстгаузена, теряло свой человѣческій характеръ. Дворянскія имѣнія переходили въ руки всякихъ parvenus, и „старинныя узы взаимной любви и вѣрности, сохранявшіяся изъ рода въ родъ, придававшія человѣческій или, по крайней мѣрѣ, сносный характеръ крѣпостнымъ отношеніямъ, разрывались. Новые владѣльцы видѣли въ крѣпостныхъ только орудія, машины, доставлявшія имъ деньги" (I, 117). Благодаря развитію промышленности и распространенію оброчной системы, крѣпостное право превратилось въ Россіи, по остроумному выраженію Гакстгаузена, въ сенъ-симонизмъ на изнанку: сенъ-симонисты требовали, чтобы каждый получалъ по своимъ способностямъ, а владѣлецъ оброчныхъ крестьянъ бралъ съ нихъ по ихъ способностямъ.

Въ прежнее время, говоритъ Гакстгаузенъ, когда Россія была

земледѣльческой страной, крѣпостныя отношенія были „вполнѣ естественнымъ и даже, можетъ быть, необходимымъ явленіемъ русской жизни“. Положеніе крѣпостныхъ было сносно, и русская крѣпостная община представляла собой маленькую самоуправляющуюся республику. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россію проникла „западно-европейская культура и промышленность, фабрики и роскошь“—все перемѣнилось. Крестьяне стали работать на фабрикахъ — вмѣсто того, чтобы обрабатывать, какъ члены общины, свое поле. Крѣпостное право сдѣлалось противоестественнымъ явленіемъ и „становится все очевиднѣе и очевиднѣе, что въ современной формѣ его нельзя удержать, и даже вообще сохранить существованіе этого права. Всякій благоразумный человѣкъ въ Россіи это понимаетъ — но какъ уничтожить или преобразовать крѣпостное право безъ соціальной революціи? Въ этомъ заключается великій вопросъ дня!“ (I, 118).

Вмѣстѣ съ тѣмъ фабричная промышленность, по мнѣнію Гакстгаузена, затрудняетъ ликвидацію крѣпостного права, ибо, благодаря росту фабрикъ, заработная плата въ Россіи повсемѣстно такъ поднялась, что землевладѣлецъ не можетъ работать наемными рабочими и нуждается въ трудѣ своихъ крѣпостныхъ (I, стр. XIII). (Невозможность работать наемными рабочими, по причинѣ дороговизны труда, была обычнымъ аргументомъ крѣпостниковъ).

Итакъ фабрика затрудняетъ ликвидацію крѣпостного права. Тезисъ довольно неожиданный въ устахъ Гакстгаузена, прекрасно понимавшаго связь юридическихъ и политическихъ формъ съ реальными экономическими отношеніями. Усвоеніе западно-европейской промышленности должно повести къ усвоенію и западно-европейской культуры, какъ заявлялъ самъ Гактсгаузенъ. Какимъ же образомъ фабрика можетъ поддерживать крѣпостное право? Но на слѣдующей же страницѣ нашъ врагъ фабрикъ приводитъ аргументъ, въ прахъ побивающій его тезисъ. „Подъ вліяніемъ чрезвычайно возрастающей промышленности, у низшихъ классовъ (русскаго) народа проявляется сильное стремленіе къ умственному развитію“ (I, стр. XV). А если такъ, то не можетъ быть и вопроса, въ какомъ смыслѣ вліяетъ развитіе промышленности на сохраненіе крѣпостного права. Стремленіе русскаго народа къ просвѣщенію вызываетъ опасенія Гакстгаузена, и онъ увѣщеваетъ правительство при помощи церкви направить стремленіе простого народа къ образованію по должному руслу.

Нельзя отрицать, что всѣ воззрѣнія Гакстгаузена очень послѣ-

довательны и складываются въ стройную систему. Идеализаторъ русской общины ясно понималъ, что проникновеніе западно-европейскихъ хозяйственныхъ формъ и западно-европейскаго просвѣщенія несовмѣстимо съ сохраненіемъ любезныхъ ему особенностей русскаго соціальнаго строя и потому даже энергичнѣе славянофиловъ отстаивалъ самобытность Россіи и возставалъ противъ какихъ-бы то ни было заимствованій съ запада.

Гакстгаузенъ является наиболѣе яркимъ представителемъ воззрѣній, господствовавшихъ въ консервативныхъ кругахъ русскаго общества николаевской Россіи. Большинство нашихъ руководящихъ экономистовъ того времени высказывалось, приблизительно, въ томъ же смыслѣ. Такъ, напримѣръ, профессоръ С.-Петербургскаго университета И. Горловъ точно такъ же признавалъ, что у насъ „только раздробленная промышленность существуетъ въ очень обширномъ видѣ и значительно укоренилась въ народѣ... До настоящей мануфактурной системы—factory system, еще далеко, и мы не полагаемъ, чтобы эта система могла составить благоденствіе народа со своими огромными фабриками, со своимъ народонаселеніемъ мастеровыхъ, со своими законами о бѣдныхъ, съ своимъ богатствомъ фабрикантовъ и убогостью, невѣжествомъ рабочихъ. Защитники мануфактурной системы видятъ только ея одну блестящую сторону, увлекаются примѣромъ Англіи, съ ея огромнымъ производствомъ, но они забываютъ, что бѣдность и невѣжество людей, которые работаютъ эти сокровища, подвергаютъ опасности искусственное существованіе той же Англіи“ [1]).

Другой извѣстный экономистъ 40—50-хъ годовъ—Тенгоборскій, членъ государственнаго совѣта и одинъ изъ авторовъ либеральнаго тарифа 1857 г., пишетъ въ своей извѣстной книгѣ: „Etudes sur les forces productives de la Russie“ (Paris, 1852): „Кустарная промышленность приняла національный характеръ, она приспособлена къ нравамъ и обычаямъ нашего народа, способствуетъ патріархальной организаціи нашихъ сельскихъ общинъ—этому основанію нашего общественнаго строя, не отнимаетъ рабочихъ рукъ у земледѣлія, не мѣшаетъ семейной жизни крестьянина, не влечетъ за собой крупныхъ неудобствъ и гибельныхъ послѣдствій скопленія и концентраціи рабочаго класса въ большихъ городахъ, не вызываетъ образованія пролетаріата—этой язвы современныхъ

[1]) И. Горловъ. Обозрѣніе экономической статистики Россіи. Спб. 1849 г. Стр. 201.

обществъ; эта промышленность прежде всего и больше всего заслуживаетъ сохраненія и особенной поддержки" (II, стр. 196).

Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1849 годъ (№ 3) помѣщена статья Н. Жеребцова „О двухъ современныхъ экономическихъ вопросахъ", написанная совершенно въ духѣ Гакстгаузена. Авторъ говоритъ, что на западѣ пролетаріатъ—язва государства; на западѣ передовые люди мечтаютъ устроить хозяйство по системѣ „общинности". „Эта идея,—заявляетъ авторъ,—народившаяся въ восторженныхъ головахъ на западѣ Европы, какъ отдаленная цѣль, практически существуетъ на востокѣ". По мнѣнію автора, не только крестьянское землевладѣніе, но и вся крестьянская промышленность характеризуется „общинностью". Повидимому, авторъ (совершенно неправильно) полагаетъ, что кустарное производство имѣетъ артельный характеръ.

Совсѣмъ иначе относились къ фабрикѣ западники этой эпохи. „Русскій соціализмъ"—община и артель—далеко не вызывалъ въ нихъ въ сороковыхъ годахъ того восторженнаго чувства, какое отличало отношеніе славянофиловъ къ этимъ бытовымъ явленіямъ русской жизни. Западники признавали, „что русская община спасаетъ интересы народа въ настоящую минуту и даетъ ему средство бороться съ несчастными обстоятельствами, его окружающими, но за общиннымъ владѣніемъ они не признавали никакого всесвѣтнаго экономическаго принципа, который былъ бы годенъ для всякаго хозяйства. Временное значеніе артели и общины западники подтверждали примѣромъ точно такихъ же установленій, являвшихся у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и думали, что съ развитіемъ свободы и благосостоянія русскій народъ и самъ покинетъ эту форму труда и общежитія. Убѣжденія эти принадлежали и современной имъ экономической наукѣ, которая, вмѣстѣ съ ними, признавала общинный порядокъ... не болѣе какъ мѣропріятіемъ противъ голода со стороны нищенствующаго, младенческаго народнаго быта, и не позволяла имъ питать никакихъ надеждъ на пріобрѣтеніе имъ въ будущемъ какого-либо политическаго и экономическаго значенія. Въ такомъ видѣ представлялся западникамъ „русскій соціализмъ" [1]).

Вполнѣе естественно, что и фабричная промышленность представлялась западникамъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ славянофиламъ. Одинъ изъ выдающихся членовъ кружка „идеалистовъ тридцатыхъ годовъ"—Огаревъ, имѣвшій въ одномъ изъ своихъ имѣній бумаж-

[1]) П. Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки, отд. III, 128.

ную фабрику, былъ до такой степени увлеченъ мыслью о благодѣтельности фабрикъ для сельскаго населенія, что во всѣхъ своихъ имѣніяхъ хотѣлъ учреждать, „по мѣрѣ силъ и примѣняясь къ требованіямъ разныхъ округовъ, фабрики, основанныя на вольномъ трудѣ, которыя дали бы крестьянину возможность находить всегда заработокъ“.

„Какъ я люблю этотъ народъ“,—писалъ Огаревъ одному пріятелю,—„какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они почитали меня за друга, который имъ желаетъ добра и сдѣлаетъ имъ его. Можетъ быть современемъ, устроивши фабрику, я похлопочу о „комитетѣ поощренія фабрикъ и заводовъ“. Вотъ новые прожекты. Не знаю понравятся ли, но я ихъ вижу теперь сквозь призму энтузіазма“ [1]).

Либеральные журналы, „Телескопъ“, Московскій Наблюдатель“ (при Бѣлинскомъ), „Отечественныя Записки“, Панаевскій „Современникъ“, мало высказывались по этому вопросу. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1849 г. (т. 65) помѣщено описаніе С.-Петербургской выставки мануфактурныхъ издѣлій, при чемъ восхваляются успѣхи нашей фабричной промышленности и выражается имъ полное сочувствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналѣ появлялись статьи фритредерскаго направленія (напр. въ 1851 г., т. 74, статья „Измѣненія въ торговомъ положеніи Англіи“).

Въ „Современникѣ“ въ 1847 г. мы находимъ превосходныя статьи В. Милютина по поводу книги А. Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ“. Въ этихъ статьяхъ содержится рѣзкая критика ученія Смита съ точки зрѣнія Сисмонди и западно-европейскихъ соціалистовъ. Но для насъ статьи эти не представляютъ большого интереса. Въ 1851 г. (книга 5) въ „Современникѣ“ была помѣщена обширная статья П. А. „Историческое значеніе капитала“, въ которой доказывалось на примѣрѣ Англіи культурное значеніе капитала, при чемъ авторъ замѣчаетъ, что „передъ голой истиной распадаются въ прахъ всѣ предположенія, будто бы успѣхи просвѣщенія и богатства доставляютъ выгоды только нѣкоторымъ“. Вообще, ни „Современникъ“, ни „Отечественныя Записки“ не относились враждебно къ развитію фабричной промышленности въ Россіи.

[1]) П. Анненковъ. Идеалисты тридцатыхъ годовъ. Вѣстникъ Европы. 1883, апрѣль, стр. 512. Въ одной заграничной брошюрѣ, „Крещеная собственность“ (1853 г.), Герценъ говоритъ о вредѣ фабрикъ для народа; но, повидимому, онъ имѣлъ въ виду только фабрики, основанныя на крѣпостномъ трудѣ. См. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, II, 442.

Перейду теперь къ отношенію правительства Николая I къ фабричному вопросу. Лучшимъ источникомъ для ознакомленія со взглядами на фабрику правящихъ сферъ крѣпостной эпохи являются сочиненія министра финансовъ Николая I—Канкрина.

Наиболѣе характерно въ этомъ отношеніи его главное сочиненіе „Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften“ (Stuttgart 1845 г.), которое было въ извлеченіи переведено въ слѣдующемъ же году въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго. Приведу нѣкоторыя выдержки изъ этого сочиненія.

„Работникъ въ семейной промышленности“,—пишетъ Канкринъ,—„находится, безъ сомнѣнія, въ самомъ счастливомъ положеніи—мастерская фабрикація даетъ обществу всего болѣе опоры. Фабричная же промышленность производитъ наиболѣе, но и порождаетъ величайшую нищету. Когда въ Европѣ существовало почти исключительно мастерское производство... тогда государство имѣло поруку противъ приращенія пролетаріевъ и нищихъ; между трудящимися состояніями господствовало какое-то добронравіе, приличіе, высокое самосознаніе... Но все это измѣнилось съ того времени, когда фабричное производство получило столь многое и распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ. Страшно посмотрѣть, до чего дошло это въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ фабрикъ у различныхъ народовъ, и еще страшнѣе подумать, до какой степени оно еще можетъ дойти... Здѣсь открывается обширное поле для размышленій: какъ помочь злу, какъ его облегчить? Къ сожалѣнію, бѣдствіе не уменьшаетъ числа пролетаріевъ, ограниченіе фабрикаціи его увеличиваетъ; новые пути сбыта почти невозможны; добровольная денежная помощь не приноситъ большой пользы, и такимъ образомъ всѣ средства оказываются слабыми и притомъ временными“ („Библіотека для Чтенія“, 1846 г., т. 76. „Экономія человѣческихъ обществъ“. Гр. Канкрина. Стр. 16).

Министръ финансовъ Николая I говоритъ языкомъ Сисмонди или народниковъ нашего времени. Послушаемъ его дальше:

„Машины произвели дешевизну и увеличили потребленіе, не давъ собственно людямъ ни болѣе богатства, ни болѣе счастія... онѣ дѣлаютъ невѣрнымъ существованіе трудящагося класса и часто повергаютъ его въ бѣдствія“.

„Несмотря на необходимость въ предпринимателяхъ, чтобы дать ходъ дѣламъ общественнымъ, они все же могутъ считаться угнетателями работниковъ, которыхъ принуждаютъ трудиться въ свою пользу; это всегда удобоисполнимо, и такимъ образомъ

слабые и убогіе по большей части дѣлаются жертвами сильныхъ и богатыхъ".

Это звучитъ даже соціалистически. Машины—враги трудящагося класса! Предприниматели—угнетатели работниковъ! Слабые и убогіе — жертвы сильныхъ и богатыхъ! Почему же однако министръ крѣпостной эпохи такъ отрицательно относится къ фабрикамъ? Потому, что „фабричное производство порождаетъ въ низшемъ классѣ безнравственность, униженіе, тупость, бунты, домогательство высшей платы".

Послѣдній аргументъ звучитъ нѣкоторымъ диссонансомъ въ устахъ защитника „слабыхъ и убогихъ". Во всякомъ случаѣ ясно, что Канкрину, какъ и славянофиламъ, фабрика несимпатична по соображеніямъ „моральнаго свойства".

Но эти же соображенія заставляютъ Канкрина относиться иначе къ русскимъ и западно-европейскимъ фабрикамъ. Западно-европейскій пролетаріатъ совершенно справедливо внушаетъ ему только недовѣріе. Совсѣмъ иное русскіе фабричные рабочіе.

„Въ Россіи фабричные и другіе работники приходятъ изъ селеній, что, между прочимъ, имѣетъ то величайшее достоинство, что препятствуетъ чрезмѣрному умноженію городского фабричнаго сословія, которое при застоѣ въ работахъ впадаетъ въ нищету. Крестьянинъ въ такомъ случаѣ возвращается въ деревню и, если даже ничего не выработалъ и не уплатилъ податей, то имѣетъ, по крайней мѣрѣ, кровъ и ежедневную пищу: фабричное сословіе не соединяется, чтобы вынудить увеличеніе платы... Оставленія работы, смятенія не улучшаютъ состоянія работниковъ фабричныхъ и еще менѣе ограждаютъ ихъ отъ несчастнаго состоянія; такіе безпорядки весьма обезпокоиваютъ жизнь общественную, а всего опаснѣе то, что невозможно предвидѣть, какъ далеко можетъ зайти въ своемъ озлобленіи такой народъ при подобныхъ обстоятельствахъ". („Библ. для Чт." 1846 г. томъ 78).

Итакъ, преимущество русскаго фабричнаго передъ западно-европейскимъ въ томъ, что у насъ нѣтъ фабричнаго пролетаріата, склоннаго ко всякаго рода „смятеніямъ". Такъ какъ капитализмъ естественно приводитъ къ образованію такого пролетаріата, то, понятно, консервативный министръ Николая I не могъ сочувствовать развитію у насъ крупной капиталистической промышленности.

Извѣстно, что Канкринъ былъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, по его мнѣнію, только „подстрекаютъ къ частымъ

путешествіямъ безъ всякой нужды и такимъ образомъ увеличиваютъ непостоянство духа нашей эпохи". „Мы смотримъ,—замѣчаетъ онъ далѣе, — на умножающееся число желѣзныхъ дорогъ, какъ на истинный недугъ вѣка: однако же, отъ нихъ происходитъ и польза: именно та, что несмѣтные капиталы погибнутъ, распадутся между низшими классами, а тамъ отчасти образуютъ новые капиталы. Такимъ образомъ человѣчество освободится отъ излишнихъ капиталовъ, а это необходимо, дабы уравновѣсить великую несоразмѣрность богатства". „Нѣтъ сомнѣнія, что капиталы должны быть постепенно уничтожаемы, для положенія преграды слишкомъ великому и неравномѣрному ихъ накопленію... чтобы возстановить нравственность отъ чрезмѣрныхъ богатствъ и дурныхъ отъ этого послѣдствій, чего ужасающій примѣръ представляютъ намъ римляне въ послѣднія времена своего существованія... Чрезмѣрность накопленія капиталовъ сопровождается вредомъ для общества" (стр. 44, т. 76. 1846 г.).

Все это достаточно обрисовываетъ отношеніе графа Канкрина, какъ частнаго лица, къ развивавшейся фабрикѣ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ отражались взгляды Канкрина на практической дѣятельности министерства финансовъ.

Взгляды на фабричный вопросъ другого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля николаевской эпохи, графа Киселева, были вполнѣ сходны со взглядами Канкрина. „Я всегда полагалъ и полагаю,—пишетъ Киселевъ въ одной оффиціальной запискѣ,—что для Россіи важнѣйшая фабричная промышленность есть та, которая, находясь въ связи съ произведеніями мѣстной почвы, процвѣтаетъ отъ земли" [1]).

Итакъ бюрократіей николаевской эпохи фабрика признавалась опаснымъ продуктомъ, съ „высшей" политической точки зрѣнія. Для бюрократіи того времени деревенскій кустарь былъ несравненно симпатичнѣе, чѣмъ „развращенный" фабричный пролетарій. Только связь русскаго фабричнаго съ деревней нѣсколько смягчала отвращеніе бюрократіи къ этому типу, съ которымъ соединялось представленіе о всякихъ ужасахъ въ Западной Европѣ. Господствовавшая въ оффиціальныхъ сферахъ доктрина отнюдь не благопріятствовала крупнымъ фабрикамъ и весьма одобрительно относилась къ мелкому, „народному производству". Въ началѣ

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. С.-Пб. 1882 г. II, 200.

40-хъ годовъ въ оффиціальномъ органѣ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“, была помѣщена любопытная статья, характеризующая взгляды тогдашней администраціи на фабричные порядки. Нѣкій фабрикантъ Жуковъ, „глубоко проникнутый сознаніемъ цѣли правительства обезпечить положеніе многочисленнаго сословія полезныхъ государству фабричныхъ рабочихъ“, представилъ въ департаментъ подробное описаніе порядковъ на своей фабрикѣ, и департаментъ рѣшилъ напечатать въ своемъ журналѣ это описаніе во всеобщее свѣдѣніе, „какъ достойный подражанія примѣръ“.

Въ чемъ же были заслуги Жукова? Въ томъ, что онъ обратилъ особое вниманіе „на нравственность рабочихъ“. Для отвращенія рабочихъ отъ „порчи нравовъ“, на его фабрикѣ было поставлено въ обязанность, „чтобы, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, каждый изъ рабочихъ непремѣнно отправлялся въ домъ свой въ деревнѣ, подъ опасеніемъ высылки съ фабрики. Эта мѣра (поясняетъ Жуковъ) приноситъ нравственности рабочихъ величайшую пользу, потому что посредствомъ ея фабричный 1) не перестаетъ сознавать себя крестьяниномъ; 2) поддерживаетъ съ благочестіемъ обязанности сына, мужа и отца; 3) не прилѣпляется къ столичной роскоши; 4) возобновляетъ въ деревнѣ понятіе о необходимости непрерывнаго труда и умѣренности въ пищѣ, питіи и одеждѣ; 5) вообще приноситъ изъ деревни примѣры покорности, смиренія и ободренія, являя себя довольнымъ и счастливымъ въ настоящемъ своемъ положеніи на фабрикѣ“... При увольненіи рабочихъ по праздникамъ съ фабрики, всѣ они обязаны 1) „быть у обѣдни, 2) послѣ обѣдни, отлучась со двора, имъ не позволено ходить ни по одиночкѣ, ни толпами, для того, чтобы въ первомъ случаѣ всякій изъ нихъ имѣлъ свидѣтеля своему внѣ фабрики поведенію, а въ послѣднемъ случаѣ большинство партіи не могло внушить имъ ни малѣйшей мысли о превосходствѣ передъ кѣмъ бы то ни было въ силѣ физической. Если же, по приказанію моему, и отправляются куда рабочіе въ значительномъ числѣ, то всегда сопровождаетъ ихъ или старшій, или прикащикъ“ [1]).

За поведеніемъ рабочихъ на фабрикѣ учрежденъ самый строгій надзоръ, „дѣлающій извѣстнымъ всякій добрый и худой поступокъ рабочаго“. Особые „старшіе“ изъ отставныхъ унтеръ-

[1]) О внутреннемъ устройствѣ и управленіи табачной фабрики г. Жукова. „Журналъ Мануф. и Торг“. 1840 г. Ч. I.

офицеровъ ежедневно ведутъ журналъ о поведеніи каждаго рабочаго, при чемъ каждый рабочій, открывшій какой-либо предосудительный поступокъ своего товарища, „непремѣнно вознаграждается или единовременной выдачей суммы, соразмѣрной важности открытія, или прибавкой жалованья... Доноситель же остается неизвѣстнымъ рабочимъ“. Всѣ эти мѣры, по словамъ Жукова, привели къ тому, что его рабочіе даже на улицѣ отличались отъ другихъ рабочихъ „своей скромной и довольной физіономіей, а болѣе по той радушной готовности и осторожности, съ которыми уступаютъ они дорогу проходящимъ“.

Такова была неподражаемая, „истинно-русская“, фабричная идиллія 40-хъ годовъ. Читая статью Жукова, не вѣрится, что это написано серьезно; и однако, несмотря на дѣтскую наивность почтеннаго „мануфактуриста“, все это было вполнѣ серьезно и печаталось въ оффиціальномъ органѣ, въ примѣръ прочимъ. Фабричнымъ рабочимъ рекомендовались умѣренность въ пищѣ, питьѣ и одеждѣ, „непрерывный“ трудъ, скромность, смиреніе и довольство своимъ положеніемъ. Таковъ былъ идеалъ, но дѣйствительность—увы!—никогда не соотвѣтствуетъ идеалу, и мы сомнѣваемся, чтобы самъ Жуковъ достигъ тѣхъ блестящихъ результатовъ въ нравственномъ воспитаніи рабочихъ, о которыхъ онъ сообщалъ департаменту.

Соображенія Жукова не такъ уже устарѣли, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и необходимость связи фабрики съ деревней находитъ и понынѣ, какъ извѣстно, много горячихъ сторонниковъ. Тѣмъ поучительнѣе познакомиться съ генезисомъ этихъ взглядовъ въ николаевскую эпоху, когда они высказывались съ полнымъ простодушіемъ и откровенностью.

Теперь является очень любопытный вопросъ—какъ же отразилась въ николаевскую эпоху антипатія правящихъ сферъ къ фабрикѣ и капитализму и симпатія къ „народной промышленности“ на практической политикѣ правительства? Мы видѣли, что николаевское правительство не препятствовало развитію кустарнаго производства—и только. Никакого содѣйствія развитію послѣдняго оно не оказывало, если не считать разныхъ мѣръ министерства государственныхъ имуществъ, не имѣвшихъ никакого практическаго значенія. Зато оно сдѣлало очень много для поддержанія фабрикъ. Интересы фабрикантовъ *на практикѣ* находили себѣ какъ въ Канкринѣ, такъ и въ прочихъ правительственныхъ лицахъ этой эпохи самыхъ горячихъ защитниковъ. Доста-

точно вспомнить исторію фабричнаго законодательства того времени, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Самая ничтожная мѣра, принимаемая въ интересахъ рабочихъ, всегда обставлялась такимъ образомъ, что лишалась практическаго значенія—изъ опасенія какъ-нибудь затронуть интересы фабрикантовъ.

Запретительный тарифъ, прямая денежная помощь фабрикантамъ и заводчикамъ, устройство дорого стоящихъ образцовыхъ заведеній (вродѣ Александровской мануфактуры)—все это шло непосредственно на пользу фабрикантовъ.

Чѣмъ же объясняется такое несоотвѣтствіе слова и дѣла? А тѣмъ, что реальная политика диктуется не моральными соображеніями и симпатіями тѣхъ или иныхъ правящихъ лицъ, а реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Канкринъ не симпатизировалъ фабрикамъ и фабрикантамъ, и, тѣмъ не менѣе, управляемое имъ министерство вѣрно отражало интересы фабрикантовъ; такъ оно и должно было быть. Въ Николаевскую эпоху крѣпостная Россія начинаетъ перестраиваться на капиталистическій ладъ, соотвѣтственно этому усиливается вліяніе капиталистическаго класса—и это не могло отражаться на промышленной политикѣ правительства Николая I.

Еще большее значеніе въ томъ же смыслѣ имѣло то обстоятельство, что интересы государственнаго казначейства настоятельно требовали поднятія производительности народнаго труда, развитія производительныхъ силъ страны, иначе говоря, развитія промышленности. Политика покровительства крупному капиталистическому производству, которой традиціонно держалось наше правительство, диктовалась прежде всего интересами государственнаго казначейства. Классовые интересы крупныхъ промышленниковъ играли роль второстепенную. Правительство, стремившееся къ увеличенію политическаго и экономическаго могущества Россіи, не могло не стремиться къ развитію главнаго источника экономической мощи—промышленности. И потому фабрика, несмотря на антипатію къ ней правящихъ сферъ Николаевской Россіи, была предметомъ ихъ самыхъ заботливыхъ попеченій.

ЧАСТЬ II.

ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

ГЛАВА I.

Развитіе фабричной промышленности въ новѣйшее время.

Вліяніе реформы 19 февраля на различныя отрасли фабричной промышленности.—Вызванный этой реформой рабочій кризисъ.—Періодическія колебанія нашей промышленности.—Упадокъ ярмарочной торговли.—Промышленные кризисы.—Мнѣніе г-на—она о связи кризисовъ съ неурожаями.—Ростъ чугуноплавильнаго производства.—Отчего зависитъ промышленный подъемъ новѣйшаго времени.—Современный промышленный кризисъ.—Его причины.—Движеніе курсовъ биржевыхъ бумагъ.—Дисконтный процентъ.—Откуда явилась нужда въ деньгахъ.—Застой въ разныхъ отрасляхъ промышленности зимой 1899—1900 года.—Состояніе желѣзодѣлательной промышленности.—Вопросъ о рынкѣ для русской промышленности.—Рынокъ въ странѣ съ развивающимся денежнымъ хозяйствомъ.—Ростъ числа фабричныхъ рабочихъ въ Россіи.—Концентраціи производства.—Что тормозитъ въ Россіи успѣхи капиталистическаго производства.

Несмотря на то, что ликвидація вотчинной фабрики началась задолго до великаго дня 19 февраля, уничтоженіе крѣпостного права не могло не вызвать временнаго кризиса въ нашей фабричной промышленности. Болѣе всего пострадали тѣ производства, въ которыхъ преобладалъ крѣпостной трудъ. Я уже говорилъ, что поразительно медленное развитіе чугуноплавильнаго и вообще горнаго дѣла на Уралѣ непосредственно вызывалось крѣпостной организаціей какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ заводовъ въ этой области, организаціей, доходившей до крайнихъ предѣловъ въ смыслѣ стѣсненія свободы дѣятельности рабочаго. Рабочій, получавшій даровой провіантъ и все содержаніе отъ завод-

ской администраціи, которая удерживала въ повиновеніи многочисленное рабочее населеніе заводовъ и понуждала его къ труду мѣрами крайней строгости, совершенно отвыкъ отъ свободной дѣятельности и первое время послѣ освобожденія совсѣмъ потерялъ голову. Получивши возможность бросить тяжелую заводскую работу, съ которой соединялось столько ненавистныхъ воспоминаній въ прошломъ, рабочіе цѣлыми массами бросали заводы и переселялись въ другія губерніи. Такъ, напр., изъ Богословскаго округа (Пермской губерніи) изъ всего числа населенія около 10,000 д. обоего пола ушло около 3-хъ тысячъ взрослыхъ мужчинъ, т-е. около $^3/_4$ всего мужского рабочаго населенія. Бывшихъ заводскихъ рабочихъ такъ тянуло бросить постылые заводы, что усадьбы, дома и огороды продавались совершенно за безцѣнокъ, а иногда и отдавались задаромъ [1]). Съ Березовскаго завода за одно лѣто ушло до 800 лучшихъ рабочихъ [1]), съ Міасскихъ золотыхъ пріисковъ—около 2000 семействъ [1]) и т. д. и т. д. Заводы внезапно лишились очень значительной части рабочихъ рукъ, а замѣнить ушедшихъ рабочихъ новыми было невозможно, такъ какъ населенныхъ мѣстъ вблизи не было и страна представляла собой почти необитаемую тайгу. Заработная плата сразу поднялась въ нѣсколько разъ и все-таки не могла притянуть рабочихъ на заводы.

Результатомъ такого положенія дѣлъ явилось значительное сокращеніе производства. Многіе заводы долгое время не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ реформой, а нѣкоторые совсѣмъ прекратили дѣйствія. Такъ, Кувшинскій заводъ выплавлялъ чугуна [2]):

1858 г.	. . . . .	476 т. пудовъ
1862 „	. . . . .	313 „ „
1868 „	. . . . .	353 „ „

Верхнетуринскій заводъ въ 1858 г. выплавилъ 457 т. п., а въ 1868 г.—256 т. п., Баранчинскій въ 1858 г.—407 т. п., а въ 1868—316 т. п., Нижнетуринскій въ 1860 г.—150 т. п., а въ 1868 г. только 64 т. п., Верхнебаранчинскій съ 1865 г. совсѣмъ прекра-

---

[1]) В. Безобразовъ. Уральское горное хозяйство. Труды комиссіи для пересмотра податей и сборовъ. Т. XIII, ч. V, стр. 104, 150, 238.

[2]) В. Безобразовъ. Уральское горное хозяйство. Стр. 72.

тилъ производство. Выплавка чугуна въ Уральской области сократилась на многіе годы, и вмѣстѣ съ тѣмъ сократилась выплавка чугуна во всей Россіи.

Производство чугуна.

(Въ тысячахъ пудовъ) [1]).

	Уралъ.	Вся Россія (включая Финляндію).
1860 г.	14.513	20.468
1861 „	14.226	19.451
1862 „	10.467	15.268
1863 „	11.921	17.027
1865 „	12.329	18.281
1867 „	12.399	17.553

Изъ этихъ цифръ видно, что реформа 19 февраля нанесла тяжелый ударъ нашей желѣзодѣлательной промышленности; уральское горное хозяйство, благодаря усиленной правительственной опекѣ и чрезвычайному примѣненію принудительнаго труда, оказалось почти неспособнымъ перейти къ новымъ началамъ производства съ вольнонаемными рабочими. Я говорилъ выше, какимъ тормазомъ для развитія нашей горной промышленности являлось крѣпостное право. Устраненіе этого тормаза на первыхъ порахъ привело къ противоположному результату. Раньше выплавка чугуна у насъ почти не возрастала, а послѣ 61 года стала прямо падать. Тѣмъ не менѣе, послѣдующая исторія нашего горнаго дѣла вполнѣ доказала, какимъ важнымъ стимуломъ производства явились новыя экономическія условія, созданныя великой крестьянской реформой и всѣмъ, что за ней послѣдовало — постройкой желѣзнодорожной сѣти, удешевленіемъ и облегченіемъ кредита, распространеніемъ акціонерныхъ компаній, вообще перестройкой нашего хозяйства на западно-европейскій, иначе говоря, капиталистическій образецъ.

Фабричная промышленность гораздо менѣе пострадала отъ реформы, благодаря тому, что крѣпостной трудъ на фабрикѣ уже естественно отмиралъ къ эпохѣ юридической его отмѣны. Только на фабрикахъ солдатскаго сукна, принадлежавшихъ, какъ и раньше, преимущественно дворянамъ, крѣпостной трудъ находилъ весьма значительное примѣненіе. Упадокъ старинныхъ поссессіонныхъ и

[1]) Матеріалы для исторіи и статистики желѣзной промышленности въ Россіи. Общій Обзоръ. Спб. 1896 г., стр. 25.

вотчинныхъ суконныхъ фабрикъ начался задолго до крестьянской реформы. Измѣнившаяся техника производства требовала свободнаго рабочаго, и фабрики, продолжавшія держаться обязательнаго труда, не выдерживали конкуренціи новыхъ, капиталистическихъ фабрикъ. Такъ въ Калужской губерніи уже съ конца 30-хъ годовъ число суконныхъ фабрикъ стало сокращаться. Въ 1839 г. въ этой губерніи было 15 суконныхъ фабрикъ, изъ которыхъ 11 принадлежали дворянамъ. Въ 1848 г. въ губерніи остается только 4 фабрики, при чемъ размѣры производства на купеческой фабрикѣ Александрова во много разъ превосходили производство всѣхъ трехъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ 1861 г. въ Калужской губерніи уже совершенно не остается дворянскихъ фабрикъ— дворянскія фабрики прекращаютъ дѣйствіе, а вмѣсто нихъ возникаетъ нѣсколько купеческихъ фабрикъ [1]).

Въ Симбирской губерніи до 60-хъ годовъ значительно преобладали вотчинныя дворянскія фабрики, основанныя на крѣпостномъ трудѣ. Въ 1860 г. изъ 30 суконныхъ фабрикъ этой губерніи только двѣ принадлежали купцамъ. Крестьянская реформа нанесла тяжелый ударъ вотчиннымъ фабрикамъ этой губерніи. Къ концу 60-хъ годовъ въ рукахъ дворянъ осталось только 8 фабрикъ, на 10 дворянскихъ фабрикахъ производство совсѣмъ пріостановилось, другія были отданы въ аренду купцамъ, зато число купеческихъ фабрикъ возросло до 10-ти [2]).

Воронежская губернія въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка была однимъ изъ важныхъ центровъ фабричнаго производства сукна въ Россіи. Въ это время Воронежъ былъ фабричнымъ городомъ. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя Веселовскаго, „въ ту пору Воронежъ, по справедливости, можно было считать городомъ фабричнымъ. Вся его предгорная часть была усѣяна фабричными постройками“ [3]). Къ 1856 г. въ Воронежѣ осталось только три фабрики, а къ серединѣ 60-хъ годовъ — ни одной. Воронежское суконное производство, основанное всецѣло на принудительномъ трудѣ, пало главнымъ образомъ вслѣдствіе конкуренціи московскихъ купеческихъ фабрикъ, работавшихъ вольно-

[1]) Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г. Обозрѣніе фабрично-заводской промышленности Калужской губ.

[2]) Симбирскій сборникъ, т. II, 1870 г. Суконныя фабрики и шерстомойни Симбирской губерніи.

[3]) Памятная книжка Воронежской губ. на 1865—66 г., стр. 50.

наемными рабочими. Освобожденіе крестьянъ нанесло только послѣдній ударъ падающей промышленности.

Такую же картину постепеннаго паденія представляетъ и фабричное суконное производство города Казани. Какъ извѣстно читателю, въ городѣ Казани существовала еще со временъ Петра огромная поссессіонная фабрика, первоначально принадлежавшая Микляеву, а затѣмъ перешедшая къ Осокину. Эта фабрика начинаетъ быстро падать съ 40-хъ годовъ: въ 30-хъ годахъ на ней работало около 1000 человѣкъ, въ половинѣ 50-хъ—450 человѣкъ, а въ 60-хъ—260 человѣкъ. Цѣнность производства сократилась въ такой же пропорціи [1]).

Точно такъ же совершенно упали помѣщичьи суконныя фабрики въ Орловской и Смоленской губерніяхъ, и значительно сократились въ числѣ въ Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Самарской, Полтавской, Харьковской и Подольской губерніяхъ [2]). На ряду съ этимъ появились новыя суконныя фабрики, принадлежавшія купцамъ. Главнымъ центромъ суконнаго производства стала Москва и Московская губернія. Въ Московской губерніи было издавна много вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабрикъ, но на ряду съ этимъ въ этой мѣстности еще въ крѣпостную эпоху возникло много крупныхъ капиталистическихъ фабрикъ, которыя еще задолго до реформы начали вытѣснять старинныя фабрики съ принудительнымъ трудомъ. Реформа только ускорила гибель старинныхъ фабрикъ, не сумѣвшихъ приспособиться къ новымъ условіямъ производства. Вообще суконное производство несомнѣнно испытало сильное потрясеніе отъ крестьянской реформы, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ цифръ [3]).

ГОДА.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Ежегодное производство на сумму (въ тысяч. рубл.).
1860	432	94.721	26.204
1863	365	71.797	26.083

На другія отрасли промышленности освобожденіе крестьянъ повліяло слабѣе, такъ какъ въ нихъ въ меньшей степени при-

[1]) Памятная книжка Казанской губерніи на 1863 г.

[2]) Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, СПБ. 1886 г. Шерстяныя издѣлія, 152.

[3]) Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Шерстяныя издѣлія, стр. 139.

мѣнялся крѣпостной трудъ. Тяжелый кризисъ хлопчатобумажнаго производства первой половины 60-хъ годовъ былъ вызванъ не крестьянской реформой, а совершенно иной причиной—огромнымъ сокращеніемъ подвоза хлопка, благодаря американской междоусобной войнѣ. И у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, хлопокъ и бумажная пряжа неимовѣрно возросли въ цѣнѣ, а цѣна тканей поднялась гораздо меньше [1]).

Затрудненія, пережитыя хлопчатобумажной промышленностью, повели къ временному оживленію льняной. Въ теченіе первой половины 60-хъ годовъ возникаетъ цѣлый рядъ крупныхъ механическихъ льнопрядиленъ (къ 1866 г. такихъ льнопрядиленъ считалось 20); вмѣстѣ съ тѣмъ расширилось производство полотняныхъ фабрикъ. По словамъ Л. Весина, „наступленіе американской междоусобной войны и польскаго возстанія вывело наши льнопрядильни изъ критическаго положенія, въ которомъ онѣ находились“ [2]).

На шелковую промышленность крестьянская реформа оказала очень незначительное дѣйствіе, такъ какъ въ этой области работа и до реформы производилась почти исключительно вольнонаемными.

	Привозъ въ Россійскую Имперію по Европейской границѣ шелка сырца, пряденаго и крученаго (въ пудахъ) [3]).
1859	7.319
1860	6.501
1863	7.129

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію развитія нашей промышленности въ пореформенное время. Общее представленіе о ходѣ этого развитія можно получить изъ нижеслѣдующей таблицы и діаграммы.

---

[1]) О хлопчатобумажномъ кризисѣ 60-хъ годовъ интересныя данныя у Я. Гарелина, Г. Иваново-Вознесенскъ, II, стр. 25—27.

[2]) Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, т. II, стр. 24.

[3]) Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, II. Шелковыя ткани, стр. 195.

Годы	Количество иностран. и среднеазіатск. хлопка, поступившаго на внутреннее потребленіе Рос. Имперіи (кромѣ Финляндіи) въ тыс. пуд. [1]).	Количество иностран. бумажной пряжи, поступившей на внутреннее потребленіе Рос. Имп. (кромѣ Финляндіи) въ тыс. пуд. [1]).	Количество чугуна, выплавляемаго въ Рос. Имперіи (включая Финляндію) въ тысячахъ пудовъ [2]).	Число (въ тысячахъ) рабочихъ на фабрик. и заводахъ, необложен ныхъ акцизомъ, въ 50 губ. Европ. Россіи [3]).	Общій сборъ хлѣбовъ въ 50 губ. Европ. Рос. до 1894 г. въ милліонахъ четвертей, послѣ 1894 г. въ десяткахъ мил. пуд. [4])	Цѣнность привоза товаровъ на Нижегородскую ярмарку въ милліонахъ рублей [5]).
1860	2.840	145	20.468	—	—	105
1861	2.643	142	19.451	—	—	98
1862	850	97	15.268	—	—	103
1863	1.083	68	17.027	358	—	103
1864	1.637	105	18.301	355	—	111
1865	1.591	117	18.281	381	—	113
1866	2.952	130	18.568	397	—	127
1867	3.298	184	17.553	407	—	128
1868	2.556	160	19.807	414	—	126
1869	3.208	171	20.104	428	—	144
1870	2.801	254	21.949	442	280	143
1871	4.165	293	21.933	463	217	158
1872	3.606	319	24.375	492	240	178
1873	3.530	323	23.484	498	240	158
1874	4.666	343	23.213	487	270	180
1875	5.216	372	26.061	501	206	170
1876	4.708	340	26.957	491	237	169
1877	4.435	161	24.403	500	269	146
1878	7.183	508	25.476	559	280	142
1879	6.449	881	26.413	608	242	181
1880	5.743	577	27.364	648	229	200
1881	9.076	387	28.662	668	—	246
1882	7.755	361	28.237	682	—	224
1883	8.949	235	29.407	669	276	201
1884	7.373	172	31.106	665	293	206
1885	7.574	180	32.206	616	247	186
1886	8.388	177	32.484	635	289	184
1887	11.257	229	37.389	657	330	193
1888	8.362	281	40.716	707	334	190
1889	10.429	281	45.180	716	261	187
1890	11.483	238	56.560	720	293	181
1891	10.406	164	61.340	738	229	168
1892	13.797	127	65.432	742	266	144
1893	11.327	138	70.141	860	378	167
1894	15.399	148	81.347	—	380	187
1895	11.475	135	88.665	—	268	176
1896	12.861	117	98.951	—	273	177
1897	15.110	127	114.782	1124	227	165
1898	16.803	165	135.636	—	263	156
1899	—	—	165.156	—	302	173

[1]) Количество иностраннаго хлопка и пряжи опредѣлялось по ежегоднымъ изданіямъ департамента таможенныхъ сборовъ—„Государственная внѣшняя торговля Россіи въ разныхъ ея видахъ“ (за прежніе годы).

Теперь я попрошу отъ читателя немного вниманія и терпѣнія.

и „Обзоръ внѣшней торговли Россіи“ (за послѣдніе годы). До 1890 г. среднеазіатскій хлопокъ, ввозимый черезъ порты Каспійскаго моря, включался въ статистическихъ изданіяхъ д-та таможенныхъ сборовъ въ общую сумму азіатскаго хлопка; съ этого года среднеазіатскій хлопокъ не включается въ эту сумму и регистрируется особо. Чтобы опредѣлить общій привозъ въ Россію среднеазіатскаго хлопка до 1890 г. (не только черезъ Каспійское море, но и сухимъ путемъ), я прибавлялъ къ общей суммѣ азіатскаго хлопка, по даннымъ д-та там. сб., отправку хлопка по Оренбургской ж. д. со станціи Оренбургъ (цифры отправки я выбралъ изъ ежегодныхъ отчетовъ Оренбургской ж. д. за время 1877—1889 г.) Для опредѣленія же привоза среднеазіатскаго хлопка въ Россію съ 1890 г. я пользовался цифрами, приводимыми въ „Обзорахъ внѣшней торговли“, и суммировалъ эти цифры съ цифрами очищеннаго пошлиной иностраннаго хлопка за соотвѣтствующіе годы. Замѣчу, кстати, что при сличеніи съ подлинными „Обзорами“ своднаго изданія д-та таможен. сборовъ—„Статистическія свѣдѣнія о внѣшней торговли Россіи“ (С.-Пб. 1896 г.) обнаружилось, что въ этомъ послѣднемъ изданіи всѣ цифры подвоза хлопка и пряжи за 1861—69 показаны невѣрно, и кромѣ того, встрѣчаются грубыя опечатки для послѣдующихъ годовъ.

[2]) До 1875 г.—по „Матеріаламъ для исторіи и статистики желѣзной промышленности Россіи. Общій обзоръ желѣзной промышленности“. С.-Пб. 1896 г. Отъ 1875 г.—по „Сборникамъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи“ за соотвѣтствующіе годы. Цифра 1898 г. взята изъ „Вѣстника Финансовъ“ 1899 г. № 21, стр. 524. Цифра 1899 взята изъ „Желѣзнаго дѣла Россіи въ 1899“. А. Матвѣева.

[3]) Цифры за 1863—1865 г. взяты изъ „Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ“ за соотвѣтствующіе годы, при чемъ изъ общихъ итоговъ сборника вычтены цифры рабочихъ Сибири, Кавказа, Финляндіи и Царства Польскаго. Отъ 1866 по 1877 г. включительно цифры имѣютъ лишь приблизительный характеръ и получены слѣдующимъ образомъ. Въ „Ежегодникахъ министерства финансовъ“ печатались (въ выпускахъ I, VIII и XII) цифры рабочихъ за соотвѣтствующіе годы, но не по всѣмъ родамъ производства, а лишь по главнѣйшимъ. Чтобы получить приблизительныя цифры рабочимъ *по всѣмъ производствамъ*, я прибавлялъ къ общимъ цифрамъ фабричныхъ рабочихъ въ „Ежегодникахъ“ число рабочихъ въ недостающихъ производствахъ, вычисляемое слѣдующимъ образомъ: я бралъ цифры рабочихъ по этимъ производствамъ въ 1865 и 1878 годахъ и путемъ сложныхъ процентовъ опредѣлялъ, сколько рабочихъ было въ данномъ производствѣ въ данномъ году, предполагая, что число рабочихъ возрастало равномѣрно. Предположеніе это, разумѣется, условно, но возможная отсюда погрѣшность не особенно важна, такъ какъ число рабочихъ, вычисляемыхъ такимъ образомъ лишь приблизительно, не превышало 20% всего числа рабочихъ, въ большинствѣ же случаевъ было менѣе. Нужно имѣть также въ виду, что нерегистрированныя производства относились главнымъ образомъ къ мелкимъ промысламъ, связаннымъ съ земледѣліемъ, которые

Эта таблица и прилагаемая діаграмма могутъ дать довольно отчет-

---

мало подпадаютъ вліянію періодическихъ колебаній промышленности. Поэтому предположеніе о равномѣрномъ возрастаніи числа рабочихъ въ этихъ производствахъ изъ года въ годъ вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что число рабочихъ въ нерегистрированныхъ производствахъ измѣнялось такъ же, какъ и въ регистрированныхъ; во всякомъ случаѣ, изъ научной осторожности, не желая искусственно усиливать періодическія колебанія числа рабочихъ, я долженъ былъ остановиться на первомъ допущеніи, какъ менѣе благопріятномъ для тѣхъ выводовъ, къ которымъ я прихожу. Я указываю на все это въ виду того, что мой пріемъ вызвалъ возраженія г. Каблукова, не понявшаго, что пріемъ этотъ продиктованъ научной осторожностью, заставляющей ученаго избѣгать всякихъ произвольныхъ допущеній, благопріятныхъ для защищаемыхъ имъ тезисовъ. Цифры за 1878—1884 г. взяты изъ оффиціальныхъ „Свѣдѣній о фабричной и заводской промышленности Россійской имперіи", за соотвѣтствующіе годы, полученныхъ мною изъ статистическаго отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ. Эти цифры имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ нихъ включены отчасти и рабочіе по мелкимъ производствамъ (благодаря этому, число рабочихъ за каждый годъ немного увеличено, на десять—двадцать тысячъ). Наконецъ цифры отъ 1885 года и дальше взяты изъ ежегодно выходящихъ „Сводовъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности Россіи", изданіе департамента торговли и мануфактуръ. Цифры за 1892 и 1893 года пришлось опять вычислять, такъ какъ въ „Сводахъ" за эти годы въ общій итогъ включены и рабочіе на горныхъ заводахъ и заведеніяхъ, обложенныхъ акцизомъ. Чтобы получить цифру рабочихъ въ предпріятіяхъ, не обложенныхъ акцизомъ и не принадлежащихъ къ числу горныхъ заводовъ, я вычиталъ изъ общей суммы рабочихъ число рабочихъ на горныхъ заводахъ и предпріятіяхъ, обложенныхъ акцизомъ. Подобныя же операціи мнѣ пришлось производить и для полученія цифры рабочихъ за 1897 г. Числа-же рабочихъ за 1894—96 г.г. отсутствуютъ въ моей таблицѣ потому, что за эти годы соотвѣтствующія данныя совсѣмъ не публиковались департаментомъ торговли и мануфактуръ. Я долженъ былъ ограничиться въ этой таблицѣ цифрами рабочихъ только указанной въ текстѣ категоріи (на фабрикахъ и заводахъ, не обложенныхъ акцизомъ и не принадлежащихъ къ числу горныхъ заводовъ) по отсутствію данныхъ о рабочихъ другихъ категорій за прошлые годы. Отсюда видно, сколько труда пришлось потратить на составленіе приводимаго въ текстѣ ряда цифръ, и все-таки цифры получились не вполнѣ надежныя. Значеніе ихъ для опредѣленія дѣйствительной численности рабочихъ за каждый отдѣльный годъ не велико далеко не всѣ рабочіе регистрировались. Но, какъ увидимъ ниже, для характеристики *относительныхъ измѣненій* числа рабочихъ за разные годы онѣ вполнѣ пригодны.

Быть можетъ не лишнее сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нашей фабричной статистикѣ вообще. Во-первыхъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „фабрикой" и „заводомъ", къ которымъ относятся приводимыя въ таблицѣ цифры? Съ 1885 г. основаніемъ для различенія фабрики и завода отъ мел-

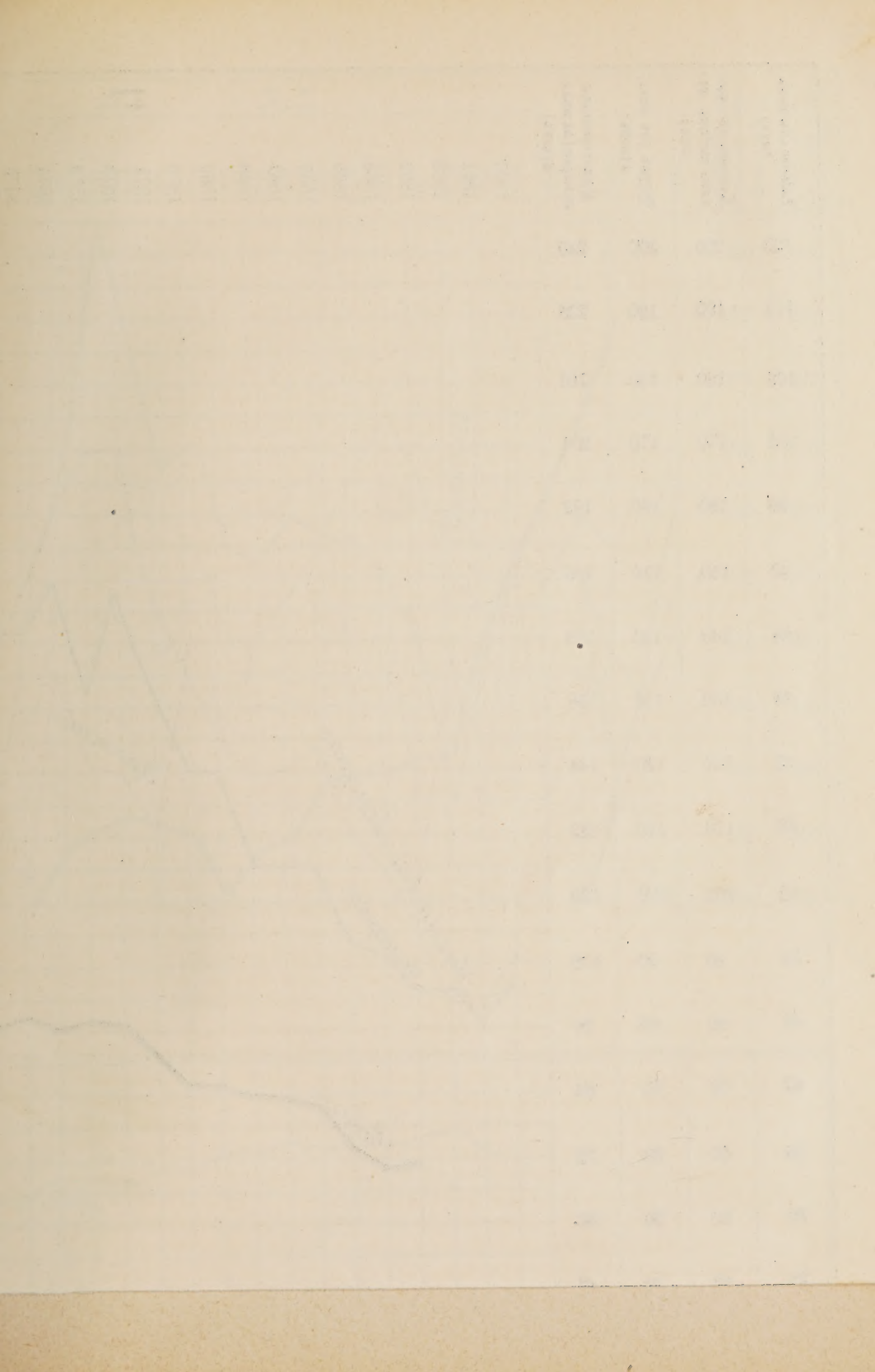
ливое представленіе о ходѣ нашего промышленнаго развитія послѣ крестьянской реформы.

Верхняя черная линія на прилагаемой діаграммѣ выражаетъ собой измѣненіе числа рабочихъ на фабрикахъ (необложенныхъ акцизомъ) въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Извѣстно, что оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ фабричныхъ рабочихъ крайне неточны и неполны; дѣйствительное число рабочихъ, безъ сомнѣнія, значительно превышаетъ показываемое въ отчетахъ. Тѣмъ не менѣе, общая цифра рабочихъ за разные годы все же является очень вѣрнымъ показателемъ роста нашей крупной промышленности, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія соотвѣтствующей кривой на нашей діаграммѣ.

каго кустарнаго и ремесленнаго заведенія въ нашей оффиціальной статистикѣ служитъ цѣнность производства: заведенія, производящія на сумму 1000 р. и болѣе признаются крупными и включаются въ итогъ фабрикъ и заводовъ, производящія на меньшую сумму не включаются въ этотъ итогъ и относятся къ мелкимъ заведеніямъ. До 1885 не проводилось такого различія между фабриками и мелкими промышленными заведеніями. Мелкія заведенія, какъ общее правило, не включались въ итогъ фабрикъ, но нельзя точно опредѣлить, какимъ признакомъ руководствовались оффиціальные статистики при различеніи крупныхъ и мелкихъ заведеній. Можно думать, что мелкія заведенія за прежніе годы менѣе выдѣлялись изъ общаго итога, чѣмъ теперь. За 1878—1884 гг., какъ сказано, мелкія заведенія отчасти вошли въ этотъ итогъ; благодаря этому число рабочихъ за эти годы въ общемъ итогѣ увеличено, но незначительно—не болѣе, какъ на 20 тысячъ. Необходимо имѣть въ виду также слѣдующее: цифры рабочихъ до 1861 г. помѣщенныя въ этой книгѣ на стр. 76—77 несравнимы съ приведенными въ таблицѣ, такъ какъ первыя относятся ко всей Россійской имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи, и кромѣ того онѣ включаютъ въ себя рабочихъ на свеклосахарныхъ заводахъ и табачныхъ фабрикахъ; цифры же въ таблицѣ относятся только къ 50 губерніямъ Европейской Россіи и рабочіе на свеклосахарныхъ заводахъ и табачныхъ фабрикахъ въ нихъ не включены.

[4]) За 1870—1879 г. —по „Историко-Статистическому обзору Промышленности Россіи“, т. I, стр. 46 (цифры сбора хлѣбовъ въ Царствѣ Польскомъ вычтены); послѣ 1883 г.—по ежегодному изданію Центральнаго Статистическаго Комитета „Урожай такого-то года въ Европейской Россіи“. За 1881 и 1882 г. данныхъ объ общемъ сборѣ хлѣбовъ въ печатной литературѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не могъ ихъ найти. Послѣ 1894 г. общій сборъ хлѣбовъ выражается въ изданіяхъ Центр. Ст. Ком. въ пудахъ, а не въ четвертяхъ, какъ раньше; поэтому приведенныя въ таблицѣ данныя до 1894 г. и послѣ этого года не сравнимы между собой.

[5]) По оффиціальнымъ „Отчетамъ о ходѣ торговли на Нижегородской ярмаркѣ“ за соотвѣтствующіе годы.



Рабочіе (въ тысячахъ)	Хлопокъ (въ сотняхъ тысячъ пудовъ)	Чугунъ (въ милл. пудовъ)	Нижегородская ярмарка (въ милл. пудовъ)
120	200	200	240
114	190	190	228
108	180	180	216
102	170	170	204
96	160	160	192
90	150	150	180
84	140	140	168
78	130	130	156
72	120	120	144
66	110	110	132
60	100	100	120
54	90	90	108
48	80	80	96
42	70	70	84
36	60	60	72
30	50	50	60
24	40	40	48
18	30	30	36
12	20	20	24
6	10	10	12

ДЫ.

Годы	Английскій экс. портъ (въ милл. фунт. стерл.)	Общій сборъ хлѣбовъ (до 1894 г.—въ милл. четв., послѣ 1894—въ десятк. милл. пуд.)
1878	300	400
1879	285	380
1880	270	360
1881	255	340
1882	240	320
1883	225	300
1884	210	280
1885	195	260
1886	180	240
1887	165	220
1888	150	200
1889	135	180
1890	120	160
1891	105	140
1892	90	120
1893	75	100
1894	60	80
1895	45	60
1896	30	40
1897	15	20
1898		
1899		

Урожай

Доходъ

Литог. Э. Арнольда. С.П.Б.

Эта кривая обнаруживаетъ три ясно обозначенныхъ колебанія. Одна волна достигаетъ своей вершины въ 1873 г.; затѣмъ слѣдуетъ небольшое паденіе, и число рабочихъ не растетъ до 1877 г.: съ этого года начинается новое поднятіе; въ 1882 г. волна достигаетъ апогея. Въ теченіе слѣдующихъ 3 лѣтъ число рабочихъ падаетъ. Слѣдующее поднятіе начинается съ 1886 г., при чемъ голодъ 1891 г. вызываетъ только легкую пріостановку поступательнаго движенія: число рабочихъ быстро растетъ и наиболѣе значительный ростъ замѣчается въ послѣдніе годы — за 1893 г. и особенно послѣ 1893 г.

Верхняя синяя кривая означаетъ собой движеніе ярмарочной торговли въ Нижнемъ. До половины 80-хъ годовъ эта кривая колеблется такъ же, какъ и кривая рабочихъ; начало 70-хъ и еще болѣе 80-хъ годовъ выражается въ ней рѣзкимъ поднятіемъ, а половина 70-хъ и 80-хъ годовъ—паденіемъ. Двѣ волны выражены гораздо сильнѣе, чѣмъ въ кривой рабочихъ. Совпаденіе колебаній обѣихъ кривыхъ, полученныхъ совершенно изъ разныхъ источниковъ, является доказательствомъ того, что колебанія эти выражаютъ извѣстную реальность. Какъ ни неточны цифры рабочихъ на фабрикахъ и цифры подвоза товаровъ на нижегородскую ярмарку за каждый отдѣльный годъ, но, взятыя за длинный рядъ лѣтъ, онѣ отражаютъ на себѣ дѣйствительныя измѣненія промышленности.

Начиная съ половины 80-хъ годовъ, кривая ярмарочной торговли быстро опускается книзу, въ то время какъ кривая рабочихъ такъ же быстро растетъ. Что же это значитъ? А то, что значеніе нижегородской ярмарки въ нашемъ торговомъ оборотѣ падаетъ. Архаическая форма торговли—ярмарка—сходитъ со сцены. Капиталистическая Россія усваиваетъ и болѣе культурныя, болѣе современныя формы торговли. Нижегородская ярмарка перестаетъ быть „всероссійскимъ торжищемъ“, игравшимъ такую первенствующую роль въ торговомъ механизмѣ прежней Россіи. Обороты ярмарочной торговли достигаютъ своего апогея въ 1881 г. и уже безъ сомнѣнія никогда не достигнутъ цифры этого года. Паденіе ярмарочной торговли за послѣднее десятилѣтіе является однимъ изъ выдающихся симптомовъ быстраго экономическаго роста Россіи. Ярмарка отмираетъ вмѣстѣ съ отмираніемъ нашихъ старинныхъ бытовыхъ экономическихъ формъ—„самостоятельнаго“ кустарнаго производства, общины и проч. Всѣ эти формы гибнутъ отъ

одной основной причины—преобразованія условій транспорта и обмѣна, и вытекающаго отсюда развитія промышленнаго капитализма.

Не одна нижегородская ярмарка сходитъ со сцены. Поэзія украинскихъ ярмарокъ, такъ ярко описанныхъ Гоголемъ, также отходитъ въ область прошедшаго, вмѣстѣ со стариннымъ укладомъ нашей экономической жизни. Ярмарочная торговля издавна процвѣтала въ Украйнѣ. Полтава, Нѣжинъ, Ромны были центрами ярмарочной торговли; мануфактурные товары московскаго промышленнаго района, для котораго Малороссія была однимъ изъ самыхъ важныхъ рынковъ, закупались на этихъ ярмаркахъ мѣстными торговцами и развозились по всей странѣ. Но уже съ 70-хъ годовъ старинныя украинскія ярмарки, вмѣстѣ со старинными центрами украинской торговли, начинаютъ падать. Параллельно съ этимъ быстро растетъ новый торговый центръ Украйны—Харьковъ. Цѣлый рядъ ярмарокъ переводится въ Харьковъ; ярмарки слѣдуютъ въ немъ одна за другой почти въ теченіе всего года.

Сумма проданныхъ товаровъ [1]) (въ милл. руб.):

		1868—72 г.	1895 г.
Ромны:	Маслянская ярмарка . . .	3,0	0,4
„	Вознесенская „ . . .	2,2	0,3
„	Александровск. „ . . .	3,6	0,3
Полтава:	Ильинская „ . . .	15,0	1,4
Харьковъ:	Крещенская „ . . .	8,5	14,0
„	Троицкая „ . . .	2,9	1,8
„	Успенская „ . . .	2,5	7,0
„	Покровская „ . . .	5,3	8,3
Курскъ:	Коренная „ . . .	5,6	0,7
	Всего . .	48,6	34,2

То же самое отмѣчается и на всѣхъ другихъ ярмаркахъ Россіи, а въ томъ числѣ и на важнѣйшей послѣ Нижегородской—Ирбитской.

[1]) Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи. Спб. 1896 г. Стр. 425—427.

ГОДА.	Обороты Ирбитской ярмарки.
1887	56 милл. руб.
1889	49 „ „
1891	45 „ „
1893	48 „ „
1894	49 „ „
1895	48 „ „

Чтобы оцѣнить значеніе всѣхъ этихъ цифръ, нужно помнить, что общіе размѣры торговаго оборота Россіи быстро растутъ, почему, если бы даже сумма ярмарочныхъ оборотовъ оставалась теперь такой же, какъ и раньше, это доказывало бы относительное паденіе ярмарочной торговли. Тѣмъ болѣе сильно это паденіе если даже абсолютные размѣры ярмарочной торговли сокращаются.

Нижняя красная кривая выражаетъ собой количество очищаемаго пошлиной иностраннаго хлопка, а также среднеазіатскаго. Кромѣ иностраннаго и среднеазіатскаго хлопка, у насъ потребляется также закавказскій хлопокъ, въ небольшихъ, впрочемъ, количествахъ—нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ въ годъ. Размѣры потребленія закавказскаго хлопка можно было бы опредѣлить по подвозу хлопка по Закавказской дорогѣ, но такъ какъ подробная статистика перевозки хлопка по желѣзнымъ дорогамъ (издаваемая департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ) начинается только съ 1890 г., а за прошлые годы отчетовъ Закавказской ж. д. достать я не могъ, то я и не ввелъ закавказскаго хлопка въ общій учетъ.

Легко видѣть, что кривая хлопка, въ противоположность кривой рабочихъ, колеблется очень сильно изъ года въ годъ. Но не нужно забывать, что эта кривая не выражаетъ собой количества *дѣйствительно переработаннаго* хлопка въ данномъ году, а только очищеннаго пошлиной или подвезеннаго. Подвозъ долженъ колебаться гораздо сильнѣе, чѣмъ самая переработка, такъ какъ на подвозъ сильно вліяютъ многія обстоятельства, мало вліяющія на размѣры производства, какъ, напр., измѣненія цѣны хлопка, измѣненія пошлины на хлопокъ и пр. Такъ, напр., быстрый скачекъ подвоза хлопка въ 1887 г. и слѣдующее затѣмъ паденіе его были вызваны слѣдующей причиной. Въ 1887 г. была повышена пошлина на заграничный хлопокъ; торговцы поспѣшили подвести хлопокъ въ усиленномъ количествѣ и очистить его пошлиной, чтобы

избѣгнуть платежа повышенной пошлины, и по этой причинѣ подвозъ хлопка въ 1888 сильно сократился. Но нѣтъ основанія думать, что въ 1888 г. и хлопчатобумажное производство сократилось. Если бы намъ было извѣстно количество хлопка, дѣйствительно перерабатываемаго на фабрикахъ, то многіе неправильные скачки и паденія хлопковой кривой сгладились бы; зубцы внизъ и вверхъ закруглились бы; кривая стала бы колебаться не такъ часто, и колебанія ея приняли бы волнообразный характеръ.

Если мы все это будемъ имѣть въ виду, то легко замѣтимъ, что въ общемъ кривая хлопка движется въ томъ же направленіи, какъ и кривыя рабочихъ и ярмарочной торговли до 1886 года. 1876 и 1877 годы знаменуются сильнымъ паденіемъ подвоза; затѣмъ, подвозъ начинаетъ быстро расти, и кривая образуетъ зубчатый выступъ, соотвѣтствующій рабочей волнѣ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Затѣмъ идетъ паденіе, и только съ 1886 г. вновь начинается энергичное повышательное движеніе, продолжающееся съ значительными колебаніями до новѣйшаго времени.

Нижняя синяя пунктирная кривая выражаетъ собой движеніе выплавки чугуна. Эта кривая мало колеблется. Только крестьянская реформа вызываетъ глубокое паденіе ея (паденіе хлопковой кривой въ томъ же году вызвано, какъ сказано, не крестьянской реформой, но иной причиной, дѣйствіе которой совпало по времени,—американской междоусобной войной). Затѣмъ кривая чугуна почти не движется вверхъ вплоть до конца 60-хъ годовъ. Съ 70-хъ годовъ начинается повышеніе, но крайне медленное; 1877 годъ, какъ и въ кривой хлопка, отмѣчается паденіемъ. До 1886 г. продолжается прежнее медленное повышательное движеніе. Въ этомъ году картина рѣзко мѣняется. Кривая дѣлаетъ огромный скачекъ вверхъ и почти вертикально повышается безъ всякихъ колебаній до конца разсматриваемаго періода.

Движеніе этихъ кривыхъ довольно отчетливо воспроизводитъ исторію нашей промышленности въ пореформенную эпоху. Очевидно, въ развитіи нашей промышленности замѣчались колебанія: развитіе это имѣло періодическій характеръ, подобно развитію промышленности другихъ капиталистическихъ странъ. Если мы сравнимъ колебанія нашей промышленности съ колебаніями промышленности, напр., англійской, то увидимъ, что за послѣднее время эпохи промышленнаго оживленія и застоя совпадаютъ у насъ съ таковыми же эпохами въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, оживленіе въ англійской промышленности замѣчалось въ началѣ 70-хъ го-

довъ, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ. Эпохи застоя — средина 70-хъ годовъ и средина 80-хъ. Чтобы убѣдиться въ параллелизмѣ колебаній нашей промышленности и англійской, достаточно сравнить колебанія числа нашихъ рабочихъ съ колебаніями черной пунктирной линіи — цѣнности вывоза продуктовъ Соединеннаго Королевства (Великобританіи и Ирландіи).

Параллелизмъ колебаній англійскаго экспорта и фабричныхъ рабочихъ въ Россіи поразителенъ. Можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ съ кривыми, относящимися къ одной и той же странѣ. Когда англійскій экспортъ поднимается, увеличивается и число рабочихъ на русскихъ фабрикахъ; когда падаетъ число русскихъ рабочихъ, падаетъ и англійскій экспортъ. Существенная разница заключается въ томъ, что англійская кривая за послѣдніе годы не обнаруживаетъ того энергичнаго повышательнаго движенія, которое замѣчается въ русской кривой.

Чѣмъ же вызываются колебанія числа рабочихъ, занятыхъ на русскихъ фабрикахъ?

Уже изъ одного того, что они соотвѣтствуютъ англійскимъ колебаніямъ, слѣдуетъ заключить, что причина ихъ не имѣетъ чисто мѣстнаго характера. У насъ обыкновенно думаютъ, что единственнымъ, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важнымъ факторомъ, опредѣляющимъ состояніе нашей промышленности, является „господинъ урожай“. Это мнѣніе нашло яркаго выразителя въ лицѣ г. Николая —она. Для этого экономиста, видѣвшаго во всей нашей пореформенной промышленной исторіи только быстрое паденіе, приближеніе къ какой-то фантастической экономической катастрофѣ, чуть ли не къ всеобщему разрушенію, грознымъ ангеломъ котораго явится всеуничтожающій капиталъ, урожай является едва-ли не единственной причиной „процвѣтанія“ нашей промышленности. Легко понять, какъ важенъ этотъ тезисъ для всей теоріи г. —она. Если колебанія нашей промышленности всецѣло объясняются колебаніями урожая, то, значитъ, земледѣльческое „народное“ производство и по настоящее время является фундаментомъ всего зыбкаго зданія нашего капитализма. А такъ какъ этотъ фундаментъ оказывается весьма ненадежнымъ и притомъ не улучшающимся со временемъ, но даже ухудшающимся подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, въ прахъ разсыпающихъ наши вѣковые устои, то и капиталистической „надстройкѣ“ предстоитъ печальная участь погибнуть вмѣстѣ съ устоями.

На чемъ же основываетъ г. —онъ свой тезисъ, что „процвѣтаніе промышленности находится въ зависимости отъ урожая“ [1])? А вотъ на чемъ. Г. —онъ сравниваетъ колебанія доходовъ крестьянъ и землевладѣльцевъ отъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, цифры производства товаровъ и число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи за 4 года—1886—1889. Оказывается, что изъ этихъ 4 лѣтъ, въ теченіе 3 лѣтъ 1886—1888 г. наблюдалось соотвѣтствіе между колебаніями земледѣльческихъ доходовъ и колебаніями промышленности. Въ 1889 г. такого соотвѣтствія не наблюдалось—крестьянскіе земледѣльческіе доходы упали болѣе, чѣмъ на 20%, и были ниже средней за четырехлѣтіе, а производство товаровъ въ Россіи и число фабричныхъ рабочихъ возросло и было наибольшимъ за четырехлѣтіе [2]). И вотъ эти-то данныя, относящіяся *всего къ четыремъ годамъ*, изъ которыхъ можно заключить о чемъ угодно, но никакъ не о зависимости состоянія промышленности отъ урожая, являются единственнымъ статистическимъ обоснованіемъ тезиса г.—она.

Однако оставимъ г. —она въ сторонѣ и вернемся къ своей діаграммѣ.

Красная пунктирная линія на этой діаграммѣ выражаетъ колебанія общаго сбора хлѣбовъ съ 1870—1899 гг. (Напомню, что данныя о сборѣ хлѣбовъ до 1894 г. и послѣ него несравнимы, ибо выражены въ различныхъ единицахъ мѣры). Сравните колебанія этой кривой съ 3-мя остальными кривыми и скажите, можно ли на основаніи этого сравненія утверждать, что въ Россіи всѣмъ вертитъ урожай? Промышленный застой середины семидесятыхъ годовъ совпадаетъ скорѣе съ хорошими, чѣмъ съ дурными урожаями: изъ 4 лѣтъ 1874—1877 гг. урожай 1874 г. былъ даже однимъ изъ наилучшихъ. Конецъ 70-хъ годовъ былъ несомнѣнно эпохой оживленія нашей промышленности. Было ли это оживленіе вызвано урожаями? Правда, урожай 1878 г. былъ очень хорошъ, но зато урожай 1879 г. былъ ниже средняго. Время отъ 1882—1886 гг. было эпохой депрессіи; между тѣмъ только одинъ годъ (1885) этой эпохи былъ неурожайнымъ, а 1884 и 1886 годы никакъ нельзя назвать неурожайными и все-таки промышленность

---

[1]) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Стр. 189.

[2]) Николай —онъ, 179. Въ таблицѣ г.—она опечатка: процентъ фабричныхъ рабочихъ для 1889 г. показанъ 102,8—слѣдуетъ читать 112,8.

была въ застоѣ. Напротивъ, неурожайная эпоха начала 90-хъ годовъ едва была въ силахъ не надолго пріостановить ростъ общей цифры рабочихъ и хлопчатобумажнаго производства.

Если мы обратимся къ кривой выплавки чугуна, то тутъ мы не замѣтимъ ужъ ровно никакой связи между колебаніями урожая и состояніемъ производства. Эта кривая вообще колеблется крайне мало и только на самомъ концѣ разсматриваемаго періода необыкновенно быстро идетъ кверху. Поразительное развитіе чугуноплавильнаго производства, начиная съ 1888 г., очевидно, находится внѣ всякаго вліянія урожаевъ.

Остановимся болѣе подробно надъ послѣднимъ пятилѣтіемъ. Какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе годы были временемъ небывалаго подъема нашей промышленности, завершившимся крахомъ и промышленнымъ кризисомъ. Могутъ ли этотъ подъемъ и кризисъ объясняться вліяніемъ урожаевъ? Очевидно, нѣтъ. Подъемъ начинается въ особенно рѣзкой формѣ въ 1897 г. Извѣстно, что 1897 г. былъ голоднымъ годомъ. По даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета „сборъ хлѣбовъ въ 1897 г. былъ ниже средняго на 15,2%“ [1]). Однако, несмотря на голодъ, подъемъ промышленности продолжаетъ наростать съ ускоренной быстротой какъ въ теченіе 1897 г., такъ и слѣдующаго 1898 г. Этотъ послѣдній годъ, по характеристикѣ Центральнаго Статистическаго Комитета, по урожаю „можетъ быть отнесенъ къ числу среднихъ“ [2]). Темпъ подъема продолжаетъ ускоряться и достигаетъ лихорадочной быстроты въ 1899 г. Въ концѣ этого года слѣдуетъ кризисъ и промышленный застой, продолжающійся понынѣ. Быть можетъ этотъ кризисъ былъ вызванъ неурожаемъ? Обращаемся къ тому же источнику. „Сборъ 1899 г.... превышаетъ средній сборъ за пятилѣтіе на 13,7%... и долженъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ“ [1]). Итакъ небывалый по своимъ размѣрамъ промышленный подъемъ происходилъ у насъ въ годы неудовлетворительнаго или средняго урожая, а кризисъ произошелъ въ годъ хорошаго урожая. Факты русской жизни, какъ видитъ читатель, жестоко надсмѣялись надъ теоріей г. —она, являющагося, кстати сказать, выразителемъ въ данномъ случаѣ взглядовъ господствующихъ, какъ въ нашей экономической литературѣ, такъ и среди людей практики. Ученое доктринерство легко гармонируетъ съ узкостью

[1]) Статистика Россійской Имперіи. Урожай 1897 г. II, стр. III.
[2]) Урожай 1898 г. II, стр. VI.
[3]) Урожай 1899 г. II, стр. 9.

кругозора, свойственной практическимъ людямъ. Истинная наука одинаково далека какъ отъ того, такъ и отъ другого.

Посмотрите на три кривыя — черную рабочихъ, пунктирную черную англійскаго экспорта и пунктирную красную урожая. Какія кривыя колеблются болѣе сходно—русскихъ рабочихъ и англійскаго экспорта, или же русскихъ рабочихъ и русскаго же урожая? Иными словами, чему болѣе соотвѣтствуютъ колебанія числа русскихъ фабричныхъ рабочихъ — міровымъ колебаніямъ капиталистической промышленности (кривая англійскаго экспорта), или колебаніямъ русскаго урожая? Я полагаю, что отвѣтъ ясенъ: не можетъ быть сомнѣнія, что колебанія нашей промышленности никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены колебаніями урожаевъ.

Изъ всего этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что урожай не играетъ никакой роли въ состояніи нашей промышленности. Нѣтъ, на нѣкоторые роды производства урожай, несомнѣнно, вліяетъ очень сильно. Нельзя сказать, чтобы годичныя колебанія хлопчатобумажнаго производства всецѣло обусловливались колебаніями урожая; но, что эти послѣднія являются однимъ изъ существенныхъ факторовъ первыхъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ той же діаграммы, если только не забывать, что, во-первыхъ, вліяніе урожая сказывается, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ календарномъ году, и, во-вторыхъ, кривая ввоза хлопка не есть еще кривая хлопчатобумажнаго производства, почему многіе неправильные скачки этой кривой не выражаютъ собой такихъ же измѣненій производства. Зато на другія производства урожай почти не вліяетъ; къ числу таковыхъ относится, какъ видно изъ нашей діаграммы, одна изъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности, значеніе которой должно все расти и расти—чугуноплавильное производство и, вообще, добыча металловъ.

Отчего же въ такомъ случаѣ зависятъ волнообразныя колебанія нашей промышленности? Какъ я говорилъ, уже изъ того, что эти колебанія, въ общемъ, совпадаютъ съ колебаніями англійской промышленносми, должно заключить, что причины ихъ не мѣстнаго характера. Въ развитіи нашей промышленности отражается періодичность, свойственная капиталистическому производству всего міра. Чередованіе эпохъ оживленія и застоя промышленности является въ нашемъ пореформенномъ хозяйствѣ такимъ же типичнымъ явленіемъ, какъ и въ другихъ капиталистическихъ хозяйствахъ. Именно этой причиной — періодичностью

развитія, свойственной капиталистическому производству, и вызываются правильныя волнообразныя колебанія числа рабочихъ на нашихъ фабрикахъ и оборотовъ на Нижегородской ярмаркѣ.

Тяжелый міровой кризисъ 1857 года, пронесшійся ураганомъ по всей Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, отразился, хотя и значительно слабѣе, и въ Россіи. Конецъ 50-хъ годовъ былъ отмѣченъ у насъ банкротствами банковъ, акціонерныхъ предпріятій, торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, застоемъ торговли и сокращеніемъ производства — обычными симптомами промышленнаго кризиса. Вотъ, что пишетъ объ этомъ одинъ современный русскій писатель: „Образовалась акціонерная игра, слава Богу, продолжавшаяся недолго, въ которую вдались и учредители и акціонеры еще тогда, когда дѣйствія обществъ ничѣмъ не доказывали на практикѣ выгодности затѣянныхъ предпріятій. Сначала казалось, что акціонерныя дѣла идутъ весьма хорошо и публика обратилась къ нимъ съ необыкновеннымъ довѣріемъ. Акціи всѣхъ обществъ весьма легко перепродавались на биржѣ и часто замѣняли наличныя деньги или облигаціи. Но скоро все измѣнилось. Невыгодный балансъ (обычное явленіе въ эпоху, предшествующую промышленному кризису; подробнѣе объ этомъ см. мою книгу „Промышленные кризисы“, М. Т.-Б.) произвелъ невыгодный курсъ и вызвалъ большой спросъ монеты... Банки перестали выдавать ссуды подъ недвижимыя свободныя имѣнія и дома. Акціи потеряли свою цѣнность и не могли уже по прежнему замѣнять денежныхъ знаковъ. Съ одной стороны, недостатокъ въ деньгахъ мгновенно и быстро усилился, а съ другой—потеря цѣнности акцій заставила акціонеровъ обратить вниманіе на дѣйствія правленій, — и тогда открылись ихъ ошибки, злоупотребленія и даже иногда расхищенія акціонерныхъ капиталовъ... Послѣдствіемъ всего этого было почти полное уничтоженіе цѣнъ на акціи. Акціи многихъ обществъ не покупались и не принимались въ платежи ни по какимъ цѣнамъ, тогда какъ собранныя на эти начальныя предпріятія съ 1856 г. суммы простирались свыше 150 милл. р, с... Недостатокъ денегъ сдѣлался повсемѣстнымъ. Все это совокупно отразилось на всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, особенно на мануфактурныхъ, и произвело повсемѣстный въ государствѣ застой торговли... Этотъ застой торговли отражается на множествѣ различныхъ мелкихъ промышленностей, съ коими сопряжена торговля этими товарами. Если бы правительство не открыло для купече-

ства кредитъ въ московской конторѣ коммерческаго банка на болѣе льготныхъ основаніяхъ, то банкротства отъ совокупности всѣхъ описанныхъ обстоятельствъ произошли бы весьма значительныя и многочисленныя, и внутренняя торговля наша была бы потрясена весьма сильно“ [1]).

Это описаніе вполнѣ воспроизводитъ обычную картину торгово-промышленнаго кризиса. Болѣе подробное описаніе дѣйствія кризиса конца 50-хъ годовъ на русскую промышленность мы находимъ у В. Безобразова: „Оживленіе промышленности и коммерческихъ дѣлъ, съ окончаніемъ восточной войны, было для всѣхъ такъ очевидно, что нѣтъ надобности доказывать его... Коренное оживленіе нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ принадлежитъ къ 1854—1857 гг. Оно началось еще до заключенія мира. Оно проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ сѣверной промышленной полосѣ, необычайной бойкостью оборотовъ на всѣхъ внутреннихъ ярмаркахъ, быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ... Апогей этого движенія внутри Россіи былъ въ 1855 и 1856 годахъ, о которыхъ рѣшительно всѣ участники нашей промышленной и коммерческой дѣятельности говорили, какъ о золотомъ времени. И простые рабочіе, и фабричные и фабриканты, и купцы всюду говорили намъ объ этомъ времени, „мы тогда озолотились“; фабрики не успѣвали подготовлять товаровъ, строились новыя фабрики и расширялись старыя, цѣна на всѣ товары и заработки росла непомѣрно... Послѣ промышленнаго оживленія настала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками; всеобщій промышленный и коммерческій застой, дающій положенію нашихъ дѣлъ, съ 1858 и 1859 г., характеръ кризиса. Уже съ 1858 года начинаются во внутреннемъ производствѣ и торговлѣ задержки, заминки, которыя въ 1859 году превращаются внутри Россіи въ значительный кризисъ. Съ начала этого года начинаютъ раздаваться жалобы на слабость сбыта, на накопленіе непроданныхъ товаровъ, съ 1858 года начинаются плохія ярмарки, состояніе которыхъ съ тѣхъ поръ не улучшается, а съ каждымъ годомъ ухудшается. Крушеніе акціонерныхъ компаній было бы излишне описывать: оно слишкомъ всѣмъ извѣстно; немногія изъ акціонерныхъ предпріятій уцѣлѣли и то почти ис-

[1]) А. Шиповъ. Какъ и отчего исчезли у насъ деньги? Спб. 1860 г. Стр. 33—34.

ключительно тѣ, которыя существовали до войны. Мѣсто безграничнаго увлеченія акціонернымъ дѣломъ заступила или настоящая паника или полнѣйшее равнодушіе... Но акціонерный кризисъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе на поверхности общества и на верхушкахъ народнаго хозяйства. Во всемъ внутреннемъ его организмѣ произошли затрудненія гораздо болѣе глубокія, болѣе продолжительныя и болѣе опасныя. Какъ внутреннее промышленное оживленіе, о которомъ мы говорили, составляло главный характеръ первой эпохи испытаннаго нами переворота, такъ промышленный и коммерческій застой, поразившій наше народное хозяйство во всѣхъ внутреннихъ центрахъ производительности и на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ, представляетъ собой самую серьезную сторону второй или, лучше сказать, нынѣшней эпохи кризиса“ [1]).

Я не буду дольше останавливаться надъ описаніемъ кризиса конца 50-хъ годовъ, такъ какъ описаніе отдѣльныхъ моментовъ нашей промышленной исторіи не входитъ въ задачу этой книги. Приведу только нѣсколько цифръ, изъ которыхъ читатель можетъ судить объ акціонерной горячкѣ, предшествовавшей кризису.

	Капиталъ вновь основанныхъ акціонерныхъ компаній [2]).
1856	15 милл. руб.
1857	300 „ „
1858	51 „ „
1859	67 „ „

Начало 70-хъ годовъ было эпохой самой безумной учредительской горячки въ западной Европѣ, особенно въ Австріи и Германіи. За этой горячкой послѣдовалъ знаменитый вѣнскій биржевой крахъ въ маѣ 1871 года, а затѣмъ кризисъ распространился и на Соединенные Штаты и охватилъ собой почти всю Европу. Точно такъ же и у насъ въ 1870—1872 г. замѣчалось значительное расширеніе производства, а затѣмъ послѣдовали кризисъ и банкротства торгово-промышленныхъ предпріятій. По словамъ Я. Гарелина,

[1]) В. Безобразовъ. О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. Москва. 1863 г. II, стр. 24.

[2]) Безобразовъ, II, стр. 22, Въ журналахъ того времени, особенно „Вѣстникѣ промышленности“ и „Экономическомъ указателѣ“ содержится богатый матеріалъ по исторіи кризиса 1857 г. въ Россіи.

„конецъ 1872 г. и начало 1873 г. были ознаменованы банкротствами... Такой ходъ торговли объясняется не конкуренціей съ иностранными фабрикантами. Главная причина плохой торговли заключалась въ томъ, что ситцевъ было наработано громадное количество, и ихъ нужно было сбыть во что бы то ни стало“ [1]).

Максъ Виртъ даетъ такое описаніе дѣйствія мірового кризиса 1873 г. на русскую торговлю: „прежде всего банкротства разразились въ метрополіи русской торговли—въ Нижнемъ-Новгородѣ. Уже въ концѣ августа сдѣлалось извѣстнымъ, что трое купцовъ оказываются несостоятельными на сумму въ 1.170.000 р... Торговцевъ, оказавшихся несостоятельными на болѣе мелкія суммы, было очень много... Изъ Одессы извѣщали о многихъ крупныхъ и мелкихъ банкротствахъ, вызвавшихъ среди тамошнихъ коммерсантовъ настоящую панику, такъ что деньги совсѣмъ исчезли изъ обращенія. Въ числѣ фирмъ, обанкротившихся въ Одессѣ, была одна, пассивъ которой простирался до $1^1/_2$ мил. руб.; другая оказывалась несостоятельной на 1.200.000 р. Въ остальныхъ банкротствахъ пассивы колебались между 100.000 и 1 милліономъ рублей. Перепуганные банки, которые передъ этимъ щедро расточали на право и налѣво свой кредитъ, стали усиленно стягивать обратно выданныя ими ссуды и этимъ только усилили общее смятеніе“ [2]).

Въ своемъ отчетѣ за 1876 г. Московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ указывало на печальное положеніе торговли и промышленности московскаго раіона. О размѣрахъ кризиса можно судить по росту несостоятельности въ районѣ Московскаго коммерческаго суда.

	Число несостоятельностей.	Общій пассивъ.
1874	68	5.313 тыс. руб.
1875	56	10.900 „ „
1876	113	31.495 „ „

Общее положеніе рисуется въ отчетѣ такими словами: „въ настоящее время можно сказать безъ преувеличенія, что нѣтъ ни одной фирмы въ Москвѣ, которая не понесла бы болѣе или менѣе значительныхъ убытковъ и не была бы вынуждена къ болѣе или менѣе значительному сокращенію своихъ оборотовъ“ [3]).

По объясненію отчета, кризисъ былъ вызванъ слѣдующими

[1]) Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. II, стр. 60.
[2]) Исторія торговыхъ кризисовъ. 1877 г. Стр. 475.
[3]) Вѣстникъ Европы, 1877, XII. Внутреннее обозрѣніе.

обстоятельствами: въ началѣ 70-хъ годовъ фабричное производство значительно расширилось, благодаря быстрому развитію желѣзнодорожной сѣти. Предложеніе скоро обогнало спросъ, но расширеніе кредитныхъ продажъ давало возможность фабрикантамъ сбывать товаръ продавцамъ. Спекуляція удерживала товарныя цѣны отъ паденія, и производство продолжало расти, несмотря на все увеличивавшуюся трудность продавать товаръ потребителямъ. Неурожаи 1872 и 1875 гг. дали толчекъ къ кризису: цѣны мануфактурныхъ товаровъ быстро упали, производство сократилось, и послѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ, отъ которыхъ особенно пострадали мануфактурныя фирмы.

Внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы“ очень вѣрно отмѣчаетъ важнѣйшую причину, вызвавшую сначала расширеніе, а затѣмъ сжатіе нашего внутренняго рынка въ 70-хъ годахъ. И то и другое объяснялось вліяніемъ на народный спросъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ періодъ желѣзнодорожной строительной горячки конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ было израсходовано больше милліарда рублей. Болѣе всего дорогъ строилось въ 1868—1871 г. Затѣмъ постройка вдругъ упала и хотя въ 1873 и 1874 она опять увеличилась, но въ слѣдующіе годы стала рѣшительно уменьшаться.

Параллельно съ этимъ измѣнился спросъ на товары. Пока желѣзныя дороги усиленно строились, спросъ на товары былъ боекъ, когда постройка сократилась—упалъ и спросъ.

„Громадный оборотъ желѣзнодорожнаго строительства вездѣ вызывалъ кризисы, независимо даже отъ политическихъ обстоятельствъ... У насъ же, въ странѣ крайне медленнаго экономическаго развитія, онъ представлялъ нѣчто въ родѣ того „золотого дождя“, какой явился въ Германіи пятью милліардами франковъ французской контрибуціи. Вѣдь основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—1.544 милл. кред. руб.—также недалекъ до пяти милліардовъ франковъ. И... сокращеніе строительства повліяло и у насъ на возникновеніе чего-то въ родѣ краха“ [1]).

[1]) Вѣстникъ Европы, 1877, XII. Внутреннее обозрѣніе, 802. Сходнымъ образомъ объясняетъ кризисъ половины 70-хъ годовъ и И. Бліохъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи“. С.-Пб. 1878. Томъ V. Тѣми же причинами—періодичностью расширенія желѣзнодорожной сѣти—вызывалась въ значительной мѣрѣ періодическая смѣна оживленія и застоя промышленности въ Западной Европѣ и Америкѣ. См. мою книгу „Промышленные кризисы“.

Что касается до конца 70-хъ годовъ, то эта эпоха вполнѣ имѣла характеръ спекулятивной и учредительской горячки. Ярмарка 1878 года по размѣру привоза была самой низкой въ 70-хъ годахъ, но зато по спросу на товары она была наилучшей. Благодаря тому, что товаровъ было подвезено мало, а спросъ на товары сильно оживился послѣ окончанія турецкой войны, товарныя цѣны чрезвычайно поднялись. „Нижегородская ярмарка 1878 года разыгралась необыкновенно блистательно во всѣхъ отношеніяхъ. Подобной ярмарки не запомнили въ лѣтописяхъ Макарія. Сбытъ всѣхъ товаровъ былъ необыкновенно бойкій; почти по всѣмъ отраслямъ спросъ превышалъ предложеніе. Въ особенности были хороши расчеты: всѣ продажи дѣлались за наличныя, всѣ уплаты по прежнимъ обязательствамъ производились съ величайшей исправностью. Въ наличныхъ деньгахъ было неслыханное изобиліе". Все это „усилило до нельзя возбужденіе въ нашемъ промышленномъ мірѣ... Это возбужденіе, какого давно не запомнятъ въ нашей промышленности, необыкновенное усиленіе производства на всѣхъ прежнихъ фабрикахъ и заводахъ и расширеніе новыхъ, достигли своего апогея въ срединѣ 1879 г., и онъ (апогей) продолжался до 1880 года" [1]).

О степени торговаго оживленія этой эпохи можно судить по тому, что, по словамъ Безобразова, прибыли торговопромышленныхъ фирмъ въ эту эпоху достигли огромныхъ размѣровъ. По оффиціальнымъ отчетамъ нѣкоторыхъ акціонерныхъ обществъ, прибыли ихъ за этотъ періодъ достигли 40, 50 и даже 70% на акціонерный капиталъ.

„Чрезвычайное усиленіе производства, начавшееся еще въ 1878 г., продолжалось въ зимнемъ фабричномъ періодѣ 1879—80 гг. Это усиленіе было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего болѣе подвергшаяся промышленному возбужденію этой эпохи, расширилась на 900 тысячъ (и можетъ быть до 1 милліона, какъ исчисляли знающіе люди) вновь поставленныхъ въ 1879 г. прядильныхъ веретенъ. Это расширеніе, когда все количество веретенъ исчислялись у насъ до $3^1/_2$ милл., даетъ понятіе о томъ необыкновенномъ полетѣ, который приняла вся наша промышленность въ эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дѣло превзошло въ этомъ отношеніи всѣ прочія" [2]).

---

[1]) Б. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. I, стр. 277.

[2]) Безобразовъ, I, стр. 279.

Такое возбужденіе должно было неизбѣжно повести къ реакціи. Ярмарка 1880 г. уже обнаружила превышеніе предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ. По словамъ Безобразова, она была „пестрой“—хорошей для однихъ товаровъ и дурной для другихъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ вышеприведенной діаграммы, толчекъ 70-хъ годовъ былъ такъ силенъ, что ярмарка 1881 г. оказалась наивысшей по размѣрамъ подвоза. Ярмарка этого года вообще была хорошей. Счастливой развязкѣ ея очень помогъ хорошій урожай 1881 г. Періодъ конца 70-хъ годовъ и начала 80-хъ характеризуется Безобразовымъ слѣдующимъ образомъ: „Затишье и почти застой въ промышленныхъ предпріятіяхъ до войны; чрезвычайное промышленное возбужденіе, начинающееся съ конца войны въ 1877 г. и достигающее своего апогея въ концѣ 1879 г.: реакція противъ этого возбужденія, возникающая въ началѣ 1880 г. и продолжающаяся приблизительно до второй половины 1881 г.; оживленіе дѣлъ съ середины 1881 г.“.

Основной причиной промышленнаго возбужденія конца 70-хъ годовъ Безобразовъ считаетъ усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ на военные расходы. „Въ сравненіи съ этой силой, всѣ прочіе факторы имѣли только второстепенное и подчиненное значеніе; они только видоизмѣняли и усложняли дѣйствіе главнаго агента, то усиливая его, то отчасти ему противодѣйствуя, но въ общемъ результатѣ всѣ эти факторы (урожаи, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, политическія событія и пр. М. Т.-Б.) не могли ни уравновѣсить дѣйствія этой главной силы, ни даже измѣнить его общее направленіе“. Въ частности, урожаи, по мнѣнію Безобразова, играли нѣкоторую роль въ этой смѣнѣ возбужденія и застоя, но роль безусловно подчиненную.

Различіе эпохъ промышленнаго возбужденія конца 50-хъ и 70-хъ годовъ, по объясненію Безобразова, заключалось въ томъ, что въ 50-хъ годахъ спекуляція направилась преимущественно на устройство новыхъ акціонерныхъ предпріятій и имѣла болѣе биржевой характеръ, чѣмъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Эта послѣдняя эпоха особенно характеризовалась „лихорадочнымъ усиленіемъ производства по издавна существующимъ отраслямъ промышленности, преимущественно фабричной“.

Я никакъ не могу согласиться съ Безобразовымъ, что усиленные выпуски бумажныхъ денегъ были главнѣйшей причиной спекулятивной горячки конца 70-хъ годовъ. Эти выпуски могли только содѣйствовать оживленію промышленности. Продолжительный за-

стой половины 70-хъ годовъ привелъ къ сокращенію предложенія товаровъ, сравнительно со спросомъ, что и обнаружилось на ярмаркѣ 1878 г. Результатомъ этого явилось повышеніе товарныхъ цѣнъ; заключеніе мира дало толчокъ къ промышленному возбужденію, всегда наступающему послѣ періода депрессіи. Вообще очень трудно пріурочить къ отдѣльнымъ причинамъ періодическую смѣну періодовъ оживленія и застоя, наблюдающуюся во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Застой, можно сказать, самъ рождаетъ оживленіе, а оживленіе, благодаря перепроизводству, приводитъ къ застою. Конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ отличаются усиленіемъ производства, развитіемъ торговыхъ оборотовъ и оживленіемъ спекуляціи не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ—въ С.-Американскихъ Соед. Штатахъ, Англіи, Франціи, Германіи. Точно такъ же во всемъ капиталистическомъ мірѣ половина 80-хъ годовъ была эпохой промышленнаго застоя.

Въ 1882 г. въ Парижѣ разразился крахъ Бонту, а въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1884 г. повторился желѣзнодорожный крахъ, подобный краху 1873 г., но только въ болѣе слабой формѣ. Годы 1882—1886 повсюду отмѣчаются сокращеніемъ производсва и торговымъ застоемъ. Точно такъ же и у насъ послѣ ярмарки 1882 г. послѣдовалъ цѣлый рядъ неудачныхъ, подвозъ товаровъ падалъ, производство сокращалось. Начался тяжелый промышленный застой, продолжавшійся до 1887 года.

О застоѣ начала 80-хъ годовъ имѣются весьма интересныя свѣдѣнія въ обширной статьѣ С. Приклонскаго, помѣщенной въ „Дѣлѣ“ за 1883 г. Привожу обширныя выдержки изъ этой статьи.

„Зимою 1880—81 г. рабочіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности были поставлены въ самое бѣдственное положеніе. Въ Петербургѣ крупные заводы, особенно механическіе, стали распускать рабочихъ... Такъ, напр., на огромномъ заводѣ Берда, гдѣ прежде работало 3—4 тысячи человѣкъ, теперь осталась 1000 рабочихъ, на Александровскомъ заводѣ, вмѣсто 800 осталось 350 рабочихъ, на Сампсоніевскомъ вмѣсто 1200—1500—только 450 человѣкъ; на заводѣ Нобеля вмѣсто 900—1200 — около 600; на остальныхъ механическихъ заводахъ точно такъ же произошло значительное уменьшеніе числа рабочихъ. Вообще милліонные обороты заводовъ сократились почти на половину“.

По словамъ С. Приклонскаго, промышленный застой начался въ Московской губерніи еще съ весны 1880 г., при чемъ застой

принялъ болѣе острую форму послѣ Нижегородской ярмарки этого года. Съ зимы 1880—81 г. во всемъ Московско-Владимірскомъ районѣ произошло сильное сокращеніе числа рабочихъ. Особенно пострадали мелкія фабрики, многія изъ которыхъ принуждены были ликвидировать дѣла. Въ Александровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи отъ кризиса жестоко пострадала шелковая ткацкая промышленность. „Въ январѣ 1881 г. изъ 165 карасниковъ—владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, занятыхъ размоткою шелка—50 совсѣмъ прекратили работу, а остальные болѣе или менѣе значительно сократили производство, такъ что въ одномъ этомъ промыслѣ осталось безъ работы болѣе 9000 человѣкъ". Цѣны на рабочія руки въ мелкихъ заведеніяхъ такъ понизились, что напр. плата дѣвушекъ-размотчицъ упала съ 18—25 р. за зиму до 6—8 р. за тотъ же срокъ. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ число безработныхъ также было весьма велико. „Средней руки фабриканты вслѣдствіе промышленнаго застоя сократили размѣръ рабочей платы. Крупные фабриканты не хотѣли открыто послѣдовать примѣру ихъ и старались достигнуть уменьшенія заработной платы путемъ увеличенія штрафовъ, которые были доведены до величайшей строгости. Долгое время фабриканты не рѣшались сократить число рабочихъ... но наконецъ, они не выдержали и даже такія солидныя фирмы, какъ наслѣдники Саввы Морозова, стали распускать рабочихъ... Положеніе фабричныхъ рабочихъ было до такой степени тяжело, что несмотря на затруднительность и даже полную невозможность найти работу на фабрикахъ, которыя тяготились слишкомъ большимъ составомъ рабочихъ командъ, все-таки нерѣдко бывали случаи забастовокъ... На извѣстной ярцевской фабрикѣ Хлудова, въ Духовщинскомъ у., къ январю 1881 г. уже двѣ тысячи рабочихъ получили расчетъ и оставили фабрику, крайне недовольные мѣрами, принятыми фабричной администраціей съ цѣлью сокращенія заработной платы... Въ Костромской губ. зимою 1880—81 г. фабриканты сократили число рабочихъ на $^1/_3$ Отчаяніе въ средѣ рабочаго населенія, по словамъ „Московскаго Телеграфа", было такъ велико, что требовалось особое искусство при расчетѣ рабочихъ, чтобы дѣло не дошло до бѣды". Въ посадѣ Клинцахъ Черниговской губерніи число рабочихъ на фабрикахъ было сокращено на 40%, а заработная плата была понижена на 30—50%. „Въ Твери на фабрикахъ Морозова и Берга часть рабочихъ была распущена, а остальнымъ сокращена заработная плата на 20%... Въ Ржевѣ, по случаю остановки пряжи

пеньки, до 12 тысячъ прядильщиковъ были обречены на полуголодное существованіе... Въ селѣ Павловѣ многочисленные кустари, занимающіеся замочно-ножевымъ производствомъ, вынесли много тяжелыхъ лишеній по случаю безработицы". Недѣльный заработокъ кустарей упалъ съ 2 р. 50 к. до 60—80 к. Работы были сокращены и на Мальцевскихъ заводахъ.

„Послѣ значительнаго сокращенія работъ и пониженія заработной платы зимою 1880—81 г.г. положеніе рабочихъ, занятыхъ неземледѣльческою промышленностью, нисколько не улучшилось до настоящаго времени. Правда, подъ вліяніемъ преувеличенныхъ извѣстій объ урожаѣ, промышленность нѣсколько оживилась осенью 1881 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало незначительное повышеніе заработной платы; но это улучшеніе въ бытѣ рабочаго населенія продолжалось самое короткое время и скоро опять смѣнилось прежней безработицей. Подъ вліяніемъ пониженія заработной платы въ 1882 г. произошелъ рядъ стачекъ фабричныхъ рабочихъ, не имѣвшихъ однако благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, такъ какъ рабочій рынокъ былъ переполненъ предложеніемъ труда".

Застой 1882 г. охватилъ еще больший районъ, чѣмъ застой предыдущаго года. Такъ въ 1882 г. тяжело пострадала промышленность Царства Польскаго. Въ Варшавѣ лѣтомъ 1882 г. было около 20000 безработныхъ; безработица въ самой тяжелой формѣ отмѣчалась во всѣхъ промышленныхъ центрахъ сѣверно-западнаго края и Царства Польскаго.

Въ Московско-Владимірскомъ районѣ промышленный застой продолжалъ усиливаться, при чемъ кустарная промышленность страдала отъ него еще сильнѣе, чѣмъ фабричная.

Свою интересную статью г. Приклонскій заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. „Неизвѣстно, долго-ли еще протянется тотъ промышленный кризисъ, который вызвалъ сокращеніе работъ и уменьшеніе заработка почти по всѣмъ производствамъ. До сихъ поръ не видно впереди окончанія теперешняго тягостнаго для всѣхъ, а особенно для рабочаго класса, положенія дѣлъ... Теперешнее положеніе рабочихъ тяжело, а вслѣдствіе этого и всѣ недостатки рабочаго быта выступаютъ теперь съ поразительной рельефностью и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе и общества и правительства. Этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется то обстоятельство, что въ наиболѣе тяжелую для рабочихъ годину, у насъ появились первые труды по изслѣдованію положенія фа-

бричныхъ работниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ первый опытъ огражденія рабочихъ интересовъ путемъ фабричнаго законодательства... Долго замалчиваемый у насъ рабочій вопросъ какъ будто вдругъ выросъ изъ земли и предсталъ предъ нашими глазами въ то время, когда продолжительный промышленный кризисъ ухудшилъ положеніе рабочихъ“ [1]).

Застой продолжался, какъ сказано, до 1887 г. Корреспонденты московскаго земства указывали, что зима 1886—87 г. была чрезвычайно тяжелой для промышленнаго населенія и отличалась крайнимъ упадкомъ фабричныхъ заработковъ крестьянъ. „Цѣны на трудъ и спросъ на рабочія руки упали; многія фабрики стали; другія сократили производство“ — этими словами характеризуется Ежегодникомъ Московскаго земства фабричная промышленность Московской губерніи въ концѣ 1886 года. Застой въ дѣлахъ былъ такъ силенъ, что многіе фабричные, совершенно отвыкшіе отъ земледѣлія, вернулись въ деревню и взялись за соху. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „фабричное производство почти что пріостановилось, весь фабричный народъ жилъ дома безъ заработка“ [2]).

Новая эпоха промышленнаго оживленія начинается съ 1887 г. Въ началѣ 90-хъ годовъ слѣдуетъ заминка, соотвѣтствующая міровому застою начала 90-хъ годовъ. Съ 1895—96 гг. во всемъ капиталистическомъ мірѣ начинается небывалый подъемъ. То же наблюдается у насъ.

Періодическія колебанія нашей промышенности имѣли своей причиной у насъ, какъ и въ другихъ капиталистическихъ странахъ, періодическое созданіе новаго основного капитала. Періоды промышленнаго подъема были періодами грюндерства, періоды застоя — періодами паденія учредительства. Эту періодическую смѣну подъема и упадка грюндерства можно ясно подмѣтить въ исторіи нашей акціонерной промышленности. Такъ въ интересной статьѣ „Обзоръ дѣятельности акціонерныхъ предпріятій въ Россіи„ [3]) находимъ слѣдующую характеристику періодическои смѣны эпохъ акціонернаго грюндерства въ Россіи:

---

[1]) Дѣло. 1883 № 1. Хроника рабочаго труда въ Россіи. С. Приклонскаго.

[2]) Статистическій Ежегодникъ Московскаго губернскаго земства. 1887. Кустарные, отхожіе и фабричные промыслы. Стр. 18. Промышленный застой 80-хъ годовъ подробно описанъ также въ нѣсколькихъ Внутреннихъ обозрѣніяхъ „Русской Мысли“ въ 1882 г.

[3]) Вѣстникъ Финансовъ, 1900, № 29.

„Въ 1850 и 1851 гг. совсѣмъ не было основано акціонерныхъ обществъ, и число послѣднихъ начинаетъ увеличиваться только съ 1853 г., причемъ въ 1857 и 1858 гг. учредительская дѣятельность достигла своего апогея за весь этотъ періодъ. Въ то время, какъ въ 1851—55 гг. учреждено было только 18 акціонерныхъ обществъ, съ капиталомъ въ 16,4 мил. р., за пятилѣтіе 1856—60 гг. число учрежденныхъ обществъ повысилось до 108, а капиталъ ихъ до 317 мил. р. Въ слѣдующемъ пятилѣтіи 1860—65 гг. учредительская дѣятельность снова уменьшается... Учредительская дѣятельность, охватившая Западную Европу въ концѣ 60-хъ годовъ и съ новой силой вспыхнувшая въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, сопровождалась оживленіемъ акціонерной дѣятельности и въ Россіи... На одинъ трехлѣтній періодъ 1871—73 гг. приходится 227 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 347 м. р. Съ этого времени учредительская дѣятельность понемногу падаетъ... въ 1879 г. въ паденіи учредительной дѣятельности наступаетъ перерывъ, продолжавшійся до 1881 г., но послѣ того понижательное движеніе вновь усиливается и рѣшительный поворотъ въ этомъ отношеніи наступаетъ только съ 1889 г., который служитъ началомъ небывалаго еще въ Россіи оживленія акціонерной дѣятельности“. Въ той же статьѣ приведена, заимствованная изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ слѣдующая любопытная статистика вновь основанныхъ въ Россіи акціонерныхъ компаній:

Годы:	Число вновь основанныхъ акц. компаній.	Годы.	Число вновь основ. акц. компаній.
1856	8	1869	21
1857	14	1870	33
1858	41	1871	60
1859	28	1872	61
1860	17	1873	106
1861	8	1874	50
1862	6	1875	48
1863	9	1876	41
1864	10	1877	25
1865	11	1878	13
1866	18	1879	20
1867	12	1880	30
1868	20	1881	45

Вторая половина 80-хъ годовъ была отмѣчена промышленнымъ застоемъ. Въ связи съ этимъ нарицательный капиталъ вновь основанныхъ въ Россіи акціонерныхъ компаній былъ въ тысячахъ рублей:

за 1880—84	231.575
„ 1885—89	175.360

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія акціонерныя предпріятія получили чрезвычайное развитіе. Однако первая половина 90-хъ годовъ отмѣчена паденіемъ учредительства, быстро возрастающаго въ концѣ 90-хъ годовъ. Вотъ соотвѣтсвующія данныя о числѣ вновь основанныхъ акціонерныхъ компаній въ Россіи:

Годы.	Число вновь основанныхъ акц. компаній.	Годы.	Число вновь основанныхъ акц. компаній.
1889	29	1894	47
1890	39	1895	86
1891	24	1896	120
1892	31	1897	118
1893	50	1898	153

Наиболѣе рѣзко выразился этотъ подъемъ въ горнозаводской промышленности. Уже со второй половины 80-хъ годовъ начинаетъ быстро расти желѣзодѣлательное производство юга Россіи. Старинные уральскіе заводы, игравшіе такую первенствующую роль въ горнозаводской промышленности крѣпостной Россіи, все болѣе и болѣе теряютъ свое прежнее значеніе. Выросшіе на почвѣ крѣпостного права, они оказались мало приспособленными къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ Россіи. Зато съ изумительной быстротой возникло огромное горнозаводское производство въ Донецкомъ бассейнѣ. Это производство, организованное вполнѣ на крупнокапиталистическій ладъ, составляетъ новѣйшій и самый пышный цвѣтокъ россійскаго промышленнаго капитализма. Важнѣйшимъ факторомъ развитія донецкой горнозаводской промышленности была постройка донецкой желѣзнодорожной сѣти и въ особенности Екатерининской дороги, соединившей въ 1884 г. криворожскую руду съ донецкимъ углемъ.

До 1887 г. на югѣ Россіи работало только 2 желѣзодѣлательныхъ завода—Юза и Пастухова. Съ этого года заводы начинаютъ расти, какъ грибы. За короткое время возникъ цѣлый рядъ чудовищныхъ чугуноплавильныхъ заводовъ — Александровскій, Каменскій, Гданцевскій, Дружковскій, Петровскій, Донецко-Юрьевскій, Никополь-Маріупольскій, Таганрогскій и др. Число рабочихъ на

чугуноплавильномъ заводѣ Юза около 10 тыс. чел., на прочихъ немногимъ меньше.

Въ 1899 г. на югѣ было 17 большихъ чугуноплавильныхъ заводовъ и 29 дѣйствующими доменными печами и съ 12 вновь строющимися [1]).

Всѣ эти заводы работаютъ, главнымъ образомъ, по казеннымъ заказамъ и притомъ преимущественно желѣзнодорожный матеріалъ. Тѣмъ не менѣе, вокругъ нихъ быстро появились болѣе мелкіе заводы, перерабатывающіе желѣзо въ разныя издѣлія. Такъ Александровскій заводъ вызвалъ устройство 4 болѣе мелкихъ заводовъ (трубчатыхъ и механическихъ); рядомъ съ Новороссійскимъ заводомъ основанъ литейно-механическій заводъ; другой механическій заводъ возникъ на станціи Дебальцево, и образовалась цѣлая сѣть заводовъ въ разныхъ пунктахъ Александровскаго уѣзда. По словамъ г. Рагозина, такихъ маленькихъ заводовъ (маленькихъ, разумѣется, сравнительно съ вышеназванными гигантами заводскаго міра) въ 1895 году насчитывалось не менѣе 100 [2]).

Вотъ какъ характеризуется развитіе южнорусской металлургической промышленности въ интересныхъ статьяхъ „Вѣстника Финансовъ“ за 1896 г.

„Южнорусская желѣзодѣлательная промышленность въ настоящее время переживаетъ самый горячій моментъ своего развитія. Капиталы, затрачиваемые въ это дѣло, съ каждымъ годомъ прибываютъ; заводы съ громаднымъ производствомъ растутъ съ такой быстротой, которая мало свойственна нашей отечественной предпріимчивости... Тамъ, гдѣ 3—4 года тому назадъ и не помышляли о какой-либо промышленной дѣятельности, теперь выстроили заводы съ доменными печами, производительность которыхъ достигаетъ 10.000 пудовъ въ сутки на каждую“ [3]).

Весьма характерно, что южнорусскіе заводы устроены преимущественно на иностранные капиталы. „Изъ существующихъ предпріятій“,—читаемъ далѣе [4])„—чисто русскими можно назвать

---

[1]) Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Спб. 1899. Часть II. стр. 61.

[2]) Евг. Рагозинъ. Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. С.-ПБ. 1895. Стр. 71. Эта книга имѣетъ интересъ, какъ результатъ личныхъ наблюденій автора, хотя къ даннымъ, ссобщаемымъ имъ, нужно относиться съ большой осторожностью. Авторъ, горячій протекціонистъ, защищаетъ интересы крупныхъ заводчиковъ, отождествляя съ этими интересами „благо Россіи.“

[3]) Вѣстникъ Финансовъ. 1896 г. № 22. Очерки южнорусской металлургической промышленности.

[4]) „Вѣстникъ Финансовъ,“ 1897 г. № 17. Стр. 263.

только два—Сулинскій заводъ Пастухова и Александровскій Брянскаго общества. Прочіе же или принадлежатъ цѣликомъ иностранцамъ, или же вперемежку съ русскими. Такъ, заводъ Новороссійскаго общества (Юза) принадлежитъ англичанамъ, Гданцевскій—французамъ, Днѣпровскій Южнорусскаго общества—бельгійцамъ (главный акціонеръ Коккериль), Дружковскій Донецкаго общества—французамъ" и т. д.

На заграничныхъ рынкахъ акціи этихъ заводовъ, приносившихъ огромные дивиденды, отъ которыхъ давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли такъ высоко, что достаточно было прибавить къ названію фирмы слово „днѣпровскій" или „донецкій", чтобы разсчитывать на легкій сбытъ акцій за границей.

За короткое время цѣна на угольныя земли въ донецкомъ районѣ поднялась со 100—150 р. за десятину до 200—300 и даже 400 руб. за дес. Были случаи продажи по 500—600 р. за дес. „Промышленное настроеніе",—читаемъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ" № 33 за 1897 г.,—„проникло во всѣ слои населенія юга Россіи, отодвинувъ на второй планъ другіе интересы. Въ послѣднее время ростъ промышленности отмѣчается не десятилѣтіями, но двумя-тремя годами. За два года югъ Россіи положительно измѣнилъ свою физіономію въ промышленномъ отношеніи". Возникъ цѣлый рядъ новыхъ рудниковъ и заводовъ; изъ послѣднихъ можно указать заводъ Донецкаго общества близъ станціи Дружковки, обширный желѣзодѣлательный заводъ Русско-бельгійскаго общества близъ Волынцева, металлургическій заводъ Угре близъ Таганрога, заводъ Донецко-Юрьевскаго общества близъ Луганска, и т. д. и т. д. Въ Харьковѣ возникъ огромный паровозный и машиностроительный заводъ. Машиностроительные заводы строятся и въ другихъ городахъ южной Россіи—Екатеринославлѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Маріуполѣ. „Промышленность и торговля юга Россіи такъ растетъ, что ни желѣзныя дороги, ни южные порты не успѣваютъ удовлетворять требованіямъ промышленности и торговли" [1]).

Главнымъ предметомъ изготовленія южнорусскихъ заводовъ являются рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности. Заводы при самомъ своемъ возникновеніи запасаются казенными заказами на нѣсколько лѣтъ. Казна является важнѣйшимъ покупателемъ этихъ заводовъ (болѣе старые изъ послѣднихъ возникали при непосредственной денежной поддержкѣ казны—частью въ видѣ единовре-

[1]) Вѣстникъ Финансовъ 1897 г. № 33. Стр. 474.

менной ссуды при устройствѣ заводовъ, частью—денежной преміи съ пуда выдѣлываемыхъ рельсъ). Теперь казенная поддержка выражается въ заранѣе обезпеченныхъ казенныхъ заказахъ.

Такимъ образомъ эти необыкновенные успѣхи по установившейся у насъ терминологіи „искусственны". Это нисколько не подрываетъ ихъ значенія, ибо казна не перестанетъ строить желѣзныя дороги (наша желѣзнодорожная сѣть еще только въ началѣ), и, слѣдовательно, не перестанетъ нуждаться въ рельсахъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностяхъ; значитъ, и рынокъ для нашей металлургической промышленности не исчезнетъ. Но кромѣ того на южнорусскихъ заводахъ растетъ, хотя и болѣе медленно, изготовленіе „торговаго желѣза"—разныхъ желѣзныхъ издѣлій для широкаго рынка. Въ настоящее время изготовленіе желѣза не для желѣзнодорожныхъ надобностей отступаетъ на задній планъ потому, что спросъ на желѣзнодорожныя издѣлія, вслѣдствіе быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ еще недавно превышалъ предложеніе, и цѣны на рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности были очень высоки. На пудѣ рельсъ заводы еще очень недавно зарабатывали чистаго барыша 50—70 коп. Понятно, что заводы преимущественно и выдѣлывали рельсы; но паденіе цѣны рельсъ принудитъ заводы обратить больше вниманія на изготовленіе „торговаго желѣза".

Въ общемъ ростъ нашего чугуноплавильнаго производства за послѣдніе годы былъ чрезвычайно великъ, какъ можно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ данныхъ [1]).

Выплавка чугуна:

Въ милліонахъ пудовъ.

Годы.	Соед. Штаты.	Англія.	Германія	Россія.	Франція.	Бельгія..
1886	352,3	454,6	215,3	32,5	92,0	42,8
1899	844,2	576,7	489,8	165,2	156,6	74,4

За 13 лѣтъ выплавка чугуна въ Россіи увеличилась почти въ пять разъ. Даже абсолютно увеличеніе выплавки чугуна въ Россіи за это время (132,7 мил. пуд.) превосходитъ увеличеніе выплавки въ любой европейской странѣ, кромѣ Германіи. Въ 1886 г. на долю Россіи приходилось менѣе 3% міровой выплавки чугуна и

[1]) А. Матвѣевъ. Желѣзное дѣло въ Россіи въ 1899 г. Спб. 1900. Таблица I.

Россія стояла позади не только Соединенныхъ Штатовъ, Англіи и Германіи, но и Франціи, Бельгіи и Австро-Венгріи. Въ 1899 г. на долю Россіи приходится уже почти 7% міровой выплавки чугуна и Россія стоитъ въ Европѣ позади только Англіи и Германіи. Францію, Бельгію и Австро-Венгрію Россія уже обогнала.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ общими статистическими данными объ общемъ ростѣ нашей промышленности за послѣдніе два года (1898 и 1899), когда темпъ подъема сдѣлался лихорадочно быстръ. Послѣднія общія данныя относятся къ 1897. Но и по нимъ можно судить о силѣ новѣйшаго промышленнаго подъема. Нижеслѣдующая поучительная таблица даетъ отчетливое представленіе о ходѣ нашей промышленности за десятилѣтіе 1887—97 гг. (данныя относятся ко всей Россійской Имперіи кромѣ Финляндіи [2]):

Легко замѣтить, что наиболѣе быстрый подъемъ начинается послѣ 1893 г. Такъ, за 6 лѣтъ 1887—93 число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ возросло на 264.856, а цѣнность производства на 400.498 тысячъ рублей. Напротивъ, за 4 года 1893—97 гг. число рабочихъ возросло на 515.358, а цѣнность производства на 1.104.147 тысячъ руб. За первое шестилѣтіе средній годовой приростъ рабочихъ равнялся приблизительно 44 тысячамъ, а цѣнности производства—67 милліонамъ руб. За второе четырехлѣтіе средній годовой приростъ рабочихъ уже достигалъ 129 тысячъ, а цѣнности производства—276 мил. рублей.

Съ 1893 г. наблюдается быстрый подъемъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Особенно бросается въ глаза огромный ростъ цѣнности вырабатываемыхъ продуктовъ въ обработкѣ металовъ и горномъ дѣлѣ. Число горнозаводскихъ рабочихъ возрастаетъ однако гораздо слабѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Причина этого лежитъ въ быстромъ ростѣ производительности труда именно въ этой отрасли промышленности. Новые южные металлургическіе заводы требуютъ несравненно меньшаго числа рабочихъ для производства опредѣленнаго количества металла, чѣмъ старинные заводы на Уралѣ, хозяйство которыхъ сложилось на принудительномъ трудѣ и до сихъ поръ не можетъ вполнѣ освободиться отъ

[2]) По „Своду данныхъ о фабричнозаводской промышленности въ Россіи за 1897". 1900. Сильное увеличеніе суммы производства и числа рабочихъ въ производствахъ по обработкѣ дерева съ 1896 г. объясняется, главнымъ образомъ, болѣе полной регистраціей лѣсопильныхъ заводовъ.

Группы производствъ.	Число фабрикъ и заводовъ.			Цѣнность выработанныхъ продуктовъ и издѣлій, въ тысячахъ рублей.			Число рабочихъ.		
	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.
Волокнистыя вещества . . .	2.847	3.025	4.449	463.044	621.929	946.296	399.178	497.940	642.520
Питательные продукты . . .	14.508	13.607	16.512	375.286	399.700	648.116	205.223	216.834	255.357
То же безъ муком. производства.	9.229	10.181	10.588	225.826	247.260	359.158	176.849	187.451	207.582
Животные продукты	4.425	3.350	4.238	79.495	78.422	132.058	38.876	44.228	64.418
Обработка дерева	1.093	1.191	2.357	25.688	38.876	102.897	30.703	39.913	86.273
Писчебумажныя производства.	242	343	532	21.030	27.529	45.490	19.491	33.803	46.190
Химическія производства . .	588	683	769	21.509	39.560	59.555	21.134	28.382	35.320
Керамическія производства .	2.380	2.031	3.413	28.965	34.472	82.590	67.346	75.474	143.291
Горная и горнозаводская промышленность	2.656	3.482	3.412	156.012	249.168	393.749	390.915	461.455	544.333
Металлическія издѣлія . . .	1.377	1.822	2.412	112.618	171.140	310.626	103.300	132.008	214.311
Производства, не вошедшія въ предыдущія группы. . . .	772	799	935	50.852	74.201	117.767	41.882	52.867	66.249
Итого по всѣмъ группамъ . .	**30.888**	**30.333**	**39.029**	**1.334.499**	**1.734.997**	**2.839.144**	**1.318.048**	**1.582.904**	**2.098.262**
То же безъ мукомольнаго производства	25,609	26.907	33.105	1.185.039	1.582.557	2.550.186	1.289.674	1.553.521	2.050.487

остатковъ крѣпостнаго права. Вполнѣ возможно, что техническій прогрессъ на уральскихъ заводахъ поведетъ къ значительному сокращенію спроса на трудъ со стороны этихъ заводовъ, ибо, повторяю, спросъ этотъ, въ современныхъ размѣрахъ, въ значительной мѣрѣ основывается на отсталости техники уральскаго металлургическаго дѣла.

Итакъ промышленное развитіе послѣднихъ годовъ характеризовалось весьма энергичнымъ подъемомъ, особенно сильнымъ въ обработкѣ металловъ и горномъ дѣлѣ. Какъ выше сказано, наша желѣзодѣлательная промышленность (важнѣйшая отрасль горнаго дѣла) работаетъ преимущественно желѣзнодорожныя принадлежности. Отсюда выясняется основная причина промышленнаго подъема конца 90-хъ годовъ. Причина эта заключалась главнымъ образомъ въ усиленіи желѣзнодорожнаго строительства, къ которому присоединилась учредительская горячка, особенно развившаяся за 1898—99 годы. Усиленіе желѣзнодорожнаго строительства началось съ 1893 г., при чемъ съ 1896 г. расширеніе желѣзнодорожной сѣти идетъ лихорадочнымъ темпомъ.

Вотъ соотвѣтствующія данныя за 1891—99 годы [1])

Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).	Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ. (версты).	Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ. (версты).
1891	118	1894	2117	1897	2394
1892	490	1895	1839	1898	2865
1893	1691	1896	2272	1899	4692

Въ интересномъ докладѣ г. В. Михайловскаго, прочитанномъ въ 1897 г. въ статистическомъ отдѣленіи Московскаго юридическаго общества, „Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти“ сгруппировано очень много данныхъ, ярко обрисовывающихъ „безпримѣрную въ нашей экономической исторіи желѣзнодорожную горячку“ Какъ казна, такъ и частныя общества строили дороги съ лихорадочной быстротой. Министерство финансовъ было буквально завалено проектами новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Въ продолженіе послѣднихъ 7 лѣтъ наша желѣзнодорожная сѣть выросла болѣе, чѣмъ на половину. Ни въ одной европейской странѣ, въ періодъ самого оживленнаго желѣзнодорожнаго строительства, по-

[1]) Статистическій обзоръ желѣзныхъ дорогъ и внутреннихъ водныхъ путей Россіи. Спб. 1900. Изд. М-ва Путей Сообщенія. Эти данныя относятся ко всей Россійской Имперіи, включая Финляндію.

стройка дорогъ не шла такъ энергично. Такъ за послѣднее пятилѣтіе средняя длина ежегодно открываемыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи составляла 2812 верстъ, а въ Германіи, въ періодъ желѣзнодорожной горячки 1870—80 г., открывалось, среднимъ числомъ, 1.496 километровъ, во Франціи, за то же время,—873 километровъ, въ Англіи за 1840—50 гг.—931 кил. и т. д. Еще недавно наша желѣзнодорожная сѣть уступала по протяженію французской и англійской, не говоря уже объ американской и нѣмецкой. Теперь же наша сѣть уступаетъ только американской.

Желѣзнодорожная горячка послѣдняго времени была значительно сильнѣе знаменитой горячки 70-хъ годовъ, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ

(верстъ).

1870 г.	2960	1873 г.	1879
1871 „	2429	1874 „	1697
1872 „	831	1875 „	759

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, въ первомъ изданіи настоящей работы, я указалъ, чѣмъ долженъ завершиться весь этотъ удивительный подъемъ. „Мы идемъ къ промышленному кризису“,—писалъ я въ началѣ 1898 г., въ періодъ наибольшаго оживленія промышленности и биржевыхъ вакханалій, когда самая мысль о кризисѣ казалась, какъ людямъпрактики, такъ и доктринерамъ народничества, нелѣпой [1]). И, дѣйствительно, кризисъ наступилъ.

Чрезвычайно поучительно развитіе этого кризиса. Промышленный подъемъ конца 90-хъ годовъ, какъ извѣстно, имѣлъ міровой характеръ и былъ особенно рѣзко выраженъ въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Предшествующая эпоха промышленной депрессіи закончилась въ 1895 г. Застой торговли всегда приводитъ къ скопленію въ банкахъ свободнаго незанятаго капитала и пониженію ссуднаго процента. Низкій ссудный процентъ поощряетъ спекуляцію и благопріятствуетъ грюндерству, устройству новыхъ предпріятій, расширенію основного капитала общества. Вытекающее отсюда оживленіе промышленности ведетъ къ уменьшенію свободнаго ссуднаго капитала и повышенію ссуднаго процента, что заканчивается кризисомъ. Таковъ естественный механизмъ періодической смѣны подъема и упадка, оживленія и за-

1) См. первое изданіе „Русской фабрики“. Спб. 1898 г. Стр. 325.

стоя, прилива и отлива капиталистической промышленности, согласно теоріи кризисовъ, данной мною въ книгѣ „Промышленные кризисы“.

Посмотримъ же, какъ измѣнялся ссудный процентъ за разсматриваемое время на важнѣйшихъ рынкахъ Западной Европы.

Средніе учетныя нормы [1]).

ГОДЫ.	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.
1895	2,20%	2 %	3,15%
1896	2 „	2,48 „	3,65 „
1897	2 „	2,78 „	3,84 „
1898	2,20 „	3,26 „	4,28 „
1899	3,06 „	3,75 „	4,98 „

И въ Лондонѣ и въ Берлинѣ учетный процентъ повышается съ удивительной правильностью вплоть до 1899 г. Въ Парижѣ также наблюдается повышеніе учетнаго процента за 2 послѣдніе года. Тѣмъ не менѣе, вплоть до 1897 г. учетный процентъ въ Западной Европѣ оставался низкимъ, — что указывало на обиліе свободнаго капитала. Это обиліе свободныхъ капиталовъ на западно-европейскомъ рынкѣ и явилось основной причиной того широкаго притока въ Россію иностранныхъ капиталовъ, которое было такимъ выдающимся фактомъ нашего промышленнаго развитія послѣднихъ лѣтъ. Отливъ капиталовъ изъ странъ старинной капиталистической культуры въ болѣе юныя капиталистическія страны есть постоянное явленіе, сопутствующее періодическимъ эпохамъ промышленнаго подъема. Благопріятные фазисы промышленнаго цикла всегда сопровождаются подобной эмиграціей капиталовъ, являющейся однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ распространенія капиталистическаго производства по всему земному шару. Вопросъ этотъ, въ примѣненіи къ руководящей капиталистической странѣ, Англіи, разобранъ мною въ названной работѣ „Промышленные кризисы“, къ которой я и отсылаю интересующагося читателя.

Точныхъ статистическихъ данныхъ о размѣрѣ прилива за послѣдніе годы иностраннаго капитала въ Россію не существуетъ. По расчету г. Брандта, основной капиталъ иностранныхъ акціонерныхъ предпріятій *только* въ металлургической и каменноугольной промышленности достигалъ въ 1897 г. 167.683.554 р.,

[1]) Г. Е. Аѳанасьевъ. „Денежный кризисъ“. Одесса. 1900. Стр. 2.

а весь капиталъ тѣхъ же предпріятій (облигаціонный, запасной, резервный и пр.) равнялся въ томъ же году 223.483.861 руб. [1]) Основные капиталы всѣхъ бельгійскихъ предпріятій въ Россіи достигали къ 1 янв. 1899 г. 339.843.500 р. [2]). По этимъ даннымъ можно судить, какими крупными цифрами выражается участіе иностранныхъ капиталовъ въ нашей промышленности. Большая часть этихъ сотенъ милліоновъ иностранныхъ капиталовъ была помѣщена въ Россіи за самые послѣдніе годы—послѣ 1894 года. Денежная реформа, проведенная съ такимъ успѣхомъ г. Витте, въ огромной мѣрѣ облегчила притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, устранивъ колебанія русской валюты. Въ этомъ привлеченіи иностранныхъ капиталовъ и заключалась главная задача реформы.

Итакъ тѣсная связь между общимъ промышленнымъ подъемомъ послѣдняго времени въ богатыхъ капиталистическихъ странахъ Запада и подъемомъ у насъ не подлежитъ сомнѣнію. Мы втянуты въ круговоротъ мірового капиталистическаго развитія; мы составляемъ часть огромнаго капиталистическаго цѣлаго и законы цѣлаго управляютъ и этой частью. Наша капиталистическая промышленность испытывала и раньше, какъ мы видѣли, періодическія колебанія. Но такъ какъ значеніе промышленности въ русскомъ хозяйственномъ укладѣ въ настоящее время чрезвычайно возросло, то соотвѣтственно возросло и значеніе этихъ колебаній.

Цѣлый рядъ конверсій, совершенныхъ нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ находился въ связи съ значительнымъ пониженіемъ въ Россіи ссуднаго процента. Конверсіи эти, установившія для Россіи норму доходности государственныхъ процентныхъ бумагъ не очень отличавшуюся отъ западно-европейской (около 4%) явились существеннымъ стимуломъ послѣдовавшей затѣмъ учредительной горячки, ибо наши капиталисты, помѣщавшіе раньше деньги въ государственныя процентныя бумаги, не могли удовлетвориться такимъ невысокимъ, сравнительно съ обычными огромными барышами нашихъ промышленниковъ, процентомъ. Замѣчу, кстати, что конверсіи государственныхъ процентныхъ бумагъ были въ тѣсной связи и въ Западной Европѣ съ промышленными горячками и кризисами.

Какъ показываетъ опытъ западно-европейскихъ странъ, про-

[1]) „Иностранные капиталы". II. Стр. 235.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ", 1899, № 40.

мышленнымъ кризисамъ обыкновенно предшествуютъ биржевые кризисы. То же самое наблюдалось у насъ. Биржевая спекуляція начинаетъ развиваться на петербургской биржѣ съ конца 1893 г. Курсъ биржевыхъ бумагъ сталъ быстро возрастать, при чемъ максимумъ былъ достигнутъ около 1896 г. Вотъ, напримѣръ, средніе годовые курсы на петербургской биржѣ акцій нѣкоторыхъ важнѣйшихъ кредитныхъ, торговопромышленныхъ предпріятій и желѣзныхъ дорогъ за 1891—96 годы [1]).

Коммерческіе банки.

Наименованіе.		Г О Д Ы.					
		1891	1892	1893	1894	1895	1896
С.-Петербургскій учетный и ссудн.	в.	627	567	499	665	910	858
	н.	540	445	434 1/2	466	620	630
С.-Петербургскій международный	в.	533	465	512	683	770	712
	н.	437	420	435	486	615	618
Русскій для внѣшн. торговли	в.	298	291	331	466	550	555
	н.	238	249 1/2	270 1/2	327	420	468
Волжско-Камскій	в.	766	812	920	1050	1400	1375
„ „	н.	700	690	790	890	1000	1195
Русскій торгово-промышленный	в.	255	255	260	368	455	388
	н.	215	200	227	230	335	320

Промышленныя предпріятія и желѣзныя дороги.

Наименованіе.		Г О Д Ы.					
		1891	1892	1893	1894	1895	1896
Россійская бумаго-пряд. мануфакт.	в.	200	150	200	225	350	360
	н.	170	150	160	200	250	330
1 Россійск. страхо-вое общество	в.	1220	1210	1240	1500	1625	1600
	н.	1050	1125	1100	1210	1380	1510
Путиловскіе зав	в.	—	—	79	180	194	147 1/2
„ „	н.	—	—	64 1/2	75	118	112
Брянск. рельсопр. заводы 1 вып.	в.	127	100	133	389	580	557
	н.	112	74	92	133	365	452
Русско-балтійскій вагоностр. зав.	в.	—	—	—	1525	2500	2275
	н.	—	—	—	750	1360	1900
Юго-восточныхъ желѣзн. дорогъ.	в.	175 3/4	160	176 1/4	192 1/4	200 1/2	194
	н.	124 1/2	128 3/4	150 3/4	162	178	163

[1]) По даннымъ „Обзора вексельныхъ курсовъ, учетнаго процента и

Курсы большинства бумагъ падаютъ въ 1892 г. (голодъ въ Россіи и начало промышленнаго застоя во всемъ мірѣ). Къ 1893 г. курсы нѣкоторыхъ бумагъ падаютъ, другихъ повышаются. Въ 1894 г. картина биржевого міра рѣзко мѣняется. Курсы всѣхъ бумагъ дѣлаютъ огромный скачекъ кверху. Произошла полная перемѣна биржевого настроенія. Биржевая спекуляція расправила крылья и смѣло устремилась впередъ. 1895 годъ былъ еще лучше предшествовавшаго. Огромныя состоянія наживались биржевой игрой. Всякій петербуржецъ легко могъ убѣдиться безъ помощи какихъ бы то ни было таблицъ въ быстромъ развитіи биржевой игры. Достаточно было пройти мимо зданія петербургской биржи, вокругъ которой въ началѣ 90-хъ годовъ не замѣчалось никакого движенія и площадь передъ которой представляло собой подобіе пустыни, и посмотрѣть на нескончаемый рядъ экипажей, который теперь стоялъ у подъѣзда биржи въ часы биржевыхъ собраній, чтобы убѣдиться въ происшедшей перемѣнѣ. Страсть къ биржевой игрѣ охватила обширные круги общества; оффиціальная биржа не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ принять участіе въ биржевой вакханаліи и нѣкоторые модные рестораны гостепріимно открыли свои двери для биржевыхъ игроковъ, для которыхъ на оффиціальной биржѣ не находилось мѣста.

Уже въ 1896 г. на биржѣ стала чувствоваться реакція. При сравненіи курсовъ биржевыхъ бумагъ за 1896 и 1895 г. видно, что многія бумаги нѣсколько понизились въ цѣнѣ. Въ 1896 г. былъ моментъ рѣзкаго паденія курсовъ, биржевого кризиса. Но такъ какъ общее состояніе промышленности въ это время отнюдь не благопріятствовало распространенію кризиса,—промышленный подъемъ только начинался и темпъ его быстро наросталъ,—то паденіе биржевыхъ курсовъ произвело лишь мимолетное впечатлѣніе на внѣбиржевыя сферы. Люди практики, со своей обычной ограниченностью кругозора, не обратили никакого вниманія на этотъ первый раскатъ приближавшейся грозовой тучи.

„Биржевой кризисъ 1896 г.“,—писалъ я въ 1898 г. въ первомъ изданіи „Русской фабрики“;—„обнаружившійся преимущественно на петербургской биржѣ, быть можетъ, возвѣщаетъ, хотя и отдаленно, начало реакціи“ [1]). И будущее вполнѣ оправдало мои слова.

цѣнъ государственныхъ и частныхъ бумагъ... за 1896 г.“. Буквы в. и н. въ приводимой таблицѣ означаютъ высшій и низшій курсы.

[1]) Русская фабрика, 325.

Обратимся къ движенію курсовъ акцій банковъ за послѣдующіе годы—1897, 1898 и первую половину 1899 года [1]).

		Курсы акцій на С.-Петербургской биржѣ.			
		1896 г.	1897 г.	1898 г.	Январь—іюнь 1899.
С.-Петербургскій учетный и ссудный банкъ.	в.	858	729	755	809
	н.	630	630	645	687
С.-Петербургскій международный.	в.	712	649	635	597
	н.	618	538	565	528
Русскій для внѣшней торговли	в.	555	460	445	450
	н.	468	385	385	399
Волжско-Камскій.	в.	1375	1325	1300	1260
	н.	1195	1200	1207	1180
Русскій торгово-промышленный.	в.	388	385½	383	381
	н.	320	315	327½	330

Курсы большей части банковыхъ акцій съ колебаніями опускаются. Очевидно, 1896 г. былъ годомъ перелома въ движеніи биржевой спекуляціи. За предшествовавшее трехлѣтіе биржа была настроена крайне сангвинически. Повышательное движеніе рѣшительно торжествовало. Послѣ 1896 г. начинаетъ одерживать верхъ тенденція къ пониженію, при чемъ въ 1897 г. послѣдовало рѣзкое паденіе, а за послѣдующіе два года тенденція неопредѣленна. Курсы большинства банковыхъ акцій стоятъ въ первой половинѣ 1899 г. значительно ниже, чѣмъ въ 1896 г.

Поучительно сравнить это медленное понижательное движеніе биржевыхъ курсовъ за трехлѣтіе 1896—99 г. съ выше отмѣченнымъ столь же медленнымъ, но неуклоннымъ повышеніемъ на важнѣйшихъ рынкахъ Западной Европы учетнаго процента. И то и другое было вызвано одной причиной — уменьшеніемъ свободнаго незанятаго капитала, который переставалъ съ прежнимъ обиліемъ притекать въ банки и на биржу.

Биржевая реакція нисколько не отражалась на общемъ ходѣ промышленности. Въ то время, какъ на биржѣ оживленіе ослабѣвало, въ промышленности оживленіе расло и расло. Всѣ эти явленія вполнѣ закономѣрны и представляютъ собою естественные моменты развитія промышленныхъ кризисовъ. Кризисъ, кото-

[1]) Данныя за 1897—99 г.г. взяты изъ „Сводныхъ балансовъ акціонерныхъ банковъ“, издав. комитетомъ съѣзда представителей акціонерныхъ банковъ подъ редакціей А. К. Голубева.

рый всѣмъ казался такимъ неожиданнымъ, въ дѣйствительности подготовлялся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Уже съ конца 1898 г. въ Россіи начинаетъ чувствоваться значительное стѣсненіе въ деньгахъ. Деньги внезапно становятся „дороги“! При томъ незнакомствѣ съ явленіями денежнаго обращенія, которое господствуетъ въ широкой публикѣ, неудивительно, что разные беззаботные публицисты, въ родѣ гг. Шарапова, Оля и др., подняли вопли о недостаткѣ денегъ въ обращеніи. Золотая валюта явилась козлищемъ отпущенія. И, дѣйствительно, фактъ значительнаго „вздорожанія“ денегъ былъ налицо.

Оффиціальный дисконтный процентъ [1]).

1898 годъ.

	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ (6-мѣсячные векселя).
Іюль. . . .	2	2½	4	5½
Августъ. . .	2	2½	4	5½
Сентябрь. . .	2	2½—3	4 —5	5½
Октябрь. . .	3	3 —4	5 —5½	5½—6½
Ноябрь. . . .	3	4	5½—6	6½
Декабрь. . .	3	4	6	6½

1899 годъ.

	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ (6-мѣсячные векселя).
Январь . . .	3	4 —3½	6 —5	6½—6
Февраль. . .	3	3½—3	5 —4½	6
Мартъ. . . .	3	3	4½	6
Апрѣль. . .	3	3	4½	6
Май.	3	3	4½—4	6 — 5½
Іюнь.	3	3 —4	4½—4	5½—6

Всякому сколько-нибудь образованному экономисту извѣстно что повышеніе дисконтнаго процента (въ чемъ и видятъ „вздорожаніе“ денегъ) отнюдь не равнозначуще съ уменьшеніемъ или недостаточностью денегъ въ обращеніи. Высота учетнаго процента зависитъ отъ спроса и предложенія ссудныхъ капиталовъ. Высокій учетный процентъ указываетъ на то, что спросъ на ссудный капиталъ высокъ сравнительно съ предложеніемъ этихъ капиталовъ—и только. Количество денегъ въ обращеніи здѣсь рѣшительно не причемъ. Золотая валюта лишь постольку виновата въ повышеніи у насъ учетнаго процента въ 1898—99 г.г., поскольку она

[1]) Афанасьевъ, 3.

явилась однимъ изъ могущественныхъ факторовъ небывалаго подъема нашей промышленности, что въ свою очередь усиливало въ огромныхъ размѣрахъ спросъ на капиталъ.

Итакъ уже съ конца 1898 г. на русскомъ рынкѣ начинаетъ чувствоваться сильное стѣсненіе въ деньгахъ. Учредительская горячка предшествовавшихъ лѣтъ повела къ тому, что возникло множество предпріятій, почти не обладавшихъ никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовавшихъ лишь при помощи кредита. Вотъ какъ описываетъ грюндерство подобнаго рода г. Афанасьевъ, близко знакомый съ дѣлами этого рода по своей должности управляющаго конторой Государственнаго банка въ Кіевѣ.

„Мнѣ приходилось наблюдать эти образовавшіяся предпріятія, и я могу представить слѣдующую схему ихъ образованія. Нѣсколько лицъ обладаютъ капиталомъ въ 200 т. р. Нужно для постройки завода составить капиталъ въ 500 т. р. Процедура составленія его такова: пишется уставъ и посылается на утвержденіе въ министерство. Уставъ утвержденъ съ тѣмъ, что общество можетъ начать дѣйствовать съ того момента, какъ оно внесетъ паевой капиталъ въ Государственный банкъ. Учредители обращаются въ какой-либо банкъ и просятъ ссудить имъ на одинъ день недостающую сумму въ 300 т. р., которую тотъ же банкъ внесетъ за счетъ учредителей въ Государственный банкъ“.

„Итакъ паевой капиталъ „собранъ“. Получается удостовѣреніе объ этомъ отъ Государственнаго банка и шлется депеша министру. Теперь учредители могутъ собрать общее собраніе и выбрать правленіе, которому поручается получить изъ Государственнаго банка внесенный туда складочный капиталъ. Его получаетъ тотъ же банкъ, который и вносилъ его. Но теперь владѣльцы акцій, они же и учредители, могутъ получить въ какомъ-либо банкѣ подъ акціи извѣстную ссуду, скажемъ, въ размѣрѣ 40%. Вотъ еще 200 т. р. готовы; далѣе; они могутъ въ долгъ заказать машины для завода и для этого получить кредитъ въ заграничномъ заводѣ въ 100 т. р. Далѣе, есть еще возможность продать сахаръ будущаго производства и получить, скажемъ за 100 т. пуд. по рублю на пудъ, 100 т. р. и употребить эту сумму на авансы земледѣльцамъ за свеклу. Такимъ образомъ, хозяинъ завода въ 500 т. р. имѣетъ въ дѣйствительности только 200 т. р., а остальное все въ кредитѣ. Такихъ предпріятій въ области сахарной промышленности образовалось не мало, и всѣ они построены были на расчетѣ, что, во-первыхъ, прибыль сахарнаго дѣла покроетъ про-

центы на занятый капиталъ и дастъ средства амортизировать и капиталъ, а во-вторыхъ, на легкости и дешевизнѣ кредита. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ расчетъ увѣнчался успѣхомъ и соблазнилъ другихъ предпринимателей. Но очевидна вся шаткость такого положенія. Вздорожалъ капиталъ,—а слѣдовательно и кредитъ,—и картина мѣняется: вмѣсто дохода получается минусъ, положеніе предпріятія становится затруднительнымъ, а кредитоспособность его хозяевъ уже исчерпана и новыхъ займовъ уже дѣлать нельзя. Напротивъ, заимодавцы (преимущественно банки) начинаютъ сокращать тотъ кредитъ, который оказывали, такъ какъ начинаютъ чувствовать страхъ предъ шаткимъ положеніемъ предпріятія“ [1]).

Совершенно такъ же обстояло дѣло и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Всѣмъ извѣстно, что важнѣйшей операціей большинства петербургскихъ и московскихъ банковъ сдѣлалось такъ называемое „финансированіе“ разныхъ торговопромышленныхъ предпріятій, снабженіе ихъ денежными средствами въ видѣ ссудъ подъ залогъ ихъ акцій и реализированіе этихъ акцій. Дисконтная операція отступила на задній планъ передъ этими новыми, болѣе выгодными операціями, благодаря которымъ банки приняли самое близкое участіе въ грюндерствѣ.

Сводные балансы акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита [2]).
(въ тысячахъ рублей).

	Петербургскіе банки.		Московскіе банки.	
	Учетъ.	Ссуды.	Учетъ.	Ссуды.
Къ 1 января 1896 г. . .	86.819	155.014	32.082	64.987
„ „ 1899 „ . .	170.584	177.786	78.435	85.273
„ 1 іюля 1899 „ . .	171.162	157.010	88.065	77.002

Значительно большая часть этихъ ссудъ выдавалась подъ весьма ненадежное обезпеченіе въ видѣ акцій и облигацій разнаго рода торговопромышленныхъ предпріятій. Ненадежность этого обезпеченія стала ясно чувствоваться при ухудшеніи настроенія биржи, которое особенно усиливается съ лѣта 1899 г. Ради собственной безопасности банки были принуждены прибѣгнуть къ сокращенію ссудъ этого рода; въ іюлѣ 1899 г. ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ значительно сокращаются. Отказъ въ кредитѣ явился тяжелымъ ударомъ для многихъ предпріятій, державшихся только

[1]) Афанасьевъ, 29.
[2]) Афанасьевъ, 13.

кредитомъ, и вотъ въ августѣ слѣдуютъ первые крупные крахи—Дервиза и Мамонтова, двухъ крупнѣйшихъ предпринимателей, обороты которыхъ считались десятками милліоновъ и которые принимали участіе въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ, преимущественно желѣзнодорожныхъ и машиностроительныхъ. Эти крахи вызвали панику на биржѣ и въ концѣ сентября послѣдовало общее крушеніе биржевыхъ цѣнностей, Особенно рѣзко было это крушеніе въ „черный день“ петербургской биржи — 23 сентября. Оффиціальный дисконтный процентъ поднялся въ сентябрѣ (за 6-мѣсячные векселя) до 7, а въ декабрѣ даже до $7^1/_2$. Усилія министерства финансовъ прекратить панику на денежномъ рынкѣ и возстановить довѣріе на биржѣ оказались совершенно тщетными. Курсы большинства акцій продолжали съ колебаніями падать въ теченіе послѣдней четверти 1899 г. и первой половины 1900 г., послѣ чего на биржѣ наступило нѣкоторое улучшеніе.

Несмотря на то, что биржевая паника сопровождалась крушеніемъ нѣсколькихъ промышленныхъ фирмъ (особенное значеніе имѣло банкротство огромнаго вагоностроительнаго завода „Феникъ“; всего же за время кризиса обанкротилось 3 вагоностроительныхъ завода), первое время преобладало мнѣніе, что переживаемый Россіей кризисъ не есть торговопромышленный, а лишь биржевой. Мнѣніе это особенно усердно поддерживалось министерствомъ финансовъ въ его оффиціальныхъ органахъ—„Торговопромышленной Газетѣ“ и „Вѣстникѣ Финансовъ“,—а также въ газетѣ „Новое Время“. Даже наличность денежнаго кризиса рѣшительно отрицалась. Предполагалось, что биржевые крахи суть результатъ зловредной спекуляціи немногихъ биржевыхъ дѣльцовъ, для обузданія которыхъ принимались самыя энергичныя мѣры. Однако остановить понижательную тенденцію на биржѣ не удалось. Несостоятельности учащались и охватывали все болѣе и болѣе обширныя сферы, далеко распространившись за предѣлы биржевой публики.

Зима 1899—1900 гг. была посвящена ликвидаціи предшествовавшаго промышленнаго подъема. Изъ всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія о застоѣ торговли, банкротствахъ, безработицѣ. Приведу нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій.

Въ очень тяжелой формѣ промышленный застой выразился въ Лодзи и въ сѣверо-западномъ промышленномъ районѣ, особенно въ Бѣлостокѣ, гдѣ жестоко пострадала ткацкая промышленность. Такъ „Сѣверо-Западное Слово“ сообщало изъ Бѣлостока: „Фа-

КУРСЫ АКЦІЙ КОММЕРЧЕСКИХЪ БАНКОВЪ НА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ [1]).

		1899 годъ.						1900 годъ.					
		Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Ноябр.	Дек.	Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь
Учетный и ссудный.	в.	700	687	686	684	693	679	665	658	640	582	546	504
	н.	652	654	640	670	669	635	645	632	575	554	500	467
Международный . .	в.	528½	502	486	460	466	458	430	429	420½	406	392	365
	н.	460	485	440	450	450	434	420	417	409	390	350	337
Русскій для внѣшней торговли. . .	в.	400	383	376	360	362	354	341	345½	331½	323	313	286
	н.	350	361	346	348	350	325	332	327	317½	312	287	251
Волжско-Камскій. .	в.	1206	1190	1201	1210	1240	1240	1233	1228	1250	1245	1170	1150
	н.	1190	1180	1180	1193	1210	1210	1215	1216	1230	1170	1160	1133
Русскій торгово-промышленный . . .	в.	332	283	276	255	253½	250½	245	244½	248	239	232	220
	н.	260	270½	235	247	234	223½	224	229	226	227	210	204½

1) По „Своднымъ балансамъ акціонерныхъ банковъ“.

брики, за немногими исключеніями, прекратили работы; многіе рабочіе бродятъ по городу въ поискахъ за заработками или хлѣбомъ. Неоднократно уже поднимался вопросъ объ облегченіи участи рабочаго люда, но до сихъ поръ остается открытымъ. Вообще, текущій годъ для Бѣлостока—тяжелый годъ. Нужна помощь основательная; нужно облегчить время кризиса для многихъ сотенъ людей, оставшихся безъ работы, а стало быть и безъ хлѣба".

По словамъ „Края" мѣстное общество въ Бѣлостокѣ было озабочено въ январѣ „вопросомъ о воспособленіи мѣстнымъ фабричнымъ рабочимъ, которые въ количествѣ до 2.000 человѣкъ остались безъ работы вслѣдствіе настоящаго финансоваго кризиса" („Сѣверный Курьеръ" 30 янв. 1900). Въ Лодзи кризисъ выразился въ очень острой формѣ. „Лодзь въ настоящее время переживаетъ промышленный кризисъ, отражающійся не только на мелкихъ, но и на крупныхъ фабрикантахъ",—читаемъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". „Съ покупательскихъ рынковъ почти ежедневно приходятъ извѣстія о прекращеніи платежей. Многія фабрики сокращаютъ производство и увольняютъ рабочихъ. Въ особенности кризисъ отразился на ткачахъ, работающихъ у себя на дому для фабрикъ. Лодзинская еврейская община сочла необходимымъ ассигновать 20.000 руб. на вспомоществованіе оставшимся безъ работы ткачамъ-евреямъ. Настоящій кризисъ вызвалъ среди лодзинцевъ мысль учредить подъ надзоромъ фабричной инспекціи общество, которое поставило бы своею задачей оказывать матеріальную поддержку временно остающимся безъ работы".

„Сыну Отечества" писали изъ Лодзи въ началѣ 1900 г. о промышленномъ кризисѣ такія строки: „Кризисъ, какъ разрушительный ураганъ пронесся надъ Лодзью. Онъ никого и ничего не миновалъ, всѣхъ и все задѣлъ; до однихъ онъ чуть-чуть дотронулся и особеннаго вреда имъ не причинилъ, другихъ сильно изуродовалъ, а многихъ раздавилъ и похоронилъ подъ развалинами. Это цѣлое поле битвы. Стоитъ только пройтись по Петроковской улицѣ, присмотрѣться къ этимъ сосредоточеннымъ, мрачнымъ лицамъ, съ блуждающими взглядами, чтобы увидѣть, сколько пострадавшихъ... Да, всѣ суетливые, мрачные съ опущенными внизъ головами, господа—люди, закрывшіе или закрывающіе фабрики и фабрички, всѣ они блуждаютъ, какъ тѣни, и не могутъ еще опомниться отъ постигшаго ихъ удара. А куда дѣлись рабочіе закрывшихся фабрикъ? — Никуда они не дѣлись, они тоже толпятся на лодзинскихъ улицахъ. Изъ нихъ болѣе 2.000 съ семьями зареги-

стровано образовавшимся бюро еврейскаго благотворительнаго общества, которое старается облегчить ихъ участь".

Застой торговли все усиливался въ Лодзи вплоть до мая, когда прекратила платежи съ пассивомъ въ $3^1/_2$ милліона рублей одна изъ крупнѣйшихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ края (фабрика И. Бари). По поводу этого банкротства „Сѣверо-Западное Слово" сообщало, что отъ него пострадали преимущественно банкиры и прядильщики. „Этотъ крупный крахъ",—писала газета,—„произвелъ въ промышленныхъ сферахъ громадную сенсацію, укрѣпивъ нашихъ фабрикантовъ въ печальномъ убѣжденіи, что воцарившійся уже болѣе года у насъ весьма серьезный торгово-промышленный кризисъ еще не-такъ скоро минетъ. Результатомъ этого убѣжденія является крайняя воздержанность при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и сокращеніе до minimum'а своего производства. Многіе фабриканты, напуганные перспективой дальнѣйшаго ухудшенія дѣлъ, совсѣмъ пріостановили работы до болѣе благопріятнаго времени. Усиленію кризиса соотвѣтствуетъ крайнее вздорожаніе дисконта. Это обстоятельство убиваетъ всякую предпріимчивость. Всякая попытка смѣлаго фабриканта открыть фабрику, прядильню и т. п. разбивается о крайнее недовѣріе банкировъ и дисконтеровъ, въ услугахъ которыхъ, увы, рѣдкій лодзинскій производитель не нуждается".

Застой торговли былъ такъ великъ, что газеты отмѣчали случаи голодной смерти. Такъ, въ мѣстной газетѣ „Rozwój Lodzki" читаемъ слѣдующее:

„На-дняхъ на улицѣ замѣчена была молодая женщина, не болѣе 21 года. Она шла, шатаясь какъ пьяная, возбуждая насмѣшки прохожихъ, и у нея едва хватало голоса сказать, что она не пьяна, а не ѣла уже 7 дней. Въ тотъ же день упалъ безъ чувствъ на улицѣ мужчина, оказавшійся ткачемъ, лишившимся работы. Онъ не ѣлъ нѣсколько дней и не имѣетъ даже своего угла. Тогда же на улицѣ были подобраны совершенно истощенный отъ голода 12-тилѣтній мальчикъ, дѣвушка 21 года, и 55-тилѣтній старикъ. Въ одинъ день подобрано на улицѣ 5 человѣкъ! Сколько же ихъ осталось незамѣченными, голодающихъ дома и не рѣшающихся, а, можетъ быть, не имѣющихъ уже силъ выходить на улицу? Лодзи, какъ и многимъ другимъ промышленнымъ центрамъ, пришлось пережить всю тягость кризиса, сократившаго работу на фабрикахъ и заводахъ и выбросившаго на улицу цѣлыя толпы лишенныхъ заработка и хлѣба людей. Въ томъ же поло-

женіи находится и Бѣлостокъ и его фабричный районъ". Въ іюнѣ „Сѣверный Курьеръ" сообщалъ, что, по словамъ польскихъ газетъ, берлинскіе капиталисты рѣшили изъять свои капиталы, вложенные ими въ лодзинскія промышленныя предпріятія. Переживаемый Лодзью промышленный кризисъ былъ настолько тяжелъ, что, по словамъ „Гацефиры", одинъ изъ лодзинскихъ раввиновъ началъ собирать пожертвованія для отправки разорившихся еврейскихъ купцовъ и оставшихся безъ работы рабочихъ въ мѣста ихъ прежняго жительства.

Почти столь же тяжела была первая половина 1900 г. и для Варшавы. Такъ, по словамъ „Волыни", „въ началѣ этого года вся коммерческая Варшава была напугана цѣлымъ рядомъ краховъ очень солидныхъ и пользовавшихся полнымъ довѣріемъ фирмъ. Въ маѣ, послѣ непродолжительнаго затишья, крахи снова возобновились съ прежней силой, при чемъ, по словамъ польскихъ газетъ, падаютъ преимущественно крупныя фирмы".

Въ важнѣйшемъ вслѣдъ за Москвой центрѣ хлопчатобумажной промышленности Московско-Владимірскаго района, г. Ивановѣ-Вознесенскѣ, застой торговли обнаружился съ осени 1899 г. „С.-Петербургскіе Вѣдомости" сообщали, что въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ „Фабрики и заводы съ 1 октября сократили свою работу и лишній контингентъ рабочихъ увольняютъ на всѣ четыре стороны... „Иди, молъ, батюшка",—спокойно приговариваетъ богатый фабрикантъ,—„ты мнѣ теперь не нуженъ, дѣла тихи"... Да, это — фактъ, что дѣла то торгово-промышленномъ мірѣ тихи, вслѣдствіе чего волей-неволей фабриканты и сокращаютъ работу на фабрикахъ. Вопросъ этотъ,—какъ сообщаютъ „Сѣв. Краю",—служитъ злобой дня въ торговомъ мірѣ: всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что денегъ нѣтъ, платежи туги. Всѣ удивляются, что деньги какъ будто бы куда-то исчезли. Этотъ денежный кризисъ въ особенности тяжело отзывается на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя такъ или иначе пользуются кредитомъ или построены на немъ."

Изъ Нижняго Новгорода „Волгарь" сообщалъ въ концѣ 1899 г., что въ это время въ нижегородскій биржевой комитетъ поступали въ большомъ количествѣ жалобы на неплатежъ денегъ разными пароходовладѣльцами за аренду судовъ, за взятые матеріалы и проч. „Причиной такого явленія, по словамъ „Волгаря," считается общій упадокъ въ дѣлахъ судоходства—кризисъ, особенно рельефно выразившійся въ навигацію этого года по случаю безработицы и, главнымъ образомъ, чрезвычайнаго паденія фрахтовъ на Волгѣ".

„Нижегородская биржа—пульсъ волжской промышленности—переживаетъ крайне тревожное состояніе: колеблются и падаютъ финансовые столбы, дѣла которыхъ до сего времени считали непоколебимыми, про мелкихъ пароходчиковъ уже и говоритъ нечего: „пролеты“ ихъ проходятъ почти незамѣченными.“ („Новое Время“).

„Нижегородскій Листокъ“ писалъ въ февралѣ 1900 г., что „начавшійся осенью прошлаго года промышленный кризисъ коснулся и Нижняго. Осенью усиленно сокращали штатъ рабочихъ на сормовскихъ заводахъ и на заводѣ Доброва и Набгольцъ; сокращеніе это продолжалось до доброй половины зимы. Расчитывали рабочихъ и на заводѣ Курбатова. Къ заводскому кризису присоединился рядъ краховъ въ пароходномъ мірѣ, благодаря которымъ остались безъ работы цѣлыя группы судовыхъ рабочихъ, какъ, напр., масленщики, кочегары, слесаря и т. п. И рабочій людъ вполнѣ основательно и справедливо назвалъ нынѣшнюю зиму „тяжелой.“ Безъ средствъ и безъ помощи извнѣ, рабочій людъ, предоставленный исключительно самому себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безработицы „спустилъ“ все и увязъ въ долгахъ. Первое вѣяніе весны оживило рабочую массу. Каждый день у садика противъ биржи у гостиницъ Обжорина и Готовкина, на Нижнемъ базарѣ можно встрѣтить толпы безработныхъ, чуть не „Христа-ради“ умоляющихъ взять „на ремонтъ“,—для мелкихъ слесарныхъ работъ на пароходахъ. У большинства вытянутыя лица, подтянутые животы, прикрытые жалкими лохмотьями. Но пароходчики въ нынѣшнемъ году не особенно спѣшатъ съ ремонтомъ, и масса переживаетъ мучительные дни томленія и ожиданій“.

Изъ Тулы „Орловскій Вѣстникъ“ писалъ въ концѣ апрѣля, что „положеніе рабочаго населенія г. Тулы становится все болѣе и болѣе тягостнымъ. Фабрики и заводы сокращаютъ или вовсе пріостанавливаютъ свою дѣятельность, уменьшается точно такъ же спросъ на рабочія руки: напротивъ, количество послѣднихъ увеличивается. Многіе рабочіе давно уже перезаложили свои болѣе или менѣе цѣнныя вещи, даже кое что и изъ домашняго скарба, чтобы только не остаться безъ хлѣба“.

По словамъ „Каспія“ (ноябрь 1899 г.), денежный кризисъ въ Баку отразился сильно на всѣхъ предпріятіяхъ. „Такъ, напримѣръ, на механическихъ заводахъ заказовъ или нѣтъ, или же имѣются въ половинномъ размѣрѣ. Помимо того и по исполненнымъ заказамъ заводы часто не получаютъ денегъ. Такое положеніе вызвало сокращеніе штатовъ мастеровыхъ, и въ настоящее время въ го-

родѣ масса безработныхъ слесарей и токарей". Тѣ же вѣсти шли изъ Баку и по свѣдѣніямъ „Прид. Кр." „Въ Баку,—пишетъ названная газета,—чуть ли не ежедневныя банкротства."

Въ Донецкомъ районѣ, гдѣ грюндерская горячка была особенно сильна, такъ же сильна была реакція. По словамъ „Одесскаго Листка," съ сентября по мартъ въ этомъ районѣ прекратили платежи 18 бельгійскихъ предпріятій, преимущественно передѣлочныхъ. Пассивъ ихъ доходилъ до 4½ мил. руб. Вздорожаніе угля еще болѣе затруднило металлургическіе заводы, сокративши производство. По сообщенію „Приднѣпровскаго Края" изъ Маріуполя (январь 1900 г.), „съ прекращеніемъ работъ на маріупольскихъ заводахъ, нѣсколько тысячъ расчитанныхъ рабочихъ, за неимѣніемъ заработка, разошлись съ заводовъ и увеличили собою толпу голодающаго пролетаріата."

Въ концѣ 1899 г. кризисъ чрезвычайно обострился въ Кіевѣ въ сахарной промышленности. Банкротство нѣсколькихъ крупныхъ сахарныхъ заводовъ вызвало панику среди сахарозаводчиковъ, домогавшихся одно время даже государственной помощи. По словамъ доклада правленія „Волжско-Камскаго" банка, стѣсненіе въ Кіевѣ было едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ („Биржевыя Вѣдомости", 19 апрѣля 1900 г.).

Извѣстія о промышленномъ застоѣ, подобныя вышеприведеннымъ, поступали изо всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Россіи втеченіе всей прошлогодней зимы. Положеніе ухудшалось, какъ выше сказано, вплоть до лѣта; весной послѣдовалъ цѣлый рядъ крупныхъ банкротствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ особенно выдѣлились своими размѣрами, какъ, напр., банкротство торговопромышленной фирмы І. Паллизенъ съ пассивомъ около 7 мил. р. и банкирской конторы А. И. Кутузова съ пассивомъ около 6 мил. рублей. Эта банкирская контора принимала самое дѣятельное участіе въ грюндерской горячкѣ послѣдняго времени. Обанкротилось также нѣсколько другихъ менѣе крупныхъ банкирскихъ конторъ.

Рѣзкое паденіе товарныхъ цѣнъ послѣдовало значительно позже биржевыхъ краховъ; въ 1900 г. цѣны большинства предметовъ фабрично-заводской выработки стояли ниже, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, несмотря на повышеніе цѣны угля и нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ. На Нижегородской ярмаркѣ 1900 обнаружилось значительное паденіе нѣкоторыхъ сортовъ желѣза.

„Котельное желѣзо, — читаемъ въ „Промышленномъ Мірѣ" 1900 г. № 37,—понизилось такъ чувствительно, какъ этого давно

уже не бывало съ уральскимъ желѣзомъ, а именно—на 20 к. въ пудѣ. Причины такого пониженія, по мнѣнію желѣзоторговцевъ, кроются въ ощущаемомъ избыткѣ этихъ сортовъ на рынкѣ и отличавшемся еще съ конца прошлаго года, когда собственно и началось паденіе цѣнъ. Въ свою очередь, причины переполненія рынка котельнымъ желѣзомъ объясняются слабымъ на него спросомъ со стороны фабрикъ и заводовъ, куда главнымъ образомъ и идетъ этотъ сортъ желѣза, въ виду общаго промышленнаго затишья и въ частности благодаря пріостановкѣ фабричнаго строительства, вызваннаго неблагопріятнымъ положеніемъ денежнаго рынка, стѣсненіемъ кредита и т. п.“

Въ только что вышедшемъ періодическомъ изданіи уполномоченныхъ Съѣзда Уральскихъ Горнопромышленниковъ „Желѣзное дѣло Россіи въ 1899 г.“ содержится любопытная характеристика вліянія переживаемаго кризиса на желѣзодѣлательную промышленность Россіи. По словамъ этого изданія, движеніе цѣнъ на желѣзо въ 1899 г. имѣло слѣдующій характеръ: „Въ первомъ періодѣ (съ начала года до осени) почти для всѣхъ рынковъ (Россіи) и для всѣхъ сортовъ чугуна и желѣза были высокія, болѣе или менѣе твердыя цѣны. Для нѣкоторыхъ же сортовъ желѣза, какъ, напр., балки и котельное желѣзо, цѣны съ самого начала года крѣпли и достигли высокихъ размѣровъ. Сортовое и кровельное желѣзо и чугунъ-сырецъ не сходили со своихъ цѣнъ, установившихся еще въ предшествовавшемъ году. Во второмъ же періодѣ года (съ осени) произошелъ поворотъ, цѣны стали падать и притомъ для тѣхъ сортовъ, которые пользовались особеннымъ спросомъ, наступило перепроизводство. Среднесортное желѣзо слегка поддалось въ цѣнѣ, почти то же самое и тонкіе листья котельнаго, а кровельное удержалось въ своей позиціи. Чугунъ тоже нѣсколько подешевѣлъ и вообще весь рынокъ получилъ понижательную тенденцію“ [1]).

Въ 1900 г. цѣны желѣза испытали дальнѣйшее и значительное паденіе (при одновременномъ повышеніи, до весны 1900 г., цѣнъ желѣза на иностранныхъ рынкахъ). На паденіе цѣнъ многихъ сортовъ желѣза повліяло сокращеніе строительства въ концѣ 1899 г. и въ 1900 году. Такъ, этой причиной было вызвано крайне удрученное состояніе желѣзнаго рынка на Кавказѣ, возникшее подъ вліяніемъ реакціи въ нефтяной горячкѣ пред-

[1]) Желѣзное дѣло Россіи за 1899, стр. 28—29.

шествовавшихъ лѣтъ. Въ общемъ помянутое изданіе приходитъ къ такому заключенію: „Переживаемый кризисъ оказывается чрезвычайно сильнымъ и есть даже основаніе предполагать, что слѣдствія его будутъ гораздо значительнѣе, чѣмъ это можно было ожидать, такъ какъ совершившіяся фіаско, не особенно пока многочисленныя, могутъ повлечь за собою дальнѣйшіе крахи и даже крахи такихъ предпріятій, въ основѣ которыхъ имѣются задатки прочнаго и вѣрнаго существованія. А такъ какъ съ существованіемъ заводовъ неразрывно связаны не только интересы капитала въ нихъ затраченнаго, но и интересы примѣняющейся на нихъ рабочей силы, интересы потребителей ихъ производства, а также интересы тѣхъ отраслей промышленности, продукты которыхъ металлургическія предріятія сами потребляютъ, то очевидно, что послѣдствія кризиса, если только онъ приметъ большіе размѣры, могутъ быть громадными и крайне серьезными“ [1]).

Итакъ, въ 1899 — 1900 г. Россія несомнѣнно пережила промышленный кризисъ. Кризисъ этотъ еще далеко но закончился и предстоящая зима, вѣроятно, будетъ не менѣе тяжела, чѣмъ прошлая, тѣмъ больше, что все заставляетъ ожидать промышленной депрессіи во всемъ капиталистическомъ мірѣ. Промышленный циклъ мірового капиталистическаго хозяйства вступаетъ въ свою неблагопріятную фазу. Періодъ небывалаго подъема, начавшійся съ 1895 г.. приходитъ или уже пришелъ къ концу, и предстоящіе 2—3 года будутъ, по всей вѣроятности, отмѣчены въ капиталистическихъ странахъ Западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ тяжелымъ промышленнымъ застоемъ. У насъ кризисъ начался нѣсколько раньше и, выразившись въ очень острой формѣ, быть можетъ будетъ раньше и ликвидированъ.

Переживаемый нами промышленный кризисъ можетъ служить прекрасной фактической иллюстраціей къ моей теоріи кризисовъ. Всѣ фазисы этого кризиса протекаютъ въ полномъ согласіи съ моими теоретическими построеніями. Задолго до начала кризиса я указалъ на неизбѣжность его наступленія; дальнѣйшее развитіе кризиса вполнѣ подтвердило мое теоретическое предвидѣніе. Авторъ выше цитированной интересной и дѣльной брошюры о современномъ кризисѣ, г. Афанасьевъ, повидимому не знакомый съ моей теоріей, даетъ на основаніи фактическаго изученія, объясненіе кризису, во всемъ согласное съ моимъ объясненіемъ кризисовъ

[1]) Тамъ же, стр. 37.

вообще. А именно, онъ приводитъ въ связь подъемъ промышленности послѣдняго времени съ необыкновеннымъ обиліемъ капитала на биржахъ всего міра, выраженіемъ чего служилъ низкій дисконтный процентъ. Быстрое расширеніе производства повело къ поглощенію этого свободнаго капитала—и дисконтный процентъ повысился. Такимъ образомъ возникла такъ называемая „дороговизна денегъ“, точнѣе говоря, дороговизна ссуднаго капитала, поведшая къ сокращенію кредита и крушенію всѣхъ малосолидныхъ предпріятій, основанныхъ исключительно на кредитѣ.

„Кризисъ наступилъ вслѣдствіе того,—говоритъ г. Афанасьевъ,—что большой и быстрый ростъ промышленности потратилъ огромное количество капиталовъ, превративъ оборотные капиталы въ основные. Этотъ недостатокъ оборотныхъ капиталовъ сталъ замѣчаться не въ текущемъ только году, а давалъ себя знать исподволь путемъ дисконта“ [1]).

Это объясненіе вполнѣ укладывается въ мою теорію кризисовъ. Теорія эта можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ: „Подъемъ промышленности вызывается тѣмъ, что скопившіеся за предыдущіе годы денежные капиталы, представляющіе собой покупательную силу въ связанномъ состояніи, расходуются и создаютъ новый спросъ на товары. Поэтому цѣны повышаются. Повышеніе цѣнъ, при благопріятномъ положеніи рынка, быстро переходитъ разумныя границы и вырождается въ спекуляцію, за которой слѣдуетъ крахъ. Но даже если повышеніе цѣнъ не настолько значительно, чтобы вызвать крахъ, реакція неизбѣжно должна наступить. Дѣйствительно, ранѣе накопленный капиталъ долженъ же быть когда-нибудъ израсходованъ... Дѣйствіе всего механизма можно сравнить съ работой паровой машины. Роль пара въ цилиндрѣ играетъ накопленіе свободнаго денежнаго капитала; когда давленіе пара на поршень достигаетъ извѣстной предѣльной нормы, сопротивленіе поршня преодолѣвается, поршень движется, доходитъ до конца цилиндра, для пара открывается свободный выходъ и поршень возвращается въ прежнее положеніе. Точно такъ же скопляющійся свободный денежный капиталъ, достигнувъ извѣстныхъ размѣровъ, проникаетъ въ промышленность, движетъ ее, раходуется, и промышленность приходитъ опять въ прежнее состояніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ кризисы должны повторяться періодически. Капиталистическая промышленность

[1]) Денежный кризисъ, 30.

должна постоянно проходить одинъ и тотъ-же кругъ развитія... Повышеніе дисконтнаго процента, наблюдающееся обыкновенно къ концу промышленнаго подъема, является вѣрнымъ признакомъ того, что свободнаго ссуднаго капитала въ странѣ слишкомъ мало для нуждъ промышленности. Въ это время ко всеобщему удивленію оказывается, что деньги внезапно „вздорожали"; на самомъ дѣлѣ дорожаютъ не деньги, а ссудный капиталъ, и дорожаетъ онъ потому, что на ссудномъ рынкѣ осталось мало свободнаго, незанятаго капитала... Чередованіе, оживленія и застоя промышленности находится въ непосредственной связи съ расширеніемъ основного капитала страны. Годы подъема промышленности суть вмѣстѣ съ тѣмъ годы созданія новаго основного капитала" [1]).

Легко видѣть, до какой степени объясненіе г. Афанасьева современнаго русскаго кризиса укладывается въ общую теорію кризисовъ, данную въ моей книгѣ. Всѣ фазисы развитія переживаемаго кризиса могли быть предвидены на основаніи теоріи, такъ какъ развитіе это шло необыкновенно типично и закономѣрно.

Современный кризисъ, вѣроятно, прекратитъ споры о томъ, капиталистическая-ли страна Россія или нѣтъ. Когда я указалъ въ первомъ изданіи „Русской фабрики" на то, что и въ Россіи наблюдается чередованіе оживленія и застоя торговли, въ зависимости не отъ урожаевъ, а отъ фазисовъ промышленнаго цикла, мое указаніе было встрѣчено недовѣріемъ или рѣзкимъ отрицаніемъ. Но переживаемый нами, послѣ прекраснаго урожая 1899 г., промышленный кризисъ является достаточно краснорѣчивымъ отвѣтомъ русской жизни доктринерамъ народничества...

Вернемся, однако, назадъ—къ общей характеристикѣ промышленнаго развитія Россіи въ пореформенную эпоху. Еще недавно самый фактъ успѣховъ нашей капиталистической промышленности упорно отрицался вліятельной экономической школой, наиболѣе видными представителями которой являются гг. В. В. и Николай—онъ. Теперь этотъ фактъ врядъ-ли будетъ оспариваться даже ими. Особенно быстрымъ темпомъ растетъ наша промышленность за послѣднее десятилѣтіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что однимъ изъ важныхъ факторовъ этого быстраго роста является таможенная политика послѣдняго времени.

Такъ слабое развитіе чугуноплавильнаго производства вплоть до 1887 г. и послѣдующій быстрый ростъ его въ значительной мѣрѣ объясняются тарифными причинами. Въ 1887 г. значительно

[1]) Промышленные кризисы. Изд. 2 стр. 171—173.

повышена пошлина на чугунъ, желѣзо и сталь (по тарифу 1868 г. чугунъ былъ обложенъ небольшой пошлиной въ 5 коп. съ пуда, но фактически значительно большая часть всего ввоза иностраннаго чугуна въ Россію поступала безпошлинно, благодаря предоставленію желѣзнымъ дорогамъ права безпошлиннаго привоза изъ-за границы рельсъ и другихъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, а также льготамъ по безпошлинному привозу чугуна, установленнымъ въ пользу разныхъ заводовъ. Съ 1881 г. всѣ эти льготы были отмѣнены, а пошлины на чугунъ были постепенно повышаемы и въ 1887 г. дошли до 25 к., въ 1891 г. до 30 к. золотомъ съ пуда по морской границѣ и до 35 к. по западной сухопутной). Рѣзкое поднятіе выплавки чугуна немедленно вслѣдъ за повышеніемъ пошлины находилось въ несомнѣнной связи съ этой послѣдней причиной. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ горнозаводскихъ производствахъ, особенно каменноугольномъ, въ которомъ наблюдается значительное увеличеніе добычи угля послѣ повышенія пошлины на иностранный уголь въ 1886 и 1887 г.г.

Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе и критика нашей таможенной политики. Замѣчу только, что изъ факта быстраго роста нашей промышленности въ новѣйшее время было бы очень ошибочно дѣлать огульное заключеніе въ пользу господствующей у насъ таможенной системы. Въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какъ связь между системой тарифа и состояніемъ промышленности, прежде всего не нужно упускать изъ виду, что post hoc далеко еще не есть propter hoc. Что протекціонизмъ далеко не всесиленъ и не обладаетъ чудодѣйственной силой создавать новыя отрасли производства, лучшимъ доказательствомъ этому служитъ наша промышленная исторія.

Чугуноплавильное производство принадлежало у насъ искони къ наиболѣе покровительствуемымъ и опекаемымъ правительствомъ. Въ дореформенной Россіи ввозъ чугуна былъ запрещенъ, и сверхъ того правительство жертвовало громадныя денежныя суммы на поддержаніе частныхъ горныхъ заводовъ. И тѣмъ не менѣе эта отрасль промышленности находилась въ полнѣйшемъ застоѣ вплоть до освобожденія крестьянъ. Протекціонизмъ не только не развивалъ, но скорѣе убивалъ наше желѣзодѣлательное производство, приводя къ повышенію цѣнъ на желѣзо и къ полному застою техники. Послѣ освобожденія крестьянъ, въ періодъ почти полнаго отсутствія тарифной охраны, чугуноплавильное производство раз-

вивалось, хотя и очень медленно. Наконецъ, со второй половины 80-хъ годовъ начинается поразительно быстрое развитіе этого производства. Наши протекціонисты видятъ причину медленности роста выплавки чугуна въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ отсутствіи таможенной охраны. По ихъ мнѣнію, если бы наше правительство тарифами 1857 и 1868 г. не свернуло съ истиннаго пути протекціонизма и не сдѣлало нѣкоторыхъ опасныхъ уступокъ „либераламъ“ фритредерамъ, то въ настоящее время Россія, по степени развитія своей промышленности, представляла бы собой чуть ли не вторую Америку. Но почтенные апологеты крупнаго капитала упускаютъ изъ виду, что безпошлинный привозъ въ Россію рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей благопріятствовалъ быстрой постройкѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, а именно въ расширеніи нашей желѣзнодорожной сѣти и *заключается главнѣйшая причина развитія нашей промышленности.*

Доказательствомъ того, что новѣйшій промышленный подъемъ вызванъ *не только* таможенными перемѣнами, является его общій характеръ. Бумаготкацкая промышленность отъ нихъ нисколько не выиграла, такъ какъ и до этихъ перемѣнъ пошлины на большинство хлопчатобумажныхъ тканей (особенно низшихъ сортовъ) имѣли почти запретительный характеръ. Извѣстно, что коренной недостатокъ протекціонизма заключается въ томъ, что, „поощряя“ одну отрасль промышленности, онъ задерживаетъ развитіе другихъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Въ 1887 г. была повышена пошлина на хлопокъ-сырецъ и на бумажную пряжу. Повышеніе обложенія хлопка содѣйствовало росту хлопководства въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, но могло только затруднить развитіе бумагопряденія и ткачества. А повышеніе обложенія пряжи должно было неблагопріятно повліять на бумаготкацкую промышленность. Тарифомъ 1891 г. пошлина на хлопокъ еще повышена; тѣмъ не менѣе хлопчатобумажное производство продолжало, хотя и съ колебаніями, расти. Быстрый ростъ производства отличается во всѣхъ отрасляхъ промышленности въ таблицѣ на стр. 342.

Чѣмъ же вызывается этотъ ростъ? Главнѣйшимъ моментомъ его явилось, какъ уже сказано, *коренное измѣненіе условій транспорта* подъ вліяніемъ постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ. Вліяніе расширенія желѣзнодорожной сѣти на развитіе товарнаго бомѣна врядъ-ли можетъ быть преувеличено. Всякая новая желѣзнодорожная линія есть новый обширный рынокъ, открывающійся

для русской промышленности, такъ какъ рынкомъ для товаровъ могутъ служить только другіе товары. Въ другомъ мѣстѣ (въ книгѣ „Промышленные кризисы“) я подробно развилъ теорію рынковъ, которая мнѣ кажется единственно возможнымъ базисомъ для построенія общей теоріи капиталистическаго процесса. Согласно этой теоріи, капиталистическое производство само создаетъ для себя рынокъ. Единственнымъ условіемъ, требующимся для созданія новаго рынка, является пропорціональное распредѣленіе производства. Правда это единственное условіе составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важное препятствіе для роста капиталистическаго производства, ибо полная пропорціональность распредѣленіи производства недостижима въ капиталистическомъ хозяйствѣ, и даже достиженіе той грубой и несовершенной пропорціональности, которая требуется, чтобы ростъ капиталистическаго производства не прекратился, встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Однако, въ одномъ случаѣ затрудненія эти чрезвычайно сокращаются. Это именно тогда, когда капиталистическое производство растетъ въ средѣ натуральнаго хозяйства. Представимъ себѣ, напримѣръ, что общественное производство слагается изъ двухъ отраслей производства—производства сукна и производства хлѣба. Если продукты обѣихъ отраслей предназначаются исключительно для сбыта, то въ такомъ случаѣ равенство спроса и предложенія обоихъ товаровъ, устойчивость ихъ цѣнъ возможны лишь въ случаѣ пропорціональнаго измѣненія размѣра производства каждаго продукта. Для того, чтобы нашелся добавочный рынокъ для удвоеннаго количества сукна нужно соотвѣтствующее увеличеніе производства хлѣба. Если же производство сукна выростетъ безъ соотвѣтствующаго роста количества производимаго хлѣба, то цѣна сукна понизится—произойдетъ перепроизводство сукна. Такъ какъ производители сукна и хлѣба не находятся ни въ какомъ соглашеніи другъ съ другомъ и не могутъ контролировать производства своихъ товаровъ, то нѣтъ основанія ожидать, чтобы расширеніе производства сукна сопровождалось пропорціональнымъ расширеніемъ производства хлѣба. Правда, цѣна является регуляторомъ капиталистическаго производства и возстановляетъ, въ концѣ концовъ, извѣстнаго рода грубую пропорціональность въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Но регуляторъ этотъ весьма несовершененъ и возстановленіе пропорціональности нерѣдко достигается путемъ сокращенія производства. Въ случаѣ непропорціональнаго роста производства сукна послѣдуетъ паденіе его цѣны и произ-

водство сократится. Неорганизованность производства явится такимъ образомъ прямымъ тормазомъ его роста.

Преположимъ теперь, что суконное производство имѣетъ капиталистическій характеръ и продукты его предназначаются для сбыта, въ то время какъ въ земледѣліи преобладаетъ натуральное производство. Въ этомъ случаѣ ростъ суконнаго производства отнюдь не требуетъ соотвѣтствующаго роста изготовленія земледѣльческихъ продуктовъ. Для того, чтобы расширился сбытъ сукна, необходимо, чтобы земледѣлецъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, сталъ обмѣнивать большую часть своего хлѣба на сукно. Эта необходимость обмѣна возрастающаго количества хлѣба на сукно можетъ возникать изъ самыхъ разнообразныхъ причинъ— напр., вслѣдствіе упадка домашней промышленности, доставлявшей крестьянину предметы одежды. Ростъ суконнаго производсва можетъ при этомъ совершаться при отсутствіи роста общей суммы производимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ; рынокъ для сукна будетъ возрастать вслѣдствіе того, что все большая часть земледѣльческихъ продуктовъ будетъ вовлекаться въ обмѣнъ — хотя общая сумма производства земледѣльческихъ продуктовъ будетъ оставаться стаціонарной или даже падать.

Далѣе, въ случаѣ преобладанія натуральнаго хозяйства природныя производительныя силы страны остаются на низкой ступени развитія, остаются мало использованными населеніемъ. Поэтому онѣ допускаютъ значительное расширеніе производства. Такъ, напр., пока населеніе рѣдко и хлѣбъ производится преимущественно для собственнаго потребленія, производство земледѣльческихъ продуктовъ въ случаѣ надобности (а такая надобность возникаетъ, напр., при расширеніи сферы мѣновыхъ отношеній) легко можетъ быть увеличено. Расширеніе производства хлѣба, какъ товара, поступающаго въ обмѣнъ на сукно, не наталкивается въ этомъ случаѣ на такія препятствія, какъ расширеніе капиталистическаго земледѣлія въ странахъ старинной культуры.

Эти два момента [1) возможность роста товарнаго обмѣна при стаціонарномъ или даже сокращающемся производствѣ и 2) большая легкость расширенія производства, въ силу чисто естественныхъ условій] и составляютъ основныя преимущества капиталистической промышленности въ молодыхъ странахъ съ преобладающимъ натуральнымъ хозяйствомъ сравнительно съ капиталистической промышленностью старыхъ капиталистическихъ странъ. По этой причинѣ условія рынка несравненно больше бла-

гопріятствуютъ росту капиталистической промышленности въ Россіи, чѣмъ въ старыхъ капиталистическихъ странахъ Запада.

Сравнимъ, для примѣра, дѣйствіе новой проводимой линіи желѣзной дороги въ Россіи и въ Англіи. Въ Россіи новая желѣзнодорожная вѣтка открываетъ новый рынокъ для капиталистической промышленности. Крестьяне, жившіе въ районѣ этой вѣтки, быть можетъ раньше не покупали фабричныхъ продуктовъ; теперь же они получаютъ возможность пріобрѣтать эти продукты въ обмѣнъ на свои издѣлья. Тотъ рынокъ, котораго Англія ищетъ за тысячи верстъ въ отдаленныхъ странахъ Африки или Азіи, открывается для русскаго фабриканта въ непосредственномъ сосѣдствѣ, благодаря проведенію новой желѣзнодорожной линіи.

Напротивъ, въ Англіи новая желѣзнодорожная линія не открываетъ никакого новаго рынка, ибо населеніе соотвѣтствующаго района и раньше участвовало въ товарномъ обмѣнѣ. Капиталистическая промышленность старой капиталистической страны можетъ расти, такъ сказать, только за свой собственный счетъ, въ то время какъ юный капитализмъ растетъ и за счетъ другихъ, вытѣсняемыхъ имъ, формъ хозяйства.

Именно въ этомъ различіи и лежитъ ключъ къ пониманію того перемѣщенія капитала изъ старыхъ странъ въ новыя страны, которое является такимъ могучимъ факторомъ распространенія капиталистическаго способа производства по всему земному шару. У насъ долгое время господствовало представленіе, будто росту капиталистическаго способа производства въ Россіи препятствуетъ недостатокъ рынка. Этотъ взглядъ является типичнымъ примѣромъ, къ какимъ несообразностямъ можетъ приводить плохо понятая теорія. Теоретическимъ опроверженіемъ этого взгляда ограниченнѣе является теорія рынковъ, основанія которой изложены выше. Фактическимъ же опроверженіемъ его является общественный фактъ притока въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Дѣйствительно, еслибы въ Россіи рынокъ для продуктовъ капиталистической индустріи былъ, ограниченнѣе чѣмъ въ Западной Европѣ, то потокъ капиталовъ долженъ бы былъ направляться изъ Россіи въ Западную Европу, ибо капиталъ, какъ и всякій товаръ, ищетъ наиболѣе выгоднаго рынка. Высокая норма прибыли, господствующая въ Россіи, является неоспоримымъ доказательствомъ несостоятельности вышеназваннаго взгляда. Только крайняя степень доктринерства, игнорирующаго реальные факты жизни, могла вызвать мнѣніе объ отсутствіи рынка для продуктовъ капиталистической индустріи въ той странѣ,

въ которой барыши крупныхъ капиталистовъ промышленныхъ предпріятій достигаютъ иногда 100% съ годъ (какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ нѣкоторымъ металлургическимъ заводамъ Донецкаго бассейна), и гдѣ 20% дивиденда не представляютъ ничего исключительнаго для акціонерныхъ предпріятій. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ни въ одной европейской странѣ рыночныя условія не складываются такъ благопріятно для роста капиталистической промышленности, какъ въ Россіи—и доказательствомъ этого является то, что ни одна европейская страна не представляетъ собой такого заманчиваго мѣста для помѣщенія иностранныхъ капиталовъ, какъ Россія. Высокая норма прибыли въ Россіи непререкаемо свидѣтельствуетъ объ обширности русскаго рынка.

Эта высокая норма прибыли всегда сопутствуетъ первымъ шагамъ капиталистическаго производства и зависитъ, главнымъ образомъ, оттого, что пока капиталистическое производство не становится господствующей формой промышленности, до тѣхъ поръ прибыль капиталистическаго производителя заключаетъ въ себѣ долю цѣнности, извлекаемой не только изъ производственнаго процесса (какъ въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ), но также и изъ процесса продажи. Такъ, напр., огромные барыши нашихъ металлургическихъ заводовъ основываются не на крайней эксплуатаціи занятыхъ въ металлургическихъ заводахъ рабочихъ, (или, по крайней мѣрѣ, не только на этой эксплуатаціи), но, главнымъ образомъ, на крайней эксплуатаціи покупателя. Населеніе обложено своего рода данью въ пользу немногихъ крупныхъ капиталистовъ,—въ этой дани, платимой всѣми покупателями, безъ различія класса и общественнаго положенія, кроется источникъ этихъ колоссальныхъ барышей. Но откуда же возникаетъ необходимость для покупателя уплачивать эту дань? Почему цѣна на чугунъ такъ мало соотвѣтствуетъ его относительной трудовой цѣнности? Потому что количество чугуна, имѣющагося на русскомъ рынкѣ, слишкомъ мало сравнительно со спросомъ на этотъ продуктъ. Предложеніе продуктовъ нашей капиталистической индустріей далеко не достигаетъ спроса—рынокъ слишкомъ мало заполненъ этими продуктами,—и это даетъ возможность продавать эти продукты по цѣнѣ, дающей огромные барыши.

Русскій промышленный капиталъ питается не только соками эксплуатируемыхъ имъ рабочихъ, но и соками другихъ, некапи-

талистическихъ производителей, прежде всего земледѣльца-крестьянина. Земледѣлецъ, который покупаетъ плугъ или косу по цѣнѣ вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвуетъ въ созданіи высокой нормы прибыли Юзовъ, Коккерилей и прочихъ владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ, чѣмъ ихъ собственные рабочіе.

Въ этой возможности стричь овецъ, такъ сказать, вдвойнѣ, жечь свѣчу съ обоихъ концовъ, и заключается секретъ привлекательности Россіи для иностранныхъ капиталистовъ. Въ Россіи продавецъ-капиталистъ находится въ привелегированномъ, монопольномъ положеніи, которое не можетъ не утратиться съ дальнѣйшимъ ростомъ капиталистическаго производства. Рынокъ для капиталистической промышленности складывается всего благопріятнѣе въ такихъ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Россіи, при обиліи естественныхъ богатствъ масса населенія еще не порвала съ прежними архаичекими формами хозяйства.

Приливъ иностранныхъ капиталовъ и иностранной предпріимчивости явился могучимъ стимуломъ нашего промышленнаго развитія послѣдняго времени. Въ нашей металлургической промышленности повторяется теперь то же, что раньше имѣло мѣсто въ другихъ отрасляхъ производства, освободившихся теперь отъ владычества иноземнаго капитала и ставшихъ достояніемъ „отечественныхъ“ капиталистовъ. Наиболѣе прочно укоренившеюся отраслью капиталистической индустріи можетъ считаться у насъ хлопчатобумажная промышленность, представители которой (Морозовы, Крестовниковы и др.) выступаютъ обыкновенно во главѣ „всероссійскаго“ купечества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ отечественный торговопромышленный капиталъ обращается за какой-нибудь новой поддержкой къ государству, Однако и въ этой, казалось бы, вполнѣ національной отрасли нашего капитализма піонерами и „насадителями“ явились тѣ-же иностранцы. Не восходя уже въ глубь временъ, къ началу нашей хлопчатобумажной промышленности въ концѣ прошлаго вѣка, еще такъ недавно полновластнымъ владыкой хлопчатобумажнаго прядильно-ткацкаго производства былъ нѣмецкій выходецъ Л. Кнопъ. Въ интересной брошюрѣ „Контора Кнопъ и ея значеніе“ (Спб. 1895) сообщается много весьма любопытныхъ подробностей о совершенно исключительной роли этой конторы въ нашемъ мануфактурномъ мірѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Контора Кнопъ была долгое время почти единственнымъ посредникомъ по пріобрѣтенію изъ

Англіи хлопчатобумажныхъ прядильно-ткацкихъ машинъ, и на этомъ основалось ея значеніе. Почти всѣ хлопчатобумажныя фабрики центральнаго промышленнаго района Россіи были выстроены конторой Кнопъ, владѣлецъ которой скоро сдѣлался важнѣйшимъ акціонеромъ цѣлаго ряда фабрикъ.

Устройство и оборудованіе новыхъ фабрикъ производилось при посредствѣ этой конторы весьма просто. Процессъ заказа и сооруженія фабрики обыкновенно происходилъ такъ:

„Надумалъ фабрикантъ строить ту или другую фабрику,—читаемъ въ названной брошюрѣ,—и является съ почтительнымъ видомъ въ контору, куда уже ранѣе навѣдывался, будутъ ли съ нимъ имѣть дѣла и впредь. Одного его имени конторѣ достаточно, чтобы тотчасъ справиться: какая у него фабрика, не было ли провинности по отношенію конторы, сколько у него и его жены денегъ, гдѣ положены, сколько его фабрика приноситъ дохода или убытка. Само собою разумѣется, что такой фабрикантъ удостоится пріема только въ томъ случаѣ, когда справка благопріятна“.

„Окончательные переговоры велъ самъ Романъ Романовичъ (управляющій конторой) и окончательная резолюція его выражалась словами: „хорошо, мы тебѣ построимъ фабрику“. Обрадованный фабрикантъ въ такихъ случаяхъ иногда осмѣливался замѣтить, что онъ-де слышалъ о кое-какихъ новостяхъ или усовершенствованіяхъ, и проситъ, чтобы это было введено въ новую фабрику, но всегда получалъ сердитый отвѣтъ: „это не твое дѣло, въ Англіи лучше тебя знаютъ“.

„Такимъ образомъ фабрика заказана, заказчикъ получалъ свой номеръ въ спискахъ конторы, и тогда контора сообщала своему агентству въ Англіи, что для такого-то № въ Россіи слѣдуетъ оборудовать такую-то фабрику... Получивъ изъ Англіи всѣ чертежи и указанія, какъ по расположенію машинъ и орудій, такъ и по ихъ движенію, контора отсылаетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ получила, на строящуюся фабрику, если тамъ находятся директора англичане, которымъ будетъ поручена новая фабрика; если же такихъ англичанъ нѣтъ, то вручаетъ все это вновь назначенному ею же самою директору... Какъ только стройка подвигалась къ концу, появлялись англійскія машины въ полномъ ассортиментѣ, а съ ними и англійскіе монтеры. Послѣдніе были совершенно независимы не только отъ директоровъ и механиковъ фаб-

рикъ, но и отъ конторы Кнопъ. По дѣламъ своимъ они переписывались лично каждый съ своимъ заводомъ“ [1]).

Кромѣ участія въ качествѣ пайщика или акціонера во многихъ фабрикахъ, фирма Кнопъ имѣетъ свои собственныя, въ томъ числѣ первую въ Россіи по технической высотѣ и размѣру производства Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. По словамъ Шульце-Геверница, Кренгольмская бумагопрядильня величайшая въ свѣтѣ. Она имѣетъ болѣе 400,000 веретенъ и представляетъ собой, по словамъ того же автора, „уголокъ Англіи на русской почвѣ“ [2]). Шульце-Геверницъ полагаетъ, что издержки производства въ Кренгольмѣ не выше чѣмъ на германскихъ фабрикахъ. Вообще Кренгольмская мануфактура въ техническомъ отношеніи не уступаетъ лучшимъ германскимъ бумагопрядильнямъ.

Всѣ эти факты приводятъ Шульце-Геверница въ нѣсколько восторженное состояніе и онъ помѣщаетъ въ своихъ содержательныхъ этюдахъ о русской промышленности настоящій дифирамбъ Кнопу, видя въ его дѣятельности опроверженіе мнѣнія Ницше объ измельчаніи современной породы людей. Но даже при вполнѣ хладнокровной оцѣнкѣ роли Кнопа, нельзя не признать эту роль весьма выдающеюся въ дѣлѣ „европеизированія“ нашего доморощеннаго, грубаго и неповоротливаго капитализма. Англичане, которыхъ выписывалъ Кнопъ, сыграли роль шведовъ, которые учили русское войско побѣдамъ. Московскіе фабриканты и русскіе техники мало-по-малу начинаютъ усвоивать высшую капиталистическую культуру, представителями которой на русской почвѣ являлись полуграмотные и пьянствовавшіе кноповскіе мастера-англичане, и фирма Кнопъ утратила свое полновластное владычество въ главной твердынѣ нашей національной промышленности—хлопчатобумажной индустріи.

Металлургическое производство Юга является самымъ новѣйшимъ продуктомъ нашего капитализма, и здѣсь еще полновластно царятъ иностранцы. Безъ помощи иностраннаго капитала криворожскимъ рудамъ еще долго пришлось бы мирно покоиться подъ черноземными полями Приднѣпровскаго края. Точно такъ же въ металлургическомъ дѣлѣ Донецкаго бассейна піонеромъ явился англичанинъ Юзъ, стоящій и понынѣ во главѣ желѣзодѣлательной промышленности южнаго района. Чѣмъ энергичнѣе будетъ прите-

[1]) Контора Кнопъ и ея значеніе, стр. 35, 36, 39.

[2]) Щульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Переводъ Б. А. Авилова. 1899. Стр. 39.

кать въ Россію иностранный капиталъ, тѣмъ скорѣе мы выйдемъ изъ теперешняго состоянія превышенія спроса на продукты капиталистической промышленности сравнительно съ предложеніемъ ихъ. Нашъ рынокъ слишкомъ мало еще использованъ капитализмомъ и потому опасаться хроническаго перепроизводства, которое одно время выступило грознымъ призракомъ на западно-европейскомъ горизонтѣ, пока нѣтъ никакихъ основаній.

Правда, приливъ иностранныхъ капиталовъ покончитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ съ той своеобразной и пріятной для пораженнаго ею больнаго болѣзнью, которую Роза Люксембургъ мѣтко назвала „гипертрофіей прибыли“. Этой болѣзнью нашъ отечественный капиталъ страдаетъ такъ давно, что ее стали считать почти неизлѣчимой. Современный кризисъ и паденіе цѣнъ желѣза начинаетъ однако подавать надежду на прекращеніе этой болѣзни. Во время лѣтняго совѣщанія горнопромышленниковъ Юга съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, горнопромышленники заговорили о перепроизводствѣ въ Россіи желѣза и необходимости поддержать ихъ барыши при помощи средства, такъ удачно дѣйствующаго въ сахарной промышленности,—нормировки производства и вывозныхъ премій. Но можно быть увѣреннымъ, что государство откажетъ въ своей помощи мѣрамъ, направленнымъ къ поддержанію цѣны желѣза на теперешней ея ненормальной высотѣ, ибо, во первыхъ, казна сама является крупнѣйшимъ потребителемъ желѣза, а, во вторыхъ, дороговизна желѣза, какъ хорошо извѣстно нашему финансовому вѣдомству, является однимъ изъ могущественныхъ тормазовъ нашего промышленнаго развитія. Нормировка чугуноплавильнаго производства явилась бы существенной задержкой дальнѣйшаго роста нашей промышленности и потому вожделѣнія горнозаводчиковъ не могутъ разсчитывать на удовлетвореніе.

Вернемся однако къ статистической характеристикѣ промышленныхъ успѣховъ послѣдняго десятилѣтія. Еще не такъ давно въ нашей прогрессивной печати господствовали самыя странныя теоріи относительно характера нашего промышленнаго развитія. Такъ, цѣлый рядъ писателей—гг. В. В., Николай—онъ, Карышевъ, Каблуковъ и др.,—отстаивали съ большимъ жаромъ поразительное положеніе, будто число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи, по отношенію ко всему населенію (г. Каблуковъ утверждалъ даже, что и абсолютно) падаетъ. По обыкновенію, припутали Маркса и приписали ему чудовищный законъ, по которому ростъ промыш-

ленности сопровождается уменьшеніемъ доли населенія, занятаго промышленнымъ трудомъ (при чемъ однако забывали указать, какія доли населенія ростутъ насчетъ этой падающей доли промышленныхъ рабочихъ). Въ первомъ изданіи „Русской Фабрики" я долженъ былъ отвести не мало мѣста опроверженію этого вполнѣ самобытнаго тезиса. Я указалъ (и надѣюсь, доказалъ), что въ основаніи его лежитъ цѣлый рядъ статистическихъ ошибокъ. Г. В. В. сравнивалъ за разные годы данныя, относившіяся къ различнымъ группамъ фабричныхъ рабочихъ. Гг. Николай-онъ и Карышевъ сравнивали съ числомъ фабричныхъ рабочихъ за новѣйшіе годы данныя, выражавшія за прошлые годы число фабричныхъ рабочихъ *плюсъ* горнозаводскіе *плюсъ* кустари. Но всѣхъ превзошелъ г. Каблуковъ, помѣстившій на стр. 12 своей книги „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства" двѣ цифры фабричныхъ рабочихъ въ 1865 г., расходившіяся болѣе чѣмъ на 100 процентовъ, и не замѣтившій противорѣчивости этихъ цифръ. Дальше итти было некуда.

Быть можетъ, по этой причинѣ послѣ появленія книги г. Каблукова полемика по данному вопросу затихла и главный авторъ означеннаго тезиса, г. В. В., въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ отказался отъ него въ „Сынѣ Отечества" и призналъ ошибку Николая—она. Въ виду этого я не считаю себя обязаннымъ воспроизводить передъ читателемъ мою полемику по данному вопросу съ г.—ономъ, которая имѣлась въ первомъ изданіи настоящей работы [1]), ибо споръ нашъ, повидимому, конченъ и названный тезисъ можетъ считаться окончательно опровергнутымъ.

Дѣйствительно, трудно было бы поддерживать этотъ тезисъ въ виду тѣхъ цифръ о ростѣ нашихъ фабричнозаводскихъ рабочихъ, которыя были приведены выше на стр. 342. Приростъ рабочихъ за десятилѣтіе 1887—97 г. опредѣляется, на основаніи этихъ данныхъ, слѣдующими цифрами:

Группы производствъ:	Въ процентахъ.
Волокнистыя вещества	+ 69
Питательные продукты	+ 24

[1]) Интересующагося читателя отсылаю къ первому изданію „Русской Фабрики", преніямъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ по поводу моего доклада, изданнымъ подъ заглавіемъ „Статистическіе итоги развитія русской промышленности", и моимъ двумъ полемическимъ статьямъ по поводу „Русской фабрики въ 1—2 и 3-й книжкахъ „Начала" (1899).

Группы производствъ:	Въ процентахъ.
Животные продукты	+ 66
Обработка дерева	+ 181 [1])
Писчебумажныя производства	+ 137
Химическія производства	+ 67
Керамическія производства	+ 113
Горная и горнозаводская промышленность .	+ 39
Металическія издѣлія	+ 107
Производства, не вошедшія въ предыд. группы	+ 58
Итого по всѣмъ группамъ . . .	+ 59

Эти цифры не требуютъ комментаріевъ. Нѣтъ ни одной группы производства, въ которой-бы процентъ прироста рабочихъ не былъ значительно—иногда во много разъ—сильнѣе процента прироста населенія (населеніе Россійской Имперіи за десять лѣтъ должно было возрасти, приблизительно, процентовъ на 13—15%).

Но цифры фабричнозаводскихъ и горныхъ рабочихъ еще отнюдь не исчерпываютъ числа рабочихъ, занятыхъ въ крупномъ производствѣ. Прежде всего къ нимъ слѣдуетъ присоединить рабочихъ, занятыхъ въ чрезвычайно важной отрасли нашей капиталистической индустріи, которой принадлежитъ руководящая роль въ развитіи нашего капитализма вообще, — въ желѣзнодорожномъ транспортѣ. Получаемъ слѣдующія цифры.

	Число горнозаводскихъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ.	Число рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ 2).	Итого.	Приростъ.
1887	1.318.048	218.077	1.536.125	
1897	2.098.262	414.152	2.512.414	64%

Средній ежегодный приростъ рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ и желѣзнодорожномъ транспортѣ почти

---

[1]) Сильное увеличеніе числа рабочихъ по обработкѣ дерева объясняется увеличеніемъ регистраціи въ 1896 г. лѣсопильныхъ заводовъ.

[2]) По „Статистическому Сборнику министерства путей сообщенія“ Вып. 57. Рабочіе на Закаспійской дорогѣ не включены въ итогъ.

достигаетъ такимъ образомъ за десятилѣтіе 1887—97 г.г. $6^1/_2\%$ въ годъ (т. е. разъ въ пять выше процента прироста населенія).

Если вспомнить, что наибольшій ростъ нашей промышленности происходилъ за два послѣдніе года (послѣ 1897 г.), то нужно принять, что къ настоящему времени число рабочихъ въ крупномъ производствѣ и желѣзнодорожномъ транспортѣ приближается по оффиціальнымъ даннымъ, къ 3 милліонамъ; но такъ какъ оффиціальныя данныя о числѣ рабочихъ, какъ давно извѣстно и какъ опредѣленно указывается въ послѣднемъ „Сводѣ", далеко отстаютъ отъ дѣйствительности, то дѣйствительное число рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и желѣзныхъ дорогахъ должно теперь значительно превосходить 3 милліона. Но, разумѣется, эта цифра далеко не выражаетъ собой всего числа рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ промышленномъ производствѣ вообще, такъ какъ въ нее не входятъ рабочіе въ строительномъ производствѣ—штукатуры, плотники и пр., число которыхъ должно быть громадно (вѣроятно, болѣе милліона), рабочіе въ водномъ и сухопутномъ нежелѣзнодорожномъ транспортѣ, по нагрузкѣ товаровъ и судовъ, рабочіе на рыболовныхъ тоняхъ и многіе другіе.

Имѣя въ рукахъ эти данныя, странно вспомнить то еще очень недавнее время, когда мои гораздо болѣе скромные расчеты вѣроятнаго прироста фабричныхъ рабочихъ вызывали такое ожесточенное отрицаніе. Дѣйствительность далеко превзошла мои ожиданія.

То же слѣдуетъ сказать и по другому вопросу, по которому мнѣ приходилось полемизировать съ г. Карышевымъ—по вопросу о концентраціи производства. И эту полемику я не воспроизвожу въ настоящемъ изданіи въ виду того, что г. Карышевъ, выступившій въ „Русскомъ Богатствѣ" (1894 г. № 11 „Народохозяйственные наброски") съ утвержденіемъ, что у насъ наблюдается не концентрація, а раздробленіе производства, впослѣдствіи самъ отказался отъ этого тезиса (Ср. его статью въ „Извѣстіяхъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института„ 1898, кн. I—„Матеріалы по русскому народному хозяйству"). Г. Карышевъ вдался даже въ противоположную крайность—при помощи столь же неудачныхъ статистическихъ сопостановленій, на основаніи которыхъ онъ въ 1894 г. утверждалъ огромный ростъ мелкихъ фабрикъ, онъ сталъ въ 1898 г. утверждать, будто въ Россіи происходитъ „значительное сокращеніе числа мелкихъ фабрикъ" и будто число фабрикъ въ Россіи быстро падаетъ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ г. Карышевъ былъ одинаково неправъ. Само собою разумѣется, что онъ грубо заблуждался, когда утверждалъ, что „размноженіе числа промышленныхъ единицъ направилось (въ Россіи), главнымъ образомъ, въ сторону развитія мелкаго типа предпріятій, расширеніе размѣра крупныхъ замѣтно начало пріостанавливаться и въ результатѣ получилось мельчаніе среднихъ размѣровъ производства“ (Русское Богатство, 1894 г. № 11, стр. 25). Но и новѣйшія его утвержденія столь же далеки отъ истины.

Измѣненіе среднихъ цифръ рабочихъ или суммы производства на одну фабрику не даетъ правильнаго представленія о размѣрахъ концентраціи въ тѣхъ случаяхъ, когда эти среднія слагаются изъ весьма разнородныхъ величинъ.

Единственное средство поближе подойти къ занимающему насъ вопросу, это—не довольствоваться выводомъ „среднихъ“, а разбить производство на группы приблизительно сходныхъ по размѣрамъ предпріятій и посмотрѣть, какъ измѣняется каждая группа за соотвѣтствующіе годы. Работа эта очень кропотливая, такъ какъ приходится суммировать длинные ряды цифръ рабочихъ на отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Нижеслѣдующія данныя относятся къ хлопчатобумажному производству.

Хлопчатобумажныя фабрики, имѣющія болѣе 100 рабочихъ, въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи [1]).

Годы.	Разряды фабрикъ. По 5 тыс. рабочихъ и болѣе.		Отъ 1 до 5 тыс. рабочихъ.		Отъ 500 до 1 тыс. рабочихъ.		Отъ 100 до 500 рабочихъ.		Всего.	
	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.
1866 .	—	—	26	40.844	27	18.059	115	23.097	168	82.004
1879 .	1	8.946	40	83.583	44	32.591	118	28.212	203	153.332
1894 .	8	54.981	60	119.013	48	33.462	108	27.050	224	234.506

1) Составлена для 1866 и 1879 гг. по даннымъ П. Масленникова „Къ вопросу о развитіи фабричной промышленности въ Россіи“, (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго общества, по отдѣленію статистики т. VI). Для 1894 г.—по „Перечню фабрикъ и заводовъ въ Россіи“: С.-Пб. 1897 г. Подсчетъ фабрикъ и рабочихъ по „Перечню“ сдѣланъ для меня А. М. Роговинымъ. Необходимо оговориться, что общіе итоги „Перечня“ не вполнѣ сравнимы съ итогами обычной фабричнозаводской

Эта таблица бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннія измѣненія нашей хлопчатобумажной фабричной промышленности по мѣрѣ ея роста. Читатель видитъ, что число рабочихъ, занятыхъ на крупныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, возросло за 28 лѣтъ почти въ 3 раза, а число самихъ фабрикъ увеличилось менѣе, чѣмъ на 50%. При этомъ число наименѣе крупныхъ фабрикъ (отъ 100 до 500 рабочихъ) нѣсколько сократилось, а сумма занятыхъ на нихъ рабочихъ немного возросла. Болѣе значителенъ ростъ фабрикъ съ 500—1.000 рабочихъ; число ихъ и сумма занятыхъ на нихъ рабочихъ возросли больше, чѣмъ въ полтора раза. Крупныя фабрики, отъ 1 до 5 тысячъ рабочихъ, по своему числу, болѣе чѣмъ удвоилось, а по количеству рабочихъ почти утроилось. Наконецъ, огромныхъ фабрикъ съ 5 тысячами рабочихъ и болѣе въ 1866 г. совсѣмъ не было, въ 1879 г. такая фабрика была только одна, а 1894 г. ихъ было уже 8. Количество рабочихъ на самыхъ крупныхъ фабрикахъ за 15 лѣтъ 1879—1894гг. *увеличилось болѣе, чѣмъ въ 6 разъ.*

Въ 1866 г. на долю фабрикъ, имѣющихъ болѣе 1.000 рабочихъ, приходилось 49% всего числа рабочихъ, въ 1897 г.—60%, а въ 1894 г.—74%. На долю среднихъ и мелкихъ фабрикъ, имѣющихъ менѣе 500 рабочихъ, въ 1866 году приходилось 28% общей суммы рабочихъ, въ 1879 г.—18%, въ 1894 г.—12%. Концентрація производства шла настолько энергично и быстро, что въ 1894 г. на 68 крупныхъ фабрикахъ было почти втрое болѣе рабочихъ, чѣмъ на 156 остальныхъ.

Къ сожалѣнію, я не могъ настолько же детально анализировать измѣненіе размѣра фабрикъ въ другихъ производствахъ. Концентрація производства во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ нашей капиталистической промышленности, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ, напр., данныя о концентраціи углепромышленности юга Россіи [1]).

статистики, такъ какъ въ „Перечнѣ“ многія фабрики совсѣмъ пропущены и вообще общая сумма рабочихъ значительно уменьшена. Но для сравненія распредѣленія рабочихъ по отдѣльнымъ группамъ эти данныя все же годятся, такъ какъ указанные пропуски касаются главнымъ образомъ мелкихъ фабрикъ, не включенныхъ въ приводимую въ текстѣ таблицу.

[1]) Вѣстникъ Финансовъ, 1895 г., № 51.

Г О Д Ы.	Вся добыча каменнаго угля въ сотняхъ вагоновъ.	Добыча угля (въ сотняхъ вагоновъ) копями, отправляющими въ годъ:					
		5 тысячъ вагоновъ и болѣе.	5—1 тысячъ.	1 тыс. до 300 ваг.	300—100 вагоновъ.	100—30 вагоновъ.	Менѣе 30 вагоновъ.
1882—83	891	388	344	112	27	7	3
1883—84	961	446	362	112	31	8	2
1884—85	1.078	535	379	173	22	7	1
1885—86	1.298	605	547	113	27	5	2
1886—87	1.430	713	423	207	57	26	6
1887—88	1.458	713	473	193	43	27	9
1888—89	1.911	1.011	573	181	89	44	14
1889—90	1.969	1.123	504	170	122	40	10
1890—91	2.061	1.434	293	153	138	37	6
1891—92	2.533	1.948	207	234	105	32	6
1892—93	2.801	2.184	260	253	69	32	4
1893—94	3.147	2.481	286	268	88	20	4
1894—95	3.348	2.641	358	233	87	24	5

Въ 1882—83 гг. добыча угля на крупныхъ копяхъ съ производствомъ болѣе 5 тысячъ вагоновъ въ годъ составляла немного болѣе 40% всей годовой добычи, а въ 1894—95 гг. уже 79%. За 13 лѣтъ 1882—1894 гг. добыча угля на крупныхъ копяхъ возросла почти въ 7 разъ, на среднихъ копяхъ (1—5 тысячъ вагоновъ въ годъ) осталось почти безъ перемѣны, на мелкихъ (менѣе 1 тысячи вагоновъ) увеличилась немного больше чѣмъ въ 2 раза. Въ 1882—83 гг. мелкія копи поставляли 17% всей годовой добычи угля, а въ 1894—95 гг. только 10%.

Нѣкоторое представленіе о концентраціи производства въ нашей фабричнозаводской промышленности вообще можетъ дать нижеслѣдующая таблица (стр. 377), заимствованная мною у г. Ильина [1]).

Изъ этой таблицы видно, какъ энергично шла концентрація производства въ теченіе всего разсматриваемаго времени. Быстрѣе всего расли и по числу, и по количеству рабочихъ, и по суммѣ

[1]) Развитіе капитализма въ Россіи. Спб. 1899 стр. 403.

Крупныя фабрики Европейской Россіи, имѣющія не менѣе 100 рабочихъ, по 71 производству, о которыхъ существуютъ свѣдѣнія за 1866 годъ.

ГОДЫ.	Фабрики съ 1000 и болѣе рабочихъ.				Фабрики съ 500—999 рабочихъ.				Фабрики съ 100—499 рабочихъ.				ВСЕГО.			
	Число фабрикъ.		Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.	Число фабрикъ.		Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.	Число фабрикъ.		Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.	Число фабрикъ.		Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.
	Всего.	Изъ нихъ съ паров. двигателями.			Всего.	Изъ нихъ съ паров. двигателями.			Всего.	Изъ нихъ съ паров. двигат.			Всего.	Изъ нихъ съ паров. двигателями.		
1866	42	35	62801	52877	90	68	59867	48359	512	204	109061	99830	644	307	231739	201066
1879	81	76	156760	170533	130	119	91887	117830	641	354	141727	201542	852	549	390374	489905
1890	99	99	213333	253130	140	140	94305	148546	712	455	156699	186289	951	694	464337	587965

производства огромныя фабрики, имѣвшія болѣе 1000 рабочихъ. Въ 1866 г. на этихъ фабрикахъ находило занятіе 27% всего числа рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ, въ 1879 г. — 40%, въ 1890 г. 46%.

Въ 1879 г., по расчету г. Ильина, крупныя фабрики, имѣвшія не менѣе 100 рабочихъ, составляли 4,4% всѣхъ промышленныхъ предпріятій, регистрируемыхъ, какъ „фабрики и заводы“ нашей фабричной статистикой; на долю этихъ крупныхъ фабрикъ приходилось 66,8% всего числа фабричнозаводскихъ рабочихъ. Въ 1890 г. крупныя фабрики составляли уже 6,7% всѣхъ „фабрикъ и заводовъ“ и на ихъ долю приходилось 71,1% всѣхъ фабричнозаводскихъ рабочихъ.

Къ сожалѣнію, для самаго новѣйшаго времени нельзя привести столь же детальныхъ данныхъ о ходѣ концентраціи производствъ. Приходится довольствоваться грубымъ сравненіямъ измѣненія средняго количества рабочихъ на одно промышленное предпріятіе по матеріаламъ „Свода данныхъ о фабричнозаводской промышленности за 1897 г.“.

Родъ производства.	Среднее число рабочихъ на 1 промышленное предпріятіе	
	1887 г.	1897 г.
Обработка волокнистыхъ веществъ . . .	140	144
Питательныя вещества (безъ мукомольнаго произв.).	19	20
Животные продукты	8	15
Писчебумажное производство	81	86
Химическое производство	36	46
Керамическое производство	28	42
Горная и горнозав. промышленность . .	147	160
Металлическія издѣлія	75	89
Произв., не вошедш. въ предыдущ. группы. .	54	71
Всѣ роды производ. (кромѣ мукомольнаго).	50	62

Во всѣхъ отрасляхъ производства констатируется ростъ рабочихъ на 1 предпріятіе — что указываетъ на концентрацію производства [1]).

[1]) Какъ ни плохо обработаны данныя „Свода“, все же они могутъ служить для общаго оріентированія въ направленіи нашего промышленнаго развитія. Но, разумѣется, большого довѣрія къ даннымъ подобнаго рода, какъ къ показателю степени концентраціи, имѣть нельзя.

О значеніи крупнаго торговаго и промышленнаго капитала въ нашемъ торговопромышленномъ оборотѣ вообще можно судить изъ нижеслѣдующихъ любопытныхъ цифръ, относящихся къ гильдейскимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, не обложеннымъ акцизомъ.

Предпріятія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи съ оборотомъ [1]).

Годы.	1 милліонъ рублей и болѣе.		Отъ 1 милл. до 250 тыс. рублей.		Отъ 250 тыс. до 150 тыс. рублей.		Отъ 100 тыс. до 10 тыс. руб.		Менѣе 10 тыс. рублей.		Всего.	
	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.).	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.).	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.).	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.).	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.).	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.).
1886	561	2.465	1.850	787	4.194	580	44.489	1.117	65.517	250	116.611	5.198
1887	645	3.560	2.055	912	4.414	612	45.157	1.136	68.661	257	120.932	6.476
1888	741	3.972	2.163	931	4.577	629	48.055	1.191	71.058	276	126.594	6.999

Изъ этихъ цифръ можно составить вполнѣ опредѣленное представленіе о строѣ нашей торговли и промышленности. Обороты огромныхъ предпріятій, съ годовымъ оборотомъ болѣе 1 милл. руб. каждое, достигали въ 1886 г. 47% всѣхъ оборотовъ гильдейскихъ предпріятій, а въ 1888 г.—55%. Число такихъ предпріятій составляло около $^1/_2$% всѣхъ гильдейскихъ предпріятій. Среднія и мелкія предпріятія, съ оборотомъ менѣе 100 тысячъ руб. въ годъ, по своей численности составляли болѣе 90% всего числа предпріятій; между тѣмъ оборотъ ихъ не превышалъ въ 1886 г. 26% всѣхъ торговыхъ оборотовъ гильдейскихъ предпріятій, а въ 1888 г.—21%. На долю ничтожнаго числа милліонныхъ предпріятій приходится болѣе половины всего гильдейскаго торговаго оборота.

Всѣ эти данныя достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросъ о томъ, „быть или не быть“ капитализму въ Россіи давно рѣшенъ жизнью. Быстрые успѣхи капиталистической

[1]) По „Статистическимъ результатамъ раскладочнаго и трехпроцентнаго сборовъ“ за соотвѣтствующіе годы. Къ сожалѣнію, группировка предпріятій по размѣрамъ оборотовъ послѣ 1888 г. прекращена, почему можно сдѣлать сравненіе только за трехлѣтіе.

индустріи въ Россіи за самое послѣднее время (особенно во второй половинѣ 90-хъ годовъ) не представляютъ собой ничего удивительнаго. Какъ я говорилъ выше, Россія, во многихъ отношеніяхъ представляетъ крайне благопріятную почву для капиталистической промышленности. Огромныя и далеко еще не исчерпанныя и даже почти не обслѣдованныя минеральныя богатства, эксплуатація которыхъ на югѣ Россіи началась только на нашихъ глазахъ; колоссальная территорія, слабо заселенная и представляющая достаточный просторъ для внутренней колонизаціи; многочисленное населеніе, быстро переходящее отъ натуральнаго къ денежному хозяйству и замкнутое таможенной системой въ самодовлѣющій рынокъ, мало доступный для капиталистической индустріи другихъ странъ—все это создаетъ такія благопріятныя условія для русской капиталистической промышленности, которыхъ лишена любая капиталистическая страна Западной Европы. Казалось-бы, гдѣ и развернуться капитализму, какъ не въ Россіи. Фактъ развитія въ Россіи капиталистическаго хозяйства кажется настолько естественнымъ, что онъ почти не требуетъ объясненія.

Гораздо труднѣе объяснить, почему успѣхи русскаго капитализма до послѣдняго времени были такъ невелики. Почему Россія и теперь такъ далеко отстаетъ отъ всѣхъ другихъ капиталистическихъ странъ? Словомъ, что задерживаетъ ростъ нашего капитализма?

Если бы требовалось отвѣтить на этотъ вопросъ въ двухъ словахъ, то я бы отвѣтилъ: русская некультурность. Капитализмъ несетъ съ собой культуру, но онъ и предполагаетъ культуру. Такъ, бросается въ глаза низкая степень производительности труда въ Россіи. Несмотря на то, что русскій рабочій получаетъ гораздо меньше западноевропейскаго, трудъ въ Россіи обходится едва-ли не дороже, чѣмъ на Западѣ. Шульце-Геверницъ, внимательно изучившій этотъ вопросъ, приходитъ къ заключенію, что „еще и теперь по отношенію къ русской промышленности остается справедливымъ замѣчаніе Гакстгаузена „рабочія руки дороги въ Россіи („la main d'oeuve est chère en Russie")" [1]). Такъ, напр., по словамъ Шульце-Геверница, въ Англіи на 1000 веретенъ приходится 3 рабочихъ, въ Россіи же, по расчету Менделѣева, 16,6 рабочихъ. Поэтому, получая въ 4 раза высшую плату, англійскій рабочій обходится дешевле фабриканту, чѣмъ русскій рабочій. „Всѣ компетентные люди,—говоритъ тотъ-же авторъ,—считаютъ главной

[1]) Крупное производство въ Россіи. Стр. 93.

причиной медленной эксплуатаціи выдающихся естественныхъ богатствъ Россіи невысокое качество русскаго труда". Низкая заработная плата, длинный рабочій день и безгласность рабочаго составляютъ отличительную черту строя русской промышленности сравнительно съ Западомъ. Именно въ этомъ и заключается одна изъ важнѣйшихъ причинъ технической отсталости русской промышленности.

Невѣжество и безграмотность русскаго рабочаго составляютъ не менѣе сильный контрастъ съ интеллигентностью рабочаго Запада. Столь же велико различіе между русскимъ и западноевропейскимъ капиталистомъ въ отношеніи предпріимчивости, знанія дѣла и готовности стать выше рутины. Дороговизна капитала въ Россіи есть также одно изъ слѣдствій некультурности русской жизни — ибо иностранные капиталы быстро восполнили-бы недостатокъ капиталовъ на русскомъ рынкѣ, еслибы иностранныхъ капиталистовъ не отпугивали многія особенности нашихъ внутреннихъ порядковъ. Административная регламентація и мелочныя стѣсненія, на которыя наша промышленность наталкивается на каждомъ шагу, вызываютъ огромное треніе, которое существенно тормозитъ наступательный ходъ нашей промышленности.

Еще и до настоящаго времени сохранила свое полное значеніе та оцѣнка условій русской жизни, задерживающихъ наше промышленное развитіе, которая была дана болѣе 40 лѣтъ тому назадъ величайшимъ русскимъ экономистомъ Н. Г. Чернышевскимъ въ статьѣ „Суевѣріе и правила логики" („Современникъ„ 1859). Эти условія нашей общественной жизни Чернышевскій опредѣлилъ однимъ словомъ „азіатство".

„Азіатство"—а отнюдь не недостатокъ рынка, мѣшаетъ намъ подвигаться столь же быстро по пути промышленнаго прогресса, какъ, напр., Германія.

Но хотя „азіатства" еще очень много въ русской жизни, все-же мы европейцы и будущее принадлежитъ не „азіатству". Наша культурная отсталость уменьшается, благодаря развитію того же капитализма. Никакія китайскія стѣны не могутъ задержать проникновенія къ намъ, вмѣстѣ съ западноевропейскими формами производства, и западноевропейской культуры. И поэтому нашъ прогнозъ таковъ: успѣхи русской капиталистической индустріи за послѣднее время являются только слабыми начатками того могущественнаго развитія русскаго капитализма, которое предстоитъ въ будущемъ.

ГЛАВА II.

Новѣйшее фабричное законодательство.

Проекты комиссій при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ и при министерствѣ финансовъ подъ предсѣдательствомъ Штакельберга.—Отношеніе фабрикантовъ петербургскихъ и центральнаго района къ законодательной охранѣ малолѣтнихъ рабочихъ.—Отзывы разныхъ лицъ: Хлудовыхъ, графа Баранова и другихъ.—Проекты 70-хъ годовъ.—Постановленіе съѣзда машиностроителей 1875 года.—Законъ 1882 года.—Послѣдующіе законы.—Связь ихъ съ промышленнымъ кризисомъ 80-хъ годовъ. — Почему московскіе фабриканты противятся законодательному ограниченію времени работы, а петербургскіе настаиваютъ на таковой.—Ходатайство лодзинскихъ фабрикантовъ 1894 года.—Отношеніе московскаго общества содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности къ нормировкѣ рабочаго дня.—Законъ 2 іюня 1897 года.

Новѣйшая исторія нашихъ фабричныхъ законовъ начинается съ навсегда незабвенной эпохи 60-хъ годовъ.

Съ 1859 года въ канцеляріяхъ различныхъ вѣдомствъ сталъ усиленно разрабатываться вопросъ о средствахъ недопущенія къ фабричной работѣ дѣтей и ограниченія рабочаго дня несовершеннолѣтнихъ. Особая комиссія при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ собрала въ 1859 году свѣдѣнія о малолѣтнихъ рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ и выработала „Проектъ правилъ для фабрикъ и заводовъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ“. Эти правила по всему своему духу не имѣютъ ничего общаго съ проектомъ Закревскаго (о которомъ я говорилъ въ I части, глава V), хотя ихъ раздѣляетъ промежутокъ всего въ нѣсколько лѣтъ. Проектъ Закревскаго имѣлъ вполнѣ крѣпостническій характеръ—петербургскій проектъ, напротивъ, блещетъ гуманностью и заботливостью объ интересахъ рабочихъ.

Проектъ прежде всего указываетъ мѣры предосторожности, которыя должны примѣняться фабрикантами для предупрежденія

несчастныхъ случаевъ съ рабочими и предъявляетъ къ фабрикантамъ различныя гигіеническія и санитарныя требованія. Квартиры рабочихъ должны быть опрятны, сухи, просторны, съ температурой воздуха 13—15° по Реомюру, помѣщенія для мущинъ, женщинъ и дѣтей должны быть отдѣльны.

Наибольшее значеніе имѣетъ статья проекта, не дозволяющая принимать на фабричную работу дѣтей моложе 12 лѣтъ и ограничивающая рабочее время несовершеннолѣтнихъ отъ 12—14 лѣтъ 10-ю часами въ сутки. Ночная работа несовершеннолѣтнихъ до 16-лѣтняго возраста запрещалась. Для надзора за исполненіемъ закона проектъ предполагалъ назначить особый инспекторатъ, имѣющій право посѣщать фабрики во всякое время дня и ночи, требовать свѣдѣній о платѣ рабочимъ, условіяхъ найма и проч. За неисполнененіе предписаній закона фабриканты уплачиваютъ штрафы.

Этотъ любопытный проектъ интересенъ также и тѣмъ, что онъ былъ выработанъ при участіи петербургскихъ фабрикантовъ, трое изъ которыхъ вошли въ составъ комиссіи. Съ фактами такого рода намъ придется считаться неоднократно и ниже: крупные петербургскіе фабриканты поддерживаютъ многія мѣры законодательной охраны рабочихъ, въ то время какъ московскіе и провинціальные фабриканты энергично имъ противодѣйствуютъ.

Комиссія осмотрѣла петербургскія фабрики, и оказалось, что на бумагопрядильняхъ изъ 8.209 рабочихъ—616 малолѣтнихъ въ возрастѣ 8—14 лѣтъ. На шести бумагопрядильняхъ работа шла днемъ и ночью, на шести только днемъ. На послѣднихъ какъ взрослые, такъ и дѣти работали по 14 часовъ въ сутки. По словамъ комиссіи, „дѣти показывали, что въ послѣдніе часы работы, къ вечеру, они бываютъ до того утомлены, что работаютъ безсознательно, едва держатся на ногахъ, и, возвращаясь домой, не въ силахъ бываютъ ужинать, а спѣшатъ скорѣе заснуть“ [1]). Не удивительно, что при такой непосильной работѣ „дѣти, работающія на бумагопрядильняхъ, вообще блѣдны, имѣютъ видъ изнуренный, малы ростомъ, такъ что 11 и 12-лѣтнимъ, пробывшимъ 2—3 года на фабрикѣ, часто на видъ нельзя дать болѣе 7 или 8 лѣтъ“.

Какъ-же отнеслись къ проекту комиссіи петербургскіе фабриканты? Комиссія предложила бумагопрядильнымъ фабрикантамъ

---

[1]) Проектъ правилъ для фабрикъ и заводовъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ, 1860 г. Объяснительная записка, стр. 19.

два вопроса: 1) не-находятъ-ли они возможнымъ не принимать на фабрику дѣтей моложе 10 лѣтъ и 2) можно-ли прекратить ночную работу малолѣтнихъ? На первый вопросъ шесть фабрикантовъ отвѣтили утвердительно, пять — отрицательно. Противъ ночной работы малолѣтнихъ высказались всѣ бумагопрядильные фабриканты С.-Петербурга, кромѣ двухъ. Одинъ фабрикантъ заявилъ, что „хорошо было-бы на всѣ фабрики безъ исключенія наложить запретъ ночью работать". По словамъ комиссіи, „многіе фабриканты сознаютъ, что ночная работа не только вредна для здоровья дѣтей и взрослыхъ, но невыгодна для самого производства, потому что: 1) ночью нельзя имѣть достаточнаго надзора за рабочими; 2) работники не имѣютъ надлежащаго вниманія къ работѣ; 3) произведенія выдѣлываются ночью хуже, чѣмъ днемъ, нитки на прядильняхъ обрываются чаще; 4) машины портятся скорѣе и служатъ меньшее время въ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ дѣйствуютъ непрерывно; 5) ночная работа требуетъ лишнихъ издержекъ на отопленіе и освѣщеніе и 6) освѣщеніе фабрики ночью увеличиваетъ опасность пожара" (Объяснительная записка, 57).

Правила о работѣ малолѣтнихъ выработанныя комиссіей, были сообщены всѣмъ директорамъ бумагопрядиленъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ, а также директорамъ всѣхъ значительныхъ ткацкихъ. Возраженіе противъ правилъ комиссіи послѣдовало только отъ одного бумагопрядильнаго фабриканта.

Одиннадцать бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикантовъ обѣщали сократить работу на своихъ фабрикахъ до требуемой комиссіей нормы, „имѣя въ виду, что въ то же время послѣдуетъ совершенное запрещеніе столь вредной для рабочихъ вообще, для женщинъ и особенно для малолѣтнихъ, ночной работы на всѣхъ бумагопрядильняхъ и ткацкихъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ". Этимъ одиннадцати фабрикантамъ принадлежало 494.640 веретенъ изъ 578.515 веретенъ на всѣхъ петербургскихъ бумагопрядильняхъ [1]).

Проектъ комиссіи былъ предложенъ затѣмъ на разсмотрѣніе владѣльцевъ другихъ петербургскихъ фабрикъ; изъ 22 фабрикантовъ только 4 не согласились съ проектомъ. Такимъ образомъ огромное большинство крупныхъ петербургскихъ фабрикантовъ находило для себя выгоднымъ законодательное регулированіе работы малолѣтнихъ.

Такъ какъ разсматриваемый проектъ возникъ въ эпоху либе-

[1]) Проектъ. Объяснительная записка, стр. 59.

ральныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, то и правиламъ, выработаннымъ комиссіей, была придана самая широкая гласность. Проектъ былъ разосланъ губернаторамъ съ просьбой собрать отзывы о немъ всѣхъ компетентныхъ и заинтересованныхъ лицъ. Для насъ важны главнымъ образомъ мнѣнія фабрикантовъ. Петербургскіе фабриканты, какъ сказано, одобрили проектъ. Иначе отнеслись къ нему провинціальные фабриканты.

Такъ братья Хлудовы, владѣльцы одной изъ крупнѣйшихъ бумагопрядиленъ Россіи (Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи) нашли крайне стѣснительнымъ предполагавшееся въ проектѣ запрещеніе ночной работы для малолѣтнихъ, въ виду того, что съ прекращеніемъ дѣтской работы должны остановиться занятія и взрослыхъ рабочихъ. „Притомъ,—заявили Хлудовы,—дѣти, лишась заработковъ на фабрикахъ, не принесутъ своимъ родителямъ никакого матеріальнаго пособія, будутъ пребывать во вредной для ихъ возраста праздности и разстроятъ свое здоровье, находясь, вмѣсто свѣтлаго и здороваго помѣщенія фабрики, въ душной атмосферѣ своей избы".

Какъ вамъ нравится эта фраза о „вредной праздности" дѣтей до 12 лѣтняго возраста и здоровомъ помѣщеніи фабрики? Нужно знать условія работы на нашихъ фабрикахъ того времени, весь ужасъ положенія несчастныхъ дѣтей, лишенныхъ всякой защиты и отданныхъ въ полное распоряженіе фабриканта, заставлявшаго ихъ зарабатываться прямо на смерть, чтобы вполнѣ оцѣнить цинизмъ подобнаго заявленія.

Тульскіе фабриканты и заводчики также не нашли возможнымъ ограничивать работу малолѣтнихъ старше 12 лѣтъ; „примѣненіе этой мѣры,—говорили они,—съ одной стороны, въ высшей степени неблагопріятно отразится на ходѣ фабричной промышленности, а съ другой—не принесетъ никакой пользы и малолѣтнимъ, такъ какъ развитіе силъ ихъ, при легкости работы, не можетъ пострадать отъ ея продолжительности".

Опять подобная-же циническая ссылка на интересы рабочихъ для оправданія вполнѣ очевидныхъ собственныхъ интересовъ.

Тверской хлопчатобумажный фабрикантъ Шиловъ высказался противъ ограниченія работы малолѣтнихъ во имя „свободы народнаго труда". Этотъ аргументъ, очевидно, былъ заимствованъ съ Запада. Извѣстно, какъ эксплуатировалась въ интересахъ фабрикантскаго класса „свобода труда" буржуазными экономистами Западной Европы того времени.

Еще большую оппозицію со стороны фабрикантовъ встрѣтило предположеніе комиссіи учредить особый правительственный фабричный инспекторатъ. По мнѣнію Хлудовыхъ „надзоръ за фабриками долженъ быть ввѣренъ самимъ фабрикантамъ“ (!!) Московскіе фабриканты Савва Морозовъ, Солодовниковъ, Третьяковъ, Прохоровъ и др. увидѣли въ предложеніи комиссіи оскорбительное для ихъ чести недовѣріе къ фабрикантамъ. По ихъ мнѣнію, персоналъ, надзирающій за фабриками, долженъ быть подчиненъ мануфактурному совѣту, его московскому отдѣленію и мѣстнымъ мануфактурнымъ комитетамъ—иначе говоря, тѣмъ-же фабрикантамъ. Тверскіе фабриканты высказались совершенно въ томъ-же смыслѣ.

Извѣстный владѣлецъ цѣлаго заводскаго округа, Мальцевъ, также призналъ назначеніе правительственной инспекціи стѣснительнымъ для фабрикантовъ.

Въ особенности пугало всѣхъ фабрикантовъ предоставляемое инспектору право во всякое время дня и ночи посѣщать фабрику. „Фабрика есть домъ трудолюбія,—заявляли тверскіе фабриканты,—ночная ревизія фабрикъ похожа на слѣдствіе и можетъ подать поводъ ко всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны ревизоровъ и даже матеріальнымъ ущербамъ со стороны фабриканта... Подъ именемъ фабрикъ и заводовъ слѣдуетъ также разумѣть домъ, квартиру, гостиницу, судно, корабль и проч., гдѣ законъ охраняетъ спокойствіе трудящагося, отдыхающаго, ликующаго гражданина, знатнаго и незнатнаго, богатаго и бѣднаго. Что же такое фабрика и фабрикантъ? Неужели они суть мѣсто беззаконія и личность, требующая внезапныхъ слѣдованій?“—восклицаютъ совершенно зарапортовавшіеся фабриканты.

Мануфактурный совѣтъ высказался совершенно въ томъ же духѣ, какъ и фабриканты—противъ правительственной инспекціи фабрикъ.

Что касается до отзывовъ административныхъ лицъ, то они были весьма разнообразны. Лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ баронъ Ливенъ предлагалъ вообще запретить ночныя работы. Напротивъ, владимірскій губернаторъ былъ всецѣло на сторонѣ фабрикантовъ. „Запрещеніе принимать малолѣтнихъ на фабрики,—замѣчаетъ онъ,—поставитъ ихъ въ положеніе непроизводительныхъ членовъ семейства (это дѣтей до 12-лѣтняго возраста!). Если доселѣ чувство любви родительской не ограждало малютокъ отъ посылки на фабрику, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что запрещеніе пріема на фабрику вдругъ

разовьетъ это чувство и побудитъ родителей содержать малолѣтковъ на своемъ иждивеніи... Напротивъ, естественно, что они будутъ употреблены на работы и ближе всего по той-же отрасли промышленности, но только въ заведеніяхъ, ускользающихъ отъ контроля, или на которыя не распространяется запрещеніе. Въ настоящемъ случаѣ такими заведеніями будутъ ручные станки въ свѣтелкахъ и избахъ... Остается только разсмотрѣть, легче-ли и менѣе-ли вредны для здоровья работы въ свѣтелкахъ и избахъ, чѣмъ на фабрикахъ? Люди, близко знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ, что первыя несравненно тяжелѣе и вреднѣе для малолѣтнихъ, чѣмъ работа на механическихъ фабрикахъ... При запрещеніи найма на фабрику малолѣтніе увеличатъ собою только число работающихъ по найму въ свѣтелкахъ и избахъ, а что тѣ и другія и сырѣе и смраднѣе самыхъ посредственныхъ фабричныхъ мастерскихъ, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для тѣхъ, кому хотя однажды случалось бывать въ нихъ во время работы".

Указаніе владимірскаго губернатора на то, что условія работы въ кустарныхъ мастерскихъ еще хуже, чѣмъ на фабрикахъ было совершенно вѣрно. Но отсюда слѣдуетъ выводъ не о нежелательности ограниченія работы малолѣтнихъ на фабрикахъ (какъ утверждалъ губернаторъ), а обратный—о необходимости распространить ограничительныя правила для дѣтской работы на всѣ промышленные заведенія, какъ крупныя, такъ и мелкія. Но для владимірскаго губернатора, защищавшаго интересы фабрикантовъ, ссылка на кустарныя заведенія была только предлогомъ отклонить всякое вмѣшательство правительства въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ.

Любопытенъ отзывъ тверского губернатора графа Баранова, весьма характерный для разсматриваемой эпохи. Излагая мнѣніе фабриканта Шилова, выступившаго въ защиту „свободы народнаго труда", графъ Барановъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: „фабрикантъ хлопчатобумажный, слѣдовательно протекціонистъ, живущій не естественной жизнью, а покровительственной системой, добивающійся удержанія ея на безконечное время, возвышаетъ голосъ о свободѣ народнаго труда! Такіе тартюфовскіе пріемы неизвинительны, потому что извѣстно, что ни о народномъ богатствѣ, ни о воспитаніи дѣтей народа фабриканты не думаютъ, а заботятся единственно о своемъ карманѣ. Если-же ихъ производства и разливаютъ въ народѣ деньги, то, очевидно, имъ тутъ хвастаться не

слѣдуетъ, что они благодѣтели народа, они просто эксплуататоры его силъ и способностей, эксплуататоры въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ вовсе не заботятся ни о здоровьѣ, ни о нравственности рабочихъ. Развратнѣе фабричнаго населенія и молодежи, болѣе коротающей свою жизнь, нигдѣ нѣтъ. Медицинской помощи въ большей части случаевъ нѣтъ, школъ также, а гдѣ и есть тѣ и другія, то заводятся безъ всякаго сочувствія, только для виду... Правительство должно принять мѣры противъ всѣхъ содержателей ремесленныхъ заведеній, похожихъ на американскія плантаціи, и противъ самихъ родителей, также похожихъ на американскихъ плантаторовъ. Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпости помѣщика естественно влечетъ за собою освобожденіе рабочихъ изъ крѣпости хозяевъ... Государству нужны здоровые, разумные и способные граждане, а не тупоумные, хотя съ виду и очень покорные рабы".

Если вспомнить, что эта тирада противъ „эксплуататоровъ" и „плантаторовъ" принадлежитъ губернатору, то нельзя не подивиться, какое это было либеральное время—даже губернаторы заговорили слогомъ народныхъ трибуновъ.

Большинство другихъ губернаторовъ высказалось противъ введенія особой фабричной инспекціи, рекомендуя поручить это дѣло такому испытанному органу надзора, какъ мѣстная полиція. Что же касается до графа Баранова, то онъ предлагалъ, чтобы рабочіе выбирали изъ своей среды особыхъ депутатовъ—представителей, съ которыми должны были сноситься фабричные инспектора. „Фабриканты не хотятъ знать,—заявляетъ Барановъ по поводу ихъ боязни инспекціи,—что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ такъ не уважается закономъ гражданская личность человѣка и его свобода, какъ въ Англіи, что нигдѣ не предоставлено столько свободной дѣятельности каждому гражданину, какъ тамъ, и что однако-же тамъ давно уже учреждены инспектора для фабрикъ... Фабриканты не желаютъ никакихъ инспекторовъ, а желаютъ ввѣрить надзоръ своей же братіи" [1]).

Проектъ комиссіи при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ былъ положенъ въ основу работъ другой комиссіи, учрежденной также въ 1859 г. при министерствѣ финансовъ. Этой послѣдней комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Штакельберга, поставлена

[1]) Всѣ вышеприведенные отзывы разныхъ лицъ о проектѣ комиссіи 1859 г. взяты изъ „Трудовъ комиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ фабрикъ и ремеслъ" т. II, приложеніе XV.

была очень широкая задача—переработка всего нашего ремесленнаго и фабричнаго законодательства. Комиссія выработала проектъ новаго устава о промышленности, при чемъ проектировала очень широкія реформы, между прочимъ—уничтоженіе цеховъ. Я остановлюсь только на предположеніяхъ комиссіи относительно фабричнаго законодательства въ строгомъ смыслѣ слова. Комиссія Штакельберга въ общемъ относилась еще сочувственнѣе къ рабочимъ, чѣмъ учрежденная при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ. Наиболѣе важныя измѣненія и нововведенія комиссіи въ фабричномъ уставѣ касаются работы дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, и промышленнаго суда.

По проекту новаго фабричнаго устава, на фабрики не допускаются дѣти, не достигшія 12-лѣтняго возраста. Несовершеннолѣтніе отъ 12—18 лѣтъ не должны быть въ работѣ болѣе 10 ч. въ сутки; имъ запрещается ночная работа. Отвѣтственность за неисполненіе этихъ правилъ возлагается на хозяевъ промышленныхъ заведеній (§§ 112—114 исправленнаго проекта).

Для надзора за промышленными заведеніями назначается особый правительственный инспекторатъ, снабженный всѣми полномочіями, необходимыми для фактическаго осуществленія надзора (§§ 116—121).

Для разрѣшенія споровъ и несогласій, возникающихъ между хозяевами промышленныхъ заведеній и рабочими, учреждаются особые промышленные суды. Члены промышленныхъ судовъ избираются отъ хозяевъ и рабочихъ той мѣстности, въ которой находится судъ, въ равномъ числѣ отъ тѣхъ и другихъ. Правомъ выбора пользуются всѣ рабочіе, имѣющіе не менѣе 21 года, занимающіеся не менѣе 1 года работой въ данной мѣстности и не опороченные по суду или общественному приговору. Могутъ быть избираемы рабочіе, имѣщіе не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, занимающіеся въ данной мѣстности работами не менѣе 5 лѣтъ, умѣющіе читать, писать и не опороченные по суду или общественному приговору. Предсѣдатель суда избирается членами суда или изъ своей среды, или изъ лицъ постороннихъ. Судъ вѣдаетъ въ числѣ прочихъ дѣлъ и разсмотрѣніе просьбъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья, дѣла о стачкахъ между рабочими противъ хозяевъ, или между хозяевами противъ рабочихъ, о штрафахъ и и взысканіяхъ за неисполненіе хозяевами промышленныхъ заведеній предписанныхъ правилъ, какъ-то: несоблюденіе постановленій о ночныхъ работахъ, о работѣ малолѣтнихъ, неогражденіе

опасныхъ частей механизмовъ и пр. Точно такъ же судъ вѣдаетъ всѣ споры между хозяевами и рабочими относительно несоблюденія условій найма (§§ 136, 138, 154, 161, 185).

Наказаніе за стачки рабочихъ оставлено проектомъ въ прежнемъ размѣрѣ (зачинщики—арестъ отъ 3 нед. до 3 мѣс., прочіе—отъ 7 дн. до 3 нед.); но вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ устанавливалъ мѣры взысканій и за стачки хозяевъ, направленныя къ пониженію заработной платы (§ 269).

Комиссія рѣшительно высказалась за исключеніе статьи 1865 Уложенія о наказаніяхъ, согласно которой неповиновеніе рабочихъ фабричной администраціи приравнивалось къ возстанію противъ властей, правительствомъ установленныхъ. По мнѣнію комиссіи, „случаи возстанія или неповиновенія, о коихъ говоритъ статья 1865 Уложенія о наказаніяхъ (по Уложенію 1845 г. ст. 1791), могли возникать лишь изъ принудительныхъ отношеній рабочихъ къ владѣльцамъ или управляющимъ... Съ уничтоженіемъ крѣпостного и поссессіоннаго права владѣнія людьми, возможность преступленій перваго рода устраняется сама собою, а слѣдовательно, упомянутая статья 1865 не должна уже имѣть мѣста въ законодательствѣ“ [1]) (хотя, статья эта относилась не только къ обязаннымъ рабочимъ, но и къ рабочимъ по вольному найму М. Т.-Б.).

Въ этомъ заключались важнѣйшія предположенія комиссіи Штакельберга въ области фабричнаго законодательства. Какъ видно, комиссія намѣтила очень широкія реформы, нѣкоторыя изъ которыхъ далеки отъ своего осуществленія и въ настоящее время. Укажу хотя-бы на предположенный комиссіей промышленный судъ, члены котораго должны были избираться въ равномъ числѣ какъ изъ хозяевъ, такъ и изъ рабочихъ. Идея такого суда была заимствована комиссіей изъ французскихъ conseils des prudhommes. Но русскій проектъ отличался болѣе демократическимъ духомъ, чѣмъ французскій оригиналъ. Такъ по французскому закону того времени президентъ и вице-президентъ суда назначались императоромъ, по русскому же проекту — предсѣдатель выбирался самими членами суда. Затѣмъ секретарь французскаго conseils des prudhommes назначался префектомъ — въ русскомъ проектѣ судъ совершенно не зависѣлъ отъ администраціи.

Ограниченіе работы несовершеннолѣтнихъ 10 часами въ сутки

[1]) Труды комиссіи, I, стр. 482.

заимствовано комиссіей изъ знаменитаго англійскаго билля 1847 г. о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Этимъ биллемъ установленъ 10-часовой рабочій день также и для женщинъ. Русскій проектъ въ этомъ отношеніи стоялъ ниже закона 1847 г., совершенно отказываясь отъ законодательной охраны взрослыхъ женщинъ. Но зато по англійскому закону на фабрики допускались дѣти отъ 8—13 лѣтъ съ работой $6^1/_2$ часовъ въ сутки; по проекту же комиссіи дѣти до 12-лѣтняго возраста совсѣмъ не имѣли права работать на фабрикѣ.

Однимъ изъ очень существенныхъ преимуществъ проекта комиссіи, сравнительно съ нашимъ послѣдующимъ фабричнымъ законодательствомъ, было распространеніе правилъ охраны рабочихъ не только на однѣ крупныя фабрики, но и на всѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія, промышленныя заведенія съ участіемъ наемныхъ рабочихъ. Благодаря этому, мелкія ремесленныя и кустарныя мастерскія, на которыхъ, какъ извѣстно, эксплуатація труда принимаетъ наиболѣе тяжелыя для рабочаго формы, подчинялись общему фабричному надзору; между тѣмъ въ настоящее время мелкая промышленность, наиболѣе нуждающаяся въ такомъ надзорѣ, въ большинствѣ случаевъ совершенно отъ него ускользаетъ.

Но проекту комиссіи не суждено было осуществиться: фабриканты отнюдь не были расположены допускать столь широкое ограниченіе свободы эксплуатаціи народнаго труда. Энергичнымъ противникомъ проекта выступилъ органъ московскихъ фабрикантовъ—московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта. Особенно рѣзко высказывалось отдѣленіе противъ введенія фабричной инспекціи, которой фабриканты боялись пуще огня. „Учрежденіе инспекціи,—заявляло отдѣленіе,—вмѣсто ожидаемой пользы принесетъ вредъ тѣмъ, что уничтожитъ всякую связь между хозяевами и рабочими, послужитъ поводомъ къ злоупотребленіямъ и увеличитъ число жалобъ“. Точно такъ же отдѣленіе возражало и противъ многихъ частностей организаціи промышленнаго суда. Между прочимъ оно настаивало, чтобы предсѣдателемъ суда былъ непремѣнно одинъ изъ представителей хозяевъ. 18-лѣтній возрастъ охраняемыхъ рабочихъ, по мнѣнію отдѣленія, былъ слишкомъ высокъ; эту норму слѣдовало бы понизить до 15-лѣтняго возраста. Исполненіе санитарныхъ и гигіеническихъ мѣръ, проектированныхъ новымъ промышленнымъ уставомъ, отдѣленіе находило крайне неудобнымъ для хозяевъ.

Судьбу проекта легко было предвидѣть. Онъ былъ благополучно положенъ подъ сукно, какъ и многія другія „благія начинанія“ 60-хъ годовъ. Фабриканты побѣдили, но нельзя сказать, чтобы работа комиссіи осталась совсѣмъ безрезультатной. Нѣкоторыя частности проекта комиссіи Штакельберга были осуществлены очень скоро. Такъ въ новомъ Уложеніи о наказаніяхъ 1866 была выпущена статья 1865 стараго Уложенія, противъ которой возражала комиссія. Мысль о недопущеніи къ фабричнымъ работамъ дѣтей до 12 лѣтъ и ограниченіи времени работы несовершеннолѣтнихъ была брошена въ общество и не пропала.

Исторія 70-хъ годовъ представляетъ намъ рядъ попытокъ административныхъ сферъ осуществить эту мысль, но попытки эти разбивались о сопротивленіе фабрикантовъ. Одна комиссія за другой при разныхъ учрежденіяхъ вырабатывала правила законодательной охраны малолѣтнихъ рабочихъ, но, по какимъ то таинственнымъ причинамъ, всѣ эти проекты постигаетъ одна судьба: они проходятъ нѣсколько инстанцій, одобряются подлежащими вѣдомствами и—остаются безъ движенія. Такъ, комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Игнатьева, учрежденная въ 1870 г., выработала проектъ устава о наймѣ рабочихъ, согласно которому наемъ въ работу дѣтей до 12 лѣтъ запрещался, работа несовершеннолѣтнихъ 12—14 лѣтъ была ограничена 8 часами днемъ и $4^1/_2$ часами ночью, а для возраста 14—17 лѣтъ 10 часами днемъ, или 4 часами днемъ и 4 часами ночью. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось составить правила о содержаніи промышленныхъ заведеній, устройствѣ при фабрикахъ больницъ, объ обязанностяхъ хозяевъ относительно помѣщенія, содержанія, образованія несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и пр. Проектъ этотъ восходилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но законодательной санкціи не получилъ. Въ 1872 г. проектъ Игнатьева былъ переработанъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но не получилъ дальнѣйшаго хода. Въ 1874 г., для разсмотрѣнія того же вопроса—условій найма рабочихъ и прислуги—была образована новая комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева. Въ составъ этой комиссіи вошли, кромѣ представителей администраціи, дворянства и земства, также представители фабрикантовъ и заводчиковъ. Эти послѣдніе высказались противъ немедленнаго законодательнаго опредѣленія рабочихъ часовъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. Проектъ большинства комиссіи (меньшинство составилось главнымъ образомъ изъ заводчиковъ и

фабрикантовъ) понижалъ, сравнительно съ проектомъ Игнатьева, возрастъ охраняемыхъ рабочихъ съ 17 до 16 лѣтъ, но зато сокращалъ время для работы дѣтей 12—14-лѣтняго возраста до 6 часовъ, а отъ 14—16-лѣтняго возраста—до 8 часовъ въ сутки. Проектъ поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но не былъ утвержденъ. Чѣмъ же вызывались неудачи, постигавшія проекты ограниченія работы малолѣтнихъ? Исключительно сопротивленіемъ фабрикантовъ, и главнымъ образомъ московскихъ, съ московскимъ отдѣленіемъ мануфактурнаго совѣта во главѣ.

Въ 1869 г. московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта занялось детальнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о работѣ малолѣтнихъ и рѣшительно высказалось противъ проекта комиссіи Штакельберга. По мнѣнію отдѣленія, „единственное измѣненіе въ существующемъ порядкѣ, которое не стѣснило бы фабрикаціи, могло бы быть допущено исключительно при постановленіи слѣдующаго правила: „не дозволяется допускать къ работамъ малолѣтнихъ, не достигшихъ 11-лѣтняго возраста. Малолѣтніе отъ 11 до 15 лѣтъ не должны находиться на дневной работѣ болѣе 10 часовъ въ сутки... когда же работа производится днемъ и ночью, малолѣтніе отъ 11 до 15 лѣтняго возраста не должны заниматься ею въ теченіе сутокъ болѣе 8 часовъ“ [1]).

Въ 1871 г. тотъ же вопросъ разсматривался комиссіей московскаго биржевого общества; комиссія подвергнула Игнатьевскій проектъ устава о наймѣ рабочихъ рѣзкой критикѣ и повторила, безъ всякихъ измѣненій, предложеніе 1869 г. московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта.

Новый проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1872 г. точно также встрѣтилъ возраженія биржевого старшины московской биржи Найденова. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи постоянной комиссіи московскаго биржевого общества и членовъ биржи, заводчиковъ и фабрикантовъ; совѣщаніе высказалось противъ проекта. „Столь крупный переворотъ, какъ проектированный,—заявило совѣщаніе,—можетъ безспорно причинить въ промышленномъ дѣлѣ большія затрудненія... Неизбѣжное при этомъ во многихъ случаяхъ уничтоженіе ночныхъ работъ, при значительности затратъ на устройство фабрики, равно какъ и возвышеніе заработной платы, вслѣдствіе уменьшенія числа малолѣт-

[1]) Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и Западной Европѣ. С.-Пб. 1884, стр. 28.

нихъ (гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись) и замѣны ихъ взрослыми, повлечетъ за собой неминуемо чувствительное увеличеніе стоимости обработки, и тѣмъ повліяетъ даже на цѣну самыхъ произведеній въ интересахъ иностранной конкуренціи“ [1]).

Аргументы патріотическаго свойства—интересы отечественной промышленности и т. п.—были обычнымъ и безошибочнымъ средствомъ для московскихъ фабрикантовъ направлять правительственную политику по желательному для нихъ руслу.

Проекту Валуевской комиссіи также не суждено было осуществиться благодаря оппозиціи фабрикантовъ, съ московскими во главѣ. Въ особомъ мнѣніи меньшинства повторялись обычныя ссылки на интересы промышленности, которые якобы пострадаютъ отъ „столь крупнаго переворота“, и предлагались полумѣры, лишавшія предполагавшуюся охрану малолѣтнихъ всякаго практическаго значенія.

Однако все это объясняетъ, почему проекты ограниченія работы малолѣтнихъ не могли получить осуществленія въ теченіе 70-хъ годовъ; но нужно объяснить также, почему эти проекты тѣмъ не менѣе постоянно возникали.

А потому, что законодательнаго ограниченія работы малолѣтнихъ требовали могущественные интересы. Я говорилъ объ отношеніи петербургскихъ фабрикантовъ къ проекту Штакельберга. Въ 1867 г. Кольбе, управляющій крупнѣйшей русской бумагопрядильни и бумаготкацкой того времени—Кренгольмской мануфактуры, имѣвшей до 6 тысячъ рабочихъ, 240 тысячъ веретенъ и 1647 механическихъ ткацкихъ станковъ,—вошелъ къ правительству съ ходатайствомъ о законодательномъ установленіи законной длины рабочаго дня. Интересна мотивировка Кольбе: „когда результатъ зимнихъ ярмарокъ“,—пишетъ Кольбе,—„оказывается хорошимъ, то работы, въ особенности въ малыхъ заведеніяхъ, производятся или днемъ и ночью, или одна денная работа увеличивается до 14-ти, даже до 15-ти часовъ. Увеличеніе задѣльной платы отвлекаетъ рабочихъ отъ другихъ занятій, даже отъ полевыхъ работъ. Если послѣ этого ярмарка въ Нижнемъ окончится съ неблагопріятными видами для сбыта пряжи, то на осеннее и зимнее время отпускается половина рабочихъ... При хорошихъ видахъ для сбыта пряжи съ работой днемъ и ночью въ прядильняхъ обыкновенно образуется черезъ 6 или 8 мѣсяцевъ изли-

[1]) Андреевъ, 32.

шество пряжи и потому—заминка въ цѣнѣ на оную. Малые производители по недостатку средствъ вынуждены бываютъ спускать свой товаръ съ убыткомъ и вредятъ этимъ не только себѣ, но и всѣмъ другимъ основательнымъ прядильщикамъ". Мелкіе фабриканты, поясняетъ дальше Кольбе, легко могутъ прекратить работу, когда обнаружится перепроизводство, но для крупныхъ фабрикъ это невозможно.

Въ виду всего этого, Кольбе ходатайствовалъ объ изданіи закона, запрещающаго работу на фабрикахъ дѣтямъ до 10-лѣтняго возраста, объ ограниченіи рабочаго дня для дѣтей 10—13-лѣтняго 8-ю или 10-ю часами, а для несовершеннолѣтнихъ 13—17 лѣтъ и женщинъ—12-ю часами въ сутки.

Подобнаго же рода ходатайства поступали и отъ другихъ фабрикантовъ.

Такъ въ 1875 г. особая комиссія отъ рижскаго биржевого комитета и рижскаго техническаго общества признала желательнымъ, чтобы дѣти принимались на фабрики лишь по достиженіи 10-лѣтняго возраста съ максимумомъ 6 часовъ работы до 13 лѣтъ, и 12-часовой до 17 лѣтъ, съ запрещеніемъ имъ ночной работы.

Гораздо любопытнѣе обсужденіе вопроса о рабочемъ днѣ на съѣздѣ машиностроителей въ 1875 г. въ С.-Петербургѣ. Одинъ изъ членовъ съѣзда, крупный заводчикъ Голубевъ, заявилъ, что сокращенія числа рабочихъ часовъ требуютъ прежде всего интересы самихъ хозяевъ. Онъ высказался въ пользу сокращенія рабочаго дня до 8 часовъ для взрослыхъ рабочихъ, при томъ условіи, чтобы число рабочихъ дней въ году было не менѣе 300. Съ Голубевымъ согласился и докладчикъ съѣзда по данному вопросу, Звѣринцевъ [1]). Другой крупный заводчикъ, Нобель, возражалъ противъ законодательнаго установленія 8-часового рабочаго дня, но вполнѣ признавалъ желательность сокращенія числа рабочихъ часовъ. По заявленію Нобеля, на его петербургскихъ заводахъ раньше работали 14 часовъ, затѣмъ стали работать 12 часовъ: въ началѣ 70-хъ годовъ работа была сокращена до $10^1/_2$ часовъ въ день, при чемъ число праздниковъ, по взаимному соглашенію его съ рабочими, было уменьшено. Результатъ оказался вполнѣ благопріятный съ точки зрѣнія хозяйскихъ интересовъ. „Если

[1]) Труды съѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей 1875 г., стр. 110—111.

другіе начнутъ работать 11 часовъ, я буду работать 10 часовъ", — заявилъ Нобель [1]).

Въ результатѣ съѣздъ ходатайствовалъ (почти единогласно), „чтобы число дѣйствительной работы въ день для поденныхъ или урочныхъ работъ на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ было сокращено до 10 часовъ въ сутки"... съ тѣмъ условіемъ, чтобы число обязательныхъ праздниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ было сокращено съ воскресеньями до 65 дней въ году.

Затѣмъ съѣздъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ изданіи закона о работѣ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ [2]).

На первомъ всероссійскомъ торговопромышленномъ съѣздѣ 1870 г. была принята резолюція, благопріятная охраненію работы малолѣтнихъ; а именно, съѣздъ постановилъ выразить желаніе, „чтобы проектированное въ новомъ уставѣ о фабричной и заводской промышленности ограниченіе числа рабочихъ часовъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ и самое допущеніе послѣднихъ къ работѣ было согласовано съ узаконеніями, составленными въ послѣднее время по этому предмету въ другихъ государствахъ". Но на этомъ же съѣздѣ раздавались энергичные голоса противъ законодательной охраны рабочихъ. Такъ, извѣстный г. Скальковскій заявилъ, что „на Западѣ возможно ограничить работу малолѣтнихъ, у насъ же нѣтъ... Въ Россіи подобная мѣра была бы стѣснительна и отразилась бы тяжело на самомъ рабочемъ классѣ, который чрезвычайно бѣденъ". По мнѣнію г. Скальковскаго, дѣти занимаются на нашихъ фабрикахъ только легкими, неутомительными работами. На фабрикѣ дѣти находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ у себя въ деревнѣ.

Горячую тираду въ защиту „свободы народнаго труда" (читай—свободы капиталистической эксплуатаціи) произнесъ фабрикантъ Сыромятниковъ. Но большинство, состоявшее, кстати сказать, изъ лицъ, никакого отношенія къ промышленности не имѣвшихъ—профессоровъ, чиновниковъ и вообще разнаго рода „интеллигентовъ"—всецѣло стояло на сторонѣ законодательной охраны рабочаго [3]).

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ предыдущаго, многіе фабриканты признавали такую охрану вполнѣ соотвѣтствующей ихъ

---

[1]) Труды, II, 3 засѣданіе 4 отдѣленія, стр. 39.

[2]) Труды, II, Журналъ общихъ собраній, стр. 65, 66.

[3]) Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій Всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и пр. 1870 г. С.-Пб. 1872 г.

интересамъ. Выдающуюся роль въ дѣлѣ осуществленія этой охраны сыграло петербургское Императорское русское техническое общество. Въ 1874 г. предсѣдатель постоянной комиссіи по техническому образованію техническаго общества, Е. Андреевъ, обратилъ вниманіе комиссіи „на два существенно важныя препятствія къ развитію у насъ образованія въ средѣ рабочаго класса; первое, состоящее въ чрезвычайной продолжительности рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ, второе—въ слишкомъ раннемъ возрастѣ поступленія дѣтей на фабрики и мастерскія“ [1]). Комиссія, по предложенію Андреева, разослала фабрикантамъ предложенные имъ вопросные пункты, имѣвшіе цѣлью выяснить распространеніе на фабрикахъ дѣтской работы и условія этой работы. Отвѣты были получены отъ 135 фабрикантовъ.

Оказалось, что на большинствѣ фабрикъ работали дѣти, иногда даже моложе 10-лѣтняго возраста. Число рабочихъ часовъ для дѣтей было такое же, какъ и для взрослыхъ, и достигало на нѣкоторыхъ фабрикахъ пятнадцати часовъ, а на одной даже семнадцати часовъ въ сутки.

Понятно, что при такой поистинѣ ужасной работѣ фабричныя дѣти оказались вообще страдающими малокровіемъ и разнаго рода спеціальными фабричными болѣзнями.

Собранный матеріалъ былъ переданъ для разсмотрѣнія особой комиссіи изъ членовъ общества, нѣкоторыхъ административныхъ лицъ и фабрикантовъ. Эта комиссія выработала проектъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ, въ основаніе котораго были положены слѣдующія начала: 1) „чтобы дѣти обоего пола до наступленія 12-лѣтняго возраста вовсе не были допускаемы ни на какія работы на фабрикахъ, заводахъ или ремесленныхъ заведеніяхъ, 2) чтобы во всѣхъ производствахъ или частяхъ производства, признаваемыхъ вредными или опасными для совершеннолѣтнихъ вообще, не были допускаемы лица не достигшія 17 лѣтъ, безъ различія пола“ [2]).

Рабочій день для малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ, по проекту комиссіи, долженъ быть ограниченъ 5 часами дневной работы. Ночная работа можетъ быть разрѣшена только въ нѣкоторыхъ особо поименованныхъ производствахъ. Необходимо при этомъ, по мнѣ-

---

[1]) Е. Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и З. Европѣ, 43.
[2]) Андреевъ, 51.

нію комиссіи, стремиться къ тому, чтобы и работа взрослыхъ была ограничена 10 часами [1]).

По иниціативѣ Андреева состоялась и вышеизложенная резолюція съѣзда машиностроителей 1875 г. Нельзя не отмѣтить, что въ томъ же смыслѣ ходатайствовало и земство. Такъ въ 1874 г. владимірское губернское земство постановило ходатайствовать о запрещеніи принимать на фабричныя работы дѣтей до 14-лѣтняго возраста и объ ограниченіи времени работы на фабрикахъ несовершеннолѣтнихъ 14—17-лѣтняго возраста 8 часами въ сутки [2]). Въ 1877 г. при владимірской губернской земской управѣ была образована особая комиссія для разработки вопроса „о неправильномъ отношеніи фабрикантовъ къ фабричнымъ рабочимъ". Комиссія выработала тщательно составленныя правила внутренняго распорядка фабричной работы и отношеній рабочихъ къ хозяевамъ (между прочимъ комиссія признавала необходимымъ, чтобы рабочіе получали не рѣже раза въ мѣсяцъ заработанную плату, „чтобы фабричные рабочіе свободны были покупать потребные имъ припасы и матеріалы, гдѣ пожелаютъ" и пр. [3]).

Наконецъ, 1-го іюня 1882 г., въ министерство Бунге, черезъ 23 года послѣ перваго возбужденія въ нашихъ правительственныхъ сферахъ вопроса о регулированіи фабричнаго труда малолѣтнихъ, былъ изданъ законъ, запрещавшій на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ работу дѣтей до 12 лѣтъ отъ роду (ст. 1). Работа малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—15 лѣтъ была ограничена 8 часами въ сутки; ночная работа малолѣтнихъ была запрещена, точно такъ же какъ работа въ воскресные и праздничные дни (ст. 2 и 3). На владѣльцевъ заведеній возлагалась обязанность предоставить возможность малолѣтнимъ рабочимъ, не кончившимъ курсъ въ низшихъ народныхъ школахъ, поступать въ таковыя, а для надзора за исполненіемъ закона былъ назначенъ особый правительственный инспекторатъ (ст. 5, I отд. и ст. 1, 6 II отд.).

Чтобы не затруднить хозяевъ слишкомъ рѣзкимъ переходомъ къ новымъ условіямъ работы, законъ предоставилъ министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, допускать въ теченіе 2-хъ лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе закона отступленія отъ новыхъ правилъ работы малолѣтнихъ (отд. IV).

Законъ 1882 г. имѣлъ огромное принципіальное значеніе. Не-

[1]) Андреевъ, 54.

[2]) Владимірскій Губернскій Земскій Сборникъ, 1874. XII. Стр. 394.

[3]) Владимірскій Губернскій Земскій Сборникъ, 1878. XII. Стр. 28.

смотря на противодѣйствіе московскихъ фабрикантовъ, правительство сдѣлало первый шагъ въ области огражденія интересовъ рабочихъ. Фабричный инспекторъ—эта новая фигура на фабрикѣ, долженъ былъ внести новыя начала въ отношенія хозяевъ къ рабочимъ.

Какъ же отнеслись къ этому законодательному акту фабриканты? Очень различно. Представители петербургскихъ бумагопрядиленъ подали въ министерство финансовъ отдѣльное заявленіе, въ которомъ заявили, что, по ихъ мнѣнію, „вполнѣ настало время и у насъ ввести фабричныя правила, ограничивающія время работы; ночныя работы въ бумагопрядильняхъ и ткацкихъ мануфактурахъ вовсе не нужны; новыя постановленія должны бы подчинить всѣ мануфактуры одному и тому же правилу относительно продолжительности работы, чтобы поставить ихъ въ одинаковыя условія конкуренціи... они убѣждены, что не слѣдуетъ вовсе допускать къ работѣ дѣтей моложе 12 лѣтъ... и предлагаютъ, чтобы дѣти 12—14 лѣтъ работали по 6 часовъ... По субботамъ фабрики должны останавливаться не въ 7 ч., а въ 5 часовъ... слѣдуетъ вовсе запретить ночную работу женщинамъ и подросткамъ до 18 лѣтъ. Вообще работа на фабрикахъ не должна быть болѣе 70 ч. въ недѣлю“ [1]).

Такимъ образомъ петербургскіе бумагопрядильщики шли значительно дальше закона 1882 г. — они признавали для себя выгоднымъ совершенное запрещеніе ночной работы женщинъ, ограниченіе работы малолѣтнихъ 12—14 лѣтъ 6 часами въ сутки, а взрослыхъ мужчинъ — 70 часами въ недѣлю. Вообще изъ 48 бумагопрядиленъ, давшихъ отзывъ на запросъ департамента торговли и мануфактуръ относительно неудобствъ немедленнаго примѣненія всѣхъ постановленій закона 1-го іюня, 18 заявило, что, „неудобствъ отъ предполагаемыхъ мѣръ не предвидится“, 3 прямо высказались за „обязательное запрещеніе фабричной работы до 12-лѣтняго возраста“, 4 высказалось за запрещеніе ночной работы вообще (т. е. и взрослыхъ рабочихъ) въ виду того, что она „1) вредна какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и *не особенно производительна*, а 2) *часто влечетъ чрезмѣрное производство съ неминуемыми кризисами*“ [2]).

Остальные бумагопрядильщики высказались противъ запрещенія ночной работы, а также и противъ недопущенія къ работамъ

[1]) Андреевъ, приложеніе, 8.

[2]) Андреевъ, приложеніе, 6.

дѣтей до 12 лѣтъ. Отзывы такого рода исходили *почти исключительно изъ среды фабрикантовъ центральныхъ губерній.*

Итакъ мы видимъ знакомое намъ раздѣленіе фабрикантовъ на 2 группы — петербургскихъ и московскихъ. Петербургскіе требуютъ ограниченія работы малолѣтнихъ и даже нормированія труда взрослыхъ мужчинъ, московскіе протестуютъ противъ вмѣшательства правительственной власти въ ихъ отношенія къ рабочимъ и энергично стоятъ за „свободу труда".

Остановимся теперь на причинахъ этого постоянно обнаруживающагося антагонизма интересовъ петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Почему петербургскіе фабриканты выступаютъ сторонниками, а московскіе противниками фабричнаго законодательства?

Основной причиной этого, по моему мнѣнію, является различіе заработной платы въ петербургскомъ и московскомъ районѣ. Извѣстно, что заработная плата въ петербургскомъ районѣ значительно выше, чѣмъ въ московскомъ — примѣрно на $^1/_3$ и даже болѣе. Центральный промышленный районъ населенъ настолько густо, что значительная часть его жителей уходитъ въ отхожіе заработки въ другія губерніи. Московскія и владимірскія фабрики никогда не страдаютъ недостаткомъ рабочихъ рукъ. Напротивъ, фактъ дальняго отхода изъ Ярославской, Костромской, Тверской и другихъ центральныхъ губерній доказываетъ, что мѣстные заработки не удовлетворяютъ спросу на нихъ населенія.

Петербургскій районъ расположенъ на слабонаселенной окраинѣ Россіи. Значительная, если не большая часть рабочаго населенія Петербурга—крестьяне болѣе или менѣе удаленныхъ промышленныхъ губерній. Очевидно, для того, чтобы привлекать рабочихъ изъ этихъ губерній, Петербургъ долженъ давать имъ большую плату, чѣмъ та, которую они получаютъ у себя на мѣстѣ.

Это различіе заработной платы неизбѣжно приводитъ къ различію въ техникѣ производства. Петербургскія фабрики, какъ общее правило, снаряжены гораздо лучше въ техническомъ отношеніи, чѣмъ московскія, и вообще фабрики центральнаго района. Но болѣе совершенная техника предъявляетъ и большія требованія къ рабочему. Малопроизводительная ночная работа можетъ быть выгодна на московскихъ фабрикахъ при низкой заработной платѣ; при болѣе высокой петербургской платѣ ночная работа оказывается невыгодной. Поэтому на петербургскихъ фабрикахъ преобладаетъ дневная работа, на московскихъ—работа круглыя сутки.

Чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ выгоднѣе замѣна рабочаго машиной. Петербургскій фабрикантъ можетъ найти выгоднымъ замѣну малолѣтнихъ рабочихъ механическими приспособленіями при машинахъ, благодаря сравнительной высотѣ заработной платы петербургскаго района; московскому фабриканту такая замѣна можетъ грозить крупнымъ убыткомъ, вслѣдствіе дешевизны труда въ центральномъ районѣ.

Если далѣе мы примемъ въ расчетъ конкуренцію петербургскихъ и московскихъ фабрикъ, то намъ будетъ понятно, почему петербургскіе фабриканты нерѣдко прямо настаивали на ограниченіи законодательнымъ путемъ продолжительности рабочаго времени. Московскія фабрики, непрерывно работающія круглыя сутки, пользующіяся крайне дешевымъ трудомъ, подрываютъ производство петербургскихъ фабрикъ, съ болѣе короткимъ рабочимъ днемъ и болѣе высокой заработной платой. Законодательное сведеніе московскаго рабочаго дня до уровня петербургскаго весьма существенно улучшило-бы условія конкуренціи Петербурга съ Москвой, и потому Петербургъ выступаетъ съ гуманными проектами охраны рабочаго, а Москва упорно противится таковымъп роектамъ [1]).

Вновь учрежденной инспекціи пришлось много бороться съ фабрикантами, чтобы добиться отъ нихъ исполненія требованій закона. По словамъ фабричнаго инспектора московскаго округа г. Янжула, „нѣкоторые фабриканты и директора иронизировали по поводу введенія въ дѣйствіе закона и мѣръ контроля со стороны небольшого, вѣроятно, инспекторскаго персонала, при чемъ прямо даже указывали на возможность тѣхъ или иныхъ уловокъ—даже при достаточномъ контролѣ—для избѣжанія закона... Другіе выражали твердое убѣжденіе, что дѣло никогда не дойдетъ до конца и что правительство непремѣнно отмѣнитъ законъ ранѣе вступленія его въ силу, что правительство слишкомъ будто бы покровительствуетъ интересамъ рабочихъ, забывая фабрикантовъ, которые терпятъ и безъ того большія непріятности и неудобства и т. п.“ [2]).

---

[1]) Мое объясненіе причинъ различнаго отношенія петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ къ фабричному законодательству принимается и г. Литвиновымъ-Фалинскимъ въ его книгѣ „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи“, стр. 114—115. Вообще, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ объясненія факторовъ, создавшихъ наше фабричное законодательство, г. Литвиновъ-Фалинскій строго слѣдуетъ моей книгѣ, не цитируя ее ни разу.

[2]) Янжулъ. Фабричный бытъ Московской губерніи. С.-Пб. 1884 г. XIX.

И нельзя не сказать, что иронія фабрикантовъ была вполнѣ основательна. Инспектора по своей малочисленности не имѣли физической возможности не только осуществить дѣйствительный контроль за исполненіемъ закона на всѣхъ фабрикахъ своего округа, но даже осмотрѣть послѣднія. Такъ напр., г. Янжулъ успѣлъ ознакомиться, ко времени представленія своего перваго отчета лишь съ 174 фабриками изъ 1500 бывшихъ въ его округѣ. Отчетъ Владимірскаго фабричнаго инспектора г. Пескова составленъ на основаніи осмотра всего 71 заведенія, въ число которыхъ входили къ тому же нѣкоторыя ремесленныя. Понятно, что при такихъ условіяхъ фабриканты могли совершенно игнорировать законъ.

Скажу нѣсколько словъ о положеніи нашего рабочаго класса, какъ оно обнаружилось въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ. Я не буду, разумѣется, подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, которому предполагаю посвятить особую работу. Отчетъ г. Янжула за 1884 г. сообщаетъ поразительные факты. Трудно повѣрить, если бы не несомнѣнныя доказательства, до какихъ размѣровъ удлинялся рабочій день взрослыхъ и малолѣтнихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ. На рогожныхъ фабрикахъ работа шла обыкновенно отъ 16 до 18 часовъ въ сутки, безъ всякихъ смѣнъ. На сонъ, ѣду, отдыхъ рабочему *оставалось не болѣе 8—6 часовъ въ сутки*. И такой поистинѣ ужасной работой были заняты не только взрослые мужчины и женщины, но и дѣти, изъ которыхъ многія не достигали и 10 лѣтъ отроду! По словамъ г. Янжула, на рогожныхъ фабрикахъ встрѣчались малютки не старше 3 лѣтъ отроду, работавшіе вмѣстѣ со своими матерями. Неудивительно, что, по выраженію одного изъ хозяевъ рогожной фабрики, къ веснѣ (лѣтомъ работа прекращалась) всѣ рогожники до того ослабѣвали, что ихъ „и вѣтромъ качало“ [1]).

Почти такъ же продолжительна была работа и въ булочныхъ; наиболѣе же частымъ терминомъ въ Московской губерніи являлся 12-часовой рабочій день, но во многихъ случаяхъ рабочій день удлинялся до 13, 14, 15, 16 часовъ и даже выше (какъ, напр., на указанныхъ рогожныхъ фабрикахъ).

Къ этому нужно прибавить, что число рабочихъ дней въ году на большинствѣ фабрикъ было очень велико. Воскресная работа представлялась явленіемъ самымъ обычнымъ. Отношенія

[1]) Фабричный бытъ Моск. губ., стр. 44.

хозяевъ и рабочихъ характеризовались крайнимъ произволомъ со стороны хозяевъ. Хозяева включали въ рабочій договоръ такіе пункты, которые лишали рабочаго всякой свободы. Система штрафовъ была развита до виртуозности. Самый размѣръ штрафовъ нерѣдко совсѣмъ не опредѣлялся заранѣе; въ правилахъ многихъ фабрикъ г. Янжулъ встрѣтилъ лаконическую статью: „замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ *штрафуются по усмотрѣнію хозяина*“—и только.

Положеніе хозяина и рабочаго на фабрикѣ г. Янжулъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „хозяинъ фабрики—неограниченный властитель и законодатель, котораго никакіе законы не стѣсняютъ, и онъ часто ими распоряжается по-своему; рабочіе ему обязаны *„безпрекословнымъ повиновеніемъ“*, какъ гласятъ правила одной фабрики“ [1]).

Фабриканты считали себя въ правѣ, вопреки закону, запрещающему самовольно понижать рабочую плату до истеченія срока договора, уменьшать плату рабочимъ во всякое время, когда имъ вздумается. Штрафы съ рабочихъ, взимавшіеся по самымъ разнообразнымъ поводамъ, поступали въ полное распоряженіе хозяина; общая сумма ихъ достигала на нѣкоторыхъ фабрикахъ нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ и являлась немаловажнымъ источникомъ дохода для хозяина.

Кромѣ того рабочіе страдали отъ крайней неопредѣленности сроковъ расплаты. Сроки выдачи платы рабочимъ обыкновенно совершенно не опредѣлялись въ рабочемъ договорѣ, и хозяинъ выдавалъ деньги рабочимъ по своему усмотрѣнію, — 2 раза въ году (на Пасху и Рождество), три раза, четыре или чаще. Рабочіе должны были выпрашивать у фабриканта *заработанныя ими деньги*, какъ особую милость. На нѣкоторыхъ фабрикахъ практиковался даже такой порядокъ: деньги совсѣмъ не выдавались въ теченіе года (до окончанія срока найма) рабочему въ руки; если они ему были нужны для уплаты податей, то отсылались прямо волостнымъ старшинамъ или старостамъ [2]).

Понятно что при такихъ порядкахъ рабочій могъ существовать только кредитуясь въ фабричной лавкѣ, неоплатнымъ должникомъ который онъ состоялъ весь годъ. Въ концѣ года, когда производился разсчетъ, изъ его заработка вычитался долгъ лавкѣ, и

---

[1]) Фабричный бытъ Моск. губ., 83.

[2]) Янжулъ, 91.

послѣ года работы, ему иногда приходилось получить въ свою пользу наличными деньгами круглую сумму въ нѣсколько рублей. Фабричныя лавки давали такой крупный доходъ фабрикантамъ, что нѣкоторыя фабрики ставили въ условіе найма рабочихъ обязательство брать припасы не иначе, какъ отъ хозяевъ. По словамъ г. Янжула, большая доля барыша нѣкоторыхъ фабрикантовъ вытекала именно изъ продажи товаровъ изъ фабричныхъ лавокъ, а не изъ фабричнаго производства (Янжулъ, 108).

Нечего и говорить, что санитарныя и гигіеническія условія работы и жизни на фабрикѣ были (таковыми, впрочемъ, они остаются и теперь) ужасны. Только на нѣкоторыхъ фабрикахъ были особыя спальни—но что за спальни! Мужчины, женщины, дѣти спали вповалку на нарахъ, безъ различія пола и возраста въ сырыхъ, душныхъ и тѣсныхъ казармахъ, иногда въ подвалахъ, иногда въ каморкахъ, лишенныхъ свѣта. Но на большинствѣ фабрикъ и такихъ спаленъ не было. Рабочіе, послѣ 12, 13 и 14-часовой дневной работы располагались спать тутъ же въ мастерской на станахъ, столахъ, верстакахъ, на полу, подложивши подъ голову какую-нибудь рваную одежду. И это практиковалось нерѣдко въ такихъ мастерскихъ, пребываніе въ которыхъ, благодаря употребленію различныхъ ядовитыхъ красокъ и химическихъ веществъ, даже въ рабочее время было далеко не безопасно!

За закономъ 1882 года послѣдовалъ рядъ другихъ. 12 іюня 1884 г. былъ изданъ законъ о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, о продолжительности ихъ работы и фабричной инспекціи; въ этомъ же году министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, были составлены правила о производствахъ, въ которыхъ допускается ночная работа дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, а также правила о производствахъ, въ которыхъ работа малолѣтнихъ до 15-ти лѣтняго возраста безусловно воспрещается. 19 декабря 1884 г. была обнародована, утвержденная министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, инструкція чинамъ фабричной инспекціи и правила относительно исполненія постановленій закона владѣльцами промышленныхъ заведеній. 3 іюня 1885 г. вышелъ весьма важный законъ, воспрещающій для женщинъ и подростковъ, недостигшихъ 17-тилѣтняго возраста, ночную работу на хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ (въ видѣ опыта на 3 года). Наконецъ, 3 іюня 1886 г. былъ обнародованъ законъ о наймѣ рабочихъ на

фабрики и заводы, а съ 1 октября того же года вошли въ дѣйствіе особыя правила о надзорѣ за фабричными заведеніями и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ.

Результаты этой энергичной законодательной работы были очень велики: отношенія хозяевъ и рабочихъ подверглись весьма тщательной регламентаціи, надзоръ фабричной инспекціи сдѣланъ болѣе дѣйствительнымъ, ночная работа женщинъ и дѣтей въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности уничтожена. Если сравнить исторію закона 2 іюня 1882 г. съ послѣдующей законодательной дѣятельностью -въ той же области, то происшедшая перемѣна бросается въ глаза: на выработку закона 1882 г., представлявшаго мѣру весьма безобидную и почти не затрагивавшую интересовъ фабрикантовъ, потребовалось болѣе 20 лѣтъ. Законы 1885 и 1886 гг., въ несравненно большей мѣрѣ задѣвавшіе интересы фабрикантовъ, были обнародованы съ совершенно исключительной для нашихъ канцелярій быстротой. Очевидно, произошла какая-то перемѣна въ общественныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ ходъ нашей законодательной машины. Остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Я уже неоднократно указывалъ на противоположность интересовъ московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ въ дѣлѣ законодательнаго регулированія фабричной работы. Изданіе закона 1882 г. было побѣдой петербургскихъ фабрикантовъ надъ московскими. Медленность выработки этого закона всецѣло объясняется тѣмъ, что закону противодѣйствовали могущественные интересы московскихъ фабрикантовъ. Но вѣдь московскіе фабриканты должны были еще болѣе противиться законамъ 1885 и 1886 гг. Почему же эти законы были обнародованы съ такой быстротой?

Я уже говорилъ раньше, что начало и середина 80-хъ годовъ въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, были временемъ полнаго промышленнаго застоя. За промышленнымъ оживленіемъ конца 70-хъ годовъ послѣдовалъ кризисъ, особенно тяжело отразившійся на хлопчатобумажной промышленности. Работа на бумаготкацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикахъ повсемѣстно была сокращена, рабочіе цѣлыми тысячами увольнялись съ фабрикъ— число рабочихъ на многихъ фабрикахъ было сокращено на половину, нѣкоторыя фабрики совсѣмъ пріостановили работу. Это обстоятельство и послужило ближайшимъ поводомъ къ изданію новыхъ фабричныхъ законовъ.

Въ 1883 г. многія бумагопрядильныя и другія фабрики Пе-

тербурга сократили работу и отпустили значительную часть рабочихъ. Это дало поводъ с.-петербургскому градоначальнику Грессеру пригласить прядильныхъ фабрикантовъ для выясненія причинъ сокращенія работъ. Приглашенные фабриканты объяснили, что сокращеніе производства вызывается кризисомъ. Единственнымъ средствомъ для устраненія кризиса, по мнѣнію фабрикантовъ, являлось „повсемѣстное воспрещеніе ночныхъ работъ". Въ виду этого они подали 25 января 1884 г. Грессеру прошеніе, въ которомъ ходатайствовали объ изданіи закона, запрещающаго ночныя работы несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ „съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать сокращенію производства, которое достигло въ послѣднее время столь значительныхъ размѣровъ, что переполнились товаромъ всѣ рынки".

Грессеръ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ петербургскихъ фабрикантовъ и передалъ ихъ прошеніе въ министерство финансовъ. Прошеніе поступило на разсмотрѣніе московскихъ фабрикантовъ въ лицѣ ихъ органа — московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ. Какъ и слѣдовало ожидать, отдѣленіе признало предполагаемую мѣру „крайне неудобной". Ночная работа составляла постоянную принадлежность московскихъ фабрикъ, и московскіе фабриканты не были расположены отъ нея отказаться.

Въ особой комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, образованной для разсмотрѣнія этого вопроса подъ предсѣдательствомъ бывшаго директора департамента полиціи, а затѣмъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ сенатора Плеве, московскіе фабриканты высказались противъ запрещенія ночной работы, которая, по ихъ мнѣнію, приведетъ къ тому, что въ Петербургѣ, Прибалтійскихъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ возникнутъ новыя прядильныя и ткацкія фабрики, снабженныя машинами новѣйшей конструкціи, что должно повести къ ухудшенію условій конкуренціи фабрикъ центральной Россіи.

Между тѣмъ промышленный кризисъ, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ правительственнаго надзора за отношеніями хозяевъ къ рабочимъ, повелъ въ концѣ 1884 и началѣ 1885 г. къ волненіямъ рабочихъ на нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерніи...

Дѣло двинулось. Несмотря на оппозицію московскихъ фабрикантовъ, 3 іюня 1885 года былъ изданъ законъ о воспрещеніи ночной работы женщинъ и дѣтей въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ производствахъ —хлопчатобумажномъ, полотняномъ и шерстяномъ

а чрезъ годъ еще болѣе важный законъ о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ значительно расширенъ штатъ фабричныхъ инспекторовъ.

Совпаденіе времени изданія названныхъ законовъ съ эпохой промышленнаго застоя было отнюдь не случайно. Застой, во-первыхъ, уменьшилъ силу сопротивленія московскихъ фабрикантовъ. По словамъ Безобразова, „промышленныя обстоятельства времени требовали по многимъ отраслямъ промышленности сокращенія производства для пользы самихъ фабрикантовъ... Въ 1886 г. была вовсе прекращена ночная работа почти на всѣхъ крупныхъ мануфактурахъ въ подмосковныхъ губерніяхъ. Если бы въ 1886 г. ходъ промышленныхъ дѣлъ былъ боекъ, то ночная работа, на дозволенныхъ законами условіяхъ, не прекратилась бы. Послѣ оживленія спросовъ и торговли въ 1887 г. многіе фабриканты уже помышляли о возобновленіи ночной работы“ [1]). Г. Песковъ сообщаетъ еще болѣе интересныя наблюденія по этому пункту. „Огромное большинство фабрикантовъ и директоровъ, — говоритъ онъ—съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать во время моихъ поѣздокъ по фабрикамъ, выказывали желаніе, чтобы правительство повсемѣстно воспретило на фабрикахъ ночную работу. По ихъ мнѣнію, при нынѣшнемъ промышленномъ кризисѣ отъ отмѣны ночной работы скорѣе нужно ожидать оживленія промышленной дѣятельности, чѣмъ упадка ея, ибо въ настоящее время не малое число фабрикъ средней величины прекращаютъ свою дѣятельность единственно только потому, что при нынѣшнемъ плохомъ сбытѣ товара онѣ являются просто лишними, такъ какъ весь спросъ въ избыткѣ удовлетворяютъ дѣйствующія теперь день и ночь фабрики. По отмѣнѣ же ночной работы на первое время неизбѣжно послѣдуетъ, конечно, уменьшеніе количества производимыхъ фабрикатовъ и явится нѣкоторый недостатокъ въ предложеніи; но пока дѣйствующія нынѣ фабрики не увеличатъ опять размѣровъ своего производства... недостатокъ этотъ будетъ восполняться бездѣйствующими теперь фабриками. А тѣмъ временемъ, можетъ быть, пройдетъ господствующій теперь промышленный кризисъ—и фабрики эти будутъ продолжать свою работу, не смотря на расширеніе дѣятельности теперь работающихъ имъ въ ущербъ фабрикъ. Таково, повторяю, общее мнѣніе фабри-

---

[1]) Наблюденія и соображенія В. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній. Стр. 6.

кантовъ“ [1]). Во-вторыхъ, кризисъ повелъ къ рабочимъ волненіямъ.

Эти послѣднія повели къ изданію другого, еще болѣе важнаго фабричнаго закона 3 іюня 1886 г. Иниціатива изданія этого закона принадлежала министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому. Въ отношеніи министру финансовъ отъ 4 февраля 1885 г. (№ 281) графъ Толстой сообщилъ, „что изслѣдованіе мѣстными властями причинъ означенныхъ стачекъ рабочихъ обнаружило, что онѣ грозили принять размѣры серьезныхъ волненій и произошли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли-бы опредѣляться взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Такой пробѣлъ въ законодательствѣ, обусловливая разнообразные порядки на фабрикахъ, открывалъ широкій просторъ произвольнымъ, клонящимся къ ущербу рабочихъ, распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несоразмѣрно высокіе штрафы, въ виду временнаго упадка промышленной дѣятельности, часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработной платы до того, что рабочій лишался возможности уплатить лежащія на немъ повинности и прокормить свою семью; высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ и недобросовѣстность приказчиковъ вызывали справедливый ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождалъ постоянные споры въ расчетахъ задѣльной платы... Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войска“ писалъ графъ Толстой „въ достаточной степени свидѣтельствовала о настоятельности приступить къ составленію, въ развитіе дѣйствовавшаго фабричнаго законодательства, такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали-бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губерніяхъ.“

Отношеніе это повело къ образованію комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве, которая и выработала проектъ закона, вскорѣ разсмотрѣнный Государственнымъ Совѣтомъ и Вы-

[1]) Фабричный бытъ Владимірской губерніи. С.-Пб. 1884. Стр. 59—60.

сочайше утвержденный 3 іюня 1886 г. При обсужденіи закона указывалось, между прочимъ, что:

„Волненія въ средѣ фабричныхъ рабочихъ Московской и Владимірской губ. и произведенные ими на нѣкоторыхъ фабрикахъ безпорядки съ очевидностью раскрыли многія неприглядныя стороны фабричнаго быта, при чемъ причины, вызвавшія эти безпорядки не имѣли вовсе случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими. Хозяева нѣкоторыхъ фабрикъ, пользуясь выгодами своего положенія, не стѣсняются нарушать условій, заключаемыхъ съ нанятыми ими людьми, и прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ для извлеченія преувеличенныхъ выгодъ. Уменьшеніе рабочей платы, въ противность заключеннымъ договорамъ, производится или открыто, или путемъ сокращенія числа часовъ и дней работы въ недѣлю. Затѣмъ вычеты и штрафы съ рабочихъ, обращаемые фабрикантами въ свою пользу, достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ огромныхъ размѣровъ, составляя въ общей сложности до 40% съ выдаваемой заработной платы. Наконецъ, возлагаемая на рабочихъ обязанность пріобрѣтать необходимые для нихъ предметы изъ фабричныхъ лавокъ и продажа имъ этихъ предметовъ по высокимъ цѣнамъ встрѣчаются, какъ заурядныя явленія. Такое положеніе вещей естественно влечетъ за собою весьма вредныя послѣдствія для успѣховъ промышленности и прямо отражается на фабрикантахъ, ведущихъ дѣло добросовѣстно. Не имѣя возможности соперничать съ лицами, удешевляющими выдѣлку произведеній путемъ притѣсненія рабочихъ, такіе фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Еще прискорбнѣе оказывается положеніе рабочихъ. Угнетенные до крайности безвыходною задолженностью хозяину, они нерѣдко бываютъ поставлены въ невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточныя средства на личное пропитаніе. Возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся грубыми проявленіями своеволія и насилія“ [1]).

---

[1]) Ср. составленную на основаніи оффиціальныхъ источниковъ книгу г. Литвинова-Фалинскаго. „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи“. Спб. 1900 стр. 61.

Законъ 1886 г. 2 іюня имѣлъ еще большее значеніе, чѣмъ законъ предыдущаго года о запрещеніи ночной работы. Дѣйствительно, этотъ законъ кореннымъ образомъ измѣнилъ условія найма рабочихъ и самое положеніе рабочаго на фабрикѣ, совершенно уничтожилъ прежнюю неограниченную „свободу труда“ и сдѣлалъ фабричнаго инспектора весьма вліятельной фигурой на фабрикѣ.

Наиболѣе существенныя постановленія закона 1886 г. были слѣдующія: законъ строго опредѣлилъ порядокъ и условія найма рабочихъ, а также и расторженія рабочаго договора. Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного или двухъ разъ въ мѣсяцъ (смотря по условіямъ договора) (п. 12). Расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ купонами, хлѣбомъ, товарами и иными предметами воспрещается (п. 14). При производствѣ рабочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ (п. 15). Завѣдующему фабрикой воспрещается взимать съ рабочихъ проценты за деньги, выданныя имъ въ ссуду (п. 16). Запрещается взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, освѣщеніе мастерскихъ и пользованіе орудіями производства (п. 17). Договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдывающимъ фабрикой въ случаѣ „дерзости или дурного поведенія рабочаго, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу фабричнаго управленія“ (п. 20). Рабочему предоставляется требовать расторженія договора въ случаѣ неполученія платы, побоевъ, тяжкихъ оскорбленій, нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищей и помѣщеніемъ, а также вслѣдствіе работы, разрушительно дѣйствующей на его здоровье (п. 13 и 21).

Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ 1886 г., будучи вызванъ рабочими волненіями, значительно усиливаетъ уголовную репрессію за таковыя. Виновные въ стачкѣ приговариваются: подстрекатели—къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники—къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ (III п. 2). Въ случаѣ насилія и угрозъ другимъ рабочимъ, не участвовавшимъ въ стачкѣ, а также поврежденія фабричнаго имущества, наказаніе подымается для подстрекателей до тюремнаго заключенія отъ 8 м. до 1 г. 4 м., для прочихъ—отъ 4 до 8 мѣс. (III. п. 4). За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма виновный подвергается аресту до 1 мѣсяца (IV п. 1). За умышленное поврежденіе орудій производства—аресту отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года (IV п. 2).

Для надзора за соблюденіемъ на фабрикахъ порядка и благо-

устройства законъ создалъ, въ болѣе промышленныхъ мѣстностяхъ, особый органъ—фабричныя присутствія, изъ представителей мѣстной администраціи, суда, фабричнаго инспектора, земства и городскихъ управленій. Этимъ присутствіямъ предоставлено, въ числѣ прочаго, право издавать обязательныя постановленія „о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работы и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи врачебной помощи рабочимъ“ (Правила, 5).

Обязанности фабричной инспекціи по надзору за фабриками сильно расширены. На инспекцію возложено, кромѣ общаго наблюденія за исполненіемъ закона, также „разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ, табелей, росписаній и правилъ внутренняго распорядка, составляемыхъ фабричными управленіями для руководства рабочихъ“. (Правила, 7, п. в); принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими (7, п. 2); возбужденіе преслѣдованія судебнымъ порядкомъ виновныхъ въ нарушеніи правилъ (7 п. д.).

Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ фабричныя присутствія, наемъ рабочихъ долженъ совершаться лишь на основаніи утвержденныхъ присутствіемъ расчетныхъ книжекъ (п. 23—25); открытіе при фабрикахъ лавокъ для продажи товаровъ рабочимъ позволяется лишь съ разрѣшенія инспекціи (п. 28). Штрафы могутъ налагаться только по указаннымъ въ правилахъ поводамъ (п. 30—39). Самые размѣры штрафовъ утверждаются фабричными инспекторами, утверждающими также правила внутренняго распорядка на фабрикахъ (п. 29). За нарушеніе фабрикантомъ всѣхъ этихъ правилъ онъ подвергается опредѣленнымъ денежнымъ взысканіямъ въ размѣрѣ до 300 рублей [1]).

Такимъ образомъ прежняя свобода капиталистической эксплуатаціи смѣнилась тщательной регламентаціей взаимныхъ отношеній фабриканта и рабочаго. Внѣшнія формы рабочаго договора въ очень существенныхъ пунктахъ изъемлются изъ свободнаго соглашенія договаривающихся сторонъ. Правительственный инспекторъ опредѣляетъ внутренній распорядокъ фабричной жизни и фабрикантъ отступаетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на задній планъ.

Столь крупное ограниченіе правъ фабрикантовъ не могло не вызвать неудовольствія послѣднихъ. Началась глухая

[1]) П. С. З. Собраніе III. томъ VI, 3769.

борьба между фабричной инспекціей и фабрикантами. По словамъ В. Безобразова, „въ кругу владѣльцевъ промышленныхъ заведеній новыя законодательныя и административныя распоряженія по фабричной части вызвали много неудовольствій и даже ропота. При нашихъ объѣздахъ фабричныхъ мѣстностей,—продолжаетъ Безобразовъ,—мы слышали въ этомъ кругу, за весьма немногими исключеніями, только болѣе или менѣе горькія жалобы на новые порядки. Эти жалобы намъ приходилось слышать даже со стороны самыхъ добросовѣстныхъ хозяевъ и распорядителей... недовольны и раздражены новыми порядками даже и тѣ, которые гораздо ранѣе старались добровольно ввести у себя сущность новѣйшихъ требованій законовъ и администраціи... Вообще рѣзко отличается въ этомъ отношеніи Московская и Владимірская губерніи, въ которыхъ введены правила 3-го іюня 1886 г., отъ губерній, въ которыхъ правила эти еще не дѣйствуютъ... Въ первыхъ губерніяхъ замѣчается несравненно больше неудовольствія противъ новыхъ порядковъ, чѣмъ во вторыхъ. Положительное раздраженіе и ропотъ можно найти только въ первомъ разрядѣ губерній [1])“.

Фабриканты заявляли Безобразову, что „новыя фабричныя постановленія составлены въ духѣ непріязни или антипатіи къ высшему капиталистическому классу и въ духѣ пристрастнаго покровительства нанимаемымъ, низшему рабочему классу“. Съ этимъ заявленіемъ, до извѣстной степени, соглашается самъ Безобразовъ. По его мнѣнію, сравненіе закона 3-го іюня 1886 г. съ закономъ 12-го іюня того же года о наймѣ на сельскія работы показываетъ, какъ различно относится законодатель къ фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ. Послѣдній законъ имѣетъ въ виду охранить интересы нанимателей, а законъ 3-го іюня—рабочихъ.

Это въ извѣстной мѣрѣ справедливо. Фабричное законодательство было выгодно только для немногихъ крупныхъ фабрикантовъ, фабрики которыхъ вполнѣ стояли на уровнѣ современной техники; для всѣхъ прочихъ фабрикантовъ фабричные законы были крайне стѣснительны. Тѣмъ не менѣе несправедливость утвержденія, будто законъ 3-го іюня ограждаетъ интересы только рабочихъ, очевидна [2]). Достаточно обратить вниманіе на характеръ карательныхъ мѣръ за нарушеніе закона: фабриканту угрожаетъ только легкое денежное взысканіе—до 300 р., а рабочему во многихъ случаяхъ тю-

[1]) В. Безобразовъ. Наблюденія и соображенія. Стр. 8—10.

[2]) На это было указано въ свое время во Внутреннемъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы“, 1886 г., октябрь.

ремное заключеніе. За самовольный отказъ отъ работы рабочій подвергается аресту до 1 мѣсяца, а фабрикантъ—только гражданской отвѣтственности за неисполненіе договора. Стачка хозяевъ не наказуема, а наказаніе за стачку рабочихъ сильно повышено. Законъ прибѣгаетъ къ строгимъ взысканіямъ съ фабрикантовъ лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ дѣйствія угрожаютъ опасностью общественному порядку. Такъ, напримѣръ, если нѣкоторыя дѣйствія фабриканта вызываютъ на фабрикѣ волненія рабочихъ, то фабрикантъ можетъ быть приговоренъ къ аресту до 3 мѣсяцевъ и лишенъ права завѣдыванія фабрикой.

Запрещеніе ночной работы женщинъ и малолѣтнихъ не вызывало большой оппозиціи фабрикантовъ до тѣхъ поръ, пока продолжался промышленный застой. Но съ оживленіемъ торговли московскіе и владимірскіе фабриканты почувствовали всю горечь новыхъ постановленій. Московская консервативная—печать,—въ особенности „Современныя Извѣствія“ видѣла въ законахъ 1882, 85 и 86 годовъ чуть-ли не соціализмъ. Началась усиленная агитація противъ новыхъ законовъ. Министръ Бунге, виновный въ изданіи этихъ законовъ, подвергся обвиненіямъ въ непониманіи условій русской жизни, доктринерствѣ, увлеченіи тлетворными западноевропейскими теоріями.

Оставленіе Бунге своего поста оживило надежды фабрикантовъ.

Московское отдѣленіе общества для содѣйствія промышленности и торговли явилось выразителемъ пожеланій московскихъ фабрикантовъ и въ мартѣ 1887 г. подало, одно за другимъ, два ходатайства новому министру Вышнеградскому объ измѣненіи порядка правительственнаго надзора за фабриками.

„Съ самаго начала примѣненія новаго фабричнаго закона“, говорится въ первомъ ходатайствѣ московскаго отдѣленія, „возникли между фабрикантами и инспекціей разногласія и пререканія, которыя, обостряясь все болѣе и болѣе, не могли пройти безслѣдно во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ... Полемическія статьи въ газетахъ, оффиціальныя жалобы на фабричную инспекцію вслѣдствіе ея излишней требовательности, совершенно несогласной съ закономъ, не приносящей никакой пользы рабочимъ, въ защиту которыхъ она, какъ будто, выступаетъ—но только стѣсняющей и фабрикантовъ и рабочихъ, и затрудняющей самое производство, породили видъ какой-то борьбы между инспекціей, какъ бы защитницей рабочихъ, и хозяевами фабрикъ, какъ бы ихъ эксплуататорами въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова“.

„...Воззрѣнія инспекціи на взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложномъ представленіи противоположности интересовъ сторонъ... Московское отдѣленіе, напротивъ, видитъ въ сотрудничествѣ хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ союзъ, основанный на сходствѣ интересовъ и различіи способностей, дополняющихъ одно другое". [1])

Отдѣленіе приводитъ 20 обвинительныхъ пунктовъ противъ фабричной инспекціи, на которыхъ мы останавливаться не будемъ.

Когда Вышнеградскій въ томъ же году посѣтилъ нижегородскую ярмарку, „всероссійское купечество" подало министру обширную докладную записку, содержавшую перечень всѣхъ пунктовъ неудовольствія со стороны купечества финансовой политикой Бунге, и, вмѣстѣ, программу требованій отъ новаго финансоваго курса. Въ числѣ этихъ пунктовъ было и указаніе на „неудовлетворительность какъ новаго фабричнаго закона, такъ и его исполнителей". Министръ вполнѣ согласился съ такой неблагопріятной оцѣнкой фабричныхъ законовъ Бунге и далъ обѣщаніе немедленно-же приступить къ исправленію этихъ законовъ [2]).

И министръ сдержалъ это обѣщаніе. 24-го апрѣля 1890 г. вышелъ новый актъ фабричнаго законодательства, въ существенныхъ пунктахъ измѣнившій ненавистные московскимъ фабрикантамъ законы 1882 и 1885 гг. Ночная работа малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ была вновь дозволена въ стеклянномъ производствѣ; фабричной инспекціи предоставлено право разрѣшать воскресную и праздничную работу малолѣтнимъ. Ночная работа женщинъ и подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ также могла быть разрѣшаема въ нѣкоторыхъ случаяхъ фабричнымъ присутствіемъ, а гдѣ нѣтъ таковыхъ—губернаторомъ. Министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено допускать въ теченіе извѣстнаго срока къ фабричнымъ работамъ и дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ [3]).

Такимъ образомъ законъ 24-го апрѣля предоставлялъ административному усмотрѣнію все то, что при Бунге рѣшалось самимъ закономъ. Московскіе фабриканты могли вновь ввести ночную работу для женщинъ и дѣтей, не дѣлая перерывовъ даже по празд-

---

() Наша фабрично-заводская промышленность. Москва. 1894 г. Стр. 61—64.

[2]) Русскій Вѣстникъ. 1887. Томъ 190. Современная лѣтопись.

[3]) П. С. З. Собр. III. Томъ X, 6743.

никамъ; все зависѣло отъ усмотрѣнія фабричной инспекціи и высшей мѣстной администраціи.

Мы не можемъ судить о практическихъ послѣдствіяхъ закона 1890 г., такъ же какъ и предшествовавшихъ законовъ 1885 г. и 1886, такъ какъ послѣдніе печатные отчеты фабричныхъ инспекторовъ относятся къ 1885 г. Мы не знаемъ, какъ пользовались губернаторы и фабричныя присутствія своимъ правомъ дозволять воскресную и праздничную работу малолѣтнимъ, ночную работу женщинамъ и подросткамъ. При существующемъ порядкѣ все опредѣляется усмотрѣніемъ администраціи. Отъ нея зависитъ ослабить или усилить дѣйствіе закона, свести на практикѣ эти законы къ нулю, или сдѣлать изъ нихъ вполнѣ дѣйствительное средство охраны рабочаго. Общее направленіе дѣятельности министерства финансовъ послѣ Бунге и измѣненіе личнаго состава фабричной инспекціи вызываетъ опасеніе, что первое гораздо чаще имѣло мѣсто, чѣмъ второе.

Однимъ изъ очень немногихъ печатныхъ источниковъ, касающихся практическаго примѣненія новыхъ фабричныхъ законовъ, является интересная книга помощника владимірскаго фабричнаго инспектора г. Микулина „Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3 іюля 1886 г.“. (Владиміръ, 1893 г.). До какой степени право свободнаго договора фабричнаго рабочаго съ хозяиномъ до введенія новыхъ законовъ являлось фикціей, можно видѣть изъ того, что до 1886 г. въ условія рабочаго договора включались иногда пункты такого рода: рабочій обязуется не оставлять работу до истеченія срока договора, подъ опасеніемъ уплаты штрафа вдвойнѣ противъ наемной платы за все недожитое время, а фабрикантъ оставляетъ за собой право уволить рабочаго „по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ“ во всякое время, уплативъ ему деньги по день дѣйствительнаго служенія. Въ особенности великъ былъ произволъ фабрикантовъ въ дѣлѣ наложенія штрафовъ. Фабриканты штрафовали рабочихъ за что имъ вздумается и въ любыхъ размѣрахъ. Поводы къ штрафамъ были крайне разнообразные и иногда довольно курьезные: такъ, напримѣръ, рабочіе облагались штрафами за перелѣзаніе черезъ фабричный заборъ, за охоту въ лѣсу, за „сборище нѣсколькихъ человѣкъ въ одну кучу“ и т. п.

Инспекціи пришлось вести упорную борьбу съ фабрикантами. По словамъ г. Микулина, большинство крупныхъ и среднихъ фабрикантовъ отнеслись къ закону „явно враждебно, не желая соглашаться ни съ однимъ изъ его основныхъ положеній и требуя

предоставленія имъ полной свободы, существовавшей до сихъ поръ въ отношеніи условій, предлагаемыхъ ими при наймѣ своимъ рабочимъ“ [1]). Особенно отстаивали фабриканты право, подъ видомъ штрафовъ, произвольно понижать заработную плату. Убѣдившись въ серьезномъ намѣреніи инспекціи настаивать на исполненіи закона, фабриканты стали прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ уловкамъ, чтобы провести инспектора. „Во исполненіи требованій закона относительно регулярной и своевременной выдачи денегъ, таковая записывалась аккуратнѣйшимъ образомъ въ надлежащія книги, но фактически не выдавалась; „въ обходъ положенія закона, воспрещающаго производить рабочимъ расплату товаромъ и иными предметами, такія, если и производились, то записывались выданными чистыми деньгами; обходя требованіе закона отпускать харчи изъ лавки лишь по цѣнамъ, утвержденнымъ инспекціей, отпускаемые рабочимъ харчи записывались въ расчетныя книжки общими суммами безъ обозначенія каждаго предмета въ отдѣльности и его цѣны... не желая лишиться штрафныхъ денегъ съ рабочихъ, штрафы записывались фабрикантомъ, какъ бы выданные чистыми деньгами, или же, напр., вмѣсто штрафа за прогулъ рабочему записывалось неполное количество рабочихъ дней“ [2]).

Г. Микулинъ приводитъ разнообразныя уловки фабрикантовъ для присвоиванія себѣ штрафныхъ денегъ. Одна уловка такого рода (основанная на неправильной расцѣнкѣ работы) повела къ крупнымъ волненіямъ рабочихъ, потребовавшимъ вмѣшательства вооруженной силы; только послѣ этого неправильныя расцѣнки были уничтожены.

Контроль фабричной инспекціи чрезвычайно затруднялся тѣмъ, что всѣ рабочіе, подававшіе жалобы инспекторамъ, какъ общее правило, увольнялись съ фабрики хозяиномъ. При этомъ фабриканты ввели обычай оповѣщать другія сосѣднія фабрики объ увольняемыхъ рабочихъ; уволенный рабочій лишался возможности найти работу и на сосѣднихъ фабрикахъ. Такимъ путемъ фабриканты держали въ страхѣ своихъ рабочихъ и препятствовали имъ разоблачать злоупотребленія хозяевъ.

Со всѣмъ этимъ инспекція упорно боролась, и многія злоупотребленія хозяевъ были устранены. Безъ сомнѣнія, законъ 3-го

---

[1]) А. Микулинъ, стр. 55.

[2]) А. Микулинъ, стр. 70.

іюня 1886 г. улучшилъ положеніе рабочаго на фабрикѣ, но въ какой мѣрѣ—сказать невозможно по отсутствію данныхъ.

Въ 1893 г. и правила 3-го іюня 1886 г., возбудившія ожесточенную вражду фабрикантовъ и реакціонной печати, были измѣнены, правда, въ малосущественныхъ пунктахъ, въ интересахъ фабрикантовъ; но основанія ихъ остались нетронутыми. Я не буду останавливаться на другихъ второстепенныхъ актахъ нашего фабричнаго законодательства и перейду къ послѣднему и самому важному изъ нихъ. До 1897 г. наше фабричное законодательство, подобно англійскому и многимъ другимъ, нормировало рабочее время только дѣтей и женщинъ. 3-го іюня этого года вышелъ чрезвычайно важный по своему принципіальному значенію законъ, ограничивающій продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ. Сущность новаго закона заключается въ слѣдующемъ: для всѣхъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи устанавливается максимальный рабочій день въ $11^1/_2$ часовъ въ сутки. Если работа хотя отчасти захватываетъ ночное время, она не должна продолжаться болѣе 10 часовъ. Работа въ воскресенье и особо именованные праздничные дни запрещается. Изъ дѣйствія закона изъемлются лишь фабрики и заводы, принадлежащія морскому и военному министерству.

Подробная юридическая оцѣнка этого законодательнаго акта, равно какъ и изданныхъ въ развитіе его „Правилъ“, не входитъ въ нашу задачу. Намъ интересна въ данномъ случаѣ общественная обстановка, при которой создался этотъ законъ.

Я говорилъ выше, что уже въ 1867 г. управляющій Кренгольмской мануфактурой ходатайствовалъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ. Въ 1875 г. съѣздъ машиностроителей выработалъ проектъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня 10 часами. Въ 1883 г. нѣкоторые петербургскіе бумагопрядильные фабриканты опять возбудили ходатайство объ ограниченіи рабочаго времени. Однако всѣ эти ходатайства не привели ни къ какому практическому результату вслѣдствіе сопротивленія московскихъ фабрикантовъ всякому сокращенію рабочаго дня. Въ 1894 г. ходатайство о сокращеніи рабочаго дня опять возобновилось, и притомъ отъ фабрикантовъ нашей польской окраины — Лодзи. Извѣстно, какимъ опаснымъ конкурентомъ для Москвы являлась и является Лодзь. На лодзинскихъ фабрикахъ рабочій день всегда былъ значительно короче, чѣмъ на московскихъ, и почти не практиковалась ночная работа. Понятно, на-

сколько выгодно было бы Лодзи повсемѣстное запрещеніе въ Россіи ночной работы и сведеніе продолжительности рабочаго дня до уровня Лодзи. И вотъ, мы видимъ, что въ 1894 г. „Лодзинское отдѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности и торговли“ выработало проектъ законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ Россіи. Согласно этому проекту, ночная работа должна быть запрещена на всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, кромѣ особо поименованныхъ, на которыхъ по характеру производства работа должна идти непрерывно. Время дѣйствительной работы не должно превышать въ рудникахъ и копяхъ—10 часовъ въ сутки, на фабрикахъ, обрабатывающихъ металлы — 11 часовъ, на прочихъ— 12 часовъ въ сутки. При работѣ въ двѣ смѣны (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда работа можетъ идти круглыя сутки) работа каждой смѣны не должна превышать 9 часовъ [1]).

По словамъ фабричнаго инспектора петроковскаго округа г. Рыковскаго, большинство фабрикантовъ Петроковской губерніи, сократившихъ рабочій день съ 13 до 12 часовъ, заявили ему, что выработка товаровъ уменьшилась отъ этого лишь на 2,7%, а на одной крупной фабрикѣ, благодаря улучшенію машинъ и ускоренію ихъ движенія, выработка даже увеличилась на 2,3—7,3%. По мнѣнію г. Рыковскаго, „всѣ русскіе фабриканты могли бы безъ особеннаго труда сократить на 1—2 часа практикующійся 13—14-часовой рабочій день и увеличить производительность своихъ фабрикъ, если бы они обратили болѣе вниманія на технику своихъ производствъ“ [2]).

Предложеніе Лодзи возбудило общее вниманіе нашего промышленнаго міра. Въ 1895 г. московское „Общество для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности“ образовало комиссію, которая попыталась выяснить вопросъ о желательности нормированія рабочаго времени въ прядильно-ткацкомъ производствѣ путемъ опроса членовъ общества и посторонихъ фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ. Полученные отвѣты крайне любопытны и характерны. Они показываютъ, на-

---

[1]) Труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, 1895 г., ч. 23. Проектъ законодательной нормировки рабочаго времени.

[2]) Труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, ч. 23. Проектъ законодательной нормировки рабочаго времени, стр. 137.

сколько мысль о необходимости сокращенія рабочаго времени назрѣла даже среди старинныхъ враговъ фабричнаго законодательства—московскихъ фабрикантовъ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ.

Ткацкій фабрикантъ г. Гусевъ заявилъ, что законодательное запрещеніе ночной работы и регулированіе времени работы вполнѣ желательно: „малосильные фабриканты будутъ конечно говорить, что сокращать невыгодно, надо сокращать дѣло, но такія фирмы, хотя и необходимы въ смыслѣ развитія отечественной промышленности, въ то же время эксплуатацію свою развиваютъ неправильно, и если бы такія фирмы сократились, то отъ этого едва-ли кому было худо; рабочій тамъ вырабатываетъ минимальное содержаніе, товаръ публика получаетъ сомнительный, да и откуда идутъ фальсификаціи, какъ не отъ такихъ фирмъ“ [1]).

По мнѣнію директора бумагопрядильной фабрики г. Федорова, „необходимость сокращенія числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ вызывается прежде всего выгодами фабрикантовъ. Въ настоящее время бумагопрядильное производство достигло такого развитія, что отъ рабочаго требуется не сила, а пониманіе и ловкость—качества, которыя будутъ у рабочаго, стоящаго на высшей ступени, чѣмъ рабочій настоящаго времени. Уровень рабочаго долженъ быть поднятъ настолько выше, чѣмъ теперь, насколько выше нашъ рабочій—рабочаго временъ крѣпостного труда. Какъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія выразилось въ улучшеніи мануфактурной промышленности, такъ улучшеніе рабочаго быта вызоветъ подъемъ и улучшеніе ея въ настоящее время“. (Труды, стр. 20).

По словамъ помощника директора прядильно-ткацкой фабрики г. Зотикова, „при такомъ продолжительномъ рабочемъ днѣ, какъ 12 часовъ въ сутки, чрезвычайно трудно, а въ иныхъ случаяхъ и невозможно поддерживать въ рабочихъ строгое отношеніе къ своей работѣ; при этомъ очень трудно достигнуть выработки издѣлій высокаго качества“ (стр. 23). Поэтому г. Зотиковъ предложилъ ограничить максимальный рабочій день для мужчинъ 11 часами, для женщинъ $10^1/_2$ часами.

Одинъ фабричный инспекторъ въ своемъ отзывѣ заявилъ, что нормированіе рабочаго дня „косвеннымъ образомъ должно будетъ содѣйствовать техническому прогрессу производства, ибо многія

[1]) Общество для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности. Труды прядильно-ткацкаго отдѣла комиссіи по вопросу о нормировкѣ рабочаго времени. Москва, 1896 г., стр. 19.

фабрики роковымъ образомъ будутъ принуждены обратить особое вниманіе на усовершенствованіе технической стороны производства“ (стр. 44). По его словамъ, между выработкой рабочихъ, работающихъ 12 и 9 часовъ, большой разницы не замѣчается. Крупнѣйшія бумагопрядильныя и льнопрядильныя фабрики въ районѣ инспектора уже ввели по собственному почину 18-часовую работу, вмѣсто 24-часовой.

По словамъ г. Голгофскаго, директора бумагопрядильни, „большинство фабрикантовъ, если не всѣ, готовы ввести на своихъ фабрикахъ 18-часовую работу (въ 2 смѣны), но при разбросанности нашихъ фабрикъ и слабой солидарности между самими фабрикантами, соглашеніе ихъ въ этомъ направленіи едва-ли легко и скоро состоится, почему повсемѣстное проведеніе въ жизнь новыхъ положеній можетъ быть осуществлено только обязательнымъ для всѣхъ правительственнымъ законоположеніемъ“ (стр. 67).

Значительное большинство опрошенныхъ фабрикантовъ (центральнаго района) высказалось за уничтоженіе законодательнымъ путемъ ночной работы, введеніе 18-часовой въ двѣ смѣны и сокращеніе дневной до 11 часовъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы переходъ къ новымъ условіямъ работы былъ разсроченъ по крайней мѣрѣ на 5 лѣтъ. Предсѣдатель комиссіи, производившей это обслѣдованіе, г. Алянчиковъ, одинъ изъ директоровъ Никольской Мануфактуры Морозовыхъ, закончилъ слѣдующими словами свое резюме отзывовъ опрошенныхъ лицъ: „Кто близко стоитъ къ фабричному народу, тотъ знаетъ, какая разница во всемъ обиходѣ имѣть рабочаго бодраго и развитого хоть немного, или переутомленнаго тупицу, который буквально не понимаетъ иногда самаго простого приказанія, ломаетъ машину, портитъ и мѣшаетъ матеріалъ, суется куда не слѣдуетъ, увѣчится, пьянствуетъ, прогуливаетъ и составляетъ предметъ неисчислимыхъ хлопотъ, требуетъ усиленнаго надзора, всякой переписки и надзора, хотя получаетъ меньше жалованья и работаетъ больше времени за него“. (Труды, 8).

Но были, разумѣется, и другіе голоса, протестующіе противъ вмѣшательства правительственной власти въ фабричные распорядки.

Такъ одинъ изъ представителей фабричной администраціи, г. Савельевъ, представилъ обширный докладъ по данному вопросу, въ которомъ предсказываетъ всякіе ужасы отъ сокращенія рабочаго дня. По его расчету, сокращеніе времени работы на 1 часъ

принесетъ Россіи убытокъ въ 140 милл. руб. (Какъ это напоминаетъ знаменитый, осмѣянный Марксомъ, расчетъ англійскаго экономиста Сеніора о разорительности для англійскихъ фабрикантовъ перехода къ 11-часовой работѣ: какъ видно и фабриканты и ихъ защитники—одни и тѣ же, въ какой бы странѣ они не находились). Г. Савельевъ протестовалъ противъ сокращенія времени работы, „ибо отъ убавки часу или даже трехъ часовъ рабочій не получитъ значительнаго облегченія (?!), такъ какъ онъ живетъ въ невозможно плохихъ гигіеническихъ условіяхъ и страдаетъ отъ автоматизма работы, шума, что все вмѣстѣ взятое гораздо болѣе значитъ, чѣмъ собственно мускульное утомленіе работою. ...Однимъ сокращеніемъ рабочаго дня, этимъ пресловутымъ урегулированіемъ рабочихъ часовъ, съ отмѣною ночныхъ часовъ, не поможешь горю". Вмѣсто этого авторъ рекомендуетъ улучшить жилища и питаніе, „дать правильное упражненіе мускулатурѣ, моціонъ на свѣжемъ воздухѣ въ спеціально устроенныхъ залѣ и коридорахъ" [1]).

Г. Савельевъ — большой шутникъ: на томъ основаніи, что одного сокращенія рабочаго дня недостаточно для существеннаго улучшенія положенія рабочаго, онъ высказывается противъ всякаго сокращенія времени работы, предлагая взамѣнъ этого устроить какіе-то залы и коридоры для прогулокъ (!!!). Но когда же будутъ рабочіе гулять въ этихъ залахъ, когда у нихъ не остается времени даже для спанья?

Согласно съ заключеніемъ предсѣдателя, прядильно-ткацкій отдѣлъ призналъ нужнымъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи закона, запрещающаго ночную работу на всѣхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, и устанавливающаго для двухъ смѣнъ работу въ 18 часовъ въ сутки, а односмѣнную въ 10 часовъ для взрослыхъ и 6 для малолѣтнихъ, при чемъ переходъ отъ существующаго порядка къ новому долженъ совершиться постепенно въ теченіе 5 лѣтъ (Труды, стр. 127).

Въ общемъ собраніи общества резолюція прядильно-ткацкаго отдѣла была измѣнена и общество постановило ходатайствовать о законодательномъ запрещеніи ночной работы, ограниченіи максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ вообще производствъ 12 часами, а для нѣкоторыхъ и 11 часами (механическое пряденіе и ткачество и друг.), но при этомъ кустарныя ткацкія заведенія (съ числомъ рабочихъ менѣе 50 человѣкъ) должны быть изъяты изъ дѣй-

[1]) Труды прядильно-ткацкаго отдѣла, стр. 113.

ствія закона о нормировкѣ, а самый срокъ прекращенія ночныхъ работъ продолженъ до 4 лѣтъ [1]).

Комиссіи прядильно-ткацкаго отдѣла были доставлены очень любопытныя данныя о результатахъ сокращенія времени работъ на разныхъ фабрикахъ. На прядильняхъ сокращеніе часовъ работы замѣтно улучшило качество товара, но количество часовой выработки пряжи увеличивалось мало. Напротивъ, на ткацкихъ фабрикахъ, по показаніямъ фабрикантовъ, сокращеніе рабочаго времени оказало огромное вліяніе на количество часовой выработки товара.

Родъ фабрикъ [2]).	Число становъ.	Работа: Прежде.	Теперь.	Увеличеніе часовой выработки на станъ.
Бумаготкацкая . .	2889	24	11	20%
„ . .	721	24	12	21 „
„ . .	644	13	12	3 „
„ . .	676	24	13	27 „
„ . .	590	24	13½	24 „
„ . .	717	24	12	23 „
„ . .	1258	24	18	15 „
Шелкоткацкая . .	1110	13	11½	14 „
Шерстоткацкая . .	1000	13	12	8 „

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сокращеніе времени работы совсѣмъ не уменьшило общей выработки товара и фабрикантъ остался въ чистомъ барышѣ (такъ какъ при меньшемъ времени работы разные вспомогательные расходы уменьшаются).

Цѣлый рядъ фабрикъ центральнаго района, и притомъ самыхъ крупныхъ, по собственной иниціативѣ сократилъ продолжительность своего рабочаго дня. По словамъ г. Алянчикова, „86% всѣхъ веретенъ крутильныхъ, 77,6% приготовительныхъ машинъ прядильныхъ и 78,4% ткацкихъ становъ уже перешли добровольно на болѣе короткое время, и нѣтъ ни одного примѣра, когда бы совершился поворотъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ невыгодности сдѣланнаго шага; были отдѣльные незначительные случаи обратнаго перехода, но лишь изъ желанія воспользоваться случайнымъ благопріятнымъ положеніемъ рынка. Приведенныя цифры такъ велики, что если переходъ, ими указываемый, совершился добровольно, то нечего и сомнѣваться въ возможности его для осталь-

[1]) Труды торговопромышленнаго съѣзда 1896 г. III, вып. V, стр. 227—28.

[2]) Вычислено по „Свѣдѣніямъ“ помѣщеннымъ въ приложеніи къ „Трудамъ прядильно-ткацкаго отдѣла“.

ной небольшой части, подъ условіемъ предоставленія ей необходимаго времени на подготовку. Самая важная однако статья—это прядильныя веретена; но и тутъ уже 43% сдвинулись съ мѣста, а 12% на пути къ перемѣнѣ; слѣдовательно, опять остается меньшая половина“ [1]).

Вопросъ о вліяніи сокращенія времени работы на производительность труда былъ изслѣдованъ въ 1896 г. департаментомъ торговли и мануфактуръ черезъ фабричныхъ инспекторовъ. Отзывы старшихъ фабричныхъ инспекторовъ оказались въ общемъ весьма благопріятными для такого сокращенія. Такъ, напр., владимірскій старшій фабричный инспекторъ сообщаетъ: „резюмируя всѣ вышеизложенныя цифровыя данныя, равно какъ и тѣ мнѣнія директоровъ фабрикъ, съ которыми приходилось по этому поводу говорить, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Переходъ отъ суточной работы къ денной или смѣнной 18-часовой несомнѣнно повышаетъ производительность труда рабочаго въ единицу времени. 2) Таковое же повышеніе замѣчается и при сокращеніи дневной работы, въ особенности при переходѣ съ $13^1/_2$ часовъ на 12 или 11. 3) Сказанное увеличеніе производительности далеко не одинаково для разныхъ производствъ, которыя могутъ быть въ этомъ отношеніи раздѣлены на 3 группы: а) Въ первой будутъ тѣ фабрики, въ которыхъ главное значеніе имѣетъ совершенство машинъ, рабочій же стоитъ на второмъ планѣ. Таковы прежде всего прядильныя фабрики и затѣмъ ткацкія. б) Во вторую категорію должны быть отнесены такія, въ которыхъ совершенство и быстрота хода машинъ имѣютъ приблизительно одинаковое съ рабочимъ значеніе. Таковыми слѣдуетъ признать отбѣльныя, красильныя, ситценабивныя и тому подобныя заведенія; в) Наконецъ, въ третью слѣдуетъ помѣстить такія производства, въ которыхъ личный ручной трудъ рабочаго, степень его бодрости, вниманія и умѣніе имѣютъ первостепенное значеніе. Таковы, напр., нѣкоторыя отдѣленія механическихъ заводовъ, стеклянные и т. под. 5) Принимая во вниманіе только что указанныя подраздѣленія, можно считать, что продуктивность труда рабочаго въ единицу времени, происходящая вслѣдствіе отмѣны ночныхъ работъ при переходѣ на 18-часовую работу, или вслѣдствіе сокращенія дневного труда на 1—2 часа, возрастаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

[1]) Труды Высочайше учрежденнаго Всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г. III, вып. V, стр. 234.

Для прядильныхъ фабрикъ . . . . . на 3— 5%
„ ткацкихъ „ . . . . . „ 7—10%
„ красильно-набивныхъ и механическихъ заводовъ . . . . . до 15%

Для остальныхъ, въ которыхъ преобладаетъ ручной трудъ,— въ еще большей степени, не поддающейся, однако, учету“ [1]).

По даннымъ другихъ фабричныхъ инспекторовъ, сокращеніе времени работы вліяетъ еще сильнѣе на производительность труда. Въ Московской губерніи рабочій день былъ сокращенъ на 15-ти фабрикахъ. При этомъ на ковровой фабрикѣ Русской Мануфактуры, шерстоткацкой Бутикова, мѣднолитейномъ заводѣ Краснова работа была сокращена съ 12 до 11 часовъ въ день, и общая выработка рабочаго не понизилась, а на первой фабрикѣ даже повысилась. Прядильно-ткацкія фабрики Товарищества Реутовской Мануфактуры и Высоковской Мануфактуры перешли отъ 24-часовой къ 18-часовой работѣ. Часовая выработка возросла на 16—20%. Переходъ другихъ фабрикъ съ 13 къ 12-часовой работѣ, съ 24 къ 22 часамъ, съ $11^1/_2$ и 11-ти къ 10 часамъ работы не сократилъ общей выработки рабочаго. Въ Волынской губерніи переходъ 2-хъ писчебумажныхъ фабрикъ Дитятковскаго Товарищества съ 2 смѣнъ, по $11^1/_2$ часовъ каждая, къ 3 смѣнамъ, по 8 часовъ каждая, привелъ къ увеличенію производительности труда на 25%. „Заработная плата рабочаго осталась прежняя, такъ какъ фабрика платитъ поденно, и рабочій за 8 часовъ работы получаетъ столько же, сколько получалъ прежде за $11^1/_2$ часовъ“ [2]). Фабрика джутовыхъ мѣшковъ Одерфельда въ Ченстоховѣ перешла съ $11^1/_2$ часовъ къ двусмѣнной работѣ 18 часовъ въ сутки. Результаты оказались вполнѣ благопріятны какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ. „Обѣ стороны выиграли: производство выиграло въ количественномъ и качественномъ отношеніи, накладные расходы распредѣляются на большее число единицъ товара, достигнута экономія въ смазкѣ и отопленіи; рабочіе выиграли въ отношеніи здоровья, *при чемъ заработокъ ихъ увеличился*“ [2]). Въ Тверской губерніи писчебумажная фабрика Кувшинова перешла отъ 24-часовой двухсмѣнной работы къ 24-часовой трехсмѣнной (т. е. отъ 12 часовъ

[1]) Продолжительность рабочаго дня и заработная плата рабочихъ. Изд. Д-та Т. и М. Спб. 1896 г. Стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 54, 134.

къ 8 часамъ для каждой смѣны). Средняя мѣсячная выработка рабочаго почти не измѣнилась.

Подобные же примѣры повышенія производительности труда при сокращеніи времени работы, которое нерѣдко оказывается выгоднымъ для самихъ фабрикантовъ, приводятся фабричными инспекторами и другихъ округовъ. Тѣмъ не менѣе большая часть московскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ все еще продолжаетъ держаться двусмѣнной работы, отъ 24—18 часовъ въ сутки, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ, приводимыхъ г. Ланговымъ [1]).

	Число рабочихъ на фабрикахъ: Однокомплектныхъ.	Двукомплектныхъ.
С.-Петербургская губ. (текстильная промышленность)	83%	17%
Московская губ. (хлопчатобумажная промышленность)	31 „	69 „
Петроковская губ. (текстильная промышленность)	80 „	20 „

Петроковскіе фабриканты, въ огромномъ большинствѣ, были прямо заинтересованы въ запрещеніи ночной работы. Я уже говорилъ о ходатайствѣ лодзинскихъ фабрикантовъ; что касается до петербургскихъ, то они пошли еще дальше своихъ польскихъ собратьевъ. Въ 1896 году владѣльцы петербургскихъ бумагопрядиленъ ходатайствовали о немедленномъ воспрещеніи всѣмъ фабрикантамъ работать свыше, среднимъ числомъ, 11 часовъ съ небольшимъ въ сутки [2]). Для московскихъ фабрикантовъ такой быстрый переходъ къ дневной работѣ, понятно, былъ бы очень убыточенъ. Этимъ и объясняется, почему московское „Общество для содѣйствія развитію мануфактурной промышленности“ предлагало растянуть на 4 года срокъ введенія закона о прекращеніи ночной работы. Но многіе московскіе фабриканты, какъ я говорилъ, были противъ какого бы то ни было законодательнаго ограниченія рабочаго дня.

Судя по прецедентамъ, можно было опасаться, что выработка закона о нормировкѣ рабочаго времени затянется у насъ еще на долгій срокъ. Однако эти опасенія не оправдались. Послѣдовали

---

[1]) Ланговой. Нормированіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ. Спб., 1897 г., стр. 12.

[2]) Ланговой, 13.

извѣстныя стачки рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ въ маѣ 1896 г. и январѣ 1897 г.; 2 іюня 1897 г. былъ изданъ законъ, нормирующій рабочій день.

Законъ этотъ явился компромиссомъ между требованіями петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Онъ сократилъ рабочій день почти до нормы, предлагавшейся петербургскими фабрикантами, но, въ интересахъ московскихъ фабрикантовъ, не воспретилъ ночной работы, а лишь ограничилъ ее 10 часами. Такимъ образомъ законъ 2 іюня, опасаясь нарушить интересы болѣе отсталыхъ московскихъ фабрикантовъ, далеко не удовлетворилъ даже ходатайства московскаго „Общества для содѣйствія развитію мануфактурной промышленности“, не удовлетворилъ требованіямъ болѣе передовыхъ московскихъ же фабрикантовъ.

Несмотря на свое огромное принципіальное значеніе, законъ 2 іюня 1897 г. заключаетъ въ себѣ столько существенныхъ недостатковъ, что практическое значеніе его подлежитъ серьезнымъ сомнѣніямъ. Недостаткомъ закона является сохраненіе ночныхъ работъ, хотя не только петербургскіе, но даже и многіе московскіе фабриканты высказывались въ пользу запрещенія ночной работы. Въ своемъ настоящемъ видѣ законъ можетъ повести къ тому, что фабрики, работавшіе раньше только днемъ, перейдутъ къ работѣ круглыя сутки съ двойной смѣной — что отнюдь не можетъ считаться шагомъ впередъ въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ. Такъ какъ по закону ночнымъ временемъ признается время отъ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра, то законъ особенно благопріятствуетъ 18 часовой двусмѣнной работѣ, что также не можетъ быть признано согласнымъ съ требованіями гигіены, ибо въ дѣйствительности ночь продолжается дольше шести часовъ. Затѣмъ бросающимся въ глаза недостаткомъ закона является отсутствіе указанія въ немъ на карательныя мѣры за его нарушеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствительное ограниченіе продолжительности рабочаго дня $11^1/_2$ часами въ сутки было-бы существеннымъ выигрышемъ для рабочаго класса, ибо обычная продолжительность рабочаго дня на нашихъ фабрикахъ значительно больше. Такъ, напр., по нѣкоторымъ — весьма, впрочемъ, ненадежнымъ — расчетамъ, въ Московской губерніи у 67,3% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ рабочій день былъ до введенія закона 1897 г. болѣе продолжителенъ, въ петербургской—у 56%. Въ другихъ губерніяхъ (кромѣ Польши и Прибалтійскихъ провинцій) рабочій день во всякомъ случаѣ былъ не короче. Поэтому практическое значеніе закона

1897 г. не подлежало бы спору, если бы постановленія закона о предѣльной нормѣ рабочаго дня не парализовались отсутствіемъ мѣръ наказанія и разрѣшеніемъ сверхурочныхъ работъ. Циркуляръ министра финансовъ отъ 14 марта 1898 г., разрѣшившій въ неограниченномъ размѣрѣ сверхурочныя работы, почти лишаетъ законъ 1897 г. всякой силы.

Подведя итогъ сказанному выше объ условіяхъ развитія нашего фабричнаго законодательства, нельзя не прійти къ заключенію, что особенностью русскаго фабричнаго законодательства явилась выдающаяся роль при выработкѣ фабричныхъ законовъ соображеній политическаго и полицейскаго характера. Всѣ наши важнѣйшіе фабричные законы возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ соображеній этого рода. Нельзя не признать чрезвычайно знаменательнымъ въ этомъ смыслѣ тотъ фактъ, что инициатива изданія весьма важныхъ фабричныхъ законовъ нерѣдко принадлежала у насъ министерству внутреннихъ дѣлъ въ лицѣ его различныхъ органовъ. Другимъ существеннымъ факторомъ нашего фабричнаго законодательства явилась конкуренція московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, при чемъ петербургскіе фабриканты были сторонниками государственнаго вмѣшательства, а московскіе противниками его. Причины этого различія выяснены выше. Наконецъ, могущественный толчекъ къ изданію нашихъ основныхъ фабричныхъ законовъ былъ данъ промышленнымъ кризисомъ и застоемъ первой половины 80-хъ годовъ.

ГЛАВА III.

Заработная плата.

Вліяніе реформы 19 февраля на заработную плату.—Повышеніе платы и послѣдующее паденіе ея.—Рабочіе на ивановскихъ фабрикахъ по отзыву Я. Гарелина.—Сравненіе заработной платы въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 50-хъ и 80-хъ годахъ.—Паденіе реальной заработной платы.—Заработная плата на московскихъ фабрикахъ.—Измѣненіе заработной платы въ новѣйшее время. — Современный фабричный рабочій по изслѣдованіямъ г. Дементьева и другихъ московскихъ земскихъ статистиковъ. — Обособленіе фабричныхъ рабочихъ въ особый общественный классъ. — Обслѣдованіе г. Шестаковымъ рабочихъ на фабрикѣ Цинделя.—Связь съ землей.—Въ чемъ эта связь заключается у различныхъ группъ рабочихъ.—Значеніе этой связи съ землей.

Реформа 19 февраля создала совершенно новыя условія рабочаго рынка. Первымъ послѣдствіемъ освобожденія былъ упадокъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ, основанныхъ на крѣпостномъ трудѣ. Закрѣпощенные фабричные рабочіе, получивши свободу, или уходили съ фабрикъ, или, если оставались, то лишь на условіи значительнаго повышенія заработной платы.

По словамъ г. Голубева, „въ первый же годъ по освобожденіи крестьянъ рабочія руки вздорожали; сельское населеніе показало очевидное стремленіе удалиться изъ фабричныхъ центровъ и городовъ въ деревню. Фабрикантамъ приходилось увеличивать издержки производства, возвышать заработную плату; но и на увеличеніе ея рабочіе не поддавались; лучшіе изъ нихъ, работавшіе по 10 и 15 лѣтъ на фабрикахъ и скопившіе копейку, уѣзжали въ деревню. Притомъ крестьяне промышленныхъ подмосковныхъ губерній, какъ извѣстно, перешедшіе на наименьшіе земельные надѣлы, старались въ первые годы по освобожденіи самостоятельно заняться издавна знакомымъ имъ производствомъ“ [1]).

[1]) Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Пряжи и ткани изъ хлопчатой бумаги. А. Голубева. Стр. 98.

Но такое благопріятное для рабочихъ положеніе рынка длилось не долго. Уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, по словамъ того-же Голубева, „сельское населеніе вновь, и въ большей противъ прежняго степени, начало обращаться къ фабричному труду, отчего произошло пониженіе заработной платы".

Денежная заработная плата послѣ крестьянской реформы сильно повысилась, но еще болѣе значительное повышеніе цѣнъ на предметы потребленія рабочаго повело къ паденію реальной платы рабочаго.

По вопросу объ измѣненіи положенія рабочаго класса въ пореформенное время, для насъ очень цѣнны указанія Я. Гарелина, бывшаго въ прежнее время однимъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ села Иванова, и лучшаго знатока мѣстной промышленной исторіи. Приведу поэтому обширную выдержку изъ его неоднократно цитированной книги „Городъ Иваново-Вознесенскъ".

„Блестящая пора большихъ заработковъ у ивановскаго рабочаго кончилась съ введеніемъ въ дѣло машинъ. Пока машинъ не было, или онѣ являлись отдѣльными нововведеніями, рабочій, можно сказать, царилъ на фабрикѣ—отъ него зависѣло, работая хорошо, получать большія деньги и доставлять въ то же время и хозяину порядочный барышъ или, разозлившись на хозяина, портить ему товаръ и все-таки не оставаться въ накладѣ въ случаѣ расчета, потому что онъ могъ тотчасъ же явиться къ конкуренту своего прежняго хозяина и доставить тому возможность одержать верхъ надъ послѣднимъ. При прежней разрозненности и непониманіи хозяевами общности интересовъ это была весьма обыкновенная вещь. Правда, отъ рабочаго требовалась прежде всего честность, но это понятіе, всегда условное, тогда въ особенности являлось условнымъ. Словомъ, хозяинъ былъ тогда въ извѣстной тягостной зависимости отъ рабочаго. Но вотъ являются машины и мало-помалу завладѣваютъ всѣмъ дѣломъ. Рабочимъ пришлось уже не хозяйствовать, а стать въ подчиненіе къ бездушнымъ машинамъ, съ которыми разговоровъ вести конечно невозможно было и которыя, вдобавокъ, срабатывали по меньшей мѣрѣ въ десять разъ больше, чѣмъ могли сдѣлать всѣ рабочіе, находящіеся на фабрикѣ. Такимъ образомъ въ фабричномъ производствѣ стали царить машины, успѣху которыхъ немало содѣйствовало и то обстоятельство, что время ихъ окончательнаго введенія на фабрикахъ совпало съ временемъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и, слѣдовательно, съ временемъ наибольшихъ хлопотъ для всѣхъ осво-

божденныхъ отъ крѣпостного права. Рабочій сдѣлался теперь вполнѣ зависимымъ отъ машины. Начинается совершенно новая эпоха въ его жизни“ [1]).

По расчету Я. Гарелина, денежная заработная плата во всѣхъ видахъ труда, повысилась къ началу 80-хъ годовъ, сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, на 15—50%. Между тѣмъ цѣна ржаной муки въ Иваново-Вознесенскѣ за то-же время возросла на 100%, масла коровьяго—на 83%, мяса—почти на 220%. Ткачи на механическихъ станкахъ въ 1858 г. зарабатывали въ мѣсяцъ отъ 10 до 16 р. сер. Въ 1882—83 году тѣ же ткачи получали 12—18 р.; ихъ денежный заработокъ поднялся всего 15%—гораздо меньше, чѣмъ поднялась цѣна хлѣба. „Возможно-ли жить хотя-бы порядочно при такихъ условіяхъ“,—замѣчаетъ по этому поводу Гарелинъ.

Не нужно забывать, впрочемъ, что первая половина 80-хъ годовъ, къ которой относятся замѣчанія Гарелина, была эпохой промышленнаго застоя и сокращенія спроса на трудъ. Этотъ застой достигъ такихъ размѣровъ, что даже вызвалъ въ Московской губерніи, какъ я упоминалъ выше, возвращеніе мѣстныхъ фабричныхъ рабочихъ къ обработкѣ земли. То же самое наблюдалось и во Владимірской губерніи. „За послѣдніе 5 лѣтъ“,—говоритъ Гарелинъ,—„здѣсь замѣчается поворотъ въ пользу обработки земли. Въ прежнее время, когда работа на фабрикахъ доставляла заработокъ несравненно большій, чѣмъ обработка земли, что объяснялось дешевизной хлѣба и настойчивой потребностью въ рабочихъ рукахъ на фабрикахъ, земледѣліе въ окрестностяхъ города (Иваново-Вознесенска) было почти совсѣмъ заброшено и городскія земли давали маленькій доходъ. Но за послѣднее время цѣны на хлѣбъ повысились, между тѣмъ заработная плата на фабрикахъ упала очень низко, воздѣлываніе полей является весьма выгоднымъ, и начинается опять поворотъ къ земледѣлію“ [2]).

Этотъ „поворотъ къ земледѣлію“ былъ временнымъ явленіемъ, всецѣло вызваннымъ промышленнымъ кризисомъ. Вторая половина 80-хъ годовъ и особенно 90-ые годы характеризуются усиленнымъ бѣгствомъ мужика изъ деревни въ городъ.

Остановимся однако подробнѣе надъ вопросомъ объ измѣненіи заработной платы въ пореформенную эпоху. Я приводилъ цифры заработной платы въ разныхъ родахъ труда на хлопчатобумаж-

[1]) Городъ Иваново-Вознесенскъ. Часть 2, стр. 100.
[2]) Гарелинъ, II. Стр. 70.

ныхъ фабрикахъ Иваново-Вознесенска. Въ прилагаемой таблицѣ читатель найдетъ заработную плату на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда [1]).

Для удобства сравненія я сопоставилъ среднюю мѣсячную плату рабочимъ въ Шуйскомъ уѣздѣ во второй половинѣ 50-хъ годовъ и въ 1883 году [2]).

	1856—58 гг.		1883 г.		Увеличеніе въ %.
	р.	к.	р.	к.	
Прядильщики	14	58	16	25	+ 12
Присучальщики . . .	5	50	10	89	+ 98
Ставильщики	3	50	5	63	+ 61
Трепальщики	7	—	10	—	+ 43
Банкаброшницы . . .	6	—	9	50	+ 58
Ленточницы	5	50	8	—	+ 45
Мотальщицы	9	—	11	25	+ 25
Ткачи механическіе . .	11	25	11	67	+ 4
Ткачи ручные	6	67	6	37	— 4
Сновальщики ручные .	6	4	9	50	+ 57
Набойщики	9	67	12	74	+ 32
Растиральщики . . .	—	98	1	60	+ 63
Рѣзчики	10	83	18	62	+ 72
Клеильщики	7	8	12	—	+ 69
Кузнецы	9	17	23	54	+157
Слесаря	12	17	21	9	+ 73
Столяры	11	25	28	68	+155

По всѣмъ отраслямъ труда, кромѣ ручного ткачества, наблюдается повышеніе платы. Размѣръ повышенія различенъ. Сильнѣе всего повысилась плата столяровъ и кузнецовъ—болѣе чѣмъ вдвое. Въ другихъ родахъ труда повышеніе было далеко не такъ значительно и въ среднемъ врядъ-ли достигало 50%. Особенно бросается въ глаза ничтожное увеличеніе платы самой многочисленной группы рабочихъ—ткачей и прядильщиковъ. Плата ручныхъ ткачей даже упала.

---

[1]) Эти данныя извлечены изъ отчета фабричнаго инспектора Владимірскаго округа П. Пескова „Фабричный бытъ Владимірской губ.“. Спб. 1884.

[2]) Заработная плата присучальщикамъ, ставильщикамъ, банкаброшницамъ, ленточницамъ, мотальщицамъ, трепальщикамъ взята изъ показаній Гарелина (таблица стр. 203), плата прочимъ рабочимъ по даннымъ Бабурина (та-же таблица).

Мѣсячная заработная плата на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда въ 1883 году.

Къ стр. 434.

Прядильныя фабрики.

РОДЫ ТРУДА.	Кокушкина.		Гарелина.		Каретниковой.		Средняя плата.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Прядильщики	15	25	13	50	20	—	16	25
Присучальщики 1-е	9	55	10	14	13	75	11	65
Присучальщики 2-е	8	—			12	25	10	13
Трепальщики	9	50	9	25	11	25	10	—
Сортировщики	9	37	—	—	9	37	9	37
Холстовщики	7	25	—	—	7	—	7	12
Крутильщики	—	—	—	—	5	—	5	—
Банкоброшницы	—	—	8	38	10	63	9	50
Ленточницы	—	—	7	85	8	13	8	—
Моталки	—	—	—	—	11	25	11	25
Ватерщики	—	—	4	75	9	—	6	87
Ставильщики	5	63	—	—	—	—	5	63
Съемщики	—	—	5	50	—	—	5	50
Тазовщики	3	75	—	—	—	—	3	75
Слесаря	24	37	—	—	25	—	24	68
Ученики	7	12	—	—	—	—	7	12
Токари	—	—	—	—	19	37	19	37
Столяры	24	87	—	—	32	50	28	68
Ученики	8	75	—	—	—	—	8	75
Кузнецы	23	12	—	—	30	—	26	56
Молотобойцы	16	12	—	—	12	50	14	31
Маляры	—	—	—	—	18	12	18	12
Паяльщики	—	—	—	—	25	—	25	—
Газовщики	12	50	—	—	12	50	12	50

Ткацкія фабрики.

РОДЫ ТРУДА.	Кокушкина.		Посылина.		Гарелина.		Зубкова.		Гандурина.		Каретниковой.		Терентьева.		Небурилова.		Бр. Калужскихъ.		Средняя плата.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Ткачи механическ.	8	84	—	—	11	15	15	50	15	—	16	—	10	—	8	75	8	13	11	67
Сновальщики	12	96	—	—	16	32	20	—	20	50	—	—	13	50	18	—	16	42	16	81
Шликтовальщики	15	36	—	—	18	47	—	—	19	50	21	87	15	—	17	—	24	46	18	80
Пробирщики	23	98	—	—	10	75	20	—	—	—	13	12	15	—	12	50	6	50	14	55
Подавальщики	—	—	—	—	10	75	6	50	—	—	4	—	4	—	4	—	3	—	5	37
Бердовщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—	—	—	20	—
Ремизолакировщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	50	—	—	22	50
Размѣряльщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	50	—	—	7	50
Складальщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	—	—	14	—
Ручные ткачи	—	—	8	75	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	6	37
Ручн. сновальщики	—	—	9	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	50
Моталки и цѣвочн.	7	29	—	—	9	33	11	—	10	50	8	18	—	—	10	50	6	25	9	—
Клеильщики	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—
Курчаки	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
Слесаря	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	50	12	50
Кузнецы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	50	17	50
Молотобойцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	10	—

Ситцепечатныя фабрики.

РОДЫ ТРУДА.	Полушина.		Напалковыхъ.		Зубкова		Кувшевой.		Гандурина.		Новиковой.		Каретниковой.		При Шуйской мануфактурѣ.		Кокушкина.		Рубачева Василія.		Рубачева Ивана.		Посылина.		Обойная Шеколдина.		Средняя плата.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Красильщики	11	25	—	—	—	—	9	75	—	—	—	—	11	87	12	—	—	—	9	50	14	—	—	—	—	—	11	39
Малолѣтніе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75
На суш. и крахм. барабанахъ	5	62	5	—	—	—	8	75	6	—	9	—	9	97	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	45
Мальчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25	5	62	7	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4
На печатн. машинѣ	11	25	—	—	—	—	17	50	7	50	11	50	—	—	15	50	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	61
Мальчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
Въ отбѣльной	10	62	—	—	10	50	10	25	—	—	—	—	10	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	67
Малолѣтніе	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	5	13	7	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	54
Женщины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	38
Рисовальщики	—	—	—	—	55	16	83	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	69	24
Ученики	—	—	—	—	4	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Граверы	50	—	30	—	94	—	70	50	46	—	25	50	—	—	62	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54	7
Чернорабочіе	11	25	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	62
Ученики	—	—	—	—	9	—	9	75	4	—	5	—	—	—	—	—	3	50	—	—	—	—	—	—	—	—	6	25
Раклисты	100	—	—	—	45	—	64	58	78	50	66	66	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	72	45
Ручные набойщики	—	—	—	—	12	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	12	—	12	21	14	—	12	74
Ученики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	50	—	—	—	—	7	50
Рѣзчики	—	—	—	—	20	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	50	—	—	19	53	—	—	18	62
Рабочіе въ лаборат.	—	—	10	—	—	—	13	41	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	11	60
„ въ заваркѣ	—	—	11	—	11	70	—	—	—	—	10	50	—	—	—	—	8	50	7	—	11	75	—	—	—	—	10	8
Малолѣтніе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25
Рабочіе въ запаркѣ	11	25	—	—	—	—	12	—	—	—	11	50	—	—	12	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	35
Малолѣтніе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
Въ зрѣльной	—	—	—	—	10	50	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
Сшивалки	—	—	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	6	50	—	—	—	—	—	—	—	—	8	50
Малолѣтніе	—	—	—	—	6	80	—	—	—	—	—	—	4	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	52
На галандрахъ	—	—	—	—	—	—	9	75	—	—	8	50	—	—	15	—	10	—	8	50	12	50	—	—	19	50	11	98
Малолѣтніе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	25	6	—	6	50	—	—	—	—	6	25
Грунтовальщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	28	—
Скатывальщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	7	75
Слесаря	—	—	—	—	—	—	22	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	50
Ученики	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—

Сопоставимъ измѣненіе денежной заработной платы съ измѣненіемъ цѣны хлѣба:

	Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ [1]).	Увеличеніе.
1856—58 г. . .	— р. 56 к.	95%
1881—83 г. . .	1 „ 09 „	

Цѣна хлѣба повысилась гораздо значительнѣе, чѣмъ заработная плата огромнаго большинства рабочихъ. Принимая цѣну хлѣба показателемъ покупательной силы денегъ, слѣдуетъ заключить, что къ началу 80-хъ годовъ *реальная заработная плата рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда понизилась, въ общемъ, не менѣе, чѣмъ на 20—30%.*

Какъ мы видѣли, это подтверждается и показаніемъ такого компетентнаго автора, какъ Гарелинъ. Сильнѣе всего упала заработная плата ручныхъ ткачей; реальная плата механическихъ ткачей и прядильщиковъ должна была сократиться почти вдвое. Заработокъ фабричныхъ мастеровыхъ—куанецовъ и столяровъ, быть можетъ, возросъ.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой важный фактъ уменьшенія реальной платы фабричныхъ рабочихъ въ Шуйскомъ уѣздѣ за два первыя десятилѣтія послѣ крестьянской реформы. Сравненіе статистическихъ данныхъ о заработной платѣ и цѣнахъ хлѣба приводитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Гарелинъ на основаніи личныхъ наблюденій.

Однако не нужно преувеличивать размѣры этого явленія. Во-первыхъ, начало 80-хъ годовъ было эпохой промышленной депрессіи, и это могло оказать извѣстное дѣйствіе на заработную плату (хотя, какъ увидимъ ниже, кризисъ повліялъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ главнымъ образомъ на сокращеніе числа занятыхъ рабочихъ, а не на паденіе ихъ платы). Во-вторыхъ, важно имѣть въ виду, что заработная плата измѣнялась далеко не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ старинномъ центрѣ хлопчатобумажнаго производства, измѣненіе заработной платы могло идти и не совсѣмъ такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Въ крѣпостную эпоху заработная плата въ Ивановѣ и окрестностяхъ стояла значительно выше, чѣмъ въ другихъ менѣе про-

[1]) По „Хлѣбопекарному промыслу въ Москвѣ“. Для 1881—83 гг. взята цѣна обыкновенной муки.

мышленныхъ районахъ. Въ новѣйшее время положеніе измѣнилось. Изъ отчета владимірскаго фабричнаго инспектора г. Пескова мы узнаемъ, что „по всѣмъ занятіямъ заработокъ въ Шуйскомъ уѣздѣ стоитъ ниже заработка въ остальныхъ частяхъ Владимірской губерніи. Причина тому, надо полагать, заключается въ избыткѣ въ Шуйскомъ уѣздѣ предложенія рукъ, происходящемъ отъ сравнительно большаго числа въ этомъ уѣздѣ и въ сосѣднемъ съ нимъ—Ковровскомъ—жителей, исключительно живущихъ однимъ только фабричнымъ трудомъ; а также, сколько мнѣ извѣстно, и большей бѣдностью ихъ, въ сравненіи съ жителями остальныхъ мѣстностей губерніи“ [1]).

Итакъ Шуйскій уѣздъ, выдѣлявшійся раньше зажиточностью населенія и высокой заработной платой, въ 80-хъ годахъ выдѣлялся въ другомъ отношеніи—бѣдностью жителей и низкой заработной платой. Потому мы имѣемъ полное основаніе принять, что въ другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи пониженіе реальной заработной платы во всякомъ случаѣ не было столь значительно; къ сожалѣнію, по отсутствію подходящаго цифрового матеріала, вопросъ этотъ не можетъ получить статистическаго освѣщенія.

Перейдемъ теперь къ Московской губерніи. У меня нѣтъ заслуживающихъ довѣрія данныхъ о заработной платѣ на московскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ Николаевское время.

Средняя мѣсячная плата вольнонаемнаго рабочаго въ Москвѣ въ 30 — 40-хъ годахъ была никакъ не менѣе 30 руб. ассигн. (см. ч. I, гл. VI). Въ началѣ 80-хъ годовъ на текстильныхъ фабрикахъ Московской губерніи взрослый рабочій вырабатывалъ $12^1/_2$—20 руб. [2]). Это указываетъ на пониженіе не только денежной, но и реальной заработной платы въ Московской губерніи.

Подтвержденіемъ этого служитъ вышеприведенный отзывъ Гакстгаузена о высотѣ заработной платы въ Россіи, сравнительно съ платой германскаго рабочаго. Не можетъ быть сомнѣнія, что современная плата фабричнаго рабочаго въ Россіи гораздо ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ. Въ настоящее время Россія выдѣляется среди всѣхъ другихъ странъ Европы не высокой, но низкой платой. Если сколько-нибудь довѣрять цифрамъ заработной платы, принимаемымъ Гакстгаузеномъ (по его словамъ, обыкно-

[1]) Фабричной бытъ Владимірской губерніи. Стр. 81.
[2]) Фабричный бытъ Московской губ. Стр. 110—111.

венный рабочій получалъ въ Россіи въ 40-хъ годахъ около 1 р. въ день, прядильщикъ $1^1/_2$ р., ткачъ 2 р. ассигнац.), то фактъ весьма значительнаго пониженіи реальной заработной платы въ Россіи слѣдуетъ признать весьма вѣроятнымъ.

Можно было-бы предположить, что пониженіе заработной платы во Владимірской и Московской губерніяхъ всецѣло зависѣло отъ промышленнаго кризиса начала 80-хъ годовъ. Но это было-бы не вѣрно. По компетентному свидѣтельству г. Дементьева, „на крупныхъ мануфактурахъ (а всѣ приведенныя данныя о заработной платѣ относятся къ таковымъ) кризисъ отразился преимущественно въ сокращеніи работы съ безостановочной посмѣнной—день и ночь—на одну денную, т. е. выразился уменьшеніемъ числа рабочихъ, но не уменьшеніемъ заработной платы оставшихся на фабрикахъ... на заработокъ рабочихъ, получающихъ плату сдѣльно, кризисъ нигдѣ никакого вліянія не оказалъ, потому что уменьшилось лишь количество рабочихъ, но не расцѣнка работъ. Нѣсколько попытокъ фабрикантовъ уменьшить послѣднюю приводили къ такимъ крупнымъ столкновеніямъ ихъ съ рабочими, что пришлось оставить“ [1]). Заработная плата, подъ вліяніемъ промышленнаго застоя, въ концѣ концовъ понизилась, но это пониженіе произошло *послѣ 1883 г.*—въ 1884 и 1885 г., что и повело къ извѣстнымъ волненіямъ рабочихъ въ Московской и Владимірской губерніяхъ.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что послѣ освобожденія крестьянъ заработная плата фабричныхъ рабочихъ измѣнялась въ другомъ направленіи, чѣмъ раньше. Въ крѣпостную эпоху заработная плата росла—послѣ освобожденія падала. И это вполнѣ понятно. Быстрое развитіе капитализма, разрушеніе старинныхъ бытовыхъ устоевъ русскаго хозяйственнаго строя—не могли повести къ другимъ послѣдствіямъ. Въ слѣдующей главѣ я буду подробно говорить о характерномъ для пореформенной эпохи паденіи кустарныхъ промысловъ подъ вліяніемъ конкуренціи крупныхъ фабрикъ. Дифференціація деревни, уменьшеніе земельной обезпеченности мужика, благодаря быстрому росту населенія, исчезновеніе во многихъ мѣстахъ подсобныхъ заработковъ, раньше дававшихъ крестьянину возможность пополнять дефициты своего бюджета,—все это не могло не погнать мужика изъ деревни. Ростъ отхожихъ промысловъ, какъ я буду говорить ниже, наблюдается въ

[1]) Е. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Москва, 1897 г. Изд. 2. Стр. 120.

новѣйшее время во многихъ частяхъ Россіи. Какъ ни быстро увеличивался спросъ на рабочихъ, благодаря развитію крупной промышленности, предложеніе рабочихъ рукъ росло еще быстрѣе. Въ результатѣ получилось паденіе заработной платы и ухудшеніе условій труда.

Первая четверть вѣка послѣ великой реформы 19 февраля была для Россіи въ экономическомъ отношеніи тѣмъ же, чѣмъ были 30-е и 40-е годы для Англіи. Развитіе капиталистическаго производства и вытѣсненіе ручной домашней работы машинной работой на фабрикѣ вызвало въ Англіи такой же кризисъ, какой перенесла и Россія. Въ другомъ мѣстѣ (въ книгѣ „Промышленные кризисы въ современной Англіи“) я подробно описывалъ тяжелое положеніе англійскаго рабочаго класса (особенно ручныхъ ткачей-кустарей) во второй четверти этого вѣка. „Какъ общее правило, въ Англіи въ теченіе первой половины XIX столѣтія понижалась заработная плата всѣхъ рабочихъ, работа которыхъ не требовала долгаго предварительнаго обученія. Развитіе капитализма вызвало образованіе избыточнаго населенія, котораго не знала Англія прежняго времени. Сельскіе рабочіе, которые должны были бросить земледѣліе, мелкіе производители, которые не могли выдержать конкуренціи съ крупнымъ производствомъ, рабочіе, вытѣсненные машинами, представители всевозможныхъ профессій, процвѣтавшихъ при прежнемъ порядкѣ, и неприспособленные къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ—вся эта масса рабочаго люда лишилась своихъ прежнихъ заработковъ и должна была устремиться въ тѣ отрасли промышленности, которыя были для всѣхъ доступны. Образованіе избыточнаго населенія, выбитаго изъ обычной колеи, составляетъ необходимое слѣдствіе всякихъ крупныхъ промышленныхъ переворотовъ“ [1]).

Все это столь-же примѣнимо къ пореформенной Россіи, какъ и къ Англіи первой половины вѣка. И въ Россіи сельское населеніе послѣ освобожденія крестьянъ стало уходить отъ земли, и въ Россіи крупное производство вступило въ жестокую борьбу съ мелкимъ; торжество фабрики надъ кустаремъ у насъ, какъ и на Западѣ, не могло не выразиться паденіемъ заработной платы фабричнаго рабочаго, тѣмъ болѣе, что условія самозащиты фабричнаго рабочаго у насъ совершенно иныя.

---

[1]) Промышленные кризисы въ современной Англіи. Спб. 1894 г. Стр. 67—68.

Итакъ капитализмъ приводитъ только къ обнищанію народной массы, къ ухудшенію положенія производителя? Дѣйствительно, опытъ всѣхъ капиталистическихъ странъ, такъ же, какъ и теорія, показываетъ, что *первыя стадіи* развитія капиталистическаго производства сопровождаются ухудшеніемъ положенія трудящагося класса. То же происходило и у насъ. Исторія идетъ не по розамъ. Но тотъ же опытъ, равно какъ и теорія, не менѣе убѣдительно говоритъ, что единственное средство улучшить положеніе рабочаго заключается *въ дальнѣйшемъ развитіи капиталистическаго производства.* Англія пережила тяжелый кризисъ въ эпоху борьбы машиннаго и ручного производства, но когда переходный періодъ кончился и машина побѣдила въ важнѣйшихъ отрасляхъ труда, когда кустари перестали конкурировать съ фабрикой нищенской заработной платой, тогда и положеніе рабочаго класса стало улучшаться. [1])

„Мы страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія". Эта знаменитая фраза Маркса неоднократно цитировалась въ нашей литературѣ— и дѣйствителельно, она наилучшимъ образомъ характеризуетъ въ сжатой формѣ положеніе всѣхъ странъ, находящихся на первыхъ стадіяхъ капиталистическаго развитія. Единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ капитализма заключается въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Въ какой же стадіи находится Россія — пережила-ли она уже самое тяжелое въ этомъ переходномъ періодѣ, или самое худшее для нея еще впереди? Первое представляется болѣе вѣроятнымъ. Въ прилагаемой таблицѣ сопоставлена плата рабочимъ въ Московской и Владимірской губерніяхъ за 1883 и 1896 гг., за первый годъ—по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ гг. Янжула и Пескова, за второй — по даннымъ вышедшаго въ 1896 г. изданія департамента торговли и мануфактуръ, — „Продолжительность рабочаго дня и заработная плата рабочихъ въ 20-ти наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи". Эти послѣднія данныя доставлены также старшими фабричными инспекторами. Чтобы сдѣлать цифры заработной платы въ 1883 и 1896 году сравнимыми между собой, я выбралъ изъ отчетовъ гг. Янжула и Пескова и названнаго изданія тѣ фабрики и тѣ роды труда,

---

[1]) Это признаетъ и Энгельсъ, въ предисловіи ко второму изданію своей извѣстной книги „Die Lage der arbeitenden Klasse in England."

которые приводятся какъ за 1883, такъ и за 1896 годы. Такихъ фабрикъ оказалось очень не много—но зато приводимыя цифры можно сравнивать, не рискуя сопоставить совершенно разнородныя и несравнимыя между собой величины.

Изъ приводимой таблицы видно, что денежная заработная плата почти по всѣмъ родамъ труда повысилась — въ среднемъ на 10—15%.

Этотъ выводъ можно повѣрить данными, приводимыми въ изслѣдованіи г. Шестакова „Рабочіе на мануфактурѣ т-ва Эмиль Циндель“ (Москва 1900) [1]):

		Средній годовой заработокъ 1 мужчины на фабрикѣ Циндель.
за	1886—90 гг.	236 р. 60 к.
„	1891—95 „	231 „ 60 „
„	1896—98 „	247 „ 30 „

Незначительность увеличенія заработка объясняется, по словамъ г. Шестакова, тѣмъ, что за два послѣдніе года на фабрикѣ произошло значительное измѣненіе состава рабочихъ—было привлечено къ работѣ много чернорабочихъ, трудъ которыхъ оплачивается гораздо ниже, и были отмѣнены выше оплачиваемые сверхурочные часы. Поэтому правильнѣе взять для сравненія 1886—96 годы.

	Средній заработокъ мужчины.
1886 г.	235 р.
1896 „	270 „

Увеличеніе достигаетъ 15%—т. е. детальныя данныя г. Шестакова для одной фабрики вполнѣ подтверждаютъ выводы, полученные нами изъ приведеннаго сопоставленія заработныхъ платъ на разныхъ фабрикахъ. Повышеніе заработныхъ платъ за десятилѣтіе 1886—96 гг. было, во всякомъ случаѣ, невелико. Гораздо значительнѣе плата повысилась послѣ 1896 г. „Въ 1895—96 г.,— сообщаетъ г. Шестаковъ, — поденная плата на фабрикѣ въ среднемъ равнялась 59,65 к., по даннымъ же 1898—99 гг. она равняется уже 67,2 коп. Такимъ образомъ на протяженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ поденная заработная плата увеличилась на 7,55 коп. или почти на 13%“ [2]).

[1]) Шестаковъ, 3.

[2]) Шестаковъ, 3.

Мѣсячная заработная плата.

Къ стр. 440.

Владимірская губернія.

Бумагопрядильныя и бумаготкацкія фабрики.

РОДЫ ТРУДА.	1883. Собинская мануфакт. Р.	К.	Саввы Морозова. Р.	К.	Викулы Морозова. Р.	К.	Гарелина. Р.	К.	Асафа Баранова. Р.	К.	1896. Собинская мануфакт. Р.	К.	Саввы Морозова. Р.	К.	Викулы Морозова. Р.	К.	Гарелина. Р.	К.	Асафа Баранова. Р.	К.	1883. Средняя плата. Р.	К.	1896. Средняя плата. Р.	К.	Увеличеніе или уменьшеніе въ процентахъ.
Прядильщики	19	32	20	74	—	—	13	50	22	—	19	20	22	92	—	—	18	72	22	20	18	89	20	76	+10
Присучальщики	—	—	12	57	14	37	10	12	11	50	—	—	15	48	12	36	13	18	11	52	12	14	13	13	+ 8
Трепальщики	9	50	10	37	9	62	9	25	12	50	9	44	12	24	11	40	10	74	13	20	10	25	11	40	+11
Сортировщики	—	—	—	—	8	87	—	—	7	50	—	—	—	—	11	40	—	—	9	—	8	18	10	20	+25
Холстовщики	7	87	9	62	10	75	—	—	12	50	12	60	10	6	10	6	—	—	12	—	10	19	11	18	+10
Банкоброшницы	11	54	11	37	—	—	8	37	9	—	9	72	11	88	—	—	14	7	11	88	10	7	11	89	+18
Ленточницы	9	63	10	62	9	62	7	87	6	88	5	52	11	40	11	64	11	82	12	96	8	92	10	67	+19
Моталки	—	—	9	12	—	—	—	—	16	26	—	—	8	77	—	—	—	—	14	16	12	69	11	46	—10
Ватерщицы	7	44	8	65	—	—	—	—	—	—	9	7	14	40	—	—	—	—	—	—	8	4	11	73	+46
Ставильщики	—	—	9	6	—	—	6	88	6	—	—	—	12	60	—	—	11	34	8	28	7	31	10	77	+48
Съемщики	—	—	4	50	—	—	5	50	—	—	—	—	9	96	—	—	9	24	—	—	5	—	9	60	+92
Тазовщики	—	—	6	36	7	97	—	—	9	—	—	—	9	60	9	60	—	—	9	60	7	78	9	60	+23
Ткачи	11	85	—	—	18	50	11	15	15	37	15	33	—	—	22	72	11	66	13	50	14	22	15	80	+11
Сновальщики	17	24	—	—	—	—	16	32	—	—	16	92	—	—	—	—	16	56	—	—	16	78	16	74	—
Шлихтовальщики	29	77	—	—	—	—	18	47	30	40	19	32	—	—	—	—	20	64	23	52	26	21	21	16	—19
Пробирщики	—	—	—	—	—	—	10	75	6	85	—	—	—	—	—	—	13	80	15	36	8	80	14	58	+66

Московская губернія.

Бумагопрядильныя и бумаготкацкія фабрики.

РОДЫ ТРУДА.	1883. Реутовская мануфакт. Р.	К.	Балашинская мануфактура. Р.	К.	Раменская мануфакт. Р.	К.	Измайловская мануфактура. Р.	К.	1896. Реутовская мануфакт. Р.	К.	Балашинская мануфактура. Р.	К.	Раменская мануфакт. Р.	К.	Измайловская мануфактура. Р.	К.	1883. Средняя плата. Р.	К.	1896. Средняя плата. Р.	К.	Увеличеніе или уменьшеніе въ процентахъ.
Сортировщики	11	—	11	—	12	25	—	—	10	32	13	80	17	52	—	—	11	41	13	88	+21
Трепальщики	10	50	12	50	14	25	12	—	10	32	14	70	18	—	12	—	12	31	13	77	+12
Холстовщики	10	25	12	—	12	62	13	50	9	60	12	50	16	8	13	20	12	9	12	84	+ 6
Барабанщики	—	—	12	—	12	62	—	—	—	—	17	50	19	—	—	—	12	31	18	25	+49
Точильщики	12	—	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	12	—	13	—	+ 8
Ленточницы	8	12	—	—	9	25	—	—	8	88	—	—	12	—	—	—	8	62	10	44	+21
Банкоброшницы	8	—	8	74	9	75	—	—	10	30	10	—	13	20	—	—	8	83	11	16	+26
Прядильщики	20	—	20	75	20	—	18	—	20	50	23	—	24	72	24	—	19	68	23	5	+17
Присучальщики	11	50	15	12	12	50	11	—	14	50	14	70	16	44	14	—	12	53	14	91	+19
Моталки	—	—	—	—	9	50	10	—	—	—	—	—	9	40	11	50	9	75	10	45	+ 7
Шлихтовальщики	—	—	—	—	27	50	—	—	—	—	—	—	32	—	—	—	27	50	32	—	+16
Ткачи	—	—	—	—	17	50	17	—	—	—	—	—	21	—	16	50	17	25	18	75	+ 9

Въ виду этого можно думать, что къ концу 90-хъ годовъ, сравнительно съ началомъ 80-хъ, денежная плата фабричныхъ рабочихъ въ Московскомъ районѣ повысилась на 20—25%. Но Московскій районъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ ростъ промышленности за послѣднее время былъ особенно силенъ. Въ быстро развивающихся промышленныхъ центрахъ Юга заработная плата, повидимому, возросла гораздо болѣе. Это констатируется на основаніи личныхъ наблюденій г. Брандтомъ въ его книгѣ „Иностранные капиталы". Примѣромъ можетъ служить измѣненіе заработной платы на Юзовскомъ заводѣ. Въ 1884—85 гг. заработная плата на этомъ заводѣ по многимъ отраслямъ труда спускалась до 30—40 к. въ день и ни въ какой отрасли не превосходила 3 р. 70 к. въ день. Въ 1897 низшая плата (чернорабочихъ) на томъ же заводѣ не спускалась ниже 70 к. въ день, а высшая достигала 6 р. Средній заработокъ рабочихъ на этомъ заводѣ равнялся въ 1897 г.: для рабочихъ по производству капитальныхъ сооруженій — 89 к. въ день, для рабочихъ поденныхъ—92 к. и для сдѣльныхъ—1 р. 34 к. [1]) Средній мѣсячный заработокъ по всему заводу равнялся 27 р. 35 к. на человѣка. Повидимому, денежная заработная плата на желѣзодѣлательныхъ заводахъ Юга возрасла со времени начала воьсмидесятыхъ годовъ почти вдвое.

Все это побуждаетъ насъ признать, что въ общемъ за новѣйшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась. Размѣръ этого повышенія, разумѣется, опредѣлить невозможно.

Въ задачу этой книги не входитъ характеристика современнаго положенія нашего фабричнаго рабочаго. Чтобы освѣтить этотъ предметъ съ такой полнотой, которой онъ заслуживаетъ, потребовался бы цѣлый томъ, который я и предполагаю выпустить въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ. Потому я совсѣмъ не буду касаться условій труда на нашихъ фабрикахъ въ настоящее время, и скажу только нѣсколько словъ о связи нашего фабричнаго рабочаго съ земледѣліемъ.

Что такое современный фабричный рабочій въ Россіи—крестьянинъ, сидящій на землѣ и восполняющій недостатки въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ случайной работой на фабрикахъ, или же пролетарій, тѣсно связанный съ фабрикой и живущій продажей своей рабочей силы? Обычный отвѣтъ гласитъ, что у насъ не существуетъ фабричнаго пролетаріата. Нашъ фабричный не

[1]) Брандъ, т. II стр. 264, 252.

похожъ на западно-европейскаго—у него всегда есть свой кровъ своя земля, куда онъ можетъ вернуться въ случаѣ нужды. Даже „вываривaясь въ фабричномъ котлѣ“, мужикъ остается тѣмъ-же мужикомъ, покорнымъ „власти земли“.

Недавно вышедшая превосходная книга г. Дементьева совершенно опрокидываетъ это воззрѣніе. Г. Дементьевъ произвелъ, по порученію московскаго губернскаго земства, тщательное обслѣдованіе фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ въ 3-хъ уѣздахъ Московской губерніи — Серпуховскомъ, Коломенскомъ и Бронницкомъ. Результаты этого обслѣдованія, по справедливому замѣчанію автора, приложимы, съ небольшими быть можетъ поправками, ко всему промышленному району центральной Россіи [1]).

Къ чему же пришелъ г. Дементьевъ? Онъ самъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ главнѣйшій результатъ своей работы: „не предположительно наше мнѣніе и не случаенъ нашъ выводъ изъ ряда цифровыхъ данныхъ, заставляющій опровергать ходячее представленіе объ отсутствіи у насъ спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, потерявшихъ уже всякую связь съ землей. Нѣтъ сомнѣнія, классъ этотъ еще не великъ. Но дѣло не въ численности, а въ условіяхъ, быстро создающихъ его, со всѣми неразрывно связанными съ этимъ послѣдствіями“ [2]).

По обслѣдованію г. Дементьева, сокращеніе числа рабочихъ въ лѣтнее время на небольшихъ фабрикахъ, пользующихся исключительно ручнымъ трудомъ, дѣйствительно объясняется уходомъ значительной части рабочихъ на полевыя работы. Но зато сокращеніе рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ, пользующихся машинами, зависитъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ—и, главнымъ образомъ, отъ повышенія цѣны на рабочія руки лѣтомъ. Фабрики предпочитаютъ усиленно работать зимой при низкой платѣ рабочимъ и сокращать производство лѣтомъ, въ періодъ высокой заработной платы,

Число рабочихъ, уходящихъ на полевыя работы съ фабрикъ (за исключеніемъ рогожныхъ), по расчету г. Дементьева, для взрослыхъ рабочихъ составляетъ 14,1% всѣхъ рабочихъ, для несовершеннолѣтнихъ—11,9%. По отдѣльнымъ родамъ производства процентъ рабочихъ, бросающихъ фабрику лѣтомъ, очень различенъ. Такъ среди ручныхъ бумажныхъ ткачей только 18% рабо-

---

[1]) Дементьевъ, Предисловіе къ 1-му изданію.

[2]) Дементьевъ, Предисловіе къ 2-му изданію.

таетъ круглый годъ на фабрикѣ. Мелкія бумаготкацкія фабрики совсѣмъ перестаютъ лѣтомъ работать. Почти то же слѣдуетъ сказать и о шелкоткацкихъ. На кожевенныхъ и овчинодубильныхъ заводахъ покидаетъ заводъ для полевыхъ работъ до 53,7% рабочихъ. Изъ рабочихъ на фарфоровыхъ и фаянсовыхъ фабрикахъ фабрику покидаетъ около 1/3 рабочихъ. Изъ ткачей на суконныхъ фабрикахъ уходитъ на полевыя работы 37,7%. Но здѣсь уже ясно сказывается вліяніе машиннаго производства: уходятъ исключительно ручные ткачи; изъ ткачей же, работающихъ на самоткацкихъ станкахъ, *на полевыя работы не уходитъ никто.* „На бумагопрядильныхъ же и ткацкихъ фабрикахъ, работающихъ исключительно паровою силою, число рабочихъ, не разорвавшихъ связи съ землей, во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ ткацкаго, колеблется лишь отъ 4—7%. И если мы видимъ увеличеніе численности рабочихъ этого рода среди самоткачей до 12 %, то это только потому, что почти на всѣхъ самоткацкихъ фабрикахъ есть извѣстное количество запасныхъ ткачей, не только малолѣтнихъ или подростковъ, но и взрослыхъ“.

На красильныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ значеніе машины какъ фактора, порывающаго связь фабричнаго рабочаго съ землей, также очевидно. А именно, на ручныхъ фабрикахъ этого рода около 36% взрослыхъ рабочихъ уходятъ на полевыя работы, на механическихъ—только 8%. Изъ числа фабричныхъ мастеровыхъ — литейщиковъ, маляровъ, кровельщиковъ, паяльщиковъ и пр.—только 3,30% еще уходятъ въ деревню.

Всѣ эти данныя приводятъ г. Дементьева къ слѣдующему заключенію. „Во-первыхъ, что съ фабриками, работающими механическою силою, неразрывно связано отчужденіе рабочихъ отъ земли; во-вторыхъ, что на тѣхъ же, работающихъ механической силой, фабрикахъ это отчужденіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большую спеціализацію представляетъ то или другое занятіе... Важнѣйшая причина, заставляющая рабочихъ порывать связь съ землей—это переходъ отъ ручного производства на механическое“ [1]).

Но изъ этихъ 14% рабочихъ, на время покидающихъ фабрику, (если включить и рогожныя фабрики, то процентъ рабочихъ, покидающихъ фабрику, увеличится до 18), не всѣ уходятъ на столь продолжительные сроки, чтобы дѣйствительно не порывать связь съ землей. 12% всѣхъ рабочихъ, уходящихъ съ фабрикъ, уходитъ

---

[1]) Дементьевъ, стр 4—11, 26.

всего на срокъ 1—4 недѣли, 14% на срокъ 4—6 недѣль, и остальные 74%—на срокъ болѣе продолжительный, при чемъ наибольшее число (около 30%) на срокъ 2—3 мѣсяцевъ.

„Въ настоящее время лишь по очень немногимъ производствамъ фабрики сохраняютъ свой прежній, обычный когда-то для нашихъ фабрикъ, характеръ заведеній, гдѣ населеніе работало лишь въ теченіе того времени въ году, которое остается отъ главнаго ихъ занятія—земледѣлія. Такой характеръ сохраняютъ рогожныя фабрики, на которыхъ рабочіе остаются преимущественно полгода и во всякомъ случаѣ не болѣе 8 мѣсяцевъ. Такой же характеръ сохранили еще мелкія фабрики, стоящія на рубежѣ кустарныхъ заведеній, каковы мелкія ткацкія, канительныя, фарфорово-живописныя и т. п. Но какъ только эти же фабрики расширяются до болѣе крупныхъ заведеній, хотя и ведущихъ свое производство исключительно ручнымъ трудомъ, такъ тотчасъ же начинаетъ замѣчаться вліяніе капитализма: на крупныхъ ткацкихъ фабрикахъ четвертая часть рабочихъ уже вовсе не уходитъ на полевыя работы и круглый годъ остается на фабрикахъ; еще сильнѣе въ этомъ смыслѣ вліяютъ фарфоровыя и въ особенности ситценабивныя фабрики. Переходъ ручного производства въ механическое и неразрывно связанная съ нимъ концентрація его въ крупныя промышленныя заведенія тотчасъ разобщаетъ рабочихъ съ землей настолько, что рабочіе, уходящіе на полевыя работы, составляютъ здѣсь лишь исключеніе“ [1]).

Г. Дементьевъ дѣлаетъ любопытныя указанія относительно мѣръ, которыя принимались и принимаются крупными фабрикантами для того, чтобы оторвать рабочаго отъ земли, сдѣлать его профессіональнымъ рабочимъ, исключительно посвящающимъ себя фабрикѣ. Такъ на многихъ фабрикахъ рабочій, оставлявшій фабричную работу зимой, не терялъ заработной платы, въ лѣтнее же время уплачивалъ высокій штрафъ (доходившій до мѣсячной заработной платы и болѣе). Но во многихъ отрасляхъ труда подобныя стѣснительныя мѣры, насильственно привязывающія рабочаго къ фабрикѣ въ лѣтнее время, совсѣмъ перестали практиковаться уже въ началѣ 80-хъ годовъ—очевидно потому, замѣчаетъ г. Дементьевъ, что въ этихъ отрасляхъ труда „фабрика уже выработала себѣ спеціальныхъ рабочихъ и заставила ихъ забыть связь съ землей“.

Интересна характеристика современнаго фабричнаго рабочаго,

[1]) Дементьевъ, 36—37.

даваемая г. Дементьевымъ. „Какія бы причины ни способствовали преобразованію прежняго земледѣльца въ фабричнаго рабочаго, но эти спеціальные рабочіе уже существуютъ. Они только числятся крестьянами, но связаны съ деревней лишь податями, которыя вносятся ими при перемѣнѣ паспортовъ, ибо на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ въ деревнѣ ни хозяйства, ни сплошь и рядомъ даже дома, обыкновенно проданнаго. Даже право на землю они сохраняютъ лишь юридически, и безпорядки на фабрикахъ въ 1885—86 гг. на многихъ фабрикахъ показали, что эти рабочіе сами считаютъ себя совершенно чуждыми деревнѣ, точно такъ же, какъ крестьяне деревни, въ свою очередь, смотрятъ на нихъ, потомковъ своихъ односельцевъ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ. Передъ нами, слѣдовательно, уже сформировавшійся классъ рабочихъ, не имѣющихъ своего крова, не имѣющихъ фактически никакой собственности — классъ, ничѣмъ не связанный и живущій изо дня въ день. И онъ образовался не со вчерашняго дня. Онъ имѣетъ уже свою фабричную генеалогію и для немалой своей части насчитываетъ уже третье поколѣніе“ [1]).

Г. Дементьевъ опросилъ поименно 18.576 рабочихъ, и оказалось, что у 55% отцы работали на фабрикахъ. А такъ какъ число рабочихъ у насъ быстро растетъ и составъ рабочаго класса долженъ по необходимости пополняться выходцами изъ деревни, то столь значительный процентъ рабочихъ, во второмъ поколѣніи работающихъ на фабрикахъ, указываетъ на рѣдкость обратнаго возвращенія изъ фабрики въ деревню. Разъ мужикъ попалъ на фабрику — онъ уже на ней и остается, и не только онъ самъ, но и его дѣти „вываривaются въ фабричномъ котлѣ“. Земля теряетъ надъ нимъ свою власть, и изъ земельнаго собственника онъ превращается въ пролетарія.

Къ сходнымъ результатамъ приводитъ и сравненіе возраста поступленія рабочихъ на фабрику, произведенное профессоромъ Эрисманомъ для фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи. Оказывается, что только около 9% рабочихъ, взятыхъ для сравненія, поступили на фабрику по достиженіи 25-тилѣтняго возраста, въ малолѣтнемъ же возрастѣ поступило на фабрику 63%, или почти 2/3 всѣхъ рабочихъ. Это наблюденіе заставляетъ Эрисмана заключить: „мы здѣсь имѣемъ дѣло, въ огромномъ большинствѣ случаевъ,

[1]) Дементьевъ, 46.

съ настоящимъ рабочимъ сословіемъ, такъ сказать, съ исконными, а не случайными фабричными рабочими“ [1]).

Несмотря на это, около 94% фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи состоитъ изъ крестьянъ. Но, очевидно, эти крестьяне, числящіеся „земледѣльцами“, на самомъ дѣлѣ являются тѣмъ избыточнымъ населеніемъ, которое деревня выбрасываетъ изъ тѣсныхъ рамокъ сельскаго міра; для многихъ изъ этихъ „крестьянъ“ ихъ принадлежность къ крестьянскому міру выражается лишь подневольнымъ положеніемъ по отношенію къ сельскому обществу, круговой отвѣтственностью по податямъ, зависимостью въ полученіи паспорта и пр.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи крестьяне составляютъ не такой значительный процентъ фабричныхъ рабочихъ. Такъ въ Богородскомъ уѣздѣ рабочіе не-крестьяне достигаютъ почти 1/4 всѣхъ рабочихъ. Этотъ фактъ заставляетъ г. Погожева „признать несомнѣнный фактъ существованія въ Россіи довольно многочисленнаго пролетаріата“ [2]). Эти рабочіе не-крестьяне въ весьма значительной мѣрѣ потомки тѣхъ поссессіонныхъ фабричныхъ, о которыхъ мнѣ приходилось говорить въ III главѣ I части этой книги. Но дѣйствительная численность фабричнаго пролетаріата, какъ сказано, далеко превосходитъ численность рабочихъ не-крестьянъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе приведенныхъ данныхъ, нужно имѣть въ виду, что наблюденія г. Дементьева относятся къ 1884—85 гг. Съ тѣхъ поръ много воды утекло; машина сдѣлала гигантскіе успѣхи, концентрація производства пошла впередъ, мелкія полукустарныя заведенія совершенно отступили на задній планъ передъ огромными механическими фабриками. Если въ началѣ 80-хъ годовъ менѣе 1/5 фабричныхъ рабочихъ уходило на полевые работы, то теперь, безъ сомнѣнія, такихъ рабочихъ гораздо менѣе.

Впрочемъ, нельзя не согласиться съ г. Авиловымъ, указавшимъ въ интересной работѣ „Къ вопросу о связи съ земледѣліемъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ“, что возвращеніе на полевыя работы является еще недостаточнымъ критеріемъ для опредѣленія степени

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Санитарный отдѣлъ, т. IV, ч. I. Стр. 289.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ Санитарный т. III, в. XI.

прочности связи фабричнаго рабочаго съ землей. Связь эта можетъ выражаться и дѣйствительно выражается самыми разнообразными способами: посылкой денегъ фабричнаго рабочаго въ деревню, содержаніемъ семьи въ деревнѣ, наконецъ возвращеньемъ въ деревню, въ случаѣ временной безработицы, болѣзни, увѣчья, или старости. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой формѣ связь съ землей нашего фабричнаго рабочаго въ значительномъ большинствѣ случаевъ еще не порвалась и еще долго не порвется. Шульце-Геверницъ установилъ, на основаніи изученія условій жизни рабочихъ на фабрикахъ, любопытную схему, какимъ образомъ происходитъ разрываніе связи съ землей и превращеніе крестьянина, случайно работающаго на фабрикѣ, въ настоящаго фабричнаго пролетарія. На первой стадіи связь съ землей еще очень велика. Фабричные рабочіе (къ этому типу принадлежатъ преимущественно мелкія фабрики, расположенныя по деревнямъ) не имѣютъ особенныхъ спаленъ и столовыхъ на фабрикахъ, спятъ гдѣ попало въ самыхъ рабочихъ помѣщеніяхъ и ѣдятъ пищу, приносимую изъ дому. Контигентъ рабочихъ составляется изъ крестьянъ близкихъ къ фабрикѣ деревень. Это еще въ полномъ смыслѣ слова мужики, исконные земледѣльцы, загнанные нуждой въ несвойственную имъ и тягостную для нихъ обстановку фабричной жизни, которую они покидаютъ при первой возможности, чтобы вернуться къ землѣ. На второй стадіи связь съ фабрикой уже интимнѣе, а съ землей слабѣе. Рабочіе живутъ въ особыхъ фабричныхъ казармахъ, столуются артелями и нерѣдко уходятъ съ фабрикъ на полевыя работы. Семья ихъ остается въ деревнѣ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточены ихъ помыслы и симпатіи. На третьей стадіи и на фабрикѣ начинаетъ появляться семейная жизнь, рабочіе начинаютъ индивидуализироваться, оставлять артели, чтобы харчиться съ женой; появляются семейныя спальни. Но связь съ деревней не прекращается окончательно—рабочіе посылаютъ деньги въ деревню, имѣютъ тамъ свое хозяйство, нерѣдко возвращаются на побывку домой, отсылаютъ дѣтей. Наконецъ на четвертой стадіи фабричный рабочій становится полнымъ пролетаріемъ, живущимъ постоянно при фабрикѣ на наемной квартирѣ или въ фабричной каморкѣ со всей своей семьей.

Всѣ четыре стадіи этого процесса существуютъ одновременно въ различныхъ фабрикахъ и отрасляхъ промышленности, при чемъ чѣмъ крупнѣе фабрика и чѣмъ большую роль играетъ въ ней примѣненіе машины, тѣмъ ближе она къ 4-й стадіи. Наиболѣе

типичной для современнаго русскаго фабричнаго является, повидимому, третья стадія. Въ цитированной работѣ г. Шестакова имѣются весьма интересныя наблюденія по этому пункту.

На ситценабивной фабрикѣ Цинделя въ Москвѣ, которую описываетъ г. Шестаковъ, въ 1898 г. было 2553 рабочихъ. Поименному опросу было подвергнуто 1417 мужчинъ. Оказалось, что 94,2% ихъ—крестьяне (процентъ крестьянъ на фабрикѣ Цинделя совпадаетъ, такимъ образомъ, съ среднимъ для фабрикъ Московской губерніи) 87% рабочихъ оказалось не старше 40 лѣтъ. На долю рабочихъ старше 45 лѣтъ приходилось лишь 6,8% рабочихъ. Очевидно, и на русскихъ фабрикахъ, какъ и на англійскихъ, рабочему старше 45 лѣтъ крайне трудно найти работу на фабрикѣ [1]).

Изъ числа крестьянъ-рабочихъ на фабрикѣ Цинделя, безземельныхъ было немного болѣе 9%, но изъ числа послѣднихъ немного менѣе половины (3,82% всего числа крестьянъ рабочихъ) сохранили еще нѣкоторую связь съ деревней въ формѣ владѣнія въ деревнѣ избой или постройками.

Что касается крестьянъ—рабочихъ имѣющихъ надѣлы, то ихъ связь съ деревней еще не порвалась и выражается въ томъ, что ихъ семьи владѣютъ землей въ деревнѣ и въ большинствѣ случаевъ ведутъ земледѣльческое хозяйство. Но хозяйство это весьма жалкое. Въ среднемъ выводѣ рабочіе, имѣвшіе надѣлы въ деревнѣ, владѣли въ ней на ѣдока: 0,57 десятины земли, 1/7 лошади и менѣе 1/7 коровы. 22,7% рабочихъ—крестьянъ, имѣвшихъ надѣлъ, совсѣмъ не имѣло скота—ни коровы, ни лошади. 14,3% тѣхъ же рабочихъ не вело самостоятельнаго хозяйства и сдавало землю въ аренду.

Общее число не ведущихъ самостоятельнаго сельскаго хозяйства (включая сюда некрестьянъ, безнадѣльныхъ и сдающихъ надѣлы въ аренду) равнялось 26,7%, всего числа рабочихъ, при чемъ не крестьянъ, какъ сказано, было 5,8%, безнадѣльныхъ было 8,6%, а сдающихъ надѣлы въ аренду—12,3% всѣхъ рабочихъ. Никакой связи съ деревней не имѣло 10,8% рабочихъ—не-крестьянъ или крестьянъ, не имѣвшихъ въ деревнѣ ни надѣла, ни построекъ. У 15,9% рабочихъ связь съ деревней сохранялась въ весьма ограниченномъ видѣ. Эти рабочіе не вели самостоятельнаго сельскаго хозяйства, но владѣли въдеревнѣ постройками или землей. У остальныхъ 73,3% рабочихъ связь съ землей была гораздо сильнѣе: они

[1]) См. мою книгу „Промышленные кризисы“ 1900, заключеніе.

были не только мелкими, вѣрнѣе, ничтожными землевладѣльцами, но и, чрезъ посредство своихъ семей, земледѣльцами, хотя опять таки, разумѣется, въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Но личнаго участія въ полевыхъ работахъ огромное большинство фабричныхъ рабочихъ не принимало: на полевыя работы уходитъ только 12,6% рабочихъ-крестьянъ. Этотъ процентъ, отнесенный ко всему числу рабочихъ, (крестьянъ и не-крестьянъ) даетъ 11,9% рабочихъ, уходящихъ на полевыя работы. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующее статистическое выраженіе степени связи съ землей рабочихъ на фабрикѣ Цинделя.

1) Уходящіе на полевыя работы и ведущіе самостоятельное сельское хозяйство.	11,9%
2) Не уходящіе на полевыя работы, но ведущіе при посредствѣ семей самостоятельное сельское хозяйство.	61,4 „
3) Не ведущіе самостоятельнаго сельскаго хозяйства, но сдающіе надѣлы въ аренду.	12,3 „
4) Не имѣющіе надѣла, но имѣющіе постройки въ деревнѣ.	3,6 „
5) Не имѣющіе съ деревней никакой связи.	10,8 „
Итого . . .	100 „

Рабочіе первой, довольно немногочисленной категоріи еще на половину земледѣльцы; рабочіе второй, наиболѣе многочисленной категоріи сами являются постоянными фабричными рабочими и незнаютъ или отвыкли отъ земледѣльческаго труда, но семьи ихъ живутъ сельскимъ хозяйствомъ и земледѣльческіе интересы сохраняютъ для нихъ свое значеніе; рабочіе третьей категоріи совершенно отстали отъ земледѣлія, но еще получаютъ отъ него нѣкоторые доходы (или расходы, если арендная плата не покрываетъ лежащихъ на землѣ повинностей) и владѣютъ земельной собственностью; рабочіе четвертой категоріи порвали и съ сельскимъ хозяйствомъ и съ землевладѣніемъ, но сохраняютъ свой уголъ въ деревнѣ, гдѣ могутъ найти пріютъ въ случаѣ нужды; наконецъ послѣдняя группа представляетъ уже пролетаріевъ pur et simple.

По всей вѣроятности, данныя на фабрикѣ Цинделя типичны для Московскаго района, (подтвержденіемъ этого можетъ служить близость процента крестьянъ на фабрикѣ, процента рабочихъ, отцы которыхъ работали на фабрикѣ и процента уходящихъ на по-

левыя работы, къ установленнымъ гг. Дементьевымъ и Эрисманомъ для болѣе обширныхъ фабричныхъ районовъ Московской губерніи). Если такъ, то слѣдуетъ признать, что связь съ землей фабричнаго рабочаго хотя и ослабѣваетъ, но все еще велика.

Эта связь является пока экономически необходимой, и поэтому она такъ упорно держится. Пока заработная плата нашего фабричнаго рабочаго такъ ничтожна, что содержаніе семьи при фабрикѣ для него невозможно, до тѣхъ поръ связь съ деревней не можетъ не сохраняться. Но съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта связь является, въ свою очередь, одной изъ причинъ, обусловливающихъ низкій уровень заработной платы нашего фабричнаго рабочаго; на западѣ фабрикантъ оплачиваетъ все содержаніе рабочей семьи, у насъ же, благодаря связи рабочаго съ землей, фабрикантъ оплачиваетъ только часть расходовъ по содержанію семьи рабочаго, а остальные покрываются самостоятельнымъ хозяйствомъ семьи рабочаго. Такимъ образомъ „связь съ землей“ — и причина и слѣдствіе низкой заработной платы. Отсутствіе строгой дифференціаціи между земледѣльческимъ и промышленнымъ трудомъ составляетъ далѣе одну изъ могущественныхъ причинъ невысокаго уровня производительности труда русскаго рабочаго, что, въ свою очередь, является моментомъ, препятствующимъ повышенію заработной платы. Содержаніе двухъ самостоятельныхъ домашнихъ хозяйствъ—одно въ деревнѣ, другое на фабрикѣ, представляется само по себѣ крупнымъ экономическимъ зломъ для рабочаго и источникомъ многихъ лишнихъ расходовъ, тяжело ложащихся на его скудный бюджетъ.

Къ этимъ экономическимъ невыгодамъ господствующаго у нашихъ фабричныхъ рабочихъ строя домашняго хозяйства (отецъ—на фабрикѣ, а семья въ деревнѣ) прибавляются огромныя неудобства чисто моральнаго свойства. Только крайне низкій уровень потребностей и привычка все претерпѣвать позволяютъ русскому рабочему мириться съ такимъ порядкомъ вещей, при которомъ семейные узы почти лишаются моральнаго содержанія и превращаются въ почти исключительно экономическую связь [1]). Чѣмъ болѣе русскій рабочій будетъ чувствовать себя человѣкомъ и чѣмъ менѣе безгласнымъ рабочимъ скотомъ, тѣмъ тягостнѣе и невыно-

[1]) Въ небольшомъ очеркѣ г. Вересаева „Въ сухомъ туманѣ“ талантливо изображены неразрѣшимые конфликты, которые возникаютъ на этой почвѣ.

симѣе ему будетъ эта связь съ деревней. Полный разрывъ этой связи поэтому неизбѣженъ, и чѣмъ скорѣе онъ произойдетъ, тѣмъ лучше. Но связь можетъ порваться лишь тогда, когда заработная плата рабочаго достаточно повысится, чтобы дать ему возможность содержать свою семью около себя.

Повидимому, получается такой безвыходный кругъ: для повышенія заработной платы необходимо прекращеніе „связи съ землей“, а для прекращенія „связи съ землей“ необходимо повышеніе заработной платы. Но это противорѣчіе не неразрѣшимо. Оно, какъ и многія другія противорѣчія русской жизни, можетъ и будетъ рѣшено—дальнѣйшимъ экономическимъ развитіемъ Россіи.

ГЛАВА IV.

Борьба фабрики съ кустаремъ.

Измѣненіе условій конкуренціи фабричной и домашней промышленности въ новѣйшее время.—Сокращеніе числа домашнихъ рабочихъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ.—Паденіе ручного ткачества въ разныхъ отрасляхъ труда.—Раздробленіе производства—чѣмъ оно вызывается.—Металлическіе кустарные промыслы.—Гвоздарный промыселъ.—Павловскіе замочники.—Почему въ Павловѣ кустарная мастерская становится мельче, а въ Загарьѣ крупнѣе.—Упадокъ лѣсныхъ промысловъ.—Значеніе вздорожанія сырья.—Гончарничество.—Щеточный промыселъ Московской губ.—Развитіе новыхъ промысловъ подъ вліяніемъ фабрики.—Экскурсія въ область англійскихъ экономическихъ отношеній.—Англійскіе кустарные промыслы.—Сходство положенія англійскаго и русскаго кустаря.—Взгляды англичанъ на способы борьбы со зломъ домашней системы.—Бѣгство мужика изъ деревни въ городъ.—Чѣмъ оно вызывается, по отзывамъ мѣстныхъ наблюдателей.—Вліяніе отхода на экономическое положеніе населенія въ Костромской губ.—Отходъ и грамотность въ Костромской и Ярославской губерніяхъ.

Въ дореформенной Россіи фабрика не только не замѣщала кустарной избы, но, наоборотъ, очень энергично содѣйствовала росту кустарнаго производства. Мелкое производство даже вытѣсняло крупное; это, впрочемъ, отнюдь не означало торжества „народной“ промышленности надъ капиталистической, такъ какъ и та и другая имѣли капиталистическій характеръ: на фабрикѣ производствомъ управлялъ промышленный капиталъ, а въ кустарной промышленности—торговый капиталъ. И торговый капиталъ въ ту эпоху нашей исторіи оказывался сильнѣе промышленнаго, побѣждалъ его; капиталистъ находилъ для себя выгоднѣе руководить только сбытомъ продуктовъ, завѣдывать *рынкомъ*, оставляя самый процессъ производства въ избѣ производителя. Я указывалъ выше, что успѣхи кустарной промышленности всецѣло обусловливались техникой производства: въ то время машина почти не

проникала въ важнѣйшія отрасли народнаго труда. Отсюда естественно получается выводъ, что перемѣна условій техники, введеніе въ производство машины, должны были повлечь за собой и измѣненіе формы промышленности. Фабрика должна была получить перевѣсъ надъ кустарной избой. Этимъ въ общихъ чертахъ и характеризуется новѣйшая эволюція нашей кустарной промышленности. Въ настоящей главѣ я постараюсь очертить эту эволюцію, обрисовать борьбу фабрики и кустаря, какъ она наблюдается въ наше время.

Разложеніе старинной ручной фабрики наблюдалось особенно рельефно въ ткацкой промышленности. На ткацкихъ фабрикахъ XVIII вѣка,—полотняныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, работа производилась на ручныхъ станкахъ, при ничтожномъ употребленіи машинъ. Только суконное фабричное ткачество имѣло болѣе машинный характеръ. Поэтому и суконныя фабрики гораздо меньше, чѣмъ полотняныя, бумажныя и шелковыя, подверглись процессу разложенія или раздробленія на мелкія производственныя единицы. Миткалевое ткачество развилось во второй четверти этого вѣка съ поразительной быстротой во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ. Бумаготкацкія фабрики во многихъ случаяхъ превратились въ простыя фабричныя конторы,—заведенія исключительно посредническаго характера, совсѣмъ не занимавшіяся производствомъ, а только раздававшія основы и утокъ домашнимъ ткачамъ и принимавшія отъ нихъ готовый товаръ. Точно такъ же тканье шелковыхъ и полотняныхъ матерій на дому и въ свѣтелкахъ въ николаевскую эпоху было гораздо распространеннѣе фабричнаго ткачества. Суконная фабрика лучше удержала свои позиціи, благодаря техническимъ преимуществамъ фабричнаго производства суконъ, на которомъ уже въ то время находили себѣ значительное примѣненіе машины.

Новый фазисъ промышленной эволюціи обозначился ранѣе и сильнѣе всего именно въ бумаготкацкомъ производствѣ. Если не забылъ читатель, уже въ концѣ 50-хъ годовъ фабриканты, жалуясь на утаиваніе матеріала ручными ткачами, грозили имъ механическимъ станкомъ, который положитъ конецъ „злоупотребленіямъ“ непокорныхъ кустарей. Это время настало очень скоро. Механическій ткацкій станокъ появляется во Владимірской губерніи уже въ 40-хъ годахъ, но только въ 60-хъ и 70-хъ годахъ механическое ткачество бумажныхъ матерій начинаетъ принимать размѣры, серьезно угрожающіе кустарному ткачеству. Въ 1866 г. въ Россіи было только 42 механическихъ бумаготкацкихъ фабрики, въ 1876 г.—

уже 92. Общее представленіе о перемѣнахъ въ формахъ бумаготкацкой промышленности можно получить изъ нижеслѣдующихъ цифръ.

Число рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи [1]).

ГОДЫ.	Работающихъ въ фабричномъ зданіи.	На дому.
1866	94.566	66.178
1879	162.691	50.152
1894—95	242.051	20.475

Мы видимъ, что число регистрируемыхъ рабочихъ въ фабричномъ зданіи быстро растетъ, а число регистрируемыхъ рабочихъ на сторонѣ—столь же быстро падаетъ. Въ 1866 г. цифра регистрируемыхъ домашнихъ рабочихъ достигала 70% работающихъ въ фабричномъ зданіи, а въ 1894—95 гг. домашніе рабочіе составляли только 8% этихъ послѣднихъ. До 60-хъ годовъ домашняя система разлагала фабрику. Съ этого времени фабрика стала замѣщать домашнюю промышленность.

Всѣ мѣстные изслѣдователи уже съ конца 60-хъ годовъ отмѣчаютъ паденіе миткалеваго ткачества. Но вплоть до 80-хъ годовъ мелкое кустарное ткачество еще преобладало надъ фабричнымъ. Такъ по расчету московскихъ статистиковъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, въ Московской губерніи, изъ всѣхъ тканей, производимыхъ ручнымъ способомъ, 20% вырабатывалось на фабрикахъ, и 80%—въ свѣтелкахъ и избахъ крестьянъ. Но уже въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кустарное ткачество было совершенно убито машиннымъ. Такъ по словамъ г. Вернера, „въ Серпуховскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ почти во всякомъ крестьянскомъ домѣ работали миткаль—въ настоящее время тамъ нѣтъ ни одного миткалеваго стана“ [2]).

По словамъ другого изслѣдователя г. Погожева, „Въ 1880—1881 гг. въ Можайскомъ уѣздѣ... изъ прежнихъ 29 мастерковъ (въ

---

[1]) Вычислено для 1866 и 1879 гг. по даннымъ П. Масленикова. „Къ вопросу о развитіи фабричной промышленности Россіи“, а для 1894—95 г. —по „Перечню фабрикъ и заводовъ“. Спб. 1897 г. (Послѣдній подсчетъ сдѣланъ для меня А. М. Роговинымъ).

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. VII. Вып. III, стр. 9, 51.

1871 г.) осталось ровно втрое меньше. Необходимо притомъ замѣтить, что даже эти мастерки уцѣлѣли лишь благодаря тому, что многіе изъ нихъ, оставивъ убыточную выработку дешевыхъ бумажныхъ матерій... стали вырабатывать полушелковыя ленточки“ [1]).

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ 1871 г. было 158 ручныхъ ткацкихъ фабрикъ, на которыхъ работало почти 1.300 ч.; въ половинѣ 80-хъ годовъ число такихъ фабрикъ сократилось до 27. „Два мѣстныхъ ткацкихъ фабриканта въ прежнее время имѣли нѣсколько фабричекъ въ разныхъ селеніяхъ, а теперь и тотъ и другой предпочли выстроить по одной небольшой самоткацкой фабрикѣ... Изъ прежнихъ 158 бумаготкацкихъ фабрикъ... не менѣе 30 фабричекъ завѣдомо для сосѣдей прекратились болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Другія же фабрички частью превратились въ обыкновенныя ткацкія конторы, раздающія крестьянамъ работу на дома; частью, какъ предполагаютъ мѣстные жители, работаютъ... въ значительно меньшихъ размѣрахъ“ [2]).

Точно такъ же въ Можайскомъ уѣздѣ большинство прежнихъ мастеровъ, закрывъ свои фабрички, частью стало работать въ качествѣ простыхъ ткачей въ свѣтелкахъ у другихъ болѣе счастливыхъ мастеровъ, частью брать основы на домъ и работать у себя въ избѣ, или же раздавать бумажныя основы своимъ односельчанамъ по домамъ [3]).

Относительно Волоколамскаго уѣзда г. Погожевъ замѣчаетъ: „По словамъ многихъ весьма крупныхъ мастерковъ, мелкой промышленности изъ года въ годъ становится все труднѣе бороться съ механическими фабриками, работающими и дешевле и быстрѣе ручныхъ ткачей“ [4]).

Если мы будемъ просматривать московскій Статистическій Ежегодникъ, то мы натолкнемся на многочисленные факты упадка кустарнаго ткачества въ 80-ые и 90-е годы. Такъ въ Ежегодникѣ за 1887 г. читаемъ: „Кустарный промыселъ, въ недавнее еще время сильно развитый въ разнообразныхъ видахъ въ уѣздѣ, на-

---

[1]) Сборн. стат. свѣд по Моск. губ. Отдѣл. санит. стат. Т. III. Вып. VI. Можайскій уѣздъ. Стр. 8.

[2]) Сборникъ стат. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. ст. Т. III. Вып. VII. Дмитровскій уѣздъ. Стр. 5.

[3]) Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. III. Вып. VI. Можайскій уѣздъ. Стр. 8.

[4]) Сб. стат. свѣд. по Моск. губ. Санит. отд. Т. III. Вып. VI. Волоколамскій уѣздъ. Стр. 72.

ходится на степени полнаго паденія, особенно рѣзко выдающагося въ ручномъ ткачествѣ. Въ рѣдкой мастерской не найти нѣсколькихъ становъ, не только не заправленныхъ, но сложенныхъ, какъ никуда негодная рухлядь. Число мастерскихъ годъ отъ году уменьшается. Цѣна на кустарныя издѣлія сбита до-нельзя. Такъ-называемые мастерки, работающіе на хозяевъ, когда работаютъ, когда нѣтъ. Статистика убавившихся въ сравнительно небольшой періодъ времени рабочихъ рукъ, кормившихся прежде кустарнымъ промысломъ, могла бы наглядно показать, какъ сильно и, кажется, безповоротно палъ этотъ важный въ крестьянскомъ быту промыселъ... Ручное ткачество въ Озерецкой волости съ 2.000 становъ упало до 1.100 становъ. И это сокращеніе занятыхъ рукъ, безъ преувеличенія, простирается на всѣ роды кустарнаго промысла, сопутствуемое пониженіемъ заработной платы, достигающей крайняго минимума, дальше котораго идти некуда“ [1]).

Относительно Бронницкаго уѣзда въ Ежегодникѣ за 1890 г. находимъ слѣдующее сообщеніе одного корреспондента-крестьянина, хорошо знающаго, по словамъ редакціи Ежегодника, мѣстныя условія: „Въ нашей мѣстности имѣются болѣе или менѣе крупные кустари (ткачество бумажныхъ матерій), и всѣ они въ настоящее время остались какъ ракъ на мели, товаръ ихъ вовсе съ рукъ нейдетъ... Столбовымъ фабрикантамъ товара ихъ и даромъ не надо. Вслѣдствіе сего невольно пришлось имъ на время прикончить свой кустарный промыселъ, да и ткачамъ не охота на нихъ почти даромъ работать“ [2]).

Характерно, что, какъ отмѣчаютъ составители Ежегодника, въ крупномъ фабричномъ ткачествѣ за зиму 1889—1890 г. дѣла шли прекрасно: паденіе мелкихъ кустарныхъ фабричекъ и свѣтелокъ вызывалось, слѣдовательно, исключительно неспособностью кустарнаго ткачества конкурировать съ фабричнымъ, а отнюдь не застоемъ ткацкой промышленности вообще.

По словамъ г. Вернера, подробно изслѣдовавшаго въ 1890 г. промыслы Богородскаго уѣзда, кустарное ткачество во многихъ мѣстахъ еще держится, но „что конкуренція (кустарнаго ткачества съ фабричнымъ) закончится полнымъ торжествомъ фабричнаго ткачества, едва ли въ настоящее время можно сомнѣваться.

---

[1]) Статистическій Ежегодникъ московскаго губернскаго земства, 1887. Промыслы, стр. 26.

[2]) Ст. Ежег. 1890 г. Промыслы, стр. 6.

Бесѣдуя съ фабрикантиками, провѣряя ихъ расчеты... мы убѣждаемся, что хозяйчики и мелкіе фабриканты не имѣютъ отъ производства никакой предпринимательской прибыли и довольствуются въ большинствѣ случаевъ только тѣмъ, что члены ихъ семейства имѣютъ постоянную работу на фабрикѣ“ [1]).

Голодные годы 1891 и 1892, когда все хозяйство страны испытало тяжелое потрясеніе, отразившееся и на обрабатывающей промышленности сокращеніемъ спроса на мануфактурныя издѣлія, особенно крестьянскаго потребленія, всею своей тяжестью обрушились на мелкихъ хозяйчиковъ-кустарей. Въ Ежегодникѣ за 1893 г. читаемъ: „Въ бумаготкацкомъ производствѣ уже давно ведется борьба между крупными и мелкими предпринимателями, разумѣется, къ невыгодѣ мелкихъ; такіе критическіе моменты, какъ только что пережитые 1891 и 1892 годы, бываютъ рѣшительными для многихъ мелкихъ предпринимателей; этимъ и объясняются, повидимому, разнорѣчивыя сообщенія нашихъ корреспондентовъ, говорящихъ, что одни фабриканты совсѣмъ прикрыли свои фабрики, у другихъ дѣла шли плохо, у третьихъ (болѣе состоятельныхъ) удовлетворительно“ (Ежегодникъ, Промыслы, стр. 6) [2]).

Итакъ въ Московской губерніи исходъ борьбы крупнаго машиннаго ткачества съ мелкимъ кустарнымъ уже опредѣлился съ полной ясностью: торговая капиталистическая организація мелкаго ткачества, въ Николаевскую эпоху побѣдоносно вытѣснившая во многихъ пунктахъ фабрику, теперь оказывается несостоятельной и уступаетъ мѣсто фабрикѣ, вооруженной механическимъ ткацкимъ станомъ. Это вполнѣ понятно. Какимъ образомъ можетъ

---

[1]) Стат. Ежег. 1890 г. Промыслы Богородскаго у. Стр. 39.

[2]) Въ Стат. Ежегодникѣ за 1895 отмѣчается то же явленіе — идущее все впередъ поглощеніе бумажнаго кустарнаго ткачества фабричнымъ машиннымъ. Такъ изъ Бронницкаго уѣзда сообщаютъ, что „работа нанки и сарпинки замѣтно уменьшается, такъ какъ заработная плата уменьшилась“. Изъ Верейскаго уѣзда: „плата мастерамъ, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, понижена, хотя товаръ шелъ довольно ходко, не хуже прошлаго года“. Изъ Дмитровскаго у.: „бумажный товаръ былъ въ ходу... хозяева получили барыша больше, да съ рабочими-то подѣлиться не желали, ибо ихъ стало очень много; а притомъ машины. Сколько онѣ замѣняютъ рабочихъ рукъ — опредѣлить трудно“. Все это даетъ основаніе составителю статьи сдѣлать заключеніе: „общая болѣзненная напряженность промысла въ его борьбѣ съ механическимъ станкомъ продолжается“ Ст. Ежег. 1895 г. Промыслы, стр. 11—13.

конкурировать съ машиннымъ ткачемъ кустарь, когда ткачество гладкихъ бумажныхъ матерій на паровомъ станкѣ въ 20 слишкомъ разъ производительнѣе ручного? [1]).

Такимъ образомъ промышленное объединеніе рабочихъ на фабрикѣ замѣняетъ собой торговое ихъ объединеніе. Капитализмъ вступаетъ въ свою высшую фазу. То же самое замѣчается и въ другихъ центрахъ бумаготкацкаго производства. Во Владимірской губерніи въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ побѣда бумаготкацкой фабрики надъ кустаремъ была, повидимому, еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ Московской губ. Такъ относительно миткалеваго ткачества въ Александровскомъ у., г. Харизоменовъ сообщаетъ, „по отзывамъ ткачей, это производство въ послѣднее время быстро клонится къ упадку". Раздача пряжи по домамъ прекращается по невыгодности ручного ткачества, и свѣтелки закрываются, „тканье миткаля бросаютъ, находя невыгоднымъ конкурировать съ самоткацкой фабрикой... За миткалемъ теперь сидятъ только женщины" [2]). Въ прежнее время миткалевое производство существовало въ 40 селеніяхъ Александровскаго у.; въ началѣ 80-хъ годовъ только въ 15. Въ Покровскомъ уѣздѣ замѣщеніе кустарнаго миткалеваго ткачества фабрикой совсѣмъ закончилось—въ этомъ уѣздѣ, по словамъ Пругавина, производство миткаля на ручныхъ станкахъ совершенно исчезло [3]).

Точно также, по словамъ Я. Гарелина, и въ Шуйскомъ у. „ручная выдѣлка миткаля почти прекратилась вслѣдствіе того, что: 1) развелось большое число механическихъ ткацкихъ фабрикъ, и 2) плата за ручную выдѣлку миткаля упала до такой степени, что работать совершенно было невозможно" [4]).

Во всей Владимірской губерніи въ 1882 году механическихъ становъ бумажныхъ матерій было 17.871, а въ 1890 году, по расчету г. Свирскаго, 26.690; такимъ образомъ за 8 лѣтъ число механическихъ становъ *увеличилось* почти *на 50%* [5]). Ручныя ткацкія фабрики и фабричныя конторы не исчезли, но число ихъ быстро сокращается. Такъ со времени 1882 г. число становъ на ручныхъ фабрикахъ *уменьшилось* къ 1890 г., по расчету того же автора,

---

[1]) Ст. Ежегодн. по Моск. губ. 1895. Промыслы, стр. 9.

[2]) Промыслы Влад. губ. Вып. V, 1884 г., стр. 219.

[3]) Промыслы Влад. губ. Вып. IV, 1882 г., стр. 70.

[4]) Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Часть 2-я, стр. 60.

[5]) В. Ф. Свирскій. Фабрики и заводы Владимірской губерніи. Изданіе Владимірской губернской земской управы. Владиміръ. 1890 г., стр. 19.

на 64%. Преимущества механическаго ткачества такъ велики, что, по словамъ г. Свирскаго, „становится непонятнымъ, какъ на ряду съ столь могущественнымъ соперникомъ до сихъ поръ можетъ существовать этотъ падающій промыселъ (ручное ткачество). Обстоятельство это,—продолжаетъ г. Свирскій,—объясняется отчасти тѣмъ, что существуютъ нѣкоторые сорта тканей, производство которыхъ на механическихъ станахъ или затруднительно, или маловыгодно. Кромѣ того одна изъ главныхъ причинъ, поддерживающихъ ручное производство, — это чрезвычайно малый заработокъ, которымъ довольствуются ткачи-кустари“ [1]).

Въ третьемъ центрѣ бумаготкацкаго производства — Костромской губерніи, наблюдается буквально то же самое. Уже съ начала 60-хъ годовъ ручное ткачество въ Костромской губерніи стало падать. „Послѣ 1860 г., особенно же въ послѣдніе годы“,— читаемъ въ мѣстномъ статистическомъ изданіи,—„ручная выдѣлка бумажныхъ издѣлій очевиднымъ образомъ стала клониться къ упадку, вслѣдствіе введенія на большей части здѣшнихъ фабрикъ механическаго ткачества“ [2]).

Такъ въ Одолевской и Новинской волостяхъ (Нерехотскаго у.) „ткачествомъ занимались прежде на домахъ; но, съ появленіемъ и развитіемъ фабричнаго производства, большинство стало уходить на фабрики“. Въ селѣ Кощеевѣ (того же уѣзда) „изстари было развито ручное ткачество миткалей. Но такъ какъ это занятіе за послѣднее время значительно упало съ усиленіемъ механическаго производства фабрикъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, то почти всѣ свободные люди въ крестьянскихъ семействахъ устремились на эти фабрики“ [3]).

Въ Ширяихской, Горковской и Горкинской волостяхъ преобладающимъ промысломъ было раньше ручное ткачество миткалей, но „въ 20 послѣднихъ лѣтъ ручное ткачество значительно сократилось здѣсь вслѣдствіе развитія механическаго производства сосѣднихъ фабрикъ“ [4]).

---

[1]) Свирскій, 27.

[2]) Матеріалы для статистики Костромской губ. III, стр. 70.

[3]) Матеріалы для статистики Костромской губерніи. Изданіе Костромского губернскаго статистическаго комитета. Вып. IV, 1881 г. стр. 49, 14.

[4]) Тамъ же, стр. 43. О томъ же самомъ сообщается и въ „Трудахъ куст. ком.“. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Нерехотскаго уѣзда, Костр. губ. Ширяихская волость: „Ручное ткачеество, съ развитіемъ по сосѣдству ткацкихъ фабрикъ, замѣтно упадаетъ“. Горковская волость:

Очень промышленную часть Костромской губерніи составляетъ такъ-называемый Вичугскій районъ—юго-западная часть Кинешемскаго у. Въ этомъ районѣ также было констатировано въ началѣ 80-хъ годовъ сильное уменьшеніе раздачи основъ крестьянамъ по домамъ [1]). Домашнее ткачество въ этомъ районѣ „замѣтно падаетъ въ послѣднее время. Нѣкоторыя только спеціальности остаются въ рукахъ кустарей, именно болѣе толстыя и разнообразныя по цвѣту матеріи; всѣ же болѣе тонкія и одноцвѣтныя матеріи становятся достояніемъ механическаго производства“... [2]). Въ Яковлево-Середскомъ районѣ (Нерехотскомъ у.) ручное миткалевое ткачество совсѣмъ упало, и промыселъ этотъ „по словамъ мѣстныхъ производителей, держится послѣ дни годы“ [3]).

Въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губ., бумажное ткачество еще не такъ давно было самымъ распространеннымъ промысломъ. Но уже въ концѣ 70-хъ годовъ сообщали изъ этого уѣзда: „промыселъ этотъ въ здѣшней мѣстности падаетъ и падаетъ съ замѣтной быстротой: число станковъ, работавшихъ даже въ прошломъ (1878 г.) было на 1/3 болѣе настоящаго“ [4]).

Точно такъ же паденіе кустарнаго миткалеваго промысла отмѣчалось и въ Тверской губерніи [5]); въ Рязанской губ.,—читаемъ въ мѣстномъ статистическомъ сборникѣ,—„открылись большія фабрики и кустарному производству издѣлій былъ нанесенъ смер-

---

„Вслѣдствіе увеличенія числа ткацкихъ фабрикъ, ручное ткачество падаетъ“. Игнатовская волость: „ткачество на фабрикантовъ падаетъ, вслѣдствіе увеличенія числа фабрикъ и уменьшенія заработной платы“. Кузнецовская волость: „по случаю развитія фабрикъ ткачество все уменьшается, ибо не можетъ конкурировать съ машинной работой“. Ногинская волость: „промыселъ этотъ (ткацкій) съ развитіемъ ткацкихъ фабрикъ замѣтно приходитъ въ упадокъ“ (Вып. XIII, стр. 326, 330, 334, 340, 344).

[1]) Матер. для стат. Костр., губ. Вып. 6, стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 12, 87.

[3]) Труды куст. ком. II, 1879 г. Калужская губ., стр. 18.

[4]) „Ткацкій промыселъ вообще падаетъ. Въ прежнее же время онъ былъ значительно развитъ. Такъ въ деревнѣ Непейно до введенія машинъ было до 1.000 становъ“ (Сборникъ ст. свѣд. по Тверской губерніи, Калязинскій уѣздъ, 1890 года, стр. 156). Въ селѣ Семеновскомъ и его окрестностяхъ въ 1851 г. было 450 бумажныхъ ткачей, въ 1863—360, а въ концѣ 70-хъ годовъ только 240 (Историко-статистическое описаніе Тверск. губ. В. Покровскаго. Тверь, 1879 г. III, стр. 84).

[5]) Сб. ст. свѣд. по Рязанской губ., т. XI (1892 г.). Стр. 263.

тельный ударъ; кустари должны были покинуть свои свѣтелки и поступить рабочими на фабрики. Только въ Егорьевскомъ у. и отчасти въ Касимовскомъ ткачеству удалось сохранить домашній видъ производства". Относительно Самарской губерніи мы имѣемъ указаніе на паденіе процвѣтавшаго раньше женскаго кумачеваго промысла; паденіе это было вызвано главнымъ образомъ „невыгодностью производства ручныхъ кушаковъ въ виду конкуренціи съ ними тонкихъ фабричныхъ" [1]).

Относительно сарпиночнаго производства Саратовской губ. г. Харизоменовъ сообщаетъ слѣдующее: „Не можетъ подлежать сомнѣнію, что сарпиночное производство въ формѣ домашней системы крупнаго производства продержится не долго, уступивъ свое мѣсто фабрикѣ съ паровымъ двигателемъ и механическими ткацкими станками. Ткачи одноцвѣтныхъ матерій будутъ сосредоточены на фабрикѣ, а кустарное производство останется только для ткачей разноцвѣтныхъ матерій, заказчикомъ которыхъ будетъ та же фабрика... Необходимость перехода къ фабричной формѣ обусловливается и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что въ послѣднее время... кустари находя ничтожнымъ 20—30-копѣечный дневной заработокъ ткача, бросаютъ станки" [2]). Факты промышленной эволюціи Саратовской губерніи даютъ основаніе г. Харизоменову замѣтить, что „домашняя система крупнаго производства есть переходная ступень къ строго фабричному производству въ одномъ зданіи, снабженномъ усовершенствованными техническими орудіями".

Итакъ, относительно направленія новѣйшей эволюціи бумажнаго кустарнаго ткачества не можетъ быть сомнѣнія: всѣ наблюдатели свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ, что въ настоящее время быстро происходитъ превращеніе домашней промышленности въ фабричную. При этомъ кустарное ткачество гладкихъ и одноцвѣтныхъ бумажныхъ матерій мѣстами почти вымерло, мѣстами вымираетъ; въ особенности это слѣдуетъ сказать о миткалевомъ ткачествѣ, которое во многихъ мѣстахъ перешло уже на фабрику, въ другихъ же доживаетъ свои послѣдніе дни. Недалеко то время, когда ручной миткалевый ткачъ будетъ у насъ такой же рѣдкостью, какъ и въ Западной Европѣ. Кустарное ткачество

[1]) Сб. ст. свѣд. по Самарск. губ. Николаевскій у., V'I (1889 года). Стр. 125.

[2]) С. Харизоменовъ. Обозрѣніе земской сельско-хозяйственной и кустарнопромышленной выставки 1889 г. въ Саратовѣ. Стр. 110, 114.

узорчатыхъ и разноцвѣтныхъ матерій еще упорно борется съ фабрикой, черпая силы въ ничтожной оплатѣ труда кустаря. Дальнѣйшій прогрессъ техники долженъ привести большинство и этого рода ткачей на фабрику.

Перейдемъ къ другимъ отраслямъ текстильной промышленности. Я говорилъ, что суконная фабрика, вслѣдствіе большей сложности производства суконъ, гораздо менѣе бумаготкацкой подверглась вышеописанному процессу разложенія. Шерстяное ткачество поэтому является, сравнительно, мало распространеннымъ кустарнымъ промысломъ. Въ суконномъ ткачествѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, нашли себѣ примѣненіе машины, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы, относящейся къ московскимъ фабрикамъ конца 70-хъ годовъ.

	Процентъ механическихъ фабрикъ въ общемъ числѣ фабрикъ.
Суконное производство . . .	75,7 %
Шерстяное и полушерстяное .	33,3 „
Бумаготкацкое	16,4 „
Шелковое	1,5 „

„Это обстоятельство,—по словамъ земскаго сборника,—не могло не оказать вліянія на ткацкій промыселъ: во всей губерніи мы не встрѣчаемъ нигдѣ выработку тонкихъ суконъ на домахъ или въ свѣтелкахъ; такая же участь скоро постигнетъ кустарную выработку гладкихъ шерстяныхъ тканей“ [1]).

Во Владимірской губерніи, въ Александровскомъ уѣздѣ, имѣется обширный районъ кустарнаго производства суконъ, такъ-называемыхъ „опаринскихъ“. Исторія этого промысла рельефно очерчена г. Харизоменовымъ. Она сводится къ слѣдующему: фабрика шагъ за шагомъ оттѣсняла кустаря отъ высшихъ сортовъ товара къ низшимъ, благодаря постоянному удешевленію продукта (вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій фабричнаго производства) и вздорожанію сырья—съ другой. Нѣмецкія сукна, которыя раньше вырабатывались кустарями, теперь производятся только на фабрикахъ. Но, съ другой стороны, та же фабрика вызываетъ образованіе и новыхъ промысловъ: такъ, убивши тка-

[1]) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VII, вып. III, стр. 8—9.

чество нѣмецкихъ суконъ, она развила въ той же мѣстности пряденье суконной „кромки"—грубой пряжи для покромокъ тонкихъ суконъ. Впрочемъ, и этому новому промыслу грозитъ паденіе: машина быстро вытѣсняетъ въ этой области ручной трудъ, и въ близкомъ будущемъ кустарямъ придется, по мнѣнію г. Харизоменова, или бросить свои избы и пойти на фабрику, или же заняться другими промыслами, которымъ еще не въ такой степени грозитъ конкуренція машины [1]).

Въ Костромской губерніи однимъ изъ самыхъ старинныхъ промысловъ Кинешемскаго уѣзда была выдѣлка такъ-называемыхъ „решемскихъ" суконъ, расходившихся исключительно среди крестьянскаго населенія. Этотъ промыселъ возникъ внѣ всякаго вліянія фабрики и долгое время „процвѣталъ". Но уже въ половинѣ 70-хъ годовъ мы узнаемъ о его упадкѣ, вызванномъ главнымъ образомъ „увеличившимся производствомъ и дешевизной тонкихъ фабричныхъ суконъ" [2]), а также вздорожаніемъ шерсти и конкуренціей другихъ шерстяныхъ издѣлій.

Валянье сапоговъ изъ шерсти принадлежитъ къ числу распространенныхъ крестьянскихъ промысловъ. Въ Ярославской губерніи и въ этой области кустарь страдаетъ отъ конкуренціи машины. Такъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ сапоговаляльный промыселъ за послѣднее время „уменьшается потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заведены машины для битья шерсти... крупные производители при селѣ Макаровѣ устроили паровыя заведенія" [3]).

Въ крестьянскомъ потребленіи до сихъ поръ преобладаютъ самодѣльныя сукна, приготовляемыя для нуждъ семьи изъ собственной шерсти. Какъ извѣстно, обработка шерсти обыкновенно производится въ этомъ случаѣ особыми странствующими или осѣдлыми ремесленниками—шерстобитами. Интересно, что и въ этомъ промыслѣ чувствуется вліяніе машинъ. Такъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ теченіе 80-хъ годовъ стали возникать въ деревняхъ особыя шерстобитныя заведенія съ машинами, „которыя значительно уменьшили какъ число кочующихъ шерстобитовъ-семеновцевъ, такъ и заработки ихъ" [4]). То же самое отмѣчается въ кустарной обработкѣ шерсти и въ Вятской губерніи.

„Появленіе машинъ и крупныхъ заведеній уже наступаетъ.

---

[1]) Промыслы Влад. губ., II, стр. 70, 146.
[2]) Матеріалы для стат. Костр. губ., III, стр. 81.
[3]) Обзоръ Яросл. губ., 1896 г., II, стр. 6.
[4]) Нижегородскій Сборникъ, VII, 1887, стр. 234.

Такъ недавно по деревнямъ Верхосунской волости... одинъ предприниматель возилъ машину и билъ шерсть для желающихъ; затѣмъ въ с. Архангельскомъ, Нолинскаго уѣзда богатый крестьянинъ Тураевъ устроилъ крупное сапоговаляльное заведеніе, въ которомъ круглый годъ работаетъ до 70 наемныхъ рабочихъ" [1]).

Точно такъ же въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи земскіе изслѣдователи отмѣчаютъ, что „шерстобитный промыселъ значительно сократился по причинѣ введенія въ употребленіе шерстобитныхъ машинъ конныхъ и водяныхъ" [2]).

Въ Полтавской губерніи „распространеніе крупныхъ сукноваленъ значительно подрываетъ мелкую промышленность и понижаетъ заработки представителей личнаго труда" [3]).

Шелкоткацкое производство имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ суконное. Мы видѣли, что процентъ фабрикъ съ механическими станками въ шелкоткацкомъ производствѣ Московской губерніи конца 70-хъ годовъ былъ ничтоженъ. Въ этой отрасли промышленности ручной трудъ гораздо легче можетъ конкурировать съ машиннымъ. Неудивительно поэтому что еще въ 70-хъ годахъ въ шелковомъ ткачествѣ кустарное производство (преимущественно въ свѣтелкахъ) царило неограниченно. „Только шелковое производство,—читаемъ въ земскомъ сборникѣ Московской губ.,—по своимъ техническимъ условіямъ, гарантируетъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ изготовленіе тканей ручнымъ способомъ" [4])... Но жизнь не оправдала этихъ надеждъ.

Уже въ 1885 году г. Дементьевъ сообщаетъ о паденіи шелковаго кустарнаго ткачества въ коломенскомъ уѣздѣ.

„Не беремся утверждать, что кустарное шелкоткачество исчезло въ уѣздѣ вполнѣ, но замѣтимъ однако, что вездѣ при многократныхъ разспросахъ мы всегда получали отвѣтъ, что „это дѣло прикончилось", фабриканты уже не раздаютъ болѣе основъ... Мелкое ткачество падаетъ... Въ теченіе 3—4 послѣднихъ лѣтъ закрылось 14 свѣтелокъ съ 194 ткацкими станками... Намъ не разъ приходилось слышать въ селахъ отъ стариковъ о множествѣ брошен-

---

[1]) Матеріалы по описанію промысловъ въ Вятск. губ. I, 1889. Кустарная переработка шерсти, стр. 87.

[2]) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Спасскій. 1892 г., стр. 110.

[3]) Кустарные промыслы Полтавской губ. Полтава, 1885. Выпускъ II. Сукновальство, стр. 22.

[4]) Сб. ст. свѣд. т. VII, вып. III, стр. 9.

ныхъ шелкоткацкихъ станковъ; такъ, напр., въ селѣ Протопоповѣ было нѣсколько шелкоткацкихъ фабричекъ и почти въ каждомъ домѣ былъ ткацкій станъ; число послѣднихъ въ селѣ превосходило 100, а теперь здѣсь давно уже нѣтъ ни одного“ [1]).

Относительно Серпуховскаго уѣзда г. Дементьевъ отмѣчаетъ въ 1888 г., что изъ 36 свѣтелокъ съ 501 станомъ, зарегистрированныхъ въ 1878—79 гг., въ 1887 г. осталось только 14 свѣтелокъ съ 261 станомъ. „Едва-ли не въ той же мѣрѣ“,—заключаетъ онъ,—„т. е. на половину, пало и кустарное ткачество (разныхъ, преимущественно бумажныхъ матерій) въ собственномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ, объѣзжая уѣздъ, мы на каждомъ шагу находимъ мелкія конторы для раздачи основъ кустарямъ, уже по нѣскольку лѣтъ прекратившими свои операціи... паденіе, повидимому, относится главнымъ образомъ къ ткачеству полубархата“ [2]).

Въ Статистическомъ Ежегодникѣ за 1887 г. сообщается, что ткацкій промыселъ во всѣхъ его видахъ быстро падаетъ. Въ Подчерковской волости, занимающейся преимущественно издѣліями бахромы галуновъ и позументовъ, за 4 года—1882—1886 г., производство сократилось на 794 стана. Ручное ткачество въ Озерецкой волости упало съ 2.000 становъ до 1.100 становъ (Ежег. Промыслы, стр. 26).

Въ Статистическомъ Ежегодникѣ за 1892 г. читаемъ слѣдующее сообщеніе изъ Гребневской волости Богородскаго уѣзда. „Товары, которые вырабатывались кустарями и давали заработокъ односельцамъ, какъ-то: атласъ, люстринъ, фуляръ, тафта и пр., теперь стали работать нѣмцы на самоткацкихъ станкахъ, при чемъ работаютъ преимущественно женщины“ (Ежег. Промыслы, стр. 6). По этому поводу составители Ежегодника замѣчаютъ, что кустарная промышленность „падаетъ въ конкуренціи съ капиталистическимъ производствомъ“. Московскіе статистики забываютъ, что домашняя система крупной промышленности, господствующая въ кустарныхъ промыслахъ, есть такая же капиталистическая форма промышленности, какъ и вытѣсняющая ее фабрика, но только безъ техническихъ преимуществъ послѣдней.

Въ 1892—93 годахъ сокращеніе мелкаго шелковаго ткачества

---

[1]) Сборникъ ст. свѣд. по Моск. губ. Отдѣлъ санитарной стат., т. III. Вып. XIII, Коломенской уѣздъ, стр. 4—6.

[2]) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. ст., т. III, вып. XV. Серпух. уѣздъ, стр. 6.

продолжалось, отчасти благодаря вздорожанію сырого матеріала—шелка. „Къ веснѣ шелкъ сильно вздорожалъ, поэтому мелкіе мастерки прикончили работы у себя на дому, у крупныхъ же фабрикантовъ дѣла шли хорошо“ [1]) Корреспонденты Ежегодника указываютъ, что отъ вздорожанія шелка пострадали именно мелкіе фабриканты, а крупные, имѣвшіе большіе запасы шелка, даже на этомъ нажились.

Ежегодникъ за 1895 г. отмѣчаетъ, что „съ введеніемъ механическихъ самоткацкихъ станковъ и для шелковыхъ матерій, ручное шелковое ткачество начинаетъ падать, но есть очень много такихъ шелковыхъ матерій, которыя на механическомъ станкѣ работаться не могутъ“ (стр. 11).

Да, пока такія матеріи есть, но съ каждымъ шагомъ техники фабрика идетъ впередъ и захватываетъ все новыя области кустарной промышленности. И не нужно быть пророкомъ, чтобы съ увѣренностью предсказать въ не очень отдаленномъ будущемъ паденіе важнѣйшихъ отраслей шелковаго кустарнаго ткачества. Къ этому выводу приходитъ такой компетентный изслѣдователь кустарной промышленности, какъ г. Харизоменовъ: „Окончательная побѣда крупной промышленности надъ мелкой“,—пишетъ онъ по поводу шелко-ткацкой промышленности Александровскаго уѣзда,—„объединенье работниковъ, разсыпанныхъ по многочисленнымъ свѣтелкамъ, въ стѣнахъ одной шелковой фабрики составляетъ лишь вопросъ времени, и чѣмъ скорѣе наступитъ эта побѣда, тѣмъ лучше для ткачей“ [2]).

Въ канительномъ промыслѣ точно такъ же машина бьетъ кустарей. Такъ по сообщеніямъ начала 90-хъ годовъ, въ Рождественской волости Бронницкаго уѣзда „ручной трудъ въ канительномъ производствѣ замѣненъ машиннымъ; содержатели всѣ поставили волочильныя паровыя машины... Замѣна ручного труда машиннымъ, врядъ-ли ограничится одной Рождественской волостью“ [3]).

Льняное и пеньковое производства въ значительно меньшей степени приняли фабричный характеръ, такъ какъ сырой матеріалъ въ этомъ случаѣ добывается въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина, почему обработка льна и пеньки было исконнымъ

[1]) Ежегодникъ за 1893 г. Промыслы, стр. 1.

[2]) Промыслы Влад. губ. III, стр. 125.

[3]) Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1895 г. Промыслы, стр. 3.

домашнимъ производствомъ нашего мужика, занимавшимъ въ свободное зимнее время рабочія силы его семьи. И теперь домашнее ткачество для нуждъ семьи, безъ сомнѣнія, далеко превосходитъ по своимъ размѣрамъ промышленное ткачество. Но для насъ имѣетъ важность только кустарное ткачество, работа для сбыта, такъ какъ лишь съ послѣдней непосредственно конкурируетъ фабрика. Что касается до кустарной обработки льна и пеньки, то разнообразные промыслы, относящіеся сюда, въ очень различной степени пострадали отъ конкуренціи фабрики. Полотняное ткачество (особенно выдѣлка среднихъ сортовъ полотна) быстро теряетъ кустарный характеръ и переходитъ на фабрику. Уже въ 60-хъ годахъ въ Костромской губерніи почти исчезло кустарное пряденье льна; полотно ткалось кустарями почти исключительно изъ фабричной пряжи по заказамъ фабрикантовъ. Въ 70-хъ годахъ и кустарное полотняное ткачество начало клониться къ упадку, благодаря развитію механическаго ткачества на фабрикахъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., Шунгенской волости) кустарное ткачество полотенъ держится довольно прочно, благодаря особому искусству кустарей [1]). Но и въ этой мѣстности кустари страдаютъ отъ конкуренія фабрикъ и пониженія цѣны полотна.

Совершенно такими же чертами характеризуется кустарное полотняное ткачество Костромской губерніи и въ „Трудахъ кустарной комиссіи“. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ (Николаевской волости) „промыселъ (льноткацкій) положительно падаетъ; причинъ тому много: недостатокъ матеріала, его дороговизна, соперничество фабрикъ, низкія цѣны производства, кулачество скупщиковъ и т. д.“ [2]). Въ Шунгенской волости „въ прежнее время... крестьяне устраивали сообща свѣтелки... Съ теченіемъ времени свѣтелки стали разрушаться—новыхъ совсѣмъ не строятъ, да и старыя плохо ремонтируютъ. За послѣднія десять лѣтъ разрушено до 20 свѣтелокъ... крестьяне стали находить несравненно выгоднѣе ткать въ своихъ домахъ... Ткачеству конкурируютъ устроенные при фабрикахъ паровые самоткацкіе станки. Очевидно, что ручная работа, хотя бы и на самолетахъ, съ машиной конкурировать не можетъ и, какъ только не будетъ спроса на нее, должна пасть, какъ пало ткачество въ сосѣднихъ волостяхъ: Апраксинской, Кариковской, Корниловской и др. Ткачество будетъ существовать

[1]) Матеріалы для ст. Костр. губ. III, 76, Статистическій Временникъ, III, стр. 128.

[2]) Труды куст. ком. XV, 175.

только до той поры, пока хозяева не найдутъ возможнымъ замѣнить его паровой силой“ [1]).

Въ центрѣ полотнянаго производства Ярославской губ., селѣ Великомъ, кустарному ткачеству былъ нанесенъ сильный ударъ устройствомъ въ 1872 г. въ этомъ селѣ фабрики Локалова съ механическими станами. Мелкіе кустари прекратили работу. Несмотря на временное оживленіе кустарнаго ткачества въ концѣ 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ общаго промышленнаго подъема и усиленія спроса на полотно, промыселъ, по словамъ г. Исаева, клонится къ упадку. По справедливому замѣчанію г. Исаева, вѣрнымъ признакомъ упадка является значительное пониженіе заработка ткачей.

Теперь въ ткацкомъ промыслѣ Ярославской губерніи мы видимъ, съ одной стороны, кустаря, работающаго на контору; съ другой—крупныя фабрики съ новѣйшими машинами и приспособленіями. „Обѣ эти формы, въ которыхъ воплощается ткацкая промышленность Ярославскаго уѣзда“,—говоритъ г. Исаевъ,—„далеко не одинаково жизненны. Первая форма отживаетъ свой вѣкъ, и это отживаніе чувствуетъ не только кустарь, зарабатывающій меньше, чѣмъ ткачи предшествующаго поколѣнія, но и владѣлецъ конторы. Онъ чувствуетъ всю тяжесть соперничества фабрики. Онъ знаетъ, что борьба эта неравна, что въ недалекомъ будущемъ фабрика станетъ въ этой отрасли единственной формой производства“. Контористы сами признаютъ необходимость устройства самоткацкихъ фабрикъ. „Нѣсколько такихъ измѣненій—и въ изслѣдуемой области не останется ни одного ткача-кустаря. Производство полотна въ Ярославскомъ уѣздѣ постигнетъ такая же участь, какая постигла хлопчатобумажную промышленность во Владимірской губерніи“ [2]).

Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. „громадное въ прежнее время производство льняной пряжи и тканей... годъ отъ году все болѣе и болѣе упадаетъ и въ послѣднее время... количество издѣлій по этому производству для продажи сократилось на половину противъ количества, поступавшаго въ продажу лѣтъ 20-ть тому назадъ“ [3]). Причина этого сокращенія заключается въ распространеніи фабричнаго полотна, вытѣсняющаго кустарное.

---

[1]) Труды куст. ком. IX. 2083, 2041.

[2]) Труды куст. ком. VI, стр. 692, 693.

[3]) А. Титовъ. Статистико-экономическое описаніе Ростовскаго уѣзда (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова. Часть II, приложеніе, стр. 95).

Многочисленныя данныя относительно упадка кустарнаго полотнянаго ткачества въ Ярославской губерніи за послѣднее время мы находимъ въ интересной работѣ г. Кириллова „Отхожіе промыслы крестьянъ Яросл. губ.“ (Изданіе Ярославскаго статистическаго комитета). Изъ всѣхъ волостей, гдѣ развито полотняное ткачество, корреспонденты сообщаютъ объ его упадкѣ. Такъ въ Красносельской волости ткацкій промыселъ „начался изстари, но теперь падаетъ вслѣдствіе конкуренціи фабрикъ, и помѣшать этому паденію нечѣмъ“. Въ Крестобогородской волости „ткацкій промыселъ падаетъ вслѣдствіе уменьшенія спроса на продукты ручного ткачества“. Въ Еремѣевской волости „промыселъ падаетъ вслѣдствіе конкуренціи фабрики“. Въ знаменитомъ селѣ Великомъ „промыселъ ручного ткачества упадаетъ вслѣдствіе возникновенія паровыхъ фабрикъ“ и т. д., и т. д. Все это даетъ основаніе г. Кириллову сдѣлать заключеніе: „ткачество, которымъ промышляетъ большая часть крестьянъ Ярославскаго уѣзда, теперь, съ увеличеніемъ фабрикъ, совершенно убито“ [1]).

Во Владимірской губерніи механическій ткацкій станокъ также повелъ къ сокращенію ручного полотнянаго ткачества. За время 1882—1890 г. число полотняныхъ механическихъ становъ въ этой губерніи возросло почти на 72% (всего ихъ было въ 1882 г.— 685, а въ 1890 г. — 1.117), за то же время число ручныхъ становъ на фабрикахъ сократилось на 27,5% (въ 1882 г. ихъ было 639, а въ 1890 г. только 464), но въ дѣйствительности уменьшеніе было гораздо больше, такъ какъ многіе изъ оставшихся ручныхъ станковъ находились въ бездѣйствіи. Число кустарей ткачей, работавшихъ на сторонѣ, не на фабрикахъ, достигало въ томъ же году 2,213 человѣкъ [2]); такимъ образомъ по числу рукъ кустарное производство полотна въ 1890 г. все еще преобладало надъ механическимъ, но промыселъ быстро клонится къ упадку, и механическій станокъ съ такой быстротой завоевываетъ почву, что время полнаго исчезновенія ручного ткачества полотна во Владимірской губ. не за горами.

Разумѣется, въ губерніяхъ менѣе промышленныхъ, въ которыя механическій ткацкій станокъ еще не успѣлъ проникнуть, кустар-

---

[1]) Обзоръ Ярославск. губ., выпускъ II, Ярославль, 1896 г. Стр. 9, 17, 18, 20, 4.

[2]) Всѣ эти цифры взяты у В. Свирскаго. Фабрики и заводы Владимірской губ., 32, 33.

ная обработка льна продолжаетъ держаться прочно. Но не можетъ быть сомнѣнія, что участь льноткацкаго промысла и въ такихъ губерніяхъ не будетъ иной, чѣмъ въ губерніяхъ центральнаго района. Весь вопросъ только во времени — чѣмъ быстрѣе будетъ идти промышленное развитіе Россіи, тѣмъ быстрѣе будетъ развиваться фабрика на счетъ кустарной избы.

Что касается до пряденья льна, то оно въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ ткачество, имѣетъ фабричный характеръ. Ручная льняная пряжа почти не употребляется въ центральномъ районѣ для изготовленія полотна, предназначеннаго для продажи. Полотно, изготовляемое кустарями, выдѣлывается почти исключительно изъ машинной пряжи. Ручное пряденье сохраняется только для цѣлей домашняго потребленія, такъ какъ машинная пряжа стоитъ немногимъ больше сырого льна, и трудъ пряденья совершенно не окупается.

Изготовленіе пеньковыхъ тканей въ еще большей степени, чѣмъ льняныхъ, имѣетъ характеръ семейнаго производства для собственныхъ нуждъ крестьянина. Но тамъ, гдѣ оно принимаетъ характеръ кустарнаго промысла, оно не менѣе льняного страдаетъ отъ конкуренціи фабрикъ. Такъ, напр., въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи „пеньковому промыслу при его настоящемъ положеніи грозитъ неминуемый упадокъ подъ вліяніемъ фабричной выдѣлки тѣхъ же издѣлій, продаваемыхъ дешевле ручныхъ“ [1]). Очень распространеннымъ промысломъ является крученье канатовъ, веревокъ и вязанье рыболовныхъ сѣтей. Этотъ промыселъ широко распространенъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ по берегамъ судоходныхъ рѣкъ и озеръ. Машина получила еще очень небольшое примѣненіе въ производствахъ этого рода, но тѣмъ не менѣе кустари уже начинаютъ чувствовать ея властную руку. Такъ канатопрядильный промыселъ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ и старѣйшихъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Этотъ промыселъ былъ очень распространенъ и въ г. Нижнемъ, гдѣ въ 60-хъ годахъ существовало множество мелкихъ прядильныхъ заведеній. „Жители Нижняго занимаются преимущественно пряденіемъ канатовъ и веревокъ“,—въ такой наивной формѣ характеризовалась нижегородская промышленность въ одной книжкѣ 60-хъ годовъ. Теперь же въ Нижнемъ мелкихъ прядильныхъ заведеній совсѣмъ нѣтъ—ихъ мѣсто заняло нѣсколько круп-

[1]) Труды кустарной комиссіи, II, 59.

ныхъ канатныхъ фабрикъ. То же самое наблюдается и въ деревняхъ Горбатовскаго уѣзда.

Лѣтъ 20-ть тому назадъ горбатовскій прядильный промыселъ находился въ „цвѣтущемъ“ состояніи; теперь онъ падаетъ, а въ будущемъ грозитъ уменьшиться еще болѣе, если не уничтожиться окончательно. Главная причина уменьшенія горбатовскаго промысла заключается, по словамъ мѣстныхъ изслѣдователей, въ конкуренціи канатныхъ фабрикъ, которыя въ послѣднее время стали появляться въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вытѣсняя горбатовскія издѣлія. Только мелкая снасть, производимая и на фабрикахъ ручнымъ способомъ, еще долго останется въ рукахъ кустарей [1]).

Крупныя канатныя фабрики развиваются и въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губ. [2]).

Вязанье сѣтей въ гораздо меньшей степени страдаетъ отъ фабричной конкуренціи. Нищенскій заработокъ, получаемый кустарями отъ этого промысла, мѣшаетъ проникновенію въ это производство машины. Изслѣдователи этого промысла обыкновенно указываютъ на крайне низкую заработную плату кустарей, работающихъ сѣти по заказамъ крупныхъ торговцевъ, но сравнительно рѣдко упоминаютъ о вторженіи въ этотъ промыселъ фабрики. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя указанія на послѣднее встрѣчаются и здѣсь. Такъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ. „производство уровъ (родъ рыболовныхъ сѣтей)... въ настоящее время значительно пало, вслѣдствіе замѣны уровъ сѣтями изъ машинной веревки, которыя хотя и дороже, но значительно прочнѣе“ [3]). Красноперовъ сообщаетъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, что осташковская ручная сѣть вытѣсняется машиной.

„Въ Ригѣ я уже не нашелъ и слѣда осташковской сѣти... Иностранная машинная сѣть вытѣснила осташковскую въ теченіе послѣдняго пятилѣтія на всемъ побережьѣ Рижскаго залива, но

---

[1]) Труды куст. ком. VIII, стр. 1236, 1237, 1262. На это же указываютъ и другіе изслѣдователи. „Будущее (канатнаго) промысла непривлекательно“ (Нижегородскій Сборникъ, 1890 г. IX, стр. 19). „По общимъ отзывамъ лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ канатопрядильнаго производства, въ общемъ промыселъ этотъ замѣтно клонится къ упадку“. М. Плотниковъ. Кустарные промыслы Нижегородской губ., стр. 258.

[2]) Очеркъ состоянія кустарной промышленности въ Пермской губ. Пермь. 1896 г. Стр. 162, 163.

[3]) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Спасскій. 1892 г. Стр. 109.

дальше, въ глубь Россіи, еще не пошла... Машинная фильдекосовая сѣть отличается чрезвычайной прочностью и легкостью“ [1]). Тѣмъ не менѣе, повторяю, въ общемъ промыселъ этотъ держится очень стойко и сохраняетъ характеръ типичнаго кустарнаго промысла—производство исполняется безъ помощи машинъ, производитель получаетъ нищенскую плату и находится въ полной кабалѣ у скупщика-торговца, снабжающаго его сырымъ матеріаломъ. Участіе наемнаго труда въ этомъ промыслѣ вообще незначительно. Производство имѣетъ вполнѣ семейный характеръ — кустари не держатъ рабочихъ и учениковъ. Что же способствуетъ такой чистотѣ „народнаго“ типа этого промысла? А то, что ученики и наемные рабочіе „здѣсь положительно немыслимы, если обратить вниманіе на годовую заработную сумму самихъ кустарей“ [2]). Иными словами, „слабость наемнаго элемента“ вызывается упадкомъ заработковъ кустаря.

Обратимся теперь къ очень распространенному промыслу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ — плетенью рогожъ и тканью рогожныхъ кульковъ. Казалось бы, ужъ этотъ промыселъ можетъ не опасаться крупнаго производства, такъ какъ машина не находитъ никакого примѣненія въ этой примитивной промышленности. Тѣмъ не менѣе этотъ промыселъ принадлежитъ къ числу падающихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе трехъ причинъ: 1) конкуренціи съ рогожными кулями холщевыхъ и джутовыхъ мѣшковъ, изготовляемыхъ фабричнымъ способомъ; 2) конкуренціи крупныхъ кулеткацкихъ мастерскихъ, возникающихъ въ послѣднее время; 3) повсемѣстнаго вздорожанія лѣса, удорожающаго сырой матеріалъ. Такъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ. „кулеткацкое производство въ послѣдніе годы сильно сократилось... рогожные кули замѣнены мѣшками изъ холста и джутовой ткани... На сокращеніе производства повліялъ также недостатокъ липы и дороговизна мочала... Тканье циновокъ почти совсѣмъ прекратилось по причинѣ отсутствія своего лѣса и дороговизны покупного мочала“ [3]). Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ той же губерніи кулеткацкій промыселъ „падаетъ главнымъ образомъ потому, что въ употребленіе входятъ мѣшки холщевые“ [4]).

---

[1]) „Русское Богатство“, 1894. Іюнь, Красноперовъ, Промыслы осташей.

[2]) Нижегородскій Сборникъ. IX, стр. 222.

[3]) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Спасскій, 109.

[4]) Матеріалы и пр. Козьмодемьянскій уѣздъ, стр. 86.

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи „въ силу того, что въ настоящее время рогожные кули стараются замѣнить болѣе выгодными холстяными или дерюжными... кустари-рогожники должны терять энергію и надежду на хорошій сбытъ своихъ издѣлій... И дѣйствительно, подрывъ этотъ уже кое-гдѣ выступилъ наружу, какъ-бы въ свидѣтельство того, что промыселъ этотъ отжилъ вѣкъ... Въ Мадаевской волости, бывшей когда-то одной изъ населеннѣйшихъ и промышленныхъ, въ настоящее время рогожный промыселъ прекратился... Одной изъ причинъ упадка промысла служитъ недостатокъ и дороговизна матеріала“ [1]).

Въ Костромской губерніи рогожное производство падаетъ вслѣдствіе вздорожанія лѣса [2]); то же самое сообщается и въ Пермской губерніи [3]), Вятской [4]). Въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ возникли крупныя рогожныя и кулеткацкія мастерскія, захватившія производство въ свои руки.

Теперь я остановлюсь на одномъ любопытномъ явленіи, крайне характерномъ для морфологіи описаннаго процесса. Смыслъ очерченной эволюціи заключается въ превращеніи мелкаго производства въ крупное. Между тѣмъ болѣе детальное изученіе морфологическихъ измѣненій кустарнаго производства, при его превращеніи въ фабричное, обнаруживаетъ, на первый взглядъ, парадоксальный фактъ: одновременно съ ростомъ фабричнаго производства, въ сохраняющихся кустарныхъ производственныхъ единицахъ наблюдается не концентрація производства, а, наоборотъ, раздробленіе его. Мы увидимъ ниже, что факты этого рода повторяются въ самыхъ разнообразныхъ производствахъ. Остановимся пока на бумаготкацкой промышленности.

Московскій земскій статистикъ г. Вернеръ отмѣчаетъ, что параллельно съ ростомъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, фабрикъ, наблюдается сокращеніе мелкихъ фабричекъ, свѣтелокъ, и переходъ кустарнаго ткачества изъ свѣтелокъ въ избу. „Съ развитіемъ ткачества, — говоритъ г. Вернеръ, — увеличивается число болѣе или менѣе самостоятельныхъ производителей, рабо-

---

[1]) Нижегородскій сборникъ 1890 г., вып. IX, стр. 389. По той же причинѣ промыселъ падаетъ и въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Нижегор. сборн. VIII, стр. 46.

[2]) Матер. для ст. Костр. губ. III, 88.

[3]) Сборникъ Пермскаго земства 1889 г. № 6, стр. 22, 71.

[4]) Статистическое описаніе Орловскаго у. Вятской губ. Вятка, 1876, стр. 168, 230—242.

тающихъ не у владѣльца свѣтелки, а въ собственныхъ домахъ; самыя промышленныя единицы становятся мельче, и большая часть населенія находитъ возможность вести самостоятельное дѣло или вступать въ непосредственныя отношенія съ работодателями“ [1]).

Въ мѣстностяхъ съ большимъ количествомъ крупныхъ фабрикъ больше и одиночныхъ производителей; гдѣ крупныхъ фабрикъ меньше, тамъ меньше и одиночныхъ кустарей, работающихъ въ этомъ случаѣ въ маленькихъ фабрикахъ - свѣтелкахъ. Но этого мало: не только при размѣщеніи въ пространствѣ можно замѣтить, что рядомъ съ фабрикой идетъ и кустарная изба, и исчезаетъ свѣтелка, но то же самое замѣчается и во времени, при развитіи фабричной формы производства. Такъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ распространеніе механическаго ткачества на фабрикахъ привело къ тому, что одни мастерки вынуждены были „значительно сократить размѣры своего производства и понизить до невѣроятнаго минимума заработную плату ручныхъ ткачей, тогда какъ другіе, закрывая свои фабрички и раздавая основы на дома крестьянамъ-ткачамъ, получаютъ немалую прибыль, пользуясь дешевой рабочей силой“. Такую фабричную контору, - говоритъ г. Погожевъ, - „устроить гораздо дешевле и выгоднѣе, чѣмъ выстроить и поддерживать отдѣльную фабричку“ [2]). При сравненіи числа рабочихъ, занятыхъ на мелкихъ фабричкахъ въ 1871 и 1879 г., оказывается, что среднее число рабочихъ на одну фабричку уменьшилось—*фабрички сдѣлались мельче.*

Мелкіе фабрикантики предпочитаютъ раздавать работу кустарямъ непосредственно по избамъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать ткачей въ свѣтелкахъ. Г. Погожевъ объясняетъ раздробленіе кустарнаго производства желаніемъ мастерковъ-свѣтелочниковъ избѣжать платежа земскихъ налоговъ, установленныхъ по несоразмѣрно высокой оцѣнкѣ ткацкихъ свѣтелокъ. Однако, какъ мы увидимъ ниже, совершенно подобное же явленіе наблюдается въ весьма многихъ промыслахъ, *гдѣ происходитъ превращеніе кустарнаго производства въ фабричное.* Такое общее явленіе не можетъ вызываться случайной мѣстной причиной, указываемой г. Погожевымъ.

Я уже говорилъ выше, что и въ Дмитровскомъ уѣздѣ наблюдается то же самое: свѣтелки сокращаютъ производство, но параллельно растетъ число отдѣльныхъ ткачей, работающихъ на

[1]) Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ. Т. VII., вып. III, стр. 10.

[2]) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. ст. Волоколамскій у., стр. 71.

дому. Во Владимірской губерніи распаденіе свѣтелокъ обозначилось еще ярче. По словамъ В. Пругавина, „не подлежитъ сомнѣнію фактъ постепеннаго уменьшенія количества свѣтелокъ въ этомъ районѣ“ (Александр. у.). „По разсказамъ старожиловъ“,—замѣчаетъ далѣе Пругавинъ,—„первое время существованія промысла (бумаготкацкаго), производство бумажныхъ тканей сосредоточивалось главнымъ образомъ на фабрикахъ и свѣтелкахъ—на домахъ работали очень мало“. Въ началѣ же 80-хъ годовъ число становъ въ избахъ вдвое превышало число становъ въ свѣтелкахъ. „Особенно сильно уменьшилось число ткацкихъ свѣтелокъ въ окрестностяхъ города Александрова, при чемъ рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣла бумаготкацкая фабрика Баранова“ [1]).

Въ Костромской губерніи „число свѣтелокъ, съ упадкомъ ручного тканья бумажныхъ издѣлій, значительно уменьшилось въ послѣднее время, и большая часть крестьянъ работаетъ теперь на дому“ [2]).

Аналогичные примѣры раздробленія кустарнаго производства, одновременно со стягиваніемъ его на крупныя фабрики, мы увидимъ ниже. Чѣмъ же вызывается такое, на первый взглядъ, странное явленіе? Вѣдь если забыть, что мелкія фабрички распадаются на отдѣльныя кустарныя избы въ тѣхъ именно промыслахъ, которые доживаютъ свои послѣдніе дни въ качествѣ кустарнаго производства и не сегодня—завтра примутъ форму крупныхъ фабрикъ, то легко заключить отсюда о торжествѣ „народной“ промышленности надъ капиталистической, и провозгласить побѣду кустаря надъ фабрикой. Между тѣмъ эта кажущаяся побѣда мелкаго производства представляетъ собой въ дѣйствительности, доказательство его неспособности конкурировать съ крупнымъ иначе, какъ пониженіемъ выручки производителя. Дѣло вотъ въ чемъ. Крупное машинное производство борется съ кустарнымъ—дешевизной продукта. Каждый новый шагъ машинной техники знаменуетъ собой и паденіе цѣны продукта. Такъ какъ техника ручного производства не прогрессируетъ, то удешевленіе продукта влечетъ за собой и уменьшеніе выручки производителя. Чѣмъ больше промыселъ страдаетъ отъ конкуренціи машины, тѣмъ меньше выручаютъ кустари. Наконецъ цѣна продукта падаетъ такъ низко, что мелкіе мастерки, находившіе раньше возможнымъ

[1]) Промыслы Влад. губ. I, стр. 34, 36, 39.

[2]) Матеріалы для статистики Костромской губ. III, стр. 70.

устраивать небольшія мастерскія (свѣтелки) и нанимать отъ себя рабочихъ (или сдавать эти мастерскія въ наемъ послѣднимъ, какъ это нерѣдко практикуется во Владимірской губерніи), прекращаютъ производство, такъ какъ ихъ предпринимательская выручка не окупаетъ расходовъ по содержанію мастерской. Иногда предпринимательская прибыль совсѣмъ исчезаетъ (см., напр., приведенное на стр. 457 показаніе г. Вернера), свѣтелка закрывается, а ткачи начинаютъ работать на дому за нищенскую плату, изъ которой ничего нельзя выкроить въ пользу мелкаго предпринимателя; производство раздробляется, но именно потому, что растетъ крупное производство—фабрика, уничтожающая мелкія мастерскія и загоняющая кустарей въ избу, изъ которой болѣе счастливые изъ нихъ затѣмъ переходятъ на фабрику, а прочіе остаются безпомощными жертвами sweating system—системы выжиманія пота, которая безраздѣльно царитъ въ нашей такъ называемой кустарной промышленности.

Въ кустарной обработкѣ шелка въ Александровскомъ уѣздѣ наблюдается то же явленіе: усиленіе конкуренціи крупнаго производства—фабрики (а также и другія причины) приводятъ къ измельчанію мелкихъ кустарныхъ заведеній.

По словамъ В. Пругавина, „на основаніи разсказовъ старожиловъ можно заключить, что въ первое время возникновенія промысла (мотанія шелка) въ Александровскомъ уѣздѣ существовало много мотальныхъ свѣтелокъ съ значительно большимъ числомъ наемныхъ рабочихъ, чѣмъ въ настоящее время. Словомъ, производство тогда имѣло болѣе крупный размѣръ, чѣмъ теперь“ [1]).

Подобное же измельчаніе кустарнаго производства наблюдается и въ позументномъ промыслѣ, сильно страдающемъ отъ фабричной конкуренціи.

„Многіе изъ прежнихъ мастерковъ, вырабатывавшихъ позументъ и галунъ, въ настоящее время или совершено прекратили производство, или же работаютъ уже безъ участія стороннихъ наемныхъ рабочихъ, а нѣкоторые изъ мастерковъ теперь превратились въ простыхъ ткачей, работающихъ по фабрикамъ. Такъ... изъ 81 позументной фабрички (въ 1871 г.) въ настоящее время прикончились лѣтъ 7 — 10 тому назадъ около 14 фабричекъ, на которыхъ прежде работало слишкомъ 900 человѣкъ. Изъ этихъ 14 мастерковъ—четверо работаютъ на фабрикѣ Ижванова вмѣстѣ

[1]) Промыслы Влад. губ.

со своими семьями, на 3 фабричкахъ производство прекращено вслѣдствіе смерти перваго основателя, остальные 7 мастерковъ работаютъ только своей семьей, безъ найма стороннихъ рабочихъ“ [1]).

Полотняныя ткацкія свѣтелки также раздробляются, благодаря конкуренціи фабрики. Въ Шунгенской волости (въ центрѣ кустарнаго ткачества Костромской губерніи) „число свѣтелокъ, несмотря на развитіе ткачества, въ послѣднее время сократилось; новыхъ свѣтелокъ уже не строятъ, старыхъ не исправляютъ... Значительнѣйшая часть становъ помѣщается уже на домахъ, но общая цифра становъ въ волости, во всякомъ случаѣ, отъ этого не уменьшилась“ [2]). Въ другой волости, Челпановской, кустарное ткачество полотенъ „сократилось почти на половину“, при чемъ особенно уменьшилось производство въ свѣтелкахъ. „Много свѣтелокъ стало уже пустыми“, а въ другихъ часть становъ не работаетъ. Въ Башутинской волости „число работающихъ становъ сократилось въ мѣстной свѣтелкѣ съ 80 становъ до 18“. Положеніе кустарнаго полотнянаго ткачества въ Костромской губерніи въ началѣ 80-хъ годовъ дало основаніе мѣстному статистику г. Пирогову сдѣлать заключеніе, что „вообще ткацкія свѣтелки представляютъ отживающую форму въ ряду промышленныхъ заведеній“ [2]).

Въ селѣ Великомъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ крестьяне устраивали для тканья свѣтелки. „Свѣтелки были необходимы потому, что возвышеніе запроса на полотна и заработковъ ткачей побуждало многихъ нанимать 2—3 рабочихъ, а для 3—4 становъ въ избѣ не было мѣста. Въ послѣднія 8 лѣтъ мы замѣчаемъ обратное движеніе: у кого есть свѣтелка, тотъ работаетъ въ ней; вновь же свѣтелки не строятся, и не строятся потому, что недостаточный заработокъ дѣлаетъ невыгоднымъ наемъ рабочихъ; разрушилась свѣтелка—и ткачъ переноситъ станъ въ избу“ [3]).

Въ тѣсной связи съ домашнимъ ткачествомъ стоитъ красильный промыселъ—окраска въ разные цвѣта самодѣльныхъ крестьянскихъ тканей. Вполнѣ естественно, что промыселъ этотъ повсемѣстно падаетъ. Въ немъ наблюдается также раздробленіе производства.

„По словамъ промышляющихъ, хотя число красильныхъ заве-

[1]) Сборникъ ст. свѣд. по Московской губ. Санитарн. отдѣлъ. Дмитровскій уѣздъ, стр. 5.

[2]) Матеріалы для ст. Костромской губ. IV, стр. 231, 228, 232.

[3]) Труды куст. ком. VI, стр, 674.

деній 10 — 15 лѣтъ тому назадъ было почти такое же, какъ и нынѣ, но зато количество работающихъ въ этихъ заведеніяхъ было гораздо значительнѣе настоящаго... Прежде въ каждомъ красильномъ заведеніи были наемные рабочіе, нынѣ же въ большинствѣ случаевъ обходятся безъ нихъ“ [1]).

Итакъ распаденіе производства наблюдается почти во всѣхъ отрасляхъ кустарнаго ткачества и связанныхъ съ нимъ промысловъ.

Перейдемъ теперь къ другой обширной группѣ промысловъ— обработкѣ металловъ. Здѣсь процессъ поглощенія кустаря фабрикой подвинулся далеко неодинаково въ различныхъ производствахъ. Въ однихъ онъ подвинулся уже очень далеко, въ другихъ только начинается. Такъ кустарная ковка гвоздей — находится въ послѣдней стадіи паденія. Этотъ промыселъ, какъ извѣстно, былъ сильно распространенъ въ обширномъ районѣ, охватывавшемъ Новгородскую, Тверскую, Нижегородскую, Ярославскую губерніи съ прилегающими мѣстностями. Я говорилъ выше о „процвѣтаніи“ гвоздарнаго промысла въ Николаевскую эпоху. Пока русскому гвоздю не пришлось столкнуться съ машиннымъ, промыселъ быстро развивался, сохраняя характеръ типичной капиталистической домашней промышленности. Скупщикъ держалъ въ полной своей власти кустаря, но такъ какъ на продуктъ кустаря имѣлся постоянный и все возроставшій спросъ, то и число кустарей возростало и заработокъ ихъ не падалъ. Это дало основаніе г. В. В. произнести патріотическую тираду въ своей книгѣ „Судьбы капитализма въ Россіи“ объ удивительныхъ качествахъ нашего самобытнаго кустарнаго гвоздя, не боящагося никакой иностранной конкуренціи. Однако г. В. В. оказался плохимъ пророкомъ. Уже въ 70-хъ годахъ на рынкѣ появляется машинный гвоздь и быстро вытѣсняетъ ручной. Уже въ 1875 г. Тверское земство, усиленно боровшееся въ то время съ капитализмомъ и насаждавшее всевозможныя артели, должно было приступить къ ликвидаціи гвоздарныхъ артелей, ссылаясь на невозможность ручному гвоздю конкурировать съ машиннымъ [2]). И дѣйствительно, гвоздарный промыселъ, занимавшій раньше первое мѣсто въ ряду промысловъ Тверского уѣзда, начиная съ 70-хъ годовъ быстро падаетъ, благодаря машинному гвоздю. „Многіе

---

[1]) Нижегородскій Сборникъ. 1890 г. IX, стр. 27.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Тверского земства. Томъ II, Тверь. 1884, стр. 407.

гвоздари прекратили производство и стали искать заработковъ на тверскихъ фабрикахъ“ [1],—читаемъ въ земскомъ Сборникѣ за 1876 г.

По словамъ г. Покровскаго, относящимся къ концу 70-хъ годовъ „современное положеніе гвоздарнаго ручного производства представляетъ его намъ въ состояніи довольно сильнаго упадка“ [2].

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ промыселъ упалъ еще сильнѣе [3], какъ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ:

Число кузницъ и рабочихъ въ 4 важнѣйшихъ центрахъ гвоздарнаго промысла въ Тверскомъ уѣздѣ (въ селахъ Васильевскомъ и Михайловскомъ и въ деревняхъ Орудово и Яковлево [4]).

	1851 г.	1880 г.	1892 г.
Число кузницъ	157	96	69
Рабочихъ	1.248	689	378
На 1 кузницу рабочихъ .	8	7	5

Число кузницъ все падаетъ; въ еще большей степени уменьшается число рабочихъ.

„Коренные кузнецы-мастера, — читаемъ въ земскомъ Сборникѣ,—перестаютъ ковать гвозди и ищутъ заработка на сторонѣ. Упадокъ промысла обусловливается причинами, съ которыми трудно бороться. Машинные гвозди вытѣсняютъ ручной гвоздь и удерживаютъ этотъ видъ кустарнаго промысла отъ окончательнаго упадка только вслѣдствіе недостаточно усовершенствованной техники въ производствѣ машинныхъ гвоздей... Есть еще работы, для которыхъ требуется исключительно ручной гвоздь“ [5].

Паденіе гвоздарнаго промысла въ 70-хъ и 80-хъ годахъ отмѣчается во всѣхъ центрахъ этого производства. Такъ въ Ярославской губевніи „гвоздарное дѣло въ послѣдніе (конецъ семидесятыхъ годовъ) года стало значительно падать: спросъ на ручные гвозди уменьшается, къ тому же и гвозди вырабатываются хуже,

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для статистики Тверской губ. III, 1876, стр. 52.

[2]) Труды куст. ком. V, 377.

[3]) Сборникъ стат. свѣд. по Тверской губерніи, Тверской уѣздъ. 1893, стр. 177.

[4]) Сборникъ ст. свѣд. по Тверск. у., Вып. 2, стр. 291—92 и Труды ком. V, 376.

[5]) Сб. ст. свѣд. по Тверской губ. VIII. Вып. I, стр. 177.

чѣмъ прежде. Опаснымъ соперникомъ кузнецовъ-гвоздарей явился на рынкахъ машинный гвоздь. Въ самомъ центрѣ кустарнаго промысла, въ Уломѣ, стали появляться болѣе сильные капиталисты по гвоздарному промыслу, которые склоняются къ тому мнѣнію, чтобы, стянувъ кустарей-гвоздарей къ центру производства, настроить заводовъ съ паровыми машинами для обработки и производства гвоздей. Въ послѣднее время немало уже выстроено въ Пришекснинской области желѣзнорѣзныхъ паровыхъ заводовъ, рѣжущихъ желѣзо на прутья, а затѣмъ они раздаются кустарямъ для выдѣлки изъ нихъ гвоздей“ [1]).

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ „еще въ концѣ 70-хъ годовъ строились новыя шиповки (гвоздарныя кузницы)... начиная же съ 1880 г., мы видимъ обратное“. Шиповки закрываются одна за другой. „Подобный упадокъ производства кузнецы объясняютъ, главнымъ образомъ, сильной и успѣшной конкуренціей машиннаго гвоздя... Сами кузнецы при постройкахъ начинаютъ употреблять не свой гвоздь, а машинный“ [2]).

За время 1882—1887 г. въ нѣсколькихъ селеніяхъ Нижегородскаго уѣзда 16 шиповокъ прекратили работу, и число кузнецовъ уменьшилось на 240 чел. Кузнецы должны были покидать деревню и отправляться въ отходъ. „Шиповки мало-по-малу закрываются, и толпы невольно праздныхъ кузнецовъ отправляются въ Нижній въ надеждѣ найти въ немъ хотя бы какой-либо заработокъ“ [2]).

О гвоздарномъ промыслѣ въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ концѣ 70-хъ годовъ читаемъ въ „Трудахъ кустарной комиссіи“: „Лѣтъ 10—15 назадъ гвоздарный промыселъ былъ выгоднѣе, чѣмъ теперь. Въ то время еще не вошелъ въ употребленіе машинный гвоздь, который своей дешевизной и чистотой внѣшней отдѣлки въ настоящее время вытѣсняетъ постепенно русскій доморощенный гвоздь. Многіе кузнецы были вынуждены прекратить производство... Какая будущность предстоитъ кузнечному промыслу? (замѣчаетъ авторъ цитируемой статьи, г. Карповъ). Мнѣ кажется, что мѣстный кузнечный промыселъ (выковка гвоздя) рано или поздно долженъ прекратиться, главнымъ образомъ, вслѣдствіе конкуренціи машиннаго гвоздя“ [3]).

[1]) Вѣстникъ Ярославскаго земства 1880 г., мартъ—апрѣль. Кузнецы-гвоздари Пошехонскаго у., стр. 161, 162.

[2]) Нижегородскій Сборникъ, т. VII, 1887 г., стр. 190, 198, 211

[3]) Труды куст. ком. IV, 1880, стр. 173.

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ „кузнечный промыселъ съ каждымъ годомъ падаетъ... Главная причина этого — дороговизна углей и конкуренція машиннаго гвоздя“ [1]).

Относительно положенія этого промысла въ 90-хъ годахъ мы имѣемъ свѣдѣнія по Тверской (см. выше) и Нижегородской губерніямъ. Промыселъ находится въ крайнемъ упадкѣ. Такъ, по сообщеніямъ изъ Арзамасскаго уѣзда, промыселъ этотъ, существовавшій почти во всѣхъ селеніяхъ Ивашкинской волости, „въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ прекратился по причинѣ появившагося въ продажѣ машиннаго англійскаго гвоздя, противъ котораго ручной гвоздь, какъ по цѣнѣ, такъ и по достоинству, конкурировать не можетъ“ [2])... Въ Нижегородскомъ уѣздѣ „гвоздарный промыселъ, по общимъ отзывамъ, въ настоящее время находится въ упадкѣ“. Корреспонденты земства называютъ его „умирающимъ промысломъ“ [3]).

Причина повсемѣстно отмѣчаемаго упадка гвоздарнаго промысла, дававшаго раньше занятіе многимъ десяткамъ тысячъ гвоздарей, заключается не только въ конкуренціи машиннаго гвоздя, но также и въ вздорожаніи угля (древеснаго). Мнѣ еще придется указывать на значеніе этого второго факта—вздорожанія топлива и сырья въ эволюціи нашей кустарной промышленности. Гвозди съ каждымъ годомъ дешевѣютъ, благодаря конкуренціи фабрики, а стоимость производства ручного гвоздя повышается, благодаря вздорожанію угля—какъ же существовать промыслу при этихъ условіяхъ? [4]).

Упадокъ гвоздарнаго промысла сопровождался и раздробленіемъ производства. Такъ мы видимъ, что въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1851 г. на 1 гвоздарную кузницу приходилось 8 рабочихъ, въ 1880 г.—7, а въ 1892—только 5. Точно такъ же въ Нижегородской губ. въ 30—40-хъ годахъ гвоздарныя кузницы имѣли характеръ небольшихъ артельныхъ фабричекъ. Въ настоящее же время число рабочихъ на гвоздарныхъ кузницахъ значительно сократилось [5]).

[1]) Труды куст. ком. IX, 1883, IV отдѣлъ, стр. 248.

[2]) Сельскохозяйств. обзоръ Нижегородской губ. за 1892 г. Вып. III, страница 79.

[3]) Сельскохозяйств. обзоръ Нижегородской губ. за 1892 г. Вып. III страница 86.

[4]) Эволюція гвоздарнаго промысла недурно описана въ статьѣ г. Ѳомина „Очеркъ исторіи гвоздарной промышленности въ Россіи“. (Записки Харьковскаго университета 1897 г.).

[5]) См. Нижегородскій Сборникъ, т. VII, стр. 198. Труды кус. ком. IV, 171.

Съ другой стороны, раньше гвоздарное производство сосредоточивалось въ небольшихъ мастерскихъ, теперь же главную роль играютъ крупные гвоздарные заводы (главнымъ образомъ въ Виленской, Лифляндской, Московской и Петербургской губерніяхъ). Раздробленіе кустарнаго гвоздарнаго производства является такимъ образомъ не болѣе, какъ обычнымъ симптомомъ поглощенія кустарнаго промысла фабрикой.

Въ гвоздарномъ промыслѣ крупное производство,—фабрика уже одержала полную побѣду надъ кустаремъ. Въ другихъ промыслахъ по обработкѣ металловъ мы наблюдаемъ тотъ же процессъ на различныхъ стадіяхъ. Въ нѣкоторыхъ производствахъ онъ почти такъ же подвинулся, какъ и въ гвоздарномъ, въ другихъ еще только въ началѣ, и мелкое производство (въ формѣ домашней капиталистической системы) держится еще весьма прочно. Возьмемъ, напр., косный промыселъ Владимірской губ., сосредоточенный въ деревнѣ Харитоново. До 60-хъ годовъ промыселъ этотъ быстро развивался подобно гвоздарному. Съ этого времени начинается упадокъ промысла, зависящій съ одной стороны, отъ вздорожанія угля, съ другой—отъ конкуренціи машинной рижской косы. Число кузечныхъ заведеній въ Харитоновѣ уменьшилось (въ началѣ 80-хъ годовъ) съ 55 до 12 [1]); теперь, вѣроятно, косное производство въ этой деревнѣ совершенно прекратилось. Фабрика убила кустарную мастерскую. Точно такъ же „ковка топоровъ въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губ. падаетъ сильно и переходитъ въ г. Осташковъ... Многіе изъ мастеровъ пошли въ работники къ своимъ односельчанамъ или къ фабриканту топоровъ Мосягину въ городѣ Осташковѣ“ [2]).

Кузнечно-слесарному промыслу въ Суксунѣ (Пермск. губ.), по словамъ мѣстнаго изслѣдователя г. Манохина, грозитъ близкая гибель. Кузнецамъ придется бросить свои кузницы и отправиться въ отхожіе промыслы [3]). „Кузнечному промыслу въ г. Тихвинѣ въ будущемъ предстоитъ уничтоженіе“, благодаря тому, что „тѣ издѣлія, которыя изготовляются кустарями... вскорѣ перейдутъ въ руки заводчиковъ“ [4]). Металлическіе промыслы села Безводнаго (Нижегор. губ.) вытягиваніе проволоки и тканье металлическихъ

[1]) Труды куст. ком. X, стр. 2885.
[2]) Статистическое описаніе Ржевскаго у. Тверской губ. 1885, стр. 130.
[3]) Труды куст. ком. X, стр. 3017.
[4]) Труды куст. ком. VIII, 1403.

полотенъ также страдаютъ отъ фабричной конкуренціи [1]). Кустарное латунномѣдное производство Лаишевскаго уѣзда Казанской губ. (выдѣлка мѣдныхъ украшеній) не можетъ конкурировать съ болѣе дешевыми фабричными издѣліями [2]).

Въ другихъ случаяхъ кустарное производство металлическихъ издѣлій еще почти не встрѣчаетъ соперничества фабрики. Такъ, напр., интересный кузнечно-слесарный районъ представляетъ Бурмакинская волость Ярославскаго уѣзда. Здѣсь выдѣлываютъ самыя разнообразныя желѣзныя издѣлія—принадлежности конской сбруи, кольца, пряжки, оконныя задвижки, скобы и пр. За 5 лѣтъ съ 1875 по 1880 г. число слесарей и кузнецовъ возросло на 10% [3]). По словамъ г. Исаева, бурмакинскіе кустари еще не страдаютъ отъ конкуренціи фабрики. Тѣмъ не менѣе и здѣсь отмѣчается одно обстоятельство, угрожающее будущности промысла, а именно вздорожаніе угля, находящееся въ непосредственной связи съ вздорожаніемъ лѣса. За 30 лѣтъ цѣна угля удвоилась и продолжаетъ расти. Вздорожаніе угля вызываетъ тревожныя опасенія г. Исаева за будущность промысла. Но если вспомнить, что бурмакинцы отнюдь не обладаютъ талисманомъ противъ вторженія въ ихъ производство машинъ, то трудно усомниться въ томъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и бурмакинцы придутъ въ положеніе гвоздарей, принужденныхъ бросать свои шиповки и устремляться неизвѣстно куда въ отхожіе промыслы.

И дѣйствительно, изъ „Обзора Ярославской губ.“ 1896 г. мы узнаемъ, что бурмакинскіе промыслы уже падаютъ, вслѣдствіе пониженія цѣны издѣлій [4]).

Въ знаменитомъ селѣ Павловѣ, центрѣ слесарнаго производства Горбатовскаго у. Нижегородской губ., въ нѣкоторыхъ про-

---

[1]) Нижегородскій сборникъ, VII, стр. 339; также Всероссійская выставка 1896 г. Нижегородская губ. Вып. II, стр. 16. На то же указывается въ „Отчетахъ и изслѣдованіяхъ по кустарной промышленности въ Россіи“ (изд. М-ва Госуд. Имуществъ): „въ послѣднее время желѣзотягольное производство (въ селѣ Безводномъ) стало сокращаться въ виду появленія въ продажѣ желѣзной проволоки заводской выдѣлки... Будущность большинства кустарныхъ промысловъ села Безводнаго не обезпечена: за исключеніемъ цѣпного дѣла и выдѣлки уды, остальныя производства, рано или поздно, получатъ фабричный характеръ“. (Т. I, стр. 186, 190).

[2]) Матеріалы для сравн. оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Лаишевскій. 1889, стр. 114.

[3]) Труды куст. ком. VI, стр. 711 и слѣд.

[4]) Обзоръ Ярославской губ. II, стр. 11.

изводствахъ господствуетъ уже фабрика, въ другихъ держится кустарная изба. Такъ въ ножевомъ и перочинномъ промыслѣ „борьба ведется уже между мелкою и крупною мануфактурой, а не между мануфактурой и чисто-кустарной формой производства“ [1]).

На фабрикѣ столовыхъ ножей Кондратовыхъ (въ селѣ Вачѣ) до 400 рабочихъ. На этой фабрикѣ примѣнены машины къ разнымъ операціямъ ножевого производства. Въ перочинномъ промыслѣ господствуютъ мелкія мастерскія съ наемными рабочими, но есть и довольно крупныя фабрики. Что касается до самаго важнаго въ селѣ Павловѣ замочнаго промысла, то его эволюція очень интересна и поучительна. По словамъ г. Потресова, изучившаго на мѣстѣ этотъ промыселъ, „кардинальнымъ фактомъ въ исторіи замочнаго промысла является уменьшеніе какъ числа мастерскихъ съ наемными рабочими, такъ и числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ“. Въ 1880 г. въ Павловѣ было 217 мастерскихъ съ наемными рабочими (по даннымъ г. Григорьева), въ 1890 г.—только 155 такихъ мастерскихъ, между тѣмъ какъ число замочниковъ безъ наемныхъ рабочихъ значительно возросло. Въ мастерскихъ съ наемными рабочими работало въ 1880 г.—528 раб., въ 1890 г.—345 раб. „Что число мастерскихъ съ наемными рабочими стало меньше, чѣмъ было 15—20 лѣтъ назадъ—это единогласный отзывъ всѣхъ спрошенныхъ мною жителей“,—замѣчаетъ г. Потресовъ (Докладъ С.-Петерб. Комит. о ссудосбер. кассахъ 1895 г.).

По словамъ г. Потресова, спрошенные кустари объясняютъ этотъ фактъ такимъ образомъ: „на вопросъ, почему перестали держать рабочихъ, отвѣтъ былъ таковъ: не изъ чего держать рабочаго, рабочему нужно и передышку дать, и кормить его надо, нужно, чтобы хозяйство исправно было, а у насъ что? Не изъ чего попользоваться“...

Образцовое во всѣхъ отношеніяхъ изслѣдованіе г. Потресова вполнѣ выясняетъ основныя причины уменьшенія наемнаго элемента въ замочномъ производствѣ. Это — паденіе цѣнъ на замки (отчасти тому же результату содѣйствовало и изобрѣтеніе новаго способа пайки). Какъ естественное слѣдствіе этого паденія является ухудшеніе положенія кустаря и невозможность для него содержать наемныхъ рабочихъ.

Почему же падаетъ цѣна замка? Вслѣдствіе вытѣсненія съ

---

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель Нижегородской губерніи. Вып. VII, стр. 63

рынка павловскаго ручного замка машиннымъ. Павловскій замокъ, по словамъ г. Потресова, теряетъ одинъ рынокъ за другимъ. Крупныя замочныя фабрики Западнаго края бьютъ павловскаго кустаря дешевизной продукта и заставляютъ его распускать рабочихъ и работать безъ помощи наемнаго элемента.

Въ замочномъ, какъ и гвоздарномъ промыслѣ слѣдуетъ отмѣтить то важное обстоятельство, что фабрика, вытѣсняющая кустарную мастерскую, отнюдь не всегда выростаетъ изъ мѣстной же кустарной промышленности. Фабрика появляется нерѣдко совсѣмъ въ другомъ концѣ государства — въ Ковнѣ, Ригѣ, Петербургѣ — кустарь этой фабрики никогда не видалъ, но зато онъ отлично чувствуетъ ея вліяніе по паденію цѣны его собственнаго продукта. На рынкѣ появляется новый, фабричный продуктъ, и кустарь изнемогаетъ въ борьбѣ съ грозной силой, выражающейся въ невинномъ видѣ улучшеннаго и удешевленнаго гвоздя или замка. Эта борьба живыхъ людей—кустарей гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, и фабричныхъ предпринимателей на какой-нибудь русской окраинѣ или за границей является, кстати сказать, прекрасной иллюстраціей того *фетишизма товарнаго производства*, о которомъ говоритъ Марксъ въ первомъ томѣ „Капитала“. Одинъ товаръ борется съ другимъ; полемъ сраженія для нихъ является рынокъ, иногда одинаково далекій отъ мѣстъ производства—какая-нибудь Малороссія или далекая Сибирь. Рынокъ не знаетъ ни кустаря ни фабричнаго, а только замокъ одного или другого качества. Но за каждымъ изъ этихъ замковъ скрываются люди, извѣстныя соціальныя группы и отношенія; въ дѣйствительности борьба идетъ между живыми людьми и побѣда машиннаго замка знаменуетъ собой побѣду новаго соціальнаго строя.

Въ металлическихъ кустарныхъ промыслахъ Богородскаго уѣзда, по изслѣдованію г. Вернера въ 1890 г., наблюдается развитіе крупнаго производства. „Какъ въ Загарьи, такъ и въ Гуслицахъ число мастерскихъ нѣсколько уменьшилось; уменьшеніе это произошло въ первомъ изъ этихъ районовъ отчасти отъ перехода кустарныхъ заведеній въ крупныя, отчасти вслѣдствіе сокращенія самыхъ мелкихъ заведеній, вынужденныхъ прекратить производство. Во второмъ районѣ на ряду съ сокращеніемъ числа самыхъ мелкихъ заведеній возникли и крупныя. Въ общемъ кустарныя мастерскія стали крупнѣе“ [1]).

1) Статистическій Ежегодникъ Московской губ. 1890. Кустарные промыслы Богородскаго у., стр. 19.

Итакъ въ металлическихъ промыслахъ Богородскаго уѣзда наблюдается обратное явленіе, сравнительно съ отмѣченнымъ въ павловской замочной промышленности: производство въ кустарныхъ мастерскихъ не только не раздробляется, а становится крупнѣе. Чѣмъ же это объясняется? А тѣмъ, что поглощеніе мелкаго производства крупнымъ можетъ совершаться двоякимъ образомъ: во первыхъ, крупное производство,—фабрика можетъ возникать независимо отъ мѣстнаго кустарнаго производства и затѣмъ, вызывая пониженіе цѣнъ товара, дѣйствовать угнетающимъ образомъ на кустарные промыслы, производящіе аналогичные продукты; промыселъ въ этомъ случаѣ раздробляется и въ концѣ-концовъ нерѣдко уничтожается. Такимъ путемъ исчезаетъ, напр., гвоздарный промыселъ въ Тверской, Ярославской и Нижегородской губерніяхъ. Фабрики, убивающія этотъ промыселъ, выросли отнюдь не изъ гвоздарныхъ кузницъ, а возникли совершенно независимо отъ нихъ, совершенно въ другихъ географическихъ пунктахъ Россіи, и связь между ними и гвоздарнымъ кустарнымъ промысломъ устанавливается лишь при посредствѣ рынка. Раздробленіе промысла знаменуетъ собой невозможность для кустарной мастерской съ наемными рабочими конкурировать съ фабрикой, исчезновеніе предпринимательской прибыли кустаря. То же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, когда фабрика, хотя и выросшая изъ мѣстнаго кустарнаго производства, уже достигла крупныхъ размѣровъ, замѣнила ручной трудъ машиннымъ и привела къ такому паденію цѣны товара, при которомъ кустарю „не изъ чего содержать рабочихъ“. Въ такомъ положеніи находятся владимірскіе, московскіе, костромскіе свѣтелочники-мастерки. Свѣтелки пустѣютъ потому, что ручного кустаря бьетъ машина и загоняетъ его или на фабрику, или въ собственную избу.

Во-вторыхъ, крупное производство можетъ возникнуть изъ самой кустарной промышленности путемъ естественной эволюціи послѣдней. Если промыселъ не страдаетъ отъ конкуренціи фабрикъ, то болѣе крупныя кустарныя мастерскія, пользуясь выгодами крупнаго производства, вытѣсняютъ мелкія; производство принимаетъ все болѣе крупные размѣры и кустарная мастерская превращается въ фабрику. Такимъ образомъ возникли ножевыя фабрики въ павловскомъ районѣ. Въ этомъ случаѣ кустарное производство концентрируется и среднее число рабочихъ на одну мастерскую возрастаетъ—промыселъ не отмираетъ, но переходитъ въ высшую форму.

Иначе говоря, концентрація или раздробленіе кустарной мастерской зависитъ отъ уровня техники въ фабричномъ производствѣ. Если превосходство фабрики не очень велико, то кустарная мастерская постепенно выростаетъ въ фабрику. Если же превосходство это огромно, то кустарная мастерская распадается и промыселъ отмираетъ.

Павловскимъ замочникамъ грозитъ участь ярославскихъ и нижегородскихъ гвоздарей (если не возникнетъ, къ ихъ счастью, фабричное производство замковъ въ Павловѣ); напротивъ, загарскіе и гуслицкіе мѣдники Богородскаго у. не страдаютъ отъ конкуренціи фабрики и потому ихъ мастерскія могутъ безпрепятственно расти и превращаться въ небольшія фабрички, чтобы затѣмъ стать настоящими фабриками.

Такимъ образомъ, хотя и разными путями, совершается превращеніе кустарнаго промысла въ фабрику.

Въ общемъ же нельзя не признать, что въ обработкѣ металловъ кустарное производство держится сильнѣе, чѣмъ въ текстильной промышленности, хотя и здѣсь уже начался и болѣе или менѣе подвинулся процессъ поглощенія мелкаго производства крупнымъ.

Промыслы по обработкѣ кожи въ еще меньшей степени стянулись въ крупныя заведенія. Но конкуренція крупнаго производства чувствуется и здѣсь. Такъ кожевенный промыселъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи очень пострадалъ отъ устроенныхъ въ городѣ Пошехоньѣ кожевенныхъ заводовъ; число кустарей-кожевниковъ въ деревняхъ сократилось [1]). Въ Ростовскомъ уѣздѣ той же губерніи промыселъ приготовленія кожаной обуви падаетъ вслѣдствіе распространенія среди крестьянъ московскихъ кожаныхъ издѣлій [2]). Точно такъ же и въ Нижегородской губерніи кожевенный промыселъ падаетъ вслѣдствіе конкуренціи отчасти крупныхъ петербургскихъ кожевенныхъ заводовъ, отчасти мѣстныхъ [3]). Въ важнѣйшемъ центрѣ кустарнаго сапожнаго производства—селѣ Кимрахъ—крупное производство быстро развивается. Уже въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Кимрахъ появились машины; въ 1876 г. въ селѣ было болѣе 100 строчильныхъ

---

[1]) Вѣстникъ ярославскаго земства. 1875, іюнь. Кустарная промышленность въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

[2]) Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. II. Приложенія, стр. 96.

[3]) Всероссійская выставка 1896 г. Нижегородская губернія, II, стр. 16.

машинъ [1]). Крупные капиталисты Кимры держатъ въ рукахъ все кимрское сапожное производство; работа происходитъ частью въ мастерской хозяина, частью на дому. Число наемныхъ рабочихъ въ мастерскихъ увеличивается. Обычные спутники развитія крупнаго производства наблюдаются и въ кимрскомъ районѣ: многіе сапожники бросаютъ свой промыселъ вслѣдствіе незначительности заработной платы и уходятъ на заработки въ города [2]).

Кустарные сапожники заштатнаго городка Черниговской губерніи Коропа были „стерты съ лица земли Варшавою“ [3]) (сапожными издѣліями крупныхъ варшавскихъ мастерскихъ). Промыселъ совершенно упалъ и „дальній отходъ получилъ громадное развитіе“.

Перейдемъ теперь къ самой разнообразной группѣ промысловъ, занимающей болѣе всего рукъ,—промысламъ по обработкѣ дерева. Промыслы этого рода принадлежатъ къ самымъ старинным. Они повсемѣстно распространены, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ. Машина почти не проникла въ производства этого рода; казалось бы, кустарное производство именно въ этой области должно стоять наиболѣе прочно. И однако почти отовсюду мы узнаемъ, что лѣсные и древообрабатывающіе промыслы находятся въ упадкѣ и по одной причинѣ, вслѣдствіе вздорожанія сырого матеріала—лѣса.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и древообрабатывающіе промыслы страдаютъ отъ конкуренціи машинъ. Такъ ящичный промыселъ въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губ. „съ каждымъ годомъ падаетъ вслѣдствіе крупныхъ машинныхъ мастерскихъ въ Москвѣ“ [4]). Точно такъ же кустарное производство ящиковъ въ Ярославскомъ уѣздѣ „губится производствомъ ихъ на паровыхъ лѣсопильняхъ“ [5]). Колесный промыселъ села Плотинскаго Макарьевскаго уѣзда падаетъ, благодаря устройству въ селѣ Лысковѣ спеціальныхъ колесныхъ заведеній [6]). Дужное производство Нижегородскаго уѣзда

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для статистики Тверской губерніи. III, стр. 84.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ., Калязинскій у., стр. 147. Сельскохозяйственный обзоръ Тверской губ. за 1894 г. Промыслы, стр. 2.

[3]) Земскій сборникъ Черниговской губ. 1891, №№ 6—7, стр. 163—164.

[4]) Стат. Ежег. Моск. губ. за 1895 г. Промыслы, стр. 2.

[5]) Обзоръ Яросл. губ. II, стр. 4.

[6]) Нижегородскій Сборникъ, X, стр. 230.

„падаетъ съ каждымъ годомъ и на поднятіе его нѣтъ надежды“, причемъ одной изъ причинъ этого паденія является „усиленная конкуренція привозныхъ въ Нижній дугъ“ (вѣроятно, продуктъ крупнаго производства) [1]). Но случаи такого рода не часты; общая же причина упадка промысловъ иная — истощеніе и вздорожаніе лѣса.

Возьмемъ, напримѣръ, богатую лѣсомъ Нижегородскую губернію. Лѣсные промыслы Ардатовскаго уѣзда, „издавна развившіеся вслѣдствіе бывшаго обилія лѣса, теперь падаютъ, съ одной стороны, отъ недостатка послѣдняго, а съ другой — отъ повышенія цѣны на лѣсные матеріалы“. Такъ къ числу промысловъ, падающихъ по указанной причинѣ, относятся лапотный, колесный, санный, бондарный, рѣшетный, производство кошелей, деревянной посуды и друг. Отзывы мѣстныхъ изслѣдователей объ этихъ промыслахъ можно резюмировать словами одного изъ нихъ, г. Комарова: „производство всѣхъ означенныхъ деревянныхъ издѣлій замѣтно клонится къ упадку, и недалеко, быть можетъ, то время, когда означенный промыселъ прекратитъ свое существованіе“ [2]).

То же самое констатируется и въ другихъ уѣздахъ Нижегородской губерніи—Васильскомъ, Княгининскомъ, Лукояновскомъ, Нижегородскомъ и друг. „Промыселъ обреченъ на гибель“, „промыслу грозитъ уничтоженіе“, — такими выраженіями характеризуется положеніе древообрабатывающихъ промысловъ мѣстными изслѣдователями.

Въ Смоленской губ. бондарный промыселъ „сильно падаетъ, благодаря вздорожанію лѣса“ [3]). Въ Самарской губ. древообрабатывающіе промыслы „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращаются въ своихъ размѣрахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка и дороговизны сырыхъ матеріаловъ“ [4]). Въ Костромской губ. „приготовленіе деревянныхъ издѣлій вообще падаетъ въ послѣднее время, по случаю возвышенія цѣнъ на лѣсной матеріалъ“ [5]). Въ Ярославской губерніи „приготовленіе всѣхъ вообще издѣлій изъ лѣса замѣтно уменьшается по случаю уменьшенія лѣса и дорогой цѣны онаго“ [6]). Въ Тверской губ. промыслы

[1]) Нижегородскій сборникъ, VII, стр. 301.
[2]) Нижегородскій сборникъ, VIII, стр. 193.
[3]) Сборн. ст. свѣд. по Смол. губ., Вяземскій уѣздъ, стр. 149.
[4]) Сборн. ст. свѣд. по Самарской губ., Ставропольскій у., стр. 175.
[5]) Матеріалы для стат. Костр. губ. III, стр. 87.
[6]) Обзоръ Ярославской губ. II, 89.

бондарный, смолокуренный, плетеніе корзинъ и др. сократились отъ дороговизны матеріала [1]). „Въ качествѣ обычнаго мотива упадка промысла приводится недостатокъ матеріала для издѣлій—преимущественно лѣсного, служившаго основой для промысловъ. Даже въ Осташковскомъ у., наиболѣе лѣсистомъ сравнительно съ остальными, ощущается теперь нужда въ лѣсномъ матеріалѣ“ [2]).

Въ Казанской губ. бондарный промыселъ „въ настоящее время приноситъ мало выгодъ... какъ на главную причину упадка указывается на пониженіе цѣнъ на готовыя издѣлія и на повышеніе цѣнъ на покупной лѣсъ“ [3]).

Отзывовъ такого рода можно было бы привести очень много, но и сказаннаго довольно для обрисовки основной тенденціи. Древообрабатывающіе промыслы падаютъ почти повсемѣстно — и не отъ конкуренціи крупнаго производства, а, главнымъ образомъ, отъ вздорожанія сырья.

По этой же причинѣ падаютъ угольный, дегтярный и смолокурный промыслы. Дегтярный промыселъ, впрочемъ, страдаетъ и отъ конкуренціи продукта крупнаго производства—нефти.

Вятская губ., въ качествѣ лѣсной губерніи, казалось бы, должна была менѣе всего страдать отъ истощенія лѣсовъ. Однако вздорожаніе лѣса весьма осязательно чувствуется и здѣсь. Промыселъ по сухой перегонкѣ дерева въ Вятской губ. „постепенно клонится къ упадку“. Смолодектярный промыселъ въ той же мѣстности сильно страдаетъ отъ конкуренціи нефти. „Надъ смолодегтярнымъ дѣломъ приходится поставить крестъ“ [4]), по выраженію вятскаго земскаго статистика, г. Кучина.

Мнѣ остается очень немного сказать о другихъ промыслахъ. Такъ промыслы по обработкѣ глины въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ характеръ мелкаго производства, конкуренція фабрики въ этой области выражается главнымъ образомъ въ конкуренціи фарфоровой и металлической посуды—продукта крупнаго фабричнаго производства, съ глиняной, изготавливаемой попрежнему ручнымъ способомъ мелкимъ производителемъ-кустаремъ. Такъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ардатовскаго уѣзда гончарный промыселъ

---

[1]) Сельскохоз. обзоръ Тверск. губ. за 1894 г. Промыслы, стр. 2—6.

[2]) Сельскох. очеркъ Тверск. губ. за 1894 г. Промыслы, стр. 2.

[3]) Матеріалы для сравнит. оцѣнки угодій Казанской губ. Спасскій у. стр. 108.

[4]) Промыслы Вятской губ. III, 189.

падаетъ потому, что „все болѣе и болѣе распространяющееся употребленіе чугунной, металлической и фарфоровой посуды на много сокращаетъ спросъ на гончарныя издѣлія“. Промыселъ даетъ ничтожный заработокъ, и крестьяне его не бросаютъ окончательно только по неимѣнію другихъ болѣе выгодныхъ заработковъ и по доступности сырого матеріала — глины. Въ такомъ же положеніи находится гончарный промыселъ и въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Лѣтъ двадцать тому назадъ промыселъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи; теперь же принадлежитъ къ числу падающихъ, благодаря развитію фабричнаго производства глиняной посуды въ Боровицкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи [1]). Въ Гжельскомъ районѣ горшечное производство, имѣвшее кустарный характеръ, въ настоящее время почти совершенно вытѣснено фарфоровой и фаянсовой промышленностью, сконцентрированной на крупныхъ фабрикахъ [2]). Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи гончарный промыселъ сокращается вслѣдствіе истощенія глины и вздорожанія лѣса [3]). Этотъ промыселъ точно такъ же падаетъ и въ Рыбинскомъ уѣздѣ [4]). Но вообще гончарный промыселъ принадлежитъ и по настоящее время къ числу очень немногихъ, въ которыхъ дѣйствительно господствуетъ „самостоятельное производство“ (что объясняется доступностью сырья и примитивностью техники производства). Для будущности гончарнаго промысла гораздо опаснѣе непосредственной конкуренціи фабрики вздорожаніе топлива [5]).

Остановимся на тщательно изслѣдованномъ щеточномъ промыслѣ Московской губерніи. Сравненіе этого промысла въ 1879 г. (годъ перваго обслѣдованія) и въ 1895 г. (годъ послѣдняго обслѣдованія) приводитъ къ очень любопытнымъ выводамъ. Промыселъ за это время значительно распространился, число лицъ, занимающихся имъ, возросло съ 835 до 1.424 человѣкъ, т. е. болѣе чѣмъ на 70%. Въ 1879 г. 56 щеточныхъ заведеній работали безъ помощи наемныхъ рабочихъ, въ 1895 г. число такихъ заведеній равнялось 185. Число мастерскихъ съ наемными рабочими въ 1879 г. со-

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ., III, 117.

[2]) Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1890 г. Промыслы Богородскаго уѣзда, стр. 12.

[3]) В. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. II. Приложенія, стр. 96.

[4]) Обзоръ Ярославской губерніи, II, стр. 37.

[5]) См. Сельскохозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1894 г. Промыслы, стр. 2.

ставляло около $^2/_3$ всѣхъ мастерскихъ, а въ 1895 г.—около 40%. Число крупныхъ мастерскихъ, имѣющихъ болѣе 10 рабочихъ, сократилось вдвое. Средняя величина промышленной единицы въ 1879 г. была 5,5 работниковъ, а въ 1895 г. — 4,7 работниковъ. Иными словами, промыселъ раздробился — производство приняло болѣе семейный характеръ.

Казалось бы, эти данныя свидѣтельствуютъ о торжествѣ чистаго „народнаго“ типа кустарнаго производства въ щеточномъ промыслѣ? На самомъ же дѣлѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно обратнымъ. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя, г. Руднева, измельчаніе щеточнаго промысла сопровождалось распространеніемъ въ немъ работы изъ чужого матеріала, по заказамъ крупныхъ производителей, многіе изъ которыхъ перебрались въ Москву и перенесли туда свои мастерскія. Промыселъ сталъ доступенъ малосостоятельнымъ семьямъ именно потому, что онъ потерялъ всякое подобіе самостоятельнаго производства. Положеніе производителя при этомъ ухудшилось. Иными словами, и въ щеточномъ производствѣ мы наблюдаемъ много разъ констатированное нами явленіе—кажущееся торжество семейнаго производства надъ капиталистическимъ оказывается вѣрнымъ симптомомъ торжества капиталистической промышленности [1]).

Итакъ упадокъ наиболѣе важныхъ кустарныхъ промысловъ подъ вліяніемъ развитія крупнаго производства и вздорожанія сырья въ общемъ представляется несомнѣннымъ. Но не нужно представлять себѣ слишкомъ шаблонно, схематически процессъ промышленной эволюціи, приводящій къ побѣдѣ болѣе совершенныхъ въ техническомъ отношеніи формъ промышленности — къ побѣдѣ фабрики надъ примитивнымъ мелкимъ производствомъ на дому. Взаимодѣйствіе фабрики и кустарнаго производства и теперь, какъ и прежде, выражается не только въ поглощеніи послѣдняго первой.

По справедливому замѣчанію г. Харизоменова, фабрика „въ большинствѣ случаевъ, убивая одну отрасль кустарнаго промысла, параллельно развиваетъ другую... Если суконная фабрика убила (въ Опаринской волости) домашнее производство нѣмецкихъ суконъ, то та же фабрика дала опаринцамъ „кромку“, слѣдовательно, развила новую отрасль домашняго суконнаго производства“ [2]).

[1]) О щеточномъ промыслѣ въ 1895 г. см. Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1895 г. Щеточный промыселъ. С. Руднева.

[2]) Промыслы Влад. губ. II, стр. 146.

Почти на нашихъ глазахъ въ селѣ Кимрахъ возникла новая отрасль сапожнаго производства—выдѣлка такъ называемаго гамбургскаго товара, благодаря устройству вблизи Кимръ большого кожевеннаго завода, открывшаго выдѣлку кожи по новому способу [1]). Красноперовъ въ „Сборникѣ Пермскаго земства“ отмѣчаетъ тотъ же фактъ относительно кожевенныхъ промысловъ. „Кожевенное кунгурское производство“,—говоритъ онъ,—„есть типичный выразитель идеи органической связи фабричной и кустарной промышленности... Кому не доводилось слышать, что между крупной и мелкой промышленностью существуетъ антагонизмъ, что фабрика поглощаетъ и поглотитъ кустарную промышленность... а здѣсь, наоборотъ, мы видимъ, что фабрика вступаетъ въ правильный союзъ съ кустарной промышленностью, имѣя цѣлью не подавленіе этой промышленности, но развитіе ея силъ“ (Сборн. Перм. земства 1889 г. № 6, стр. 3—4).

Вокругъ крупной промышленности г. Кунгура группируется цѣлый рядъ кустарныхъ промысловъ, какъ-то: отдѣлка кожъ, шитье кожаной обуви, изготовленіе шпильки для сапогъ, деревянныхъ сапожныхъ колодокъ, приготовленіе золы для кожевенныхъ заводовъ и пр.

Фактъ развитія нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ подъ вліяніемъ фабрики отмѣченъ Красноперовымъ совершенно вѣрно, но его комментаріи свидѣтельствуютъ только объ обычной недальновидности нашихъ народниковъ. Изъ того, что фабрика порождаетъ кустарные промыслы, Красноперовъ заключаетъ, что никакого антагонизма между этими формами промышленности не существуетъ. Послѣднее совсѣмъ невѣрно: вызывая новые промыслы на одной стадіи промышленнаго развитія, фабрика на слѣдующей стадіи вступаетъ съ ними въ борьбу и уничтожаетъ ихъ, создавая новые промыслы, которымъ предстоитъ погибнуть подъ вліяніемъ конкуренціи крупнаго производства въ слѣдующей стадіи и т. д. и т. д. Такимъ образомъ фабрика и крупное производство неуклонно идутъ впередъ и завоевываютъ одну отрасль промышленности за другой, несмотря на возникновеніе подъ вліяніемъ фабрики новыхъ мелкихъ промысловъ.

Въ то время, какъ одни промыслы исчезаютъ или исчезли, ихъ мѣсто занимаютъ другіе; такъ, напр., во Владимірской губерніи,

---

[1]) Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности Россіи, I, 225.

гдѣ фабрика особенно энергично вытѣсняетъ кустаря изъ болѣе важныхъ старинныхъ промысловъ (какъ, напр., ткацкій), развивается валяльный промыселъ, въ нѣкоторой, хотя и далеко не полной степени замѣняющій первые [1]). Къ числу развивающихся промысловъ принадлежитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и овчинношубное производство (хотя въ Ярославской губ. оно быстро падаетъ). Въ Московской губерніи въ нѣкоторыхъ деревняхъ распространяется патронный промыселъ (выдѣлка папиросныхъ гильзъ); то же самое констатируется и относительно Тверской губерніи. Нѣкоторые металлическіе промыслы и теперь, какъ и прежде, группируются вокругъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ и развиваются вмѣстѣ съ ростомъ фабричнаго производства [2]). Сапожный и портняжный промыслы также развиваются во многихъ пунктахъ, удаленныхъ отъ крупныхъ центровъ производства. Въ Костромской губерніи, въ Кинешемскомъ уѣздѣ, до 60-хъ годовъ было развито кустарное ткачество сукна; съ этого времени суконное ткачество стало падать, благодаря конкуренціи фабрикъ; взамѣнъ этого сталъ быстро распространяться новый сапоговаляльный промыселъ. Въ 1895 г. въ Кинешемскомъ уѣздѣ считалось уже до 5000 рукъ, занятыхъ валяльнымъ промысломъ. Впрочемъ, въ настоящее время валяльное производство утрачиваетъ кустарный характеръ и стягивается въ крупныя заведенія. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя, „исчезаютъ болѣе мелкіе заводы, и насчетъ ихъ расширяются крупные“. Можно было бы привести много примѣровъ кустарныхъ промысловъ, которые не только не падаютъ, но, видимо, растутъ, или даже возникаютъ вновь въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ.

Въ общемъ промышленная эволюція Россіи идетъ слѣдующимъ образомъ. Общій объемъ промышленности быстро растетъ и все большая доля населенія отвлекается отъ земледѣлія къ промышленности. Чѣмъ крупнѣе производство, тѣмъ ростъ его совершается энергичнѣе. Повидимому, число кустарей у насъ сокращается. Но ничего не было-бы невозможнаго, если-бы количество ихъ даже росло и въ то же время фабрика энергично вытѣсняла и поглощала кустарные промыслы. Это могло-бы зависѣть отъ того, что на мѣсто исчезающихъ промысловъ возникаютъ новые, съ которыми фабрика пока не конкурируетъ и

---

[1]) Промыслы Влад. губ. II, стр. 271.

[2]) См. Труды кустр. ком. XIV, стр. 474.

которые она иногда непосредственно поддерживаетъ, давая имъ матеріалъ для обработки, удешевляя разнаго рода средства производства, создавая иногда усиленный запросъ на тѣ или иные предметы ручной выдѣлки и пр. Сила кустарной промышленности въ Россіи, представляющей типичную форму, со всѣми ея ужасами, такъ назыв. sweating system, заключается въ безграничной эксплуатаціи рабочаго, которую она допускаетъ. Именно поэтому не только въ Россіи, но и на Западѣ, такъ назыв. домашняя промышленность обнаруживаетъ, въ ущербъ интересамъ рабочаго класса, значительную живучесть. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ домашняя промышленность болѣе передовыхъ странъ Запада даже еще успѣшнѣе отстаиваетъ свое существованіе, чѣмъ русская кустарная промышленность. Такъ, напр., въ Англіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности наблюдается положительный ростъ работы на дому въ ущербъ фабрикѣ. Объясняется это тѣмъ, что различіе между условіями труда на фабрикѣ и на дому въ Англіи несравненно больше, чѣмъ въ Россіи. Въ силу этого своеобразное преимущество домашней работы—крайняя дешевизна труда—въ Англіи является болѣе могучимъ орудіемъ конкуренціи домашней промышленности съ фабрикой, чѣмъ въ Россіи.

Разъ мы коснулись этого вопроса, то нужно остановиться на немъ подробнѣе. Самый фактъ устойчивости домашней системы выжиманія пота не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе англійскіе фабричные инспектора въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ. Такъ въ отчетѣ за 1894 г. указывается на возрастаніе домашнихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда во Стокпортѣ. Въ Дёндонѣ фабричный инспекторъ предписалъ фабриканту перестроить мастерскую; вмѣсто этого хозяинъ распустилъ рабочихъ и сталъ давать работу на домъ. Въ Сванси, Кардиффѣ въ портняжномъ промыслѣ число рабочихъ, работающихъ на дому, возрастаетъ. На ряду съ этимъ, въ другихъ центрахъ быстро растетъ на счетъ ремесла фабричное производство. По словамъ Макдональда, одного изъ сотрудниковъ Бутса, организатора извѣстнаго статистическаго обслѣдованія Лондона, результаты котораго были опубликованы въ книгѣ „Life and Labour of the People of London“, „общая тенденція портняжнаго промысла въ Лондонѣ идетъ въ двухъ опредѣленныхъ и противоположныхъ направленіяхъ: первая тенденція—къ высоко-организованной спеціализированной фабричной системѣ, вторая—къ старой домашней промышленности XVIII вѣка“.

Почему же одновременно растетъ насчетъ ремесла и фабрика и домашняя работа? (Замѣчу, что тоже наблюдается, какъ показала послѣдняя промышленная перепись, и въ Германіи: ремесло падаетъ, а на мѣсто его растетъ фабрика и домашняя система. Только въ текстильной индустріи Германіи падаетъ и домашняя система, вытѣсняемая фабрикой). Потому, что и машина и домашняя система являются различными методами достиженія одной и той же цѣли: пониженія издержекъ производства и повышенія прибыли. Машина является методомъ пониженія издержекъ производства путемъ повышенія производительности труда; домашняя система выжиманія пота—методомъ пониженія издержекъ производства путемъ увеличенія эксплуатаціи рабочаго. Результатъ съ точки зрѣнія капиталиста одинъ и тотъ же — увеличеніе барыша; съ точки же зрѣнія всего общества—діаметрально противоположный. Въ первомъ случаѣ производительность труда повышается, во второмъ—понижается.

Такимъ образомъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ имѣются тенденціи, прямо задерживающія промышленный прогрессъ: стремленіе къ достиженію наибольшей прибыли можетъ поддерживать такія формы промышленности, сохраненіе которыхъ и съ технической, и съ общественной точки зрѣнія является одинаково нежелательнымъ. Ядовитый продуктъ капитализма—домашняя система выжиманія пота обнаруживаетъ чрезвычайную живучесть и задерживаетъ увеличеніе производительности труда, замѣняя таковое увеличеніемъ эксплуатаціи рабочаго.

Я не буду останавливаться надъ характеристикой условій работы нашихъ кустарей. Всѣмъ извѣстно, что нищенская плата, непомѣрно продолжительный рабочій день и крайняя эксплуатація дѣтскаго труда являются характерными отличительными чертами нашей кустарной промышленности. Не менѣе извѣстно, что такъ называемый самостоятельный кустарь въ дѣйствительности находится въ полной зависимости отъ посредника — мастерка, свѣтелочника, скупщика,—который изъ него выжимаетъ буквально всѣ соки, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наглый обманъ, плутовство, расплату не деньгами, а товаромъ по непомѣрно высокой цѣнѣ, закабаленіе кустаря въ неоплатнаго должника и пр. и пр. Приведу характеристику кустарныхъ ткачей изъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи“. Характеристика эта приложима, въ общемъ, ко всей нашей кустарной промышленности, какъ это извѣстно всѣмъ знакомымъ съ дѣломъ.

„Обязательнаго времени для начала и окончанія работъ въ свѣтелкахъ нѣтъ... Продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ перерывовъ на отдыхъ и на принятіе пищи, колеблется между 14 и 15 часами въ сутки... Но во время великаго поста, когда мастерокъ торопитъ рабочихъ... работы продолжаются 16 и 17 часовъ въ сутки, не исключая праздничныхъ дней; въ эту пору нерѣдко въ 3 часа утра можно застать въ свѣтелкѣ ткачей, а до 12 часовъ ночи работаетъ большинство... Дѣти съ 6—7 лѣтняго возраста засаживаются мотать шпули для ткачей... Заработки ткачей, вырабатывающихъ бумажныя ткани на ремизныхъ станахъ, колеблются между 14 и 30 коп. въ день... чистый заработокъ ткача будетъ 5 р. 10 к. въ мѣсяцъ... Безвыгодность промысла увеличивается еще тѣмъ, что ткачи почти никогда не получаютъ свой заработокъ наличными деньгами, а принуждены набирать его провизіей по возвышенной цѣнѣ“. Между тѣмъ „на самоткацкихъ фабрикахъ средній заработокъ какъ мужчины такъ и женщины равняется 13—14 р. въ мѣсяцъ“ [1]).

Повторяю, совершенно сходными чертами характеризуются и другіе кустарные промыслы. Въ русской экономической литературѣ не существуетъ разногласія относительно того, что современное положеніе кустарей крайне тягостно. Но многіе думаютъ, что изъ этого тягостнаго положенія есть легкій выходъ: нужно только организовать кустарей въ артели, облегчить сбытъ кустарныхъ издѣлій при помощи земскихъ складовъ, удешевить кредитъ при помощи кустарныхъ банковъ—и дѣло въ шляпѣ. Наша точка зрѣнія иная. Мы не отрицаемъ, что означенныя мѣры могутъ улучшить положеніе той или иной болѣе зажиточной и экономически сильной группы кустарей. Поэтому мы не противъ этихъ мѣръ — мы стоимъ за нихъ. Но мы глубочайшимъ образомъ убѣждены, что никакіе артели, склады и банки не въ силахъ существенно улучшить положеніе массы кустарей, ибо все зло коренится не въ чемъ иномъ, какъ въ самомъ существѣ кустарной промышленности. Пока будетъ существовать кустарная промышленность, до тѣхъ поръ будетъ существовать и безпредѣльная эксплуатація кустарей. Только превращеніе кустарной промышленности въ фабричную покончитъ съ этой эксплуатаціей. Но, разумѣется, такое превращеніе совершится еще очень не скоро; и понятно,

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. VII. Вып. III.

пока кустарная промышленность существуетъ, нужно принимать мѣры помощи кустарямъ, несмотря на сознаніе, что значеніе этихъ мѣръ ограничено, подобно тому какъ, разъ существуетъ нищенство, нужно помогать нищимъ.

Чтобы убѣдиться въ неизбѣжной связи домашней системы промышленности съ угнетеніемъ, эксплуатаціей и выжиманіемъ пота изъ рабочаго, достаточно сравнить положеніе кустарей у насъ и на западѣ. Кажется, трудно найти двѣ европейскія страны до такой степени несходныя между собой, какъ Россія и Англія. А между тѣмъ изученіе англійской кустарной промышленности показываетъ, что англійскіе кустари многими чертами поразительно напоминаютъ своихъ русскихъ собратьевъ. Такая же организація промысла, такая же зависимость отъ скупщика, такая же бѣдность, такая же безпомощность, такой же непомѣрно длинный рабочій день и даже такая же невѣжественность.

Для примѣра остановимся на нѣкоторыхъ кустарныхъ промыслахъ Англіи, которымъ посвящено прекрасное изслѣдованіе Джона Бернетта „Report as to the Conditions of Nail-makers and Chain-makers in South Staffordshire and South Worcestershire“ (1886). Эти промыслы были также изучены комиссіей палаты лордовъ, изслѣдовавшей въ концѣ 50-хъ годовъ такъ назыв. sweating system (см. особенно Third Report from the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System. 1889) и королевской комиссіей по вопросамъ труда, (см. Second Report of the Royal Commission of Labour. 1892). Всѣ эти изслѣдованія вполнѣ сошлись по своимъ результатамъ, и благодаря имъ, организація и весь строй обслѣдованныхъ кустарныхъ промысловъ—гвоздарнаго и цѣпнаго промысла въ центрѣ Англіи—выяснились съ совершенной полнотой.

Гвоздарный промыселъ является однимъ изъ самыхъ старинныхъ въ Стаффордширѣ. Въ теченіе многихъ столѣтій этотъ промыселъ процвѣталъ въ селеніяхъ, окружающихъ Бирмингамъ. Въ настоящее время онъ находится въ упадкѣ по той же причинѣ, которая вызвала упадокъ кустарнаго гвоздарнаго производства и въ Россіи — благодаря вытѣсненію ручного гвоздя машиннымъ. Въ 1830 году въ центральныхъ графствахъ Англіи считалось не менѣе 50.000 ручныхъ гвоздарей. Около этого времени въ гвоздарное производство начала проникать машина. Число ручныхъ гвоздарей стало сокращаться. Въ 1866 г. ихъ насчитывалось не болѣе 20.000. Затѣмъ число ихъ продолжало уменьшаться, но

уже не столь быстрымъ темпомъ. Къ концу 80-хъ годовъ и къ началу 90-хъ ихъ насчитывалось около 15.000. Машина захватываетъ все новыя области гвоздарнаго дѣла, но до настоящаго времени существуютъ нѣкоторые сорта гвоздей, которые выдѣлываются исключительно руками.

Во всякомъ случаѣ ручные гвоздари, хотя и сильно сократившись по своей численности, все же существуютъ въ Англіи. Цѣлыя селенія въ окрестностяхъ Бирмингама занимаются исключительно ручнымъ гвоздарнымъ промысломъ. Само собой разумѣется, эти гвоздари не имѣютъ своей земли и своихъ домовъ: они живутъ въ наемныхъ коттеджахъ, при которыхъ обыкновенно имѣются небольшіе огороды. Въ огородахъ разводятся овощи—главнымъ образомъ картофель. Большинство гвоздарей держитъ мелкій скотъ—особенно свиней. Лѣтомъ гвоздари занимаются иногда земледѣльческими работами по найму, напр., косьбой сѣна.

Желѣзо для гвоздей гвоздари получаютъ отъ iron-masters — хозяевъ-заказчиковъ, имѣющихъ склады желѣза и гвоздей, отъ посредниковъ-факторовъ, по мѣстному выраженію — „фоггеровъ“ (foggers), или же покупаютъ его сами. Послѣднее бываетъ рѣдко, но все же бываетъ.

Что же такое представляетъ собою „хозяинъ“? Хозяинъ—это важный баринъ, фабрикантъ или крупный торговецъ гвоздями. На гвоздарныхъ фабрикахъ выдѣлываются машинами, какъ сказано, далеко не всѣ сорта гвоздей. Гвозди ручной выдѣлки куются для фабрикантовъ въ кустарныхъ кузняхъ.

„Фоггеръ“—мелкій капиталистъ, торговый посредникъ, то, что у насъ называется „скупщикъ“, „хозяйчикъ“, „кулакъ“. Иногда фоггеръ имѣетъ свою кузню и даже самъ работаетъ въ ней; но чаще всего онъ не принимаетъ никакого участія въ производствѣ. Большинство фоггеровъ—мѣстные лавочники, трактирщики или просто скупщики гвоздей. Иногда они сами покупаютъ желѣзо, иногда же берутъ его у хозяевъ. Во всякомъ случаѣ они не комиссіонеры хозяевъ. Они сами отъ себя раздаютъ желѣзо гвоздарямъ и получаютъ отъ нихъ гвозди. Гвозди они перепродаютъ обыкновенно хозяевамъ, но иногда продаютъ ихъ и на сторону.

Вотъ эти-то фоггеры и являются настоящей язвой мелкаго гвоздарнаго промысла. Гвоздари относятся къ нимъ прямо съ ненавистью. Само собой разумѣется, что фоггеръ долженъ давать меньшую плату за ковку гвоздей, чѣмъ хозяинъ, — иначе, какая ему была бы выгода перепродавать гвозди? Но этого мало: фог-

геръ обыкновенно норовитъ еще притѣснить и надуть своего кліента-кустаря. Самый примитивный видъ надувательства, вполнѣ безцеремонный и даже наивный по своей простотѣ, — фальшивые вѣсы. На плутни съ вѣсами указывалъ цѣлый рядъ свидѣтелей, опрошенныхъ комиссіей палаты лордовъ. Само собою разумѣется, что такіе грубые пріемы надувательства, легко допускающіе провѣрку, не ускользаютъ отъ вниманія гвоздарей. Но кліенты фоггеровъ не изъ числа людей, умѣющихъ и имѣющихъ возможность защищать свои интересы. Они прекрасно видятъ плутни фоггера, но принуждены ихъ терпѣть, такъ какъ иначе фоггеръ откажется имѣть съ ними дѣло.

Другой обычный способъ притѣсненія фоггерами кустарей — расплата не деньгами, а провизіей, мукой, вообще товарами изъ лавки. Truck-system строго запрещается и преслѣдуется англійскими законами. Но какъ услѣдить за мелкими сдѣлками, совершающимися tête à tête между фоггеромъ и его жертвой, въ особенности, когда эта жертва менѣе всего склонна выводить на чистую воду незаконные пріемы фоггера? Дѣло устраивается такимъ образомъ: фоггеръ платитъ кустарю наличными деньгами, но съ однимъ условіемъ—жена гвоздаря должна покупать всю провизію въ лавкѣ фоггера. А цѣны въ этой лавкѣ значительно выше обычныхъ. Опять-таки кустари прекрасно понимаютъ всю незаконность требованій фоггера, но та же властная сила нужды заставляетъ ихъ молчать.

Затѣмъ желѣзо, которое даютъ фоггеры, самаго худшаго качества, а цѣну за него они ставятъ, какъ за хорошее. Нерѣдко они прямо даютъ одинъ номеръ желѣза вмѣсто другого, къ большому убытку кустаря.

Само собою разумѣется, что фоггеры не признаютъ обычныхъ нормальныхъ цѣнъ на работу, господствующихъ въ данный моментъ. Крупные капиталисты, хозяева платятъ по такъ называемымъ „price-lists“, — нормальнымъ цѣнамъ, установленнымъ по соглашенію хозяевъ съ рабочими. Для фоггера нормальныхъ цѣнъ не существуетъ: онъ имѣетъ дѣло не съ рабочими, какъ общественной группой, а съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, и устанавливаетъ плату для каждаго кустаря отдѣльно.

Но если фоггеръ до такой степени притѣсняетъ кустаря, то что же заставляетъ послѣдняго обращаться къ нему? Нужда. Дѣло въ томъ, что крупные капиталисты-хозяева не любятъ имѣть дѣло съ плохими рабочими, съ пожилыми, одиночками. Они предпочи-

таютъ получать гвозди большими партіями. Затѣмъ крупные заказчики нерѣдко сокращаютъ свои заказы, если сбытъ гвоздей по тѣмъ или инымъ причинамъ идетъ плохо. Этимъ и пользуются фоггеры. Гвоздарю нуженъ заработокъ, а работы нѣтъ — фабрикантъ не даетъ заказовъ. Къ кому обратиться? Къ фоггеру, который тутъ же подъ бокомъ, въ деревнѣ. Самое лучшее время для фоггера—это застой торговли. Тутъ-то онъ и развиваетъ свою дѣятельность. Гвоздари наперерывъ ищутъ работы, крупные хозяева ея не даютъ, такъ какъ давать обычную плату рабочимъ имъ невыгодно—цѣны на гвозди низки, а платить ниже нормальной цѣны нельзя (хозяева имѣютъ дѣло со многими рабочими; сдѣлки съ ними совершаются открыто; пониженіе платы могло бы натолкнуться на сопротивленіе рабочихъ). Приходится обращаться къ фоггеру, который не смущается никакими нормальными цѣнами и всегда готовъ дать работу, но ужъ, разумѣется, по такой цѣнѣ, которую находитъ для себя выгодной.

Всѣ плохіе рабочіе, старики, женщины, легко становятся добычею фоггера. Крупные хозяева нерѣдко жалуются, что фоггеры, продавая гвозди на сторону, сбиваютъ цѣны. Тѣмъ не менѣе сами хозяева охотно прибѣгаютъ къ услугамъ фоггеровъ, даютъ имъ заказы и покупаютъ у нихъ гвозди.

Фоггеры занимаются далѣе скупкой гвоздей небольшими партіями у тѣхъ кустарей, которые, не получая заказовъ со стороны, сами покупаютъ желѣзо и куютъ изъ него гвозди. Наконецъ кустари прибѣгаютъ къ услугамъ фоггера нерѣдко и потому, что магазинъ гвоздарнаго торговца или гвоздарная фабрика расположены далеко отъ деревни, а тащить на себѣ тяжелыя связки желѣза и гвоздей не легко, особенно для женщины. Фоггеръ же помѣщается ближе, и поэтому, какъ ни ненавидятъ его кустари, а все же приходится къ нему обращаться.

Посмотримъ же, каково положеніе этихъ кустарей. Вотъ какъ характеризуетъ его Бернеттъ: „Заработки гвоздарей чрезвычайно низки... а рабочій день чрезвычайно продолжителенъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи не замѣчается никакихъ попытокъ къ урегулированію. Санитарныя условія домовъ и мастерскихъ—самыя ужасныя; общій строй жизни — крайняя нищета и бѣдность; значительная часть ихъ живетъ прямо впроголодь“.

По словамъ Бернетта, обычный заработокъ женщинъ (значительная часть гвоздарей—женщины) 2 ш. 6 п.—5 ш. въ недѣлю. 2 ш. 6 п.—на наши деньги околя рубля—менѣе 20 коп. въ день

за работу, превышающую 12 час. въ сутки. Совсѣмъ какъ у насъ!

Извѣстно, какое значительное повышеніе заработной платы наблюдалось въ Англіи за послѣднія 50 лѣтъ. Въ гвоздарномъ промыслѣ мы видимъ обратное. Заработная плата, по словамъ Бернетта, со времени 40-хъ годовъ не только не повысилась, но даже значительно упала.

Гвоздари Стаффордшира отличаются невѣжествомъ, — значительная часть ихъ совсѣмъ не умѣетъ читать и писать. Еще одна характерная черта: хотя они живутъ въ странѣ желѣза, но по бѣдности почти не употребляютъ на своихъ вѣсахъ желѣзныхъ гирь, а довольствуются... камнями.

Казалось бы, при той ненависти, какую внушаетъ стаффордширскимъ кустарямъ торговый посредникъ, скупщикъ, они могли бы такъ или иначе избавиться отъ него, хотя бы путемъ стачекъ. Замѣтьте, что фоггеры не только притѣсняютъ кустарей—ихъ не любятъ и солидные хозяева, такъ какъ фоггеры не только сбиваютъ плату за трудъ, но и за товаръ. Какой огромный прогрессъ мы видимъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни Англіи за послѣднія 50 лѣтъ! Англійскіе рабочіе въ началѣ 40-хъ годовъ и въ концѣ этого столѣтія — вѣдь это прямо два разныхъ міра! Чего только не достигъ за это время англійскій рабочій! И участія въ политической жизни страны, и завершенія своей экономической организаціи, и созданія колоссальныхъ кооперативныхъ предпріятій, охватившихъ собою сотни тысячъ населенія; наконецъ, какъ результатъ всего этого, онъ достигъ несомнѣннаго и весьма замѣтнаго улучшенія своего экономическаго положенія—повышенія заработной платы и сокращенія времени труда.

Но вотъ передъ вами англійскій кустарь. Заработокъ его со времени 40-хъ годовъ не повысился, а понизился. Число рабочихъ часовъ такое же, какъ и раньше, быть можетъ даже большее, чѣмъ раньше. По словамъ Бернетта, кустари работаютъ отъ 12 до 14 часовъ въ сутки — врядъ-ли ихъ рабочій день могъ когда либо быть продолжительнѣе. Избавиться отъ торговаго посредника кустарь оказывается не въ силахъ. По словамъ Бернетта, „за исключеніемъ truck-system (которая теперь развита меньше), „фоггеръ“ нашего времени тотъ же, что и „фоггеръ“ 46 лѣтъ тому назадъ; его отталкивающія черты скорѣе ухудшились, стали рѣзче за это время“.

Чѣмъ же объясняется тягостное положеніе, можно сказать,

полная безпомощность гвоздарей? Пусть отвѣтитъ намъ тотъ же безпристрастный и компетентный наблюдатель, отъ котораго я заимствовалъ большинство приведенныхъ фактовъ—Бернеттъ.

„Для гвоздарей, — говоритъ онъ, — работающихъ въ своихъ маленькихъ кузняхъ съ ранняго утра до поздней ночи, всякіе союзы крайне затруднительны. Каждый думаетъ только о себѣ и своей семьѣ и не заботится о другихъ. Индивидуализмъ процвѣтаетъ среди нихъ въ полной силѣ. Они изолированы другъ отъ друга во время работы и за прилавкомъ магазина должны вступать въ изолированныя сдѣлки съ тѣми, кто платитъ имъ за трудъ и нанимаетъ ихъ. Капиталистъ можетъ пользоваться однимъ рабочимъ противъ другого, и по этой причинѣ цѣны на трудъ опредѣляются ожесточенной конкуренціей изъ-за куска хлѣба. Эта конкуренція есть несомнѣнный и необходимый результатъ домашней системы промышленности (small domestic workshop system), въ которой лежитъ корень многихъ, если не всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ гвоздарь. Когда люди работаютъ другъ около друга на фабрикѣ, это естественно ведетъ къ какому-нибудь прямому или непрямому соглашенію между ними“ (Report, стр. 10).

Но, можетъ быть, придавленность гвоздарей объясняется вовсе не самымъ существомъ домашней формы промышленности; можетъ быть, Бернеттъ не правъ, указывая именно на эту форму промышленности, какъ на источникъ всѣхъ или почти всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаютъ гвоздари? Гвоздарное производство—падающій промыселъ. Съ гвоздарёмъ конкурируетъ машина. Не отъ этого ли зависитъ угнетенное положеніе рабочихъ? Прибѣгнемъ къ experimentum crucis. Возьмемъ кустарный же промыселъ, но развивающійся, не боящійся машины. Такимъ промысломъ является цѣпной промыселъ въ томъ же Стаффордширѣ.

Промыселъ этотъ—сравнительно недавняго происхожденія. Онъ появляется въ Стаффордширѣ въ первыхъ десятилѣтіяхъ этого вѣка. Какъ прежде, такъ и теперь, цѣпи изготовляются почти исключительно руками. Только очень толстыя цѣпи сгибаются машинами. Число кустарей-цѣпочниковъ не только не сокращается, но быстро возрастаетъ. За послѣднія 20 лѣтъ, по расчету Бернетта, число цѣпочниковъ болѣе чѣмъ удвоилось. Этотъ быстрый ростъ объясняется тѣмъ, что цѣпной промыселъ раскинутъ по тѣмъ же деревнямъ, что и гвоздарный,—многіе гвоздари, принужденные бросить гвоздарную работу, становятся цѣпочниками. Экономическая организація промысла совершенно та же, что и

гвоздарнаго промысла. Работа производится цѣпочниками въ такихъ же маленькихъ кузняхъ при коттеджахъ, по заказамъ хозяевъ или фоггеровъ, которые такъ же давятъ кустарей. Цѣпной фоггеръ ничѣмъ не лучше гвоздарнаго фоггера: тѣ же отталкивающія черты ничѣмъ не обуздываемой эксплуатаціи труда; такія же убогія, жалкія жилища; такія же полуразвалившіяся, тѣсныя кузницы; тотъ же непомѣрно-продолжительный рабочій день и такая же нищенская рабочая плата. Никакого существеннаго различія въ положеніи гвоздарей и цѣпочниковъ не замѣчается.

Въ производствѣ цѣпей около половины рабочихъ работаютъ въ домашнихъ мастерскихъ, половина—на фабрикахъ. Интересно сравнить положеніе тѣхъ и другихъ. Обратимся къ отчету Бернетта. „Что касается до цѣпныхъ фабрикъ,—говоритъ онъ,—то о нихъ много говорить не приходится. Санитарныя условія на нихъ вообще хороши, заработная плата такова, что рабочіе могутъ прилично жить, а число рабочихъ часовъ умѣренно... Фабричный цѣпной рабочій физически представляетъ собою совершенно иной типъ, чѣмъ гвоздарь или цѣпочникъ въ мелкомъ производствѣ. Это различіе физическаго сложенія сразу бросается въ глаза и зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ меньшей продолжительности труда, большей платы и высшаго уровня жизни“. Бернеттъ приводитъ для сравненія описаніе одной цѣпной фабрики. Рабочій день на этой фабрикѣ не превышаетъ 9 час., а по понедѣльникамъ и субботамъ бываетъ значительно короче. Средняя заработная плата—25 и 30 шилл. въ недѣлю.

Но развѣ нельзя ничѣмъ помочь кустарямъ? Почему кустари не образуютъ рабочаго союза, почему они не пробуютъ прибѣгнуть къ помощи кооперації и устройству кооперативнаго магазина для сбыта своихъ издѣлій, или кооперативной мастерской? Все это было перепробовано—и неудачно. Рабочіе союзы не могутъ объединить кустарей вслѣдствіе ихъ изолированности. Рабочій союзъ предъявляетъ довольно тяжелыя требованія къ своимъ членамъ. Во-первыхъ, члены должны дѣлать денежные взносы въ кассу союза, а откуда взять на это деньги, если заработка едва хватаетъ на полуголодное существованіе? Во-вторыхъ, союзъ требуетъ, чтобы члены его не брали работы ниже опредѣленной платы. Послѣднее требованіе является непреодолимымъ препятствіемъ для организаціи гвоздарей и цѣпочниковъ. Всѣ попытки поднять заработную плату оказывались безуспѣшными, потому что среди кустарей всегда находились многіе, которые соглаша-

лись работать за меньшую плату, работать на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы не умереть съ голоду.

Что касается до кооперації, то она оказывается столь же мало примѣнимой къ кустарному производству. Сердобольные люди, сочувствующіе тяжелому положенію кустарей, но мало понимающіе практическія трудности кооперації, рекомендуютъ ее кустарямъ. Но люди практики и сами кустари не считаютъ подобныя предложенія серьезными. О кооперативныхъ предпріятіяхъ среди кустарей толковали уже много лѣтъ тому назадъ. Одна кооперативная мастерская дѣйствительно возникла, но успѣха не имѣла и продержалась недолго. Кооперація наталкивается, какъ на стѣну, на недовѣріе кустарей другъ къ другу.

Однако, если положеніе фабричныхъ рабочихъ настолько лучше положенія кустарей, почему же кустари не идутъ на фабрику? По очень многимъ и весьма разнообразнымъ причинамъ. Во-первыхъ, и это самое главное, потому, что на фабрику ихъ не берутъ. Хозяева предпочитаютъ давать работу на домъ. Огромное преимущество домашней работы, съ точки зрѣнія предпринимателя, заключается въ томъ, что при домашней работѣ можно легко расширять и сокращать производство. Иными словами, когда спросъ на товаръ падаетъ, хозяинъ можетъ оставить рабочихъ безъ работы. На фабрикѣ это гораздо труднѣе, такъ какъ фабрика не можетъ долгое время стоять праздно, иначе капиталъ, затраченный на фабрику, не будетъ давать никакого дохода. Чѣмъ болѣе крупныя суммы затрачены на фабрику, тѣмъ убыточнѣе для хозяина прекращеніе производства—во многихъ случаяхъ фабриканты по цѣлымъ годамъ работаютъ прямо въ убытокъ, потому что прекращеніе работы было бы еще убыточнѣе. При домашнемъ производствѣ предприниматель не имѣетъ никакого основного капитала—онъ легко можетъ сокращать и даже прекращать производство. Легко понять, что эта выгода домашняго производства съ точки зрѣнія капиталиста есть огромная невыгода съ точки зрѣнія рабочаго. Затѣмъ, хозяинъ нерѣдко предпочитаетъ давать работу на домъ потому, что такой способъ найма рабочаго облегчаетъ пониженіе заработной платы и удлиненіе рабочихъ часовъ. На фабрикѣ фабрикантъ подчиняется фабричнымъ законамъ, а при работѣ на дому онъ не стѣсненъ ничѣмъ.

Существуетъ много другихъ причинъ, поддерживающихъ раздачу работы на дома. Доступъ на фабрику очень труденъ для кустаря. На фабрику попадаютъ только самые лучшіе рабочіе.

Работа на фабрикѣ не имѣетъ ничего общаго съ работой на дому,—для кустаря, привыкшаго къ домашней работѣ, фабрика часто бываетъ недоступна уже потому, что онъ не знаетъ фабричной работы. Для женщинъ гвоздарныя и цѣпныя фабрики совсѣмъ закрыты. Но нельзя отрицать и того, что извѣстнымъ препятствіемъ для распространенія фабричнаго производства является нежеланіе многихъ кустарей итти на фабрику. Они предпочитаютъ жить нищенской жизнью въ деревнѣ, къ которой привыкли съ дѣтства, работать въ своихъ маленькихъ кузняхъ, начинать и кончать работу, когда заблагоразсудится. Работа на фабрикѣ отталкиваетъ многихъ кустарей своей желѣзной дисциплиной. Призракъ свободы, который они видятъ въ своихъ коттеджахъ, кажется имъ привлекательнѣе той реальной, хотя и ограниченной свободы, которую они могутъ получить на фабрикѣ.

Какъ же относятся сами рабочіе, въ лицѣ своихъ наиболѣе интеллигентныхъ представителей, къ домашней промышленности? Пускай говорятъ они сами.

Вотъ, напр., показанія передъ комиссіей палаты лордовъ Джиггинса, секретаря федераціи рабочихъ союзовъ „Midland Counties Trade Federation“.

В.—Чѣмъ вы недовольны? дурнымъ устройствомъ кузницы?—О.—Нѣтъ, мы недовольны домашней работой вообще.—В.—Вы противъ домашней работы?—О.—Да.—В.—Потому, что маленькія мастерскія находятся въ худшихъ санитарныхъ условіяхъ?—О.—Потому, что конкуренція сильнѣе въ домашнихъ мастерскихъ, чѣмъ на фабрикахъ. На фабрикѣ даютъ большую плату, чѣмъ въ домашнихъ мастерскихъ.—В.—Думаете ли вы, что сами рабочіе предпочли бы работать на фабрикахъ, а не въ домашнихъ мастерскихъ?—О.—Да, я такъ думаю.—В.—Думаете ли вы, что независимость, доставляемая работой у себя, свобода работать, какъ хочешь и когда хочешь, не соблазняетъ многихъ держаться за эту систему?—О.—Да, соблазняетъ людей безъ принциповъ (unprincipled men).—В.—Почему вы называете ихъ людьми безъ принциповъ?—О.—Потому что, если человѣкъ не боится подрывать работу своего сосѣда, значитъ онъ не имѣетъ принциповъ.—В.—По вашему мнѣнію, большинство рабочихъ такъ же охотно работало бы на фабрикахъ, какъ у себя на дому?—О.—Да, теперь. Раньше они были другого мнѣнія.—В.—Стремитесь ли вы къ абсолютному уничтоженію этихъ семейныхъ мастерскихъ? (absolute abolition of these family workshops).—О.—Да.—В.—Вы думаете, для промышленности вообще и для рабочихъ въ частности лучше, чтобы работа совершалась на фабрикахъ?—О.—Да, я думаю, что это лучше для всего общества“.

А вотъ показанія Томаса Гомера, президента Society of the small Chain-makers. (У Гомера есть своя небольшая кузня. Въ

союзѣ, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ, около 500 членовъ—кустарей-цѣпочниковъ):

В.—Каково ваше мнѣніе относительно выгодъ или невыгодъ домашнихъ мастерскихъ сравнительно съ фабриками?—О.—Прежде фабрикъ было очень мало. Я могу припомнить только одну фабрику, и цѣпочники въ то время были очень враждебно настроены по отношенію къ фабрикамъ. Они боялись, что фабрики имъ повредятъ. Но потомъ большинство, по крайней мѣрѣ, убѣдилось, что фабрика гораздо лучше того порядка вещей, когда работа производится на дому".

Интересно ознакомиться съ мнѣніемъ людей, которые, не принимая участія въ промыслѣ, въ то же время близко его знаютъ и съ полнымъ доброжелательствомъ относятся къ интересамъ рабочихъ. Вотъ показанія мѣстнаго священника м-ра Райлетта

В.—Думаете ли вы, что было бы полезно тѣмъ или инымъ способомъ остановить всю эту систему домашней промышленности и превратить ее въ фабричную?—О.—Разумѣется. Если бы можно было сдѣлать нѣчто подобное, это было бы огромнымъ выигрышемъ и для рабочихъ: и для промышленности.—В.—Если я понимаю васъ, вы хотите замѣнить работу въ мастерскихъ работой на фабрикѣ?—О.—Да.—В.—И для этого вы хотите запретить отдѣльному лицу работать у себя на дому и давать работу членамъ своей семьи?—О.—Да въ этихъ промыслахъ.—В. Имѣете ли вы въ виду эти промыслы или всякія производительныя занятія?—О.—Я имѣю въ виду всякія производительныя занятія.—В.—Вы думаете, что единственное средство помочь этимъ людямъ заключается въ содѣйствіи организаціи фабрикъ на мѣсто мастерскихъ, благодаря чему рабочимъ будетъ легче вступать въ союзъ другъ съ другомъ и охранять свои интересы: они будутъ въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ... и избавятся отъ посредниковъ и фоггеровъ?—О.—Да [1]).

Я прошу у читателя извиненія за эту длинную экскурсію въ область англійскихъ отношеній въ книгѣ, посвященной явленіямъ русской жизни. Но, быть можетъ, читатель и согласится со мной, что эта экскурсія не лишена интереса именно съ русской точки зрѣнія. Поэтому продолжаю говорить объ Англіи.

Какъ средство борьбы съ домашней промышленностью, представители рабочаго класса, дававшіе показанія передъ комиссіей палаты лордовъ, рекомендовали подчинить ее фабричному законодательству. Правда, эта мѣра, съ англійской точки зрѣнія, представляется весьма крайней: приходится вторгаться въ частные дома, запрещать людямъ дѣлать то, что они хотятъ, въ своей собственной семьѣ. Священникъ Райлеттъ замѣтилъ по этому поводу: „Обыкновенно проводятъ различіе между лицомъ, рабо-

[1]) Third Report on the Sweating System.

тающимъ съ помощью своей семьи, и нанимающимъ рабочихъ со стороны. Я не вижу основанія для такого различія. Я думаю, что лицо, работающее съ помощью своей семьи, должно подчиняться совершенно такимъ же правиламъ по отношенію къ урегулированію часовъ работы, какъ и работающіе съ помощью наемныхъ рабочихъ" [1]).

Послѣ всего сказаннаго насъ нисколько не должна удивить позиція, занятая по данному вопросу радикальнымъ меньшинствомъ королевской комиссіи по вопросамъ труда. Меньшинство это, во главѣ котораго стоялъ знаменитый организаторъ стачки лондонскихъ доковыхъ рабочихъ въ 1892 году, Томъ Мэнъ, отнеслось къ домашней работѣ съ рѣзкимъ отрицаніемъ.

„Сотни тысячъ семействъ (занятыхъ въ домашней промышленности),—читаемъ въ отчетѣ меньшинства,—образуютъ одну изъ самыхъ подавленныхъ и деморализованныхъ общественныхъ группъ. Основная причина исключительной придавленности рабочихъ въ этихъ промыслахъ заключается по нашему убѣжденію въ господствѣ въ нихъ системы раздачи работы на домъ. Не рекомендуя фактическаго запрещенія домашней работы, мы считаемъ дѣломъ высочайшей важности, чтобы всѣ практически осуществимыя средства были примѣнены для предупрежденія распространенія такихъ работъ. Между тѣмъ въ настоящее время работа на дому особо поощряется закономъ. Предприниматель, раздающій на домъ работу, избѣгаетъ обязательствъ, лежащихъ на фабрикантѣ" (Final Report, 129).

Большинство комиссіи въ своемъ докладѣ совсѣмъ не касалось вопроса о домашней работѣ; но меньшинство предложило подчинить фабричному законодательству домашнюю работу по найму и сдѣлать предпринимателя отвѣтственнымъ за нарушеніе закона. Если рабочій на дому работаетъ больше опредѣленнаго закономъ времени,—отвѣчать долженъ раздатчикъ работы, такъ же, какъ за нарушеніе фабричныхъ часовъ отвѣчаетъ не рабочій, а фабрикантъ. Чарльзъ Бутсъ, авторъ замѣчательнаго труда „Life and Labour of the People of London", предложилъ еще болѣе радикальную мѣру: сдѣлать отвѣтственнымъ за всякое нарушеніе законовъ о работѣ хозяина того дома, гдѣ живетъ домашній рабочій. Во всякомъ случаѣ, рѣшительныя законодательныя мѣры противъ раздачи работы на домъ признавались меньшинствомъ комиссіи

[1]) Third Report on the Sweating System.

безусловно необходимыми. „Но деморализующее дѣйствіе домашней работы (demoralising effects of home work),—читаемъ далѣе въ докладѣ,—требуетъ по нашему мнѣнію болѣе нежели измѣненія въ законѣ. Мы совѣтуемъ, чтобы власти дѣлали всяческія усилія для задержки развитія этой работы". Члены меньшинства вполнѣ одобрили постановленія лондонскаго полицейскаго управленія, внесшаго въ договоры о поставкѣ ему сукна пунктъ, по которому сукно обязательно должно быть изготовляемо на *фабрикѣ* поставщика. Подобные же пункты включаетъ въ договоры о поставкѣ и англійское министерство торговли—Board of Trade („Поставщикъ обязуется, чтобы всѣ предметы, указанные въ этомъ контрактѣ, были изготовлены на его собственной фабрикѣ, и чтобы работа отнюдь не давалась на домъ рабочимъ. За нарушеніе этого пункта... поставщикъ обязуется уплатить штрафъ въ 100 ф. ст.". Совѣтъ Лондонскаго графства также запрещаетъ въ своихъ контрактахъ, подъ угрозою штрафа, поставлять продукты домашней работы. „Мы совѣтуемъ,—заявляетъ по этому поводу меньшинство комиссіи,—чтобы такое условіе включалось во всякій общественный договоръ о поставкѣ и чтобы за выполненіемъ его строго наблюдалось" [1]).

Это длинное отступленіе въ область англійскихъ экономическихъ отношеній должно было показать читателю, насколько легкомысленны разсужденія нашихъ народническихъ экономистовъ, мечтающихъ сохранить кустарную промышленность и избавить ее отъ того, въ чемъ заключается самая сущность этой формы промышленности—крайняго угнетенія домашняго рабочаго капиталистомъ. Если даже въ Англіи задача эта оказывается абсолютно неразрѣшимой и лучшіе люди Англіи единодушно приходятъ къ убѣжденію, что не существуетъ иного средства борьбы со зломъ „светинга", кромѣ уничтоженія работы на дому, то можно быть увѣреннымъ, что столь же трудной задача эта окажется и для насъ.

Паденіе заработковъ нашихъ кустарей, характерное для послѣдняго времени, вызываетъ ростъ „отхода"—оставленіе крестьяниномъ деревни и удаленіе его для работы въ другія мѣста—пре-

[1]) Объ отношеніи передовыхъ элементовъ англійскаго общества къ домашней системѣ можно судить по фабіанской брошюрѣ: Sweating. Its cause and Remedy. Эта брошюра имѣется и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Рабочая кабала въ Англіи". Спб. 1900. Въ ней указаны и мѣры борьбы со зломъ „светинга".

имущественно въ городъ. Ростъ отхода отмѣчается во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ Тверской губерніи отходъ въ теченіе 90-хъ годовъ возросъ по всѣмъ уѣздамъ, при чемъ особенно знаменательно увеличеніе отхода женщинъ—наиболѣе консервативнаго и устойчиваго элемента деревни. „Безусловно каждое сообщеніе корреспондентовъ, — читаемъ въ томъ же обзорѣ, — констатируетъ дальнѣйшее расширеніе отхода“.

Куда же бѣжитъ мужикъ изъ деревни? На фабрики и въ городъ. „Перспектива стать половымъ, приказчикомъ, лакеемъ кажется даже заманчивой передъ тяжкой долей земледѣльца, обремененнаго непосильными платежами“...

По словамъ земскаго корреспондента свящ. Аничкина, „промышленники хоть иногда и въ убытокъ работаютъ, но всѣ бредутъ: въ городѣ лучше житье“. Другой корреспондентъ говоритъ: „обученіе грамотѣ уничтожаетъ мѣстные промыслы, такъ какъ грамотные бѣгутъ на легкій заработокъ“. По словамъ третьяго, „многіе живутъ въ городахъ на заработкахъ потому, что считаютъ для себя за безчестье жить въ деревнѣ или у помѣщиковъ въ работникахъ“ [1]). Отходъ женщинъ вообще растетъ быстрѣе, чѣмъ мужчинъ. Въ прежнее время, по словамъ „Обзора“, „отцы, мужья, сыновья и братья почитали зазорнымъ посылать въ неизвѣстные дальніе края своихъ женъ, дочерей и сестеръ на заработки“ [2]), но теперь началось повальное бѣгство изъ деревни, и понятіе о „зазорномъ“ измѣнилось.

Нельзя не согласиться съ изслѣдователемъ промысловъ Старицкаго уѣзда В. Гурвичемъ, что громадное преобладаніе (въ Старицкомъ уѣздѣ) отхожихъ промысловъ надъ мѣстными знаменуетъ собой „коренной переворотъ въ условіяхъ пореформеннаго хозяйства... Большинство отходящихъ на сторону промышленниковъ несутъ свой трудъ въ столицы, которыя являются у насъ, какъ извѣстно, главными центрами крупнаго производства... Таковъ характеръ отхожихъ промысловъ не въ одномъ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ., а и въ большинствѣ ея уѣздовъ... Послѣ этого едва-ли можно согласиться съ утвержденіемъ извѣстной школы русскихъ экономистовъ, проповѣдующей, что капитализмъ у насъ наносное явленіе, что главной основой нашей экономической дѣ-

---

[1]) Сельскох. обзоръ Тверск. губ. за 1896. Промыслы, стр. 6, 7.
[2]) Сельскох. обзоръ Тверск. губ. за 1894. Промыслы, стр. 13.

ятельности продолжаетъ будто бы оставаться мелкое самостоятельное производство“ [1]).

За короткое время 1893—97 г. отходъ изъ Тверской губерніи увеличился, судя по количеству выданныхъ паспортовъ, на $15^1/_2{}^0/_0$. Въ Смоленской губерніи въ 1875 г. было выдано около 100,000 паспортовъ, а въ 1895 г.—уже 140.330. Въ Калужской губерніи число выбранныхъ паспортовъ въ 1885 г. было 179,148, а въ 1895 г.—220,510 [2]). Въ Псковской губерніи выдавалось ежегодно въ 1865—75 гг.—11.716 мужскихъ паспортовъ, а въ 1896 г. было выдано 45.973 тѣхъ же паспортовъ.

Точно такъ же въ Нижегородской губерніи растетъ отходъ по мѣрѣ упадка кустарныхъ промысловъ [3]). Отходъ увеличивается и въ Смоленской губерніи, Орловской [4]).

„Главными причинами, вызывавшими и вызывающими ежегодно отходъ населенія на сторону,—читаемъ въ недавно вышедшей книгѣ Псковскаго Статистическаго отдѣленія „Промыслы крестьянскаго населенія Псковской губерніи“ (1898),—являются: малое развитіе или полное отсутствіе мѣстныхъ заработковъ и избытокъ рабочихъ рукъ, постоянно усиливающійся вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, въ связи съ малоземельемъ и высокими арендными цѣнами... Земледѣліе многимъ стало представляться рискованнымъ. Приходилось завидовать рабочему, ранѣе проторившему себѣ дорогу въ Петербургъ, и вотъ въ послѣдніе годы мы видимъ не только усиленіе отхода въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ раньше представлялъ обычное явленіе, но и возникновеніе отхода тамъ, гдѣ его прежде не было“.

Главнымъ мѣстомъ отхода для мужчинъ служитъ Петербургъ. Въ Петербургѣ псковичи „обыкновенно поступаютъ въ качествѣ чернорабочихъ на различные фабрики и заводы, или же поступаютъ въ дворники, ломовые и легковые извозчики“. Уходятъ также торговать въ разносъ, но любопытно, что за послѣднее время отходъ на фабрики сталъ вытѣснять торговый отходъ: „привычнаго къ отходу вязовца (Вязовская волость—центръ торговаго отхода) съ каждымъ годомъ стала все болѣе захватывать петербургская

---

[1]) Сборникъ ст. свѣд. по Тверской губ., IV, стр. 137—138.

[2]) Энциклопедическій словарь Ефрона. 54 полутомъ. Статья Л. Кириллова. Отхожіе промыслы.

[3]) Нижегор. сборникъ. VIII, стр, 5.

[4]) Отхожіе промыслы въ Смол. губ. Смол. 1896. Сельскохоз. обзоръ Орлов. губ. за 1891 г. Вып. II, стр. 1∞9—193.

фабрика и подсчетъ отхожихъ рабочихъ по видамъ занятій по всей вѣроятности покажетъ, что эта волость, прежде занимавшаяся сплошь торговлей, половину отхожихъ рабочихъ въ настоящее время посылаетъ на петербургскіе фабрики, заводы и другія мѣста“ [1]).

Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ отхожіе промыслы были исконнымъ занятіемъ деревенскаго населенія, отходъ естественно не можетъ увеличиваться съ такой быстротой, какъ тамъ, гдѣ отходъ является новинкой. Такъ въ Костромской губерніи, въ которой еще XVIII вѣкѣ отхожіе промыслы были сильно развиты, отходъ въ однихъ уѣздахъ возрастаетъ, въ другихъ нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отходъ не можетъ возрастать уже потому, что и такъ „все взрослое мужское населеніе „до выгребу“ находится на сторонѣ“ [2]). Тѣмъ не менѣе, даже въ такихъ изстари отхожихъ губерніяхъ, какъ Ярославская, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ наблюдается сильное увеличеніе отхода. Такъ въ Ростовскомъ уѣздѣ за время 1862—1879 г. число отхожепромышленниковъ выросло съ 11 тысячъ почти до 20 тысячъ, т. е. приблизительно, на 80% [3]). Такое значительное увеличеніе отхода находится въ непосредственной связи съ крайнимъ упадкомъ въ этомъ уѣздѣ кустарныхъ промысловъ. Вообще же въ Ярославской губерніи, по словамъ г. Кириллова, съ конца 70-хъ годовъ „отхожіе промыслы не только не уменьшились, но приняли еще болѣе широкіе размѣры, которые увеличиваются съ каждымъ годомъ“ [4]).

Весьма интересно, что въ Ярославскомъ уѣздѣ за послѣднее время замѣчается измѣненіе рода отхода: раньше уходили преимущественно въ Питеръ для услуженія въ мелочныя лавки, трактиры и пр., теперь же все больше и больше привлекаетъ крестьянское населеніе фабрика. По словамъ мѣстныхъ корреспондентовъ, „отходъ на заработки, особенно фабричные, увеличивается съ каждымъ годомъ“, „на фабричныя работы, какъ лучше оплачиваемыя, начинаютъ переходить отъ другихъ видовъ отхода“; „фабричнымъ промысломъ, по выгодности заработка отъ него,

---

[1]) Промыслы крест. населенія Псковской губерніи, стр. 1, 3, 9, 14.

[2]) Матеріалы для статистики Костр. губ. VIII. Д. Жбанковъ. Бабья сторона, 31.

[3]) А. Титовъ. Статистико-экономическое описаніе Ростовск. у. (Безобразовъ. II, стр. 105.

[4]) Обзоръ Ярославской губ. Вып. II. Отхожіе промыслы крестьянъ. Ярославль. 1896. Стр. 1.

крестьяне увлекаются все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ и оставляютъ другіе промыслы“ [1]).

Мы не будемъ останавливаться на сложномъ вопросѣ, какъ вліяетъ распространеніе отхода, бѣгство мужика изъ деревни въ городъ, на весь строй деревенской жизни. Приведемъ только нѣсколько мѣткихъ и любопытныхъ характеристикъ отхода костромского изслѣдователя г. Жбанкова.

„Не одинъ заработокъ увлекаетъ родителей (отдающихъ своихъ дѣтей въ Петербургъ для обученія ремесламъ), но и сравнительная легкость столичной работы: „и намъ-то привычнымъ тяжело становится, не подъ силу ворочать въ деревнѣ; ворочаешь, ворочаешь, а все ни сытъ, ни голоденъ въ деревнѣ-то“,—постоянный отвѣтъ родителей на вопросъ, почему они такъ усиленно провожаютъ своихъ дѣтей въ Питеръ. Многіе мальчики сами настаиваютъ, чтобы родители отправили ихъ въ Питеръ; случается даже, что родители провожаютъ сына на сторону противъ своего желанія, во избѣжаніе могущихъ быть потомъ упрековъ и ссоръ: мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать сѣтованіе юношей на своихъ родителей за то, что ихъ не отпустили въ свое время въ Питеръ. Вообще здѣшняя молодежь очень охотно идетъ въ Питеръ“.

„Разъ мальчикъ обучился въ Питерѣ, онъ уже неуклонно будетъ ходить на сторону; большая легкость и выгодность столичнаго промысла, полное незнакомство у всѣхъ молодыхъ питерщиковъ съ земледѣльческими работами, всевозможныя прелести столичной жизни, и наконецъ привычка и примѣръ уходящихъ товарищей, все это заставляетъ каждаго чухломца и солигаличанина подыматься весной и плыть по теченію обширной волны, направляющейся отсюда въ Питеръ, Москву и другіе центры... оказываютъ вліяніе на отходъ и мотивы высшаго порядка. Питерщики гораздо развитѣе живущихъ здѣсь, разговоръ ихъ нерѣдко не отличить отъ городского, обращеніе, скопированное съ столичнаго мѣщанства, умѣнье танцовать, щеголеватый костюмъ и т. д. Здѣшній прекрасный полъ положительно предпочитаетъ питерщиковъ, и женихамъ, постоянно живущимъ здѣсь, достаются обыкновенно худшія невѣсты, несмотря даже на то, что они могутъ жить зажиточнѣе питерщиковъ. Всѣ деревенскіе жители называются сѣрыми, и, что странно, нисколько не обижаются на это названіе,

[1]) Обзоръ Ярославской губ. II, стр. 21.

и сами называютъ себя таковыми, сѣтуя на родителей, не отдавшихъ ихъ учиться въ Питеръ".

„Крестьяне отхожихъ волостей Чухломскаго, Солигалицкаго и Галицкаго уу. въ общемъ живутъ гораздо зажиточнѣе и чище осѣдлыхъ крестьянъ. Дома, одежда, привычки, однимъ словомъ, весь складъ жизни въ какой-либо Костромской осѣдлой волости отсталъ въ своемъ развитіи на добрыхъ полсотни лѣтъ противъ сосѣдней Карцовской (отхожей) волости. Самовары составляютъ принадлежность всякой бѣдной избушки, даже бобылки, а въ среднихъ домахъ по 2 и 3 самовара... Для одежды рѣдко употребляются ткани домашняго производства... На мужчинахъ жилетки, пиджаки, пальто... лѣтомъ постоянно встрѣчаются привезенные изъ Питера дождевые зонтики... Въ половинѣ домовъ вы найдете бумагу, чернила, карандаши и перья" [1]).

И послѣднее далеко не фраза, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующей поучительной таблицы [2]).

Уѣзды Костромской губерніи.	Число паспортовъ, выданн. въ 1880 г. на 100 ч. населенія.	Число грамотныхъ новобранцевъ на 100 ч. населенія въ томъ же году.	Уѣзды Костромск. губерніи.	Число паспортовъ, выданн. въ 1880 г. на 100 ч. населенія.	Число грамотныхъ новобранцевъ на 100 ч. населенія въ томъ же году.
Чухломскій . .	33,6	74	Юрьевецкій . . .	6,4	33
Солигалицкій .	26,5	59	Макарьевскій . .	6,0	21
Галицкій . . .	24,7	53	Кинешемскій . .	4,3	29
Кологривскій . .	15,3	43	Нерехотскій. . .	2,5	35
Буйскій	10,8	38	Варнавинскій . .	1,3	17
Костромской . .	8,8	42	Ветлужскій . . .	0,3	22

Подобная же связь грамотности съ развитіемъ промышленности и особенно отхода обнаруживается и при сравненіи всѣхъ земскихъ губерній Россіи вообще. По числу грамотныхъ новобранцевъ земскія губерніи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ [3]):

---

[1]) Матеріалы для стат. Костромск. губ. VIII. Бабья сторона, стр. 24, 25, 27, 66—68.

[2]) Матеріалы для статистики Костромской губерніи. Вып. VII. Жбанковъ. Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе населенія Костромской губерніи. Стр. 26 и 34.

[3]) Нѣсколько статистическихъ данныхъ о народномъ образованіи въ Ярославской губерніи. А. Р. Свирщевскаго. 1898 г.

Губерніи.	Проц. грамотн. новобранц. въ 1896 г.	Губерніи.	Проц. грамотн. новобранц. въ въ 1896 г.
Ярославская	85,5	Нижегородская . . .	50,7
С.-Петербургская (безъ столицы)	80,5	Таврическая	47,9
Тверская	73,2	Орловская	44,1
Владимірская . . .	71	Астраханская . . .	43,1
Костромская	63,7	Вятская	42,9
Московская	62,9	Смоленская	42,6
Калужская	61	Рязанская	42
Тульская	59,4	Симбирская	41
Новгородская . . .	55	Саратовская	40,7

Въ остальныхъ губерніяхъ процентъ грамотныхъ новобранцевъ менѣе 40. Мы видимъ, что наибольшее число грамотныхъ наблюдается въ Ярославской губерніи—губерніи съ наиболѣе энергичнымъ отходомъ. Вообще же промышленныя губерніи стоятъ по грамотности значительно выше земледѣльческихъ.

По отдѣльнымъ уѣздамъ Ярославской губерніи наблюдается такое же соотвѣтствіе между грамотностью и отходомъ, какъ и для Костромской губерніи. По словамъ г. Свирщевскаго, „если вглядѣться въ цифры (грамотности новобранцевъ по уѣздамъ) и сопоставить ихъ съ данными о развитіи отхожихъ промысловъ въ различныхъ мѣстностяхъ Ярославской губерніи, то обнаруживается любопытное совпаденіе наибольшей грамотности съ наибольшимъ развитіемъ отхода... первый по развитію отхода уѣздъ—Угличскій, въ теченіе 1892 — 94 гг. не далъ ни одного неграмотнаго новобранца. Напротивъ, уѣзды Мологскій, Ярославскій и Пошехонскій, отличающіеся наименьшимъ развитіемъ отхода, доставили наибольшій процентъ неграмотныхъ новобранцевъ. Отмѣченное совпаденіе не является какой-либо случайностью, а представляетъ собой выраженіе тѣсной причинной связи между совпавшими явленіями, объясняющей между прочимъ и то высокое мѣсто, которое Ярославская губернія занимаетъ среди другихъ губерній Европейской Россіи по степени распространенія грамотности въ населеніи. Отхожіе промыслы, особенно по такимъ спеціальностямъ, какъ торговая и трактирная дѣятельность... издавна привили ярославскому крестьянину сознаніе практическаго значенія грамотности, и такимъ образомъ послужили естественнымъ, въ самой крестьянской средѣ зародившимся основаніемъ и стимуломъ къ ея развитію и распростра-

ненію. Просвѣтительная дѣятельность земствъ, городовъ и правительства шла только навстрѣчу народному сознанію, только удовлетворяла уже созрѣвшія въ населеніи потребности, а не вызывала и насаждала ихъ“ [1]).

Это послѣднее наглядно иллюстрируется тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что первая по грамотности Ярославская губерніи по числу учебныхъ заведеній на 100 ч. населенія занимаетъ 5-е мѣсто, при чемъ впереди ея стоятъ такія малограмотныя губерніи, какъ Олонецкая и Казанская. Очевидно, экономическія причины оказываютъ на распространеніе грамотности болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ число образовательныхъ учрежденій.

Значеніе отхода въ дѣлѣ распространенія грамотности является хорошей статистической иллюстраціей къ вопросу о роли „города“ и „деревни“, который вызываетъ столько споровъ въ нашей литературѣ.

„Перспектива стать половымъ, приказчикомъ, лакеемъ кажется даже заманчивой передъ тяжкой долей земледѣльца, обремененнаго непосильными платежами“. Это говорятъ не книжные люди, не теоретики, не „марксисты“, а земскіе корреспонденты, близко стоящіе къ мужику и не зараженные никакими новѣйшими тлетворными идеями. Ихъ отзывы нельзя заподозрить въ тенденціозности — а между тѣмъ трудно ярче обрисовать притягательную силу города и причины, побуждающія мужика бѣжать изъ родной деревни въ чужой и неизвѣстный городъ.

---

[3]) Тамъ же, стр. 2.

ГЛАВА V.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ въ новѣйшее время.

Фритредеры 60-хъ годовъ.— Отличіе ихъ отъ фритредеровъ крѣпостной эпохи.— Отношеніе къ фабрикѣ.— Симпатіи къ капитализму.— Взгляды „Современника“ на фабрику и кустарное производство.—Книги Корсака и Флеровскаго.—Артельныя увлеченія.— Обсужденіе фабричныхъ вопросовъ на 1-мъ Всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ.—Взгляды „Отечественныхъ Записокъ“ 70-хъ годовъ.—Отношеніе къ фабрикѣ г. Михайловскаго.—Книга г. В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи“.—Народничество.—Г. Николай—онъ и г. В. В.—Почему народничество не имѣетъ у насъ успѣха. — Отношеніе къ капитализму различныхъ направленій русской жизни.—Классовое представительство аграрныхъ интересовъ.— На чемъ основывается промышленная политика новѣйшаго времени.

Послѣдніе годы дореформенной эпохи отмѣчаются въ нашей экономической литературѣ оживленіемъ стараго спора о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ. Журналы конца 50-хъ годовъ полны статьями, написанными за и противъ свободной торговли. Всѣ либеральные журналы болѣе или менѣе сочувствовали свободной торговлѣ или, по крайней мѣрѣ, пониженію ввозныхъ пошлинъ на иностранные фабрикаты. Особенно энергичную фритредерскую агитацію велъ „Экономическій Указатель“, журналъ извѣстнаго экономиста Вернадскаго. Протекціонизмъ защищался „Вѣстникомъ Промышленности“ –органомъ, спеціально посвященнымъ промышленнымъ интересамъ. Полемика эта сама по себѣ не особенно интересна, такъ какъ аргументы какъ фритредеровъ, такъ и протекціонистовъ были весьма мало оригинальны и заимствовались изъ западноевропейской литературы того времени. Тѣмъ не менѣе споры о свободной торговлѣ весьма рельефно обрисовали любопытное новое теченіе въ нашей жизни, на которомъ нельзя не остановиться.

Въ этомъ смыслѣ весьма поучительно сравнить фритредеровъ 50-хъ и 60-хъ годовъ съ фритредерами Александровской эпохи. Фритредеры начала вѣка соединяли увлеченіе свободной торговлей съ не менѣе ревностной приверженностью къ нашимъ исконнымъ особенностямъ — крѣпостному праву, мелкому производству и земледѣльческому строю вообще. Капитализмъ менѣе всего пользовался ихъ сочувствіемъ. Ихъ авторитетомъ изъ западно-европейскихъ писателей былъ суровый критикъ капиталистическаго строя—Сисмонди.

Фритредеры 50-хъ годовъ представляли собой совершенно иное теченіе русской жизни. Достаточно сказать, что какъ „Духъ Журналовъ“ любилъ цитировать Сисмонди, такъ, „Экономическій Указатель“ усиленно переводилъ Бастіа и преклонялся передъ нимъ. Бастіа воплощалъ для „Экономическаго Указателя“ самое прогрессивное и передовое, чего достигла экономическая наука Идеалы „Экономическаго Указателя“ не имѣли ничего общаго съ русскими самобытными устоями. Къ крѣпостному праву либеральные экономисты этого журнала относились съ такой же рѣшительной враждой, какъ и крайніе радикалы той эпохи. Они горячо защищали свободную торговлю, но по инымъ мотивамъ, чѣмъ экономисты „Духа Журналовъ“.

„Духъ Журналовъ“ относился съ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ капиталистическому производству вообще и фабричному въ частности. По мнѣнію „Духа Журналовъ“, Россія должна оставаться страной земледѣльческой, какой она была искони; фабричная промышленность, насаждаемая покровительственными пошлинами, можетъ повести только къ „порчѣ нравовъ“ и разрушенію патріархальнаго строя, сложившагося вѣками.

Вернадскій, Горловъ, Бутовскій, Бунге и другіе болѣе или менѣе горячіе защитники свободной торговли въ эпоху 50-хъ и 60-хъ годовъ не только не считали капиталистическое производство зломъ, но, напротивъ, принадлежали къ поклонникамъ капиталистическаго строя. Свобода торговли пользовалась ихъ сочувствіемъ, какъ одно изъ проявленій промышленной и торговой свободы, которая такъ необходима для промышленнаго и культурнаго прогресса каждой страны. Защищая свободу торговли, они отнюдь не желали задержать промышленное развитіе Россіи и навсегда оставить ее земледѣльческой страной. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, возможно большее развитіе иностранной конкуренціи должно болѣе всего благопріятствовать развитію русской промыш-

ленности, страдавшей отъ монопольной власти туземныхъ фабрикантовъ надъ внутреннимъ рынкомъ.

Отношеніе къ фабрикѣ этихъ новѣйшихъ фритредеровъ было совершенно иное. Они были чужды принципіальной враждебности къ капиталистическому производству, которая отличала фритредеровъ „Духа Журналовъ“. Фабрика въ ихъ глазахъ была наиболѣе прогрессивной формой промышленности, развитіе которой въ Россіи было вполнѣ желательно, но только развитіе „естественное“, не основанное на устраненіи международнаго соперничества. Протекціонизмъ, по ихъ мнѣнію, не могъ повести къ созданію въ Россіи вполнѣ жизнеспособнаго фабричнаго производства. Только потому они и возставали противъ протекціонизма, — а отнюдь не вслѣдствіе симпатіи къ мелкому производству, вытѣсняемому фабрикой.

Я говорилъ выше, что въ Николаевскую эпоху господствующее отношеніе къ фабрикѣ какъ правящихъ сферъ, такъ и наиболѣе вліятельной части общества, было чисто отрицательное. И Канкринъ, и славянофилы, и присяжные представители экономической науки, какъ Горловъ и Тенгоборскій, признавали кустарную промышленность во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающей большаго сочувствія и поощренія, чѣмъ фабричная. Буйный фабричный рабочій заслонялъ въ глазахъ министра финансовъ императора Николая всѣ огромныя техническія преимущества фабрики.

Если мы будемъ сравнивать различныхъ писателей фритредерскаго направленія 60-хъ годовъ по ихъ отношенію къ фабрикѣ, то мы замѣтимъ между ними очень характерное различіе. Писатели, начавшіе свою литературную дѣятельность въ Николаевскую эпоху, еще не могутъ вполнѣ освободиться отъ недовѣрія къ фабрикѣ. Мелкій производитель кустарь, все-таки кажется имъ болѣе надежнымъ общественнымъ элементомъ, чѣмъ фабричный рабочій. Напротивъ, болѣе молодые и болѣе передовые писатели совершенно чужды антипатіи къ фабрикѣ и капиталистическому производству вообще.

Такъ, напримѣръ, я цитировалъ выше (стр. 295) разсужденія Тенгоборскаго о преимуществахъ кустарнаго производства передъ фабричнымъ, какъ избавляющаго Россію отъ „язвы пролетаріата“. Въ виду этого,—замѣчаетъ Тенгоборскій,—кустарная промышленность заслуживаетъ особаго поощренія. Вернадскій перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Тенгоборскаго „Etudes sur les forces productives de la Russie“, но къ цитированному мѣсту сдѣлалъ слѣ-

дующее характерное примѣчаніе: „Сознавая справедливость многихъ изъ замѣчаній автора, нельзя однако съ нимъ согласиться въ окончательномъ заключеніи. Сельская промышленность имѣетъ также много невыгодъ и уступаетъ городской; въ техническомъ отношеніи она производитъ и менѣе, и хуже городской, и потому уже особаго покровительства не заслуживаетъ. Насколько рабочій занятъ земледѣліемъ, настолько онъ теряетъ въ мастерствѣ, и его обезпеченіе терпитъ настолько, насколько онъ менѣе производитъ на фабрикѣ“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Тенгоборскій опять касается „язвы пролетаріата“, указывая на выгоды, происходящія отъ соединенія русскими крестьянами земледѣлія съ промысловыми занятіями. Къ этому мѣсту Вернадскій прибавляетъ: „Если земледѣлецъ на фабрикѣ — плохой работникъ, то и фабричный за сохою — также плохъ. И совершенство, и успѣхъ не въ соединеніи занятій, а въ ихъ раздѣленіи“ [2]).

Тенгоборскій указываетъ, что Россія не можетъ быть страной мануфактурной: „Такъ какъ Россія не въ состояніи сравниться или превзойти другія страны на поприщѣ мануфактурной промышленности и не имѣетъ всѣхъ условій, потребныхъ для того, чтобы сдѣлаться страной мануфактурной, то мы должны преимущественно стараться о распространеніи тѣхъ отраслей промышленности, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ положенію нашей страны, въ высшей степени земледѣльческой, и наилучше могутъ быть соединены съ нашей сельской промышленностью... вообще должно поощрять тѣ отрасли промышленности, для которыхъ наша почва производитъ въ изобиліи сырой матеріалъ. Это общее правило свойственно всѣмъ странамъ, но въ особенности Россіи“ (Тенгоборскій, стр. 19).

Это даетъ поводъ Вернадскому вполнѣ опредѣленно разъяснить различіе своей точки зрѣнія — прогрессивнаго фритредера „эпохи великихъ реформъ“ отъ воззрѣнія фритредера крѣпостной эпохи: „И то, и другое требуетъ болѣе положительныхъ доказательствъ, нежели приводитъ авторъ: затрудненія для мануфактурной дѣятельности въ Россіи находятся не столько въ природѣ страны, сколько въ ея теперешнемъ положеніи, которое можетъ

---

[1]) О производительныхъ силахъ Россіи. Л. Тенгоборскаго. С.-Пб. 1858, стр. 10.

[2]) О производительныхъ силахъ Россіи, стр. 18.

современемъ измѣниться. Знанія и капиталы пріобрѣтаются, общественное положеніе лицъ измѣняется, а потому можно согласиться съ авторомъ только въ смыслѣ настоящаго положенія вещей. Авторъ ясно увлекается здѣсь заранѣе задуманной идеей. Осуждать страну на одинъ только родъ промышленности, и притомъ отдалять всякую перемѣну въ этомъ родѣ покровительствомъ, значитъ искажать научныя положенія. Политическая экономія не учитъ воздѣлывать свое, а то, что по расчету лица предпринимающаго наиболѣе выгодно ему,—свое-ли суровье для производства, или чужое. Она требуетъ только, чтобы не толкать производителя, или его силы, въ противную отъ общихъ выгодъ сторону, т. е. не давать искусственнаго направленія труду; а въ этомъ отношеніи можетъ грѣшить одинаково и льняное, и бумажное производство“ [1]).

Интересно сравнить также перемѣну во взглядахъ Горлова. Въ концѣ 40-хъ годовъ Горловъ высказывался совершенно въ духѣ Гакстгаузена и Тенгоборскаго: „Мы не полагаемъ, чтобы (фабричная) система могла составить благоденствіе народа со своими огромными фабриками, со своимъ народонаселеніемъ мастеровыхъ, со своими законами о бѣдныхъ, со своимъ богатствомъ фабрикантовъ и убогостью, невѣжествомъ рабочихъ“ (цитировано выше на стр. 295). Въ концѣ 50-хъ годовъ, въ „Началахъ Политической Экономіи“ (С.-Пб. 1859) Горловъ высказывается по тому же поводу уже гораздо умѣреннѣе.

„Противники народныхъ промысловъ утверждаютъ совершенно неосновательно, что только бумажныя или шелковыя фабрики ведутъ къ промышленному успѣху и образованію. Мы полагаемъ, что собственно народному образованію онѣ даже менѣе способствуютъ, чѣмъ мелкая производительность и ремесленность, и что кожевникъ, имѣющій собственное заведеніе, находится въ лучшемъ положеніи къ пріобрѣтенію образованія, чѣмъ работникъ, нанимающійся на бумажной фабрикѣ. Въ отношеніи къ матеріальному благосостоянію крестьянъ и вообще рабочаго класса, существованіе большихъ фабрикъ, снабженныхъ дорогими механизмами не всегда желательно, ибо съ ними не могутъ соперничать простыя, крестьянскія заведенія, и потому падаютъ, а крестьяне изъ независимыхъ содержателей превращаются въ простыхъ работниковъ“ [2]).

[1]) Тенгоборскій. Примѣчаніе на стр. 19.

[2]) Горловъ, I, 397.

Итакъ крупныя фабрики „не всегда желательны“. Это совсѣмъ не похоже на категорическое осужденіе фабричной системы, высказанное тѣмъ же Горловымъ десять лѣтъ раньше. Изъ другихъ мѣстъ книги Горлова видно, что вообще взгляды автора сильно измѣнились. Какъ извѣстно, Горловъ, подобно прочимъ либеральнымъ экономистамъ того времени, горячо ратовалъ противъ общиннаго землевладѣнія. Начало частной собственности на землю казалось ему гораздо лучше гарантирующимъ экономическій прогрессъ, чѣмъ общинная собственность. Возражая противъ защитниковъ общиннаго владѣнія, Горловъ не пугается даже „призрака пролетаріата“. Страхи передъ пролетаріатомъ Горловъ прямо называетъ „оптическимъ обманомъ“ [1]).

Отъ всего этого вѣетъ совершенно новымъ духомъ. Фритредеры 60-хъ годовъ не имѣли такой рѣзкой классовой окраски, какъ фритредеры Александровской эпохи. Относительно послѣднихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, интересамъ какого класса они служили. Горячая защита такихъ противоположныхъ по своему внутреннему смыслу вещей, какъ свобода торговли и крѣпостное право, ярко обнаруживала дворянскій характеръ всего теченія. „Духъ Журналовъ“ защищалъ интересы аграрнаго дворянства,—это вполнѣ ясно. Что же представляли собой фритредеры „эпохи великихъ реформъ“?

Чтобы понять внутренній смыслъ фритредерскаго движенія шестидесятыхъ годовъ, нужно вспомнить общественно-экономическую обстановку того времени. Въ концѣ 50-хъ годовъ закладывался фундаментъ новой Россіи, Россіи буржуазной и капиталистической, сбросившей съ себя узы крѣпостного права, которыя она переросла. Постройка желѣзныхъ дорогъ, преобразованіе системы кредита (точнѣе говоря, созданіе частнаго банковаго кредита, такъ какъ дореформенная Россія почти не знала частныхъ банковъ), устройство множества новыхъ акціонерныхъ компаній для самыхъ различныхъ цѣлей, выдвинули у насъ новые общественные элементы — финансовыхъ дѣльцовъ, аферистовъ, биржевыхъ игроковъ, вообще всякаго рода искателей легкой и быстрой наживы. Конецъ 50-хъ годовъ имѣлъ характеръ спекулятивной и биржевой горячки, доходившей до настоящаго ажіотажа. Выкупъ крестьянскихъ земель выбросилъ на рынокъ огромные капиталы, быстро перешедшіе изъ рукъ дворянства въ руки всякаго рода

[1]) Горловъ, I, 260.

денежныхъ и финансовыхъ дѣльцовъ. Спекулятивная горячка того времени охватывала далеко не однихъ профессіональныхъ биржевиковъ. По словамъ В. Безобразова, „горячечное промышленное возбужденіе направилось къ созданію новыхъ предпріятій, новыхъ отраслей производства, ... преимущественно въ кругу людей (устроителей акціонерныхъ компаній), совершенно чуждыхъ коммерческому дѣлу“... „Спекулятивное возбужденіе (конца 70-хъ годовъ) ограничилось коммерческою общественной средой, которая при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ все-таки несравненно болѣе умѣла, опытна и благоразумна, чѣмъ была та общественная среда (дворянская, чиновная, военная, интеллигентная и проч.), которая бросилась въ промышленную спекуляцію послѣ первой Восточной войны“ [1]).

Вотъ эта-то разнообразная по своему составу общественная среда составила главное ядро фритредерской либеральной партіи того времени; она преклонялась передъ буржуазнымъ строемъ Западной Европы и горячо сочувствовала всякой свободѣ, особенно же свободѣ въ области промышленности и торговли. Фритредеры 60-хъ годовъ, вродѣ названныхъ либеральныхъ экономистовъ, выражали собой не столько интересы аграрнаго класса (хотя и эта нотка весьма нерѣдко слышалась въ статьяхъ „Экономическаго Указателя) [2]), сколько интересы финансоваго и биржевого міра. Экономическій Указатель, такъ энергично ратовавшій за свободу торговли, отводилъ видное мѣсто на своихъ столбцахъ биржевой хроникѣ и отчетамъ о дѣятельности акціонерныхъ ком-

---

[1]) Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи, I, 312.

[2]) Въ обширныхъ статьяхъ А. Байкова „Вопросы о свободѣ торговли“ постоянно указывается на земледѣльческій характеръ Россіи. „При свободѣ торговли положеніе государствъ земледѣльческихъ самое выгодное и, слѣдовательно, Россія, какъ представительница этихъ государствъ, при осуществленіи идеи о свободѣ торговли имѣла бы, если не первенство, то, по крайней мѣрѣ, огромный вѣсъ въ системѣ міровой промышленности и торговли... Двѣ крайнія точки въ системѣ современной производительности Европы составляютъ два государства — Россія и Англія, первая, въ полномъ смыслѣ слова, земледѣльческая держава, вторая — мануфактурная. Обширность Россіи, качество земли ея, дѣлаетъ ее обильнымъ, можно сказать неисчерпаемымъ источникомъ сельскихъ произведеній... обрабатываніе этихъ самыхъ произведеній, сообщеніе имъ первой, необходимой для употребленія формы, должно быть естественнымъ занятіемъ Россіи“. Экономическій Указатель. 1857, т. I, стр. 416, 439.

паній, давалъ совѣты, какія акціи слѣдуетъ пріобрѣтать, и вообще тѣсно примыкалъ своими статьями къ биржевому міру.

Вполнѣ понятно, что о принципіальной враждѣ къ фабрикѣ у этихъ фритредеровъ новаго типа не могло быть и рѣчи. Суровые крѣпостники Николаевской эпохи, относившіеся весьма недовѣрчиво ко всему не укладывающемуся въ узкія рамки бюрократической регламентаціи и стоявшіе прежде всего на стражѣ порядка, не могли сочувствовать капиталистическому строю и фабрикѣ; биржевые дѣльцы 60-хъ годовъ и ихъ идеологическіе выразители—либеральные экономисты, преклонявшіеся передъ геніальной мудростью Бастія, не могли относиться къ фабрикѣ съ осужденіемъ. Отстаивая свободу торговли, они направляли свои стрѣлы не противъ капиталистическаго производства, а именно въ его защиту.

Новая классовая окраска фритредерскаго движенія обнаруживалась сочувственнымъ отношеніемъ къ этому движенію нѣкоторой части купечества. Извѣстно, что именно съ 60-хъ годовъ у насъ начинаетъ быстро развиваться экспортная торговля хлѣбомъ. Экспортная торговля могла только выиграть отъ расширенія ввоза въ страну иностранныхъ товаровъ. Экспортеры должны были сочувствовать свободной торговлѣ, и дѣйствительно, Одесское отдѣленіе коммерческаго совѣта рѣшительно высказалось въ пользу свободной торговлки [1]).

Остановимся теперь на позиціи, которую заняли въ шумныхъ спорахъ за и противъ свободной торговли [2]) лица, одинаково чуждыя интересамъ какъ биржевиковъ и экспортныхъ торговцевъ, такъ и фабрикантовъ—крайніе прогрессисты „Современника“. Это послѣднее направленіе съ отвращеніемъ относилось къ биржевой вакханаліи разсматриваемой эпохи; освободительные идеалы Западной Европы были имъ гораздо ближе, чѣмъ либеральнымъ апологетамъ капитала, вродѣ Вернадскаго, Горлова и др. Какова же была ихъ позиція по отношенію къ фабрикѣ и капиталистическому производству вообще?

---

[1]) Объ этомъ см. К. Скальковскій и Д. Краевскій. Стоитъ ли поощрять русскую промышленность? С.-Пб. 1866. Стр. 15, 29.

[2]) О протекціонистахъ, органомъ которыхъ, какъ я сказалъ выше, былъ главнымъ образомъ „Вѣстникъ Промышленности“, я ничего не говорю, потому что ихъ общественная позиція, какъ защитниковъ интересовъ фабрикантовъ, была вполнѣ ясна и никакого недоразумѣнія возбуждать не могла.

Въ 1857 г. въ „Современникѣ“ появился довольно обширный разборъ книги одного изъ наиболѣе видныхъ протекціонистовъ того времени—А. Шипова: „Хлопчатобумажная промышленность и важность ея значенія для Россіи“. Разборъ этотъ, принадлежащій, безъ сомнѣнія, перу Н. Чернышевскаго, даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на нашъ вопросъ.

„У насъ вообще очень мало развита терпимость мнѣній,—заявляетъ авторъ разбора.—Такъ, напримѣръ, по вопросу о свободной торговлѣ, изъ ученыхъ, держащихся мнѣнія, что протекціонная система невыгодна, многіе воображаютъ, что противное мнѣніе могутъ утверждать только люди, имѣющіе въ виду свой личный интересъ, а не общую пользу; они даже готовы все человѣчество и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи дѣлить на двѣ половины ради одного того, какъ думаютъ люди о свободной торговлѣ: одна половина человѣчества — люди честные, умные, ученые; это всѣ тѣ, которые думаютъ, что тарифъ долженъ быть пониженъ; другая половина—невѣжды, корыстолюбцы—это всѣ тѣ, которые думаютъ, что должны быть охраняемы тарифомъ наши мануфактуры“ [1]).

Каково-же отношеніе автора къ свободной торговлѣ и протекціонизму? Онъ поясняетъ это цитатой изъ книги экономиста 50-хъ годовъ Журавскаго „Описаніе Кіевской губерніи“. „По нашему мнѣнію“—писалъ Журавскій,—„надобно болѣе имѣть въ виду пользу значительнаго класса промышленниковъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи и процвѣтаніи отечественныхъ фабрикъ, нежели выгоды потребителей фабричныхъ произведеній, составляющихъ самый малочисленный, а вмѣстѣ и достаточный классъ нашего населенія... Для фабричнаго производства Кіевской губ. нужно до 21.000 рабочихъ; пріобрѣтаемая каждымъ изъ нихъ плата имѣетъ прямое вліяніе на благосостояніе какъ самихъ работающихъ, такъ и семействъ ихъ; слѣдовательно, полагая среднимъ числомъ до 5 душъ на семейство каждаго работающаго, можно заключить, что до 100.000 душъ заинтересовано въ фабричномъ производствѣ одной губерніи. Предположивши теперь, что вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ фабричныхъ издѣлій, дешевыхъ, прочныхъ и красивыхъ, подобныя-же издѣлія здѣшнихъ фабрикъ будутъ вытѣснены изъ торговли, а вмѣстѣ съ

[1]) Современникъ 1857 г., томъ 63. Рецензія на книгу Шипова, стр. 48.

тѣмъ закроются и самыя фабрики, тогда, конечно, многіе изъ питающихся теперь отъ фабрикъ лишились-бы куска хлѣба, ничего не выигравши отъ свободнаго привоза, ибо простой народъ почти вовсе не потребляетъ фабричныхъ издѣлій. Вся выгода была-бы на сторонѣ достаточныхъ классовъ", (тамъ-же, стр. 51).

Однако это не рѣшаетъ окончательно вопроса, нужны-ли Россіи фабрики, или нѣтъ. Въ отвѣтъ на это авторъ разбора опять отсылаетъ къ Журавскому: „Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о преимуществахъ большихъ или малыхъ хозяйствъ, такъ и въ фабричной промышленности представляется тотъ-же вопросъ: какая фабрикація, большая или малая, полезнѣе для производителей и для потребителей?"... Приведя въ примѣръ костромскія полотна, ліонскія шелковыя издѣлія, голландскія кружева и пр., Журавскій замѣчаетъ: „Все это произведенія домашней фабрикаціи, показывающія, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ловкость человѣческихъ рукъ и при самыхъ простыхъ снарядахъ можетъ съ выгодою соперничествовать съ многосложными и дорогими машинами большихъ фабрикъ. И если ручное производство по сю пору такъ мало облегчено и распространено, такъ мало сдѣлало успѣховъ въ искусственномъ отношеніи, то это отъ того, что всѣ усилія ученыхъ и техниковъ нашего времени направлены на изобрѣтеніе и улучшеніе большихъ машинъ, служащихъ для фабричнаго производства. На мелкихъ фабрикантовъ никто изъ нихъ не удостоиваетъ обратить вниманіе, никто не подумаетъ, какими-бы средствами сократить ручную работу, улучшить употребительные до нынѣ снаряды и машины, ввести новые, сдѣлать доступною для каждаго семейства въ маломъ размѣрѣ выработку предметовъ, возможную до нынѣ только для большихъ фабрикъ. Между тѣмъ этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по огромному числу заинтересованныхъ въ немъ семействъ, и представляетъ обширное поле изобрѣтательности первоклассныхъ умовъ; изобрѣтенія, подобныя самопрялкѣ, сдѣлавшейся общеупотребительной у простого народа, могутъ быть важнѣй всякихъ усовершенствованій фабричныхъ машинъ. По крайней мѣрѣ это справедливо относительно нашего отечества, гдѣ большая фабрикація по сю пору обращается въ пользу достаточнаго класса производителей—капиталистовъ, и не менѣе достаточнаго класса потребителей ихъ произведеній, какъ-то: сахара, тонкихъ суконъ и полотенъ, столоваго бѣлья, шелковыхъ издѣлій, табаку, сигаръ и т. п.; всѣ эти

предметы или не нужны, или недоступны по цѣнѣ нашему простому народу, т. е. болѣе $^3/_4$ всего населенія государства“ (тамъ-же, стр. 53).

По поводу этихъ словъ Журавскаго авторъ рецензіи замѣчаетъ: „Признаемся, что въ вопросѣ о свободной торговлѣ и національномъ фабричномъ производствѣ мнѣніе Журавскаго, кажется намъ, совершенно справедливо. Признаемся, что мы въ этомъ случаѣ всегда готовы стать на сторонѣ той партіи, которая успѣетъ доказать, что ея рѣшеніе вопроса сообразнѣе съ народнымъ благосостояніемъ. Признаемся также, что до сихъ поръ не видимъ, чтобы та или другая партія успѣла положительнымъ образомъ доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствахъ подобнаго рода. Признаемся также, что рѣшеніямъ той или иной партіи мы предпочитаемъ совершенно иное рѣшеніе, предложенное Журавскимъ въ послѣднемъ изъ приводимыхъ нами отрывковъ. Смыслъ этого отрывка таковъ: больше, нежели о возрастаніи фабричнаго производства, больше нежели объ увеличеніи заграничной торговли., надобно заботиться о развитіи домашней выдѣлки фабричныхъ издѣлій. Для этой выдѣлки надобно желать прямого покровительства. Что касается до вопроса о томъ, полезно-ли прямое покровительство фабрикамъ, то при разрѣшеніи его надобно было бы имѣть въ виду не столько отношеніе нашихъ фабрикъ къ заграничному производству подобныхъ товаровъ, сколько отношеніе къ благосостоянію класса людей, находящихъ на нихъ работу, и еще болѣе отношеніе фабрикъ къ домашней выдѣлкѣ фабричныхъ издѣлій“ (тамъ-же, стр. 56—57).

Въ этомъ характерномъ отрывкѣ вполнѣ ясно выражается отношеніе „Современника“ къ фабрикѣ и мелкому кустарному производству. „Современникъ“ не былъ безусловнымъ противникомъ фабрики, такъ какъ и фабрика даетъ заработокъ населенію, но онъ рѣшительно предпочиталъ ей кустарную промышленность. Политическій радикализмъ 60-хъ и (какъ увидимъ ниже) 70-хъ годовъ по своей экономической программѣ не очень далекъ отъ точки зрѣнія „Духа Журналовъ“ и Канкрина.

Само собою разумѣется, экономическіе идеалы Канкрина и Чернышевскаго были такъ же различны, какъ и ихъ политическіе идеалы. Но при оцѣнкѣ современной экономической дѣйствительности Чернышевскій по многимъ вопросамъ могъ подать руку

Канкрину. Кустрное производство находило себѣ защитниковъ въ нихъ обоихъ.

Такимъ образомъ въ 60-хъ годахъ наблюдается по отношенію къ фабрикѣ слѣдующая общественная группировка: буржуазное теченіе, включавшее въ себя какъ фритредеровъ, такъ и протекціонистовъ, относилось съ полной симпатіей къ фабрикѣ и было на сторонѣ полной экономической европеизаціи Россіи. Напротивъ, радикально-утопическое теченіе, великимъ представителемъ котораго былъ Чернышевскій, относилось къ фабрикѣ отрицательно и во имя интересовъ труда стояло за сохраненіе отсталыхъ экономическихъ формъ крѣпостной Россіи.

Тѣмъ не менѣе существовалъ одинъ пунктъ, по которому наблюдалось почти полное согласіе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ той эпохи, именно—преклоненіе передъ принципомъ ассоціаціи или артели, какъ формы будущаго соціальнаго строя. Отношеніе Чернышевскаго къ этому вопросу достаточно извѣстно. Но идеей артели увлекались въ 60-е годы далеко не одни крайніе радикалы. Увлеченіе это, можно сказать, было всеобщимъ. Различіе между радикальными и либеральными элементами заключалось лишь въ томъ, что радикалы требовали государственной помощи артелямъ, а либералы возлагали всѣ свои надежды на частную иниціативу въ этой области и, оставаясь вѣрными себѣ, протестовали противъ всякаго насильственнаго вмѣшательства государства.

Возьмемъ, напр., книгу либеральнаго экономиста—нынѣ члена государственнаго совѣта — г. Ѳ. Тернера „О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія“ (Спб. 1860 г.). Въ этой книгѣ мы находимъ слѣдующія характерныя строки: „Въ настоящее время мы вступаемъ на новое поприще въ жизни нашего отечества. Народъ, освобождаясь отъ тѣхъ оковъ, которыя связывали его свободную промышленную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ и отвѣтственность о своемъ благосостояніи. Съ развитіемъ городского и фабричнаго населенія, численность коего, вслѣдствіе предстоящей реформы, должна развиться въ весьма обширныхъ размѣрахъ, настоящій моментъ представляется намъ самымъ благопріятнымъ для введенія тѣхъ учрежденій для рабочаго класса, которыя оказались столь полезными въ другихъ странахъ—учрежденій, которыя, бросивъ корни на нашей почвѣ, будутъ развиваться наравнѣ съ развитіемъ рабочаго сословія и могутъ принести поэтому самые благотворные плоды, предупре-

дивъ самый зародышъ пауперизма въ будущемъ... Мы находимъ въ нашемъ отечествѣ весьма важные элементы, могущіе служить полезнымъ основаніемъ вновь вводимымъ учрежденіямъ, которыя во многихъ случаяхъ будутъ только развитіемъ и усовершенствованіемъ уже *существующихъ у насъ* народныхъ обычаевъ. Мы видѣли, что главнымъ основаніемъ и главною силою всѣхъ существенныхъ учрежденій на пользу рабочаго сословія является ассоціація. А именно идея ассоціаціи весьма распространена уже у насъ въ народныхъ обычаяхъ, являясь во множествѣ разнообразныхъ проявленій, особенно-же въ артеляхъ... Какъ ни судить о нѣсколько коммунистической примѣси къ экономическому элементу ассоціацій въ нашихъ артеляхъ,—главное все-же то обстоятельство, что ассоціація составляетъ начало, сродственное нашему народному и національному быту. Если, несмотря на всѣ тѣ огромныя затрудненія, которыя представляла свободному передвиженію личностей и свободному употребленію труда прежняя паспортная система и допотопное начало круговой поруки, не говоря уже о крѣпостномъ правѣ, люди все-же сходились на общую работу, на ассоціацію своего труда, то нельзя-ли надѣяться, что впослѣдствіи, когда всѣ эти преграды падутъ, ассоціаціонное начало разовьется еще гораздо болѣе въ Россіи, и на немъ оснуются всѣ тѣ полезныя учрежденія, въ которыхъ мы видимъ залогъ будущаго самостоятельнаго обезпеченія работника, будущаго благосостоянія рабочаго класса. Содѣйствовать этому развитію могли-бы съ пользою образованные классы своими совѣтами, указаніями... Высшіе образованные классы, особенно-же самый промышленный классъ, принесли-бы значительную пользу развитію благосостоянія въ средѣ низшихъ классовъ своихъ соотечественниковъ, содѣйствуя развитію въ средѣ ихъ разумнаго ассоціаціоннаго движенія". (Тернеръ, стр. 303, 304, 317, 318).

Замѣчательная книга Корсака „О формахъ промышленности въ Западной Европѣ и Россіи" (Москва, 1861 г.), которую мнѣ приходилось уже много разъ цитировать, точно такъ же проникнута вѣрой въ полную осуществимость въ Россіи артельной организаціи производства. Корсакъ былъ чуждъ славянофильскаго увлеченія экономическимъ строемъ Россіи. Съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго онъ указываетъ на неправильность идеализаціи нашего кустарнаго производства, при которомъ производитель является такимъ же слугою капиталиста-заказчика, какъ и фабричный рабочій. „Домашняя форма производства",—замѣчаетъ

Корсакъ,—„не есть исключительное достояніе Россіи: она была вездѣ въ извѣстную эпоху экономическаго развитія и даже въ настоящее время сохранилась во многихъ странахъ Европы почти въ томъ же видѣ, въ какомъ и въ Россіи. Она всегда была свойственна нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, которыя поэтому трудно поддавались фабричному производству". (Корсакъ, 304). Съ тонкимъ тактомъ Корсакъ противопоставляетъ кустарную промышленность, какъ домашнюю систему крупнаго капиталистическаго производства, ремеслу и мелкому самостоятельному производству на дому (тамъ-же, стр. 17). Огромныя техническія преимущества фабрики встрѣчаютъ у Корсака вполнѣ вѣрную оцѣнку. И тѣмъ не менѣе нашъ авторъ не рѣшается признать неизбѣжность развитія фабричной системы. Я уже упоминалъ въ началѣ этой книги, что политика Петра подверглась рѣзкому осужденію Корсака за то, что Петръ устраивалъ въ Россіи фабрики, а не артели кустарей. Свою книгу Корсакъ заканчиваетъ совершенно въ духѣ той эпохи — указаніемъ на огромную роль въ дѣлѣ преобразованія нашей кустарной промышленности ассоціаціи, артели.

„Даже на Западѣ, въ центрѣ фабричнаго производства, гдѣ фабрики поглотили уже родственную имъ мелкую промышленность, гдѣ мелкіе производители не имѣютъ того выгоднаго положенія, въ какомъ могутъ быть наши крестьяне, есть однако возможность даже простымъ работникамъ пользоваться всѣми выгодами фабричнаго производства на правахъ самостоятельныхъ хозяевъ. Возможность эта заключается въ *кредитѣ* и *ассоціаціи* мелкихъ ремесленниковъ, въ общественныхъ мастерскихъ и общественныхъ машинахъ. Мы вполнѣ согласны, что нынѣшняя фабрика—совершеннѣйшая въ экономическомъ отношеніи форма производства въ настоящее время; но думаемъ также, что ея всепоглощающее могущество опасно, а за неимѣніемъ его сообщать ей это подавляющее вліяніе посредствомъ внѣшней помощи и вызывать его искусственно—еще опаснѣе. Неужели тѣ невыгодныя стороны, которыми отличается мелкое домашнее производство, неразлучны съ нимъ и чужды только одной фабрикѣ, и неужели фабричная форма не имѣетъ въ свою очередь темныхъ сторонъ другого рода? Послѣднія извѣстны каждому и говорить о нихъ считаемъ излишнимъ... Фабричныя отрасли домашняго производства, которыя теперь имѣютъ видъ самой вредной и невыгодной во всѣхъ отношеніяхъ такъ-называемой домашней системы, при помощи ассо-

ціаціи домашнихъ работниковъ, при помощи кредита и устройства общественныхъ мастерскихъ, могли-бы явиться въ видѣ новой фабричной формы, со средствами настоящей и съ благодѣтельными результатами, которыхъ послѣдняя лишена; эта новая форма моглабы такимъ образомъ быть противодѣйствующей силой темнымъ сторонамъ современнаго фабричнаго производства. Въ ремесленныхъ отрасляхъ ассоціаціи для оптовой покупки матеріала и для продажи издѣлій, пособіе кредита, распространеніе усовершенствованныхъ орудій, обученіе, выставки и пр., могли-бы спасти бѣдныхъ ремесленниковъ отъ убійственнаго вліянія кулаковъ и барышниковъ и побѣдить тотъ застой и ту рутину, которыя составляютъ теперь характеръ домашней промышленности. Мы согласны, что все это трудныя задачи, что, можетъ быть, придетъ когданибудь время, когда онѣ сами-собою найдутъ счастливое разрѣшеніе, но достигнуть цѣли длиннымъ путемъ страданій и тяжелыхъ кризисовъ, и достигнуть ея кратчайшей и безопасной дорогой—не одно и то же". (Корсакъ, стр. 308, 310).

И этой вѣрой въ артель была проникнута не только литература того времени — ее раздѣляли и правительственныя сферы. Вотъ, напр., какъ высказалась по этому пункту комиссія по пересмотру уставовъ фабричнаго и ремесленнаго подъ предсѣдательствомъ Штакельберга: „Что прежнее наше промышленное устройство представляло много стѣснительныхъ уродливыхъ сторонъ, что, покровительствуя меньшинству капиталистовъ и хозяевъ, оно шло наперекоръ интересамъ рабочаго люда — это не подлежитъ сомнѣнію. Но затѣмъ, съ устраненіемъ стѣсненій и запрещеній, какія именно формы слѣдуетъ придать нашей промышленности, какія именно требованія рабочаго класса желательно поддержать авторитетомъ закона?... Существованіе промышленныхъ артелей и ремесленныхъ союзовъ доказываетъ, что нашъ народъ не чуждъ понятій о преимуществахъ ассоціаціи въ дѣлѣ приложенія труда. Но такія артели и союзы, сколько извѣстно, возникли лишь въ немногихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ. Правда, что до сихъ поръ общественныя условія не благопріятствовали дѣлу ассоціаціи въ средѣ рабочаго класса, и что теперь только можно надѣяться на болѣе удовлетворительные въ семъ отношеніи результаты. Но во всякомъ случаѣ рабочій классъ не вдругъ, можетъ быть, нападетъ на счастливую мысль соединить свои разрозненныя силы и денежныя средства тамъ, гдѣ ассоціація труда и капитала особенно примѣнима, по размѣрамъ и свойству пред-

пріятія. Притомъ-же, въ этой формѣ производства важна не одна матеріальная сторона. Рабочая ассоціація была-бы полезна въ особенности у насъ не потому только, что при такой организаціи работъ люди могли-бы съ меньшими усиліями и затратами производить больше и лучше. Ассоціація обѣщала бы и ту несомнѣнную выгоду, что рабочіе, связанные общностью интересовъ, могли-бы основательно судить о своихъ нуждахъ и пользахъ въ дѣлѣ промышленности. Въ средѣ промышленныхъ обществъ, еслибы таковыя возникли, вырабатывались-бы безпристрастныя, здравыя понятія о промышленныхъ интересахъ и средствахъ къ ихъ упроченію". (Труды комиссіи, Спб. 1863, I, стр. 221, 226, 227).

Это всеобщее увлеченіе ассоціаціей и артелью было навѣяно, безъ сомнѣнія, Западомъ. Достаточно вспомнить западно-европейскую литературу того времени, равно какъ и практическія послѣдствія кооперативнаго движенія въ Англіи, Германіи и Франціи, чтобы понять, почему русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ съ такимъ жаромъ отстаивали идею артели. Но по той же самой причинѣ — потому что это увлеченіе не имѣло корней въ условіяхъ русской дѣйствительности, несмотря на всѣ разглагольствованія о необыкновенной склонности русскаго мужика къ артелямъ—оно осталось въ Россіи практически совершенно безплоднымъ. Всеобщія восхваленія артелей не создали ни одной прочной артели и не повели къ возникновенію кооперативнаго движенія, сколько-нибудь похожаго на западно-европейское. Индивидуалистическій Западъ, съ его иными политическими и общественными формами, оказался гораздо болѣе приспособленнымъ для воспріятія артельнаго начала, чѣмъ общинная Россія [1]).

Въ концѣ 60-хъ годовъ вышла сильно нашумѣвшая въ свое время книга Н. Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи" (Спб. 1869 г.). Книга эта произвела на публику сильное впечатлѣніе безотрадной картиной жизни русскаго мужика и рабочаго на всемъ протяженіи Россіи, которую съумѣлъ развернуть авторъ. Научнаго значенія книга Флеровскаго совершенно лишена, такъ какъ представляетъ собой чрезвычайно хаотическое собраніе фактовъ весьма различнаго достоинства, сопоставляемыхъ безъ

[1]) Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе весьма любопытнаго артельнаго движенія нашего общества 60-хъ и 70-хъ годовъ. Истинный характеръ этого движенія, принявшаго на практикѣ вполнѣ буржуазный характеръ, разъясненъ въ интересной статьѣ А. П-р-а. „Нов. Сл." 1897. Ноябрь.

всякой критической оцѣнки и даже безъ общаго плана. Тѣмъ не менѣе, въ свое время она несомнѣнно вліяла на умы. Трудно разобраться въ выводахъ Флеровскаго, такъ какъ, повидимому, они не были ясны ему самому. Во всякомъ случаѣ ясно, что важнѣйшія причины, къ которымъ сводитъ Флеровскій причины бѣдности русскаго рабочаго человѣка — это тяжесть налоговъ и особенно недостатокъ земельной обезпеченности. „Что касается общихъ мѣръ“,—говоритъ авторъ въ „заключеніи“,—„то, конечно, прежде всего наше вниманіе должно обратить на себя отношеніе къ землѣ. Тутъ мы видимъ, что нашъ крестьянинъ обнаружилъ несравненно болѣе такта и здраваго чувства, чѣмъ западно-европейскій. Онъ нашелъ великую истину, которую западно-европейскій работникъ никогда не понималъ. Онъ постигъ, что прежде всего надобно позаботиться о томъ, чтобы ни одного земледѣльца не лишить собственнаго хозяйства. Вести собственное хозяйство— не шуточное дѣло, къ нему нужно приспособиться, привыкнуть съ малыхъ лѣтъ. Западно-европейскому пролетарію не скоро это удастся, можетъ быть никогда не удастся, и на почвѣ Западной Европы мы можемъ снова увидать римскія латифундіи... Нашъ крестьянинъ достигъ того, о чемъ напрасно вздыхаютъ и американецъ, и англичанинъ, и всякій земледѣлецъ, достаточно умный, чтобы понимать неудовлетворительность мелкой собственности... Пока вся земля будетъ предметомъ собственности, до тѣхъ поръ будетъ существовать и крупная и средняя собственность; произвести самое выгодное экономическое положеніе можно только при всеобщемъ распространеніи безоброчнаго общиннаго владѣнія“. (Флеровскій, стр. 476, 482, 487).

Такимъ образомъ для Флеровскаго аграрный вопросъ заслонялъ все остальное. Развитіе фабричной промышленности въ центральномъ районѣ, по его мнѣнію, не только не привело къ улучшенію экономическаго положенія населенія, но, наоборотъ, только усилило крайности богатства и бѣдности. „Промышленная Россія—это страна бѣдности и богатства; тутъ одно семейство зарабатываетъ триста рублей въ годъ, а рядомъ другое умираетъ съ голоду. Нигдѣ борьба за существованіе не вызываетъ такихъ отчаянныхъ усилій, какъ въ промышленныхъ губерніяхъ; тутъ всякій пускаетъ въ ходъ всѣ средства, старается взять и искусствомъ, и трудомъ, и умомъ, и борьбой... Здѣсь составляются артели, стачки, здѣсь пробуются всѣ средства, которыми можно бороться съ капиталомъ и усилить свои доходы... Но если они (рабочіе

промышленнаго района) болѣе смѣлы въ жизненномъ бою, то и условія этого боя для нихъ болѣе тягостныя; они имѣютъ дѣло съ богатыми и могущественными капиталистами и еще болѣе богатыми и болѣе могущественными землевладѣльцами... Можетъ-ли быть цвѣтущее промышленное населеніе тамъ, гдѣ земледѣліе плохо, гдѣ земля безъ удобренія даетъ плохіе урожаи, а для удобренія мало скота, и на каждое вакантное мѣсто въ промышленности являются три кандидата изъ земледѣльцевъ?“ (Стр. 357—59).

Сравненіе двухъ уѣздовъ Нижегородской губерніи — Ардатовскаго съ крупными чугуноплавильными заводами и Горбатовскаго съ мелкой кустарной промышленностью—приводитъ Флеровскаго къ заключенію, что мелкая промышленность гораздо лучше обезпечиваетъ населеніе, чѣмъ крупная. Это даетъ поводъ къ слѣдующей краснорѣчивой тирадѣ нашего автора: „Неужели можно равнодушно смотрѣть на то, что машины—этотъ важнѣйшій благодѣтель человѣческаго рода, это плодоносное орудіе, которое даетъ рабочему возможность при несравненно меньшихъ усиліяхъ производить не только вдвое и втрое, но иногда во сто разъ болѣе, эти машины дѣлаются бичомъ для рабочаго класса? Не только для работниковъ, для цѣлыхъ мѣстностей оказывается болѣе выгоднымъ производить мало и дорого, чѣмъ производить много и дешево“ (стр. 385).

Такимъ образомъ Флеровскій, еще больше чѣмъ Чернышевскій, усматривалъ одну отрицательную сторону въ развитіи фабричной промышленности. За аграрнымъ вопросомъ Флеровскій, какъ и другіе его современники, совсѣмъ не видѣлъ рабочаго вопроса. Вообще я долженъ оговориться, что фабрика вплоть до послѣдняго времени очень мало обращала на себя вниманіе нашего общества, особенно прогрессивной его части. Объ общинѣ у насъ накопилась огромная и въ высшей степени интересная и характерная литература; о фабрикѣ написано гораздо менѣе, и то, что написано, имѣетъ преимущественно фактическій и описательный характеръ, а слѣдовательно для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ мало интереса.

Отношеніе либераловъ къ фабричному вопросу весьма рельефно выразилось на дебатахъ перваго всероссійскаго торговопромышленнаго съѣзда, устроеннаго по случаю Всероссійской мануфактурной выставки 1870 г. Протоколы этого съѣзда очень живо воспроизводятъ ту, уже довольно отдаленную отъ насъ, эпоху. Медовый мѣсяцъ либерализма уже кончился, но либеральное настроеніе

общества не только не ослабѣло, а скорѣе усилилось. Славословіе свободѣ промышленности и торговли занимаетъ видное мѣсто въ преніяхъ съѣзда.

Приведу нѣкоторыя выдержки изъ рѣчей на первомъ засѣданіи съѣзда. Г. Скальковскій внесъ предложеніе, чтобы желѣзныя дороги, проходящія по мѣстностямъ, богатымъ каменнымъ углемъ, непремѣнно употребляли для топлива каменный уголь, а не дрова „для того, чтобы спасти остатки лѣсовъ“. Въ отвѣтъ на это предложеніе чиновникъ министерства финансовъ фонъ-Бушенъ произнесъ слѣдующую тираду: „Я полагаю, что первое и главное условіе для развитія всякой промышленности, — есть свобода! (Непремѣнно! браво!) Повторять здѣсь подобную аксіому какъ ту, что свободный трудъ только производителенъ, что промышленность должна имѣть полный просторъ, чтобы брать и употреблять въ дѣло тотъ матерьялъ, который выгоднѣе и дешевле, и который поэтому можетъ служить для удешевленія самого произведенія— совершенно излишне. (Вѣрно! браво!) Я не раздѣляю мнѣнія о томъ, чтобы съѣздъ фабрикантовъ, который хлопочетъ о нуждахъ фабрикантовъ, долженъ былъ выразить свою дѣятельность въ томъ, чтобы просить подвергнуть отдѣльныя отрасли промышленности регламентаціи. Всякая регламентація вредна вообще въ промышленномъ дѣлѣ, и чѣмъ ея меньше, тѣмъ для дѣла лучше“ (Протоколы, стр. 16).

Г. Вешняковъ высказался не менѣе рѣшительно: „Прошли тѣ времена, когда промышленное законодательство во всѣхъ почти странахъ заключало въ себѣ не только опредѣленіе общихъ условій существованія въ государствѣ фабричной и ремесленной промышленности, но и стѣснительныя ограниченія относительно права заниматься тою или другою отраслью труда, и предписанія относительно обязательнаго размѣра, вида, качества и даже цѣны издѣлій. Нынѣ *свобода труда, свобода промышленности* сдѣлались девизомъ современнаго промышленнаго прогресса“ [1]).

При обсужденіи вопроса объ улучшеніи экономическаго положенія рабочихъ одинъ изъ ораторовъ Ю. Шрейеръ особенно настаивалъ на распространеніи у насъ среди рабочихъ ссудосберегательныхъ кассъ. Онъ указывалъ на примѣръ Пруссіи, „гдѣ ра-

[1]) Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественной промышленностью 1870 г. Спб. 1872 г. Стр. 3.

бочіе достигли благосостоянія, благодаря усиліямъ только одного человѣка—это Шульце-Делича. Кому случалось быть въ Пруссіи, тотъ не могъ не подивиться колоссальнымъ результатамъ, добытымъ однимъ человѣкомъ, который посвятилъ цѣлую жизнь, цѣлые десятки лѣтъ на то, чтобы улучшить положеніе рабочихъ, и положеніе это въ Пруссіи представляется весьма и весьма отраднымъ. Я имѣлъ случай,—прибавляетъ ораторъ,—лѣтъ 6 или 7 тому назадъ видѣть до какого рода самостоятельности и развитія успѣлъ Шульце-Деличъ довести своими трудами рабочихъ. Я полагаю, что русскій народъ не такъ неразвитъ, чтобы при появленіи можетъ быть даже не такого даровитаго дѣятеля, какъ Шульце-Деличъ, но все-таки при доброй волѣ, можно достигнуть весьма существенныхъ результатовъ". (Протоколы засѣданія 6-го отд., стр. 91—92).

Очень интересную рѣчь сказалъ другой ораторъ съѣзда, Мясоѣдовъ, который, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: „Девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ рабочихъ,—сказалъ знаменитый англійскій мужъ Гладстонъ. И дѣйствительно, нужно сознаться въ томъ, что участь рабочихъ и вообще всѣ вопросы, касающіеся ихъ существованія и устройства, начинаютъ пріобрѣтать все больше и больше вліянія на всю цивилизацію. Но вмѣстѣ съ этимъ возрастающимъ вліяніемъ развиваются другія явленія, которыя прежде, безъ сомнѣнія, существовали и существуютъ давно, но не проявлялись прежде съ такой настойчивостью и энергіей, какъ въ настоящее время: это—борьба капитала съ трудомъ. Она происходитъ вслѣдствіе того, что трудъ, по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права, начинаетъ доказывать, что онъ прямо эксплуатируется капиталомъ... Но если на западѣ можно говорить вообще о рабочихъ, гдѣ есть особое сословіе рабочихъ, то это совершенно немыслимо въ Россіи, гдѣ они въ совершенно другомъ положеніи, нежели въ западныхъ государствахъ. У насъ, собственно говоря, нѣтъ рабочаго класса. У насъ есть работники на фабрикахъ, есть рабочіе, занимающіеся внѣ времени, занятаго земледѣліемъ, ремеслами".

„Вотъ весь контингентъ нашего рабочаго сословія. Главной причиной того, что рабочій классъ у насъ не можетъ представляться въ томъ видѣ, какъ на Западѣ, есть то, что у насъ нѣтъ пролетаріата, что составляетъ предметъ зависти всѣхъ иностранныхъ государствъ. У насъ та среда, которая составляетъ рабочій классъ, вся почти занимается земледѣліемъ. Слѣдовательно, у насъ

нѣтъ здѣсь двухъ классовъ, а являются просто два разряда рабочихъ, изъ которыхъ одинъ работаетъ на фабрикахъ, а другой у себя въ деревняхъ, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе не представляетъ достаточнаго обезпеченія въ средствахъ жизни, и гдѣ, вслѣдствіе того, жители должны прибѣгать для увеличенія своихъ заработковъ къ другимъ хозяйственнымъ ремесламъ и промысламъ"... Переходя къ рабочимъ, занимающимся въ деревнѣ, Мясоѣдовъ говоритъ: „Кустарники, несмотря на то, что пользуются кажущейся самостоятельностью вслѣдствіе того, что каждый имѣетъ свой домъ, а многіе—даже земельные надѣлы, эксплуатируются не только въ такой же степени, какъ рабочіе на фабрикахъ, но можетъ быть еще хуже... Избавить этихъ кустарниковъ отъ рукъ капиталистовъ и кулаковъ можно только однимъ способомъ—съ одной стороны, доставивъ имъ возможность чисто самостоятельнаго труда, путемъ устройства такихъ учрежденій, которыя доставили бы имъ возможность получать дешевый кредитъ, или тѣ денежныя средства, которыя необходимы для закупки сырыхъ продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы они могли избавиться отъ полученія этихъ предметовъ отъ торговцевъ въ натурѣ, а съ другой стороны, доставивъ имъ возможность ближайшаго сбыта этихъ предметовъ производства. Средствомъ, и могучимъ средствомъ можно считать то, которое служило началомъ разрѣшенія этого вопроса на Западѣ — это ассоціація, артель"... Свои предложенія Мясоѣдовъ формулировалъ такъ: „чтобы съѣздъ обратился къ правительству съ ходатайствомъ о томъ, чтобы были разработаны артельныя начала, или чтобы были составлены узаконенія, спеціально опредѣляющія начала, на которыхъ могли бы создаваться у насъ хозяйственныя или промышленныя артели, а равно и положенія, опредѣляющія права ихъ, какъ относительно участниковъ въ предпріятіи, такъ и относительно постороннихъ лицъ". (Протоколы засѣданій 6-го отд., стр. 95, 96, 101, 102 и 103).

Въ этомъ смыслѣ состоялась и резолюція съѣзда: съѣздъ призналъ желательнымъ, „чтобы въ видахъ возможности улучшенія быта рабочаго населенія въ Россіи распространеніемъ такъ называемыхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ артелей, каковы: общества потребителей, ссудосберегательныя общественныя кассы, товарищества взаимнаго кредита, общества, имѣющія цѣлью оптовую закупку сырыхъ продуктовъ для ихъ обработки и сбыта произведеній, и общества для производства предметовъ промыш-

ленности—было произведено правительствомъ изслѣдованіе этого вопроса и издано нормальное положеніе, опредѣляющее права и юридическую организацію такихъ артелей“ (17 резолюція съѣзда, б).

Остановимся теперь на отношеніи къ фабрикѣ и рабочему вопросу самаго вліятельнаго органа 70-хъ годовъ „Отечественныхъ Записокъ“. Въ февральской книжкѣ журнала за 1868 г. была помѣщена обширная статья З. Елисѣева, „Производительныя силы Россіи“. Эта статья содержитъ въ себѣ много поучительнаго для характеристики взглядовъ журнала. Авторъ статьи полагаетъ, что „если фабрики, по словамъ фабрикантовъ, приходится содержать на народныя деньги единственно для того, чтобы онѣ бросили кое-какіе объѣдки нѣсколькимъ тысячамъ работающаго у нихъ народа, то гораздо лучше для этой цѣли учредить прямой налогъ на народъ. Онъ будетъ и гораздо умѣреннѣе того, что переплачиваетъ народъ за товары фабрикантамъ, и падетъ на него гораздо равномѣрнѣе, и, наконецъ, пропитывать народъ будетъ сытнѣе... Какъ ни трудно пропитываться мужику въ неплодородныхъ губерніяхъ, и какъ ни скудно его пропитаніе, но онъ имѣетъ то преимущество, что относительно своего пропитанія онъ стоитъ все-таки на своихъ ногахъ. Онъ не отвыкаетъ отъ крестьянскаго труда, способенъ ко всѣмъ чернымъ работамъ, имѣетъ здоровыя и крѣпкія руки. Когда земля будетъ не въ состояніи пропитывать его, онъ пойдетъ на крестьянскіе же заработки въ другія губерніи; въ случаѣ окончательнаго истощенія земли, онъ можетъ переселиться въ губерніи плодороднѣйшія и многоземельныя на тотъ же крестьянскій трудъ. Россія вѣдь не Англія! Въ ней пока столько земли, что всякая крестьянская сила для нея пріобрѣтеніе, находка, а не бремя. Фабричный—совсѣмъ другое дѣло. Это уже нѣкоторымъ образомъ баринъ. Если онъ долго и постоянно работаетъ на фабрикѣ... онъ дѣлается совсѣмъ неспособнымъ къ крестьянскому труду... Онъ остается годенъ только для фабрики. Мало-по-малу такимъ образомъ формируется цѣлое народонаселеніе мѣстности, въ которомъ всѣ лучшія силы привлекаются денежнымъ заработкомъ на фабрику“. (Производит. силы Россіи, стр. 457).

„Какая, спрашивается, участь готовится народонаселенію, воспитанному для такого фабричнаго дѣла, благосостояніе котораго поставлено въ полную зависимость отъ чужеземнаго продукта, а самое существованіе—отъ размѣровъ тарифа? Сегодня нѣтъ хлопка,

шелка на рынкѣ, завтра половина фабрикъ останавливаетъ свою работу; остальныя, при множествѣ лишнихъ рабочихъ рукъ, даютъ рабочему столько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. И цѣлыя волости, какъ пишетъ князь Мещерскій, разоряются въ конецъ, или вымираютъ. Такова перспектива существованія всѣхъ фабрикъ и рабочихъ, занимающихся производствомъ ситца и шелка въ нашихъ близстоличныхъ губерніяхъ... Въ настоящее время фабрики истощили, выродили и сдѣлали никуда негодными еще не очень значительныя массы народа. Что кризисъ фабричный, въ случаѣ закрытія всѣхъ фабрикъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, перенесется народомъ безъ особеннаго бѣдствія, это лучше всего доказывается опустѣніемъ Московско-Петербургскаго шоссе съ открытіемъ Николаевской жел. дор. Извозомъ, и исключительно однимъ извозомъ, жило на шоссе, по всей вѣроятности, около милліона народа, если не болѣе. Когда открылась желѣзная дорога, на шоссе работы не осталось почти никакой. Всѣ, занимавшіеся извозомъ, лишились своего прежняго пропитанія,—пострадали, но ничего... по міру не пошли. Мало-по-малу стали пріучаться къ земледѣлію, пріучаться къ другимъ заработкамъ, и вы можете ѣхать по шоссе и удостовѣриться, что бывшіе извозчики живутъ не хуже крестьянъ въ другихъ деревняхъ. Такъ точно перенесло бы крушеніе крѣпостныхъ фабрикъ и теперешнее населеніе, около нихъ питающееся. Но такъ ли легко черезъ 100 лѣтъ перенесется этотъ кризисъ,—мы сказать не можемъ". (Производительныя силы Россіи, стр. 460, 461).

Это разсужденіе чрезвычайно любопытно. Авторъ идетъ гораздо дальше Чернышевскаго въ осужденіи фабрикъ. Чернышевскій признавалъ извѣстную пользу за фабриками потому, что, какъ ни какъ, а все онѣ доставляютъ заработки населенію. Елисеевъ не признаетъ и этого. По его мнѣнію, если бы фабрики въ Россіи были закрыты, то питающееся отъ нихъ населеніе легко нашло бы себѣ другія занятія; онъ поясняетъ это крайне неудачной ссылкой на гибель извознаго промысла на С.-Петербургско-Московскомъ шоссе послѣ проведенія желѣзной дороги. Но если такъ, то значитъ промышленные кризисы, замѣщеніе рабочаго машиной и вообще всѣ ужасы фабричной системы далеко не такъ ужасны. Если рабочій всегда можетъ найти себѣ работу, то что же гонитъ его на фабрику? Желая доказать ненужность фабрики, Елисеевъ незамѣтно для самого себя становится на крайне опти-

мистическую точку зрѣнія, которая приличествовала бы развѣ какому-нибудь Бастіа.

Тѣмъ не менѣе Елисеевъ не дѣлаетъ отсюда вывода о желательности немедленнаго закрытія всѣхъ фабрикъ. Для этого онъ былъ слишкомъ практичный человѣкъ. Елисеевъ совѣтуетъ путемъ соотвѣтствующей торговопромышленной политики направить наше промышленное развитіе по болѣе „естественному“ руслу. Такъ „мы думаемъ,—говоритъ онъ,—что правительство имѣетъ всю возможность рядомъ мѣръ способствовать, съ одной стороны, усиленію, улучшенію нашего льняного и пеньковаго производства, стѣсненію хлопчатобумажнаго производства въ мѣстахъ, неблагопріятныхъ для него по природнымъ условіямъ, привлеченію капиталовъ изъ этого производства, однихъ — къ производству льняному и пеньковому, другихъ—къ заведенію фабрикъ въ мѣстахъ обработки отечественнаго хлопка, къ усиленію разведенія сего послѣдняго и т. п. Усиленіе льняного и пеньковаго производства даже посредствомъ усиленнаго тарифа имѣло бы ту выгоду, что тарифъ этотъ не ложился бы такъ тяжело на народъ, какъ тарифъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, потому что въ льняномъ и пеньковомъ производствѣ была бы сильная внутренняя конкуренція, которой нѣтъ и не можетъ быть въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ. Усиленіе льняного и пеньковаго производства усилило бы, можетъ быть удвоило и утроило бы земледѣльческое разведеніе льна и пеньки въ Россіи. Такимъ образомъ деньги отъ русской промышленности шли бы, какъ то и должно быть, на поддержку отечественнаго земледѣлія, а не американскаго“ (тамъ же стр. 466).

Въ заключеніе Елисеевъ замѣчаетъ: „если благодѣтельный тарифъ поддержитъ старые наши крѣпостные фабрики и заводы, и дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность таковымъ же размножаться безъ числа и на будущее время, то нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе недолгаго времени мало-по-малу все сѣверное народонаселеніе превратится въ закрѣпощенное къ фабрикамъ и заводамъ. Это, конечно, дастъ обезпеченное положеніе всѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ землевладѣльцамъ сѣверныхъ губерній и вообще капиталистамъ, но убьетъ во всѣхъ отношеніяхъ всякую будущность у крестьянскаго населенія этихъ губерній и отниметъ у государства милліоны полезныхъ членовъ въ жертву частному корыстолюбію“ (тамъ же, 492).

Въ другой статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“ (1870, январь) „Отчего трудно поправляться нашему рабочему?“ разъясняется

характеръ рабочаго вопроса въ Россіи: „Въ Россіи вопросъ о рабочихъ совершенно игнорируется. Мы знаемъ пока этотъ вопросъ только по его состоянію и движенію на Западѣ, но западная разработка вопроса не только не выдвигаетъ для насъ нашего собственнаго, домашняго рабочаго вопроса, а напротивъ, даетъ фальшивое освѣщеніе дѣлу и, такъ сказать, затираетъ его. Бытовое положеніе нашихъ рабочихъ и западныхъ весьма различно. Западный рабочій большею частью безземельный и бездомный батракъ, — нашъ рабочій имѣетъ землю и хозяйство. Это заставляетъ нашихъ патріотовъ потирать отъ удовольствія руки и указывать на положеніе нашего рабочаго какъ на завидное, въ сравненіи съ западнымъ пролетаріемъ. Положеніе, если хотите, дѣйствительно завидное въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, намъ нѣтъ нужды такъ тяжело задумываться надъ положеніемъ нашего рабочаго класса, какъ задумываются на Западѣ; не нужно пріискивать точки опоры для развитія его матеріальнаго благосостоянія. Эта точка опоры—кусокъ земли и хозяйство—у него есть; нужно только позаботиться о томъ, чтобы его не спихнули съ этого фундамента его благосостоянія разные его благожелатели. Во-вторыхъ, какъ бы ни были тяжки и неблагопріятны условія его настоящаго существованія, мы, пока онъ твердо сидитъ на этомъ своемъ фундаментѣ, можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на временныя и поправимыя. Но это никакъ не даетъ намъ права игнорировать эти условія, смотрѣть на нихъ какъ на ничтожныя, и прославлять его положеніе какъ блаженное потому только, что у него есть клочокъ земли. Напротивъ, мы должны тщательно всматриваться въ условія, въ которыя поставленъ нашъ рабочій. Ибо условія эти могутъ быть такъ неблагопріятны и, день ото дня ухудшаясь все болѣе и болѣе, могутъ сложиться наконецъ такимъ роковымъ образомъ, что сорвутъ его и съ его фундамента. Вопросъ не въ томъ только: есть у рабочаго надѣлъ земли, или нѣтъ, а и въ томъ: обезпечиваетъ ли его та земля, которою онъ владѣетъ, въ его существованіи, или не обезпечиваетъ?.. Нужно предварительно изслѣдовать, насколько поземельный участокъ въ дѣйствительности облегчаетъ зависимость нашего крестьянина отъ капитала, отъ случайныхъ заработковъ, и всегда ли облегчаетъ?.. Вотъ корни русскаго рабочаго вопроса, въ которые до настоящаго времени пристально никто не заглядывалъ“ („Отчего трудно поправляться нашему рабочему“, стр. 497, 498).

Итакъ нашъ рабочій вопросъ заключается главнымъ обра-

зомъ въ сохраненіи полнаго земельнаго обезпеченія крестьянина. *Рабочій* вопросъ подмѣняется *крестьянскимъ* вопросомъ, какъ будто это одно и то же. *Рабочій* отождествляется съ мелкимъ собственникомъ.

Въ наиболѣе категорической формѣ отрицательное отношеніе къ фабрикѣ и капиталу вообще проявилось въ статьяхъ г. Михайловскаго. Г. Михайловскій пошелъ гораздо дальше Елисеева, который со своей практической сметкой не рѣшался доходить до крайнихъ выводовъ исповѣдуемой имъ теоріи. „Представляя элементъ труда въ обществѣ,—говоритъ г. Михайловскій въ одной статьѣ,—народъ не имѣетъ въ своихъ рукахъ орудій производства. Ихъ предлагаетъ ему нужный человѣкъ и за это получаетъ львиную долю продукта. Дѣло, значитъ, только въ томъ, чтобы сосредоточить орудія производства въ рукахъ представителей труда. Все, становящееся поперекъ дороги къ этой цѣли—будь это свобода, промышленность, желѣзная дорога, грандіозный финансовый планъ, самоуправленіе—подлежитъ уничтоженію, которое будетъ и выгодно и справедливо. Истинная свобода, правильно-организованная, полезная промышленность, не шулерская финансовая комбинація, нужная желѣзная дорога, истинное самоуправленіе—не могутъ стоять въ противорѣчіи съ интересами народа, или, что то же, труда. ...Когда у насъ заходитъ рѣчь объ организаціи народнаго труда, раздаются обыкновенно голоса, громко и съ азартомъ отрицающіе государственную помощь... Они раздаются въ странѣ... гдѣ огромныя суммы, изъ взыскиваемыхъ съ податныхъ сословій, т. е. почти исключительно съ труда, уходятъ на субсидіи и гарантіи капиталистамъ-предпринимателямъ. Эти привилегіи, субсидіи и гарантіи никѣмъ не опротестованы, протесты считаются даже идилліями, тогда какъ при малѣйшемъ намекѣ на государственную помощь труду поднимаются азартные крики. Можно помочь крестьянскими деньгами и г. Губонину, и г. Варшавскому, и кому угодно, но только не крестьянамъ. Тутъ мы начинаемъ взывать о свободѣ, невмѣшательствѣ, о „казенной“ организаціи труда, о самопомощи и о другихъ прекрасныхъ вещахъ. И въ этомъ хорѣ не отказывается принять участіе и литература, журналистика“ (Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 г. Сочиненія Михайловскаго, изданіе 1896 г., т. I, стр. 660).

Итакъ необходима „организація народнаго труда“ на казенныя средства. На какіе же элементы должна опереться эта орга-

низація? Быть можетъ, на фабричныхъ рабочихъ? Совсѣмъ нѣтъ. „У насъ существуетъ мнѣніе,—замѣчаетъ г. Михайловскій,—что нашъ фабричный рабочій гораздо развитѣе, гораздо выше, если не въ нравственномъ, то по крайней мѣрѣ въ умственномъ отношеніи, нежели крестьянинъ. Это мнѣніе рѣшительно ни на чемъ не основано. Оно держится едва-ли не потому только, что нѣчто подобное дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ Западной Европѣ. Но если на Западѣ до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ указанное отношеніе между крестьяниномъ и фабричнымъ рабочимъ, то оно обязано своимъ происхожденіемъ отнюдь не фабричному режиму, а вліяніямъ совершенно иного свойства, какихъ у насъ и въ поминѣ нѣтъ, именно вліянію широкой политической жизни, которая естественно концентрируется въ городахъ и едва достигаетъ деревень“ (тамъ же, стр. 681).

Затѣмъ г. Михайловскій цитируетъ рѣчь одного изъ ораторовъ торговопромышленнаго съѣзда, Губина, заявившаго, что „слово рабочій нельзя понимать у насъ въ томъ смыслѣ, какъ заграницей. У насъ нѣтъ, или очень мало такихъ рабочихъ, которые бы родились на заводѣ... У насъ рабочіе не составляютъ рабочаго сословія“, и замѣчаетъ по этому поводу: „Указанный г. Губинымъ общеизвѣстный фактъ громадной важности долженъ бы былъ лечь въ основаніе всѣхъ преній о русскомъ рабочемъ вопросѣ... Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ *передачи* условій труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только *сохраненіе* условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подъ самымъ Петербургомъ... существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на *своей* землѣ, жгутъ *свой* лѣсъ, ѣдятъ *свой* хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы *своей* работы, изъ шерсти *своихъ* овецъ. Гарантируйте имъ прочно это *свое*, и русскій рабочій вопросъ рѣшенъ. А ради этой цѣли можно все отдать, если какъ слѣдуетъ понимать значеніе прочной гарантіи. Скажутъ: нельзя же вѣчно оставаться при сохѣ и трехпольномъ хозяйствѣ. Нельзя. Но изъ этого затрудненія существуетъ два выхода. Одинъ, одобряемый практической точкой зрѣнія, очень простъ и удобенъ: поднимите тарифъ, распустите общину, да, пожалуй, и довольно—промышленность, на подобіе англійской, какъ грибъ выростетъ. Но она съѣстъ работника, экспропріируетъ его. Есть и другой

путь, конечно гораздо труднѣе, но легкое разрѣшеніе вопроса не значитъ еще правильное. Другой путь состоитъ въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя уже существуютъ въ наличности, но въ крайне грубомъ первобытномъ видѣ. Понятно, что цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе поземельной общины" (тамъ же, стр. 703).

Не менѣе интересна и поучительна другая статья г. Михайловскаго, относящаяся къ 1873 г. Г. Михайловскій замѣчаетъ, что органы самого различнаго, направленія, какъ, напр., консервативный „Гражданинъ" и либеральныя „Петербургскія Вѣдомости" одинаково признаютъ желательнымъ экономическій прогрессъ страны, „требуютъ развитія кредита въ Россіи, радуются умноженію акціонерныхъ компаній, съ торжествомъ указываютъ на развитіе отечественной промышленности и т. д.". „Петербургскія Вѣдомости" рѣшились даже одобрить рѣшеніе правительства (до сихъ поръ, кстати сказать, неосуществившееся) „отказаться отъ устарѣлой системы законодательнаго разсмотрѣнія уставовъ новыхъ акціонерныхъ обществъ и замѣнить ее болѣе скорой системой нотаріальнаго разрѣшенія". Это даетъ поводъ г. Михайловскому къ слѣдующимъ любопытнымъ размышленіямъ. „Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны—все это вещи сами по себѣ прекрасныя... Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно—трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты... Развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ. Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она разворяетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету... Поэтому всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности—ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа" (тамъ-же, стр. 833, 834).

Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собой экономическую программу, въ которой „развитіе отечественной промышленности" прямо объявляется равносильнымъ „нищетѣ и гибели русскаго народа". Единственнымъ средствомъ спасенія русскаго народа отъ

„гибели“ является, слѣдовательно, прекращеніе промышленнаго развитія Россіи.

Если сравнить разсужденіе г. Михайловскаго о фабричномъ рабочемъ и крестьянинѣ съ таковыми же разсужденіями „Духа Журналовъ“, то сходство окажется весьма значительнымъ. Я уже отмѣчалъ, что Чернышевскій, въ вопросѣ о крупномъ и мелкомъ производствѣ, оказался въ полномъ согласіи съ господствовавшими воззрѣніями консервативныхъ экономистовъ крѣпостной эпохи. Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, передовые публицисты 70-хъ годовъ пошли еще дальше своихъ предшественниковъ, и г. Михайловскій прямо и открыто заявилъ себя противникомъ экономическаго прогресса страны. Дальше итти было некуда.

Эта своеобразная позиція нашихъ передовыхъ дѣятелей того времени, заставившая ихъ защищать экономическую реакцію, очень поучительна и вполнѣ понятна. Экономическія условія русской жизни того времени были таковы, что тѣмъ, кому были дороги интересы трудящагося люда, трудящійся людъ представлялся не иначе, какъ въ образѣ мужика, и рабочій вопросъ отождествлялся съ крестьянскимъ вопросомъ. А такъ какъ экономическое развитіе ухудшало условія существованія мужика и превращало значительную часть крестьянства изъ мелкихъ собственниковъ въ пролетаріевъ, то нашимъ прогрессистамъ ничего не оставалось, какъ признать нашъ рабочій вопросъ — консервативнымъ и предать анафемѣ экономическій прогрессъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія — горячей преданности прогрессивнымъ идеаламъ при убѣжденіи, что экономическій прогрессъ страны каждымъ своимъ шагомъ затрудняетъ осуществленіе этихъ идеаловъ — являлась утопія. Передовые дѣятели того времени были осуждены, благодаря своей точкѣ зрѣнія, всего ожидать отъ государственной власти; только государство могло бы, по ихъ представленію, измѣнить ходъ нашего промышленнаго развитія— дать торжество тѣмъ началамъ, которыя погибали при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, созданныхъ крестьянской реформой, и задержать развитіе капитализма. Но можно ли было разсчитывать, что государственная власть возьметъ на себя осуществленіе такой экономической программы? Здѣсь и начиналась утопія.

Главнымъ образомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ были напечатаны статьи г. В. В., вышедшія потомъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ „Судьбы капитализма въ Россіи“. Книга эта представляетъ собой, несмотря на свои слабыя стороны, несо-

мнѣнно выдающееся произведеніе. Хотя попытка г. В. В. доказать невозможность развитія капиталистическаго производства въ Россіи закончилась полнѣйшей неудачей, тѣмъ не менѣе уже одно то, что г. В. В. сдѣлалъ эту попытку и далъ стройную теорію, выражавшую въ законченной формѣ господствовавшія экономическія воззрѣнія того времени, выдѣляетъ г. В. В. изъ всѣхъ русскихъ экономистовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Теорія г. В. В. настолько общеизвѣстна, что врядъ-ли необходимо подробно излагать ея содержаніе. Г. В. В. исходитъ изъ опредѣленной теоріи рынковъ, которую онъ приписываетъ Родбертусу, хотя она принадлежитъ Сисмонди. Вообще эрудиція является слабымъ пунктомъ г. В. В., экономическое образованіе котораго весьма скудно. Но нельзя отрицать остраго ума въ его даже самыхъ рискованныхъ построеніяхъ.

По мнѣнію г. В. В., для развитія капиталистическаго производства необходимъ внѣшній рынокъ по той причинѣ, что прибавочная цѣнность не можетъ быть реализована внутри того же капиталистическаго хозяйства, въ которомъ она возникла. Внѣшній рынокъ недоступенъ для произведеній русской фабричной промышленности, ибо русская промышленность не можетъ конкурировать, благодаря своей технической отсталости, на свободномъ рынкѣ съ капиталистической промышленностью болѣе передовыхъ странъ Запада. Только подъ охраной таможенныхъ пошлинъ русская фабрика можетъ влачить свое жалкое существованіе. Но таможенный тарифъ не въ силахъ доставить нашей капиталистической индустріи необходимаго условія ея дальнѣйшаго роста — внѣшняго рынка.

„Нѣтъ ничего легче,—пишетъ г. В. В.,—какъ принять явленіе мѣстное или частное за общечеловѣческое, увидѣть законъ тамъ, гдѣ есть лишь одна изъ формъ его проявленія. Такъ, напримѣръ, въ промышленной области мы встрѣчаемся на Западѣ съ рядомъ грандіознѣйшихъ фактовъ и безобразнѣйшихъ явленій. Съ одной стороны, безпримѣрное увеличеніе производительности труда, какъ результатъ организаціи крупнаго производства; съ другой—извращенное направленіе этой увеличенной производительности, вызвавшее въ концѣ концовъ обезземеленіе народа, пауперизмъ, эмиграцію и вырожденіе рабочаго. Такое извращеніе произошло потому, что развитіе общественной формы труда было произведено капиталистическимъ путемъ, и вездѣ, гдѣ повторится процессъ въ той же формѣ, явятся въ болѣе или менѣе рѣзкомъ видѣ

тѣ же и результаты. Спрашивается: есть ли необходимость для Россіи повторять всецѣло исторію западнаго промышленнаго развитія? Въ чемъ нужно видѣть законъ: въ развитіи-ли крупной промышленности, какимъ бы способомъ оно ни произошло, или же въ обобществленіи труда не иначе, какъ *капиталистическимъ способомъ*, въ неизбѣжности народному производству пройти сквозь тиски капиталистическаго?... Историческая особенность нашей крупной промышленности состоитъ въ томъ, что ей приходится расти въ то время, когда другія страны достигли уже высокой степени развитія. Это приводитъ къ двумъ послѣдствіямъ: во-первыхъ, она можетъ пользоваться всѣми формами, выработанными Западомъ, не переползая черепашьимъ шагомъ съ одной ступени на другую, т. е., повидимому, имѣетъ возможность развиваться очень быстро, во-вторыхъ, ей приходится конкурировать съ опытными, давно установившимися въ промышленномъ отношеніи странами, а соперничество съ такимъ противникомъ можетъ совершенно заглушить слабые ростки вновь возникающаго капитализма“ [1]).

По мнѣнію г. В. В., характерной особенностью русскаго капитализма, сравнительно съ западноевропейскимъ, является то, что нашъ капитализмъ охватываетъ главнымъ образомъ область сбыта, а не производства продуктовъ. Производство остается мелкимъ, и сила капитала сказывается лишь въ томъ, что этотъ мелкій производитель попадаетъ въ полную зависимость отъ капиталиста — торговца. Поэтому нашъ капитализмъ не исполняетъ той исторической миссіи, которую онъ уже отчасти выполнилъ на Западѣ — воспитанія непосредственныхъ производителей, пріученія ихъ къ коллективному труду, выработки ихъ классоваго самосознанія. Не имѣя положительныхъ сторонъ своего западноевропейскаго собрата, русскій капитализмъ съ избыткомъ обладаетъ его отрицательными сторонами — не создавая новыхъ формъ производства, онъ вызываетъ обѣдненіе массы мелкихъ производителей, продолжающихъ по прежнему работать въ своей избѣ.

„Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ требуетъ этого природа капитализма, послѣдній какъ появился, такъ и останется (въ Россіи) гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и поэтому не могущимъ оказывать здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣлъ

[1]) В. В. Судьбы капитализма въ Россіи Спб. 1882. Стр. 13—14.

въ странѣ своего естественнаго зарожденія и процвѣтанія. Бокъ о бокъ съ нимъ будетъ существовать мелкое производство, будетъ продолжаться національный процессъ развитія общественной формы труда, тихое естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано вмѣшательствомъ крупнаго капитала... А если капитализація туземнаго производства пойдетъ такимъ черепашьимъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артелей“ [1]).

Въ подтвержденіе всего этого г. В. В. приводитъ весьма разнообразную, но абсолютно никуда не годную статистику. Сопоставляя за разные годы цифры рабочихъ, относившіяся не къ однимъ и тѣмъ-же, а къ различнымъ производствамъ, г. В. В. пришелъ къ странному выводу о сокращеніи въ Россіи числа фабричныхъ рабочихъ. Тезисъ этотъ, какъ я уже указывалъ выше, утвердился въ нашей экономической наукѣ и держался вплоть до выхода перваго изданія „Русской Фабрики“. Но несмотря на столь продолжительное существованіе означеннаго тезиса, ошибочность его легко могла бы быть обнаружена при самомъ его возникновеніи, если-бы самъ г. В. В., равно какъ и всѣ его послѣдователи и критики того времени не были людьми совершенно незнакомыми съ фабричной статистикой Россіи.

Впрочемъ, статистическіе промахи г. В. В. нисколько не подрываютъ значенія его труда, которое заключалось въ выдвинутой г. В. В. своеобразной теоріи экономическаго развитія Россіи. Послѣ всего сказаннаго въ настоящей книгѣ мнѣ нечего доказывать несостоятельность этой теоріи. Теорія рынковъ, которая является фундаментомъ всего научнаго зданія, воздвигнутаго г. В. В., совершенно фантастична и не выдерживаетъ серьезной критики. Если же отбросить эту теорію, то никакихъ теоретическихъ аргументовъ въ пользу невозможности развитія въ Россіи крупнаго капиталистическаго производства въ столь нашумѣвшей книгѣ г. В. В. найти невозможно. Остается статистика г. В. В., которая, какъ сказано, если что-либо и доказываетъ, то развѣ полное незнакомство автора „Судебъ капитализма“ съ статистикой.

Весьма любопытно впечатлѣніе, которое книга г. В. В. произвела на общество. Впечатлѣніе это было несомнѣнно очень сильно, и „Судьбы капитализма въ Россіи“ въ теченіе ряда лѣтъ были книгой, вызывавшей болѣе всего споровъ среди нашей интел-

[1]) Тамъ-же, стр. 73.

лигенціи. Отношеніе критики къ книгѣ было въ общемъ весьма благосклонно; оно было бы еще благосклоннѣе, если бы г. В. В. не выразилъ въ предисловіи къ „Судьбамъ капитализма“ нѣкоторыхъ взглядовъ, рѣшительно расходившихся съ тѣмъ теченіемъ нашей общественной мысли, самымъ яркимъ выразителемъ котораго является Чернышевскій. Г. В. В., будучи непримиримымъ врагомъ капитализма на русской почвѣ и крайнимъ утопистомъ въ области пониманія хозяйственнаго процесса, въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ обнаружилъ весьма оппортунистическіе взгляды. „Вмѣстѣ съ невозможностью развитія въ Россіи капиталистическаго производства,—писалъ г. В. В.,—теряетъ свои корни и подражаніе исторіи политическаго развитія Запада; послѣднее должно пойти у насъ много отличнымъ путемъ... Если въ Россіи нѣтъ господствующаго капиталистическаго производства, то нѣтъ и класса, подобнаго либеральной европейской буржуазіи, нѣтъ естественной опоры политической свободѣ“.

Крайне характерно отношеніе къ „Судьбамъ капитализма“ г. Михайловскаго. Съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, самымъ большимъ грѣхомъ г. В. В. является его слишкомъ снисходительное отношеніе къ капитализму. Г. В. В. допускаетъ, что на Западѣ капитализмъ исполнилъ великую историческую миссію—г. Михайловскій недоволенъ такимъ признаніемъ положительныхъ сторонъ капитализма. „Выходитъ,—ядовито замѣчаетъ г. Михайловскій,—что если бы русскій капитализмъ исполнялъ свою „историческую роль“, свою „прямую задачу“, иначе говоря, если бы онъ вваливалъ въ фабричный котелъ все больше народу, то г. В. В., пожалуй, и ничего бы противъ него не имѣлъ. Но нашъ капитализмъ, „не распространяетъ воспитательнаго вліянія крупной организаціи производства“. Откуда, однако, эта увѣренность, что фабричный котелъ имѣетъ дѣйствительно благодѣтельное воспитательное вліяніе? Г. В. В. обладаетъ этой увѣренностью, обладаетъ до такой степени, что не считаетъ нужнымъ какъ-нибудь мотивировать ее, обосновать въ глазахъ читателей... Въ сущности, „общественная форма труда“ при господствѣ капитализма, сводится къ тому, что нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точатъ, вертятъ, накладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операцій въ одномъ помѣщеніи. (И только? Непониманіе г. Михайловскимъ общественнаго значенія капиталистической формы производства достигаетъ во всей этой тирадѣ по истинѣ геркулесовыхъ столбовъ. Можно думать, что г. Михайловскій никогда и

не слыхалъ о существованіи такой, напр., книги, какъ „Капиталъ“ Маркса. М. Т.-Б.) Правда, мы видимъ иногда на Западѣ такую солидарность между рабочими, какую мудрено встрѣтить у насъ, но это объясняется отнюдь не непосредственно условіями труда въ фабричномъ котлѣ, а развитіемъ просвѣщенія и политической жизни... Если капитализмъ и имѣетъ какую-либо общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную. Допуская же, вмѣстѣ съ г. В. В., что миссія эта состоитъ именно въ воспитаніи рабочихъ для общественнаго труда, надо будетъ, кажется, признать, что капитализмъ въ Европѣ не исполняетъ своей „прямой“, своей „главнѣйшей общественно-исторической задачи“ [1]).

Эта тирада обрисовываетъ намъ всего г. Михайловскаго. Его утопизмъ возвышается до полнаго игнорированія результатовъ европейской культуры и европейской мысли новѣйшаго времени. Конечно, образованный человѣкъ Запада, какъ-бы враждебно онъ ни относился къ капиталистическому строю, затруднился-бы выступить съ категорическимъ заявленіемъ, что „если капитализмъ и имѣетъ какую-либо миссію, то развѣ только отрицательную“. Это уже пахнетъ настоящимъ Востокомъ!

Впрочемъ, статьи г. В. В. встрѣтили и болѣе сильную критику. Очень интересна въ этомъ смыслѣ статья г. Русанова „Противъ экономическаго оптимизма“, появившаяся въ „Дѣлѣ“ за 1880 г. (№ 12) „Для Россіи рынка не хватитъ,—комментируетъ г. Русановъ взгляды г. В. В.—Была-бы охота да умѣнье, а то можно запрудить русскими издѣльями Среднюю Азію—благо здѣсь конкурентовъ не Богъ знаетъ сколько. Всѣ порыванія на Востокъ, всѣ экспедиціи, отправляемыя туда, встрѣчаютъ одобрительные кивки русскихъ капиталистовъ и торговцевъ, которые хлопочутъ только о томъ, чтобы узнать поскорѣй о судьбѣ подобныхъ экспедицій. Очевидно, Drang nach Osten не лишенъ для насъ, русскихъ, того-же смысла, какой имѣло открытіе новыхъ земель для западно-европейцевъ... Русскій капиталъ забираетъ и можетъ забрать окончательно въ свои руки 10-милліонную армію кустарей. Независимый кустарь есть въ настоящее время почти такая-же небывальщина, какъ жаръ-птица... Кустарь, мелкій ремесленникъ— вотъ основная ячейка нашего капитализма... Стоитъ послушать, что говорятъ изслѣдователи кустарной промышленности, чтобы убѣдиться, въ какой степени эта промышленность является

[1]) Отечественныя Записки. 1883. Т. 269. Письмо въ редакцію. Посторонняго.

не самостоятельнымъ хозяйствомъ мелкихъ производителей, а однимъ изъ видовъ работы на кулака, наживающаго капиталы, подобно заправскому фабриканту. Между современнымъ типомъ кустарной промышленности и капиталистической формой производства существуетъ положительная аналогія. Кустарная промышленность превращается во внѣшнее отдѣленіе фабрики: кустарь очень часто обрабатываетъ за низкую заработную плату матеріалъ, вручаемый ему благодѣтельными предпринимателями у себя на дому. Коли хотите, г. Колупаеву это еще болѣе на руку. Онъ не долженъ тратиться на устройство помѣщенія для работы, на покупку рабочихъ инструментовъ... Объединеніе рабочихъ-кустарей въ мануфактурѣ—вотъ естественная форма русскаго капитализма въ ближайшемъ будущемъ... Какъ ни какъ, а зависимымъ положеніемъ отъ скупщиковъ десяти милліоновъ кустарей нельзя игнорировать, строя оптимистическія иллюзіи о хилости нашего капитализма... Разъ мы заводимъ у себя послѣднія механическія изобрѣтенія Западной Европы, потребное количество продуктовъ будетъ добываться трудомъ одного, положимъ, человѣка, вмѣсто шести: пять человѣкъ будутъ лишены работы, хотя не потеряютъ чувства голода и т. п. Что станется съ ними? Несомнѣнно, имъ придется вытерпѣть ужаснѣйшій рядъ лишеній, который естественно сблизитъ ихъ между собою и сотретъ, словно губка мѣлъ, послѣдніе остатки полусознательнаго отношенія къ дѣйствительности. Это объединеніе, этотъ трезвый взглядъ на прелести возникающаго русскаго капитализма, сословное самосознаніе—все это подвинетъ ихъ къ практическому рѣшенію вопроса относительно народнаго благосостоянія. И несомнѣнно, что тогда рѣшать вопросъ будутъ... на основаніи словъ трудящагося человѣка, тщетно ищущаго исхода изъ своего невыносимаго положенія и не находящаго ничего, даже работы. Вотъ это объединеніе и трезвый взглядъ на вещи, формируемые ходомъ жизни въ томъ сословіи, которое составляетъ жизненный нервъ государства въ смыслѣ его прочности, въ сословіи непосредственныхъ производителей, и будутъ „пріобрѣтенія“, полученныя обществомъ отъ русскаго капитализма, развившагося до крупно-капиталистической формы производства“.

Г. Русановъ останавливается на своеобразной аргументаціи г. В. В., отрицавшаго возможность развитія крупнаго производства въ Россіи на томъ основаніи, что „идеалъ (капиталистическаго хозяйства)—кучка фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, коман-

дующихъ среди необъятнаго пространства (напр., Россіи) тамъ и здѣсь сравнительно небольшими группами рабочихъ и милліоны эмигрирующихъ—представляетъ до того нелѣпую и безобразную картину, что нѣтъ возможности смотрѣть на нее иначе, какъ на логическое послѣдствіе какихъ-либо нелѣпыхъ посылокъ". На это г. Русановъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „То, что авторъ называетъ „безобразной картиной" разыгрывалось во всей Европѣ: повсюду исчезали самостоятельные производители, во многихъ мѣстахъ они эмигрировали... Спора нѣтъ, что существованіе промышленнаго резерва — картина „безобразная", но развѣ она отъ этого менѣе дѣйствительна? Если она „нелѣпа", то вѣдь это значитъ, что нелѣпыя вещи совершаются въ дѣйствительности... Авторъ хотѣлъ подорвать кредитъ того положенія, будто всѣ страны непремѣнно должны прогнаться сквозь строй капитализма, а вмѣсто этого на лирѣ благородныхъ чувствъ побряцалъ о невозможности „нелѣпыхъ" картинъ. Думать такъ можно только тому, кто вѣруетъ въ гегелевскую разумность существующаго... Возможность для Россіи пользоваться механическими изобрѣтеніями самой послѣдней конструкціи не отниметъ у капитализма почвы для развитія, а, напротивъ, облегчитъ ему переходъ къ машинной промышленности, ибо фабриками и заводами немногихъ центровъ безжалостно раздавитъ 10-милліонную толпу теперешнихъ кустарей, которые къ тому времени войдутъ въ составъ мануфактуры, а частью будутъ, можетъ быть, работать по прежнему въ пользу капиталиста у себя на дому. Мы не хотимъ этимъ сказать, что намъ слѣдуетъ опустить руки, предоставя случаю, времени и враждебнымъ вліяніямъ судьбы народа, но именно указываемъ, что „хилость" русскаго капитализма болѣе чѣмъ сомнительна, что капитализмъ — опасный врагъ народнаго благосостоянія, и что съ нимъ придется посчитаться крѣпко".

Точка зрѣнія г. Русанова весьма близка къ экономическимъ взглядамъ другого экономиста 80-хъ годовъ—г. Николая—она, выступившаго въ октябрѣ 1880 г. въ журналѣ „Слово" съ обратившими на себя общее вниманіе „Очерками нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства", переизданными затѣмъ въ дополненномъ видѣ въ 1893 г. Эта работа долгое время считалась у насъ образцомъ статистическаго искусства и знанія. Но позднѣйшая критика обнаружила, что статистика г.—она, несмотря на свой болѣе научный видъ, столь же неудачна,

какъ и статистика г. В. В. Отличительной чертой статистическихъ построеній обоихъ этихъ авторовъ—и даже г.—она еще болѣе, чѣмъ г. В. В.,—является крайне некритическое отношеніе къ статистическимъ источникамъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, соединенное съ весьма небрежнымъ пользованіемъ этими источниками. Оба они не только вѣрятъ любой цифрѣ, помѣщенной въ оффиціальныхъ изданіяхъ, какъ бы ни была очевидна несостоятельность этой цифры, но сплошь и рядомъ не вникаютъ въ имѣющіяся въ этихъ самыхъ источникахъ разъясненія относительно того, что именно изображаютъ эти цифры. Поэтому они нерѣдко сравниваютъ абсолютно несравнимое. Получаются фантастическія статистическія построенія, дошедшія до своего апогея въ трудахъ профессоровъ Карышева и Каблукова. [1]).

Въ виду этого о статистикѣ г.—она лучше умолчать. Теорія же г.—она представляетъ большой интересъ. На первыхъ же страницахъ своего труда г.—онъ ясно высказываетъ свою точку зрѣнія: „принципъ манифеста (19 февраля)—надѣленіе крестьянъ землею или, выражаясь шире, доставленіе самимъ производителямъ орудій труда, для наибольшаго развитія производительности, а, слѣдовательно, для развитія условій, наиболѣе обезпечивающихъ экономическій ростъ всего народа, принципъ этотъ... стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западноевропейскихъ государствъ. Крымская война заставила Россію сблизиться съ Западной Европой, а слѣдовательно, съ ея хозяйственными условіями; въ результатѣ у насъ явилась борьба двухъ хозяйственныхъ формъ... Развитіе одной формы все болѣе и болѣе сближаетъ производителя съ произведеннымъ продуктомъ; развитіе другой, какъ разъ наоборотъ, все болѣе и болѣе отдаляетъ продуктъ отъ производителя. Словомъ, одна форма совершенно исключаетъ другую... Манифестъ 19 февраля придерживается первой формы, такъ какъ въ ней видитъ залогъ развитія. Казалось, что для капиталистической формы у насъ и мѣста нѣтъ. Но это только такъ казалось. Въ дѣйствительности же она тотчасъ по провозглашеніи законодателемъ первой формы, вступила съ ней въ борьбу“ [2]).

---

[1]) См. первое изданіе „Русской фабрики“ и пренія по моему докладу „Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи“; также г. Ильина „Экономическіе этюды“ и „Развитіе капитализма въ Россіи“.

[2]) Очерки нашего общественнаго пореформеннаго хозяйства, 1893 г. стр. 2—3.

Характеръ этой борьбы и ея возможные результаты рисуются г.—ону въ значительно иномъ видѣ, чѣмъ г. В. В. А именно, г. В. В. полонъ твердой увѣренностью въ призрачности успѣховъ нашего капитализма и стремится внушить эту увѣренность и своимъ читателямъ. Г. В. В. страдаетъ, по вѣрной характеристикѣ г. Русанова, непоколебимымъ „экономическимъ оптимизмомъ". Напротивъ, г.—онъ смотритъ на экономическій процессъ Россіи весьма мрачно.

„Приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической миссіи ў насъ мѣшаетъ „Положеніе", надѣлившее производителей орудіями труда, капиталистическому же хозяйству способствуетъ вся пореформенная государственно-хозяйственная дѣятельность. Эти два взаимно уничтожающія направленія и составляютъ источникъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться. Теченіе капиталистическое однако видимо пересиливаетъ. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что все большая и большая часть производителей экспропріируется" (Очерки, 71).

Г.—онъ признаетъ, подобно г. В. В., что капиталистическое производство на Западѣ исполнило и исполняетъ важную историческую миссію—обобществленія труда. Въ Россіи же капитализмъ принесъ съ собой только разрушеніе. „Голодъ есть непосредственное послѣдствіе несоотвѣтствія формы, которую приняла наша промышленность за послѣднее тридцатилѣтіе. Вмѣсто того, чтобы твердо держаться нашихъ вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ, унаслѣдованный нами... вмѣсто всего этого мы стали на путь, совершенно противоположный" (Очерки, 322) „Задача,которую предстоитъ рѣшить русскому обществу, съ каждымъ днемъ усложняется. Съ каждымъ днемъ захваты капитализма становятся обширнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ число занятыхъ рабочихъ и средства для ихъ существованія уменьшаются. Народное производство уступаетъ мѣсто капиталистическому... русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной—развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло воспользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ... Общинное землевладѣніе есть одно изъ основныхъ матеріальныхъ условій производства, на которомъ можетъ быть построено зданіе будущаго общественнаго хозяйства... научное земледѣліе и совре-

менную крупную промышленность намъ приходится привить къ общинѣ... Для общественно-хозяйственной организаціи иного пути нѣтъ: или развитіе или вырожденіе и смерть... Не остается иного средства... какъ направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей, но объединеніе не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ—что было-бы равносильно „увѣковѣченію всеобщей посредственности“—а на почвѣ созданія крупнаго, общественнаго, обмірщеннаго производства“ (Очерки, 344, 345, 346).

Г. В. В. и Николай — онъ являются типичными представителями того направленія въ нашей литературѣ, которое отрицаетъ какія-бы то ни было положительныя стороны въ развитіи на русской почвѣ капиталистическаго хозяйства. Въ этомъ заключается сходство гг. В. В. и —она. Но по своимъ положительнымъ идеаламъ, г. В. В. и г. —онъ существенно различаются другъ отъ друга. А именно: г. —онъ, вмѣстѣ съ гг. Михайловскимъ, Русановымъ и др., выражалъ собой демократически-протестующее теченіе русской общественной мысли, лишенное какой-бы то ни было рѣзкой классовой окраски, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реальной связи съ какими либо практическими экономическими задачами.

Направленіе это отражало идеалы и настроенія нашей такъ называемой интеллигенціи, своеобразной общественной группы, созданной русскими условіями, не примыкающей прочнымъ образомъ ни къ какому экономическому классу и потому въ извѣстной мѣрѣ свободной отъ классовыхъ интересовъ. Отцомъ этого направленія можно считать Чернышевскаго. Общественными идеалами этого направленія были наиболѣе прогрессивные идеалы Запада. И если представители этого направленія являлись у насъ нерѣдко идеализаторами русскихъ хозяйственныхъ особенностей, то это объяснялось отнюдь не приверженностью нашихъ идеалистовъ къ этимъ особенностямъ и не національными предразсудками. Нѣтъ, идеализація общины, артели и непримиримая вражда къ капитализму явились у этого направленія слѣдствіемъ незрѣлости нашихъ экономическихъ отношеній, позволившей искренно вѣрить, что община и артель могутъ непосредственно превратиться въ „высшую форму“ хозяйства.

Въ новѣйшее время самымъ блестящимъ выразителемъ этого идеалистическаго и утопическаго теченія можно считать г. Михайловскаго. Не будучи экономистомъ и вообще не обладая охотою

и привычкою къ строгому научному мышленію, г. Михайловскій доходитъ, какъ мы видѣли, до крайнихъ предѣловъ утопизма; ему ничего не стоитъ однимъ махомъ порѣшить вопросъ о капитализмѣ, не только въ русской, но и въ западно-европейской жизни. Но ужъ одна рѣшительность его приговоровъ наводитъ на мысль, что ни о какой классовой подкладкѣ идеаловъ г. Михайловскаго и говорить нечего. Если г. Михайловскій предпочитаетъ крестьянина-собственника пролетарію фабричному рабочему, то это отнюдь не потому, чтобы душѣ г. Михайловскаго интересы крестьянина были почему-либо ближе, чѣмъ интересы рабочаго. Г. Михайловскій одинаково мало знаетъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Предпочтенье же его крестьянину объясняется моментами совсѣмъ иного рода: а именно, г. Михайловскій полагаетъ—быть можетъ и ошибочно,—что его собственный общественный идеалъ можетъ быть лучше осуществленъ крестьяниномъ, чѣмъ рабочимъ. И если бы г. Михайловскій убѣдился, что для осуществленія этого идеала фабричный рабочій является болѣе подходящимъ общественнымъ элементомъ, онъ, безъ сомнѣнія, не затруднился бы перенести свои симпатіи этому послѣднему.

Что касается до г. —она, то онъ, подобно г Михайловскому, прежде всего, утопистъ. Все построеніе его знаменитыхъ „Очерковъ“ свидѣтельствуетъ объ этомъ утопизмѣ. Онъ приводитъ нескончаемые ряды цифръ для доказательства своего тезиса, что „капиталистическое теченіе пересиливаетъ“ въ Россіи. И вдругъ, въ результатѣ статистическаго анализа, долженствующаго доказать ростъ нашего капитализма, получается призывъ къ „русскому обществу“ создать „крупное, обобществленное, обмірщенное производство“. Откуда возьмутся въ русскомъ обществѣ силы для этого созданія? Почему русское общество пожелаетъ приняться за это созданіе? Какими средствами послѣднее можетъ быть осуществлено? Въ какой мѣрѣ проектъ созданія „обмірщеннаго“ производства согласуется съ политическими, правовыми, культурными и иными условіями русской жизни? Всѣмъ этимъ г. —онъ ни мало не интересуется.

Но будучи чистымъ утопистомъ по своимъ практическимъ пожеланіямъ, г. —онъ нерѣдко совершенно трезво смотритъ на дѣйствительность. Онъ не отрицаетъ роста нашего капитализма, упадка промысловъ и крестьянскаго хозяйства вообще. Оптимизмомъ по отношенію къ дѣйствительности г. —онъ всего менѣе грѣшенъ. Онъ даже грѣшитъ обратнымъ: онъ слишкомъ ортодок-

сально-марксистски изображаетъ борьбу крупнаго и мелкаго производства, преувеличиваетъ во многихъ отношеніяхъ вліяніе капитализма на разныя стороны нашей хозяйственной жизни.

Совсѣмъ иное теченіе нашей общественной мысли представляетъ г. В. В. Идеалы г. В. В. отнюдь не отличаются такимъ широкимъ полетомъ, какъ идеалы г. —она или г. Михайловскаго. Мы видѣли, что въ предисловіи къ „Судьбамъ капитализма“ г. В. В. самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывается отъ всякихъ несбыточныхъ мечтаній. Въ „Очеркахъ теоретической экономіи“ г. В. В., не обинуясь, называетъ „практическія заключенія“ г. —она „утопіей“ [1]). Стремленіе г. —она подорвать вѣру въ политику „малыхъ дѣлъ“—въ частности въ поднятіе крестьянскаго хозяйства путемъ кредита (по мнѣнію г. —она, кредитъ способствуетъ только развитію кулаковъ, „но никакъ не можетъ служить производителю, будь этотъ производитель единичнымъ лицомъ или общиной“. Къ крестьянскому банку г. —онъ относится совершенно отрицательно) встрѣчаетъ энергичную отповѣдь г. В. В. Для этого послѣдняго „малыя дѣла“ — излюбленная стихія. Идеалы его очень узки и близки къ дѣйствительности. Извѣстно, что г. В. В. присвоиваетъ себѣ и своему направленію названіе „народническаго“ (отъ котораго открещивался г. Михайловскій). Уже этимъ названіемъ г. В. В. желаетъ подчеркнуть, что по своимъ пожеланіямъ и идеаламъ онъ близокъ къ „народу“—иначе говоря, къ крестьянству, которое олицетворяетъ народъ въ глазахъ г. В. В. И дѣйствительно, нельзя не признать, что практическая политика народниковъ направленія г. В. В. является попыткой создать общественную программу на базисѣ практическихъ реальныхъ нуждъ средняго крестьянства. Практическое значеніе этой программы отчасти подрывается ходомъ экономическаго развитія Россіи, уменьшающимъ жизнеспособность хозяйства средняго крестьянина. Крестьянскій банкъ, кустарные банки, ссудосберегательныя товарищества, артели, земскіе склады и музеи, земскіе агрономы и пр. и пр. разнообразныя мѣры помощи крестьянину, выдвигаемыя народниками, конечно, имѣютъ извѣстное значеніе. Отрицать это можно только съ узко доктринерской точки зрѣнія. Но не нужно также и преувеличивать важность этихъ мѣръ, играющихъ, во всякомъ случаѣ, второстепенную роль въ ряду факторовъ, опредѣляющихъ экономическое положеніе того

[1]) Очерки теоретической экономіи. 1895. Стр. 219.

общественнаго элемента, для котораго мѣры эти предназначены — средняго крестьянства.

По своей экономической и общественной программѣ наше народничество (въ узкомъ смыслѣ — направленіе г. Михайловскаго я не причисляю къ народничеству) чрезвычайно близко къ такимъ партіямъ Запада, какъ крестьянское аграрное движеніе Германіи и разнаго рода антисемитическія группы. Я, разумѣется, отнюдь не думаю приписывать антисемитизма г. В. В. Но для всякаго знакомаго съ экономической программой антисемитовъ, близость экономическихъ задачъ и цѣлей антисемитизма на Западѣ и нашего народничества не подлежитъ сомнѣнію. Центральнымъ пунктомъ программы какъ антисемитовъ, такъ и нашихъ народниковъ, является защита мелкаго производителя отъ натиска крупнаго капитала.

Итакъ по своимъ ближайшимъ цѣлямъ направленіе, представляемое г. В. В., оказывается, повидимому, весьма жизненнымъ. А такъ какъ среднее крестьянство, идеологическимъ выразителемъ интересовъ котораго является наше народничество, составляетъ большинство русскаго населенія, то, казалось бы, народничество должно было бы быть самымъ вліятельнымъ направленіемъ русской жизни. Однако этого несомнѣнно нѣтъ. Напротивъ, народничество быстро утрачиваетъ у насъ кредитъ и почти лишилось уже всякаго вліянія среди нашей интеллигенціи. Въ то время какъ утопическое направленіе г. г. Михайловскаго и —она обнаруживаетъ большую живучесть и продолжаетъ господствовать надъ умами значительной части нашей интеллигенціи, г. В. В. стоитъ теперь совершенно одиноко. Въ чемъ же причина этого страннаго неуспѣха направленія, выступающаго подъ флагомъ ближайшихъ экономическихъ нуждъ большей части русскаго населенія?

Причина эта, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что общій строй русской жизни не благопріятствуетъ успѣху слишкомъ трезвенныхъ, реалистическихъ программъ. Если бы народники имѣли возможность обратиться со своей проповѣдью „малыхъ дѣлъ“ непосредственно къ крестьянству, то я не сомнѣваюсь, что проповѣдь эта была бы услышана. Но въ этомъ то и дѣло, что, по нашимъ условіямъ, г. В. В. приходится обращаться съ этой проповѣдью не къ крестьянству, а къ интеллигенціи, которая ничего общаго съ крестьянствомъ не имѣетъ. Трезвенность г. В. В. отталкиваетъ интеллигента тѣмъ болѣе, что если

по своимъ практическимъ задачамъ народничество весьма реалистично, то по своему пониманію процесса хозяйственнаго развитія Россіи оно весьма утопично.

Если г. —онъ является утопистомъ въ области хозяйственной политики, то г. В. В. неменьшій утопистъ въ области теоріи хозяйственнаго процесса. Г. В. В. не видитъ вполнѣ очевиднаго факта огромныхъ успѣховъ капиталистическаго хозяйства Россіи и склоненъ начисто отрицать ихъ, обладая совершенно непоколебимымъ оптимизмомъ. Эта непоколебимая вѣра въ силу „малыхъ мѣръ“ и закрываніе глазъ передъ событіями и процессами огромной важности не помѣшала бы успѣху г. В. В. передъ крестьянской аудиторіей, которая ради, хотя бы и незначительной, пользы малыхъ мѣръ простила бы г. В. В. огромные промахи его теоріи. Но для интеллигенціи общая несостоятельность теоретической конструкціи г. В. В. въ связи съ его политическимъ оппортунизмомъ выступаетъ на первый планъ и заслоняетъ реалистическіе элементы его экономической политики.

Гг. В. В. и Николай —онъ могутъ считаться такимъ образомъ выразителями двухъ различныхъ общественныхъ направленій нашей жизни, общимъ для которыхъ является отрицательное отношеніе къ капитализму, а различіемъ — оппортунизмъ одного направленія и радикальный утопизмъ другого. Оба эти направленія имѣютъ рѣзко выраженный демократическій характеръ и этимъ отличаются отъ другихъ направленій нашей жизни, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ.

Буржуазно-либеральное направленіе никогда не играло у насъ большой роли, что и понятно, ибо наша буржуазія не имѣла основанія быть либеральной по той простой причинѣ, что и при господствѣ казенщины ей жилось отлично. Органомъ этого направленія можетъ считаться, въ извѣстной мѣрѣ, „Вѣстникъ Европы“. Говорю „въ извѣстной мѣрѣ“ потому, что направленіе этого журнала столь же мало обладаетъ рѣзкой классовой окраской, какъ и направленіе г. Михайловскаго и его единомышленниковъ. „Вѣстникъ Европы“ гораздо болѣе либераленъ, чѣмъ буржуазенъ. Онъ отражаетъ собой не интересы какого-либо опредѣленнаго экономическаго класса, а взгляды и общественные идеалы культурной и либерально настроенной части нашихъ имущихъ классовъ вообще. Буржуазность же „Вѣстника Европы“ сказывается лишь въ томъ, что онъ вообще стоитъ на сторонѣ господствующаго экономическаго порядка и лишенъ принципіальной враждебности капитализму.

„Вѣстникъ Европы“ всегда давалъ энергичный отпоръ посягательствамъ фабрикантовъ на карманы потребителей, боролся съ протекціонизмомъ, отстаивалъ фабричное законодательство. Экономическая программа „Вѣстника Европы“ тѣмъ отличается отъ программы народниковъ, что съ точки зрѣнія „Вѣстника Европы“ и крупное капиталистическое и мелкое ремесленное, кустарное или крестьянское производство одинаково имѣютъ право на существованіе и развитіе. Между тѣмъ какъ гг. В. В. и —онъ заявляютъ себя „истинными“ марксистами, „Вѣстникъ Европы“, въ лицѣ своего главнаго экономиста г. Слонимскаго, велъ и ведетъ принципіальную борьбу съ Марксомъ и марксизмомъ. Это различіе весьма характерно. Г. Слонимскій совершенно чуждъ отрицательнаго отношенія къ современному экономическому строю въ его основаніяхъ. Его идеалъ — западно-европейскій буржуазный строй, а средствомъ осуществленія этого строя въ Россіи является реформа нашего законодательства въ либеральномъ духѣ. Отстаивая фритредерство въ области международной экономической политики, „Вѣстникъ Европы“ выступаетъ энергичнымъ защитникомъ фабричнаго законодательства и борется съ законодательными и иными мѣропріятіями, направленными къ удовлетворенію классовыхъ интересовъ крупныхъ фабрикантовъ. По своей экономической программѣ „Вѣстникъ Европы“ занимаетъ середину между направленіемъ такъ называемыхъ катедеръ-соціалистовъ, господствующимъ въ Германіи, и чистыми фритредерами, имѣющими теперь какое-либо значеніе на континентѣ только во Франціи. Главнѣйшей же задачей нашего времени „Вѣстникъ Европы“ признаетъ для Россіи не экономическія, а политическія реформы—и въ этомъ рѣзко расходится съ народничествомъ и въ то же время вполнѣ сходится съ тѣмъ инымъ, новѣйшимъ направленіемъ нашей общественной мысли, котораго я не касаюсь въ этой книгѣ, и къ которому принадлежу и я.

Что касается до чисто классоваго теченія, враждебнаго протекціонизму и фабрикѣ, то оно могло исходить только отъ аграрнаго класса. И дѣйствительно, въ средѣ нашего землевладѣльческаго класса не прекращалась оппозиція не только протекціонизму, но и всему новѣйшему направленію нашей торговопромышленной и финансовой политикѣ. Достаточно напомнить о томъ упорномъ сопротивленіи денежной реформѣ, имѣвшей цѣлью ускорить капиталистическое развитіе Россіи, которое пришлось преодолѣть нашему министерству финансовъ. Яркимъ образчикомъ этой чисто

аграрной оппозиціи росту промышленнаго капитализма является, напр., извѣстное ходатайство Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества по поводу пересмотра таможеннаго тарифа въ 1890 г. Это ходатайство дышетъ духомъ фритредерскихъ журналовъ начала вѣка. Приведу для образчика нѣкоторыя выдержки изъ этого любопытнаго документа.

„Съ политической точки зрѣнія не расчетъ насаждать капиталистическія и демократизирующія производства, въ ущербъ искони народнымъ консервативнымъ, какъ не расчетъ распложать массы негодныхъ къ исполненію воинской повинности безземельныхъ и бездомовныхъ людей, которымъ терять нечего и которые давно не пользуются у насъ доброю славою. Уже въ 1812 г., по свидѣтельству очевидцевъ, простолюдины Московской губерніи считались самыми развратными въ Россіи людьми. Достаточно и въ наше время просмотрѣть списки безсрочно отпущенныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ, чтобы подмѣтить весьма характерный фактъ: въ ту пору, какъ тамбовскіе земледѣльцы возвращаются изъ военной службы большей частью унтеръ-офицерами, ефрейторами, фельдфебелями и вахмистрами, московскіе фабричные чуть не поголовно оказываются въ разрядѣ штрафованныхъ. Общеизвѣстны притомъ и факты разрушенія семейныхъ началъ въ фабричномъ нашемъ населеніи, и фактъ непомѣрнаго пьянства въ его средѣ... Въ началѣ семидесятыхъ годовъ было дознано, что когда желѣзныя дороги упразднили гужевой промыселъ, то коломенскіе и серпуховскіе извозчики въ большинствѣ ушли на фабрики, распились и обѣднѣли, тогда какъ тульскіе, орловскіе и курскіе купили на вырученныя за лошадей деньги землю и всецѣло отдались сельскому хозяйству... Тарифы съ безсрочно-высокими ставками равносильны систематическому разоренію потребительныхъ массъ, при которомъ самый ростъ народнаго богатства становится физической невозможностью“. Эти и другія подобныя соображенія названнаго удивительнаго „ходатайства“, не дѣлающаго во всякомъ случаѣ чести Вольно-Экономическому Обществу, приводятъ Общество къ заключенію, что „не только не усматривается поводовъ къ дальнѣйшему повышенію таможенныхъ пошлинъ, но наступила пора принять починъ и въ таможенномъ разоруженіи“ [1]).

Само собою разумѣется, что подобнаго рода „ходатайства“ не

[1]) Ходатайство Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб. 1890.

получили удовлетворенія. Тарифъ 1891 былъ торжествомъ протекціонистовъ. За протекціонистовъ была вся консервативно-національстическая печать, съ „Московскими Вѣдомостями“ во главѣ. Однако, хотя вліяніе классовыхъ интересовъ фабрикантовъ на направленіе нашей торговопромышленной политики не подлежитъ спору, было бы большой ошибкой считать эти классовые интересы единственной или даже главной причиной усиленія протекціонизма въ новѣйшее время. Вопросъ этотъ, по плану настоящей работы, относится ко второму тому „Русской фабрики“; тѣмъ не менѣе замѣчу уже и теперь, что и въ новѣйшее время, какъ и при возникновеніи нашей фабричной промышленности при Петрѣ I, русское правительство, поощряя ростъ фабричнаго производства, руководилось главнымъ образомъ такъ назыв. „государственными“ соображеніями — т. е. стремленіемъ увеличить платежныя силы населенія для пополненія государственнаго казначейства. Ростъ производительныхъ силъ есть единственно-возможная опора политическаго могущества. Поэтому усиленіе національстическаго направленія не можетъ не сопровождаться въ странѣ съ юной и неокрѣпшей промышленностью усиленіемъ покровительства національной промышленности. Въ этомъ ростѣ національзма—а не въ усиленіи вліянія чисто классовыхъ интересовъ фабрикантовъ—и слѣдуетъ видѣть важнѣйшую причину того поворота нашей торговопромышленной политики, которымъ были ознаменованы 80-е годы.

Эти бѣглыя замѣчанія о роли нашей фабрики и промышленнаго капитализма въ строѣ русской общественной жизни далеко не исчерпываютъ, разумѣется, затронутыхъ мною вопросовъ. Дальнѣйшее развитіе и обосновка сказаннаго въ этой главѣ отлагается мною до второго тома „Русской фабрики“, съ выходомъ котораго я постараюсь не замедлить.

ин/71-410

3-50
62724/7211

7

2-50
000639
3

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038819225